

Альфред Розенберг

Миф XX века

Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени

«Shildex», Tallinn, 1998

Альфред Розенберг был в Третьем Рейхе заместителем фюрера по вопросам идеологии и рейхсминистром по делам оккупированных восточных территорий. В 1946 году казнён по приговору международного военного трибунала в Нюрнберге.

Его "Миф XX века" — одно из самых скандально известных сочинений нашего столетия. Первая же его публикация вызвала бурю возмущения и протестов со стороны политиков, историков, деятелей церкви и культуры всего мира.

В книге автором делается попытка всестороннего обоснования превосходства так называемой арийской расы над всеми остальными народами, т.е. излагается вся суть идеологии нацизма.

В русском переводе печатается впервые.

ISBN-3-441-10303-8

Подготовка издания С. Н. Лобанов

Редактор Л. Н. Подколзина

© перевод с немецкого С. Н. Лобанов

© набор и верстка С. Н. Лобанов

ВВЕДЕНИЕ

Борьба всех современных представителей внешней власти является следствием внутреннего краха. Рухнули уже все государственные системы 1914 года, даже если они частично и продолжают формально существовать. Но разрушились также социальные, религиозные, мировоззренческие сознание и ценности. Нет ни одного высшего принципа, ни одной самой высокой идеи, которые бы бесспорно овладели жизнью народов. Группа борется против группы, партия против партии, национальная ценность против международных научных положений, застывший империализм против распространяющегося пацифизма. Финансовый мир обвивает золотыми цепями государства и народы, экономика становится нестабильной, жизнь лишается корней.

Мировая война как начало мировой революции во всех областях выявила тот трагический факт, что, несмотря на то, что миллионы пожертвовали своими жизнями, эта жертва пошла на пользу не тем силам, за которые массы были готовы умереть. Погибшие на войне являются жертвами эпохи катастрофы потерявшей ценность, но одновременно - и это в Германии начинают понимать, хоть и небольшое еще количество людей - эти люди мученики нового дня, новой эры.

Кровь, которая умерла, начинает оживать. В ее мистическом символе происходит новое построение клеток души германского народа. Современность и прошлое появляются внезапно в новом свете, а для будущего вытекает новая миссия. История и задача будущего больше не означают борьбу класса против класса, борьбу между церковными догмами и догмами, а означают разногласие между кровью и кровью, расой и расой, народом и народом. И это означает борьбу духовной ценности против духовной ценности.

Расовое рассмотрение истории есть сознание, которое вскоре станет естественным. Ему уже служат великие мужи. Батраки в не очень далеком будущем смогут завершить строительство новой системы мира.

Но ценности расовой души, стоящие в качестве движущих сил за новой системой мира, еще не стали живым сознанием. Но душа означает расу, видимую изнутри. И наоборот, раса - это внешняя сторона души. Пробудить к жизни расовую душу означает признать ее высшую ценность и при ее господстве указать другим ценностям их органичное место: в государстве, искусстве и религии. Задача нашего столетия - из нового жизненного мифа создать новый тип человека. Для этого необходимо мужество. Мужество каждого отдельного лица, мужество всего подрастающего поколения, многих следующих поколений. Потому что хаос никогда не покоряется малодушным, и еще никогда мир не был построен трусами. Кто стремится вперед, должен сжигать за собой мосты. Тот, кто отправляется в великое путешествие, должен оставить домашний скраб. Тот, кто стремится к высочайшему, должен подавить незначительное. И на все сомнения и вопросы новый человек грядущей Первой Германской империи знает только один ответ: Только Я хочу!

Многие уже сегодня в глубине души согласны с этими словами, однако общности мыслей, высказанных в этом труде, с выводами установить нельзя. Они представляют собой абсолютно личные признания, не являясь пунктами программы политического движения, к которому я принадлежу. Это движение имеет свое великое особое предназначение и в качестве организации должно держаться в стороне от дискуссий религиозного, религиозно-политического толка, так же как и от обстоятельств,

касающихся определенной философии искусства или определенного стиля в архитектуре. Оно не может также нести ответственности за изложенное здесь. Напротив - философские, религиозные убеждения и убеждения, касающиеся искусства, можно действительно серьезно обосновать только при условии личной свободы совести. Здесь это имеет место, но труд обращен не к тем людям, которые счастливо и убежденно живут и действуют внутри своих религиозных сообществ, а скорее ко всем тем, кто в душе от них отошел, а к новым мировоззренческим связям еще не пробился. Тот факт, что их сейчас уже насчитывается миллионы, обязывает каждого соратника помочь себе и другим ищущим путем глубокого осмысления.

Труд, основная мысль которого восходит к 1917 году, был в основном закончен уже в 1925 году, однако новые обязательные моменты дня все более затягивали его завершение. Труды о соратниках или противниках потребовали тогда рассмотрения вопросов, ранее отодвинутых на задний план. Я не считаю ни в коей мере, что завершил этим большую поставленную судьбой тему. Но я надеюсь, пожалуй на то, что я выяснил вопросы и ответил на них, создав основу для приближения дня, о котором мы все мечтаем.

Мюнхен, февраль 1930 года

Автор

К третьему изданию

О, вы, товарищи моего времени! Не призывайте своих врачей и священников, когда умираете внутренне.

Хёлдерлин

Появление настоящей работы сразу же вызвало борьбу мнений в самой сильной форме. Хотя благодаря четко поставленным вопросам и острым высказываниям следовало ожидать интеллектуальной дискуссии, но, признаться, та концентрированная ненависть по отношению ко мне и та скрупулезная работа по извращению моих высказываний меня тем не менее не только потрясли, но и - обрадовали. Потому что дикая безудержная полемика показала мне, насколько оправдана оценка, выпавшая в данном труде на долю римско-сирийского принципа. В результате давнего испытанного метода из обширного сочинения были сделаны определенные выводы и высказывания и перед верующим читателем в римской прессе на немецком языке и в памфлетах были развернуты "богохульство", "атеизм", "сатанинство", "вотанизм" автора. Фальсификаторы утаили тот факт, что я зашел настолько далеко, что высказываю в отношении всего германского искусства постулат о религиозной отправной точке и религиозной подоплеке, что я при помощи Вагнера объясняю, что произведение искусства является живым воплощением религии. Было утаено огромное уважение, высказанное в труде в адрес основателя христианства; было утаено, что религиозные отправления имеют очевидный замысел разглядеть великую личность без искажаемых в дальнейшем дополнений от различных Церквей. Было утаено, что я освещаю вотанизм как мертвую форму религии (но естественно испытываю глубочайшее уважение к германскому характеру, породившему Вотана (Одина) как и Фауста, и мне лживо и скрупулезно приписывали желание снова ввести языческий культ Вотана (Одина).

Короче, не было ничего, что не было бы искажено и фальсифицировано; и то, что в контексте звучало дословно правильно, в вырванном из контекста виде приобретало совсем другой оттенок. Постоянно римская пресса утаивала все исторические - как

непонятные -определения; весь ход мыслей, который вел к определенным взглядам, постоянно искажался, а обоснования поставленных требований замалчивались. Прелаты и кардиналы мобилизовывали "верующие массы", и Рим, который вместе с атеистическим марксизмом, т.е. при поддержке политических сил низшей человеческой расы сам ведет против Германии войну на уничтожение, жертвуя при этом германскими католическими массами, имеет наглость кричать о "культурной борьбе". Высказывания данной работы, которые по форме и содержанию лежат пожалуй на поверхности, не были сделаны предметом деловой и поэтому достойной одобрения критики, а были использованы для беспорядочной борьбы. Не только против меня одного - это бы меня не тронуло - но и против национал-социалистического движения, к которому я принадлежу с самого его основания. Тем не менее во введении и в самой работе я категорически заявил, что политическое движение власти, которое охватывает многие религиозные признания, не может решить вопросов религиозного характера или касающихся философии искусства, что следовательно мое мировоззренческое признание является личным, и, тем не менее, мракобесы делали все, что было в их силах, чтобы отмежеваться от своего политического предательства по отношению к германскому народу и снова вопить об "угрозе религии", хотя ничто не угрожало и не угрожает истинной религии, если не считать систематического пестования марксизма со стороны руководимого прелатами центра.

Национал-социалистическое движение не нуждается в религиозной догматике ни в защиту вероисповедания, ни в борьбе с ним, но тот факт, что оспаривается право политического деятеля на представление религиозного убеждения, противоречащего римскому, показывает до какой степени расцвела политика духовного зажима. Римская догматика определяет допустимость деятельности в национальном лагере вместо того, чтобы сразу объявить такую самонадеянность невозможной. Несомненно серьезная попытка очистить личность Христа от нехристианских примесей Павла, Августина и т.д. повлекла за собой единодушно выраженную ярость правителей, извлекающих пользу от искажения духовного образа Иисуса Христа, не потому, что были затронуты высокие религиозные ценности, а потому, что возникла угроза политической власти, достигнутой путем запугивания душ миллионов, во время их гордого пробуждения. Обстоятельства таковы, что римская Церковь не испытывала страха перед дарвинизмом и либерализмом, потому что увидела здесь только интеллектуалистические попытки, лишенные сил способных на создание общества, а националистическое возрождение германского человека, с которого потрясение 1914 - 1918 годов сбросило старые переплетения ценностей, потому кажется таким опасным, что угрожает появлением силы, создающей тип. Правящая каста священников чует это уже издавна, и именно потому, что эта каста видит, как это пробуждение стремится к укреплению всего благородного и гордого, именно поэтому ее союз с красной низшей расой так тесен. Это изменится только тогда, когда германский фронт победит; в этот час Рим в качестве "друга" попытается добиться того, чего он не добился в качестве врага. Но проследить такую возможность не входит в задачу этой книги. Здесь речь идет о формировании духовных типов, в том числе о людях, стремящихся к самосознанию, затем о пробуждении чувства ценности и о закалке сопротивляемости характера всем враждебным соблазнам. Все волнение по поводу моей работы было тем более примечательным, что ни единого слова не было сказано с тем, чтобы отказаться от поношения великих немцев, что давно уже стало литературным занятием иезуитов и их пособников. Молчаливо поощрялись оскорбления Гёте, Шиллера, Канта и других. Нельзя было возразить, если лидеры Рима усматривали в качестве своей религиозной задачи препятствие образованию германского национального государства; если на католических пацифистских собраниях звучали требования отказывать германским солдатам в приветствии; если католические священники позволяли себе публично

отрицать дела бельгийских "вольных стрелков", а немецких солдат обвиняли в убийстве своих товарищей с тем, чтобы иметь предлог для преследования бельгийцев; если германскую народную армию совсем в духе французской пропаганды обвиняли в осквернении алтаря и причастия в бельгийских церквях. Против этих сознательных оскорблений немцев, оскорблений чести своих павших и живых защитников не поднялся ни один епископ и ни один кардинал, хотя со стороны этих инстанций одна за другой следовали мощные атаки на германский национализм. А если это разоблачалось, римские политические и религиозные группы клялись в своем национальном чувстве.

Римская Церковь не может оспаривать свою полную ответственность за народоопустошительную работу своих многочисленных папифистски настроенных священников, так как в других случаях, когда достойные католические священники находили слова подлинной германской национальной воли, Церковь без промедления накладывала запрет на их речи. Налицо, таким образом, доказуемая систематически проводимая политико-мировоззренческая работа, направленная на то, чтобы отнять у германского народа его гордость за защитников родины 1914 года, осквернить их память, а горячую волю, народ и отечество отгородить и смешать с грязью. Для установления этого требуется правдивость; какие разногласия существуют между верующими и их церковной властью - это дело их совести. Речь идет не о том, что якобы они с целью замалчивания возникающих конфликтов могут освещать не подлежащие дискуссии факты лишь как промахи, необходимо иметь мужество, чтобы отвергнуть именно политику высших церковных инстанций. Признают или не признают в дополнение к этому пробуждающиеся силы весь мировоззренческий контраст - это их дело, важно то, что пробуждается серьезная воля к защите германского национального учения не только от марксистов, но в той же мере и даже более решительно, от центра и его религиозных союзников, как крупных проводников марксизма. Обойти даже этот пункт значило бы проявить негерманский образ мыслей.

На отдельных вражеских голосах я не хочу останавливаться подробно. Следует только отметить, характеризуя скрупулезность методов, что иезуит Якоб Нетгес имеет наглость утверждать между прочим, что защита родного языка относится к "католическому порядку", хотя именно его орден был кровавым борцом против права на родной язык; что любовь к народу и отечеству выдвигалась в качестве требования "всеми великими теологами морали", причем именно его орден борется против германского национализма.

До сих пор христианская любовь к ближнему этого господина выражается словами: "Этот балтиец - такой же борец за культуру, как и боксер. Бедняга страдает неизлечимым страхом перед площадью Петра, и страх этот выражается в буйстве и крике". Затем Гитлеру дается совет, надеть на меня "смирительную рубашку", поскольку холодный карцер уже не помогает: "он слишком часто имел дело с русской зимой". Эту яростную ненависть иезуита, выведенного из себя римским солнцем, другие собратья по ордену дополняют противоположным видом борьбы. Иезуит Кох, например, чувствует себя уже вынужденным говорить о душе германской расы, называет переживание, как следует из "мифа" серьезным и честным с тем, чтобы в конце провозгласить Бонифация величайшим германцем. Эту форму стопроцентной фальсификации, связанную с пониманием того, что травля больше не помогает, мы все чаще будем встречать в будущем. Поэтому к такого рода "германским опытам" следует относиться с осторожностью. Разрушение германской души является постоянно целью как апостолов травли, так и потирающих руки членов общества иезуитов и их соратников. Вчера, сегодня и завтра.

В евангелических кругах моя работа также вызвала мощное движение. Бесчисленные публикации в газетах и журналах свидетельствуют о том, что затронуты,

очевидно, больные места. На евангелических синодах, на съездах евангелического союза "Миф" часто стоял в центре дебатов, и многие брошюры протестантских теологов свидетельствуют о том, что борьба ценностей заново и глубоко проникла в лютеранство. Мое предсказание о том, что представители евангелистской церкви будут относиться к новым религиозным чувствам так же, как когда-то догматически настроенный Рим относился к реформации, к сожалению подтвердилось.

Выступающие против моей работы теологи и профессора облегчили себе задачу в отношении полного обладания "евангелистской правдой": они просто констатировали еретические моменты моих высказываний, похвалили "национальное чувство", но холодно, порадовались возможности установить (мнимые) неправильности, а затем отклонили...

Мне сообщили, что на одном из этих синодов после подобного сообщения встал простой беловолосый пастор и заявил, что он не может согласиться с докладчиком, однако очевидно, что Бог новым учением о расах нашего времени наложил на нас решение большой проблемы, которой мы должны посвятить себя со всей серьезностью! Снимите шляпу перед этим достойным мужем. Неважно, приведут ли его поиски к тому же результату, что и мои. Ищущему истину противнику любой настоящий борец засвидетельствует уважение, но не старым догматикам, которые считают необходимым любой ценой сохранить свои должности.

В разговоре с учеными теологами я мог далее постоянно констатировать следующее: они соглашались со мной в том, что оценка античной истории с точки зрения расовой души верна, бесспорна также оценка гугенотов. Но когда я затем сделал вывод о том, что и евреи должны иметь вполне определенный характер и свое обусловленное кровью представление о Боге, что следовательно эта сирийская форма жизни и духа нас ни в малейшей степени не касается, между нами подобно стене встала ветхозаветная догма. И евреи вдруг оказались исключением среди других народов. Совершенно серьезно космический Бог должен был быть идентичным с сомнительными духовными поражениями Ветхого Завета! Именно еврейское многобожие было возведено как образец монотеизма. От подлинно великого арийско-персидского представления о мире и космическом божестве глубоких знаний лютеранская теология не получила. К этому добавилось почитание Павла, наследственный грех протестанства, против которого как известно тщетно боролся уже Лагарде, подвергшийся нападкам всей корпоративной теологии своего времени.

И евангелические теологи повторяли всюду, даже при всеобщем согласии с народным мировоззрением, самонадеянное изречение римской Церкви: "Расовое движение народов означает нехристианское поклонение народному духу". Но при этом господа забывают о том, что исключительное положение, которое они предоставляют евреям, являет собой не что иное, как поклонение паразитическому, всегда враждебному нам еврейскому народу¹. Это им кажется естественным и они позволяют себе также забыть о том, что такое прославление иудаизма при освобождении еврейского инстинкта непосредственно способствует принижению нашей культуры и нашей политики, на успешную борьбу с которыми теперешнее руководство протестантства, именно благодаря поклонению евреям, оказалось неспособным.

Приискорбно, если сегодняшние представители евангелистской теологии настолько далеки от лютеранства, что выдают взгляды, которые, естественно, еще вдохновляли Лютера, за давно установившиеся догматы веры. Великим достижением Лютера

---

¹ Примечателен также ответ Д. Штратмана на нападки, который он дает в листовке. Церковь должна печалиться о германском народе, а не о миллионах черномазых перед лицом своего бедствия. Как будто это ее задача! Во имя расового культа она должны скрывать от миллионов задачу человечества!" Раса и душа черномазых ценится - наряду с добрыми евреями - в случае необходимости выше нации, принадлежать к которой имеешь честь.

является в первую очередь разрушение принадлежащей священникам экзотической мысли, а во вторую - германизация христианства. А пробуждающаяся германская нация после Лютера пришла еще к Гёте, Канту, Шопенгауэру, Ницше, Лагарде и сегодня семимильными шагами приближается к своему полному расцвету.

Евангелистская теология нанесет подлинному лютеранству смертельный удар, если будет ставить препятствия на пути дальнейшего развития своей сущности. Если Д. Кремерс, руководитель евангелистского союза, объявляет, что "Миф" "проглочен" особенно академической молодежью, он показывает тем самым, что ему известно, насколько новая мысль внедрилась в жизнь подрастающего поколения. Не важнее ли способствовать этой духовной жизни, укоренившейся в народе, чем держаться за давно уже разрушенных догматических кумиров? Это молодое поколение не хочет ничего другого, как только увидеть великую личность основателя христианства в ее собственном величии без фальсифицирующих добавок, которыми еврейские религиозные фанатики типа Маттеуса, материалистические раввины типа Павла, африканские юристы типа Тертуллиана или неустойчивые отступники типа Августина одаривают нас в качестве страшного духовного балласта. Они хотят понять мир и христианство по его сущности, постигнуть его на основе германских ценностей. Это их естественное право в этом мире, которое, однако, снова необходимо завоевывать в тяжелой борьбе.

Если находящаяся в должности ортодоксальность не в состоянии всего этого понять, то она не сможет изменить хода истории, самое большее, разве, замедлить его. Великое время в таком случае снова встретило мелкое поколение. Но это грядущее время одобряет как страсбургский Мюнстер, так и Вартбург, а отрицает все же самоуверенный римский центр так же, как и иерусалимский Ветхий Завет. Он высасывает из корней германской драматургии, ее архитектуры и музыки больше силы, чем из унылых рассказов еврейского провинциального народа, он признает большую часть глубокой народной символики внутри католической Церкви и связывает ее с истиной подлинного лютеранства. Он объединяет под большим сводом расового и духовного мировоззрения все разрозненное в отдельный полнокровный организм германского бытия.

Здесь должен выступить вперед молодой евангелистский священник, потому что на нем не лежит груз сковывающего душу воспитания, который довлеет над католическими священниками. Тогда наступит то время, когда и в них проснутся германские бунтари и труд монаха Роджера Бэкона, монаха Эккехарта приведет к свободе практической жизни, которую другие великие мученики Западной Европы до них прожили, выстрадали и завоевали.

С национальной стороны "Миф" трусливо замалчивали из страха перед центром. Только немногие отваживались защищать свой образ мыслей. Но отвергающая оценка из этого лагеря почти всегда заключалась в том, чтобы приписать мне желание стать "основателем новой религии", но это я отвергаю. В главе об однородной Церкви я сразу же отклонил это, а то о чем идет речь сегодня, - это попытка, наряду с рассмотрением истории с расовых позиций, сопоставить ценности души и характера различных рас и народов с мыслительной системой, обосновать органичную для германского народа иерархию этих ценностей, исследовать волю германского духа по всем областям. Проблема, таким образом, заключается в том, чтобы против хаотической неразберихи ввести единое направление души и мысли, самостоятельно вывести предпосылки для всеобщего возрождения. По этому желанию следует определять ценность моей работы, а не по критике того, что я вовсе не собирался предпринимать, что будет задачей реформатора, который может выйти из поколения, четко настроенного на страстное ожидание поколения.

Зарубежные голоса всегда имеют более деловое звучание, чем эхо нуждающихся в

реформах кругов Германии. Датский "Форум" дал серьезные оценки, подробно проанализировали идеи труда научные итальянские журналы "Критика фашиста", "Биличнис", "Прогрессо религиозо" и другие. На открытии германского института в Париже было объявлено: "Кто хочет ознакомиться с новым духовным движением в Германии, должен прочитать "Миф XX века". Но важнее всего этого многочисленные одобрения из многих стран, а особенно тех немцев, которые осознали сегодняшний великий час духовной судьбы как Германии, так и всех народов Западной Европы. Вопросы, перед которыми мы поставлены, стоят также перед другими нациями. Нас только трудная судьба вынуждает сделать откровенный отчет и встать на новый путь, потому что в противном случае вместе с политическим крахом должна произойти и духовная катастрофа, и германский народ, как реально существующий народ, исчезнет из истории. Но истинное возрождение никогда не бывает делом только политики насилия, еще в меньшей степени вопросом "экономической санации", как думают самоуверенные пустые головы, а означает главное переживание души, признание высшей ценности. Продолжится это переживание от человека к человеку миллион раз, встанет, наконец, объединенная сила народа перед этим внутренним преобразованием, тогда никакие силы мира не смогут помешать возрождению Германии.

Демократический марксистский лагерь сначала попытался помешать распространению работы путем замалчивания. Но затем его вынудили все-таки высказаться. Теперь эти люди атаковали "поддельный социализм", учение которого в этом труде якобы идет во вред рабочему классу. "Истинный" социализм социал-демократии состоит очевидно в том, чтобы и дальше беззаботно продолжать за буквальное порабощение всего народа на многие десятилетия путем продления заклада всех существующих ценностей свое подчинение диктату международного финансового мира. "Истинный" социализм заключается далее в том, чтобы порядочный трудовой народ беспрепятственно подвергнуть воздействию гнусной театральной и кинопропаганды, которая знает только трех героев: шлюху, сутенера, преступника. "Истинный" социализм марксистских вождей состоит, видимо, в том, что маленький человек, оступившись, попадает в тюрьму, а великие мошенники остаются на свободе, что до сих пор было культивированными взглядами самых влиятельных кругов демократии и социал-демократии. Весь марксизм оказался, а иначе и быть не могло, как всякое органическое сообщество, отмененным в пользу чуждых кочевнических институтов, он должен, таким образом, испытать новое обоснование и укоренение такого народно-социалистического стилеобразующего чувства, как нападение на его существование.

Марксизм и либерализм находятся в настоящее время по всему фронту в беспорядочном отступлении. Многие десятилетия особенно прогрессивным считалось говорить только о "человечестве", быть гражданином мира и отвергать расовый вопрос как отсталый. Теперь со всеми этими иллюзиями покончено не только в политическом плане, но непрочное и обосновывающее их мировоззрение, и пройдет немного времени, и в душах тех, кто находится на распутье, и в душах совращенных оно рухнет окончательно.

Загнанному в угол "научному" марксизму не остается ничего другого, как попытаться доказать, что и Карл Маркс признавал влияние народа и расы на мировые события! Эту миссию присоединить побуждение крови германского рабочего, которое невозможно больше сдерживать, к марксистской ортодоксальности, которая в течение десятилетий яростно вела борьбу против "расовой химеры", взял на себя в частности "Социалистише бильдунг". Попытка сама по себе характеризует внутренний духовный катастрофический крах, хотя после признания с зубным скрежетом правильности расовой точки зрения, вообще стали говорить о том, что Маркс оставил мысль о "расовом фетишизме". Что само собой разумеется, иначе ему пришлось бы отправиться

в качестве учителя в Сирию, откуда он и происходит. Признать это и выкорчевать марксистский материализм и его финансово-капиталистическое прикрытие как сирийско-еврейское насаждение из германской жизни есть великая миссия нового германского рабочего движения, которое тем самым заслуживает себе право вступить в ряды руководства германским будущим.

Мы со своей стороны вовсе не отрицаем весьма разнообразных влияний ландшафта, климата и политической традиции; но надо всем этим стоит кровь и обусловленный этим характер. О повторном завоевании этой иерархии и идет речь.

Восстановить естественность здоровой крови - это может быть величайшая задача, которую в настоящее время может поставить перед собой человек. В то же время это определение свидетельствует о печальном состоянии духа и тела, раз уж такое дело стало жизненной необходимостью. Вкладом в это предстоящее великое дело освобождения XX века должен был стать данный труд. Мобилизация многих пробудившихся и для противников имела желательное последствие.

Я надеюсь, что дискуссия появляющегося нового мира со старыми силами будет расширяться, внедряться во все области жизни и оплодотворенная мысль будет все время рождать новое, близкое по крови, гордое, вплоть до того дня, когда мы будем стоять на пороге исполнения нашей мечты о германской жизни, до того часа, когда все пробивающиеся источники сольются в один великий поток германского нордического возрождения.

Это мечта, достойная изучения и жизни. И это испытание, и эта жизнь уже есть отражение предчувствуемой вечности, таинственной миссии на этом свете, предначертанной нам, чтобы мы стали тем, что мы есть.

Мюнхен, октябрь 1931 года. А. Р.

КНИГА ПЕРВАЯ

БОРЬБА ЦЕННОСТЕЙ

Я король, только пока я свободен.
Фридрих Великий

Раса и ее душа

1

Новая мировая история. — Человечество и раса. — Культурные памятники старины. — Легенды древнего мира. — Переход жителей атлантики через Северную Африку. — Североатлантические следы в Египте; амориты. — Арийско-индийская волна. — Ритуальное разложение; насильственное обновление религии. — Учение Атмана — Брамана. — Индийский монизм и распад Индии. — Ахурамазда и Ангромайниу. — Персидский дуализм.

Сегодня начинается одна из тех эпох, когда история должна быть переписана заново. Старые картины человеческого прошлого поблекли, контуры действующих личностей кажутся неправильными, их внутренние движущие силы истолкованы неверно, вся их сущность недооценена. Новое ощущение жизни, которое считает себя тем не менее признанным издревле, стремится к оформлению, мировоззрение зарождается и начинает спорить со старыми формами, священными обычаями и переснятым содержанием. И уже не исторически, а принципиально. И не в отдельных регионах, а везде. Не только на верху, но и в корнях.

И знаком нашего времени является: отказ от безграничного абсолютизма. То есть отказ от ценности, стоящей выше естественного и органичного, которую однажды установил одинокий "я" с тем, чтобы добиться сверхчеловеческой общности всех мирным путем или с помощью насилия. Такой конечной целью было когда-то насаждение христианства в мире, а ее достижение предполагалось при помощи возвращения Христа. Другой целью была мечта о "гуманизации человечества". Оба идеала были погребены в кровавом хаосе и в новой мировой войне, и тем не менее сегодня эти цели все больше привлекают к себе фанатичное духовенство и различных приверженцев. Это застывающие процессы, а не живая жизнь. Вера в душе умерла и ее нельзя пробудить у мертвых.

Человечество, мировая Церковь и освободившееся от кровавой связи самовластное "я" перестали быть для нас ценностями, а являются отчаянными, в любом случае ставшими частично непрочными положениями насилия над природой в пользу абстракций. Бегство XIX века к дарвинизму и позитивизму было первым крупным и чисто животным протестом против идеалов сил, лишенных жизни и воздуха, которые пришли к нам из Сирии и Малой Азии, и подготовили духовное вырождение. Распространившееся по всему миру христианство и человеколюбие проигнорировало поток кроваво-красной подлинной жизни, которая наполняла кровеносную систему всех истинных народов и настоящих культур; или же кровь была сведена к химической формуле и с ее "помощью" истолкована. Сегодня же целое поколение начинает понимать, что только там могут быть созданы и сохранены ценности, где еще закон крови определяет идею и деятельность человека, будь это осознанно или неосознанно. На нижней ступени сознания человек в культе и жизни следует зову крови как бы во сне, "согласно природе", словно счастливое слово обозначает сущность этой гармонии между природой и цивилизацией. И так до тех пор, пока цивилизация, выполняя всю несознательную деятельность, не станет более интеллектуальной и на более поздней ступени не обусловит творческое напряжение и даже разлад. Так из расы и типа уходят рассудок и здравый смысл, освободившись от уз крови и рядов поколений, и особь падает жертвой абсолютных, лишенных четкого представления духовных образов, все более удаляется от своего окружения, смешивается с враждебной кровью. И от этого кровавого позора тогда умирают личность, раса, цивилизация. От этой мести крови не ушел ни один из тех, кто пренебрег религией крови: ни индеец, ни перс, ни грек, ни римлянин. От этой мести не уйдет также Северная Европа, если не вернется обратно и не отвернется от пустых побочных форм, бескровных абсолютных идей и не начнет снова доверчиво прислушиваться к утраченному источнику своих собственных жизненных соков и своих ценностей.

Новая, богатая связями, красочная картина человеческой и земной истории начнет теперь разворачиваться, если мы почтительно признаем, что столкновение между кровью и окружением, между кровью и кровью представляет собой последнее возможное для нас явление, поиски и исследования за пределами которого для нас более непозволительны. Но это признание влечет за собой признание того, что борьба крови и предчувствуемая мистика жизненных событий, представляют не два разных

объекта, а одно и то же, но разным способом. Раса - это подобие души, весь расовый материал - это ценность сама по себе безотносительна к бескровным ценностям, которые не замечают полноты природы, и безотносительна к поклонникам материи, которые видят события только во времени и пространстве, не познав эти события как величайшую и последнюю из всех тайн.

Расовая история является поэтому историей природы и мистикой души одновременно, а история религии крови - наоборот, это великое мировое повествование о подъеме и крушении народов, их героев и мыслителей, их изобретателей и художников.

Глубже, чем когда либо раньше, люди отваживались себе представить: сегодня можно заглянуть в историческое прошлое. Памятники всех народов развернуты перед нами, раскопки древних свидетельств изобразительного искусства человека позволяют сравнивать движущие силы культур, собраны мифы от Исландии до Полинезии, подняты сокровища Майя. На помощь пришла геология, которая в состоянии изготовить географические карты времен десятков тысяч лет до нашей эры. Подводные исследования подняли с больших глубин Атлантического океана застывшие массы лавы с вершин когда-то внезапно затонувших гор, в долинах которых зарождались культуры до того, как на них обрушились страшные катастрофы. Исследователи земли рисуют нам материковые блоки между Северной Америкой и Европой, остатки которых мы и сейчас обнаруживаем в Гренландии и Исландии. Они говорят нам о том, что по другую сторону Крайнего Севера (Новая Земля) видны старые следы океана. Они лежат на 100 метров выше теперешних; это свидетельствует о вероятности того, что льды Северного Полюса сместился, что на месте нынешней Арктики царил более мягкий климат. И это все вместе позволяет представить старые сказания об Атлантиде в новом понимании. Совсем не исключено, как представляется, что на том месте, где сейчас бушуют волны Атлантического океана и плавают айсберги, над волнами возвышался цветущий материк, где творческая раса создавала великую, широко распространяющуюся культуру и посылала своих детей в качестве мореходов и воинов в мир. Но даже если эта гипотеза об Атлантиде несостоятельна, следует допустить существование северного культурного центра в истории первобытного общества.

Нам давно уже было пора перестать верить в аналогичное возникновение мифов, художественных и религиозных форм у всех народов. Строго обоснованные доказательства перемещений сказаний от народа к народу и нахождение их у различных групп народов, наоборот, показало, что большинство основных мифов имеют вполне определенный источник распространения, определенное место зарождения, по своей внешней форме присущи вполне определенному окружению, так что великие перемещения рас и народов в первобытные времена стали достоверностью. Таким образом, солнечный миф вместе со своими сопровождающими явлениями возник не везде как "общая ступень развития", а зародился там, где появление солнца должно было быть космическим событием с максимальной силой воздействия: на крайнем Севере. Только там могло быть осуществлено резкое разделение полугодий, только там солнце могло до самой глубины души внедрить уверенность в жизнеобновляющее творческое первоначальное содержание мира. И поэтому сегодня старая осмеянная гипотеза делает вероятным то, что из нордического творческого центра, назовем его, не связывая себя предположением об ушедшей под воду части атлантической земли, Атлантидой, лучами расходились отряды воинов как первые свидетели все вновь и вновь воплощающейся нордической тяги к дальним странствиям с целью завоеваний и организации новой жизни. И эти потоки людей с Атлантики плыли на своих кораблях с лебедями и драконами в Средиземное море, в Африку, сушей через Центральную Азию в Кучу, возможно, даже в Китай, через Северную Америку на юг этой части света.

Если Ахурамазда говорит Заратустре: "Только один раз в году видно, как заходят и восходят звезды, луна и солнце, а жители считают год днем", - то это далекое воспоминание о северной родине персидского бога света, потому что только в полярной области день и ночь делятся по шесть месяцев, а здесь весь год длится всего сутки. Об индийском герое Арджуне Махабхарата может сообщить, что при его посещении горы Меру солнце и луна ежедневно совершали круговое движение слева направо, представление, которое никогда не могло возникнуть на тропическом юге, потому что только на крайнем Севере колесо солнца катится вдоль горизонта. К индийским адитам обращена просьба: "Да не опустится тьма на нас", а светлому Агни жалуются на то, что он долго пребывал в длительной тьме, и все это можно отнести к глубокой гиперборейской ночи.

Как аналогичные этим древним арийско-атлантическим воспоминаниям выступают понятные только благодаря нордическому происхождению культовые притчи, национальная одежда, рисунки. Нордическую ладью с лебединой шеей и трилистником мы находим в додинастическом Египте, а ее гребцы были позже господствующим народом у воинствующих аморитов, уже Саис (Saïse) отмечал их светлую кожу и голубые глаза. Они пришли сюда однажды через Северную Африку как сплоченные кланы охотников, которые постепенно завоевали всю страну, затем частично распространились далее через Сирию и Вавилон. Светлокожие, частично вплоть до сегодняшнего дня, и даже еще голубоглазые берберы восходят не к более поздним чертам вандалов, а к древней атлантико-нордической волне людей. Охотники-кабилы, например, в немалой степени, несомненно, имеют нордическое происхождение (так светловолосые берберы в провинции Константине составляют 10 процентов, по Дьебелю Шешору они еще более многочисленны). Господствующий слой древних египтян имеет значительно более тонкие черты, чем управляемый ими народ. Эти "хамиты" являются предположительно результатом смешения между выходцами с Атлантики и древним негроидным населением. За 2400 лет до христианства появились типы людей со светлой кожей, светло-рыжими волосами и голубыми глазами, те "светловолосые ливийцы", о которых позднее сообщает Павсаний. В могильниках тебов мы находим "четыре расы" египтян: азиатов, негроидов, ливийцев и египтян. Последние описываются как рыжие, ливийцы же всегда с голубыми глазами, бородатые и с белым цветом кожи. Часто нордический тип показывают гробницы Сенье из 18-й династии; женщина на пилоне Хоремхем в Карнаке (Horemheb zu Karnak), люди в ладьях с лебедиными шеями на рельефе храма Мединет-Абу, Тсаккарай (Тойкруа), основатель "финикийского" мореплавания. Изображения светлокожих людей с золотисто-желтоватыми волосами находят в могильниках Мединье-Ойроб². При новейших раскопках в Мастабасе (Mastabas) у пирамиды Хеопса (1927 год) нашли изображения "принцессы и королевы Мерес-Уне" (2633 - 2564 г. до Р. Х.) со светлыми волосами. Легендарная, овеянная мифами королева Нитокрис тоже описывается во всех сказаниях как светловолосая.

Все это расовые памятники передачи древних нордических признаков Северной Африке.

Амориты основали Иерусалим, они создали нордический слой в более поздней Галилее, то есть в "Хайденгау", откуда когда-то вышел Христос. Они нашли затем подкрепление со стороны обывателей, которые тоже переправлялись в Сирию на совсем неизвестных ранее северных типах кораблей с топором и трилистником в качестве символа штевня.

---

² Сравни: Герман Вирт. "Восхождение человечества", Йена 1928 г; а также Ф. Даке. "Возраст земли", Мюнхен, 1930 год. Вирт дал сильный толчок исследованию истории Древнего Мира, подтверждаются ли его взгляды, это покажет только будущее.

Возможно еще не решено, где находится родина предков нордической расы. Как жители южной Атлантики направлялись в Африку, Южную Азию, так жители северной Атлантики несли солнечного бога из Европы в Северную Азию, до шумеров, у которых год когда-то начинался со дня зимнего солнцестояния! Новейшие исследования в Исландии и Шотландии объясняют переселение в период раннего каменного века как возможное. Древнеирландским идеалом красоты были молочно-белая кожа и светлые волосы. Этот идеал, однако, был позже вытеснен темной круглоголовой расой.

Возможно, все это очень спорно, возможно только предстоящее исследование определит, были ли древнейшие культовые знаки, первые наскальные рисунки каменного века также основой для додинастической египетской письменности, восходят ли к этой "атлантической" символике и другие виды письменности на земле как и к первопричине, результат этого исследования тем не менее не сможет ничего изменить в том великом факте, что "характер мировой истории", исходящий с Севера, распространился по всей земле с помощью белокожей и светловолосой расы, которая несколькими мощными волнами определила духовное лицо мира, определила еще и там, где она должна была погибнуть. Эти периоды переселения мы называем: овечьими сказаниями движение жителей Атлантики через Южную Африку; движение арийцев в Персию-Индию, за которыми последовали дорийцы, македонцы, латиняне; движение германских народов; колонизация мира германской Западной Европой.

Когда первая великая волна нордической крови перешла через индийское высокогорье, она уже обошла многие враждебные и странные расы. Так же инстинктивно отмежевывались индийцы от чужого, темного, что попадалось на глаза. Кастовый порядок был следствием этой мудрой естественной защиты: Варна (Varṇa) - это каста, но Варна - также и цвет. Светлые арийцы, таким образом, опираясь на понятные внешние образы, создали пропасть между собой как завоевателями и смуглыми представителями Индостана. После этого размежевания между кровью и кровью, арийцы разработали для себя картину мира, которую по глубине и широте не может превзойти ни одна философия, даже долгое время продолжающие проникать представления, принадлежащие низким расам туземцев. Например, период, который занимает место между героическими песнями Веды и Упанишад, имеет равноценное значение с распространением и одновременно с борьбой против колдовства и низменного экстаза. Заклинающая духов и богов жертвенность начинает наступать. Этим колдовским представлениям не в силах противостоять и священник, размахивающий жертвенной ложкой и подкладывающий жертвенные поленья. Каждый прием и каждое движение получает тайный "смысл". Как утверждает Дойсен (Deussen), между мифологическим и философским временем проникает ритуальное; из молитвы, первоначально только душевного подъема (для настоящего брамина), возникает магический акт, вызывающий богов или демонов. В этом процессе заблачивания светом явилось учение атман. Оно не является "актом философского развития", которое было бы совершенно невозможно истолковать (Дойсен тоже не делает попытки объяснить), а возникает как пробуждение заново арийского духа в противовес суеверно-колдовским взглядам неарийских поработанных народов. Это представление становится сразу достоверным, если можно представить, что великое учение о собственной ценности духовной личности без всякой магии и демонизма исходит от королевских дворов, от касты воинов. Хотя брамины тоже становятся проводниками новой мысли о единой сущности мировой души и души индивидуальной, они не могут умолчать о действительном происхождении нового учения, и получается, что король Аятасатру (Ajatasatru) обучал брамина Гергия Балаки (Gargya Balaki), бог войны Санаткумара (Sanatkumara) брамина Нарада (Narada), царь Правахана Яивали (Pravahana Jaivali) брамина Аруни (Aruni) через атман (Atman). Благодаря этому самосознанию неарийская колдовская жертвенность постепенно исчезает, чтобы только

позже при расовом распаде кшатрийской Индии вернуться снова.

Рожденный господином, индеец чувствовал, как его собственная душа растягивается до заполняющего всю вселенную дыхания жизни, и наоборот, что дыхание мира в его собственной груди действует как его собственное "я". Чужая, богатая, почти все раздаривающая природа не могла в достаточной степени вернуть его из этого метафизического углубления. Активная жизнь, которую провозглашали древние проповедники Упанишад, и которая все еще была необходимой предпосылкой для отрешенных от мира мыслителей, все более теряла свою яркость перед путешественниками во вселенную души, и этот шаг от многоцветия к белому свету познания привел к грандиозной попытке преодоления природы разумом. Нет сомнения, что многим индийцам, рядовым личностям и аристократам, такое постижение мира удалось уже в их эпоху. А более позднему человеку осталось только учение, а не его живая расовая предпосылка. Вскоре вообще перестали понимать полный цвета и крови смысл Варны, которая в настоящее время в качестве профессиональной классификации представляет чудовищное издевательство над мудрейшей мыслью мировой истории. Более поздний индеец не знал понятий кровь, "я" и вселенная, а знал только обе последние данности. И умер, пытаясь рассмотреть понятие "я" отдельно. Ныне главенствует расовый позор, произведения которого как жалкие убожества молят в водах Ганга об излечении их искаленного существования.

Индийский монист, "преодолевший" идейную полярность "Я -Вселенная" при помощи решения разума в пользу одной части, стремился также уничтожить ведущие к ним с обеих сторон объекты, имеющие полярную зависимость друг от друга, одолеть свободу при помощи природы, а природу при помощи свободы. Имела место также тенденция рассматривать расу и личность, как видно в свете вышесказанного, как не существующие реально. Поэтому позднеиндийский спиритуалистский монист смотрит на природу как на что-то нереальное, как на страшный сон. Единственно реальное в нем - это мировая душа (брамин) с ее вечным возвращением в отдельной душе (в атмане). С отрешением от природы вообще и бывшее раньше ясным представление и понятие расы становятся все более неустойчивыми; догматико-философский путь познания выманивает из своего земного мира инстинкт. Если мировая душа - это единственно, что существует, а атман составляет с ней единую сущность, то одновременно исчезает идея личности. Достигается бестелесное "Вселенная-единица".

На этом творческое начало Индии заканчивается, она цепенеет, проникает чуждая, темная кровь шудров (Cudras), рассматриваемых как равноценных носителей атмана, уничтожая первоначальное понятие касты как расы и начинается кровосмешение. Расцветает культ змей и фаллоса коренных жителей, пластически материализуются выражения сторукого Шивы, подобно вьющимся растениям девственного леса возникает кошмарное смешанное искусство. Только в королевских дворах еще долго процветает воспевание героев, звучит лирика Калидасы и других большей частью неизвестных великих поэтов. Шанкара (Sankara) делает попытки преобразования индийской философии. Ему это не удается: в результате мощного вздоха кровеносные сосуды расового тела лопнули, арийско-индийская кровь вытекает, просачиваясь, исчезает и удобряет лишь местами темную, всасывающую ее почву Древней Индии, оставляет жить только власть философско-технического надзора, в своем безумном искажении господствует в современной жизни индусов.

Мы не хотим скороспело утверждать, что индеец сначала отказался от своей расы, потом от своей личности или наоборот, более того здесь имеет место метафизический процесс, который в страстном желании вообще подавить феномен дуализма одновременно поднял также взаимно обуславливающие друг друга нижние ступени последней полярности.

Если рассматривать извне, то в Индии философское познание великого подобия

Атман-Браман предшествовало расовому разрушению. В других странах оно происходит не после установления философской идеи, а является следствием чисто физического длительного смешения двух или нескольких рас, способности которых в этом процессе не растут и не дополняют друг друга, а взаимоуничтожаются.

Иран, начиная с VI века, переживает распространение арийских персов. При Аршаме у них появляется ведущий религиозный проповедник, одна из величайших личностей индоевропейской истории - Спитама (Заратустра). Озабоченный судьбой арийского меньшинства, он тоже формирует мысль, которая только сейчас возрождается в нордической Западной Европе, мысль о защите расы, о требовании заключения браков внутри клана. Но так как господствующий арийский высший слой жил разбросанно, то Заратустра, выходя за рамки этих требований, стремился также к связанному общим мировоззрением идеологическому сообществу, Ахурамазда, вечный бог света, вырастает до космической идеи, до божественного защитника арийцев. У него нет дома (как этого требовал для своих богов Ближний Восток и продолжил Рим), он просто-напросто сам является "святой мудростью", самым совершенством и самым бессмертием. В качестве противника ему противостоит темный Ангромайниу (Angromainiu), который борется с ним за мировое господство. Здесь в дело вступает истинно нордически-арийская мысль Заратустры: в этой борьбе человек должен выступить на стороне Ахурамазды (совсем как айнхерии (Einherier) за Одина в Валгалле против волка Фенрира и мифардского змея). Таким образом, он не должен затеряться в отрешенной от мира созерцательности и аскетизме, а должен чувствовать себя борющимся носителем идеи сохранения мира с тем, чтобы пробудить и закалить все силы человеческой души. При этом человек всегда стоит на службе высшего духа, является ли он мыслителем или борется за плодородие пустынь. Где бы он ни был, он служит творческому принципу; когда он сеет и собирает урожай, когда он демонстрирует свою верность, и каждое рукопожатие его означает нерушимое слово. Как это все возвышенно и благородно выражает Вендидат (Vendidat): "Кто сеет зерно, тот сеет святость".

Но вокруг борющегося человека затаилось зло и искушение. Чтобы суметь успешно противостоять ему, Заратустра призывает к арийской крови: она обязывает каждого перса служить светлему богу. После смерти добро и зло расстанутся навечно. Тогда в ожесточенной борьбе Ахурамазда побеждает Ангромайниу и поднимает свое мирное царство.

В этом великом религиозном сочинении персы когда-то черпали силу. Когда же, несмотря на эти героические попытки избежать растворения арийской крови в азиатской стало невозможным, и великая империя персов пала, дух Заратустры и его миф все-таки продолжали свое влияние по всему миру. Иудаизм создал из Ангромайниу своего Сатану, из естественного сохранения расы персами создал всю свою искусственную систему культивирования смешения рас, связанную с обязывающим (во всяком случае чисто еврейским) религиозным законом; христианская Церковь усвоила персидскую идею святой страны князя всеобщего мира Шаошианша (Caoshianc), хотя и в извращенном еврейской мыслью о мессии виде. И сейчас в сердце и на Севере Европы с мифической силой пробуждается до возвышенного сознания та же расовая идея, которая когда-то была жива в Заратустре. Нордический образ мыслей и нордическое расовое воспитание - так звучит и сегодня лозунг, противопоставляемый сирийской Малой Азии, которая в форме иудаизма и многих формах безрасового универсализма укоренилась в Европе.

Персидская цивилизация стала пробкой на потоке потомков семитско-восточного нижнего слоя. Он разлагался по мере роста материалистического воздействия на экономику и деньги занимающихся торговлей рас, когда их представители наконец достигли власти и высокого положения. В результате исчезла честь клана и произошло

"уравнивание" рас в неизбежной форме гибридизации...

Однажды персидский царь велел высечь на поверхности скалы Бехистун (Behistun) следующие слова: "Я, Дарий, великий царь, царь царей, из арийского рода..." Сегодня персидский погонщик мулов равнодушно проезжает мимо этой скалы: знак для тысяч, говорящий о том, что личность рождается вместе с расой и вместе с ней умирает.

2

Северная Эллада. — Религиозная гомеровская эпоха. — Аполлон в качестве греческого иносказания. Классическое и романтическое толкование Греции. Якоб Буркхардт и Иоганн Якоб Бахофен. — Материнское право и отцовское право в качестве расовых доказательств. — Пеласгическая ближневосточная хтоническая религия. — Борьба принципа света у Гомера и Эсхила. — Дионис как свидетельство смешения рас. — Учреждение брака и гетеры. — Пеласгический Пифагор и родовой коллективизм. — Две плоскости развития Эллады. — Вымирающий гоэлит. — Последние познания Сократа и Платона.

Самой лучшей мечтой стала мечта нордического человечества в Элладе. Волна за волной приходит из долины Дуная и заново созидательно наслаивается на коренное население, состоящее из более ранних арийских и неарийских переселенцев. Уже древнемикенская культура ахеев predetermined преимущественно нордически. Более поздние дорические кланы заново штурмовали твердыни чуждых по расе коренных жителей, поработили покоренные расы и положили конец господству легендарного финикийско-семитского царя Миноса, который при помощи пиратского флота до сих пор повелевал страной, называемой позже Грецией. Как суровые господа и воины эллинские кланы покончили с обессиленной формой жизни малоазиатских торговых сословий, а вместе с бедными слоями коренного населения творческая мысль создала бесподобные легенды из камня и находила время на сочинение и исполнение вечных героических преданий. Настоящее аристократическое занятие мешало кровосмешению. Сокращенные в результате борьбы нордические силы пополнились за счет новой иммиграции. Дорийцы, затем македонцы защищали созидательную кровь белокурой расы. Пока не были исчерпаны и эти кланы, и через тысячи каналов не просочилось подавляющее превосходство Малой Азии, Эллада замирала, и вместо грека произвела более позднего хилого левантйца, который имел с греком только общее имя. Эллин навсегда оставил землю, и только мертвые изображения из камня и немногочисленные отдельные представители свидетельствовали о великолепной расовой душе, которая когда-то создала Афину Палладу и Аполлона. Нигде еще естественный нордический отказ от всего колдовского не проявился так ясно и полно как в религиозных ценностях Греции, которым все еще уделяется слишком мало внимания. И когда исследователи начали говорить о религиозной стороне эллинов, то достойным внимания они нашли только те времена, когда греческий человек был расколот, перестал составлять единое целое с самим собой и колебался между свойственными ему ценностями и чуждым духом. Напротив, предшествующее этой проблематике, доверяющее судьбе величие гомеровского времени было эпохой истинной религиозности, к которой XIX век внутреннего упадка не проявил, правда, больше настоящего понимания, потому что тогдашние золотой и серебряный века не были расколоты "проблемами". При этом светлые образы Аполлона, Афины Паллады, отца небесного Зевса являются знаками истинного, великого благочестия. Золотоволосый (Аполлон) является хранителем и защитником всего благородного и радостного, хранителем порядка, учителем гармонии душевных сил, художественной меры. Аполлон - это зарождающийся свет утренней зари, одновременно защитник внутренних убеждений и приносящий дар видения. Он - бог пения и ритмичного, но не экстатического танца. Священным для бога является

лебедь, ведущий свое происхождение с Севера, символ светлого, величественного, в южном варианте ему посвящена пальма. В дельфийском храме высечены слова: "ничто не слишком", "познай самого себя" - два признания от Гомера и Аполлона.

Рядом с Аполлоном стоит Афина Паллада, символ возникающей из головы Зевса молнии, дающей стимул жизни, голубоглазая дочь громовержца, хранительница народа Эллады и верная помощница в их борьбе.

Глубоко религиозные создания греческой души демонстрируют внутренне прямолинейную, еще чистую жизнь нордического человека, они являются в высшем смысле божествами, воспринимающими религиозные признания и выражение доверия по-своему и до гениального наивно, и дружелюбно настроенными по отношению к человеку. "Гомер не показывает ни полемики, ни догматики", - говорит Эрвин Роде³ и описывает одним этим предложением сущность любого истинно арийского религиозного чувства. Далее этот глубокий знаток древнегреческой сущности говорит: "Гомера мало интересовали пророческие и совсем не интересовали экстатические моменты, к которым он не имел ни малейшей склонности". В этом состоит таинственная прямолинейность лучшей расы, звучащая в каждом истинном стихе Илиады, она отзывается во всех храмах Эллады. Но наряду с этим творением живут и действуют пеласгические, финикийские, альпийские, позже сирийские ценности; в зависимости от силы этих рас продвигались их боги. Если греческие боги были героями света и неба, то боги малоазиатских неарийцев несли в себе земные черты: Деметра, Гермес и другие являются, по существу, творениями этих расовых душ. Если Афина Паллада - воинственная защитница жизни, то пеласгический Арес - это забрызганное кровью чудовище; если Аполлон является богом лиры и пения, то Дионис (по крайней мере его неарийская сторона) - богом экстаза, сладострастия, разнузданной вакханалии.

За разъяснение древнегреческой культуры мы боролись сознательно в течение двухсот лет. От Винкельмана через германскую классику до Преллера и Фоса идет поклонение свету, открытому, наглядному (образному) миру, причем эта линия исследования постоянно опускается, ее кривая становится все более плоской. Мыслители и художники стали вскоре оторванными от крови и от земли одиночками, объяснять или критиковать аттическую трагедию пытались только с позиций понятий "я" и "психология"; Гомера воспринимали только с формально-эстетических позиций, а древнегреческий рационализм должен был дать благословение бескровному ежедневному сочинению толстых томов профессорами. Другое - романтическое течение - затерялось в более мелких духовных течениях, появившихся в конце Илиады при описании поминовения мертвых или у Ахилла под влиянием Эринний, проникает в души хтонических богов подземного мира, противостоящих олимпийскому Зевсу и почитаемых, исходя из смерти и ее загадок, в богинь-матерей во главе с Деметрой и проявляет во всей полноте свою природу в боге мертвых - в Дионисе. Здесь Велькер, Роде, Ницше указывают, главным образом, на ту "Мать-землю" как аморфную родительницу снова возвращающейся в ее лоно умирающей жизни. С трепетом почитания великая германская романтика ощущает, как темнеющая вуаль затягивает светлых богов неба и уходит глубоко в инстинктивное, бесформенное, демоническое, в почитание матери. Все еще продолжая называть это греческим.

Здесь рассуждения отмежевываются от рассуждений. Несмотря на тот факт, что греческие кланы физически восприняли чуждую сущность, интерес для истинного исследователя представляют не так эти часто искусственные вливания, а в первую очередь содержание и форма того материала, который, был без сомнения, господствующим.

---

³ "Психея".

Когда, например Якоб Буркхард говорит: "То, что они (греки) делали и терпели, они делали это добровольно и иначе, чем все более ранние народы. Они казались оригинальными, спонтанными и сознательными, в то время как у всех других царит более или менее смутная необходимость",⁴ - он освещает интеллектуальным светильником самые отдаленные глубины души греков. Он говорит позже об эллинах как арийцах, рассуждает о других народах и кланах, а то, что он сам открыл расово-духовный закон, он в дальнейшем нигде четко не сознает. Он изображает "греков" V и IV веков "как целое", а драматическая борьба рас, душ и богов теряется в смешении всех характерных особенностей; в конце концов, несмотря на тысячу верных фактов, указаний и предположений, греческая личность стирается. Но эта внутренняя свобода античных эллинов действительно находилась в состоянии борьбы с тупой Малой Азией, и эта великая драма всего народа заключается в том, что привело к может быть величайшим достижениям, но эллинам принесло больше несчастья, чем думало большинство людей. И даже когда эта чувствуемая противоречивость в истории Эллады была позже рассмотрена с другой стороны, то и тогда не удалось добраться до сути.

Геррес (по свидетельству Боймлера) был первым, кто сознательно вернул полярность в мировой истории к напряжению между мужским и женским началом, а Бахофен - великим мастером, оформившим и усовершенствовавшим эту мысль, которая сейчас во времена расхождения всех форм и образов празднует свое возрождение.

Мать, ночь, земля и смерть - это элементы, которые открылись романтико-интуитивному исследованию в качестве фона для так называемой древнегреческой жизни. От Этрурии через Крит до внутренних областей Малой Азии в обычаях и правосудии господствует (даже внутри мужской тирании) матриархат. Следствием его явились согласно мифам амазонки и гетеры, но также и поэтическое поклонение мертвым и связанные с духами земли мистерии. Появлялись матери как представительницы таинственной великой Матери-земли, их считали святыми и неприкосновенными и при убийстве только одной матери поднимается сама эта земля в образе кровожадных Эриний; эти не успокоятся, пока не прольется кровь убийцы, которую земля всосет как искупление. Не расследуется, права или не права конкретная мать, ценность представляет каждая, и она требует полной неприкосновенности. Дочь получает от матери в наследство гарантирующее ее независимость имущество, ее имя, право на землю, и таким образом появляется женщина как воплощение бессмертия материи, точнее как подобие нерушимости бесформенной материи. Так думали ликийцы, жители Крита (единственные, кто употреблял слова "материнская страна", так думали жители "греческих" островов, так думали древние Афины, пока нордический Тесей не победил амазонок перед их воротами, и богиней-защитницей города стала не мать, а не знавшая материнства дева Афина Паллада, дочь небесного Зевса.

На земле Греции решающей в мировой истории в пользу нордической сущности была представлена первая великая и решительная борьба между расовыми ценностями. От дня, от жизни человек теперь подошел к своему существованию от законов света и неба, от духа и воли отца произошло все, что мы называем греческой культурой, как величайшее наследие древности для нас самих. Поэтому неверно, что матриархат со всеми своими последствиями "не обусловлен родством народов", что новая система света лишь более поздняя ступень развития, причем женщина и ее господство представляют "ранее данное" (Бахофен). Одно такое великое непонимание при множестве правильно увиденного затемняет все другие глубокие познания и

---

⁴ История греческой культуры. Том I. С. П.

обуславливает недооценку общего развития души эллинской и римской античности. И вместе с этим также самой сути всех видов борьбы душ и всей духовной борьбы более поздней западноевропейско-германской культуры. Чтобы ничто из позднеримских, христианских, египетских или еврейских представлений и ценностей не проникло в душу германского человека и даже частично не уничтожило его, история вообще должна быть толкованием характера, представлением сущности в борьбе за формирование своего собственного "я", таким образом мы будем должны отделить германские ценности от всех других, если не хотим выбросить самих себя на свалку истории. Позорно, однако то, что, следуя с одной стороны только общехристианским, затем позднегуманистским взглядам, эта задача истории все больше задвигалась на задний план, а догма так называемого "общего развития человечества" выдвигалась на передний план. Абстрактная мысль, различными способами завуалированная, начала лишать жизнь корней; реакция в германской романтике поэтому стала благотворной как дождь после длительной засухи. Но именно в наше время массово-интернационального во всех областях, имеет смысл исследовать эту имеющую родственные связи романтику до ее расовой сути и освободить ее от некоего все еще свойственного ей нервного экстаза. Германцы, немцы "развивались" не на основе туманной постановки цели, придуманной священниками и учеными, а они либо самоутверждались, либо разлагались и порабощались. При таком понимании, однако, панорама общей истории рас, народов и культур на земле сдвигается. Догреческие народности вокруг Эгейского моря развивались некогда также не от хтонической веры в богов к солнечно-небесному культу Зевса-Аполлона, а в длительной борьбе они были частично покорены в политическом плане, частично духовно ассимилированы, но каждый раз ждали момента ослабления нордических греков, чтобы вернуть свои старые права и своих старых богов. Ни климатические, ни географические, ни какие-либо другие влияния окружающей среды не могут рассматриваться здесь в качестве последнего толкования, потому что солнце Гомера также сияло до поклонников Изида и Афродиты. И оно сияло также и потом, над той же частью земли, когда Греция погибла.

Но нордические кланы эллинов со своей стороны до своего переселения на более позднюю родину не признавали матриархата как "первую ступень развития", а следовали с первого дня своего существования заповедям отцов. Потому что иначе невозможно было бы понять, почему греческие боги не вступили в тесную дружбу с богами пеласгическими, критскими, этрусскими, древнеливийскими, узнавая в них самих себя, как позже узнавали в образах индийских богов своих Гелиоса или Геракла. Напротив, греческие мифы полны борьбы и побед. Эллины уничтожили на Лемносе кровавое господство амазонок при помощи похода Ясона, они дали Белерофонту возможность потрясти такое господство в Ликийи, они показывают на кровавой свадьбе Данаид победу Зевса и Геракла над теллурическими темными силами земли и подземного мира. В противовес нордической германской мифологии греческая потому так богата персонажами, так всеядна (и все-таки по всем своим характерным контурам - победа света над ночью - неизменно типична), что германские боги реже затевали аналогичные войны против божественных систем других рас. Поэтому Илиада также является единственным великим воспеванием победы света, жизни над тьмой, смертью. Гомер понимал, что не смерть и жизнь являются противоположностями, а что они напротив взаимно обусловлены (как это снова признал Гёте). Противостоят друг другу рождение и смерть, которые составляют жизнь. Признание этой необходимой закономерности означает также признание господства безличной Мойры: Фетида предвидит конец своего сына, но не просит Зевса о продлении его жизни, сознавая, что воплощенное в нем небо точно также подчиняется космической закономерности, которую символизирует судьба. Мойры (смотри также Норны из мира германских

божеств) - женского пола, потому что в женщине царит только безличное, она является безвольно-растительной носителем законов.

Здесь снова проявляется нордическая ценность: Аполлон как "истребитель древних демонов" (Ахилл), т.е. как истребитель ненордической колдовской сущности. Когда ликиец Глаукос печально говорит Диомеду в ответ на его вопрос о его роде. "Поколения людей подобны листьям дерева", - здесь обнаруживаются бесформенные и безличные взгляды догреческого общества, несмотря на принесенную в Ликию солнечную службу Аполлона. А в греческой трагедии, которая возникла в то время, когда Греция вела тяжелейшие, сотрясающие ее целостность войны, эллины снова были вынуждены спорить со старыми хтоническими первоначальными силами. Это больше не происходит с появлением светлого торжества победы у Гомера.

Нет, кто однажды умер, того следует жалобно оплакать.

В течение одного дня, а потом похоронить с закаленным сердцем, а самим продолжать существование в ожесточенных боях между двумя мировоззрениями в форме проявления различных расовых душ.

Эрифилла за ожерелье предала своего супруга, тот был отомщен своим сыном, который убивает мать. Право догреческого общества не задает вопроса о вине матери, а земля сама мстит за ее пролитую кровь, и Эриннии довели Акмеона до безумия; и только совет Аполлона высадиться на той земле, которая во время убийства матери была невидима, спасает его. Он открывает новый, появившийся из воды остров... Самым грандиозным образом изображена борьба расовых душ в "Орестее"; со светлейшим сознанием встали друг против друга старые и новые силы, что поднимает это произведение до вечной притчи для всех времен⁵. Старый закон Малой Азии, хтонического матриархата не спрашивает, права или не права Клитемнестра, а посылает своих неистовых служанок, чтобы совершить кровную месть за убийство матери. Но за Ореста вступились защитники новой нордической души и оградили мстителя за убитого отца. "Она не была родной по крови человеку, которого убила, - восклицает Эринния, - о новые боги, как закон и древнее право вы вырываете ее из моих рук". Против нее выступает Аполлон: "Не мать является производительницей своих детей. Производитель - отец..." А Афина, дочь Зевса, заявляет: "Я всем сердцем хвалю все мужское". Но великодушно Афина (и Аполлон) протягивает затем побежденным силам руку для примирения и обещает укрощенным, обитающим "в глубокой, лишенной солнца, ночи" также глубокое уважение мужчин.

Я же постоянно опоясанный для отважной борьбы славы, Не хочу покоя до тех пор, пока весь мир оказывает Высшую честь моему городу победы. Так и Эсхилл заканчивает мощно и уверенно, как Гомер. Но великодушные света Аполлона, после победы над хтоническим миром богов, имело следствием их дальнейшее подземное существование, усиленное Аполлоном. И после расового смешения в дальнейшем появляется не хтонический и не небесный элемент, а оба смешиваются в вакхические обряды. И хотя Дионис (Вакх) представляет также патриархат, он становится богом мертвых (к которому также взывает Антигона), он теряет ясный сильный характер, становится женственным и пьяным, наконец опускается в демоническое, вакхическое, в ночь. Темными являются посвященные этому богу-демону животные, в пещерах рождаются боги, и только ночью им поклоняются. Как нечто чуждое в расовом и духовном плане - может даже и первобытное - входит все вакхическое в греческую жизнь, в дальнейшем сильнейшее подобие сопутствующего ему нордического упадка. При неровном свете факелов, под грохот металлических чаш, в сопровождении литавр,

---

⁵ Очень хорошо выполнено Боймлером, новым издателем Бахофена ("Миф Востока и Запада". Мюнхен, 1926 г.)

звуков флейт собираются участвующие в вакханалиях для вихреподобных хороводов. "В большинстве случаев это были женщины, которые до изнеможения носились в вихре этих танцев: они носили бассары (Bassaren), длинные развевающиеся одежды, сшитые из лисьего меха... Буйно разлетаются волосы, змеи, священные для забациев (Sabazios), они держат в руках кинжалы и размахивают ими... Так они неистовствуют до крайнего возбуждения всех чувств, и в святом безумстве бросаются на предназначенных в жертву животных, хватают и разрывают настигнутую добычу и отрывают зубами кровавое мясо, чтобы проглотить его сырым"⁶. Эти обряды во всем без исключения были полной противоположностью греческому, они представляли ту "религию безумия" (Фробениус), которая царилла на всем востоке Средиземного моря, принесенная африкано-малоазиатскими и смешанными расами. От одержимого царя Саула тянется единственная линия к рожденным землей вакханалиям Диониса (которого греки тем не менее облагораживали) до танцующих дервишей более позднего ислама.

Символом "позднегреческого" мировоззрения становится фаллос. То, что мы находим в искусстве и жизни, имеющее отношение к этому символу, не является "греческим", а является враждебным греческому, малоазиатским⁷.

Таким образом, среди великолепных эллинов действуют представители Малой Азии и их боги. Таков древний земной бог Посейдон, оттесненный Афиной: "Он обитает под своим храмом в земле в образе змеи; он является подкольной змеей акрополя, которую каждый месяц кормят медовым пирогом" (Паули Виссова). Пеласгический Пифон - дракон - тоже похоронен в Дельфах под храмом Аполлона, там, где находится также место погребения Диониса. Но не везде нордический Тесей убивал чудовищ Малой Азии, при первом ослаблении арийской крови все снова и снова возрождались чудовища - т.е. малоазиатские метисы и физическая грубость восточного человека. Этот результат исследования является решающим для суждения о мифах и мировой истории в том плане, что уже здесь уместно исследовать противоположность расовых душ там, где победа светлого принципа нордического Аполлона (о белокурых данайцах говорит Пиндар) временна, когда поднимаются старые силы и образуется много гермафродитных форм. Это духовное кровосмешение отчетливее проявилось, естественно, там, где слой греческих завоевателей был очень тонок и не мог достаточно упорно защищаться от бесчисленных носителей хтонической сущности: в Малой Азии, на некоторых островах и в Колхиде. Великие и продолжительные войны были собраны, конечно, в сказания и мифы (поход аргонавтов под предводительством потомка Аполлона - Ясона). Аргонавты плывут, как утверждает сказание, при северном ветре, четкое напоминание о нордическом происхождении Аполлона, с Севера приходят ежегодные подношения, с Севера ожидают героя света.

Всюду, куда попадали, подобно греческим викингам ясониты, они противопоставляли себя темным хтоническим богам, господству амазонок и чувственному восприятию женщин. Амазонство объясняется тем, что скитающиеся толпы воинов часто надолго покидали места отдыха и жительства, таким образом оставшиеся женщины обустроивали свою жизнь без них и должны были также вооружаться для защиты от нападений. Как правило мужчины, наконец, возвращались - если они вообще возвращались - с другими женщинами, что часто имело следствием убийство мужчины; это действие, о котором сообщили, например, лемнитки, отозвалось во всей Греции как ужасное преступление, и о нем каждый раз сообщалось с отвращением. Доведенные

---

⁶ Эрвин Роде. "Психея". С. 301.

⁷ В качестве заслуживающей внимания информации об этом, можно рекомендовать д-ра К. Кинаста "Аполлон и Дионис". Мюнхен, 1927 г.

до неистовства половым воздержанием толпы женщин, при первом покорении впадали в безудержное гетерство, в ту форму жизни, которая всегда прорывалась там, где не было господства принципа Аполлона, который все-таки в начале его победы внутренне приветствовался, так как он создавал первые действенные основы для постоянства цивилизации, против которой, тем не менее в дальнейшем старые инстинкты поднимались заново.

Так Ясон был принят лемнинкой Гипсифилой, так он сошелся с Медеей и учредил против амазонок и гетер брак. В результате учреждения брака, женщина, мать в рамках нордического принципа Аполлона, получает новое, почетное положение, выступает благородная, плодотворная сторона культа Деметры (сравните превращени Изиды в Божью Матерь германского человека); и все это исчезает там, где Аполлон, т.е. грек, не смог утвердиться как властитель. Эту сторону борьбы освещает рассказ о том же Ясоне, который в пронизанном финикийским духом Коринфе нарушил верность в браке; о женоненавистнике Геракле, который победил всех амазонок, прошел всю Северную Африку до Атлантики и тем не менее в Ливии опустил на колени перед Омфалой.

Таким образом, потомки Аполлона не смогли удержаться и на Востоке и компромиссом стала вакхическая "религия". Поэтому светлый Ясон получает на плечи шкуру леопарда, чтобы обозначить влияние вакхического на прекрасное от Аполлона. Подчеркнутое светом мужество Аполлона сочетается с земным экстазом гетер. Закон Вакха о беспечном половом удовлетворении означает беспрепятственное расовое смешение между эллинами и малоазиатами всех родов и разновидностей. Ранее враждебно настроенные по отношению к мужчинам амазонки, оказываются нимфоманками, брачный принцип Аполлона снова нарушен и так как принцип Сабазия (Sabazios) ориентирован полностью на женщин, то и мужской пол идет навстречу своему разложению, и мужчины принимают участие в вакханалиях только в женском облачении. От этого расового смешения Малой Азии кровосмешение снова распространяется на Запад и царит по всему Средиземному морю. Характерно, что в Риме вакханалии распространялись особенно в преступных кругах. В 186 году после долгого терпения по отношению к якобы религиозному культу сенат был вынужден строго преследовать вакхические сборища. Примерно 7000 лжесвидетелей, обманщиков и клятвопреступников были сожжены или казнены иными способами. Только в самой Элладе светлый принцип Аполлона, приводящий хаос в порядок, еще держится.

Так на греческих изображениях Дионис имеет греческую фигуру, но изнежен и живет в окружении малоазиатских сатиров, которые затем появляются на надгробных памятниках, как кричащие гротески мирового упадка. Бахофен правильно говорит, что проникший в Азию, казалось бы, с победой Аполлон, вернулся в виде Диониса; что он и все другие мыслители, однако, несмотря на многочисленные духовные попытки, проглядели тот факт, что Зевс-Аполлон представляли духовную сторону нордическо-греческой крови так же, как гетероподобная форма жизни была выражением ненордических малоазиатских и североафриканских расовых групп. Смешение мифов и ценностей было одновременно смешением крови, и многие сказания греческого народа представляют собой образное выражение этой борьбы различных обусловленных кровью духов.

Наиболее сознательно этот малоазиатско-африканский низменный мир был тогда возвеличен исторически реальной фигурой - Пифагором. Согласно сказанию, он освободил Вавилон и Индию; его самого считали пеласгийцем, и он практиковал свою таинственную мудрость главным образом в Малой Азии, где к нему восхищенно присоединялись все мистические женщины. В самой Греции он утвердиться не мог, такие великие греки как Аристотель и Гераклит высказывались о нем отрицательно, так

как они, очевидно, не находили удовольствия в его числовой кабалистике. Аристотель говорил, что слава Пифагора основывается на присвоении чужой духовной собственности, что совпадало с мнением Гераклита, так как он заявлял, что Пифагор из множества сочинений совмещает "ложное искусство и всезнайство". "А всезнайство, - добавляет греческий мудрец, - не обучает дух"⁸. Так и ездил Пифагор на Запад, в Южную Италию, строил там (античный Рудольф Штайнер плюс Анни Безант) свои таинственные школы с женщинами в качестве священнослужителей и считался во всей африканской округе, откуда родовое-общинное учение о "таинствах" египтянина Карпократа соблазнительно стремилось ему навстречу, мудрейшим из мудрых. Всеобщее равенство вновь провозглашается демократическим теллуризмом, целью становится общность имущества и женщин, хотя все это однажды было исходным пунктом ненормального средиземноморского мышления, когда Аполлон вступил в борьбу с этой враждебной ему формой жизни. В этом месте недостаточно подчеркнуть, что высказывания типа: "конец человеческого развития возвращает доисторическое животное состояние"⁹ - представляют собой чудовищный обман и тем больше, когда время от времени молниеносно всплывает признание того, что пифагорейский культурный круг ведет назад "к догреческим народам и их культурам" с тем, чтобы потом снова его смысл был безнадежно затемнен фразами о том, что эллинизм "вырвался" из хтонической сущности (словно он когда-либо в ней находился).

Все драматическое формирование жизни в Греции проходит, таким образом, в двух плоскостях: в одной из них развитие сущности происходит абсолютно органично - от символики природы, увенчанной богами света и неба во главе с богом-отцом Зевсом; от этого мифического художественного уровня к драматическо-художественному признанию этих духовных сущностей, до идейного учения Платона, т.е. философского признания того, что уже сформировано мифами. Но все это развитие находится в постоянной борьбе с другими, связанными с другой кровью, мифическими, а затем также мыслительными системами, которые, частично облагороженные, сливаются с эллинизмом, а в конечном итоге поднимаются со всех сторон из болот Нила, водоемов Малой Азии, из пустынь Ливии и вместе с нормальным образом греков разлагают, переделывают, уничтожают свою внутреннюю сущность. Но это последнее не означает развитие или разрядку естественных напряжений внутри органичного целого, а означает драматическую борьбу враждебных расовых душ, взволнованными зрителями которой мы и являемся сегодня, следя за победой и закатом эллинизма живым взглядом, и кровь подсказывает нам, на чьей мы стороне; только лишенные крови ученые могут требовать "равноправия для двух великих принципов".

С вечной печалью мы следим за тем, как сопутствующее явление духовно-расового распада греков Гомера, которое когда-то вместе с гордыми словами поэта:

"Быть всегда первым и стремиться быть впереди других" - появилось на сцене мировой истории, борется против подрыва собственного. Как сказал великий Теогнис: "Деньги смешивают кровь благородных и неблагородных и что таким образом расу, которую строго оберегают у ослов и лошадей, у людей оскверняют". Как в Горгии" (Gorgias) Платон тщетно побуждает Калликла (Kallikles) обнародовать мудрейшее Евангелие: "Закон природы хочет, чтобы более значительное господствовало над

---

⁸ Даже если Пифагор и не был полным малоазиатом, то все же существенно интересным метисом, обладающим различными ценностями. Его речи начинались с того, что он подчеркивал, что не потерпит противоречащих ему взглядов (обрати внимание на сходство с фанатично нетерпимым Павлом), и потому совершенно показательно, что он предрекал Гомеру страшные наказания в аду. Предлогом этому послужило то, что Гомер недостаточно чтит божество, а на самом деле потому, что духовный творец эллинизма был слишком чист и велик и поэтому воспринимался как живой укор. В каждой эпохе были такие случаи (смотри Гейне-Берне против Гёте).

⁹ И.Я. Бахофен. "Матриархат".

мелочным". Правда иным является "наш (афинский) закон" по которому дельных и сильных, молодых, как львы ловят, чтобы при помощи "магических заклинаний и обмана" ввести в заблуждение. Но когда кто-то снова поднимается, он растаптывает все эти ложные магические средства и, сияя, идет навстречу "праву природы". Но тщетным было это стремление к героическому расовому человеку: деньги и с ними недочеловек уже победил кровь. Эллин начинает беспорядочно заниматься торговлей, политикой, философией, опровергает то, что вчера превозносил; сын забывает о почтении к отцу, рабы всех частей света кричат о "свободе", провозглашается равноправие между женщинами и мужчинами. Под знаком этой демократии - как насмешливо замечает Платон - ослы и лошади толкают людей, которые не хотят уступить им дорогу. Войны сокращают численность поколений, происходит приток все новых граждан. "При нехватке мужчин" совершенно чужие становятся "афинянами", как позже восточные евреи - гражданами "немецкого" государства. И, жалуясь, говорит Исократ (Isokrates) после экспедиции в Египет (485), увидев, что семьи величайших домов, которые выстояли персидскую войну, истреблены: "Но превозносить следует не тот город, который со всех сторон наобум собирает много граждан, а тот, который с самого начала получает от поселенцев расу". "И не может быть иначе", - с огорчением констатирует Якоб Бургхард: "С наступлением демократии внутри них (греков) царит постоянное преследование тех индивидуумов, которые могут что-то значить!.. Далее следует неумолимость по отношению к таланту..."¹⁰. Но эта демократия является не народной властью, а властью Малой Азии над греческими кланами, рассеивающими своих людей и силы. Всюду, ставшие безудержными выродки рода человеческого, царят над изнеженными гоплитами, которые не были усилены родственным по расе сельским населением. Бессовестные демагоги натравливают массы на римлян, чтобы позднее взаимно выдавать им друг друга. Однако при их приближении началось жалкое массовое бегство из находившихся под угрозой городов с появлением позже пословицы: "Если бы мы не пали так быстро, нам бы совсем не было спасения". В безумии "снова создать" страну началась хаотическая демократия с амнистией, прощением долгов, разделением земли и все стало еще более беспорядочным, чем когда-либо. В кровавых экономических войнах города уничтожались или пустели в результате ухода эллинов во все части тогдашнего мира. Это была культурная подпитка жестоких народов в сочетании с характерным упадком и физическим уничтожением. Там, где раньше стояли цветущие города, свободные греки боролись на стадионах, и сверкающие храмы свидетельствовали о созидательном духе, более поздние путешественники находили пустые руины, безлюдную землю, развалившиеся колонны, и только пустые пьедесталы свидетельствовали о статуях героев и богов, которые когда-то на них стояли. Во времена Плутарха едва ли можно было поднять еще 3000 гоплитов и Дио Крисостомос замечает, что тип старого грека стал крайне редким явлением: "Не течет ли Пеней по пустынной Фессалии, а Ладон по опустошенной Аркадии?... Какие города более пустынные, чем Кротон, Метапонт и Тарент?" Опустошенными лежали Гизия (Hysii), Тиринс (Tiryns), Азина (Asine), Орнея (Ornei); храм Зевса в Немее упал, даже в гавани Науплии (Nauplii) не было людей; от Лазедэмона, насчитывавшего "сто городов", осталось тридцать деревень; в мессенийской области Павсаний описывает развалины Дориона и Андании; от Пилоса остались руины, от Летриноя (Letrinoi) еще несколько жилищ; "большой город" (мегаполис) в Аркадии был "большим запустением"; от Мантинеи, Орхомена, Гереи, Мэналоса (Minalos), Кинэта (Kynitha) и т.д. оставались лишь жалкие следы; Ликосура сохранила городскую стену, в Орестазии (Oresthasion) только колонны храма поднимались в небо, акрополь Азеи (Asea) был разрушен до основания стен...

---

¹⁰ История греческой культуры. Т. IV. С. 503

Разрушены были Дафнус (Daphnus), Анея (Aneia), Каллиарос (Kalliaros), когда-то прославленные Гомером; Олеанос (Oleanos) был стерт с лица земли, украшения Эллады, Калифона и Плевриона сгнули, а Делос был так опустошен, что когда Афины послали туда охрану для тамошнего храма, она составляла там все население...

И тем не менее, даже погибая, греческий человек сдержал наступление Азии, его блестящие дары, рассеянные по всему миру все-таки помогли нордическим римлянам создать новую культуру и стали позже для германского Запада живыми сказками. Аполлоном называется при этом первая большая победа нордической Европы, несмотря на принесенных в жертву греков, потому что за ними из новых гиперборейских глубин выросли носители таких же ценностей духовно-интеллектуальной свободы, органического обустройства жизни, творческой созидательной силы. Тогда Рим надолго прогнал мечом окрепший малоазиатский призрак, добивался более жестко и сознательно, чем Эллада, установления Аполлонова принципа отцовства, укрепил тем самым идею государства и брак, как предпосылку для защиты народа и расы. Пока Германия в новой форме не стала представителем небесного бога¹¹.

В то время, как Роде только в самом конце, перед лицом хаотического позднего эллинизма говорит о "безумных представлениях со всех концов мира", "иностранных... безобразиях при изгнании духов", о "суете чужих идолов и низко парящих демонических силах", все его произведение прямо требует исследования того, как эти догреческие силы значительно раньше были истолкованы в произведении, усвоены или преодолены. Теперь наверняка будет объяснено, что Пифон, погребенный "под центральным камнем богини земли" был "хтоническим демоном", древним богом Малой Азии, функции которого перешли к Аполлону, в известной мере он не смог его победить. Такой же расово-чуждой фигурой является Эрехтеус (Erechtheus) "живьем обитающий в храме". Это дает Роде гениальную непринужденность, когда он констатирует, что власть более позднего оракула основывается "на все более глубоко проникающем страхе перед силами всюду действующих невидимых духов, суевериями, каких во времена Гомера еще не знали". Смещение греческого культа героев с хтоническими богами показалось бы сегодня драматической борьбой или компромиссом между двумя разными расовыми душами. Поэтому все его произведение является утверждением того духовно-расового мировоззрения, которое возникло в настоящее время. Следует прочесть также с этой точки зрения и Фустеля де Куланжа (Fustel de Conlanges) "La cile antique". Но прежде всего вечную "Историю культуры Греции" Буркхарда, сведения которой благодаря духовно-расовому размежеванию только сейчас получили свое собственное толкование и значение.

3

Древнее северное республиканское римское государство. — Аристократические кланы; Карфаген, Иерусалим. Патриции и плебеи. Принятое императорство. — Ублюдок Каракалла. — Новая оценка римской истории. — Новая оценка римской истории и учение "культурного круга". — Враждебное Риму этрусское государство. — Гетеры и власть духовенства в Этрурии. — Магический жертвенный культ, разоблачение солнечного мифа. — Открытия Грюнведела. — Этрусский Харуспекс, "великая мать", демонизм — ведьмоания и дантов ад как поражение этрусков. — Рационализм и колдовство. Христианство и Павел. — Германская Северная Италия.

В основном те же события, что и в Элладе, но более мощно в пространственном масштабе и в плане политики насилия, показывает история Рима. Рим также является

---

¹¹ Следует еще раз прочесть с этой точки зрения чудесное произведение Э. Роде "Психея".

учреждением волны нордического народа, который задолго до германцев и галлов хлынул в плодородную долину южнее Альп, сломил господство этрусков, этого таинственного "чуждого" (малоазиатского) народа, предположительно вступил в брак с кланами еще чистой местной средиземноморской расы и породил нордически обусловленный характер, более стойкий и упорный, причем господа, крестьяне и герои объединились со здравым смыслом и железной энергией. Старый Рим, о котором история может рассказать немного, благодаря воспитанию и недвусмысленному характеру в борьбе против всего ориентализма, стал настоящим народным государством. В это "доисторическое" время те головы как бы получили подготовку, накапливалась та сила, которой расточительно питались более поздние столетия, когда римляне вступили в мировые конфликты. Господствующие 300 аристократических кланов дали 300 сенаторов, из них назначались руководители провинций и полководцы. Окруженный мореплавателями расами Малой Азии, Рим все чаще был вынужден самоутверждаться при помощи меча и со всей беспощадностью. Разрушение Карфагена было чрезвычайно важным действием с точки зрения истории рас: благодаря этому была спасена более поздняя средне- и западноевропейская культура от испарений этого финикийского зачумленного очага. Мировая история, наверное, имела бы другой ход событий, если бы одновременно с разрушением Карфагена удалось бы полностью разрушить все другие сирийские и малоазиатские семитско-еврейские центры. Но действия Тита, однако, запоздали: малоазиатский паразит больше не сидел в самом Иерусалиме, а протянул уже свои сильные загибающие руки от Египта и "Эллады" к Риму. И он уже действовал в Риме! Все, что было одержимо тщеславием и корыстолюбием, тянулось в столицу на Тибре и предпринимало усилия обещаниями и подарками повлиять на решения "суверенного" единовластного народа. Из ранее справедливого всенародного референдума, имеющего однонаправленный, связанный с землей характер, за счет притока чуждой расы возникла бессмысленная опустившаяся толпа людей, представляющая собой постоянную угрозу государству. Как одинокая скала в этой, все более зарастающей илом волнуемой массе, стоял позже как аллегория великий Катон (цензор). В качестве претора (Pritor) Сардинии, консула в Испании и затем цензора в Риме. Он боролся против взяточничества, ростовщичества и расточительства. Аналогично другому Катону, который после бесплодной борьбы против разложения государства бросился на меч. Но древнеримское - это по сути нордическое. Когда германцы позже согласились пойти на службу к слабым, опустившимся, окруженным нечистопородными людьми императорам, в них был жив тот самый дух чести и верности, что и у древних римлян. Император Вителлий, бесподобный трус, был схвачен своими противниками в своем убежище, его протащили на веревке по Форуму и удушили, а его германская личная охрана не сдалась. Хоть и была она освобождена от своей клятвы, но погибла до последнего человека. Это был нордический дух Катона, древних германцев Мы наблюдали его снова в 1914 году во Фландрии у Коронеля (Cogonel), в течение многих лет во всем мире.

В середине V века был сделан первый шаг навстречу хаосу: был разрешен смешанный брак между патрициями и плебеями. Смешанный с точки зрения расы брак в Риме, так же как и в Персии и Элладе, стал заключительным аккордом в падении народа и государства. В 336 году первые плебеи проникли в собрание депутатов общины, к 300 году можно было уже говорить о плебейских священниках. В 287 году плебейское народное собрание стало государственным учреждением. Торговцы и финансисты выдвинули на передний план свои креатуры, тщеславные мятежные священники (проповедники) типа Гракхов поддались демократическим тенденциям, побуждаемые, может быть, благородной, но ложно используемой доброжелательностью, остальные совершенно открыто встали во главе городского римского сброда, как, например, Публий Клодий (Publius Clodius).

В эти времена хаоса лишь немногие выделялись: голубоглазый могущественный Сулла, чисто нордическая голова Августа. Но они не могли больше противостоять судьбе. И так случилось, что власть над римским народным потоком - а это означает власть над огромной империей - становится игрой жестокого случая в зависимости от того, кто господствует над преторианцами (Pritorianer) или прямо является предводителем голодных скопищ людей: один раз поднимается великий гражданин, а другой раз - свирепый легавый пес. Прежние мощные расовые силы Рима за 400 лет демократии, разлагающей расу, были близки к истощению. Властители приходят теперь из провинций. Траян является первым испанцем в пурпуре, Гадриан (Hadrian) - вторым. Возникает усыновленное императорство, как последняя попытка спасения, связанная с ощущением того, что на кровь уже положиться нельзя, и только личностный отбор способен сохранить государство. Ценности Марка Аврелия, тоже испанца, уже ослаблены христианством: он совершенно открыто поднимает защиту рабов, эмансипацию женщин, помощь бедным (заботу о безработных, как сказали бы мы сегодня) до государственных принципов, лишает прав единственную, еще типобразующую силу, сильнейшую традицию республиканского Рима - власть отцовской семьи (pater familias). Затем следует Септимий Север, африканец. "Делайте богатыми солдат, презирайте всех остальных", - звучит его совет своим сыновьям Каракалле и Гете. Побуждаемый своей матерью-сирийкой (дочерью жреца семитского божества Ваала) Каракалла, отвратительный ублюдок на троне цезарей, объявляет всех "свободных" жителей римской области гражданами государства (212).

Это было концом римского мира. Затем Макринус (Macrinus) убивает Каракаллу и сам становится императором. После того, как убивают и его, за ним следует монстр Элагабал (Elagabal), племянник африканца Севера. Между ними всплывают полугерманец Максим "Тракс" (Maximus "Thrax"), семит Филипп "Араб" (Philippus "Arabs"). На местах сенаторов восседали почти только неримляне. "Созданию этой эпохи способствовали испанец Марциал, греки Плутарх, Страбон (Strabon), Дион Кассий (Dio Cassius) и т.д. Аполлодор, построивший Форум, тоже был греком...

Среди более поздних: рожденный в Белграде иллириец Аврелий, Диоклетиан (Diokletian) - сын иллирийского раба (может быть полугерманского происхождения), Констанций Хлор (Constans Chlorus) также происходит из Иллирии, но более высокого происхождения. После его смерти цезарем становится могущественный Констанций, сын Констанция Хлора и шинкарки из Битинии (Bithynien). Этот Констанций победил всех соперников. На этом история Римской империи закончилась - началась история папская и германская.

В этом расплывчатом многообразии перемешивается римское, малоазиатское, сирийское, африканское, греческое. Боги и обычаи всех стран показали себя на почетном форуме, священник в митре приносил там в жертву своих быков, Гелиосу молились поздние греки. Астрологи и восточные колдуны рекламировали свои чудеса, "император" Элагабал запряг шесть лошадей белой масти, чтобы провезти огромный метеорит по улицам Рима как символ Ваала и Эмесы. Он сам танцевал во главе шествия. За ним тащили старых богов и "народ" Рима ликовал. Сенаторы подчинились. Уличные певцы, цирюльники и конюхи возвысились до сенаторов и консулов. Пока Элагабал не был задушен и сброшен в Тибр, место последнего успокоения многих за более чем двухтысячелетний период.

Эта точка зрения о прошлом Рима, должно быть, навязана без более новых расово-исторических исследований; главным образом, при изучении древнеримских обрядовых, государственных и правовых предписаний и мифов, так как во всех областях мы видим как древние, тесно связанные с Африкой-Малой Азией ценности, постепенно или внезапно при сохранении тех же наименований превращались в свою противоположность. Так, наши первоклассные историографы "установили" (они

делают это и сейчас), что в Северной и Центральной Италии жили этруски, сабины (Sabiner), оски, сабеллы, аэки (Aequer), самниты (Samniten), на юге - финикийцы, сикулы (Sikuler), малоазиатские народности, греческие поселенцы и торговцы. И вдруг, неизвестно как и почему, возникает борьба против части этих кланов и народов, против их богов и богинь, против их правовых понятий, против их притязаний на политическую власть, причем речь идет не о новом носителе этой борьбы, а если и идет, то не ставится вопроса о его сущности. Здесь ученый мир помог себе известным "Развитием человечества", которое используется якобы с целью "облагораживания", и собиратели фактов в этом пункте едины со своими противниками - романтическими толкователями мифов, хотя этруски, наверняка, обладали "более высокой культурой", чем латинские крестьяне. Так как это слово от внезапно введенного в действие "Развития" привело к более высокой духовности, более высоким государственным формам и т.д., а со временем стало все-таки одиозным, новые толкователи истории изобрели так называемое учение о культурном круге. Новое слово к своей частной вере, которое также лишено содержания, как и "общее развитие", которое можно найти в мозгу ученого или священника, потому что именно о творцах культурного круга говорилось также мало, как и в произведениях эволюционных пап XIX века. Такой индийский, персидский, китайский или римский культурный круг в один прекрасный день опускался на территорию, и в результате этого волшебного прикосновения полностью изменялась сущность людей, которые до этого придерживались определенных обычаев. И тогда мы узнаем, что этот магический круг "подобно растению" растет, цветет и погибает, пока учителя "Морфологии истории" в результате мощной критики в конце второго или третьего тома не начинают что-то бормотать о крови и кровных связях.

И это новое интеллектуалистское волшебство начинает теперь рассеиваться. "Римский культурный круг", "новое развитие" возникает не из творений коренной этруско-финикийской крови, а в борьбе против этой крови и ее ценностей. Носителями являются нордические переселенцы и нордическая военная аристократия, которые на итальянской земле начинают вытеснять лигуров (древнюю негроидную расу, родом из Африки) и малоазиатских этрусков, вынуждены платить, вероятно, некоторую дань этому окружению, но в ожесточенной борьбе бесцеремонно выдвигают и пробивают свое собственное духовное наследие, как народ эллинов, обладающих более художественной формацией (изгнание последнего этрусского царя Тарквиния Супербуса (Tarquinius Superbus); многие из этих достижений остались европейским общественным достоянием, но многое прогнившее и чуждое в Европу занесли позднее вновь сильно вспенившиеся волны народного хаоса.

Этруски, лигуры, сикулы (Sikuler), финикийцы (пуны) не были таким образом "более ранней ступенью развития", не были "племенами римского народа", которые внесли свое в "общее образование", а основатели Римского государства по расе и народности враждебно им противостояли, покоряли их себе, частично истребляли, и только дух, воля, ценности, которые выявлялись в этой борьбе, заслуживают чести называться римскими. Этруски представляют собой типичный пример народа, который не внес прогресса в греческую форму веры и жизни, не смог ее облагородить. Так же, как и другие малоазиаты они когда-то распевали атлантико-нордические мифы, они были тогда охвачены греческой культурой, они переняли как могли греческую пластику и рисунок, они присвоили себе также эллинский Олимп и, тем не менее, все это выродилось, превратилось в свою противоположность. Достаточно оснований для того, чтобы некие "исследователи" и сегодня несли чепуху о чрезвычайном "духовном наследии", о "почве для развития", об "историческом посвящении"¹², очевидно, из той

---

¹² Ц.Б. Ганс Мюленштейн. "Зарождение Запада". Берлин, 1928 г

внутренней симпатии, которая сегодня связывает поднимающееся асфальтовое человечество городов мира со всеми отбросами азиатчины весьма примечательным образом. При этом сказания и надгробные памятники этрусков дают достаточно точек соприкосновения для того, чтобы сделать понятным, почему здоровый и сильный крестьянский народ Рима отчаянно боролся против этрусков. Существует два типа, характеризующие тускийскую (tuskisches) сущность: божественная гетера и обладающий колдовской силой жрец, умеющий при помощи ужасных ритуалов устранить ужасы преисподней. "Великая Вавилонская блудница", о которой говорит Апокалипсис, не сказка, не абстракция, а стократно подтвержденный исторический факт - факт хозяйничанья гетер над народами Малой и Средней Азии. Во всех центрах этих расовых групп на самых больших празднествах на троне восседала городская гетера, как воплощение уравнивающей всех чувственности и правящего миром наслаждения, в Финикии на службе у Кибелы и Астарты, в Египте в честь великой сводни Исида, во Фригии в качестве жрицы абсолютно безудержного коллективного секса. К господствующей жрице любви присоединялся облаченный в прозрачное ливийское одеяние ее любовник. Они оба умащивают себя дорогими мазями, украшают драгоценными пряжками, чтобы затем спариться перед всем народом (как и Абессолом (Absolom) с наложницами Давида. Примеру последовал народ Вавилона, Ассирии, Ливии, этрусского Рима, где богиня-жрица Танакил (Tanaquil) ставила на первое место развитие гетерства в прекрасном взаимодействии со "жрецами" этрусков¹³. Тускийские (Tuskische) надписи на гробницах, на обертках мумий, на свитках, возможно, ранее "толковали", но только Альберту Грюнвелделю удалось действительно и результативно расшифровать¹⁴ эти письма, которые показывают этрусков в ужасающем свете. Греческий солнечный миф воспринят и здесь; то, что солнце умирает, что затем бог солнца выходит из темной ночи и парит над нами, излучая свет, является также и этрусским мотивом. Но в руках тускийских жрецов это превращается в азиатскую магию, колдовскую сущность, связанную с педерастией, онанизмом, убийством мальчиков, магическим присвоением силы убитых жрецами-убийцами и предсказаниями по пирамидам из экскрементов и внутренностей принесенных в жертву.

Сначала в них участвовали только женщины и только значительно позже, в Риме к 550 году к участию привлекались и мужчины; этрусские жрецы тогда организовывали также "отвратительные оргии, где оглушала фригийская музыка цимбал (Kymbalenmusik) и литавр, душа, воспламененная вакхическим восторгом и освобожденными яйцами, осмеливалась на всевозможную мерзость, до тех пор, пока римский сенат (568 год) с благородной строгостью все вакханалии ... не отменил" (Т II. С. 78) Мужская сила солнца совершает магическим фаллосом самооплодотворение на солнечном диске (это египетская "точка" на солнце), который он в конце концов протыкает. В результате возникает золотой мальчик, "фетус (phoetus) мальчика, который имеет отверстие", "магическая схема"; это так называемая "печать вечности". Неистовство магического фаллоса представляется в виде быка, который выходит вперед так распутно, что солнечный диск рычит, а "рогатый фаллос" воспламеняется, "фаллос из того, кто имеет небо". Во все продолжающихся неизменных непристойностях солнечный миф опускается до противной мужской связи, которая продолжается в надписях на стенах гробниц (гробница Голини), где усопший со своим

---

¹³ Внешне сдержанный исследователь Этрурии Карл Отфрид Мюллер, который в первой половине XIX столетия не мог, конечно, осветить расовый вопрос так, как сегодня его видим мы, пишет в своем великом произведении "Этруски" (заново издан д-ром В. Дееке. Штутгарт, 1877 г.) об очевидно родственной этрусской сущности вакханалиях

¹⁴ "Туска". Лейпциг, 1922 г.

мальчиком-любовником на том свете совершает трапезу, и где из жертвенного огня выскакивают два огромных фаллоса как результат сатанинской акции колдовства. Согласно надписи это "вспышка завершения, личность матки, фаллос, который имеет испарения разложения и так заканчивается". Т.е. в переводе с магического языка это означает, что рожденное женщиной создание, обожествленное после разложения, становится фаллосом. Из надписи Циппуса из Перуджии (Cippus von Perugia) следует свидание сатанинских жрецов, которые "завершают" безобразие, "чтобы гореть в безумии", "он, который "имеет" этого мальчика, который имеет меч демона. Вечен огонь мальчика... магический огонь печати". И убитый мальчик становится теперь "козлом". Олицетворенный гром представляет собой тогда вариацию полученного путем насилия сына, завершеного козленочка. "Здесь, с одной стороны, корни рогатого фантома, с другой стороны, чёрта с головой козла, появление которого в колдовской литературе до народных сказаний было полностью загадочным. Античными типами являются Минотавр (особенно над известной гробницей Корнето: Tomba dei Torigi) и тип греческого сатира, который был достаточно хорош, чтобы иллюстрировать вопиющее преступление" (Грюнведель). Смысл всех постоянно повторяющихся обычаев "религиозного" этрусского народа заключается в том, что мальчика-любовника после постыдного изнасилования разрезают, что должно символизировать рождение нового солнечного дня из яйца, которое его призрак получает через сперму (собранную в чашки); так возникает призрачный бык, горячий как солнце, возбужденный и каждый раз совершающий демоническое самооплодотворение. При исполнении этого ритуала сила замученного якобы переходит к жрецу, представителю "избранных" (Расна, Расена, как любили называть себя подобно евреям этрусски), которая затем дымом от внутренностей уходит к небу. Сюда же относится "магическое" использование фекалий, снова в насмешку греческому гимну солнца: волшебный херувим становится высшей силой, выдав шесть валиков золота (испражнений) для создания небесного зарева.

Избранным можно стать путем отдачи своей внутренней пирамиды, о чем достаточно информируют этрусские зеркала, в которых ведьмы хотят склонить к этому юношей за деньги, чтобы затем в пламени подняться к небу, - новое доказательство прародинности сущностей ведьм и сатанизма на европейской земле. Мы понимаем, когда такой исследователь как Грюнведель (который здесь находит самое тесное родство с тибетскими тантрами ламаизма¹⁵) заявляет: "Нация, которая способна создавать такие картины на входах в гробницы, как обе сцены в Tomba dei Torigi, которая позволяет себе писать и рисовать на гробницах такую грязь, как на гробнице Голини I, покрывать саркофаги отвратительными изображениями (я вспоминаю только о саркофаге Хинзи [Chinsi]), давать в руки умершим такой текст, как так называемый ролик Пулена (Pulena-Rolle), покрывать предметы туалета пошлостями, от которых волосы встают дыбом, создает недостойную для человека гнусность как национальное наследство, как религиозное убеждение."

Необходимо разобраться в этой сущности этрусков с тем, чтобы, наконец, можно было внимательно взглянуть на факт, который открылся нордическим латинянам, подлинным римлянам, и еще раньше нордическим эллинам. Как численно малый народ они вели отчаянную борьбу против гетерства при помощи сильнейшего акцента на патриархат, семью; они облагородили великую проститутку Танаквил до верной и заботливой матери и изобразили ее как хранительницу семьи с прялкой и веретеном. Магическому колдовству творящего насилия жречества они противопоставили жесткое римское право, свой великолепный римский сенат. Мечом они очистили Италию от

---

¹⁵ Смотри другой его большой труд "Черты Авесты".

этрусков (причем особенно выдвинулся Сулла) и от постоянно призываемых ими пунов (Puniern). И все-таки численное превосходство традиции и обычная международная замкнутость мошенничества и шарлатанства тем больше проникает в частную жизнь древнего Рима, чем больше он в защиту своих ценностей был вынужден вмешиваться в народное болото Средиземного моря. Особенно Рим не мог преодолеть гаруспика и авгуров. Самого Суллу сопровождал гаруспик Постимиус, позже Юлия Цезаря сопровождал гаруспик Спурина. Предчувствие этих - сегодня установленных - и поэтому отличающихся от наших столичных "этрусков" фактов имел уже Буркхард. Он пишет в своей "Истории греческой культуры"¹⁶: "Но если тогда в Риме при развязывании всех страстей к концу республики снова вводится принесение человеческих жертв в самой ужасной форме, если клятвы даются над внутренностями убитых мальчиков и т.п., как у Каталины и Ватинуса (Цицерон, в Ватине. 6), то это, надо полагать, больше не имеет отношения к греческой религии, так же как и так называемому пифагоризму Ватиниуса. А римские гладиаторские бои, вызывавшие в Греции продолжительное отвращение, пришли из Этрурии, сначала в виде поминок по знатным покойникам". Здесь становится понятно, что и человеческие жертвы были религиозным тускийским наследством". Этрусский жрец Вольгаций, который на похоронах Цезаря провозгласил в экстазе последнее столетие этрусков, был одним из многих, кто властвовал над жизнью Рима, а нужды народа считал духом Малой Азии. Когда Ганнибал стоял у ворот Рима, эти гаруспики заявили, что победа возможна только при возвращении культа "Великой матери". Ее и в самом деле доставили из Малой Азии, и сенат вынужден был соблаговолить выйти к ней навстречу пешком до моря. Так новое малоазиатское жречество с "великой блудницей" пеласгийцев и "милой прекрасной блудницей" из Ниневи (Nahum 3, 4) вошло в "вечный город" и поселилось на достойном уважения Палатине, где пребывала создающая культуру древнеримская мысль. Последовали обычные малоазиатские "религиозные" демонстрации, но в дальнейшем распутники вынуждены были ограничиться территориями, лежащими за стенами храма, чтобы не вызвать возмущения лучшей части народа. Гаруспик победил, римский папа показал себя его непосредственным последователем, тогда как хозяева храмов, коллегия кардиналов представляют собой смесь жречества азиатов из Этрурии, Сирии, Малой Азии и евреев с нордическим сенатом Рима. К этому этрускому гаруспику возвращается и "наше" средневековое мировоззрение, та страшная вера в колдовство, та ведьмоания, жертвой которой пали миллионы жителей Запада, и которая отнюдь не умерла с "Молотом ведьм", а продолжает весело жить и в современной церковной литературе, готовая в любой день вернуться на простор: тот призрак, который нередко уродует нордическо-готические соборы и выходит далеко за рамки естественного гротеска. И в Данте возрождается грандиозно оформленная этруская античность¹⁷: его ад с перевозчиком, адским болотом Стикса, пеласгическими кровожадными Эринниями и Фуриями, критским Минотавром, демонами в отвратительном обличье птиц, которые мучили самоубийц, амфибиоподобным существом Герионом. Там проклятые бегут по раскаленной пустыне под дождем огненных хлопьев; там преступники превращаются в кустарник, на который слетаются Гарпии, и каждая сломанная ветка вызывает у них кровотечение и вечные причитания, черные суки преследуют проклятых и разрывают их, причиняя им

---

¹⁶ * Том 2. С. 152

¹⁷ Одним из первых деяний великого вандала Стилихо (Slilicho) в качестве римского правителя была отмена этих азиатских жестокостей. Аналогичное распоряжение сделал позже остгот Теодорих (Theodogich), который преобразовал гладиаторские бои в рыцарские турниры. И в этих мелочах один характер навечно отмежевывается от другого. Бои быков и петухов у испанцев со своей стороны являются свидетельством того нечистого народного хаоса, который одержал победу над германским духом.

невыносимую муку; рогатые черти стегают обманщиков, а шлюх топят в вонючих нечистотах. Заключение в тесные ущелья, томятся симонистские папы, их выворачиваемые ноги больно лижет пламя, и Данте громко жалуется на растленное папство, вавилонскую блудницу¹⁸.

О том, что все эти представления о преисподней этрусского происхождения, свидетельствуют прежде всего рисунки на гробницах Тусков. Как и в средние века в "крещенном" мире, представление о вечности здесь видно по повешенным за руки людям, пытаемым горящими факелами и другими орудиями пыток. Убивающих в порядке мести фурий этруски представляют "сплошь безобразными со звериными и негроидными лицами, острыми ушами, вздыбленными волосами, клыкообразными зубами и т.д."¹⁹. Такая Фурия мучает птичьим клювом при помощи своих ядовитых змей Тесея (древнейшая месть легендарным покорителям древних демонов Афин?), как это видно на настенном изображении Tomba dell' Orco zu Corneto. Наряду с этими Фуриями действуют омерзительные мужские и женские фигуры демонов смерти со змееподобными ногами, которых зовут Тифон и Ехидна, одноглазые, со змееподобными волосами. И в остальном этруски сохраняют садистскую любовь ко всем изображениям муки, убийства, принесения жертвы; убийство человека само по себе является особо любимым колдовством.

Неодаренный музыкально, в основном почти полностью лишенный поэзии, неспособный создать свою собственную архитектуру, без всякой склонности к истинной философии, этот малоазиатский народ мы видим предающимся с величайшим упорством демонстрации внутренностей птиц, сложных чар и жертвоприношений; технически, часто по-деловому, почти полностью уйдя в торговлю, инстинктивно и упорно он отравлял римскую кровь, переносил свои вызывающие ужас представления о муках в потустороннем мире. Ужасные демоны в образе звероподобных людей стали и средством воздействия у папства, и царят над миром представлений нашего "Средневековья", отравленном римской Церковью, о чем с ужасом свидетельствует одна только живопись - даже на изенгеймском алтаре, не говоря уже о путешествиях в ад других представителей изобразительного искусства. Только когда придет понимание всей этой чуждой сущности, понимание ее истоков, которое вызовет стремление к сопротивлению, к устранению всей этой страшной чертовщины, только тогда можно считать, что мы победили "Средневековье". Именно это подрывает изнутри римскую Церковь, которая навек связала себя с этрусскими представлениями ада.

Вся эта страшная мистика (Mystagogie) Дантового ада означает таким образом потрясающее изображение древнеэтрusco-малоазиатского сатанизма. И все-таки в Данте, наряду с этой захлестнувшей его тысячелетней демонией, заговорил германский дух²⁰.

---

¹⁸ Вероятно, сюда можно подключить и образ Макиавелли несмотря на то, что он боролся против Церкви за итальянское национальное государство, несмотря на то, что делом политики во все времена вовсе не была школа принципиальной правдивости: подобная система, построенная только на человеческой подлости, и принципиальная причастность к ней не были порождением нордической души. Макиавелли происходил из деревни Монтеснетроли, которая, как заявляет его биограф Джузеппе Преццолини, ("Жизнь Никколо Макиавелли" на немецком языке. Дрезден, 1929 г.) носила преимущественно этрусский характер".

¹⁹ Мюллер-Дееке. "Этруски". Т. II. С. 109.

²⁰ То, что Данте был германского происхождения, сегодня известно. Его звали Дуранте Альдигер, что является чисто германским именем. Отец Данте был правнуком упомянутого в комедии Кассиагиды (Cacciaguida), который при Конраде III принимал участие в крестовом походе и получил от самого императора звание рыцаря. Его супругой была женщина из древнегерманского рода Альдигеров. Данте в течение всей своей жизни стоял на стороне нордической идеи о независимости светской власти от власти церковной, т.е. примыкал к гибеллинам (Ghibellinen), и все же не боялся предавать неправедных пап мукам ада, называть сам Рим клоакой и, прежде всего, он писал на языке народа, которому он посвятил свое сочинение, и противовес абстрактной латыни.

В чистилище (Purgatorium) Вергилий позволяет сказать о Данте: "Свободу ищет он"; это было слово, которое противоречило всем духам, от которых когда-то возникали представления об огромном призраке черта и ведьмы, пока, наконец, Вергилий смог с радостью покинуть своего подопечного, так как он достаточно накопил собственных сил:

Мои знания, мое слово уже не сможет тебе ничего объяснить, Свободны, здоровы и прямы знаки твоей воли: Глупо бы было не дать ей делать свои выводы.

Это два мира, которые разрывали сердце средневекового человека с нордическими задатками: малоазиатское, пугающее, взлелеянное Церковью представление об ужасах преисподней и стремление быть "свободным, прямым и здоровым". Германец может творить только пока он свободен, и только там, где нет ведьмomanии, возникают центры европейской культуры.

В этот лишенный расы Рим пришло христианство. Оно принесло с собой сознание, которое делает его победу понятной: учение о грешной природе мира и связанной с ней проповеди о прощении. Наряду с ненарушенным расовым характером учение о первородном грехе было бы непонятным, потому что в такой нации живет надежное доверие к себе самому и к своей воле, которая воспринимается как судьба. Герои Гомера знали "грех" так же мало, как древние индийцы и германцы Тацита сказания о Дитрихе. Напротив, продолжительное чувство греха - это явление сопровождающее физическое кровосмешение. Расовый позор создает нестойкие характеры, ненаправленность мышления и действия, внутреннюю неуверенность, ощущение, что все это существование - "грех денег", а не таинственная и необходимая задача самоформирования. Но то чувство порочности неизбежно вызывает страстное желание получить прощение, как единственную надежду на избавление от позорного по крови существования. Поэтому само собой разумелось, что при существующих условиях все, что в Риме обладало характером, сопротивлялось наступлению христианства, тем более, что оно помимо религиозного учения представляло пролетарско-нигилистское политическое течение. Преувеличенно изображенные кровавыми преследования христиан, впрочем, не были, как их изображали церковные истории, подавлением религиозных взглядов (форум был свободен для всех богов), а были подавлением считавшегося опасным для государства политического явления. Учреждение церковных соборов, инквизиций и костров с целью уничтожения душ было преимущественно правом Церкви в их павловско-августовской форме. Классическая нордическая античность этого не знала, а германский мир тоже всегда возмущала эта сирийская сущность.

Церковное христианство ставил в центр своих нападков, главным образом, Диоклетиан. Этот властитель, хотя и был низкого происхождения (он был предположительно германским метисом с белой кожей и голубыми глазами), он был в личном плане безукоризненным человеком, почитавшим Марка Аврелия и ведущим образцовую семейную жизнь. Во всех государственных мероприятиях Диоклетиан показал себя очень сдержанным, он был врагом любого бессмысленного принуждения граждан своей империи, человеком религиозной терпимости, который отдавал приказы принимать меры только против египетских чревоугодников, прорицателей и колдунов. Император Галлиен признал христианский культ (259), христианские постройки можно было воздвигать, не встречая сопротивления; но то, что мешало органичному развитию, были в первую очередь постоянные ссоры конкурирующих между собой епископов. Диоклетиан прощал своим христианским солдатам любое участие в языческих жертвоприношениях и требовал только политической и военной дисциплины. Но как раз в этой области лидеры африканской Церкви бросили ему вызов, и рекруты отказались от службы, ссылаясь на христианство. Несмотря на любезные увещания, античный пацифист бунтовал, пока не пришлось его казнить. Такие угрожающие

проявления побудили Диоклетиана потребовать от всех христиан участия в государственных религиозных церемониях; христиан же, которые от этого отказались, он все еще не преследовал, а отстранял их от службы в армии. Это имело следствием безудержную брань со стороны "христиан", сектантская разобщенность и взаимная борьба которых также угрожали всей гражданской жизни. Тогда государство прибегло в целях самосохранения к обороне - аналогично тому, как в настоящее время Германия, если не хочет погибнуть совсем, должна истребить пацифистское движение. Но и здесь Диоклетиан не приговаривал строптивых к смертной казни - как он это делал в случае купеческого обмана - а переводил в сословие рабов. Ответом было волнение, поджог в императорском дворце. Вызовы со стороны христианских общин, которые до сих пор оставляли в покое и которые поэтому стали самоуверенными, следовали один за другим по всей империи. Осуществляемые в ответ на это "страшные преследования христиан" со стороны "чудовищного Диоклетиана" составляли - девять казненных мятежных епископов и в провинции мощного сопротивления, Палестине, всего 80 приведенных в исполнение смертных приговоров. Самый же "всехристианский" герцог Альба приказал умертвить в небольших Нидерландах 100 000 еретиков.

Все это следует осовременить с тем, чтобы однажды снять гипноз систематической фальсификации истории. Так, полностью стоящий на позиции паритета культов Юлиан Апостата, представляется в другом свете, так как он не испугался именно на основании своих благочестивых взглядов вступить в борьбу с проповедниками "представительства Бога". Впрочем, он знал о чем шла речь, когда писал: "Благодаря глупости этих галилеян, наше государство чуть не погибло, благодаря милости Божьей приходит теперь спасение. Итак давайте почитать богов и каждый город, в котором еще имеется благочестие"²¹. Это было вполне оправданно, потому что вряд ли при Константине христианство стало государственной религией. Тогда сильно проявился ветхозаветный дух ненависти: ссылаясь на Ветхий Завет, христиане требовали применения предписанных там наказаний за идолопоклонство. По их требованиям в Италии были закрыты храмы Юпитера (за исключением Рима). Таким образом понятны тяжелые вздохи Юлиана, но и видно из всего, что и во время поднимающегося христианства историю следует переписывать заново, и что епископ Эйсебий (Eusebius) не является историческим источником.

Христианство в том виде, как оно было введено римской Церковью в Европу, восходит, как известно, ко многим корням, исследовать которые здесь подробнее не имеет смысла. Лишь несколько замечаний.

Великая личность Иисуса Христа, как бы ее не изображали, после своей кончины была засорена и слилась с мелочами малоазиатской, еврейской и африканской жизни. В Малой Азии римляне установили строгий порядок и безжалостно взимали свои налоги; в угнетенном народе, следовательно, возникла надежда на вождя рабов и освободителя: это была легенда о Христе. Из Малой Азии этот миф о Христе дошел до Палестины, был там живо подхвачен, связан с еврейской идеей мессианства и, наконец, перенесен на личность Иисуса. В уста ему кроме его собственных проповедей были вложены слова и учения малоазиатских пророков, а именно в форме парадоксального преувеличения алтарных требований, как, например, система девяти заповедей, которая еще до того была приспособлена для себя евреями в виде десяти заповедей²². Так Галилея связала себя со всей Сирией и Малой Азией.

Христианское учение, взбалтывающее старые формы жизни, показалось фарисею Саулу многообещающим и полезным. Он внезапно и решительно присоединился к

---

²¹ Подробнее у Теодора Бирта. "Характерные образы Древнего Рима". Лейпциг, 1919г.

²² *Ербст*. "Всемирная история на расовой основе"

нему и, вооруженный необузданным фанатизмом, проповедовал мировую революцию против Римской империи. Его учение до сегодняшнего дня, несмотря на все попытки по спасению, создает пропитанный еврейским духом фундамент, так сказать талмудистско-восточную сторону римской, но также и лютеранской Церкви. Павел придал (что в церковных кругах никогда не признают), подавленному национал-еврейскому восстанию международное влияние. Это расчистило расовому хаосу Старого Света дорогу еще дальше, и евреи в Риме, видимо, очень хорошо знали, почему они предоставили Павлу свою синагогу для его пропагандистских выступлений. То, что Павел (несмотря на критику еврейства в некоторых случаях) сознательно представлял еврейский вопрос, видно из некоторых вполне откровенных мест его писем: "Ожесточенность охватила часть Израиля, до того места, где будет избыток язычников, а потом весь Израиль будет спасен, они, избранные и любимцы, во имя отцов. Они — это израильтяне, которым принадлежит детство, и великолепие, союзы, законодательство, богослужения, предсказания, от которых произошел Христос своей плотью... Если язычник вырезан из дикой по своей природе маслины и вопреки природе привит на благородное дерево, насколько скорее то, что соответствует его природе, привьется на его исходное дерево"²³.

Этому всеобщему кровосмешению, овосточиванию и оевропеиванию христианства оказывало сопротивление еще пронизанное аристократическим духом евангелие от Иоанна. К 150 году встает грек Маркион, выступая в защиту нордической идеи миропорядка, основанной на органичной напряженности и классах, в противовес семитскому представлению о произвольной власти Бога и ее неограниченного могущества. Поэтому он отвергает и "Книгу Законов" такого ложного Бога, т.е. Ветхий Завет. Аналогичные попытки предпринимали и некоторые гностики. Но Рим в результате своего расового разложения безвозвратно отдал себя Африке и Сирии, перекрыл скромную личность Иисуса, соединил позднеримский идеал мировой власти с идеями безнародной мировой Церкви.

Борьбу первых христианских столетий следует понимать не иначе как борьбу различных расовых душ с многоголовым расовым хаосом. Причем сирийско-малоазиатская точка зрения с ее суеверием, колдовскими иллюзиями и чувственными "мистериями" объединила в себе все хаотическое, разрушенное, разложившееся и придала христианству противоречивый характер, от которого оно страдает и в настоящее время. Так, пропитанная холопством религия, защищенная неправильно истолкованной личностью Иисуса, проникла в Европу²⁴.

Появление подпитываемого из многих источников христианства обнаруживает странную внутреннюю связь между абстрактной духовностью и демоническим колдовством, которое обладает особой силой воздействия, несмотря на другие течения, которые оно в себя вобрало. Идея троицы, например, была известна многим народам в форме отца, матери, сына и путем сознания того, что "на три делится все" (агрегатные состояния единственной материи). Мать символизировала родящую землю, отец - созидательный принцип света. На место матери теперь пришел "святой дух" в сознательном отказе от чисто материального, *Nagion pneuma* греков, прана индийцев.

---

²³ *К римлянам II, 25; 9, 4; II, 24 Это то же самое, чему учит сегодня секта смешанных рас "Серьезные исследователи Библии".*

²⁴ Что касается происхождения Иисуса, то как уже было подчеркнуто Чемберленом (Chamberlain) и Делитцшем (Delitzsch), нет ни малейшего основания предполагать, что Иисус был еврейского происхождения, даже если он и вырос в кругах, исповедующих еврейские идеи. Некоторые интересные, но всего лишь гипотетические указания есть у д-ра Э. Юнга "Историческая личность Иисуса" (Мюнхен, 1924 г.). Строго научно происхождение Иисуса, по-видимому, останется навсегда недоказанным. Мы должны довольствоваться тем, что возможность признать нееврейское происхождение его существует. Совершенно нееврейское, мистическое учение о "Царстве Небесном внутри нас" подкрепляет это предположение.

Но эта подчеркнутая духовность не была введена в расово-народное учение о типичном, не была полностью обусловлена органической жизнью, а стала безрасовой силой. "Здесь нет ни еврея, ни грека, ни раба, ни свободного человека, здесь нет ни мужчины, ни женщины", - так пишет Павел Галатеру (последний представитель великого кельтского движения от долины Дуная до Малой Азии). На основании этого, отвергающего все органическое нигилизма, он требует только веры в Христа, то есть отступления от всех ценностей, создающих культуру Греции и Рима, что и без того в результате их полного упадка имело место и благодаря сильной исключительности собрало, наконец, вокруг себя людей, потерявших ориентацию.

Следующий шаг к отрицанию природной связи был сделан в догматизации рождения от девы, которое в качестве солнечного мифа доказуемо у всех народов от островов южной части Тихого океана до Северной Европы²⁵.

Но на стороне этой абстрактной духовности стояли все колдуны Малой Азии, Сирии, Африки. Демоны, которые были изгнаны Иисусом и переселились в свиней, укрощение по его приказу бушующего моря, "засвидетельствованное" Воскресение и вознесение на небо, все это было собственной "фактической" отправной точкой христианства и создало, без сомнения, мощные силы страдания. Не из жизни Сотера (Soter) (спасителя) исходил таким образом мир, а из его смерти и ее чудесных последствий, единственного мотива Павловых писем. Гёте же считал важной именно жизнь Христа, а не смерть и показал тем самым душе германского Запада положительное христианство в отличие от отрицательного, которое проповедовало духовенство, основываясь на этрусско-азиатском представлении и было связано с ведьмоманией.

Как уже было сказано ранее, ни о чем не говорящей дезинформацией является, когда наши ученые изображают изменения в греческой жизни так, как-будто она развивалась от хтонических богов к божественности света, от матриархата к патриархату; так же неверно, когда они говорят о наивных народных взглядах, которые якобы поднялись до высокого мышления; напротив, она заключается наряду с антихтонической борьбой при более позднем засилии интеллектуалистской системы учений в попытке национализировать ранее объективную жизнь, добиться того, чтобы созидательные расовые силы иссякли и в конце победила Платонова реакция, при помощи схемы, для чего одна кровь уже стала слишком слабой. Нордический грек не знал теологического сословия, его жрецы выходили из аристократических кланов. Его певцы и поэты рассказывали ему об истории и подвигах его героев и богов. Абсолютно без догматизма, как ранее индийцы, позже германцы навстречу нам двигался свободный греческий дух. Гимнастика и музыка были содержанием его воспитания, которого было достаточно, чтобы создать необходимые предпосылки, чтобы воспитать гоппитов и граждан государства. Только Сократ мог проповедовать такую чушь, как то, что добродетель поучительна, поучительна для всех людей (что Платон усовершенствовал: по-настоящему сознающий сущность мира идей, сам по себе добродетелен). С созданием такого индивидуалистско-безрасового интеллектуалистического мировоззрения топор опустился на корень греческой жизни. Но одновременно лишенный сущности интеллектуализм снова выпустил азиатские обычаи, оттесненные греческим воспитанием на принципах Аполлона. Здесь мы самым наглядным образом можем наблюдать игру перемен, которая происходит между интеллектуализмом и магией. Разум и воля - это два понятия, которые если не всегда сознают цель, то тем не менее, к цели стремятся, т.е. они являются соответствующими природе, близки по крови, органически обусловлены. В той мере, в какой

---

²⁵ Лео Фробениус. "Эпоха бога солнца"

мировоззренческий разум становится благодаря своим изменившимся носителям все сомнительнее, в той же мере он формируется в логические конструкции. Одновременно волевая часть опускается до магически-колдовских инстинктов и рождает суеверие за суеверием. Следствием разложения разумно-волевой расовой души является тогда "мировоззренческое" интеллектуалистско-колдовское знание или раскол в лишенном сущности индивидуализме и инстинктивное кровосмешение. Первый случай предоставляет нам католическая Церковь (в ослабленной степени также протестантство), которая веру в колдовство (причем это слово следует употреблять без всякого пренебрежения) вводит в фундамент и укладывает сверху, второй нам показывает время позднего эллинизма. Отрицательная и положительная формы христианства издавна были в состоянии войны и еще более ожесточенно борются именно в наши дни. Отрицательная опирается на свои сирийско-этрусские традиции, абстрактные догмы и древние священные обычаи, положительная снова пробуждает силы нордической крови, сознательно, как когда-то первые германцы вторглись в Италию и подарили захиревшей стране новую жизнь.

Подобно мощной угрожающей судьбе штурмом однажды прорвались с Севера кимвры. Их отражение не помешало тому, что нордические кельты и германцы все больше угрожали границам Рима. Один военный поход за другим показывает неспособность отработанной военной тактики Рима противостоять на деле могучей силе. Белокурые высокорослые "рабы" вошли в Рим, германский идеал красоты стал модой у идеологически обреченных народов. И свободные германцы уже не редкость в Риме, германская солдатская верность становится постепенно самой сильной опорой цезаря, но в то же время опасной угрозой для государства, ставшим жалким и лишенным ценностей. Август пытается поднять "свой" народ путем штрафов с холостяков, учреждения браков, социальной заботы. Германцы являются ведущими на выборах Клавдия, Гальбы, Вителлия. Марк Аврелий отправляет своих германских пленных из Вены в Италию и вместо того, чтобы сделать их гладиаторами, делает их крестьянами на опустевшей древнеримской земле. Во времена Константина почти все римское войско является германским... Кто не в состоянии увидеть здесь расовые силы в действии, тот слеп в отношении любого исторического становления, настолько очевидны здесь разложение и новое формирование, которое через Константина уходит к Стилихо (Stilicho), Алариху (Alarich), Рицимеру (Ricimer), Одоакру (Odoaker), лангобардам, норманнам, которые, начиная с юга, создали королевство до того непостижимо великого Фридриха II, до Хоэнштауфена (Hohenstaufen), который создает первое мировое государство, сицилийское королевство, и населяет германскими аристократами его провинции.

В истории освоения Италии с Севера особенно выделяется Теодорих Великий. Более тридцати лет мощно и тем не менее мягко правил этот великодушный человек Римской империей. То, что начали Марк Аврелий и Константин, он продолжил: германцы стали не только арендаторами и мелкими крестьянами, но и владельцами крупных земельных угодий; треть любого землевладения проходила через руки чисто германского войска; более 200 000 германских семей поселились, к сожалению разрозненно, в Тоскане, Равенне и Венеции. Так северные кулаки снова тянули плуг по северной и среднеитальянской земле и сделали лежащую под ними опустевшую землю снова плодородной и независимой от пшеницы Северной Африки. Путем запретов на браки и благодаря арианской вере произошло отмежевание от "коренных жителей". Готы (позже лангобарды) взяли на себя ту же характерообразующую роль, что и первая нордическая волна, которая когда-то и создала республиканский Рим. Только с переходом к католицизму началось расовое смешение; "ренессанс" стал в конце концов новым шумным провозглашением нордической, на этот раз германской крови. Здесь, внезапно прорвав общественные защитные барьеры, предварительно обработанной

земле являлись гений за гением, в то время как Рим, начиная от африканской Южной Италии, оставался безмолвным и несозидательным. До сегодняшнего дня, идущий снова с Севера фашизм пытается опять пробудить старые ценности. Пытается!

Германцы как создатели государства в Западной Европе. — Чемберленова идея строительства? (H. St. Chamberlainsche Baugedanken). — Национальная идея и народный хаос. — Нордическая и другие расы в Европе. — Римский универсализм и собственная европейская законность. — Ересь как показатель характера. - Франция сегодня и в прошлом. — Альбигойцы и вальденсы; свобода учений! Преследование вальденсов в XIV, XV и XVI веках. — Гугеноты как носители германской воли. — Мученики и воины; Колиньи, Монморанси, Конде. — Изменение характера французов. — Татаризованная Россия. — Линия судьбы Франции.

То, что все государства Запада и их созидющие ценности были созданы германцами, хоть и было долгое время у всех на устах, до Х. Ст. Чемберлена (H.St. Chamberlain) не было сделано надлежащих выводов. Потому что они включают в себя сознание того, что при полном исчезновении этой германской крови из Европы (и следовательно, при постепенном упадке созданных ею сил, образующих нацию) вся культура Запада также должна погибнуть. Дополняющее Чемберлена исследование предыстории в сочетании с учением о расах вызвало тогда более глубокое размышление: ужасное сознание того, что мы сейчас стоим на пороге окончательного решения. Или мы поднимемся путем возрождения древней чистопородной крови и повышенной воли к борьбе до очищающих успехов, или же последние германско-западные ценности цивилизации и государственного воспитания погрузятся в грязные человеческие потоки городов мира, искалечатся на раскаленном неплодородном асфальте озверевших нелюдей или прорастут возбуждающим болезнью ростком в виде скрещивающихся между собой выходцев из Южной Америки, Китая, Голландской Индии, Африки.

Далее, другая основная мысль в мировоззрении до Х. Ст. Чемберлена (H.St. Chamberlain), наряду с акцентом на создание нового мира германцами, приобретает сегодня решающее значение: это то, что между древним подчеркнуто нордическим и новым германским Римом вклинивается эпоха, характеризующаяся безудержным расовым смешением, т.е. кровосмешением, примешиванием всего большого, гипертрофированным чувственным экстазом, расцветом суеверий и лихорадкой, охватившей все человеческие души во всем мире. Чемберлен дал этому времени наименование, которое выдает истинного художника, формирующего историю, - он назвал его народным хаосом. Это наименование определенного состояния при невозможности ограничить его временными рамками ни спереди, ни сзади стало в настоящее время общим сознанием, естественным достоянием всех тех, кто смотрит вглубь. Эта новая установка такта, вместо "Древности" и "Средневековья", в самом высоком смысле этого слова была величайшим открытием законов жизни и психологии заканчивающегося XIX столетия, и стала основой нашего общего рассмотрения истории шагающего вперед XX века. Потому что это сознание означает то, что, если бы за Каракаллами не пришли Теодорихи, над Европой раскинулась бы "вечная ночь". Взбудораженные грязевые потоки метисов Азии, Африки, всего бассейна Средиземного моря и их ответвления, может быть, после беспорядочного возбуждения и осели бы постепенно. Постоянно бушующая жизнь, возможно, уничтожила бы все гнилое, уродливое, но навеки пропала бы всегда рождающая новое созидаящая сила культурной души, навеки исчез бы преобразующий землю гений нордического человека, исследующего Вселенную. Продолжало бы жить только то "человечество", которое местами в Южной Италии в настоящее время не живет, а продолжает влачить жалкую жизнь без смелого вдохновения для тела и души, без какого-либо настоящего стремления, толпясь в глубочайшей покорной невзыскательности на лавовых массах

или в каменных пустынях.

Поэтому, если в настоящее время, через целых 2 000 лет после появления германцев, где-либо еще действует созидаящая сила и смелый дух предприимчивости, то своим существованием эти силы обязаны, даже если они и враждуют между собой, единственно новой нордической волне, которая все накрывая и оплодотворяя, бурным потоком прошла через всю Европу, омыла подножия Кавказа, с шумом билась о Геркулесовы столбы с тем, чтобы исчезнуть только в пустынях Северной Африки.

Если рассматривать совсем в общих чертах, история Европы существует в борьбе между этим новым человечеством и миллионными массами распространившихся через Дунай до Рейна сил римского народного хаоса. Этот темный прибой нес на своей поверхности блестящие ценности и стремления, возбуждающие нервы, его волны рассказывали о прошедшем, но когда-то мощном мировом господстве и о мировой религии, решающей все вопросы. Большая часть беззаботно и по-детски растроченной нордической крови предалась пленительным соблазнам, даже сама стала носителем выдуманного древнеримского великолепия, часто хваталась за меч против всего мира, служа фантазии, стала лишь пустым наследием предков, которые ее породили. Так борьба между германцами и народным хаосом до Мартина Лютера становится борьбой между героизмом, связанным с природой, и геройством, состоящим на службе у чуждой природе фантастики, и нередко представителями одной крови являются те, кто на пользу изначально враждебных ценностей противостоят друг другу с мечом в руке.

И было вполне естественно, что носители расы, хлынувшей с северогерманских равнин в Галлию, Испанию, Италию с природной мощью, не осознали всех внутренних связей характера своей души, что удивленным глазом они втягивали в себя новое, чуждое и как властители этим новым управляли, преобразовывали его, но (будучи в меньшинстве) вынуждены были платить дань и новому содержанию. Если и теперь "специалисты по государственному праву" проповедуют "идеал однородной структуры человечества", поют дифирамбы единственной организованной очевидной мировой Церкви, которая якобы определяет и объединяет всю государственную жизнь, всю науку, все искусство, всю этику по единственной догме²⁶, то это поражение тех идей народного хаоса, которые с давних пор отравляли нашу сущность; особенно когда исследователь такого типа еще добавляет: "Того, к чему стремится Австрия, в целом должен добиться весь мир". Это - расовая чума и самоубийство, поднятые до мировой политической программы. Император и папа боролись когда-то внутри этой универсалистской национально враждебной идеи, германская королевская власть - против нее. Мартин Лютер противопоставил политическую мировую монархию политическим национальным идеям; Англия, Франция, Скандинавия, Пруссия означали усиление этого фронта против хаоса, обновление Германии 1813, 1871 годов - дальнейшие этапы. И все-таки еще стремление к цели было бессознательным. Крушение 1918 года расколело нас до самых глубин, но одновременно открыло для ищущей души нити, которые создавали ткань из удач и неудач. От племенного сознания древних германцев, через германскую идею королевской власти, новое прусское управление, пангерманское чувство, формальную структуру империи рождается сегодня народное сознание, связанное с природой, как величайший расцвет германской души. Пережив это, мы провозглашаем его в качестве религии германского будущего, объявляем, что, повергнутые в политическом отношении сегодня наземь, униженные и преследуемые, мы нашли корни нашей силы, по-настоящему открыли их и снова ожили как ни одно другое поколение. Мифическое восприятие и сознательное

---

²⁶ Ц.Б.Р. фон Кралик. "История Австрии". 1913 г.

влечение к идее обновления сегодня перестали, наконец, враждовать, а способствуют взаимному росту. Расцветающий национализм не направлен более на племена, династии, конфессии, а направлен на первоначальную субстанцию, на саму, связанную с природной индивидуальностью народность, которая однажды расплавит все шлаки, чтобы добыть благородное и устранить низменное.²⁷

Дальнейшее исследование, наряду с борющимися силами германской культуры и народным хаосом, сможет выявить линии воздействия других коренных или просочившихся рас. Оно оценит формально более сдержанную, более расчетливую, но не так уж далеко стоящую от германских ценностей расу средиземноморских стран (западную) и отметит здесь некоторое смешение (если это не примет массового характера) с нордической необязательно как потерю, а часто как обогащение души. Оно признает, что дикарская раса, менее творческая в культурном отношении, но одаренная сильнейшим темпераментом, оказывала часто влияние на некоторые проявления большой страсти Европы, но тогда ее малоазиатские элементы часто вызывали проявление кровосмешения (например в Австрии, на Балканах). Представляющий новое направление наблюдатель видит тогда, как темная альпийская раса, не предприимчивая, но способная к сопротивлению, терпеливо продвигается, увеличивается. Она не часто бунтует против побеждающего германского представителя. При известном просветлении она оказывает ему большие услуги в качестве покорного оруженосца и крестьянина, поднимает в отдельных личностях местами германские силы к стойкому сопротивлению с тем, чтобы проникнув в массы, затемнить все-таки созидающие силы, покрыть их коркой и задушить. Большие территории Франции, Швейцарии, Германии сегодня стоят уже под знаком этого, уносящего все великое альпийского влияния. Демократия в политической области, духовная нетребовательность, несмелый пацифизм в сочетании с оперативной хитростью и бесцеремонностью в стремлении к сулящему прибыль торговому предпринимательству являются устрашающими призраками альпийского разрастания в рамках общеевропейской жизни.

Все большие и кровавые войны между германской культурой и римским народным хаосом, ведомые нордическим человеком, часто на долгое время снижали силу его крови. И даже когда войны нередко отыгрывались на спине альпийского человека, его они все-таки щадили больше, чем нордических мятежников, которые, прежде всего, как "еретики", расчищали дорогу для свободного, т.е. связанного с породой мышления.

И если мы вместо этого будем исходить из более ранних битв арийцев за свободу веры, то весь Запад после укрепления политической власти Рима не дает картины законченной, органически укоренившейся жизненной структуры. Если побеждающая римская универсальная Церковь была прямым продолжением позднеимперского, лишенного расы мирового империализма, то Римская империя стала также мощной вооруженной рукой этой идеи, если гениальные фигуры германских кланов сами отдавали себя в распоряжение этой, зачаровавшей целые столетия идее, то везде и на всех территориях сразу же возникли силы противодействия. Политический тип в форме германской королевской власти, франко-французского галликанизма, церковной природы в борьбе епископатства против куриализма (Kurialismus), духовной сущности в требовании свободного исследования природы, философско-религиозного типа в

---

²⁷ Я подчеркиваю, что подробно рассматривать здесь расовые различия у меня нет возможности. Сужает ли, например Керн (Генеалогия и тип немцев) понятие "нордический", выделяя "далическое" (Dalische) или изображает ли Гюнтер далическое (или фалическое), как слияние с нордическим, это не существенно важный, частный вопрос. И спор о прародине нордической расы является историческим, не существенным. Отлично рассматривается проблема сросшихся с природой германцев у Дарре в работе "Крестьянство как первооснова нордической расы".

призыве к личной свободе мыслей и веры. Все эти силы, независимо от того, признавали ли они в ранние времена еще и Рим в качестве идеи, совсем не сознавая всей важности своих требований, или только местами их вели детские желания почистить Церковь, для всех, в конечном итоге, существуют силы пламенного национализма, если мы под этим хотим понимать связанный с расой, волевой, подсознательно признающий тип, способ мышления и настройку чувств по отношению к универсализму какой-либо формы. Идея о короле и герцоге, об ограниченном в пространстве епископате, свободе личности, все это уходит корнями непосредственно в мир земной, как сильно эти силы не боролись бы между собой, да и сейчас еще борются за господствующее положение. И если и теперь очевидно, что наиболее чистые нордические германские государства, народы и кланы, когда пришло время, самым решительным и последовательным образом защищались от римского универсализма и от убивающей всё органичное формы духовного единства (унитаризма), то и мы до этого победного великого пробуждения от римско-малоазиатского гипноза сможем увидеть эти силы в непосредственном контакте с еще "языческими" германцами, в героической борьбе на деле. История альбигойцев, вальденсов, манихейцев, арнольдистов, штетигеров, гугенотов, кальвинистов, лютеран описывает, наряду с историей мучеников свободного исследования и изображением героев нордической философии, поднимающую картину гигантской борьбы за ценности характера, т.е. за те интеллектуально-духовные предпосылки, без осуществления которых не было бы западной, не было бы народной цивилизации. Тот, кто сегодня посмотрит на демократизированную, неверно управляемую хитрыми адвокатами, ограбляемую еврейскими банкирами, духовно богатую и тем не менее истощаемую прошлым Францию, тот едва ли сможет представить себе, что эта страна с севера до самого юга находилась в центре героических боев, которые в течении половины столетия создавали образы храбрейшего типа, и которые в свою очередь разжигались героически настроенными мужчинами. Кто из "образованных" знает сегодня действительно что-либо о готической Тулузе, развалины которой и теперь могут многое рассказать о гордом человечестве? Кто знает великие господствующие кланы этого города, которые в кровавых войнах были уничтожены, истреблены? Кто пережил историю графа Фоикса (Foix), замок которого сегодня превратился в жалкую грудку камней, деревни которого стоят опустошенные, земли которого заселяются только бедными жителями? "Папа, - заявил в 1200 году один из таких храбрых графов, - не имеет никакого отношения к моей религии, потому что вера любого человека должна быть свободной". Эта и сегодня лишь частично воплощенная древняя идея германцев стоила всей Южной Франции ее лучшей крови и была с ее истреблением в этой области навсегда задушена. Как последний остаток культуры западных готы здесь находится еще единственная протестантская высшая школа Франции - Монтаубан (Montauban).

Аналогичным героизмом был пронизан и маленький народ посреди итальянско-французских Альп. И здесь сплывающая воля восходит к великой таинственной личности, купцу из Лиона, который (еще неизвестно откуда) пришел в этот город, имя его было Петер, а в дальнейшем он получил фамилию Вальдо или Вальдес. Он жил долгие годы благопристойно своим промыслом, слыл благочестивым мужем и, как предполагают, не помышлял о возмущении. Но он все более ощущал пропасть между скромным Евангелием и чванливыми манерами Церкви; он все глубже ощущал парализующее влияние учений насильственно насаждаемой веры. И твердо веря, что служит духовному главе, Петер Вальдес отправился в Рим, потребовал там простоты обычаев, порядочности в действиях и - свободы толкования Евангелия, свободы учений на основании слова Христова. Многие хотели ему уступить, но только не главное. Тогда Вальдес распределил свое имущество, расстался с женой и заявил представителю

Рима, который хотел принудить его к отречению: "Нужно больше слушаться Бога, чем человека".

Это было часом рождения великого еретика и великого реформатора, благодарными которому имеют основания все европейцы, включая католиков, еще и сегодня. Скромное величие Петера Вальдеса, по-видимому, оказало огромное влияние на создание общин "Бедняки Лиона", успех его поездок на Рейн, в Богемию, возникновение вальденсовских общин в центральной Австрии, Померании, Бранденбурге показывают, что его требование свободы евангелического учения вызвало светлое звучание древнегерманской струны, твердо укоренилось в душах и не позволило больше себя выкорчевать: требование, которое поднимали также Петер фон Бруис (Bruys), Генрих фон Клюни (Cluny), Арнольд фон Бресция (Brescia). Скульптура Майнца показывает нам Вальдеса как чисто нордическую голову: череп как у древних германцев, сильный высокий лоб, большие глаза, энергично выступающий нос с легкой горбинкой, красиво очерченный рот. Подбородок окаймлен бородой.

Изгнанная из Лиона община, вербуя и проповедуя, пошла в разных направлениях. В готическо-альбигойском Провансе она встретила радушный прием, в Рейнской области также. В Меце вальденсы вскоре настолько окрепли, что члены магистрата отказались выполнить приказ епископа об их аресте, и на том же основании, которое сформулировал когда-то сам Вальдес: следует Бога слушаться больше, чем человека. В ответ на это - вмешательство папы (Иннокентий III), сожжение переведенных на родной язык латинских сочинений, казнь некоторого количества самих сектантов. Затем бегство остальных через всю Лотарингию в Нидерланды, в другую Германию, которая открыла им свои ворота, туда, куда рука Рима не могла дотянуться. Другая часть направилась в Ломбардию, где она нашла распространение аналогичных еретических идей. Среди прочих - патары (Patarer) в Милане, учение Арнольда Бресции (Brescia), который через евангелическое стремится как к церковной, так и к политической реформации, который отказывает папству в праве на мировую власть, считая это предпосылкой к его духовному оздоровлению.

А затем община вальденсов влилась в долины выходцев из Западных Альп, обосновалась на скудных землях, которые постепенно благодаря их прилежным рукам превратились в плодородные сады. У них не было другого честолюбия, кроме как тихо и скромно жить в своей вере и выполнять свои евангелические обязанности на этой земле. Изгнанные многочисленные альбигойские еретики нашли тогда в труднодоступной местности радушный прием, пока колокола инквизиции, прозвучавшие по всему Западу, не взбудоражили также и тихие долины с двумя городками и двадцатью деревнями. К середине XIV века вальденсы были вынуждены заплатить тяжелую дань для смягчения Церкви и монарха, что, конечно, результатов не дало; и в те времена, когда на немецких территориях бушевала черная смерть, войска Франции под непосредственным командованием инквизитора вошли в тихие альпийские долины. Сначала двенадцать связанных вальденсов в желтых, разрисованных пламенем адского огня сюртуках должны были направиться к церкви, там их предали анафеме, сняли с них обувь, повесили на шею каждому веревку, чтобы затем всех вместе сжечь на костре. Эти и другие пытки многих сломили и склонили к отречению, но их измена принесла им только дальнейшие унижения; последовавшие за этим возмущения вызвали новое подавление, и начался эпос человеческой борьбы, которая редко заканчивалась героически. Лишившись своего имущества, вальденсы заполняли тюрьмы инквизиции так, что могли питаться только благодаря великодушию народа²⁸; поэтому последовало сокращение их числа путем обычного сожжения

---

²⁸ Хорюер. (Chorier), "Hist. Gen. du Dauphine", II, 391

представителями религии любви. В течение тринадцати лет один единственный инквизитор (Бозелли) преследовал семью вальденсов, каждый раз ему удавалось "поймать одного из них"²⁹, когда тот где-либо произносил еретическое слово. Пойманных затем пытали, наказывали отрубанием кисти руки, вешали или сжигали. И тем не менее архиепископ Эмбрунский (von Embrun) должен был докладывать папе, что вальденсы оставались верны своей вере.

К тому времени, когда уже везде в Европе бушевали бури Возрождения, представитель Ватикана от ворот Рима снова направился с французскими войсками в долины Альп с тем, чтобы при помощи военной силы подавить остатки сопротивления. Именно порочный Иннокентий VIII призывал в 1487 году в булле к полному искоренению вальденсов. Крестовый поход начался по приказу Ла Палуса (La Palus). Дома еретиков были разграблены, сами они вырезаны, большинство из оставшихся в живых бежали, лишь немногие остались на руинах благосостояния своих отцов, они, казалось, были сломлены и готовы заключить со всемогущей Церковью мир. Им тогда были возвращены остатки их собственности.

Более тихие времена оказались, однако, не миром, а обманчивым затишьем перед новыми бурями. Прошло едва ли сорок лет, и скромная вера снова победила внешнюю мощь средневекового терроризма. И снова Рим приготовился к смертельной схватке после того, как эдикт Фонтенбло (Fontainebleau) в 1540 году снова дал пищу ненависти к еретикам. На основании епископских показаний к ответу были сначала привлечены 16 вальденсов из Мериндола. Они не явились, так как знали, что их ожидает.

Тогда их объявили вне закона, их дома, жены и дети считались перешедшими в собственность государства. Городок Мериндол должен был быть уничтожен, все своды разрушены и все деревья в населенных пунктах вырублены. Король хотел проявить снисходительность к отречшимся, но вальденсы заявили, что отрекутся, если им на примере Священного Писания докажут их заблуждения.

И тогда пришло самое тяжелое испытание (1545). Правительственные войска отправились в Мериндол, повесили всех людей, которых они там встретили и разрушили весь городок; та же участь постигла Кальвьерес (Calvieres) и другие села. Бежавшие в горы попросили о свободном проходе в Германию. Просьба была отклонена, они умерли от голода в одиночестве в своих убежищах. Было уничтожено более 22 сел, убито 3000 человек, более 600 вальденсов были приговорены к галерам, другие были замучены. Тогда в Париж были посланы ложные сообщения о "зверствах еретиков"... И тем не менее сведения о пытках, чинимых солдатней и монахами-садистами дошли до ушей Франца I и, находясь уже на смертном ложе, он приказал Генриху II облегчить участь вальденсов, что тот и сделал.

Если община вальденсов, несмотря на их распространение, была не очень большой и, следовательно, не действовала наступательно, то идея сопротивления против монашеской распущенности и подавления духа в сотне других форм прошла по всей тогдашней Франции, определяемой германо-нордическими моментами и хорошо дополненной моментами западно-расовыми, пока эти потоки не объединились в смелое движение гугенотов, победа которых придала истории Запада другое направление.

Число бойцов за свойственную расе сущность было когда-то во Франции чрезвычайно велико, от кардиналов и принцев крови сверху и до самого скромного ремесленника внизу. Сотнями случаев подтверждено, что простые люди, приведенные в суд лучше знали Священное Писание по сравнению с их судьями, более умно судили о вопросах мировоззрения по сравнению с учеными инквизиторами. Это чувство внутреннего превосходства придавало им мужество переносить муки пыток, и все это

---

²⁹ Перрин. "История". С. 114.

часто приводило к тому, что судьи присоединялись к сторонникам еретических мыслей. Это неудивительно, если известно, что ужасная необразованность была естественной не только у низшего духовенства, но даже (как нам сообщает Роберт Стефаниус) и у профессоров теологии Сорбонны, которые в ярости против еретиков заявляли, что они дожили до 50 лет, ничего не зная о Ветхом Завете, следовательно у сектантов тоже нет повода им заниматься.

Если папа к 1400 году только за два года вытянул из германских стран 100 000 гульденов, то в 1374 году английский парламент должен был приказать сделать подсчет и выяснил, что наместник Христа прикарманил в пять раз больше собранных налогов, чем законный король, и со всех уголков Франции звучит аналогично обоснованная жалоба. Все сословия империи стонут под бременем церковных налогов, даже честные монахи (как францисканцы Витриариус и Мериот) требуют отказа от недостойной продажи индульгенций. Так же как на "святой крови" Вильснака (Wilsnack), подло наживались на "святом доме Лорето" (который ангелы якобы унесли из Палестины в Европу), причем эти чудесные места оказались настоящим золотым дном. Доходы увеличивались настолько, что Кальвин, занимавший в двенадцать лет уже должность капеллана, в восемнадцать лет стал пастором, не пройдя перед этим теологического курса: поступление дохода гарантировалось независимо от того, какие люди это делали.

Этот доступный для непосредственного понимания ущерб привел к более глубокому рассмотрению, и целый ряд великих характеров встает в результате из пламени костров инквизиции. Тут архиепископ фон Арлес (von Aries), Людвиг Аллеман (Allemand), который всеми силами защищает принцип соборной системы от папской диктатуры (на соборе в Базеле); тут старый умный Якоб Лефевр (Lefèvre) участвует в воспитании свободного молодого поколения; его ученик Брисоне (Briconet) продолжает эту деятельность; Вильгельм Фарел, горячая голова, уже вступает в борьбу, в дальнейшем он является ведущим реформатором в Нойбурге (Neuburg), Лозене (Losen) и Женеве, здесь же Казоли (Casoli), Мишель д'Аранд (Michael d'Arande). Далее Ланке (Lanket), благородный бургундец, умный Беца (Beza), Хотоман (Hotoman). Но прежде всего из множества других выделяется храбрый дворянин из Артуа (Artois) Луи де Брекин (Louis de Brequin). Верующий человек с чистым сердцем и острым умом, блестящий писатель, которого по праву называли французским Ульрихом фон Гуттенем. Рядом с ним бывший скромный чесальщик шерсти из Мокса (Meaux) Иоганн Леклерк (Leclerc), который проповедовал революцию против антихриста в Риме, и подобно Лютеру вывешивал свои воззвания на дверях собора. Здесь же храбрый Пуван (Pouvan), который принял мученическую смерть, Франц Ламберт, францисканец, и сотня других, которые проповедовали свободу Евангелия и мышления в лесах, подвалах, как когда-то лучшие из первых христиан в катакомбах Рима.

И прежде, чем движение гугенотов охватило всю Францию и нашло защиту под руководством Конде и великого Колиньи, началось такое же преследование по всей стране, как в тихих долинах Alpes Cottiennes, в Провансе. Беркина (Berquin) Храброго хватают, приговаривают к протыканию языка раскаленным железом, пожизненному заключению. Он не отрекся, он взывал к королю. Напрасно. После этого он был сожжен 22 апреля 1527 года. Уже с костра он обратился к народу. Его речь была заглушена криками пособников палача и монахов. Его боялись и мертвого.

Как говорил Нерон, что он осветил бы свои сады горящими людьми как факелами, так в XVI веке от Рождества Христова король всех христиан шел в огромной процессии от Сен Жермен л'Оксеруа (St. Germain l'Auxerrois) до Нотр Дам и оттуда к своему дворцу. А на площадях, которые он должен был пересечь, были разложены для устрашения и во славу Церкви костры, на которых в пламени умирали стойкие

еретики³⁰. Двадцать четыре еретика погибли в этот день в Париже. Началось бегство преследуемых в Германию. Так среди прочих бежали Кальвин, Руссель (Roussel), Маро (Marot). В одном только Стассбурге Кальвин находит 1500 французских беженцев и основывает здесь первую кальвинистскую общину. За первыми преследованиями последовали строгие эдикты по поводу уничтожения еретиков. В Моксе (Meaux) (первой протестантской общине Франции) врасплох застали собрание: четырнадцать участников приняли, отказавшись от отречения, смерть на костре и умерли, читая друг над другом молитвы. На следующий день некий ученый теолог из Сорбонны доказывал, что сожженные приговорены к вечному проклятию, добавив еще: "И если бы с неба спустился ангел, который хотел бы нас уверить в обратном, мы бы это отвергли, потому что Бог не был бы Богом, если бы не проклял их навеки"³¹

Так же как и в Моксе (Meaux) поленницы дров полыхали во всех частях Франции, но каждый раз хроника должна была сообщать о непоколебимом мужестве приговоренных. Иоганн Шапо (Charot), которого палачи внесли на эшафот, потому что мучители сначала переломали ему ноги, еще раз заявил о причастности к своей вере. Из страха перед тем, что зрители воспримут его еретические взгляды, он сразу же был повешен... Поскольку аналогичные случаи повторялись везде, стало правилом вырывать у выводимых на костер язык... *Ad majorem dei gloriam*.

История знает большое количество подтвержденных рассказов о мужестве на костре, но она знает и о многих изменениях образа мыслей у судей. Так она называет храброго дю Бурга (du Bourg), который принял свой смертный приговор, не потеряв самообладания, и был повешен. Так и большое число других мужчин старой Франции. Это единственная трагедия героического страдания, которая, однако, вскоре превращается в смелый и, тем не менее, умный наступательный задор, когда лучшие представители французского высшего дворянства выступали как "гугеноты", возглавив борьбу за свободу идей. В восьми кровавых войнах велась эта борьба против Рима на всей территории Франции, и даже если спор о причастии, как внешне важный с догматической точки зрения был главным в духовной полемике, то это было только сравнение для более глубокого размежевания образа мыслей. Колиньи, придя позднее к власти, подтвердил свои основные взгляды делом, потребовав свободы веры не только для себя, но и признавая его за католиками Шатильона (Chatillon)³². Поскольку движение гугенотов предполагало определенные формы жизни, а представители Рима требовали ответа, исходя из этой догматической основы, то протестантам не оставалось ничего другого, как постепенно составить также четко очерченную программу которая, "естественно", будучи неестественной по существу, должна была вызвать конфликт в самих протестантских движениях различного толка. Но за ней всюду было нечто более глубокое: германская изначальная идея внутренней свободы. Учения и новые формы стали только аллегориями, которые выделялись на фоне римских догм, причем характерно, что месса подвергается нападкам гугенотов более всего.

Среди гугенотской аристократии проходила война между двумя душами, которая очень усложняла борьбу. В то время, как ее приверженцы непоколебимо требовали свободы совести и учений, они были вынуждены выставлять свои требования королю, которому они в государственно-политическом отношении были преданы старофранкской верностью его свиты. Он же, связанный традициями, должен был видеть в единой религии и безопасности политического государства. Таким образом

³⁰ Об этом иезуит Даниель говорит: "*Fraçois voulut, pour attirer la benediction du ciel sur ces armes, donner cet exemple signale de piété, et de zèle contre la nouvelle doctrine*". *Histoire de France*, V. 654.

³¹ Du Plessis. "*Hist. de l'Eglise de Meaux*". I, 348; Голдан. "*История протестантизма во Франции*". I, 200

³² Сравни о нем Е. Маркеа "*Гаснар де Колиньи*", Штутгарт. 1892 г.

получается, что в то время как гугенотские войска собираются позже в Орлеане или Лярошели против короля, в то время как при Ярнаке (Jarnac) Сен Дени (St. Denis), Монконтуре (Moncontour) они сражаются с войсками короля, они тем не менее абсолютно честно выражают свою преданность королевской власти и издают призывы, где утверждают, что король не свободен, а находится в плену у римской партии, что было необходимо подтверждать им после каждого заключения мира.

Но и в самые великие времена движения гугенотов, они были в меньшинстве. Их сила, однако, заключалась в умной энергии их вождей, в героизме нового жизненного ощущения, в импульсе их старой крови, в то время как на стороне противника раздоры среди вождей парализовали силы, и король жил в постоянном страхе, что его полководец (например Анжу) может выйти из повиновения.

Кровавая баня Васси (Vassy), где герцог Гиз попросту приказал убить молящихся гугенотов, что было сигналом того, что на карту поставлено все. И всегда готовые на жертву гугеноты откликнулись на призыв Конде. Несмотря на некоторые поражения они завоевывали все новые крепости, города, укрепленные замки, находили себе опорные пункты то на Севере, то на Юге. Но в этих войнах цвет старофранцузской крови с обеих сторон погибал на полях сражения. Так было с коннетаблем Монтморенси (Connetable Montmogeny), который боролся за своего короля не из-за церковной ненависти как Гиз, а сражался как старый ленник и закончил свою жизнь в возрасте 74 лет при Сен Дени (St. Denis). Постепенно пали в боях все протестантские вожди с Анделотом (Andelot) и Конде во главе. Несмотря на перелом бедра великий принц при Ярнаке (Jarnac) скакал впереди своего войска: "Вперед, дворяне Франции, это бой, которого мы с нетерпением так долго ждали". Падает его раненый конь, и вражеский капитан поражает его сзади.

Страшная судьба ожидает также войска гугенотов, возвращающихся после благоприятного мира. Большое число подстрекаемых католиков грабило их дома, угоняло их семьи, убивало воинов. После заключения мира в Лонжюмо (Longjumeau), такие подстрекательства, например, сознательно организовывались сверху, Лион, Амьен, Тройес (Troyes), Руан, Суассон (Soisson) и другие города стали свидетелями кровопролития, которое потребовало от протестантов за три месяца больше жертв, чем война за полгода. Современные писатели одних только мертвых насчитали после заключения этого мира до 10 000, тогда как более поздняя, может быть самая кровавая битва под Монконтуром (Moncontour) стоила 6000 убитыми. Сюда присоединилась постоянная травля со стороны Рима, который всегда требовал полного истребления еретиков. Пий V проклял короля Франции за то, что он вообще делал уступки гугенотам и одобрял тех его подданных (например герцога Немурского), которые вопреки указу короля продолжали истребление. Папа обещал деньги, воинов и все время призывал к новым кровопролитиям. Его биограф Габитус, прославлял старого Пия V и как зачинщика третьей войны против гугенотов. Папа не был удовлетворен даже после победы при Ярнаке (Jarnac) и смерти Конде. Он присоединил к своему поздравлению с победой приказ об уничтожении всех еретиков, даже пленных. Каждую уступку он заранее обрекал на "Божий" гнев. Такого поведения Пий V придерживался и после мира при Сен Жермене (St. Germain) и подстрекал подданных короля против двора.

И тем не менее, казалось, что древнегерманский характер стремился пробиться. Уже один раз двор принадлежал гугенотам, и вместо легкомысленных праздников во дворцы короля проникла уже твердая -иногда черствая - строгость. Еще раз гугеноты пришли, когда Карл IX пригласил к власти Колиньи. "Я приветствую Вас, как приветствуют дворянина уже двадцать лет", - говорит он вождю еретиков. И таким образом судьба Франции на короткое время попала в новые руки. Пока все не погибло во время кровавой парижской свадьбы. Проявив молчание, бесхарактерность,

несдержанность, король поддался нашептываниям римской партии, которая приписала ему потом убийство Колиньи. Возврата назад больше не было. Германская волна, которая, казалось, победила во всей Франции, была сокрушена. Когда окровавленный труп Колиньи был брошен к ногам герцога Гиза, тот вытер ему кровь с лица и сказал насмешливо: "Да, это он" - и нанес ему удар ногой. А в римском Энгельбурге отмечали массовые убийства радостными торжествами и отчеканили монету в память об убийстве Колиньи. "Благочестивая" чернь Парижа еще отсекала у великого героя Франции кисти рук и в течение трех дней волочила его труп по уличной грязи.

После этого все закончилось. Тех, кто из вождей гугенотов, прибывших на свадьбу в Париж, остался в живых, ждала кровавая смерть, или же они были перебиты после бегства в других районах Франции. В Орлеане в течение пяти дней погибло 1500 человек, не считая женщин и детей, в Лионе - 1800. Города Прованса ежедневно наблюдали, как по воде плывут изуродованные трупы, так что жители целыми днями не могли брать из реки питьевую воду. В Руане подстрекаемая толпа за два дня убила 800 человек, Тулуза насчитала 300 мертвых. Последствия Варфоломеевской ночи составили свыше 70 000 жертв. В самом же Риме звучали выражавшие радость выстрелы, и папа, глава мирной религии, отчеканил памятную монету в честь убийства еретиков.

После того, как и более поздние бои увенчались успехом, сотни тысяч людей стали покидать нетерпимую к инакомыслию Францию. Пруссия, Нидерланды причислили последних представителей этих эмигрантов (которых в общем и целом насчитывалось по данным статистики почти два миллиона) к лучшим из своих сограждан.

Решающим фактом этих кровавых потерь стало однако изменение характера французской нации. Та истинная гордость, та несгибаемость и то благородство, которое воплощали первые вожди гугенотов, было навсегда утрачено. Когда в XVII и XVIII веках "классическая" французская философия заново выхолостила и опрокинула церковные догмы, то, несмотря на свою вооруженность остроумием и большой живостью ума, она была - если принять во внимание Руссо и даже Вольтера - лишена всякого истинного благородства убеждений, которое отличало Беркина (Berquin) так же, как и Конде, Колиньи, Телиньи (Teligni). Но даже эта великая духовность была внутренне далека от жизни, абстрактна. Так 14 июля 1789 года стало показателем бессилия французского характера. Французская революция, которая была истинной и полнокровной при Колиньи, в 1793 году была всего лишь кровожадной, внутренне бесплодной, потому что носителем ее не был великий характер. Поэтому среди жирондистов и якобинцев не было гениев, а были только взбесившиеся обыватели, тщеславные демагоги и те гиены политических полей сражения, которые забирали имущество у тех, кто остался на них лежать. Как во время большевизма в России татаризованный представитель низшей расы убивал тех, кто своим внешним видом и смелой походкой господина казался подозрительным, так якобинская чернь тащила на эшафот каждого, кто был строен и светловолос. Говоря с позиций исторической расовой теории: в результате гибели гугенотов нордическая расовая сила в империи франков если и не была сломлена полностью, то, тем не менее, была сильно оттеснена назад. Классическая Франция проявляет только ум без благородства. Падение характера, инстинктивно понятое голодающим народом, объединившимся с хищными представителями низшей расы, устранило последние головы. С тех пор альпийский тип человека средиземноморских стран (не "кельтский") вышел на передний план. Мелкий лавочник, адвокат, спекулянт становится хозяином общественной жизни. Начинается демократия, т.е. не власть характера, а власть денег. Независимо от того, находится у власти король или республика, больше ничего не меняется, потому что человек XIX века в расовом отношении не является творцом. И поэтому на передний план выдвигается также еврейский банкир, затем еврейский журналист и марксист. Только традиции тысячелетней истории вместе с воздействием аналогичных факторов

окружающего мира определяют еще основные направления политической власти во Франции. Но это уже носит другой характер, чем в XIV и XV веках. Все, что во Франции еще мыслило благородно, отошло от грязного дела политики, жило во дворцах провинции, в консервативной замкнутости, или посылало своих сыновей в армию с тем, чтобы только служить отечеству. Но, главным образом, в морские силы. Еще в конце XIX века присутствующие на морских балах могли сделать удивительное зрелище - все офицеры были белокурами!³³

Эта сила еще крепкой Франции (Нормандия во времена ереси всегда считалась "маленькой Германией") видела перед собой германский рейх 1914 года. Но этими силами командовали не родственные им по крови личности, а банкиры Ротшильды и близкие им по расе финансовые силы. Сюда же следует причислить Фальере (Falltres), Миллеранда (Millerand) или альпийское бессилие многих вождей марксизма. Так происходит и сегодня истребление последней ценной крови. Целые территории на Юге вообще вымирают и притягивают сейчас к себе уже представителей Африки, как это было однажды с Римом. Тулон и Марсель постоянно направляют в страну ростки кровосмешения. Вокруг Нотр Дам в Париже толпится все более деградирующее население. Негры и мулаты идут рука об руку с белыми женщинами, возникает чисто еврейский квартал с новыми синагогами. Отвратительные чванливые метисы отравляют расу еще прекрасных женщин, которых со всей Франции привлекает к себе Париж. Таким образом, мы сейчас переживаем то, что уже имело место в Афинах, Риме и городах Персии. Поэтому такая тесная связь с Францией, независимо от ее политико-милитаристской стороны, очень опасна с точки зрения исторической расовой теории. Более того, призыв здесь звучит: защита от внедряющейся Африки, закрытие границы на основании антропологических признаков, нордическая европейская коалиция с целью очистки европейской родины от распространяющихся ростков болезни из Африки и Сирии. В том числе на пользу самих французов.

4

Германское великодушие. — Современная демократия. — Симпатии в Германии к современным французам. — Обстоятельства времени и неизменные ценности. — Таборитство как контрпротестантизм. — Чешское засорение расы: Хассенштайн, Паллаки, гугеноты, поляки, чехи. — Окруженная хаосом Германия. — Бывшее нордическое формирование России. — Господство монгольской крови. — Различные представители народностей нордической расы.

История империи франков сегодня закончена. Независимо от того, клерикальная ли воля к власти или ограниченное свободомыслие сменяют друг друга, в любом случае отсутствует великое движение творческого начала. Франция будет поэтому охвачена инстинктивным расовым страхом, как следствием расового позора, который никогда не оставит в покое любого человека, в котором победила смешанная кровь. Отсюда до сих пор царящий страх перед поверженной при помощи всего земного шара Германией, перед Германией, которая имеет все основания проследить линию жизни соседнего народа с тем, чтобы пробудить все внутренние защитные силы на борьбу против аналогичной судьбы.

По преимуществу протестантской Германии не требовалось 14 июля. Даже будучи вытесненным вторгшимся альпийско-малоазиатским духом, вокруг балтийского бассейна образовалось мощное кольцо сопротивления характера римской мании нивелирования, которое принудило Рим реформировать свою нравственную жизнь с тем, чтобы вообще сохранить свое существование. Но германец не был, к сожалению,

---

³³ Штакельберг: "Жизнь в балтийской борьбе". Мюнхен, 1927 г.

бдительным. Он великодушно предоставил чуждой крови те же права, которые завоевал для себя в течение столетий ценой огромных собственных жертв. Он перенес терпимость к религиозному и научному мышлению также на область, где он обязан был обеспечить строгое разграничение: на область формирования народа, формирования человека, образования государства, как первой предпосылки органического существования. Он просмотрел тот факт, что терпимость между протестантами и католиками в отношении Бога и бессмертия не могут иметь одинаковое значение с терпимостью по отношению к антигерманским ценностям характера. Что героическое не может обладать равным правом с биржевыми спекулянтами; что сторонникам аморально-негерманских законов Талмуда нельзя предоставлять равные права с ганзейцем или немецким офицером по обустройству жизни нации. Из этого греха против собственной крови выросла великая вина народа, возникли "две Германии", которые в 1870-1871 годах уже показали себя, после 1914 года непримиримо противостояли друг другу, в 1918 году окончательно распались, а сегодня не на жизнь а на смерть сражаются друг против друга, хотя все еще не везде сознательно размежевались по крови. То, что происходило во время войны с еретиками, во времена Густава Адольфа, борется снова, только под другими символами. И как это представляется, не под лозунгами абстрактно-церковного типа, а наконец, уже осознанно в органическом противостоянии: нордическо-германское (или кровь северного происхождения) и представитель низшей расы с духовностью Сирии.

Кровавая жертва нации на полях мировых сражений дала демократическим восточным людям и их пособникам со смешанной кровью из западных городов возможность для взлета. Человеческий тип, который 150 лет тому назад во Франции начал выходить на поверхность в качестве властителя, стоял с 1918 года и в Германии, снабженный деньгами Сирии, во главе демократии. Он не знал поэтому старых ценностей, а боролся с ними открыто и нагло на всех улицах и площадях ("Самый глупый идеал - это идеал героя" - сказала "Berliner Zeitung"), счастливый спекулянт стал почетным человеком, восточно-еврейский банкир финансирует партии, поддерживающие государство, а борец против насмешек над германской сущностью попадает "за оскорбление государственной формы" в тюрьму. Такая переоценка ценностей означает то же самое, что и изменение правящей крови и уже один единственный взгляд на ряд марксистско-демократических вождей доказывает ужасным образом расовое падение в период времени между властью голов Мольтке, Бисмарка, Роона, Вильгельма I и теми парламентариями, которые до 1933 года управляли биржевыми колониями Германии.

Господство этого альпийско-еврейского слоя, поднявшегося в часы страшного отчаяния наиболее ценной части народа, было обеспечено тем, что они, следуя инстинкту, сразу же заключили союз с сильной властью в сегодняшней Франции. Во Франции, при помощи затасканных идей, они оспаривали духовное убожество мятежа 1918 года. Они выросли за счет лжи и не смогли больше свернуть со своего направления. Форма французской политики демократии в Германии вернула в конечном счете к "естественной" симпатии вырождающегося человека, который воспринимает прямолинейный характер как живой упрек, и поэтому старается связать себя с упадком. Этот факт служит существенным объяснением симпатии, которую вызвала послереволюционная Россия во всех центрах марксистских представителей низшей расы. За всей этой неопределенностью так называемых принципов, размышления в духе "реалистической политики" и т.д. тянется поток неосознанной расовой силы или сплошной поток с расово-хаотическими продуктами отходов. Все это делается, не обращая внимания на исторические традиции и регионально-политическую закономерность и потому во вред немецкой нации.

Все историки, которые рассматривали многострадальную историю полемики

между Римом и ересью, единодушно заявляют, что обстоятельства следует исследовать в связи с картиной мира и условиями тогдашнего времени. Это делают как защитники, так и противники, которые при этом вместе стали жертвами роковой ошибки, считая, что наряду с преходящими обстоятельствами времени не существует и неизменных законов сущности, которые в разных формах, хотя и борются между собой, в направлении своего воздействия, тем не менее, остаются одинаковыми. Борьба нордического человека против римского духовного унитаризма является старым, известным в течение двух тысяч лет фактом, который всегда был наряду с этим "временным условием". Поэтому суждение о ценности сохраняет в отношении сегодняшнего времени свое глубоко обоснованное право и при оценке борющихся однородных расовых сил и расового хаоса прошлого. Но то, что в этой борьбе погибло, что вызвало изменение расового типа и характера, именно это и не было рассмотрено настоящими историками. Уничтожение расовой сущности в Южной Франции, а также истребление творческой крови в еще сильной германской Австрии контрреволюцией и возникшие в результате этого "обстоятельства времени". Обычная историография попыталась оспорить неизменное, а то, что действительно обусловлено временем, оценить, как правило, односторонне, и опробовала свои описания только на внешних символах. Благодаря таким научным выводам для следующих авторов описаний и исследований развития Западной Европы на основании неизменных духовных и расовых ценностей была создана новая основа, которая позволяла сделать шаг в высоту для всех, кто имеет сильную волю.

Прошлое, однако, требует контраста, чтобы не допустить плоской оценки больших вопросов. Например, история гуситов. Протестантское движение в Богемии проходило существенно иначе, чем во Франции. Во Франции царили один язык, одна государственная традиция и имелись ясные предрасположения единого национального чувства, в Богемии же, напротив, немцы и чехи противостояли друг другу как силы, разделенные в значительной степени расой. Чехи со своей стороны были разделены в расовом отношении на нордически славянскую аристократию, тогда как низкие сословия обнаруживают альпийско-динарский тип, то есть тот тип, который так четко воплощает в себе современный чех. Под англо-саксонским влиянием (Виклер) славянские чехи отмежевались от римского универсализма точно так же, как становящаяся немецкой Германия и Франция гугенотов. Это движение породило так называемое утраквистское направление, которое в пражских положениях (1 августа 1420 года) на первое место из всех требований выдвигало свободную проповедь без вмешательства высших церковных властей. Затем последовало обычное требование, касающееся причастия, призыв к упразднению мировой церковной собственности и требование ликвидации смертных грехов, их искупления мировой властью. Для представителя этих требований с ответами на них папской буллы свободное чешское духовенство должно было прибегнуть к помощи низких народных масс. И здесь сказалась сущность другой альпийско-динарской расы, проявившаяся в бескультурной дикости в сочетании со страшным суеверием. Неистовый одноглазый Жижка из Трокнува (Trocnov) (голова которого в Пражском национальном музее говорит о нем как о человеке восточно-малоазиатского типа) был первым проявлением этого разрушающего все и вся движения, которому чехи обязаны как истреблением действовавших в них еще германских сил, так и оттеснением настоящего славянского.

Словно подстегиваемые малоазиатским безумием, таборитские фанатики восстали и заявили: "В это время возмездия все города, села и замки должны быть разорены, разрушены и сожжены"³⁴. Высосанный из Ветхого Завета хилиазм (который до

---

³⁴ Хеслер. "Историограф". III. С. 159.

настоящего времени добавлял опасного яда в некоторые другие протестантские движения), побуждал чешских крестьян оставлять свое имущество в ожидании "Царства Небесного на земле", что имело следствием разграбление немецкой собственности.

Позже табориты объявили утракистам войну и уже в 1420 году обнародовали учение, которое с давних пор звучало из глоток темных представителей низшей расы, возмущавшихся против исследовательского ума и гения: "Каждый человек, который изучает свободные искусства, тщеславен и есть язычник". Настоящие чешские патриоты "лишились здравого смысла", совсем как в 1917 году русские интеллигенты перед лицом нарастающего большевистского движения. Точкой зрения чешского меньшинства, которую выразил Франц Паллаки (1846), было то, что по всем культурным вопросам немцы в XV и XVI веках занимали более прочную позицию: "Отсюда мы делаем неприятные и печальные выводы о том, что в сущности обоих народов, чешского и немецкого, лежит нечто такое, что независимо от политических условий придает одному по сравнению с другим большую возможность распространения и обеспечивает длительный перевес; что мы совершаем какую-то глубоко укоренившуюся в нас ошибку, которая подобно тайной отраве разрушает стержень нашей ценности". И когда победило "чешское национальное дело", когда полностью восторжествовала чешская культура, именно тогда и воцарился духовный и нравственный упадок. Патриот Хассенштейн заявил огорченно: "Из отечества бежит тот, кто стремится жить правильно", - тогда как другой чешский националист Викторин из Вшерда (Wscherd) признается: "В нашем государстве едва ли встретишь такого его представителя, который бы не был сломлен или ослаблен". И как тоска по другим мужам, которые предвосхитили бы высказывания Паллаки о яде в чешской культуре и указали бы на германскую расу как противоядие, звучат сегодня слова Хассенштейна, обращенные в 1506 году к своему другу в Германии. Описав опустошение и крах в Чехии, он пишет: "Конечно, когда-то при Оттонах, Генрихах, Фридрихах, когда Германия процветала, росла и наша мощь... благороднейшей частью рейха считалась Богемия; теперь же, когда сущность нашего государства пошатнулась, мы не только пошатнулись, мы полностью развалились. Нас изматывают войны, нас разъедает ржавчина".

Германский элемент с самого начала видел себя, несмотря на симпатии многих к антиримским идеям, оттесненным гуситско-таборитским движением, что имело следствием его отождествление с папским лагерем. Здесь, таким образом, из чистого стремления к самосохранению по отношению к мятежному динарийско-альпийскому человеку было сделано чисто внешнее отождествление без необходимого внутреннего согласования. Во времена великих переворотов пощаду естественно никогда не проявляют в достаточной степени, таборитизм же стоил чешской культуре почти всего, что она имела самобытного в своей цивилизации. С тех пор этот народ оставался нетворческим и обязан своим дальнейшим культурным возрождением за последнее время снова притоку немецких формирующих сил. Дикость в сочетании с мелочностью характера осталась, к сожалению, отличительным знаком большей части чешской культуры.

Поставить знак равенства между реформацией и нордической сущностью однозначно нельзя, так как великая нордическая мысль о свободе души и разума из благотворительных побуждений освободила во многих местах и тех людей, которые не обладали ни свободой души, ни окрыленным исследовательским интеллектом.

Такой анализ чешской истории весьма поучителен для всего будущего исследования расовой истории и учит отличать свободу от "свободы". Свобода в германском смысле - это внутренняя независимость, возможность исследования, независимое построение картины мира, истинно религиозное чувство. Свобода для

малоазиатских выходцев и родственных им элементов означает безудержное уничтожение иных культурных ценностей. Первое имело следствием в Греции высочайшее культурное развитие, но после того, как "людьми стали" также малоазиатские рабы, произошло полное разрушение этих творений. Признать за всеми без различия сегодня внешнюю "свободу" означает предаться расовому хаосу. Свобода означает связь с типом, только это обеспечивает возможность более высокого развития. Но связь с типом требует и защиты этого типа. Все это требует также более глубокого изучения чешской истории.

300 000 гугенотов, которые пришли в Центральную Европу, были или чисто нордического типа или являлись, тем не менее, носителями крови, которая была обусловлена германской сущностью и могла вступить с немецкой в братскую гармонию. И когда французская революция 1789 года снова устроила охоту не только на обессиленных царедворцев, но и на истинно аристократическую сущность, то некоторые "французы" нашли в Пруссии новую родину. Фуке, Шамиссо, Фонтане - большое число немецких героев мировой войны носит французские имена. С другой стороны предки Канта - уроженцы Шотландии, Бетховена - голландцы, Х. Ст. Чемберлен поднял из глубины на свет лучшие сокровища германской души, будучи англичанином. Все это показывает движение людей и ценностей туда и сюда на равнине германского ощущения жизни. Совсем другая сущность открывается в так называемом сегодняшнем паневропеизме, поддерживаемом всеми интернационалами и евреями. То, что происходит здесь, не имеет ничего общего с теми элементами Европы, которые обусловлены германским, а представляет собой объединение хаотических в расовом плане отколовшихся городов мира, пацифистский коммерческий договор крупных и мелких торговцев, в конечном счете, поддерживаемый финансами евреев при помощи современных вооруженных сил Франции, подавление поверженных германских сил в Германии и во всем мире.

Внешняя государственная форма самосохранения германского народа разбита, мнимому государству, управлявшемуся до изменений 1933 года антигерманскими силами, на западе угрожает наступление всегда враждебной для всех немцев французской культуры. К тому же и на востоке немецкая культура была окружена бурными потоками. Однажды Россию основали викинги и придали жизни государственные формы, позволяющие развиваться культуре. Роль вымирающей крови викингов взяли на себя немецкие ганзейские города, западные выходцы в Россию; во времена, начиная с Петра Великого, немецкие балтийцы, к началу XX века также сильно германизированные балтийские народы. Однако под несущим цивилизацию верхним слоем в России постоянно дремало стремление к безграничному расширению, неугомонная воля к уничтожению всех форм жизни, которые воспринимались как преграды. Смешанная с монгольской кровь вскипала при всех потрясениях русской жизни, даже будучи сильно разбавленной, и увлекала людей на поступки, которые отдельному человеку кажутся непонятными. Такие внезапные и резкие изменения нравственных и общественных моментов, которые постоянно повторяются в русской жизни и в русской литературе (от Чаадаева до Достоевского и Горького), являются признаками того, что враждебные потоки крови сражаются между собой и что эта борьба закончится не раньше, чем сила одной крови победит другую. Большевизм означает возмущение потомков монголов против нордических форм культуры, является стремлением к степи, является ненавистью кочевников против корней личности, означает попытку вообще отбросить Европу. Одаренная многими поэтическими талантами восточно-балтийская раса, оказывается - при проникновении потомков монголов - податливой глиной в руках нордических вождей или же еврейских или монгольских тиранов. Она поет и танцует, но также одновременно убивает и неистовствует; она предана, но при стирании расшатанных форм безудержно склонна к

предательству, Пока ее не загонят в новые формы, даже если они имеют деспотический характер. Нигде, как на Востоке не проявляется глубокая правда современного анализа истории, связанной с расовыми вопросами, но одновременно и великий час опасности, в котором уже находится сущность нордической расы. Эти действующие внутри каждой страны силы и взбудораженные потоки представителей преступного мира составляют для каждого, кто заботится об общеевропейской культуре, единый фронт связи с нордической судьбой, который проходит поперек через так называемый фронт победителей и побежденных в мировой войне. (Об этом в третьей книге.) Но такой вывод накладывает на всех глубоких исследователей большую ответственность и требует развития необыкновенных сил характера. Древние христиане обладали сильной верой, чтобы принять на себя все муки и преследования. И они победили. Когда Рим использовал эти действия во зло, в Европе возникли новые сотни тысяч сильных в своей вере, которые даже на инквизиторском костре боролись за свободную веру и свободное исследование. Другие позволили изгнать себя из дома и с родины, они позволили приковать себя вместе с неграми и турками к галерам, они боролись как штединги (Stedinger) и вальденсы до последнего человека за свойственное своей расе существование. И они создали все основы западно-нордической культуры. Без Колиньи и Лютера не было бы Баха, Гёте, Лейбница, Канта. Причем чистосердечная вера протестантов в Библию сегодня так же безвозвратно пропала, как когда-то вера в "божественное призвание Церкви".

Но сегодня просыпается новая вера, миф крови, вера в защиту вместе с кровью вообще божественной сущности людей. Олицетворяющая светлое знание вера в то, что нордическая кровь представляет собой таинство, которое заменило и победило старое причастие.

Если мы заглянем в самое далекое прошлое и в самое последнее настоящее, перед нашим взором развернется следующее многообразие: арийская Индия подарила миру метафизику, глубина которой не достигнута и сегодня; арийская Персия сочинила нам религиозный миф, сила которого подпитывает нас и сегодня; дорическая Эллада грезила о красоте в этом мире, и эта мечта так и не была воплощена в своем, известном нам, завершении; итальянский Рим показал нам формальное государственное воспитание как пример формирования и защиты общности людей, находящихся под угрозой. И германская Европа подарила миру самый светлый идеал человечества: учение о ценности характера, как основе всякой цивилизации, с одой высочайшим ценностям нордической сущности, идее свободы, совести и чести. За него шла борьба на всех полях сражения и в кабинетах ученых. И если эта идея не победит в грядущих больших сражениях, то Запад и его кровь пропадут подобно Индии и Элладе, которые когда-то раз и навсегда исчезли в хаосе.

Вывод о том, что Европа в своем созидании стала творческой исключительно за счет характера, раскрыл как тему европейской религии, так и германской науки, а также нордического искусства. Внутренне осознать этот факт, пережить его со всем пылом героического сердца значит создать предпосылку всяческому возрождению. Осознание этого является основой нового мировоззрения, новодревней государственной идеи, мифа нового ощущения жизни, который один даст нам силу сбросить самовольное господство представителей низшей расы и создать свойственную типу цивилизацию, понижающую все области жизни.

Критика и оценка сведений. — Высшая оценка как признак культуры. — Жизнь расы как образование мистического синтеза. — Не познание а признание. — Три борющихся системы. — Внешняя борьба или внутреннее обновление? — Наука без предпосылок и наука с предпосылками. — Наука в качестве создания крови. — Внутренняя законность и одержимость; учение иезуитов. — Современная кабалистическая финансовая наука, еврейское колдовство.

Критика чистого разума имеет цель довести до нашего сознания предпосылки любого возможного опыта и ограничить различные деятельные силы человека определенной, им одним предоставленной областью. Оставление без внимания точки зрения, критикующей познание, привело к величайшему одичанию во всех областях, поэтому критика познания Канта означала осознанное пробуждение в рамках времени, которое начало уставать от религиозно-схоластических, плоско-натуралистических или чувственно-сенсуалистических систем. Признавая это величайшее достижение, критики разума забывают, однако, кроме формальной стороны о внутреннем способе использования духовных сил и разума, т.е. об оценке внутренней сущности различных культур. Это в достаточной степени делали римская система, иудаизм, исламский фанатизм. Культурный народ в своих глубинах также никому не давал права давать своим творениям оценку, хорошую или плохую, правильную или нет. Культуры - это не то, что - неизвестно почему - в виде четко очерченных культурных кругов оседают то в одной, то в другой области земли, а это полнокровные создания, которые существуют, каждое на свой лад (рационально или нерационально), метафизически укореняются, группируются вокруг непостижимого центра, в пересчете на одну самую высокую оценку, и все наполнены, даже и при дальнейшей фальсификации, животворной правдой. Каждая раса имеет свою душу, каждая душа - свою расу, свою собственную внутреннюю и внешнюю архитеконику, свои характерные формы проявления и стиль жизни, свое собственное соотношение между силами воли и разума. Каждая раса в конечном итоге культивирует только один высший идеал. Если он меняется под воздействием других систем воспитания, за счет преобладания проникших чуждой крови и чуждых идей, то последствия этого внутреннего изменения внешне выражаются через хаос, через эпоху катастроф. Потому что высшая ценность требует определенной, обусловленной ею группировки других жизненных заповедей, т.е. она определяет стиль существования расы, народа, родственной этой нации группы народов. Поэтому ее устранение означает распад всего органичного, внутреннего, созидającego состояния напряжения.

После таких катастроф может случиться так, что силы души вновь сгруппируются вокруг старого центра и при новых условиях породят новую форму существования. Будь это после окончательной победы над чуждыми, прорвавшимися на какое-то время ценностями, или в результате терпимости ко второму центру кристаллизации рядом с собой. Но параллельное существование в пространстве и во времени двух или более мировоззрений относительно высших ценностей, в которых должны участвовать одни и те же люди, означает предопределяющее беду промежуточное решение, несущее в себе зародыш нового упадка. Если вторгшейся системе удастся ослабить веру в старые идеи, а носителя этой идеи, расы и народы разложить также физически и поработить, то это будет означать смерть души культуры, которая затем как внешнее воплощение исчезает с земли.

Жизнь расы, жизнь народа - это не логически развивающаяся философия и не развертывающийся по законам природы процесс, а образование мистического синтеза, духовная деятельность, которую невозможно ни объяснить заключениями разума, ни сделать понятной, сформулировав причину и влияние. Дать толкование культуры вглубь поэтому - значит вскрыть религиозные, нравственные, философские, научные

или эстетические высшие ценности, которые определяют весь ее ритм, но одновременно также предопределяют связи и расстановку сил между собой. Народ, настроенный главным образом религиозно, породит другую культуру в отличие от народа, которому форму существования предписывают познание или красота. В конечном итоге и любая философия, выходящая за рамки формальной критики разума, меньше ценит познание, чем признание, признание души и расы, признание характера.

Наша современная хаотическая эпоха существует уже в течение нескольких столетий. Благодаря определенным обстоятельствам удалось жизненные законы народов с нордической зависимостью ослабить за счет проникновения других сил, во многих местах лишить нас веры в собственные ценности или включить их в новую систему как подчиненные факторы. Против этих явлений разрушения расовая душа Северной Европы всегда вела непрерывную войну. Пока все же не образовались враждебные ей силовые центры.

XIX век показал параллельное существование во всей Европе трех возникших систем. Первую представлял первоначальный Северный Запад, опирающийся на свободу души и идею чести; второй была завершенная римская догма, полная смирения раболепной любви, находящаяся на службе у централизованно управляющего духовенства; третья была очевидным предвестником хаоса: это неограниченный материалистический индивидуализм, имеющий целью политико-экономическое господство в мире денег как единственно типобразующей силы.

Эти три силы боролись и борются за душу каждого европейца. К борьбе на смерть призывали в последнем столетии во имя свободы, чести и народности. Победили, однако, в 1918 году силы плутократии и римская Церковь. Но в страшном развале древняя душа нордической расы проснулась к новому, более высокому сознанию. Она понимает, наконец, что равноправного параллельного существования различных - непременно взаимноисключающих друг друга высших ценностей - быть не должно, то есть не должно быть того, что она когда-то великодушно допускала на свою погибель.

Она понимает, что можно допустить включение родственных в расовом и духовном отношении моментов, но враждебные моменты следует без колебаний выделять и, если необходимо, подавлять. Не потому что они "неправильны" или "плохи" сами по себе, а потому, что они чужды типу и разрушают внутреннюю структуру нашей сущности. Сегодня мы считаем нашей обязанностью с полной ясностью отчитаться перед собой о том, присоединимся ли мы к высшей ценности и основной идее германского Запада или духовно и физически унизимся. Навсегда.

Настоящая борьба современности ведется, таким образом, не столько за внешние перестановки во власти при внутреннем компромиссе, как это было до сих пор, а как раз наоборот, за создание заново духовных элементов у народов с нордическими признаками, за повторное введение тех идей и ценностей в их права властителей, от которых происходит все, что для нас означает культуру, и за сохранение самой расовой сущности. Политическая ситуация власти может, по-видимому, еще долго оставаться не в нашу пользу. Но если однажды где-либо появится или будет создан новый и все-таки древний тип немца, который, обладая духовным, расовым и историческим сознанием, непоколебимо провозглашает и воплощает староновые ценности, то вокруг этого центра соберется то, что ищет в темноте и пускает корни на древней земле своей родины.

Это является предпосылкой для того, чтобы с самого начала признать, что не следует имитировать "науку без предпосылок", что обычно делали и делают мракобесы от науки, чтобы придать своим взглядам видимость общепринятых научных положений. Нет науки без предпосылок, а есть только наука с предпосылками... Одна группа предпосылок - это идеи, теории, гипотезы, которые направляют разрозненные, ищущие силы в одном направлении и путем эксперимента проверяют их степень

достоверности. Эти идеи имеют такую же расовую предопределенность, как и ценности, связанные с волей. Потому что определенная душа и раса выходят на встречу со вселенной также с особым образом сформированной постановкой вопроса. Вопросы, которые ставит нордический народ, для еврея и китайца вообще не составляют проблемы. Вещи, которые для жителей Западных стран становятся проблемами, другим расам кажутся разгаданными загадками.

На демократических собраниях и сейчас провозглашают тезис о "международном характере искусства и науки". Нищих духом, которые скомпрометировали весь XIX век этими утверждениями, оторванными от жизни, и безрасовым отсутствием ценностей, уже не убедишь в ограниченности этой "всемирности". Молодое же поколение, которое начинает поворачиваться спиной к этой сущности парника, взглянув непосредственно один единственный раз на многообразие мира, сделает открытие о том, что "чистого искусства" нет, не было и никогда не будет. Искусство - это всегда творение определенной крови, и сущность искусства в связи с его формой по-настоящему понимают только существа одной крови; другим она мало или ничего не говорит (подробнее об этом во второй книге). Но и "наука" тоже является следствием крови. Все, что мы сегодня абсолютно абстрактно называем наукой, является результатом деятельности германских творческих сил. Эта нордически-западноевропейская мысль о последствии событий, связанных с законами вселенной, исследование этой закономерности, не только не является "чистой идеей", которая могла бы стать темой и для творчества любого монгола, сирийца или африканца, а совсем напротив: она (в другой форме возникшая в нордической Элладе) в течение тысячелетий встречала яростную враждебность многих чуждых рас и их мировоззрений. Идея внутренней и собственной закономерности была ударом в лицо всем взглядам, которые выстраивали свою картину мира на произвольной силовой власти одной или нескольких сущностей, вооруженных колдовской силой. Из мировоззрения, с которым нас знакомит ветхозаветный Яхве, так же маловероятно возникновение науки нашего типа, как и из веры в демонов и гипотезы об эволюции африканских людей. Из этой вечно чуждой антитезы возникла также борьба римской церковной системы против германской науки. Она же прошла блестящий путь через потоки собственной пролитой Римом крови. Благочестивые нордические монахи, которые больше значения придают тому, что видит мировоззренческий глаз, а не тому, о чем свидетельствуют пожелтевшие сирийские пергаменты, наказывались ядом, тюрьмой и кинжалом. Смотри Роберта Бэкона, смотри Скотуса Эригену (Scotus Erigena)... То, что мы сегодня называем "наукой", является творением исконно германской расы, она является не каким-то техническим результатом, а последствием неповторимой формы постановки вопроса к вселенной. Как Аполлон противостоит Дионису, так Коперник, Кант, Гёте противостоят Августину, Бонифацию VIII, Пию IX. Как вакхическая культура и культ фаллоса стремились разложить древнегреческую цивилизацию, так этрусское учение об аде и ведьмоания перечеркивают, по возможности, любой порыв нордического познания мира. С рассказом об изгнании злых духов Иисусом Христом эта сирийская магия до сегодняшнего дня пристала к христианству. Низвержение в ад и вознесение на небо, адский огонь и муки ада стали впрямь христианской наукой, *succubi* и *incubi* - установившиеся научные учения, и не было логичным то, что Рим вычеркнул, наконец, в 1827 году (!) из списка запрещенных работ признанное гелиоцентрическое учение Коперника. Потому что на основании римской "правды" только ее учение является истинной наукой. С тем, что она в течение почти двух тысячелетий, несмотря на все кровопролитие, не смогла протолкнуть эти взгляды, ей пришлось, скрепя сердце, примириться, но она и сейчас делает непрерывные попытки отравить нордический дух исследования при помощи старых магических учений. Самым отчетливым одушевлением этой попытки является орден иезуитов со своими "научными"

отделениями. Иезуит Катрейн (Cathrein) заявил: "Если однажды правда надежно установлена верой (что "установлено", то решает Рим), то любое, противоречащее ей утверждение, является неправильным и потому не может никогда быть результатом истинной науки..." И современный теоретик иезуитской "науки", д-р И. Донат, профессор из Иннсбрука, объявляет любое сомнение в истинах веры недопустимым. "Печально дело обстоит с наукой", восклицает он, "которая ничего не может предложить кроме поисков истины"³⁵.

Вряд ли можно продемонстрировать глубокие различия в духовной позиции более четко, чем этими словами совершенно погрязшего в сирийской демонии альпийского человека. Они означают не меньше, чем претензию на право уничтожения германо-европейской воли к исследованию от имени произвольного тезиса. Еще один пример показывает сегодня опасность превращения признания внутренней законности путем введения произвольной спекуляции в хаос - это современная финансовая "наука".

Европейский исследователь, как только он проявит стремление применить открытие на практике, всегда имеет своей целью действительное достижение, которое он хочет видеть введенным в ткань причины и действия, причины и следствия, как нечто произведенное, созданное. Он воспринимает работу, изобретение и владение как образующие общество силы внутри расового, народного или государственного сообщества. Даже американцы - как Эдисон и Форд - признают себя причастными к этой духовной точке зрения. Биржа также имела раньше один смысл, сделать возможным беспрепятственный переход между действием и следствием, между изобретением, изделием и сбытом. Она была таким же вспомогательным средством, как и деньги. От этой служебной позиции сегодня произошла совсем другая функция. "Биржевая и финансовая наука" стали в настоящее время игрой с фальсифицированными (фиктивными) ценностями, числовой магией, систематическим нарушением известными кругами перехода от производства к сбыту. Хозяева сегодняшней биржи пользуются массовым гипнозом при помощи ложных сообщений, при помощи распространения паники; они сознательно подхлестывают все патологические инстинкты, и естественная посредническая деятельность в экономическом механизме превратилась в произвол, в мировой упадок. Эта "финансовая наука" также не является международной, она чисто еврейская, и болезнь экономики всех нордически настроенных народов происходит от того, что они пытаются этот сирийский, противоречащий природе, исходящий из паразитизма произвол включить в свою жизненную систему. Нечто такое, что, если бы оно удалось до конца, повлекло бы за собой полное разрушение всех естественных предпосылок нашей жизни. "Наука" экспертного заключения Давеса (Dawes), контроля за политической службой информации со стороны банкиров и ее пресса носят антигерманский характер до самой границы и находятся поэтому в состоянии смертельной вражды по отношению к немецким экономистам-мыслителям нордической сущности, т.е. к Адаму Мюллеру, Адольфу Вагнеру, Фридриху Листу. Здесь проявляется также сущность еврейского марксизма, который борется против "капитализма", оставляя, однако, центр этого капитализма, биржу и финансы, нетронутыми.

Таким образом, предпосылка римской "науки" - это установленный произвольный закон навязанной Церковью веры. Предпосылкой еврейской "науки" является фикция, по-немецки - обман; предпосылкой германской науки является признание проявляющейся в различных последствиях закономерности вселенной и человеческой души. Эти признания и познания являются, однако, основополагающими для оценки

---

³⁵ "Свобода науки". 1910 г.

всей жизни, в том числе тех событий, которые (как сомнамбулизм, ясновидение и т.д.) не могут быть полностью включены в этот способ рассуждений.

И все это означает, что если мы сегодня говорим о познаниях и признаниях, то мы всегда создаем определенные предпосылки. Мы исследуем различные высшие ценности, которые борются за души всех европейцев, определяем соответствующую архитектуру сил, отнесенных к этим высшим ценностям, и причисляем себя к одной из этих систем. Это признание и согласие по крайней мере с их основными идеями может исходить только от одинаковых, родственных, но до сих пор ослепленных душ. Другие будут и должны это отвергать, и если не смогут это заставить замолчать, то всеми средствами подавлять.

Такое освобождение и отделение от мощных сил отмирающего изнутри прошлого отдельного целого народа - болезненно и оставляет глубокие раны. Только у нас есть выбор: погибнуть или вступить в борьбу за выздоровление. Вступить в эту борьбу с ясным сознанием и сильной волей - задача нашего поколения. Завершить ее - дело более позднего поколения.

6

Ощущения, разум, опыт, разумные идеи. — Полярность всех явлений. — Динамическая сущность и статическая оценка. — Еврейский культ материи; Яхве. — Рим и раздвоенная сущность протестантизма. — Создание персидской религии и христианство. — Методическое разделение двух миров, исторический факт нордической сути. — Понимание "действительности" в Индии и Германии. — Колдовство Ближнего Востока в христианстве; никейство.

Первобытному человеку "мир" дан в виде беспричинно составленного ряда картинок в пространстве и ощущений во времени. Ум тогда создает причинную связь, рассудок - единство разнообразия путем формулировки руководящих идей. Переплетение этой деятельности мы называем нашим опытом. Это является формальной основой всей жизни. Однако используют ее в корне по-разному. Преобладающая сила создающего идеи рассудка приведет к тому, что разные единства будут собраны под все менее обобщающими идеями с тем, чтобы, наконец, прийти к единственному принципу объяснения мира. Этот формальный монизм опять выражается по-разному, в зависимости от того, 'позволяется ли идее мира возникнуть из идеи материи (абсолютная материя, то есть полная абстракция, является идеей) или из идеи "сила". Логичный механизм предполагает молекулы, атомы, электроны в качестве первичной сущности, различные формы и подбор которых создают интеллект и душу; логичный энергетик признает материю только как латентную, сжатую силу, которая высвобождается в виде электрического, светового или теплового колебания. Как материалистический, так и спиритуалистический монист является догматиком, потому что он лишь слегка формально упоминает о последнем как о материальном проявлении первичного феномена "мира" при помощи единственного, но зато все решающего утверждения, будь это утверждение философским, научным тезисом, или религиозной верой. Этот первичный феномен и после преодоления многообразия (плюрализма) является противоположностью всех явлений, но также и всех идей. Двойственность всего бытия проявляется физически в виде света и тени, горячего и холодного, конечного и бесконечного; с духовной точки зрения в виде истинного и ложного, с моральной точки зрения в виде доброго и злого (что можно оспаривать только тогда, когда понятия относятся также и к чему-то, существующему вне их); с динамической точки зрения в виде движения и покоя; в виде положительного и отрицательного, религиозного как божественного и сатанинского. Противоположность всегда означает одновременность антитез, величины и данности которых нельзя объяснить как выступающие друг за другом. Понятие добра вообще непостижимо без

понятия зла, только с его помощью оно получает ограничение, т.е. форму. "Отрицательное" электричество всегда появляется одновременно с "положительным"; обе формы одинаково положительны, только с обратным знаком. "Нет" устанавливает "да", и дух как идея дан одновременно с идеей телесности. Причинная связь между полярно появляющимися, таким образом, до последних границ нашего продвигающегося вперед осязательно познания нигде не могла быть доказана. Но из всегда существующей противоположности "да" и "нет" возникает вся жизнь, все творческое, и даже сам догматический монист - будь он материалистом или спиритуалистом - живет только благодаря существованию вечного конфликта. Только в зеркале тела спиритуалист видит "дух", только при условии разного качества материалист может открыть изменение формы и материальные сдвиги.

Так же противостоят друг другу в виде последних полярных условностей "я" и "вселенная", и упор, который душа делает на то или другое (при подсознательном признании вечной антитезы), определяет сущность, колоритность и ритм мировоззрения и жизни.

Из этого метафизического первичного закона всего бытия и становления (и это тоже две полярные антитезы, которые взаимно исключают друг друга при любом взгляде чисто опытным путем [эмпирически!]), следуют прежде всего два типа ощущений жизни: динамическая сущность или статическая оценка.

Преобладание статического мирозерцания будет склоняться к монизму какого-либо типа; оно будет стремиться проводить один-единственный духовный обзор (синтез), единственный символ, и даже одну единственную форму жизни против любой противоположности, против любого многообразия. В религиозном плане оно будет требовать строгой веры в единого Бога (монотеизм), придаст этому единому божеству все свойства, силы и величия, будет приписывать ему творение, попытается даже объяснить сатанинское. Таким божеством стал Яхве, который затем в виде застывшей односторонней системы пробился при помощи христианской Церкви в западноевропейское мышление. Израильтяне первоначально были вовлечены в совершенно плюралистическую религиозную жизнь, хотя их национальный бог и заботился о них, а они о нем, но никто не сомневался в том, что "другие боги" существовали и действовали также, как и Яхве. Только в плену у персов евреи узнали о всемирном (космическом) Боге и его противоположности: о боге света Ахурамазде и мрачном Ангромайниу, которые затем стали Яхве в качестве единовластного правителя и сатаной в качестве его соперника. Еврей отделался постепенно от всех видов плюрализма, поставил Шаддай-Яхве в центр вселенной; себя самого объявил его полномочным рабом и создал для себя благодаря этому центр управления, который культивировал и сохранял его мышление, его расу, его - даже если чисто паразитический - тип до сегодняшнего дня, несмотря на все примешивающиеся пограничные явления. И даже там, где "мятежные" евреи Яхве устранили, они посадили на его место то же существо, только под другим именем. Теперь он назывался "человечество", "свобода", "либерализм" и "класс". Всюду из этих идей возникал старый закоснелый Яхве и продолжал воспитывать под другими обозначениями своих гренадеров. Так как Яхве был задуман действующим совершенно материально, то в случае иудаизма жесткая вера в единого Бога переплетается с практическим поклонением материи (материализм) и пустейшим философским суеверием, по поводу чего так называемый Ветхий Завет, Талмуд и Карл Маркс высказывают одинаковые взгляды. Это статическое самоутверждение является метафизической основой для выносливости и силы еврея, но также и для его абсолютной культурной бесплодности и его паразитического образа жизни.

Эта инстинктивная статистика образует также хребет римской Церкви. Она придает форму (синтез) себе самой, как приемнице смещенного "богоизбранного

народа" и развивает ту же непоколебимую формально-догматическую закостенелость, как яхвизм или более поздний семитский ислам. Такая система знает только "закон" (т.е. собственный произвол), нигде личность; там, где она достигает власти, она обязательно разрушает организмы, и только тому факту, что она не сможет победить полностью, мы обязаны тем, что есть еще народы, культуры - короче настоящая жизнь. Мы являемся даже свидетелями того, что движение против парализующего веса Церкви в Европе было достаточно мощным, чтобы присоединить к еврейско-церковно-римскому тезису оставшийся духовный плюрализм, только в угоду которому части западноевропейских народов примирились также и с жестким центром, так что на законном основании можно говорить о католицизме и его святых (как религиозном явлении, а не как Церкви и властно-политическом едином союзе), как о вере с политеистической обусловленностью. И все же его центр усилил монистически-статические взгляды в Европе и признанием Нового, а также духа так называемого Ветхого Завета, протащил их контрабандой в первоначально индивидуалистическое протестантство.

Протестантство с самого начала оказывается духовно расколотым. Как считает движение защиты, оно означает наращивание германской воли к свободе, национальной жизни, личной совести. Бесспорно, оно проложило путь всему тому, что мы сегодня называем произведениями нашей высшей культуры и науки. С религиозной же точки зрения оно перестает действовать, потому что остановилось на полпути и на месте римского создало иерусалимский центр: право на господство буквы преградило путь тому духу, который когда-то провозгласил мастер Эккехарт, но оно ничего не смогло сделать против инквизиции и ее костров. Когда Лютер положил в Вормсе руку одновременно на Новый и Ветхий Завет, он совершил поступок, который его сторонники рассматривают как символический и почитают как святой. По букве этих книг впредь замерялись религиозность и ценность протестанта. Снова мерило для нашей духовной жизни лежало вне германской сущности, даже если это не так просто определить, как в случае "антихриста" в Риме. Встреча Лютера и Цвингли показывает, как сильно он прикован к старому. Его учение о причастии, связанное с поклонением материи, мы до сих пор тащим с собой в протестантской редакции веры. Только очень поздно Лютер отделался от "евреев и их лжи" и заявил, что нам с Моисеем больше нечего делать. Но между тем "Библия" стала народной книгой, ветхозаветное пророчество стало религией. Тем самым проникновение евреев в нашу жизнь и ее оцепенение сделали новый шаг вперед, и нет в том никакого чуда, что впредь белокурые немецкие дети каждое Воскресенье должны были петь: "Тебе, Тебе, Иегова, хочу я петь, потому что где еще есть такой Бог, как Ты..."

Евреи заимствовали (как и многое другое) представление о всемирном (космическом) Боге у персов. Здесь мы находим мощное свидетельство религиозно-философского признания полярного бытия. Великая космическая драма разыгрывается в борьбе между светом и мраком. Она длится вечность, до тех пор - как говорилось ранее - пока после жестокой борьбы не явится спаситель Caoshianc и не отделит черных овец от белых, то есть фигура, в качестве которой в более позднем мире появился Иисус. Высшей точкой драматизма, конечно, должна стать победа, но нигде динамика духовного не изложена более сознательно и великолепно, чем здесь, в древнеперсидском учении. И потому нам, кто начинает отказываться сегодня от чуждой статики всего иерусалимского, наряду со сказаниями северных народов, и эта драма Персии кажется родственной и близкой. Потустороннее (метафизическое) представление объединяется, к тому же, в пару со строгим учением этики и дополняет духовную общность в религиозно-этическом отношении, как это всегда воспринималось сознательными нордическими людьми.

Германский человек при своем появлении в мировой истории поначалу философией не занимался. Но если что-либо и характерно для его сущности, то это

динамика его внутренней и внешней жизни, по естественной необходимости соединенная в пару с антипатией к кое-как созданному неподвижному монизму; к типу церковного оцепенения, которое было ему в дальнейшем навязано благодаря техническому и дипломатическому превосходству Рима во времена слабости, потому что эпоха молодости его расы заканчивалась, старые боги находились в состоянии умирания и шел поиск новых.

Если же полемика между Европой и Римом сводилась к компромиссу, который как таковой, несмотря на массу возмущений, длится теперь свыше 150 лет (но лишь поэтому не воспринимается так тяжело, что продолжают существовать старые домашние обычаи, существовавшие до принятия христианства и лишь получившие новое толкование), то этот компромисс оказался невозможным в областях искусства, философии и науки. Здесь борьба велась наиболее сознательно и упорно и закончилась поражением террора запретов и инквизиторских костров, даже если это еще не проникло в сознание медленно реагирующих масс, в том числе и обманутых образованных людей. Здесь европейский дух раскрывается во всей своей динамике и четком понимании противоположности существования, но одновременно оказывается, что спор за формы нордического европейца волнует меньше, чем правдивость как внутренняя ценность характера, которая послужила предпосылкой в науке и философии.

Основным фактом нордически-европейского духа является сознательно или несознательно проводимое разграничение двух миров: мира свободы и мира природы. У Иммануила Канта этот первоначальный феномен методики мышления нашей жизни достиг самого светлого сознания и не должен никогда ускользать от наших глаз. Но это самопробуждение свидетельствует о совсем особом понимании того, что следует принимать за "истинное". Для более позднего индийца вся вселенная растворилась к концу в символике; "я" тоже стало наконец только обозначением вечно равного. "Истинным" было для индийского метафизика не описываемый факт, находящийся в нашем понимании в цепи причины и действия или действия и последствия, а чисто субъективное предположение по поводу события или рассказа. Поэтому индеец не требует веры в чудеса, совершаемые Рамой или Кришной, как в действительность, а объявляет их "истинными" в тот момент, когда в них верят. На основании такого понимания действительности в индийском театре девушки беспрекословно превращаются в цветы, их руки - в стебли лианы, а боги - в тысячи человеческих фигур... Так как символика зависит от веры, чудо лишается своего материального значения. Иначе дело обстоит для людей в восточной части Средиземного моря. Здесь свобода вносится в природу как мистический акт, и история этих стран переполнена верой в чисто материальные "истинные" чудеса. Четкий пример сознания, владеющего двумя разными мирами дает нам Адриан. На северо-западе своей мировой империи, обладающей германским характером, он показывает себя героическим слугой государства, переносит все трудности путешествия как простой солдат. Он господин и повелитель, но не бог и не чудотворец. Таковым умный знаток людей становится, путешествуя по африканским, сирийским, эллинистическим землям. Так на юге и юго-востоке империи Адриану поклонялись как спасителю, его включали в управление элойическими мистериями, он спокойно позволял почитать себя как Гелиоса, провозгласил Антиною³⁶ богом в Египте после его смерти, В Воскресение Антиноя поверили потом как в действительность, которая была провозглашена жрецами, как в смерть и "истинное" воскресение Христа. Адриан лечил больных, исцелял калек наложением рук, и рассказы о творимых им чудесах обошли в виде подлинной хроники

---

³⁶ *Раб Адриана, грек, юноша поразительной красоты. Утонул в Ниле.*

все государства восточного Средиземноморья. В круг этих случаев смешения природы и свободы в вере определенных народов в магию входят, конечно, и христианские легенды, которые совершенно серьезно и сегодня преподносятся европейцам: "рождение от девы", материалистическое "воскресение" Христа, "распределение в рай и ад", а также различные "лики" католических святых, которым дева Мария также реально являлась, как Иисус Христос, который согласно сообщению иезуита Мансония (Mansonius) 7 июля 1598 года явился во плоти деве Иоанне из Александрии и выразил свое удовлетворение работой своего "общества".

О том, насколько сильно этот магический мир Африки и Азии затуманил Европу, угрожая задушить всякое мышление даже самых свободных, свидетельствует мнение Лютера об учении Коперника, которого он называл мошенником и обманщиком только потому, что магическая Библия хотела, чтобы было не так, как учил великий Коперник. И миллионам все еще остается непонятным то, что Коперник на место статической картины мира в виде неподвижного диска земли с небом наверху и адом внизу поставил динамику вечно вращающихся солнечных систем и, полностью поборов всю навязанную нам церковную веру, мифологию распределения в рай и воскресения, разделался с ними навсегда. Никейское вероучение, принятое большинством голосов спорящих священников по приказу римского императора, тезисы, составленные разбойничьим синодом, по которым при помощи ударов палкой решали религиозные вопросы, - мертвы, изнутри неверны, и ничто не раскрывает более четко беспомощность и неправдивость наших Церквей, как то, что они долбят то, что вообще к религии не имеет никакого отношения, что они защищают тезисы, в которые сами уже верить не могут. Они совершенно правы, утверждая: что, если "Ветхий Завет" или никейское вероучение убрать из структуры Церкви, у нее не будет краеугольных камней, и все здание неминуемо рухнет. Это могло бы быть правдой, но еще никогда разрушение не предотвращали сомнительными отговорками о целесообразности, рассчитанными на несколько десятилетий. Напротив, чем позже оно происходило, тем было страшнее. Если в богов перестают верить, они становятся идолами. Если формы жизни становятся голыми формулами, тогда наступает духовная смерть или революция. Ничего другого не бывает.

"Я пришел не с миром, но с мечом"; "Я хочу разжечь огонь на земле и я хотел бы, чтобы он уже горел", - сказал мятежник из Назарета. Он был откровением, и озабоченные позже его властью священники сделали это откровение единственным в мире, подкрепили его искусственно "исполнением" пророчеств, новыми указаниями на будущее и стараются изо всех сил сделать из жизни смерть.

7

Кривая солнечного мифа и нордической философии. — Рационализм и неовитализм. — Сознание и вегетативное бытие. — Жизненно важное первобытное состояние — современная функция. — Солнечный миф и законы природы. — Культурный пессимизм, "мировая безопасность" и проблематика природы. — Глубочайший закон настоящей культуры. — Способствующая возникновению культуры пропасть между вегетативным и осознанным; Палагий (Palagyi). — Германская близость к природе и метод познания. — Улучшение породы на службе ценностей, связанных с кровью.

Статический идеал требует согласно своей сущности "покоя". Но это требование не может взять верх над вечным потоком жизни, несмотря на всякое отрицание динамических жизненных принципов. Это требует обращения к нескольким, ограниченным во времени моментам. Это "откровения", которые затем превращаются по возможности, на долгое время в "бытие", в "вечную истину". Человек же с динамическим (волевым) восприятием, хоть и заставляет сознательно или

несознательно "бытие" действовать, но расследует становление как выражение бытия, не нуждаясь в мистических, никогда не существовавших "откровениях" в качестве "чудес" для духовного познания. Эта продолжительная борьба за "существование", находящаяся в процессе становления, является германской религией, которая заметна даже для отвернувшейся от мира мистики. "Откровение" в рамках нордического ощущения может представлять собой только подъем и увенчание становления, а не уничтожение природных законов. А этого хочет еврейское учение о Боге так же, как и римское. Тяжелый удар нанесли этим взглядам германская наука и нордическое искусство. Церковный Яхве теперь мертв как Вотан (Один) 1500 лет тому назад. Но к философскому сознанию нордический дух пришел тогда у Иммануила Канта, значительный труд которого заключается в проведенном наконец отделении полномочий от религии и науки. Религия имеет дело только с "Царством Небесным в нас", истинная наука - только с механикой, физикой, химией, биологией. Это критическое разделение, будучи осуществленным, означает первую предпосылку для свойственной типу нордической культуры; но оно означает также преодоление догм, обусловленных сирийско-еврейским характером, и освобождение нашей динамической жизни сознанием полярности: мистики свободы и механики природы. Лишь это обеспечивает истинное единство. Если движение обновления, которое возникает в Германии, имеет историческую задачу, то она заключается в том, чтобы с полным сознанием укрепить существовавшие до сих пор основы нашей культуры, в известной мере преобразованной римско-еврейскими религиозными учениями и сирийско-африканскими взглядами, и помочь привести к победе ее основные ценности.

Все эти расово-психологические соображения и размышления в плане критики познания и исторические указания демонстрируют большое многообразие разных сражающихся между собой за господствующее положение сил расово-духовного или расово-хаотического толка, а кроме того определенное единство в позиции нордических или же преимущественно нордически обусловленных элементов. На "природо-созерцательной" ступени все боги индогерманской семьи народов - это боги неба, света, дня. Индийский Варуна, греческий Уран, отец богов Зевс и бог неба Один, Зурия ("Сияющий") у индийцев, Аполлон-Гелиос и Ахурамазда - все они относятся к той же сущности на одной, свойственной типу, ступени развития. С этой религией света против хтоническо-материалистически настроенных расовых групп выступает принцип патриархата³⁷. На другой плоскости мифология пронизана героикой и нравственностью, связана с волей к исследованию и стремлением к познанию, так что боги становятся носителями различных волевых и духовных стимулов, от бога Солнца древних индийцев, которого молят не только рано утром о плодородии, но также и о мудрости, до Одина, который в попытке познать мир даже потерял глаз. И на уровне философского проникновения проблем мы видим, несмотря на глубокое различие форм, что Упанишады, Платон и Кант достигли одинакового результата в отношении идеальности пространства, времени и причинности.

Таким образом, признанное многообразие не является хаосом, выявленное единство со своей стороны не является бесформенной, только логической единицей.

Это признание имеет решающее значение, потому что оно не только самым резким образом противопоставляет нас всем "абсолютным" "универсалистским" системам,

---

³⁷ Совершенно вводит в заблуждение, когда Герман Вирт в труде "Подъем человечества" пытается установить матриархат как ненордическо-атлантическую форму жизни, но одновременно признает солнечный миф как нордическое достояние. Матриархат постоянно связан с хтонической верой в богов, патриархат - с солнечным мифом. Почитание женщины у нордического человека основывается как раз на мужской структуре бытия. Женское начало в Малой Азии в дохристианское время привело к культу гетер и коллективному сексу. Доказательства, которые приводит Вирт, поэтому являются более чем неубедительными.

которые от предполагаемого человечества снова стремятся к унитаризации всех душ на все времена; оно приводит нас также в конфликт с настоящими новыми силами нашего времени, также похоронившими своих мертвых, с которыми мы контактировали с большой симпатией, но которые в справедливом сопротивлении страшному голому национализму, угрожающему задушить наши души, считают, что ушли в "глубокую древность" и вынуждены объявить "духу" как таковому войну с тем, чтобы вернуться "назад" к единству тела и души в противовес разуму, рассудку, воле, называемым вместе "духом".

Указание на прочувствованный "возврат к природе" и прославление "примитивного", всплывшие к концу XVIII века, хоть и близки, но конечно по сравнению с Людвигом Клагесом или Мельхиором Палагнием слишком дешевы. То, к чему стремится новая наука о душе (психология) и исследование характера, лежит значительно глубже; иногда споры требуют именно расово-духовного обоснования, чтобы подвести под все здание органичную основу. Что-то при этом развалится, но многое еще более прочно войдет в фундамент.

С резким разграничением сознания обнаруживается первая отчужденность по отношению к естественно-растительному, творчески-пророческому первобытному состоянию благоговейно-героического человека древности. Это состояние представляется как единственно истинная жизнь, которая была фальсифицирована рациональными установками и инструкциями. Уже здесь, в исходной точке видно, как близко и как одновременно чуждо противостоят друг другу наш расово-духовный подход к рассмотрению мира и новая психокосмогония. Разум, как говорилось, является часто формальным, то есть бессодержательным инструментом; его задача состоит только в том, чтобы создать причинностный ряд. Если же рассматривать его как законодателя, то это означает конец культуры. (А именно как свидетельство расового отравления, что виталисты выпускают из поля зрения.) В основном, царит согласие. Но совершенно нет необходимости в том, чтобы разум и воля на стороне этого духа враждебно противостояли жизни. Мы наблюдали как раз, как в отличие от всех семитских народов, позиция души, воли, разума со стороны нордических народов по отношению к вселенной была, в основном, аналогична. Таким образом, мы имеем здесь дело не с абстрактным древним человеком, которому справедливо было бы приписать абсолютную "безопасность мира", а с четко выраженным расовым характером. И выявился удивительный факт - озлобленные борцы против современного рационализма, враждебного по отношению к жизни, создали сами себе самым рационалистическим образом бессознательно созидającego героического древнего человека.

Потому что первобытное состояние - по крайней мере насколько мы можем вообще опуститься до него - не везде характеризуется героическими убеждениями. Еврейский народ начинается с историй о животноводстве, в которых однако нет никакого героизма; их более поздний исход из Египта сама Библия сопровождает рассказом об украденных в Египте ценностях; в самом мошенничестве и паразитизме народов "Земли обетованной" тогда проявляется нечто отличное от героического направления. Настоящего героизма нет и у финикийцев, даже когда они отваживаются на морские путешествия - вдоль берегов. И даже если чистый семит (например, араб) располагает храбростью и буйством, то у него опять же полностью отсутствует признак творчества. Далее, этруски, хоть и оставили нам ворох непристойнейших обычаев и памятников, но тоже не дали повода заподозрить у них никакой склонности к творческой духовной деятельности. Героизм, однако, является основным типом всех нордических народов. Но этот героизм времен древних мифов - и это является решающим - никогда не исчезал, несмотря на длительный период упадка, пока эта нордическая кровь еще где-либо была жива. И хотя героизм принимал различные формы, он ведет от воинской

аристократии Зигфрида и Геракла к исследовательской аристократии Коперника и Леонардо, к религиозной аристократии Эккехарта и Лагарде, к политической аристократии Фридриха и Бисмарка - сущность его не изменилась.

Предположительного единства в доисторическое время также не существовало, это современная абстракция. Рассудок и воля по окончании "природосозерцающей" эпохи также недалеко от крови и жизни, если они не заглушены цепкостью духовных джунглей Ближнего Востока. Потому что то, что пытается представить новое учение о теле и душе, а именно то, что только приземленный человек, руководствующийся лишь инстинктами, близок к природе, однороден и полон жизни, духовный же далек от всего этого, действительности не соответствует. Действительности не соответствует и то, что хтонические взгляды, вдохновляющие это новое учение (оплодотворенные распутной поэзией Бахофена), выражают особо высокую степень глубины жизни и безопасности мира. Потому что народы, выходящие из мифа света и солнца и продолжающие его воплощать, связаны тем самым с очевидным производителем и хранителем всего органичного, ибо только на разумной земле появляются любимцы Афродиты и Деметры, Изида и Астарты.

Солнечный миф всех ариев не только "духовен", он представляет собой одновременно космическую и близкую к природе законность жизни. Выступать против него от имени "инстинктивного единства", тем более со страстными взглядами в сторону Малой Азии, означает возврат в расово-хаотические и духовно-хаотические и аналогичные им состояния, которые бурлили в позднем Риме. Как бы сильно не отличалась наша сегодняшняя характерология и учение о единстве души и тела от наивного увлечения природой Руссо и Толстого, общими для обоих движений являются две вещи: культурный пессимизм и трогательная вера в "безопасность мира" человека, еще не испорченного "интеллектом". Утонченная жизнь, духовная атлетика равновесия великих просветителей энциклопедистов создала духовную пустоту, вызвала внутреннее (потом и внешнее) сопротивление против религиозных и общественных установок.

Разбойники, Поза, Фауст, Клэрхен, Гретхен - все они являются свидетелями этого штурма и натиска против ограничений и обязательств под знаком нового, личного или индивидуального³⁸. Но эта преданность своего "я" своей мнимой естественной первопричине приводила или к катастрофе - от идиллии Вертера к его страданиям - или к признанию проблематики "естественно" задуманной природы. На место культурного пессимизма пришло сомнение в благодатном возврате к природе. И эта последняя фаза не минует и неовиталистов, которые объявляют войну всей культуре современности, культуре завтрашнего дня, служа чисто абстрактному - это важно отметить - природному мистицизму. Плодотворная миссия для этого движения может наступить только тогда, когда она выделит из расплывчатого универсализма "природы" органические фигуры, расы, признает их ритм жизни, расследует те условия, в которых они существовали творчески и при каких обстоятельствах наступил упадок или ослабление подлинной духовной ударной силы. Но тогда новая натуралистическая романтика должна будет проститься как с абстрактным универсализмом, как реакция против безудержного рационалистского индивидуализма, так и с принципиальной ненавистью по отношению к воле и рассудку. При этом следует признать глубочайший закон любой истинной культуры: она является сознательным воплощением вегетативно-виталяного определенной расы.

Глубокая пропасть образуется между этим вегетативным и сущностью сознания, но вызванное этим напряжение является одновременно предпосылкой для любого творчества. Пропасть возникла в результате того, что все наше вегетативно-

---

³⁸Смотри также Х.Л. Кофр. "Поэзия периода штурма и натиска". 1928 г.

анималистическое бытие находится в непрерывном течении, наша же способность к восприятию прерывиста (периодична)³⁹. Только благодаря возможным за счет этой периодичности законченным наблюдениям, созданию периодизации времени, схемам возникают предпосылки как для языка, так и для любого искусства и науки. С другой стороны здесь имеет место глубочайший витальный корень для утверждения с точки зрения критики познания Канта о том, что идея и опыт никогда полностью не совпадают, т.е. что культура, которая могла появиться только за счет периодичности сознания, никогда не может быть определена как совершенно "витальная". "Два мира" оказались, таким образом, и с этой точки зрения первичным законом всего нашего полярно сдвоенного бытия. Если при этом отдельное гениальное достижение во всех областях творческого существования проявится как художественный обзор свободы и природы, то достижение всего народа представляет собой эту наполовину мучительную, наполовину отрадную символику такого преодоления непреодолимого. Народные культуры, таким образом, являются "импульсами духа" внутри вечнотекущей жизни, смерти и становления.

Так как теперь нордический человек исходит именно от этой становящейся жизни, от дня, то он совершенно "естественно" является виталистом. Но самым большим достижением его истории было германское сознание того, что природу можно освоить не с помощью мистики (как это считали в Малой Азии) и не при помощи разумных схем (как это делала поздняя Греция), а только за счет внутреннего наблюдения за природой. Здесь благочестивый Альбрехт фон Больштедт (Альбертус Магнус) вплотную приближается к Гёте; мечтатель Францискус к религиозному скептику Леонардо. Несмотря на отлучения от Церкви, яд и костры инквизиции, Германский Запад не позволил отобрать у себя этот витализм римской Церкви. И этот мистический витализм был одновременно космическим, или наоборот, потому что германский человек имел космически-солнечное восприятие. Поэтому он и открыл законы в вечном становлении на земле. И может быть, это глубочайшее чувство позволило ему построить для себя необходимые схемы науки, вызвать идейную символику, которая одна подарила ему оружие, чтобы несмотря на периодичность постоянно организуемого сознания, совсем вплотную приблизить его к "вечному течению"⁴⁰.

То, что сегодня одна сторона поклоняется этим символам и схемам, означает то же состояние упадка, что и поклонение самому "витализму". Не для того когда-то германская наука в рамках своего войска подарила нам девять миллионов уничтоженных еретиков, как величайшее подобие внутренней свободы формирования, чтобы вместе с ней осудить все связанные между собой части и методы или сделать из них идола. Тот, кто сегодня жалуется на "технику" и изрыгает проклятие за проклятием, тот забывает, что ее появление восходит к вечной германской инициативе, которая должна также исчезнуть вместе с ее закатом. Но это привело бы нас к варварству, к тому состоянию, при котором когда-то погибли культуры вокруг Средиземного моря. Не "техника" убивает сегодня все живое, а вырождающийся человек. Он внутренне искажен, потому что ему в слабые часы его судьбы навязали чуждый мотив: исправление мира, гуманность, культуру человечества. И поэтому сегодня необходимо преодолеть гипноз, не углублять сон нашего поколения, не

---

³⁹ Очень хорошо это изложено Мельхиором Палагнием в его "Натурфилософских лекциях об основных проблемах сознания и жизни". Шарлоттенбург, 1908 г.; причем совершенно не обязательно соглашаться со всеми выводами, которые частично выдают заблуждения в понимании Канта.

⁴⁰ Изображение этих законов является одной из величайших заслуг Канта. Ясное представление этой сознательно критической деятельности дал нам, главным образом, Х.Ст. Чемберлен в своем "Гёте" и доклад Декарта "Иммануил Кант".

проповедовать "необратимость судеб", а возвеличивать те ценности крови, которые - будучи признанными снова - смогут дать и новому поколению новое направление и позволят сделать возможным создание и улучшение расового состава. Правильно заглянув в сущность предшествующих войн органически разграниченных народов индоевропейской семьи с чуждыми силами, поняв ход развития внутри жизни, свойственной их типу, заново испытал постоянно остающуюся неизменной внутреннюю позицию характера по отношению ко вселенной, мы узнаём, вернее ощущаем стремление нашего поколения, которое с ненавистью отвергает сегодняшнюю действительность в смысле действительности вечной: стремление согласовать рассудок и волю с направлением духовно-расового потока германской культуры. И если возможно, с потоком тех нордических традиций, которые дошли до нас из Эллады и Рима еще без фальсификаций. Это с философской точки зрения означает: дать мятущейся сегодня воле соответствующий ее первопричине великий мотив.

Если мы увидим здесь в героическо-художественной позиции существенное, неважно идет ли речь о воинах, мыслителях или исследователях, то мы также узнаем, что вся эта доблесть группируется вокруг одной высшей ценности. И это всегда была идея интеллектуально-духовной чести. Но честь находилась в состоянии духовно-интеллектуальной борьбы - так же, как и ее носители в состоянии физической борьбы - с ценностями носителей другой расы или с творениями народного хаоса.

II

Любовь и честь

1

Образование народа при помощи господствующего идеала. — Понятие чести в Индии. Греческий идеал. — Александр Великий и персы. — Честь в качестве центральной идеи на севере Западной Европы. — Викинг. — Фихте о культуре убеждений. — Разложение ценностей за счет идей гуманности. — Народная мудрость о высших ценностях.

Многие войны последних 1900 лет называют религиозными. В основном, по праву, но отчасти незаслуженно. Тот факт, что вообще из-за религиозных убеждений можно было вести истребительные войны, говорит о том, до какой высокой степени удалось лишить германские народы их первоначального характера. Уважение к религиозным убеждениям было для германцев-язычников таким же естественным, как и для более поздних арийцев. Только проведение в жизнь претензии на единственную истинность римской Церкви ожесточило европейский характер и согласно естественной необходимости вызвало в другом лагере возникновение оборонительной реакции, которая в силу того, что также велась за чуждую типу форму, со своей стороны должна была вызвать духовное очерствление (лютеранство, кальвинизм, пуританство). И тем не менее большинство войн лидирующие герои нашей истории вели не столько за теологические догматы веры, касающиеся Иисуса, Марии, сущности Святого Духа, очистительного огня и т.д., сколько за ценности характера. Церкви всех вероучений

заявляли: "Какова вера, таков и человек". Для любой Церкви это было необходимо и сулило успех, так как таким образом человеческая ценность получала зависимость от навязываемых ими догм, и люди духовно приковывались к соответствующей церковной организации. Североевропейское же вероучение - сознательно или нет - постоянно утверждало: "Каков человек, такова его вера". Еще точнее, таков тип или содержание его веры. Если вера защищала внешние ценности характера, тогда она была истинной и хорошей, неважно какими формами ее окружало человеческое стремление. Если же она этого не делала, то она подавляла гордые собственные ценности и должна была восприниматься германцами в глубине души как гибельная. Есть две ценности, имеющие преимущество перед другими, в отношении которых уже почти два тысячелетия между Церковью и расой, теологией и верой существует полная противоположность; две ценности, корни которых ведут к воле, и вокруг которых в Европе издавна ведется борьба за господствующее положение: любовь и честь. Обе стремятся к тому, чтобы считаться высшими ценностями: Церкви хотят - как это ни странно звучит - при помощи любви господствовать, нордические же европейцы хотели при помощи чести свободно жить или свободно и с честью умереть. Обе идеи находили готовых на жертвы мучеников, однако их столкновение не всегда приводило к просветлению сознания, как бы часто оно не проявлялось в действительности.

Это сознание сохранилось и в наше время. Оно является мистическим переживанием и тем не менее ясно как солнечный свет.

Любовь и сострадание, честь и долг являются проявлениями духовной сущности, которые будучи облачены в различные внешние формы, почти для всех способных создавать культуру рас и наций представляют собой движущие силы для их жизни. В зависимости от того, было ли отдано первое место любви в самом общем ее понимании или понятию чести как таковому, соответствующим этой духовной целеустремленности образом развиваются мировоззрение и форма существования соответствующего народа. Та или другая идея создавала меру измерения для всего мышления и всех действий. Но для того, чтобы создать определяющий критерий для эпохи, должен первенствовать тот или другой идеал. Нигде еще борьба между этими двумя идеями не была столь трагичной, как в конфликтах между нордической расой и народами, испытывавшими различным образом ее влияние, с соответствующим расовым и мировоззренческим окружением.

Ввиду возникающего вопроса, мотив которого оказался для нордической расы преобладающим над всеми другими при создании души, государства и культуры, совершенно очевидно, что почти все, что создало характер нашей расы, нашего народа и государства, это в первую очередь было понятие чести и неразрывно с ней связанная идея долга, порожденная сознанием внутренней свободы. А в тот момент, когда первенство получают любовь и сострадание (или если хотите - сострадания), в истории начинаются эпохи расового, народного и культурного упадка всех государств с соответствующей нордической ориентацией.

Это в настоящее время проповедают до пресыщения индуизм и буддизм. Многие же из нас имеют об Индии представление как о стране, которая дает нам теософов и антропософов. Мы говорим об Индии как о мягкосердечном, расплывающемся во вселенной мировоззрении, которое учит любви и состраданию к человеку. Без сомнения право на эти взгляды утверждают поздняя безгранично расплывающаяся философия, учения веданты, атмана, брахмана, стремящийся освободить этот мир от страдания буддизм наряду с тысячами рассеянными по всей индийской литературе сентенциями этой точки зрения: "Нет ничего, чего нельзя было бы совершить при помощи доброты". "Счастливы те, кто возвращаются в лес, после того как ранее надеялись на удовлетворение потребностей, и даже к врагам испытывают любовь" и т.д. И тем не менее в эти наполненные любовью и состраданием умы позднего времени

Индии проникают совсем другие, более ранние взгляды, которые признают не личное чувство счастья и отсутствие страданий как единственную цель, к которой следует стремиться, а исполнение долга и утверждение чести. В одной из древних индийских песен долг провозглашается даже "шестым чувством"; в Махабхарате вся борьба (в своей первоначальной форме) ведется вокруг этой идеи. Герой Фима (Fima), неохотно принимающий участие в войне, говорит, что покинет своего государя, если государь мой Юциштира (Juzischtira) не удержит меня оковами долга кшатрия, так чтобы я без сожаления должен был поразить даже дорогих внуков его стрелами". Сильный Карна говорит:

*Честь как мать дает
человеку жизнь в мире,
бесчестье пожирает жизнь,
даже если жизненное благополучие процветает.
Царь Дурьюцана (Durjozana) свергнут вопреки всем законам войны и жалуется:*

*Вам не стыдно, что Фимазен (Fimasen)
разбил меня бесчестно?*

*Мы всегда сражались честно,
и честь остается с нами в победе.
Вы всегда сражались бесчестно
и имеете свою победу с позором.*

*Я же владел землей
до дальнего берега моря,
мужественно стоял перед врагом
и умираю теперь, как герой
желает умереть, служа долгу,
и возношусь к богам,
окруженный толпой друзей...*

Это, конечно, совсем другие тона по сравнению с теми, которые обычно звучали в известных песнях. Эти и другие места индийской литературы доказывают, однако, что и древний индиец - это тот, кто создал Индию - отдавал свою жизнь не во имя любви, а во имя долга и чести. Неверного проклинали и в арийской Индии, не потому что он лишился любви, а потому что он лишился чести. "Лучше пожертвовать жизнью, чем потерять честь: потерю жизни чувствуют в течение одного момента, потерю чести - день за днем", - говорит народная пословица⁴¹. "Герой ощущает сердцем, что цель можно достигнуть при помощи геройства, трус - что с помощью трусости", - утверждает другое изречение и предвосхищает оценку. Следует внимательно рассмотреть эту черту древнеиндийской сущности. Царь Порос (Poros), будучи побежден Александром в честном сражении, тем не менее остался рыцарем. Раненый, он не бежал с поля боя, когда разбежались все остальные: "Как я должен поступить с тобой?", - спросил Александр побежденного противника. "По-королевски", - был ответ. "И все?", - спросил македонец. "В слове "по-королевски" заключается все", - прозвучал ответ. И Александр расширил владения Пороса, который с этого времени стал его верным другом. Был ли этот рассказ исторически правдивым или нет, значения не имеет. Но он показывает внутренний критерий оценки чести, верности, долга и

---

⁴¹ Бётлингк. "Индийские изречения".

храбрости, которые были общими и естественными для обоих героев и, очевидно, для историографа тоже.

Это мужское понятие чести сохранило древнеиндийские царства, создало предпосылки для общественных связей. Но когда это понятие чести было вытеснено ритуально-религиозными системами, связанными с разложением расы и отрицающими все земные ограничения, в качестве решающих выдвинулись религиозные догматические, затем экономические точки зрения. С философией атмана-брахмана, перенесенной на земную жизнь, ариец - как было сказано раньше - отрицает свою расу, вместе с ней свою личность, а также идею чести как духовный хребет своей жизни.

Любовь и сострадание - даже если они предполагают охватить "весь мир" - постоянно ориентируются на отдельное любящее или страдающее существо. А желание освободить других или себя от страданий - это чувство чисто индивидуальное, не содержащее действительно сильного элемента для образования народа и государства. Любовь к ближнему или дальнему порождает действия высшей готовности к самопожертвованию, но одновременно является духовной силой, направленной на индивидуальное, и ни один человек еще не потребовал серьезно жертвы целого государства, целого народа во имя одной, не связанной с ним любви. И нигде еще за это не погибло войско.

Значительно мягче по сравнению с древнеиндийской представляется нам жизнь в Афинах. Хотя и здесь героический эпос говорит о героических поступках, но они обоснованы скорее эстетикой. (Подробнее во второй книге.) Однако триста спартанцев из Фермопил служат для нас символом чести и исполнения долга. Ничто не свидетельствует о движущей для нас, западноевропейцев, силе лучше, чем наши попытки воспроизвести греческую жизнь; эти попытки долгое время считались историей. Мы могли представить ее себе только так, что все эллины были движимы честью и долгом. Лишь очень поздно мы были вынуждены убедиться в мудрости греческой жизни в этом плане. Одаренный фантазией грек и в обычной жизни не очень строго держал слово, вряд ли признавая сухую юридическую ценность обещания. Здесь мы как бы открываем удивительнейшую часть греческого характера, здесь были настоящие ворота для торгашеско-мошеннической малоазиатчины, так что ложь и лицемерие стали в дальнейшем постоянными сопровождающими явлениями "греческой" жизни, которые побудили Лисандра сказать, что детей следует обманывать кубиками, мужчин - клятвами. И тем не менее настоящий грек был преисполнен чувством свободы. Корни этого чувства следует искать в осознании чести. Убийство женщин и самоубийство побежденных в бою мужчин явление нередкое. "Не сдавайся в рабство, пока у тебя есть выбор умереть свободным", - учит Еврипид. Воспоминание о поступке фокийцев, которые перед битвой окружили свой оставшийся народ дровяным валом с указанием поджечь его в случае поражения, остается героическим свидетельством сильной символики. Потомки Цакинтоса (Zakynthos) предпочли умереть в пламени, чем попасть в руки пунийцев. Даже в более позднее время (200 г до Р. Х.) имеются доказанные свидетельства лирического героизма, например, из Абидоса, который будучи осажден Филиппом младшим не сдался, более того, мужчины закалывали своих детей и женщин, сами бросались в цистерны и уничтожили город огнем. Такая же оценка жизни, свободы и чести свойственна и древнегреческим женщинам, когда речь идет о защите ими своей чести. Так по указанию своей матери повесилась Эвридика; при победе над властителем Элиса (von Elis) в III веке повесились его супруга с двумя дочерьми.

Следует все же признать, что статика греческой жизни была обусловлена не характером, а красотой, что, как уже говорилось, имело роковым следствием политическую рассеянность.

Благодаря Александру позднегреческим, преимущественно эстетическим

существованием вновь овладело понятие породы, которое предполагало сознание своей разнотипности и с точки зрения расы. Александр вовсе не преследовал цель создания мировой монархии и смешения народов, а только хотел объединить признанных родственными по расе персов и греков, привести их под одну власть с тем, чтобы предотвратить дальнейшие войны. Он признал движущие идеи и ценности характера персидского высшего слоя близкими своему пониманию долга. На руководящие посты он назначал поэтому только македонских вождей или персов. Семиты, вавилонцы и сирийцы совершенно сознательно исключались. После смерти Александра его преемники пытались внедрить его тип государства в своих странах и провинциях. Героем древности здесь выступает одноглазый Антигон, который в возрасте восьмидесяти лет погибает на поле сражения в борьбе против "законных" наследников, потому что не смог отстоять единство империи, к которому стремился. Однако нордически-македонские культуры были недостаточно продолжительными. Они хоть и дали греческое познание, греческое искусство и философию, но не имели достаточно сил, чтобы создать типы, утвердить свои понятия чести. Победила покоренная чуждая кровь, началось время бесхарактерного эллинизма.

Если где-либо понятие чести и было центром всего существования, то это на нордическом германском Западе. Со своеобразным для истории своевластием в истории появился викинг. Неукротимое чувство воли с началом роста населения толкает одну нордическую волну за другой через страны. Расточительно расходуя кровь, и с героической беззаботностью викинг создал свои государства в России, в Сицилии, в Англии, во Франции. Здесь царили первобытные расовые инстинкты без каких-либо обязательств и воспитания, не стесненные воспитывающими размышлениями о целесообразности или четко определенным правовым порядком. Единственная идея, которую принес с собой норманн, было понятие персональной чести. Честь и свобода гнали свободных людей в даль и неизвестность, в страны, где было пространство для переселенцев. Они сражались и на своих дворах, и в замках за свою самостоятельность до последнего человека. Гениальное отсутствие цели, далекой от всех торгашеских соображений, было основным призывом для нордического человека, когда он, несмотря на дикую бурю молодости, появился, создавая историю на Западе. Вокруг отдельных лиц группировались более близкие последователи, что затем должно было привести к созданию определенных общественных заповедей жизни, так как наконец всюду после странствий следовала оседлость крестьянского типа (которая на Юге, правда, быстро пришла в упадок, погибла, разложившись в поздневосточной роскоши). "Редко откроется наблюдателю другой пример в истории, где поведение народа было бы так чисто и определялось бы полностью единственной высшей ценностью: вся власть, все имущество, любое обязательство, любое действие находятся на службе у чести, которая заставит в случае необходимости, не раздумывая и не моргнув глазом, пожертвовать и жизнью. Подобно тому, как закон чести управляет жизнью, он также отражается в поэзии и проходит в виде основного принципа через мир сказаний: ни одно другое слово не встречается там так часто, как слово "честь". Поэтому нордический мир героев, при всей своей дикой разобщенности, своим бурным субъективизме, тем не менее, является единым по сущности и по линии судьбы⁴². Приятно обнаружить эти признания в кругу немецких учителей, которые до сих пор были охвачены эстетизмом по греческому образцу. Здесь затронут нерв судьбы всей нашей истории. Тип оценки понятия чести решит все наше немецкое, наше европейское будущее.

Если бы древний нордический человек и стремился действовать, применяя силу, то

---

⁴² Крик. "Формирование человека". С. 154.

признающий честь центр его сущности и в борьбе, и в смерти, породил бы чистую атмосферу. Войну можно вести жестоко, но признавать себя причастным к действиям - это первое условие для нордического мужчины (Крик). Это требуемое от каждой личности чувство ответственности было эффективной защитой от нравственного болота, того лицемерного разложения ценностей, которое постигло нас в течение западноевропейской истории в различных формах гуманности как вражеских происков. То они называли себя демократией, то социальным состраданием, то смирением, то любовью. Персональная честь северянина требовала мужества, самообладания. Он не болтал часами, подобно греческим героям перед каждым боем, не кричал, как они, получив рану. Осознанная им честь требовала от него хладнокровия и напряжения сил. С этой точки зрения фактически викинг является культурным человеком, а эстетически безукоризненный поздний грек - это отсталый, лишенный духовного центра варвар. Слова Фихте: "Настоящая культура - это культура убеждений", - вскрывают нашу истинную нордическую сущность по отношению к другим культурам, высшей ценностью которых являются не убеждения (а для нас это равноценно чести и долгу), а другая чувственная ценность, другая идея, вокруг которой вращается их жизнь.

История западноевропейских народов с течением времени была обусловлена разными обстоятельствами и очень разнообразно складывалась. Везде, где господствует нордическая кровь, имеется понятие чести. Но оно смешивается также и с другими идеалами. Это проявляется, чтобы предварить результат, в изречениях народной мудрости. В русской культуре восторжествовала идея церковности, религиозного чувства, которое даже самому дикому началу придает религиозно-ревностное прикрытие (следует вспомнить в "Идиоте" Достоевского человека, который убивает за серебряные часы, но перед этим читает молитву), поэтому русский говорит о своей родине как о святой России. Француз подходит к жизни с формально-эстетической точки зрения, поэтому для него Франция - "Belle France" (прекрасная Франция). То же самое можно сказать об итальянце. Англичанин горд за свое последовательное историческое развитие, за традиции, за твердые, типичные формы жизни. Поэтому он восхищается своей "Старой Англией" (old England). У нас же говорят, несмотря на множество несвятых свойств, все еще с тем же усердием о "германской верности", что доказывает, что наша метафизическая сущность все еще воспринимает "границу чести" как свой неподвижный полюс.

Ведь за это понятие чести, в конечном итоге, в течение тысячелетий шла борьба, когда Северная Европа смотрела в сторону римского Юга и, наконец, во имя религии и христианской любви была порабощена.

2

Проникновение идеи любви в германский мир. — Аристократия веры. — Вызов германского великодушия. — Управление Церкви без идеи о любви. — Стадо и пастырь. — Прежние компромиссы с Римом. — Отстранение христиан в римской системе. — Миф о заместительстве Бога. — Мужской союз священников. — Современные римские программы; Адам. — Обожествление священников. — Причастие как волшебный материализм. — Преобразование древнегерманских божеств и фальсификация древнегерманских обычаев; святой Мартин, святой Освальд, большой кубок. — девять миллионов мертвых еретиков на пути любви. — Мировая Церковь и мировое государство.

Нет сомнения в том, что и без вмешательства вооруженного римско-сирийского христианства эта эпоха германской истории - эпоха мифологии - закончилась. Природная символика уступила место новой нравственно-метафизической системе, новой религиозной форме. Но эта форма, бесспорно, имела то же духовное содержание, идею чести в качестве лейтмотива и критерия. Теперь сквозь христианство пробилась

другая духовная ценность, претендуя на первое место: любовь в смысле смирения, милосердие, покорность и аскетизм. Сегодня каждому искреннему немцу ясно, что это, равномерно охватывающее все создания мира, учение о любви нанесло чувствительный удар душе Северной Европы. Христианство, оформившееся в виде системы, не знало идеи расы и народа, потому что оно представляло насильственное соединение воедино различных элементов. Оно не знало также идеи чести, потому что, преследуя позднеимперскую цель власти, исходило не только из покорения тел, но и душ. Теперь же примечательно, что идея любви в руководстве церковных организаций также не имела успеха. Структура римской системы с первого дня как в организационном, так и в догматическом плане является принципиально и сознательно нетерпимой и отвергает все другие системы, чтобы не сказать, что она исполнена ненависти. Где было можно, она пробивалась к своей единоличной цели при помощи отлучения от Церкви, объявления вне закона, огня, меча и яда. Отвлечемся от нравственных оценок и установим тот факт, который не отрицается даже современными римско-католическими писателями. Но этот факт в большей степени, чем все другие доказывает, что идее "любви" не присуща типобразующая сила, потому что даже организация "Религия любви" создана без любви. А именно, она содержит меньше любви, чем все другие создающие тип силы. Древние готы были терпимы - как свидетельствует Деллингер - как к католической, так и к другим верам и оказывали этим религиозным запросам, как таковым, глубокое уважение, что исчезло там, где победили дух "Бонифация" и насильственный закон "любви"⁴³. Любому немцу нелегко выразить отрицательную оценку в отношении этрусско-еврейско-римской системы, потому что как бы она ни была организована, она облагорожена уже преданностью миллионов немцев. Они приняли чуждое вместе с тем, что им казалось родственным их душе. Первому они не уделили достаточно внимания, второе с любовью развивали и сумели внедрить в целое кое-какую нордическую ценность. Несмотря на это, правдивость требует сегодня, во времена великого поворота души, проверить поддержку жизни и нанесение ей вреда Римом, выступающим против древней сущности германского Запада. Не с точки зрения личного недоброжелательства, а при помощи обзоров больших напряжений и разрядок в более чем две тысячи лет существовавшей истории и исследования расово-духовных ценностей, обусловивших эти потрясения. И тогда мы увидим, что по существу одинаковая борьба греческой и римской культур выпала и на долю германца. Он не может избежать этой борьбы как и обе другие великие нордические волны народов, потому что они при своем возвращении несли с собой побежденные азиатские духовные ценности и воплощающий эти ценности человеческий материал. Несли с собой через Элладу, через Альпы, через границы германского жизненного пространства, иногда в сердце самой нордической расы.

Но если причины этого великого успеха прослеживаются, то наряду с более ранним техническим превосходством древнего опытного Юга и моментом кризиса в религиозной жизни германцев - что не объясняло так долго длящейся победы - откроется зов германского великодушия, как одно из важнейших условий. Это великодушие, воплощенное вовеки в виде притчи о Зигфриде, которое предполагает и у

---

⁴³ Можно сравнить, например, выдержку "языческого" фризского герцога Радбода в противовес римской воле к исследованию. Он оставался верным вере своих отцов, но не преследовал христианских проповедников. И только когда к нему привели нескольких особенно усердных христианских апостолов, и один из них перед лицом вызванного им возмущения тем не менее храбро защищал свою веру, "языческий" герцог сказал: "Вижу, что ты не боишься наших угроз и твои слова соответствуют твоим ценностям", - и отослал проповедников "со всеми почестями обратно к Пшпшу, герцогу франков". Так говорит Алькуин. С точки зрения духовной аристократии этот языческий герцог фризов стоит значительно выше "наместников Бога" в Риме, которые исходили из того, чтобы изгнать эту внутреннюю свободу и почтение из мира.

противника такую же ценность чести и открытую форму борьбы, и с детской прямолинейностью и в дальнейшем не могло себе представить прямую противоположность, это великодушие принесло германцу в течение его истории тяжелое поражение: тогда, когда он начал удивлять Рим, в более новое время, когда он проводил эмансипацию евреев и тем самым придал яду равноправие со здоровой кровью. Первое страшно отомстило в войнах против еретиков, почти отбросив Германию в пропасть, второе мстит сегодня. Отравленное тело народа находится в тяжелейших конвульсиях. И все еще обе враждебные нам силы призывают к великодушию тяжелораненого, призывают к его "справедливости", проповедуют "любовь" ко всему "человеческому" и стараются окончательно разрушить любое сохранившееся сопротивление характера.

Полная победа этой "гуманности" будет иметь те же последствия, что и когда-то победы Малой Азии над Афинами и Римом, когда она, будучи смертельным врагом этрусско-пеласгийско-сирийской культуры, стала, напротив, главным представителем этих сил, когда погибли бывшие ценности Древнего Рима. Уже тогда, путем физического разложения и проповеди единого человечества и любви. Учение о любви даже в самом лучшем своем проявлении не было силой типа, а было силой, расплавляющей сопротивление.

Сама Церковь как форма воспитания не могла и не имела права знать любовь, чтобы сохраниться и действовать далее в качестве типо-образующей силы. Но она могла осуществлять при помощи любви политику силы. Если сознание личности, идея обороноспособной чести и мужского долга превратились в смирение и полную любви преданность, то мотив сопротивления силе, которая организует этих верующих и управляет ими, сломлен. "Одно стадо и один пастух". Это в дословном понимании, как это и требовалось, было объявлением войны германскому духу. Если бы эта идея победила бы полностью, то Европа сегодня представляла бы лишь толпы, насчитывающие многие сотни миллионов человек, управляемые при помощи культивируемого страха перед чистилищем и вечными муками ада. Борьба этих людей за чувство чести была бы парализована "любовью", а оставшиеся лучшие представители были бы поставлены на службу "гуманитарной" благотворительности, "милосердию". Это является состоянием, к которому римская система стремилась, должна была стремиться, если она хотела вообще существовать как таковая и как духовная и политическая власть:

Я не собираюсь здесь описывать историю догм, а хотел бы только представить последовательную систему (что касается еще сущности), которая способствовала тому, что пробуждающийся нордический человек на долгое время вступил в тяжелые душевные конфликты. Или он покоряется ей полностью (как порой в средние века), или он принципиально и сознательно отвергает ее на основании эмоций. В первом случае достигается на короткое время внешнее единство, которое в силу своей невозможности должно лопнуть, как показывают сражения от Видукинда до Деллингера. Во втором случае - путь свободен для истинной органичной культуры и истинной формы веры, соответствующей крови и типу. Последние столетия проходили под знаком лишнего компромисса, который не касался основных вопросов мировоззрения, а касался только соотношений организационных и политических сил.

Показательным для римского христианства является то, что личность Создателя по возможности исключалась с тем, чтобы на ее место поставить церковную структуру господства священников. Иисуса хоть и объявляют высшим и святейшим в качестве источника всей веры и всего благословения, но только для того, чтобы представляющую его Церковь окружить сиянием славы вечного и неприкосновенного. Потому что между Иисусом и человеком встает Церковь и ее представители, утверждающие, что путь к Иисусу идет только через Церковь. И поскольку Иисус

пребывает не на земле, то человек должен иметь дело именно с этой Церковью, которая "уполномочена" навеки связать или отпустить. Использование созданной однажды веры в Иисуса Христа ("господствующего Христа", как говорит автор Гелианда") для политики власти союза священников, обожествляющих себя, также составляет сущность Рима, как это было под другим именем сущностью политики жрецов в Египте или в Вавилоне и Этрурии.

Чтобы подкрепить тезисы и распоряжения, защищающие власть мужского союза священников, была использована великая диалектика благочестивых мужей, которые относят все церковные распоряжения 1500 лет к Евангелиям, но подчеркивают, что Церковь одна имеет право издавать действующие для всех непогрешимые тезисы. Церковное христианство католической формы и протестантской разновидности представляют собой историческое явление. Начало и конец его четко просматриваются. Постройка завершена, все балки закреплены, все догматические указы находят свои "обоснования". Теперь наступила стабилизация. Можно, таким образом, говорить о структуре без боязни неправильно истолковать еще устанавливающееся живое явление в его движущих силах.

Д-р Адам, ведущий основоположник католицизма уверяет: "Католицизм не следует просто-напросто идентифицировать с ранним христианством или тем более с посланием Христа, так же как и взрослый дуб с маленьким желудем"⁴⁴. Здесь публично освященная заносчивость Церкви (произведение имеет "разрешение" на публикацию) над Иисусом высказана без обиняков, и все дальнейшее прославление Христа служит, как говорилось, только тому, чтобы возвысить власть Церкви, а не "послание Христа" - "маленького желудя". Церковная служба полностью находится в руках священника, который путем наложения рук становится представителем апостольской власти. Для обоснования этого учения приводятся слова Христа к Петру, где он называет его скалой, на которой он построит свою Церковь. Тот факт, что эти слова древнего текста значительно позже были фальсифицированы верным слугой Церкви⁴⁵, не мешает им, конечно же, доказуемо искаженный тезис неустанно повторять во всем мире как послание Христа. "Когда католический священник проповедует слово Божие, то проповедует не просто человек, а сам Христос". Этим самообожествление священника поднимается до догмата веры, который, может быть, повышает сомнение во взглядах, что, если где-либо личность вождя подняла бы "собственное бедное "я" до носителя послания Христа", Церковь срочно предаст его анафеме: "И она провозгласила бы эту анафему, даже если с неба сошел бы ангел, который учил бы иначе по сравнению с учением, которое она получила от апостолов" (Адам).

Последнее исключение человеческой независимости в пользу схематической службы происходит в таинствах: "священная милость возникает не в результате личностных нравственно-религиозных стремлений принимающего причастие, а напротив благодаря объективному исполнению самого культового символа. Это способствует уничтожению личности, ее никчемность провозглашается как "религиозный" тезис. В народе, который честь (личную честь, честь клана, честь рода, честь народа) не задумываясь ни о чем другом, в решительном действии, поставил бы в центр всей своей жизни, открытое провозглашение такого требования не могло бы

---

⁴⁴ Адам. "Сущность католицизма". 1925 г.

⁴⁵ Это место (Маттеус 16, 18-19) характеризуется само, как довольно неуклюжая из многих благочестивых фальсификаций, так как несколькими стихами позже Иисус называет того же Петра сатаной, который хочет подняться над ним. Аналогичные высказывания делает Иисус Маркус 8, 30 и далее. И на основе такой однозначной характеристики, предательства, которое Иисус и предсказывал, он хотел создать Церковь? Подобное требование аналогично публичному поруганию личности Христа. Мерке говорит в заключение: "Историческое исследование, касающееся Иисуса, нельзя позволять фальсифицировать вечно; оно должно иметь конец" ("Четыре канонических евангелия". Ш. 320).

пройти никогда. Это стало возможным только путем ловкой подмены понятия чести идеей "любви", сопровождаемой смирением и покорностью. То, что этот "культовый символ" был определен самим Иисусом, отмечается лишь в форме небольшого указания, при помощи которого формируется беззаботность истории и создается "религиозное здание".

Теперь понятно, что эти четкие формулировки учения, нацеленного на магию, в таком резком изложении в Европе, даже после отказа от чести как руководящей идеи, не могли быть осуществлены. Обусловленные кровью обычаи нордического человека и его рыцарский способ мышления невозможно было истребить даже огнем и мечом. Так Церковь подошла к включению предписанных народных символов в готовую уже так называемую систему "до древнего христианства". ("Церковь была уже здесь - согласно замыслу, готовая прорасти, потенциально - до того (!) как Петр и Иоанн стали верующими" *Адам.*)

Вера в Вотана (Одина), хотя и умирала, но священные рощи, где поклонялись "Вотану", оставались целью германских паломников. Уничтожение всех дубов Вотана и все проклятия, направленные на древнюю веру, не помогли. Место Вотана заняли христианские мученики и святые, например, святой Мартин. Плащ, меч и конь были его знаками (то есть символы Вотана), рощи, где почитали бога меча стали, таким образом, местами пристанища святого Мартина, святого воина, который до сих пор почитается немецкими паломниками (сравни Швертслюхскую капеллу). Святой Георгий и святой Михаил также являются получившими новые имена образами древненордических существ, которые при помощи такого "крещения" попали в сферу управления римской Церкви. "Чертовка" - госпожа Венера - превращается в святую Пелагию; из Донара, бога грома и облаков, получается охраняющий небо святой Петр; характер дикого охотника Вотана получает святой Освальд; и на капителях, и на работах по резьбе изображается раздирающий волка смерти освободитель Видар (например крестный ход в Берхтесгадене), который хочет спасти Одина, проглоченного волком Фенриром. Сравнение с Иисусом лежит на поверхности. Даже благочестивый Храбанус Маурис, самый просвещенный теолог Германии VIII века, позволяет Богу жить в небесном замке. Это представление, уходит корнями не в Библию, а в древнегерманский героический эпос. 1-го мая древняя Германия праздновала Вальпургиеву ночь, начало двенадцати освященных ночей летнего солнцестояния. Это был день свадьбы Вотана с Фреей. Сегодня, 1-го мая празднует свои именины святая Вальбург, тогда как все обряды, как волшебство, колдовство были Церковью изменены, и таким образом, символика природы была преобразована в восточную демоническую нечистую силу.

В Регенсбурге (доминиканская церковь) хранится кубок, "скорлупа кокосового ореха на позолоченной медной ножке, из которого пили только в холодный Иванов день". Это было древней формой освященного вина для причастия (которое подавалось Церковью еще в XIII веке в обоих видах 27 декабря на празднике зимнего солнцестояния). Это "питье за любовь" и счастье в день святого Иоанна Баптиста, за святого Мартина и святого Стефана - все это древние обряды. Благочестивый католик Иоанн Непомук Зепп говорит: "Кубок Христа Рим отобрал у мирянина, древний языческий кубок отнять у себя народ не позволил".

Вместе с обычаями менялись песни и изображения. В священной книге от 1488 года мы видим изображение святого Освальда. Он сидит на троне в королевском платье и короне. А вокруг него летают оба ворона Вотана. Только пальма и пастуший посох являются христианскими атрибутами. Под именем Освальда Один почитается и сегодня, и имеет, например, церковь в Траунштейне, а также святые места на Нижнем Рейне, в Голландии, Бельгии. Даже легенда о святой печали восходит к образу Одина, как его представляет нам Эдда, так как Один, раненный копьем, провисел девять ночей

на "качающемся на ветру дереве". Образ бородатого распятого мужчины (Один, Донар), который тому, кто обращается к нему с мольбой, бросает золотой башмак, возвращается на многих старинных картинах и в качестве мотива во многих песнях. От этого образа возникла, не совсем понятно как, женская святая печаль Церкви.

И Церковь должна была соблаговолить посадить своих святых на горячих коней, послать их, размахивающих копьями и мечами, на борьбу с драконами и другими врагами, чтобы завоевывать честь и славу или вызволять плененных дев из когтей злодея. Колонны Рональда и святого Георгия являются примерами этого типа, и только постепенно они были заменены колоннами девы Марии: место символа чести занял символ "любви".

Нордические боги были образами света с копьём и сиянием вокруг головы, крест и свастика - это символы солнца и плодородной возрождающейся жизни. Намного ранее 3000 года до Р. Х. Нордические народы, и это можно доказать, несли эти знаки в Грецию, Рим, Трою, Индию. Еще Минутиус Феликс выступает против языческого креста; пока, наконец, римская (Г-образная) виселица, к которой был прибит Иисус, не была переименована в этот языческий, теперь "христианский" крест, и не появилось языческое солнце или небесный крест как небесное сияние над головами церковных мучеников и апостолов⁴⁶. Молния и копьё являются символами господства. "Едущий верхом бог" с копьём появляется поэтому каждый раз обновленным на "христианских" каменных памятниках и изображениях: это был скачущий через историю христианства вечный странник Вотан. Разделенный на несколько образов этот бог живет и действует как святой Освальд, святой Георгий, святой Мартин, как всадник с копьём, и даже в образе святой печали проходит по католическим странам и еще сегодня невидимо как "Воде" через души народа в Нижней Саксонии. "Пока жив народ, его боги бессмертны"***⁴⁷. Это была месть Вотана после его гибели. Пока не возродился Бальдур и не объявил себя спасителем мира.

Против этой первоначальной силы древненордических традиций, которые до сегодняшнего дня не смогли полностью уничтожить даже "Бонифаций" и его последователи, глубоко возмущались в Риме (а также в Виттенберге). Но не оставалось ничего другого, как образы других богов объявить христианскими святыми и таким способом передать их черты***⁴⁸.

Но праздники христианской Церкви падали на те же дни, которые праздновал древний народ. Был ли этот праздник богини плодородия Остары, который стал праздником Воскресения, или праздник зимнего солнцестояния, который стал днем

---

⁴⁶ Мы сейчас переживаем рождение новой науки: толкования древнегерманской символики. Круг с четырьмя радиусами появляется в качестве небесного креста, т.е. и качестве проекции сторон света, деление на шесть частей в качестве точек летнего, зимнего солнцестояния и т.д. Эта символика космического типа представляет собой символику, которая будучи принята неосознанно, проходит сквозь целые тысячелетия, как следы того времени, которое изображало свою картину мира символами вместо букв: Отца Небесного, Рождение, Смерть и Вечность. Символы солнца являются фрагментами этой картины мира.

⁴⁷ А. Дитрих: "Падение античной религии".

⁴⁸ Насколько планомерно проводилась эта политика показывают многочисленные папские распоряжения. Так, например, папа Григорий "Великий" пишет Августину, "языческому" апостолу, который просит его совета по поводу обращения в другую веру: "Потому что в наше время (примерно 600 год) святая Церковь, конечно, могла многое с горячим усердием изменить к лучшему, остальное же она терпит, щадя его, но таким образом, что она часто зло, с которым она борется, подавляет именно этой терпимостью и недоглядом" (Веда I, 27). А 22 июня 601 года тот же папа пишет аббату Меллитусу. что если языческие храмы не были разрушены, их можно "преобразовать": "Если потом народ видит свои храмы не разрушенными, он может от всего сердца отказаться от своего заблуждения... и соблюдать старые обряды на отведенных для этого местах". И по поводу допуска принесения жертв: "Если им внешне (!) полагаются такие удовольствия, то они легче смогут к своей внутренней радости приспособить свое сознание. Потому что очевидно, что речь идет не о том, чтобы отсечь строптивые характеры раз и навсегда, так как и тот, кто хочет подняться до высочайших вершин, добьется этого постепенно, а не рывками" (Веда I, 30, сравни с Т. Хэнляйн "Обращение германцев в христианство". Лейпциг, 1914 г. и 1910 г. I. 57 и 64).

Рождества Христова. Так католическая Церковь в основных формах Северной Европы была обусловлена и нордической расой. Гротеск этого факта заключается лишь в том, что из нужды она пытается сделать добродетель, а богатство духовной жизни приписывает исключительно себе. Совершенно серьезно церковный религиозный догмат насильственной веры заявляет, что любой национальный колорит имеет свое место в Церкви, любая набожность находится под ее покровительством; нигде "личная свобода религиозного выражения" не защищена так, как в католической Церкви (*Адам*). Это, конечно, полная противоположность всех фактов, ясно говорящих за себя. От "Бонифация" через Людвига Благочестивого, который стремился искоренить все германское, через миллионы новых истребленных еретиков до консула Ватикана, до сегодняшнего дня тянется единственная попытка насадить безжалостную духовно единую веру (унитаризм), распространить одну форму, один навязанный догмат Церкви, один язык и один ритуал для нордических людей, левантийцев, негров, китайцев и эскимосов. (Следует вспомнить эвхаристский конгресс в Чикаго 1926 года, когда мессу служили негритянские епископы.) Уже две тысячи лет против этого возмущается вечная кровь всех рас и народов. Как идея мировой монархии оказывает гипнотическое влияние на сильные личности от Александра до Наполеона, так и идея владеющей всем миром Церкви. И как первая идея когда-то подчинила своей власти миллионы, так и вторая в качестве идеи, в рамках влияния которой полного покорения не произошло. Поэтому и великие умы Средневековья рассматривали римскую Церковь, как союзницу или, по крайней мере, как помощницу в деле осуществления властных планов. Церковь же снова увидела в вооруженной "светской руке" средство для освобождения пути для своей идеи. Если проанализировать внутренние побудительные причины, то эта борьба по существу является борьбой за господствующее положение между тем, что считается метафизической высшей ценностью и высшей ценностью характера: любовью, смирением, самоотречением, покорностью или честью, достоинством, самоутверждением, гордостью.

3

Благотворительность. — Церковное сострадание. — Закон принудительной веры с отпущением грехов и его торговая подоплека. — Церковное заступничество как акт. — Папа как тип шамана. — Перенесение ответственности; неконтролируемая загробная жизнь. — Иезуитство: следствие римской системы. — Игнациус и бесчестное повинование трупам; 26 марта 1553 года. — Иезуитство и пруссачество как несовместимые типы. — Тщетное возмущение Деллингера, Шульца, Штрассмайера. — Ватиканский собор. — Сущность Рима. — Великое дело Лютера: спасение от ламаизма.

Еще раз: в любви нуждаются и любовь культивируют только приверженцы и низшие ступени римской системы. Руководству, чтобы продлить свое существование и управлять сильными натурами, необходимы были блеск, сила, власть над душами и телами людей. Несомненно, этой системой была воспитана великая духовная жертвенность, что католическая Церковь с гордостью называет своим "милосердием". Но именно здесь, в самом прекрасном ее воздействии на людей, обнаруживается такое же сильное различие в оценке и в воздействии, казалось бы, одного и того же действия. Как милость Божья передается только через Церковь, так благодеяние и милосердие - это лишь дар Церкви несчастным, грешникам. Это очень хорошо продуманное привлечение морально надломленного человека с целью привязать его к центру власти и дать ему понять свою полную ничтожность перед Богом и одновременно его силу, представленную триумфирующей Церковью. Но в этом ходе мыслей отсутствует все, что мы называем рыцарством. Нордическому народу, воспитанному на понятии чести, следует внушать поддержку попавшему в беду со стороны общины не во имя

снисходительных любви и милосердия, а во имя справедливости и долга. Это должно иметь следствием не раболепную покорность, а внутреннее выпрямление, не надлом личности, а ее усиление, т.е. возрождение сознания чести.

Сюда относится церковно-христианское сострадание, которое в новой форме возникло в масонской "гуманности" и привело в величайшему опустошению всей нашей жизни. Из догмата навязанной веры о безграничной любви и равенстве всех людей перед Богом с одной стороны, учения о "праве человека", несущего демократические, безрасовые, не имеющие национальных корней идеи чести, с другой стороны, европейское общество "развивалось" в защитника неполноценных, больных, уродов, преступников и лентяев. "Любовь" плюс "гуманность" стали учением, разлагающим все жизненные заповеди и формы народа и государства и тем самым восстали против мстящей сегодня природы. Нация, в центре внимания которой лежат честь и долг, не сохранит ленивых и преступников, а исключит их. На этом примере мы видим также, что стремящаяся к единству безрасовая схема сочетается с нездоровым субъективизмом, в то время как спаянное честью и долгом социальное и государственное общество, хоть и должно из справедливости постараться устранить внешнюю нужду и поднять сознание ценности у каждого в рамках этой культивируемой воли, но и вынуждено отсортировать непригодных по расовым и духовным признакам для нордической формы жизни. То и другое имеет место, если в качестве высшей ценности всего действия устанавливается честь, а в качестве носителя этой идеи - защита нордической расы Западной Европы.

Типичным примером того, как римская система использовала человеческие слабости в своих целях, является догмат навязанной веры об отпущении грехов. Для бедных "грешников" Церковь имела, по ее утверждению, полномочия от Иисуса Христа и святых "прощать от Его имени". Согласно "поручению Божьему" прощать или наказывать, она располагала по отношению к совершившему преступление правом Спасителя (африканец Тертуллиан был как раз тем, кто это учение о торговле сформулировал с применением множества юридических хитростей). Этот тезис попытались окружить множеством таинственных толкований, и на этом искуплении по доверенности построена целая философия, однако для того, кто умеет смотреть глубоко, его торгашескую подоплеку невозможно было скрыть. Торгашескую, как в отношении души, так и в отношении материи. Принципиально идея отпущения грехов сводится к арифметическому примеру, где Церкви дано право подставлять вместо неизвестных "X" и "Y" любые числа. Это является культивированием одичания характера и души совершенно независимо от внешних последствий, которые имели место примерно во времена Лютера, когда торговый представитель фуггеров постоянно сопровождал честного Тетцеля и забирал у него все полученные им деньги, потому что аугсбургский мелкий торговец не мог получить деньги с задолжавшего ему папы⁴⁹.

---

⁴⁹ Много дохода от отпущения грехов дал "святой год", придуманный Бонифацием VIII. Юбилейное отпущение грехов можно было получить только в Риме. Сначала нужно было отпраздновать 100-летие "Anno sancto". Затем юбилейные торжества начали организовывать каждые 50, потом 33, наконец каждые 25 лет с тем, чтобы чаще получать крупные суммы. Первый "святой год" (1300 г.) принес папе 200 000 иностранных и 15 миллионов золотых гульденов. В 1350 году Ватикан получил 22 миллиона, понятно, таким образом, почему через 33 года "в намять о прижизненном возрасте" Христа (как это объяснялось при втором сокращении периода) был введен лишь 25 летний перерыв: "из-за краткого срока человеческой жизни". Как видно, сама мученическая смерть Иисуса могла быть хорошим обоснованием торговых дел его "наместников". Чтобы получить еще больше денег, было введено открытие и закрытие "золотых ворот" для "святого года": кто сюда вошел и оставил здесь свою лепту, мог освободиться от всех грехов и своих друзей. В 1500 году Александр VI истратил постоянные доходы от юбилейного отпущения грехов на приданое своей дочери Лукреции. Каждое преступление имело свою твердую цену, при помощи которой можно было откупиться: убийство родителей, кровосмешение стоили дорого. Только атаки протестантов регулировали бесчинства. Затем отпущение грехов стало отправлением мистических обрядов (ношение лопаточной кости, привилегированные алтари и т.д.). Аналогичные торговые операции осуществляли низшие инстанции. Монастырь Монте Кассино имел, например, годовой доход в 500 000 дукатов, и к 1500 году охватывал 4 епископства, 2 княжества, 20 графств, 350 замков, 440 деревень, 336 имений, 23 портовых поселка, 33 острова, 200

Догмат веры об отпущении грехов был возможен лишь потому, что при его формулировке не была принята во внимание идея чувства личной чести. Он должен был далее сводиться также к подрыву существующего еще сознания чести и утверждать рабское мышление в качестве благочестивой сущности. При внешнем рассмотрении, немецкое возмущение этим позором вынудило римскую систему быть осторожнее при проведении в жизнь безобразия с отпущением грехов. Принципиально же оно защищается Церковью и по сей день, как право и благочестивое деяние (сравни воззвание по поводу всеобщего отпущения грехов от 1926 года). То, что это безобразие также восходит к "библейскому древнему достоянию", разумеется само собой. Тысячелетнее переориентирование целого ряда поколений на новый полюс - Рим - так сильно подействовало на ненордические низшие слои европейских народов, что это воззвание к расслоенному человечеству воспринимается им совсем не как позор, а как взаимопомощь "членов Тела Христова".

Аналогичное мышление, чуждое идее чести, объясняет форму церковного заступничества. На основании решения консилиумов в Лионе, Флоренции и Триенте большинством голосов было введено состояние очищения между жизнью с одной стороны, и вечным проклятием или вечным блаженством с другой стороны, и Церкви была дана власть путем заступничества приводить процесс очищения к хорошему концу. Если это учение лишить всех его покровов, т.е. принять его таким, как оно замышлялось, а именно, не как действительное заступничество и поминовение души умершего, а как акт, влияющий на движение души и после смерти, то мы будем иметь дело с обычной верой в колдовство, которой придерживаются и сегодня народы южных морей. С философской точки зрения догматы веры об отпущении грехов и эффективного заступничества (наряду со множеством других - от учения, связанного с лопаточной костью, до священных масел и чудодейственных реликвий) стоят на уровне мировоззрения, типом которого является колдун. Колдун, молитва которого вызывает или прекращает дождь, проклятье которого убивает, который заключил с богом (или богами) договор и может при помощи колдовских обрядов применить его (или их) ко всему или, по крайней мере, оказать на них влияние⁵⁰.

Колдун как демоническая фигура так же мало нуждается в мышлении своих приверженцев, как и в их действии, свидетельствующем о сознании чести. Он должен быть последователен в стремлении обезопасить свою позицию, всеми имеющимися в его распоряжении средствами исключить и то, и другое. Он должен культивировать человеческие страхи и истерическую предрасположенность; он должен проповедовать ведьмоманию и демонизм; запретом, огнем и мечом он должен препятствовать всякому исследованию, которое может привести к другим результатам или и вовсе к освобождению от всей представляемой колдуном картины мира. Колдун должен бросить Роджера Бэкона в тюрьму как Галилея; он должен дело Коперника предать

мельниц, 1662 церкви! Один пример из тысяч. Сюда же относятся должностные нечестные сделки (отчисление огромных сумм на палию для папы), петровы деньги, деньги за лекарства и т.д. Жадные до денег не были такими страшными деспотами как "наместники" человека, царство которого находится не на этом свете.

⁵⁰ Событие, которое внешне не вписывается в это произведение но которое имеет глубочайшее значение, может быть приведено для характеристики этого идейного направления. В праздник Тела Христова в 1929 году в Мюнхене на процессию внезапно обрушился сильный дождь с грозой. Монахи, монашки, церковные служители спрятали свои свечи и распятия под мышки и разбежались на все четыре стороны. После этого кардинал Фаульхабер, проповедуя в женской церкви, увещевал верующих не давать непогоде поколебать их веру, даже если Иисус Христос на этот раз не примет принесенную ему жертву... Таким образом Христос представляется существом, вызвавшим дождь, а попавшая под дождь процессия праздника Тела Христова - неудавшимся колдовским заклинанием! Слово колдовской философии - употребленное без какого-либо намерения обидеть - точно характеризует, таким образом, позицию римской Церкви.

анафеме и пытаться уничтожить все идейные системы, которые стремятся утвердить честь, долг и мужскую верность - т.е. учения, обращенные к возвышенным личностям - в качестве сил, формирующих жизнь. Отразить попытку внедрения мистико-демонического мировоззрения колдуна в мировую политику, значит написать историю римских догм и Церкви. Рим, таким образом, умел не только обеспечить себе "представительство Бога" в глазах миллионов, но и, воздействуя на продолжающую развиваться веру в колдовство определенных слоев у разных народов, поддерживать также веру во всемогущество своих обрядов, исполняемых только священниками (например, отпущение грехов, соборование и т.д.), связанными с потусторонним миром. И одновременно папа умел уйти от ответственности за эту мистику. Другие учреждения подобного рода в зарубежных странах были в этом более последовательны. Приписывающего себе магические силы учителя и вождя "примитивного" рода убивают, если его жертвенные церемонии все-таки приведут к засухе или уничтожающему всё наводнению. Китайский император был богоподобным; как Сын Неба он пользовался уважением, но нес ответственность за процветание народа и государства. Папа же сделал для верующего в него человечества невозможным проверить его утверждения, переместив их воздействия из этого мира в потусторонний. (Если же лечение гипнозом удастся, то католические листки будут полны извещениями об этом, подобно тому, как они упрямо молчат о тысячах, покидающих безрезультатно места паломничества и чудодействия.) Поскольку не соблюдалась и не соблюдается мера в изображении ужасов ада - понятие, которого не знал благочестивый Ульфилас, для обозначения которого не существовало германского слова, - то Рим приковывает надежду запуганных миллионов к своим ритуалам и к своему магическому воздействию, не боясь опасности быть разоблаченным в результате эксперимента. И это средство в значительной степени способствует долголетию римской системы.

И хотя попытка околдовать мир не удалась, однако не полностью. Первоначальное техническое преимущество Юга над германской культурой, последовательное искоренение свободного, гордого и честного при помощи всех мыслимых союзов, умная фальсификация нордических обычаев, которые как таковые сохранились и получили лишь другое управление, все это сохранилось не без настойчивого влияния.

Последние выводы из римской системы сделало иезуитство. Последний камень в здание колдовской философии положил консул Ватикана. Здесь колдун на время исполнения своих обязанностей становился богом, непогрешимым богом. Иисус строг, воспринимается строгим и не в представительстве больше, а сам по себе. Сам по себе и представленный римской системой, увенчанной наделенным властью и называющим себя папой колдуном. "Библия Нового Завета является хоть и значительным, но вовсе не исчерпывающим поражением этих выполняющих все заветы Церкви апостольских традиций", - пишет снисходительно упомянутый современный основоположник католичества проф. Адам.

Иисус вытеснен, сирийско-этрусское суеверие же, которое вначале обвилось вокруг его личности, заступило на его место в качестве "апостольских традиций".

Римская догма вообще не включает в себя понятие чести в качестве проблемы. Она вообще должна была систематически исключать его из своих основных взглядов, которые требовали лишь подчинения. Однако школу по сознательному истреблению западноевропейской духовной жизни, несмотря ни на что проявляющейся повсюду, несомненно представляет собой орден, словно в насмешку названный "Обществом Иисуса": тип, который Игнатий хотел видеть в последователях Иисуса, является прямой противоположностью германской мысли и чувству. Какое влияние, наряду с древними институтами басков, на создание и организацию были наиболее существенными, об этом и сегодня спорят различные точки зрения. Хотя благочестивые "голоса от Марии Лаах" считают, что "сверхъестественное

происхождение книжечки для записей упражнений" (Exerzitienbuchleins) "у разумных людей сомнения не вызывает", однако объяснить эту детскую попытку и подобные свежие произведения "божественным диктатом" трудно даже для священников. Можно доказать, что работы отца Гарсиа де Циснеро фон Манреса (García de Cisneros von Manresa), правила бенедиктинцев и францисканцев оказали на Игнатия большое влияние, но и принципы масонских религиозно-политических тайных союзов, протянувшихся через Северную Африку до Испании, по-видимому, ему были хорошо известны, так как существует поразительное совпадение между мусульманскими орденами и принципами "Общества Иисуса". Мусульманские тексты учат: "В руках своего шейха ты будешь подобным трупу в руках стража мертвых". "Повинуйся своему шейху во всем, что он требует, ибо сам Бог повелевает его голосом"⁵¹.

Игнатий в своем известном письме о послушании требует того же: слепого повиновения, рабского повиновения. Четкость слепого повиновения исчезла бы, если бы мы в глубине души вопрос о добре и зле хотели бы противопоставить приказу. Если это необходимо, приказ Всевышнего, "который также" необходимо выполнить, заключает в себе орудие слепого давления к повиновению, "не оставляя ни малейшего места для размышления". Это было 26 марта 1553 года, когда требование рабского повиновения было занесено в германско-западноевропейскую духовную жизнь в качестве открытого вызова. "Откажитесь, возлюбленные братья, - пишет Игнатий, - по возможности от вашей воли и пожертвуйте вашей свободой..." "Вы должны подчиниться некоему скрытому порыву, позволить увлечь себя жаждущей воле без каких-либо (!) исследований, делать то, что всегда (!) говорит всевышний..." В "конституциях" мы читаем: "Каждый должен быть убежден в том, что тот, кто живет в послушании, позволяя направить себя божественному провидению Всевышнего и уподобляясь трупу, который как угодно и куда угодно может быть отнесен и положен, или грифу ручки, которая служит тому, кто ее держит..." В своих правилах, которые Лойола присовокупил к "упражнениям", он еще раз потребовал "полного отказа от собственного мышления" и далее: "если что-то нашим глазам кажется белым, но Церковь определяет как черное, следует также считать черным". По-немецки: требуется подчинение независимо от того, считает ли исполняющий службу что-либо греховным или нечестным. Сюда относится и установленное ранее, ограничение, даже если оно и кажется сомнительным, и только тогда не следует подчиняться, если требуется совершить "очевидный" грех⁵².

Но эту откровенность, это мужество делать выводы из предпосылок римской системы даже самые усердные западноевропейские члены Церкви того времени еще не выносили. Даже римская и испанская инквизиции восстали против этого слишком ясного языка, со всех концов мира звучали протесты в связи с требованием бесчестия и раболепия. Дело дошло почти до общественного осуждения учения иезуитов, но хитрому Беллармину удалось - в интересах "единства Церкви" -его отместить". Требование Игнатия называть белое черным, если этого хотела Церковь, означало

---

⁵¹ Livre de ses appuis шейха Сп-Гюуссм, в переводе М.Коласа. Подробнее у Мюллера: "Les origines de la Copirugnie de Jesus". Париж, 1898 г. Сравни также с Шарбонелем (Charbounel). "L'Origine Musulmane de Jesuiles".

⁵² "Мемориал" мюнхенского иезуита толкует 35-е и 36-е правила о послушании: "Тот подчиняется вслепую, кто подобно трупу или грифу ручки, которые не чувствуют и не имеют мнения, подчиняется так, словно его собственное мнение так связано или некоторым образом полностью отключено (totum celipsatum), что он как-будто не может судить и видеть сам, а полностью приспособливает к себе другое суждение, а именно суждение Всевышнего, и настолько полно и совершенно, что то, что думает и чувствует Всевышний, то же и ничего другого, чтобы он мог думать и чувствовать сам, и что это суждение (Всевышнего) является его собственным неподдельным и естественным суждением. Это представляет собой силу истинного самообмана и истинного самоослепления (excaecatio), и приводится в действие она уже не своим, а чуждым движением" (Ройш. Архивные документы. Журнал по истории Церкви. 1895 г., XV. 263).

объявление святым отравление душ, было признанием права на уничтожение совести, было открытым возвышением лжи до праведного дела. То, что это учение, высасывающее у нас из мозга нравственность, не было проведено в жизнь полностью, тоже не было заслугой доброй воли единоспасающей Церкви, а было заслугой силы сопротивления европейского духа и невозможности выжечь европейское сознание чести, даже в результате многолетних попыток сделать это.

Сегодня даже "продиктованные Богом" слова Игнатия уже нельзя объявить истинными, никто не отваживается в иезуитских школах открыто требовать слепого подчинения и отказа от чести. Но цель и путь к состоянию стада бездумных рабов явно обозначены. Делу уничтожения всякого чувства достоинства служат упражнения, которые держат в страхе силы воображения и волю, а также закабаление духовной личности при помощи гипноза сильной центральной воли. Тот факт, что Церковь не осудила учение о трупе, показывает, что у нее те же стремления, что и у ее инструмента, - "Общества Иисуса". И как сирийско-африканский орден собирался действовать во имя "величайшей славы Бога", так орден иезуитов "Ad majorem dei gloriam" целенаправленно работает над разложением нордически-германской Западной Европы и гнездится, естественно, всюду, где открывается рана на теле народа⁵³.

Здесь речь идет не о злой или доброй воле, а о неизменных ценностях характера. Игнатий был хоть и честолюбивым, но все-таки храбрым человеком, его система представляет собой переворот всех ценностей Европы. Как теоретический материалист может быть в личном плане хорошим скромным человеком (и здесь разница между верой и ценностью характера), так и Лойола мог стать символом бесцеремонной борьбы против духовности нордической расы. Оговоримся с самого начала: нет ничего более ошибочного, чем сравнивать упражнения Игнатия с прусской системой воспитания, как это часто происходит с целью завуалирования фактов. Более того, обе эти формы типо-образующего мужского союза представляют собой несочетаемые противоположности. Игнатий отменяет единообразную монашескую одежду, отказывается от преувеличенной аскезы, посылает своих представителей во все города ("организации"), дает им большую свободу в их внешней жизни. За это иезуиты жертвуют ордену: собственное расследование, личность, мужское достоинство, наконец сущность их расовой души. Прусский солдат с точки зрения внешней техники воспитывался в суровых условиях, внутренне же он был свободен. Первая система не знает идеи чести, и там, где она с ней сталкивается, она пытается ее раздавить; вторая вращается вокруг этой идеи. Первая была и является бактерией внутри нашей жизни, разлагающей, вымывающей все сильное и великое из нашего исконного прошлого кислотой; вторая была и есть первичная ячейка для построения всего бытия, которая была эффективна, когда вместе с викингами и молодыми германцами в первый раз появилась на арене истории.

После баска Игнатия его последователем был Лайнец - еврей, задавший тон в

---

⁵³ Французский иезуит Юлиан Винсент (Julian Vincint), имевший мужество объявить еще в 1588 году письмо Игнатия еретическим, был брошен инквизицией в тюрьму, а затем объявлен умалишенным. Благодаря любвеобильному попечению "последователен Христа" он умер на следующий год в тюрьме.

Тот, кто хочет проследить аналогичный случай жестокого порабощения честного человека в рамках сегодняшнего ордена Иезуитов, тому следует прочитать документы процесса по поводу борьбы немецкого иезуитского священника Бремера против генерала иезуитов и защищающего его против всякого нрава папы. Бремер, будучи признанным ученым, защищал строгие старые представления о нравственности, что в связи с неудобством вообще было запрещено. Но скромный священник не дал запросто задушить себя подобно тысячам других и защищал себя на основании церковного права. Это имело следствием одно принуждение за другим, потом процессы против священника, потом его осуждение в Риме, причем он не был даже выслушан. Бремер обвиняет генерала иезуитов и папу открыто в подделке документов. Оба были вынуждены в этом признаться... Счастливые времена инквизиции прошли, иначе бы Бремера давно сгноили в тюрьме. Подробнее у д-ра Ф. Эрнста "Папа и генерал иезуитов". Бонн, 1930 г.

дальнейшем развитии римского догмата в его враждебном всем направлении. Его эффективность отразилась, главным образом, на ватиканском соборе, а принятые там решения были достойны немецкой докторской диссертации. И 18 июля 1870 года иезуитский собор Ватикана окончательно сформировал свое вероучение:

"Мы учим и заявляем, что по распоряжению Господа римская Церковь имеет перед другими преимущество в надлежащем порядке в плане административной власти... что решение папского престола, выше которого инстанции не существует, не может быть никем другим оспорено и ничьему суду не подлежит". "Мы объявляем как открытый Богом догмат веры: что римский папа, когда он говорит со своей кафедры (ex cathedra), утверждает учение, которого придерживается вся Церковь и которое касается веры или обычаев, в силу божественного содействия, обещанного святым Петром, обладает той непогрешимостью, которой благочестивый Спаситель хотел наделить свою Церковь при утверждении учения, касающегося веры или обычая... Так, если кто-либо, сохрани Бог, отважится противоречить этому нашему утверждению, тот будет выслан".

Этим завершается римско-иезуитская система уничтожения личности. Хотя миллионы верующих католиков смутно воспринимали всю чудовищность самообожествления службы, некоторые мужчины поднялись, чтобы заявить протест против обезличивания человека, что является сущностью Ватикана. Католический ректор пражского университета писал с ужасом: "Позволяли себя убивать и убивали себя, отбрасывая убеждение, веру, честь священника и мужчины. Это результат развития, которое в слепом повиновении римской иерархии видит сущность христианства"⁵⁴. Епископ Штрасмайер заявил, что курия рассматривает папство как падаль и надеется на смерть Пия IX, что означало бы "истинное благодеяние для человечества"; И. Делингер отклонил догму "как Христос, теолог и историк". Даже великая гордость центра, Виндтхост, был все же достаточно мужественным, чтобы по крайней мере среди друзей отклонить новую догму о непогрешимости. Как сообщал глава кафедрального собора в Бреслау Кюнцер**⁵⁵, он прилагал все усилия для того, чтобы успокоить Виндтхорста и пытался смягчить озлобленность против иезуитов, которых объявлял виноватыми во всем и против разгона которых он и пальцем бы не пошевелил. Но то, что в XVI веке казалось еще возможным, теперь было напрасным, все это результатов не давало. Пий IX мог заявить о себе с гордостью: "Я путь, истина и жизнь"⁵⁶ - и духовно сломленный, поработанный католический мир не отважился поднять протест против такого самомнения...

Речь идет вовсе не о том, что папа отдает какие-либо распоряжения как безошибочные, а исключительно о том факте, что ему такая возможность предоставлена. Снова часть того непостижимого, что народ ощущал центром своей души, подточено и отбито. Папа открыто и не потребует ничего бесчестного, но сам факт выдачи ему таких полномочий со стороны католического мира в достаточной степени показывает, что во имя "любви" его мужская честь была отброшена. Ватикан означал крушение последнего характера Церкви того времени. А также и Церкви нашего времени, потому что современные носители достоинства уже были воспитаны под властью этих бесчестных тезисов. Так называемый "политический католицизм" является лишь необходимой внешней стороной иезуитско-римской системы вообще, и не злоупотреблением, а последовательным применением римских принципов, хотя и злоупотреблением в отношении истинной религии. Потому что если вся свободная духовная сущность Рима, вся зависимая от Рима светская власть окажется "отделенной"

---

⁵⁴ Шульте. "Древнее католичество и Германии".

⁵⁵ "Nord Allg." от 11 января 1871 г.

⁵⁶ Obs. catolique, 1866. С. 357.

от "законной власти", то каждое средство, оправдывающее цель, поможет завоевать политическое господство в плане духовном.

Эта система умела поставить жертвенность любящего человека на службу безжалостной касты. Перенос внутреннего центра тяжести с осознания чести на смирение и сочувствие подточил духовное достоинство нордических народов. Войны, революции - частично использованные Римом, частично непосредственно Римом вызванные - принесли с собой дальнейшее ослабление, пока, наконец, после демократически-еврейской помощи не появилась возможность в 1870 году положить последний камень в купол здания. И это означало: задачу чести отдельного человека, народов, рас на пользу притязания на господство общества священников, объявляющих себя богом.

При рассмотрении этой великой связи подвиг Лютера лежит не в области основания Церкви, а имеет гораздо большее значение, как достижение простого раскола Церкви. Как бы глубоко ни находился Лютер в Средневековье, его поступок означает великий поворот в истории Европы после проникновения римского христианства: Лютер отрицал сословие священников как таковое, т.е. наделение правами человеческой касты, которая необоснованно считала себя более близкой к божеству по сравнению с другими людьми, которая на основании так называемой "божественной науки" приписывала себе лучшее знание святых планов Бога и обстановки на Небе. Тем самым Мартин Лютер задержал распространение колдовского чудовища, которое пришло к нам из Центральной Азии через Сирию — Африку. Африканскими являются монашество, тонзура, центрально-азиатскими — противоестественные самоистязания, которые помогают "приблизиться к Богу", азиатскими являются применяемые и в настоящее время четки, механизм которых нашел свое завершение в мельнице молитв. Азиатским является также и целование папской туфли. Далай-лама и сейчас требует того же, и многое другое, что не привилось в Европе. При этом следует вспомнить об Александре Великом. Когда тот завоевал Малую Азию, то приветствовавшие его азиаты должны были опуститься на колени, со своими же македонцами он обращался как с товарищами, единственная попытка ввести подобное (*Proskynese*) среди них успеха не имела, и Александр оставил все по-старому. Уже там Северная Европа отмежевалась от Востока, но ламаизм прорвался в форме римской касты священников и протацил восточную политику вавилонян, египтян и этрусков. Это духовенство объявило Мартину Лютеру войну, вышло из нее победителем, и все католики, которым свойственно еще понятие чести, обязаны только его труду, что папство вынуждено было реформировать себя, чистить, чтобы устоять в пробуждающемся культурном мире Европы.

Теперь следует уяснить, куда пришли бы в своем развитии германские государства, если бы победил тот дух, который собирался связать святость с грязью и омерзительной жизнью. Святой Евсебиус (*Eusabius*) бегал, увешанный железными цепями весом 260 фунтов, святой Макарий приобрел святость, испытал боль от муравейника, в который он сел, святой Франциск, во многом абсолютно великая личность, платя дань азиатчине, валялся в угоду Богу обнаженным на шипах. Особо благочестивые монашки пили чужую слюну, ели дохлых мышей и тухлые яйца, чтобы стать еще "святее". "Благочестивого" Илариона перевозносили только за то, что он жил в нечистотах, святой Афанасий гордился тем, что никогда не мыл ноги, то же относится к святому Аврааму, о котором сообщает святая Сильвия. Монастырь святой Евфразии (*Euphrasia*) и вовсе дал обет, запрещающий монашкам вообще купаться... В условиях дальнейшего такого беспрепятственного развития этого "зловония святости" Европа достигла бы состояния покрытых коркой грязи святых Индии и Тибета, состояния оболванивания, страшного суеверия, бедности и нищеты — при постоянном обогащении касты священников. При помощи совокупности антиримских движений

Европа была спасена, и величайшим спасителем Западных стран является Мартин Лютер, потому что он поборол сущность, в результате которой возникли бы указанные состояния: обладающее мистическим могуществом сословие священников Рима как продолжение сообществ жрецов Малой и Центральной Азии. Сын немецкого крестьянина стал при этом осью для нового развития мира, и все европейцы должны быть ему благодарны, потому что он не только освободил протестантов, но и спас католиков от духовного падения. Возвращение потом многих отколовшихся (Вена, Мюнхен были когда-то протестантскими городами) к католичеству стало возможным только благодаря насильственному очищению от святой вони, но не следует забывать, что если бы протестантского духа больше не было, тибетско-этрусский мир проявился бы заново (Испания, которая меньше всего была протестантской, почувствовала острее всего на себе владычество Рима, нигде в Европе не было такой духовной отсталости, как там до революции в апреле 1931 года). Как глубоко укоренилась сатанинская бредовая вера в самых верхних инстанциях и до сегодняшнего времени, Лео Таксиль раскрыл удивленному миру, как происки черта в отношении благочестивых мужей Церкви во всех государствах.

4

Кайзер и папа, воплощение двух ценностей. "Божьей милостью". — Древнегерманское рыцарство, Эдда, Беовульф, Хелианд. — Петр и Хаген. Рыцарское сословие. — Стремление Рима к покорению рыцарства; Григорий VII.

Сущность борьбы между императором и папой заключалась сначала в борьбе за господствующее положение между рыцарским учением и изнеживающим учением о любви. Живым символом первого заключенного компромисса является меч с крестообразной рукояткой и едущий на боевом коне епископ. Сначала победило, конечно, рыцарское учение; Карл Великий со смехом бы отверг Пия IX, но он счел целесообразным освятить свое достоинство религией и провозгласить свою власть перед народом, как данную ему милостью Божьей. Таким образом, император и папа были сначала союзниками в плане власти и политики против "благородных саксонцев", которые - по Гёте - считают делом славы свою ненависть к христианству в предложенной форме. Видукинд боролся за себя, но одновременно и за свободу всех нордических народов. Причем Карл, суровый основатель Германской империи, оставался политической фигурой. Сомнительно, что без него это властное образование возникло бы. После восстановления чести Нижней Саксонии, в течение 1000 лет подвергавшейся хуле, оба великих политика вошли в историю Германии: Карл как основатель Германской империи, Видукинд как защитник свободы, представляющую главную германскую ценность.

Верность последователя и мужская верность для древнего рыцаря были выше собственности и счастья, как для певца Эдды. Хавамал заканчивает словами:

*Собственность умирает,
Кланы умирают,
Ты сам умрешь как они;
Одно я знаю,
Вечно живет:
Слава для умерших.*

Это нордическая форма буддистского учения о карме. В песне о Беовульфе осуществляется попытка слияния германского чувства чести с христианской идеей спасения, поскольку именно Беовульф пытается спасти разорванное, замученное человечество; но он борется не при помощи тезиса о "непротивлении злу насилием", а

как "герой к ужасу зла" (сравни в связи с этим слова Вишны, который всегда появляется в мире для уничтожения преступника). Но в Беовульфе уже проявляется некая сентиментальная нотка. Если для более древних германцев считалось бесчестием вернуться с поля боя без вождя и властелина, жалкое поведение "последователя" Христа в Гефсиманском саду (что и для автора "Гелианда" показалось неприятным) здесь уже потеряло свою яркость. Свита Беовульфа, почувствовав приближение его смерти, покидает его, кроме одного преданного воина! Эта совершенно ненормальная слабавольная черта была, разумеется, возмещена сознательной похвалой чести: "Ни одно событие не может ослабить у благородного человека любовь крови", "Нам всем угрожает конец этой жизни: поэтому кто может, пусть завоюет себе славу до смерти!" Наконец, бесчестно и вероломно бежавшие были подвергнуты опале.

*Теперь всему вашему роду будет отказано
в мече и в пожертвованиях казны,
в Родине и в пользовании наследственными
должностями: должен быть правым в жизни
каждый, когда аристократы видят
вдали ваше бегство, это бесславный поступок.
Для дворянина смерть лучше,
чем позорная жизнь.*

И германский рыцарь позволяет себе бесславные поступки в состоянии слабаволия и при прорыве низменных инстинктов, но если он после этого их возмещает, признает их и принимает на себя последствия, то мы это поймем скорее, чем трусливое поведение первого апостола. Даже такая зловещая фигура как Хаген нам представляется значительно крупнее по сравнению с Петром. Хаген отказывается от своей чести, служа чести короля и умирает в конце концов твердо и стойко. Болтливый же Петр отрекается от своего господина трижды при первом же испытании; и только один порыв его вызывает симпатию, когда он обнажает меч (что автор "Гелианда" описывает с заметным облегчением), что показательно затмевается последующей трусливой ложью. Церковная традиция напрасно старается сделать из Петра героя. Благочестивый же автор "Гелианда" пытается объяснить поведение учеников в Гефсимане их заботами, потому что иначе их сон показался бы его саксонцам бесчестным и потому непонятным:

*... Рожденный богом
нашел их в беспокойном сне,
на сердце у них было тяжело,
От того, что любимый господин
их оставил.*

Развитие рыцарства до рыцарского сословия началось уже при Конраде II и сохранилось вплоть до XIV века. Рыцари считали себя "детьми империи" и были обязаны защищать императора и империю от внешних врагов. Этот факт дал им право на существование как сословию, он привел к единому понятию рыцарской чести, которое представляет собой сословное выражение идеи чести, впервые связанное с землей и с высшей целью. После почти полного субъективизма викингов и древнегерманского вождя со своей свитой, большой народный слой был тем самым настроен на духовный центр всей расы. Обряды вручения меча, опоясывания, а затем рыцарский удар символизируют внутренний подъем и облагораживание. И пусть более позднее рыцарство в результате своих застывших форм и шаблонной изоляции кажется островком древности в обновляющейся жизни граждан, даже разбойничьи набеги

рыцарства, ничем не занятого в мирный период, представляют собой несколько радующую картину. Таково положение вещей, сохраняющих в себе воплощение лучшей идеи, но остается факт, что до сегодняшнего дня словом "рыцарский" обозначают человека, который при помощи силы вступает за своего ближнего и умеет хранить честь.

5

Папа в качестве апостола. — Папский хаос в IX, X и XI веках; Стефан VI, Георгий III, Бонифаций VII, Бенедикт XI, Григорий VI. — Германские кайзеры как спасители папства и защитники образования и цивилизации. — Отто I и германская национальная Церковь; Отто III. — Ключи-цензы как вспомогательное средство Церкви. — "Долговечность" Рима; Конфуций, Лао-Цзи.

Само собой разумеется, что римская система стремилась воспользоваться услугами этого рыцарства, что, между прочим, нашло свое выражение в обряде вручения меча. Сразу же, в начале десяти своих клятвенных обещаний, рыцарь обязуется служить религии, затем защищать угнетенных и только в конце - повиноваться императору. Таким образом, пусть формально, но устанавливается то влияние, которое осуществлялось раньше. Некоторые благочестивые историографы пытались даже само основание рыцарства приписать Риму (как его догмы Христу), причем основателем рыцарства был объявлен Григорий VII. Это происходит, конечно, только с намерением даже причины выражения антиримской идеи приписать папе и сделать их зависимыми от него, естественно, с разными последствиями для современности. Так, например, историк Эфререр может нам совершенно точно поведать, как рыцарская идея произошла от святого Рима, чтобы потом откровенно раскрыть его замыслы: "Только вследствие силового воздействия, которое Церковь оказала при помощи деятельности Григория VII на воинское сословие христианских империй Запада и прежде всего романских, рыцарство достигло своего полного содержания как институт или корпорация, которая поставила перед собой задачу при помощи специальных обязательств поставить героизм солдата на службу религии". Слава, честь, клан, народ, император и империя рассматривались и рассматриваются, таким образом, представителями римской системы только как наименования и мелочи; целью фальсифицированного наместниками Христа рыцарства оказывается только служение папе. Это совершенно четко определило неизменную политику римской Церкви, и, действительно, гипнотизирующим проповедям удалось пролить реки крови во имя властолюбивой Церкви в безумных крестовых походах, "поставить героизм на службу религии", подчинить честь "любви". "Iper und Arras" - кричали фламандцы, "Husta heya Beyerlant" - звучал боевой клич баварцев. Этому Рим не мог помешать, но розыгрыш разных интересов мог посеять междоусобицы. И это до сегодняшнего дня он рассматривает как свою жизненную задачу. Стремясь к самосохранению, Рим не мог терпеть сословия, обладающего сознанием народности и чести. Еще менее он терпел сознающих честь и существующих в своих рамках, и потому был вынужден сеять раздор и способствовать разложению нации.

Это входит в сущность самой безрасовой системы и никогда не изменится пока эта система существует.

Дальнейшая фальсификация истории, кажущаяся неистребимой, и сегодня еще имеет место даже в тех кругах, которые отдают себе ясный отчет в отношении Рима и его системы: будто бы воспитание и цивилизация, которые постепенно проникали на Запад, были следствием церковной деятельности. На самом деле все было наоборот.

Преследуемый лангобардами, папа Стефан II (в 755 году) умоляет Пиппина о помощи и просит пригласить его в империю франков. Это происходит; Пиппин встречает его стоя, тот же, сознавая свое бессилие, уподобляется бедному апостолу

Христа, покрывает себя и своих священников власняницами, посыпает голову пеплом и молит короля на коленях о помощи римскому народу. С этого времени Франция рассматривает себя старшей дочерью Рима (благоразумно отказавшись, однако, со времен Хуго Капета от соблазнов римского титула). Тот же папа противится бракосочетанию Карла Великого с лангобард-кой. Он пишет, что Карл не может осквернить "благороднейший королевский род" франков кровью лангобардов, "вероломным и дурно пахнущим образом", и призывает в противном случае обрушить на Карла "вечный огонь". Но так как эта угроза на императора не подействовала, благочестивый отец сам заключает в дальнейшем союз с "вонючим" королем лангобардов.

Во времена, когда считалось, что от Рима духовность распространяется по всему миру, на самом деле воцарялась полная бездуховность. В 869 году в голову папе Стефану VI приходит мысль извлечь из могилы разложившийся труп своего предшественника, приговорить мертвого на синоде, как незаконно занявшего место к смерти, отрубить разложившемуся трупу как "клятвопреступнику" три пальца и позволить римскому народу утопить его. После этого папы сменяют друг друга, свергают друг друга, заключают друг друга в тюрьму, пока Гергий III не взойшел на "престол Петра" по левую руку от своей наложницы Марозии. Эта женщина вместе со своей матерью Теодорой заручается поддержкой влиятельных епископов в качестве любовников и опоры своей власти. Когда с Гергием было покончено, Марозия сделала папой своего сына под именем Иоанна XI. Против этого возмутился ее первый сын и сокрушил власть своей матери. После его смерти папский престол занял его сын под именем Иоанна XII. И в дальнейшем обстановка была не лучше. В 983 году изгнанному папе Бонифацию VII удалось посадить в тюрьму своего конкурента по "представлению" Иисуса Иоанна XIV, где тот и умер. Но и Бонифаций недолго тешился тиарой, он был изгнан королевской аристократией и госпожой Теодорой, как уже говорилось, славной матерью чрезвычайно усердной потаскухи Марозии, внук которой Кресценций младший стал властителем Рима, который распродал папский престол диким созданиям. В 1024 году папский престол занял человек, который до того никогда не был священником. Он купил себе представительство Бога и назвал себя Иоанном XIX. Далее папой под именем Бенедикта IX был избран десятилетний графский сын. Так как он слишком рано предался всем мыслимым порокам, он даже римлянам показался обузой; и они выбрали нового наместника Христа, который назвал себя Сильвестром III. Новый папа, однако, очень скоро испугался опасностей, связанных с исполнением этой должности, и предпочел продать ее за 1000 фунтов Григорию VI, чем морально возмутил изгнанного Бенедикта и тот снова выразил претензию на престол Петра. Честный кардинал Цезарь Барониус назвал обоих пап просто "распутными жеребцами". Этот скандал закончился только тогда, когда вмешался император Генрих III. Такова была обстановка в X и XI веках, которую должен знать любой немец, но которую с одной стороны лживая, а с другой стороны трусливая историография замалчивала. Именно в это время началось объединение немцев при Генрихе I, сознательная попытка национального подъема и культивирования при Отто I Великом. В религии Отто усмотрел душеобразующий и облагораживающий момент. Благодаря ему, немецкому рыцарю, епископы получили большое влияние, вернули себе княжеские титулы и распространяли духовные знания, способствовали развитию ремесел, промыслов и земледелия. Руководимые и охраняемые императором, не папой, расцвели первые культурные центры в Кведлинбурге, Райхенау, Херсфельде.. Папы же, напротив, тех, кто предостерегал, посылали на казнь, как Хадриан IV, который приказал удушить и сжечь Арнольда фон Бресция, когда услышал о его проповеди о покаянии⁵⁷.

---

⁵⁷ Я не могу здесь останавливаться на подробностях. Следует отметить еще только то, что папы получали

В основе стремлений Отто I несомненно лежала идея германской национальной Церкви, которая, казалось бы, умерла вместе с утонувшими готами. На этом основании он установил порядок, по которому священники назначались бы помещиками: но это побудило его также подчиниться папству: римляне должны были поклясться в том, что они не будут избирать папу без согласия короля. Отто III назначил своей властью двух пап. Аналогичным образом очищал папство Генрих III. В великом конфликте между епископом Виллигисом фон Майнцем против римского антинародного централизма находились все немецкие епископы, сознательно отвергая папу, который, наконец, должен был уступить. Тогда в Германии свободы было больше чем в 1870 и 1930 годах!

Значительному усилению папства способствовали клюниацензеры, которые собирались создать организации, выходящие за государственные рамки и управляемые только папой. Это движение хоть и ставило целью реформу опустившегося монашества, но очень скоро проявило свою негерманскую точку зрения на духовность. Практиковавшиеся до сих пор покаяния против грешной чертовой плоти, на которые германцы смотрели со смехом, лишились своей прежней пошлой формы и превратились в хитрое мучение души (как бы предтеча иезуитства). Для определенных частей монастыря клюниацензеров действовал строгий обет молчания, всякое веселье было запрещено, дружба не допускалась. Доносительство было объявлено благам долгом, виноватые получали наказание, лишаящее чести. Эта противоестественная форма воспитания происходит, очевидно, от той лигурийско-восточной расы, которая помимо прочего населяла и юго-восточную Францию до прихода туда нордического человека. Но это растаптывание собственной души, это внутреннее самооскопление и мания подчинения чуждым демонам и мистическим силам показывают нам римскую Церковь в теснейшем взаимодействии со всей неарийской кровью и с группами разложившегося населения. Поэтому не случайно "реформа" клуниацензеров пустила корни в восточно-расовой части Лотарингии. Против этой болезни души сразу выступил архиепископ Арибо фон Майнц, поддержав сознающего свою власть Конрада II. На севере почти одновременно заговорила старая кровь: епископ Адалберт фон Веттин поставил перед собой цель создать германскую национальную Церковь. Слово "немецкий" впервые стало всенародным достоянием, монахи римской Церкви разыскивали теперь еще оставшиеся, почти уничтоженные духовные ценности своего народа.

Германский император вытащил папу из болота, возвеличил его и облагородил его слуг. Снова усилившийся при этом римский универсализм, конечно, использовал эти силы и обратился - как обычно - к доказуемым фальсификациям ("Константиновы дары" и "Исидоровы декреталии"), чтобы установить власть папства над императором, как обусловленную волей Бога, и заменить централизмом епископство. Эта борьба велась с использованием всех имеющихся в распоряжении средств: вассалов натравливали на императора, объявили даже церковный спор против непокорных епископов. Это была "благодарность" Рима.

С особым пристрастием римские историографы превозносят долговечность существования папства как доказательство его "божественного назначения". Но тот, кто знает, что Рим установлением своей власти прежде всего обязан императорской власти, а своим духовным влиянием только внутреннему величию таких благочестивых

определенные проценты с домов терпимости, которые Павел II (1464-1471) сделал постоянным источником доход». Сикстий IV получал ежегодно по 20 000 золотых дукатов с публичных домов. Священники должны были платить за своих сожительниц определенную таксу, тогда как Ватикан награждал своих чиновников талонами в бордели. Сикстий IV разрешал за определенную плату любовь с мальчиками. Иннокентий VIII должен был содержать 16 детей. Но Александр VI заявил, что папа стоит выше короля, так же как человек выше животного. Поэтому он приказал убить дюжину епископов и кардиналов, которые казались ему опасными. За 300 000 золотых дукатов папа Александр VI устранил претендента на турецкий трон Дшема и присвоил себе со спокойной совестью деньги, "неверного" султана. В 1501 году Александр VI назначил своей заместительницей свою дочь Лукрецию

аристократических умов как Франц фон Ассизи, Альбертус Магнус, мастер Эккехарт, тот по этому поводу будет иметь, по-видимому, другое мнение. В остальном долговечность организации сама по себе не может быть мерилom ее внутренней ценности. Здесь дело только в типе сил, которые ей обеспечили длительность существования. В конце концов египетская культура была намного старше римской Церкви; мандарин насчитывает больше известных предков по сравнению с папой, Лао-Цзы и Конфуций жили 2500 лет назад, но правят еще и сегодня. И потом немецко-римская императорская власть закончилась всего лишь какую-то сотню лет тому назад. Наступает время, когда папа станет тем, кем он должен был быть: главой итальянской национальной Церкви (спор между националистическим фашизмом и Ватиканом, надо надеяться, ускорит осуществление этой необходимости). Папство должно было создавать свое господство (независимо от того, что на так называемом престоле Петра сидело некоторое количество действительно великих мужей) при условии духовного порабощения и расового разложения народов с германским характером. Из свободных великих душ, которые еще с XI по XIV века подарили себя Риму как освященной ими идее, Ватикан черпал оружие порабощения. Со времени усиления иезуитства, со времени тридентинского собора Рим был обусловлен низкой расой и одновременно как бы застывшим. Грязная "теология морали" святого Альфонса фон Лигуори с одной стороны, лишение чести через иезуитство с другой, обусловили то, что со времени уничтожения религии мастера Эккехарта все действительно великое, относящееся к европейской культуре, берет начало в антицерковном духе, от Данте (который еще в 1864 году был четко проклят в том числе и за то, что назвал Рим клоакой) и Джотто (Giotto) до Коперника и Лютера; не говоря уже о немецком классическом искусстве и нордических живописи и музыке. Все, что раболепие называет "любовью", собралось под властью Рима, все, к чему стремились честь и свобода души, все сознательно отмежевалось от римского духовного мира.

6

Освобождение бюргерства в XVI веке. — Ганза. — Бранденбург-Пруссия как система воспитания. — Фридрицианский офицер. — Массонская гуманность как противостоящая Риму Церковь. — Гуманность, демократия, освободительные войны, империя Бисмарка. — Рабочее движение как нравственный протест. — Международный коммунизм. — Маркс как капиталист. — Жертва в марксистской системе в той же роли, что и любовь в римской. — От сословной чести к чести национальной.

Рыцарское сословие в XV и XVI веках потеряло свое значение. Но понятие чести, которое оно культивировало, пробудилось в других сословиях. Именно житель замка освободился от замка, построил свои города и церкви, занимался ремеслами и торговлей, собирался в мощные союзы, пока, наконец, Тридцатилетняя война не положила конец всей культуре.

То, что германское понятие чести воплотилось даже в торговце, когда тот, будучи предоставлен сам себе, мог действовать без восточных посредников, показывает Ганза. Первоначально прозаический купеческий целевой союз по защите торговли, он протянул в дальнейшем далеко свои руки. Союз не только торговал, но и строил, основывал, колонизировал. Руины Новгорода и Висби говорят также громко о нравственной силе, как и ратуши Брюгге, Любека, Бремена. Более 75 городов заключили между собой союз по защите, который по своей внутренней сущности имел задачу, в противовес императорскому бессилию, создать немецкий центр власти. Но прежде чем подобные идеи смогли твердо стать на ноги, разразилась величайшая катастрофа германской истории. И с тем же результатом, какой имели войны с гугенотами во Франции, характер немецкого народа изменился. Если в начале XVI века

Германия, несмотря на жалкую власть императора имела гордое крестьянство и продуктивное бюргерство, то тридцать кровавых лет (которых папе Иннокентию X все еще было недостаточно) истребили лучшую кровь Германии, бесчисленные чужеродные толпы из враждебных государств испортили расу, целое поколение выросло в обстановке грабежей и убийств. Одна Бавария насчитывала 5000 покинутых крестьянских дворов, сотни цветущих городов лежали в руинах, почти две трети германского народа были истреблены. Не было больше искусства, не было больше культуры, не было больше характера. Бесчестные князья грабили убогий народ, а эти "верноподданные" тупо и безучастно позволяли это делать. И тем не менее германская кровь поднялась против деградации Габсбургов и французской угрозы. Та кровь Нижней Саксонии, которая когда-то пришла на Западную Двину, оказала сопротивление всему разрушению сверху и снизу. Как многообещающий призыв и сегодня в наших ушах звучат трубы фербеллинов и голоса великих курфюрстов, деятельность которых дала начало восстановлению, спасению и возрождению Германии. Можно как угодно критиковать Пруссию, но решительное спасение германской сущности останется навсегда делом ее славы. Без нее не было бы немецкой культуры, не было бы вообще немецкого народа, самое большое - были бы эксплуатируемые миллионы для жадных до добычи соседей и алчных церковных князей. Не случайно именно сегодня, в период нового страшного срыва в пропасть, в сияющем блеске встает образ Фридриха Великого, в нем концентрируются - несмотря на его человечность - все те ценности характера, за господство которых страстно ведут борьбу лучшие представители Германии: личная храбрость, непреклонная решительность, сознание ответственности, проницательный ум и осознание чести, что еще никогда не объявлялось с таким мистическим величием путеводной звездой всей жизни. "Как может князь пережить свое государство, славу своего народа и собственную честь?", - спрашивает он свою сестру 17 сентября 1757 года. Никогда несчастье не заставит его струсить, напротив: "Никогда я не покрою себя позором. Честь, которая на войне сто раз заставляла меня ставить жизнь на карту, позволяла мне сопротивляться смерти при более мелком поводе." "Про меня нельзя сказать, - подчеркивает он дальше, - что я пережил свободу моего отечества и величие моего дома". "Если бы у меня было бы больше одной жизни, я бы пожертвовал ею в пользу отечества", - пишет Фридрих 16 августа 1759 года Д'Аргенсу после страшного поражения. "Я думаю не о славе, а о государстве". "Моя неизменная верность по отношению к отечеству и честь заставляют меня предпринимать все, но надежда ею не управляет", - говорилось несколько дней спустя. И Луизе Доротее фон Гота он признается в письме: "Может быть, наступил час судьбы Пруссии, может быть, придется пережить новую деспотичную империю. Я не знаю. Но я ручаюсь, что это наступит только после того, как прольются реки крови, и что я не увижу мое отечество в цепях и позорное рабство немцев". И снова Фридрих пишет Д'Аргенсу (18.9-1760): "Вы должны знать, что нет необходимости в том, чтобы я жил, важно, чтобы я выполнил свой долг" и (28.10.1760): "Никогда не узнаю я мгновения, которое бы вынудило меня заключить невыгодный мир". "Или меня похоронят под обломками моего отечества, или... положу конец самой моей жизни... Этому внутреннему голосу и требованиям чести я позволял управлять собой в моих действиях и собираюсь это делать и впредь"⁵⁸.

Если Фридрих Вильгельм I олицетворял бюргерскую честность и самоограничивающее благоразумие, то Фридрих II был символом всего героического,

---

⁵⁸ В этой связи я рекомендую отличное издание Рихарда Фестера "Фридрих Великий письма и сочинения" в двух томах. Лейпциг, 1927 г., которое отличается отделением самого важного и грандиозного от многого другого.

что, казалось, прошло и погребено в крови, грязи и нужде. Его жизнь - это самая настоящая, величайшая история Германии, и жалким негодяем покажется тот немец, который образ Фридрикуса попытается исказить злобными замечаниями.

Но лишь немногих он смог сформировать как личности. Несмотря на его огромный мирный труд, широкие массы народа были грубы, не имели культурных традиций, выродились, были обезьяноподобными, непрусскими, ненемецкими. С неохотой они позволяли воздействовать на себя культивируемому им образу мышления, и сам Фридрих - управлению которого Кант посвятил свою "Критику чистого разума" - не находил духовности в германской культуре, противостоящей французской культуре, так что его любовь к французской литературе проложила путь к победе неофранцузскому миру идей, который в форме идеи любви, в форме учения о гуманизации, сковывал органичные силы Пруссии, в которой еще не полностью проснулось сознание, и обусловил в дальнейшем неспособность противостоять войскам французской революции.

Новое учение о гуманности было "религией" масонов. Оно до сегодняшнего дня представляло собой духовные основы универсалистски-абстрактного образования, исходный пункт всех эгоистичных проповедей блаженства, оно (уже в 1740 году) высказало и политическое ключевое слово последних 150 лет: "свобода, равенство, братство" и родило хаотическую, разрывающую народы "гуманную" демократию.

В начале XVIII века в Лондоне встретились мужчины, которым профессиональные споры в рамках существующей до сих пор "религии любви" частично стоили народа и отечества, и основали в период дикого времени "Союз человечества по развитию гуманности и братства". Так как этот союз признавал только "человека", то с самого начала не было сделано различий ни по расовым, ни по религиозным признакам. "Масонство - это союз человечества по распространению принципов терпимости и гуманности, в стремлениях ордена которого еврей и турок могут принять такое же участие как и христианин". Так звучала принятая в 1722 году конституция. Идея гуманности должна составлять "принцип, цель и содержание" масонства. Оно - согласно Фрайбургскому ритуалу - шире, чем все Церкви, государства и школы, чем все сословия, народы и национальности; так как оно распространяется на все человечество. Так еще сегодня германская ложа поучает нас⁵⁹. Римская Церковь и масонская антицерковь, таким образом, едины в уничтожении всех барьеров, которые были созданы духовным и физическим образом. Обе призывали своих последователей во имя любви и гуманности, во имя безграничного универсализма, но церковь требует полного порабощения, подчинения в рамках ее действия (каковы, конечно, должна составлять вся Земля), в то время как антицерковь проповедует беспредельное уничтожение границ, страдание и радость отдельного "человека" делает критерием своего суждения, что следует рассматривать как причину сегодняшнего положения, когда все богатство индивидуализма стало, по крайней мере, достоянием демократии и получает в ней высшее положение в общественной жизни.

Это анатомистическое мировоззрение было предпосылкой для политического учения демократии и экономического догмата веры принуждения в связи с необходимостью свободной игры сил. Таким образом, все силы, которые добиваются ослабления государственных, национальных, социальных связей, должны постараться эту философию масонов, а следовательно, и союз человечества, подчинить своим интересам. Мы видим здесь, как международное еврейство инстинктивно и одновременно с сознанием превосходства пустило корни в масонских организациях.

---

⁵⁹ Р.Фишер. "Пояснение к катехизисам масонства". Лейпциг, 1902 г. Более подробно у А. Розенберга "Преступления масонства" и "Церковь масонов. Мировая политика". Мюнхен, 1921 и 1929 гг.

Хотя расовая сущность в "союзе человечества" инстинктивно защищалась так же, как и при попытках Церкви истребить германский тип, но, тем не менее, можно легко доказать, что в то время, когда нордический человек боролся против Рима, слепой Годр нанес ему, ничего не подозревая, смертельный удар сзади: масонство стало политическим мужским союзом в Италии, Франции, Англии и руководило демократическими революциями XIX столетия. Его "мировоззрение" подтачивает год за годом основы всей германской сущности. Сегодня мы видим, что деятельные представители международных бирж и мировой торговли почти всюду играют руководящую роль в управлении благословенной "Церковью". Все во имя "гуманности". Лицемерие сегодняшних эксплуататоров мира безусловно более унижительно, чем те попытки порабощения, которые во имя "христианской любви" так часто повергали Европу в смятение и хаос. Благодаря проповеди гуманности и учению о равенстве человека любой еврей, негр, мулат мог стать полноправным гражданином европейского государства; благодаря гуманной заботе о каждом в отдельности в европейских государствах на каждом шагу встречаются роскошные заведения для неизлечимых больных и умалишенных; благодаря гуманности и преступник-рецидивист считается несчастным человеком без учета интересов всего народа, при первой возможности его снова выпускают в общество и не препятствуют его способности к размножению. Во имя гуманности и "свободы духа" грязным журналистам и каждому бесчестному мерзавцу позволяют сбывать всякую порнографическую литературу; благодаря гуманности негры и евреи проникают путем заключения брака в нордическую расу, и даже занимают важные посты. Эта гуманность, не связанная с расовым понятием чести, сделала неслыханную лживую сущность бирж уважаемой профессией наряду с другими. Эта организованная преступность во фраке и цилиндре почти самовластно определяет сегодня на экономических и экспертных конференциях продолжающийся десятилетиями подневольный труд миллионов людей.

На поводу у этой масонской демократии тащилось тогда все марксистское движение, которое искажало первые проявления здорового протеста рабочего класса и все социал-демократические партии при помощи еврейских денег, еврейских вождей и еврейской частично индивидуалистской, частично универсалистской "идеологии" поставило на службу биржам. Промышленный рабочий XIX века, обманутый относительно своей судьбы, внезапно вырванный с корнем, лишенный возможности оценить все масштабы, поддался заманчивым проповедям интернационала пролетариата, поверил в то, что в результате классовой борьбы, т.е. путем разрушения половины своего собственного тела, можно стать "свободным", предвкушая возможность захватить власть, потерял голову и прикрыл все это внешним лоском "гуманности". Сегодня это безумие лопнуло, и марксистское руководство страшного надувательства было разоблачено среди упорно сражающихся, полных сил и готовых к борьбе слоев общества⁶⁰.

Парадокс как демократии, так и марксистского движения заключается в том, что они действительно представляют самое грубое, самое бесчестное материалистическое мировоззрение и сознательно подпитывают все инстинкты, которые могли бы способствовать разложению, но в то же время клянутся в своем сострадании, своей любви к угнетенным и эксплуатируемым. С умом они взывают к духовной жертвенности пролетариата с тем, чтобы сделать его внутренне зависимым от своих вождей. Мы видим здесь, что в марксизме идея жертвы и "любви" играет ту же роль,

---

⁶⁰ А.Розенберг. "Международная денежная аристократии и ее господство в рабочем движении всех стран". Мюнхен, 1925 г.

что и в римской системе. Точно так же понятия крови и чести вожди марксизма высмеивали и издевались над ними, пока эти неистребимые идеи не стали известными среди рабочего класса. Сегодня, наконец, заговорили о "пролетарской чести". Если эта идея распространится, то значит не все потеряно, так как, высоко ценя понятие чести вообще, немецкий рабочий класс сумеет также избавиться от своих бесчестных марксистских вождей. Если затем это понятие чести сословия сформируется в идею национального учения, то прозвучит первый удар колокола германской свободы. Но это будет возможно только тогда, когда все трудящиеся немецкого народа создадут фронт против всех продавшихся экономике, прибыли и бирже, несмотря на то, что этот факт прикрывается личиной демократии, христианства, интернационализма, гуманности.

Как неукротимая сила природы действует сегодня в немецком народе дух Фридриха Великого. Все, что в экстазе торжествующего недочеловека противостояло самому себе, увидело свое свободное от ишаков стремление, воплощенное в борьбе старого Фрица за свободу, начертанное твердым грифелем, который описал германскую сущность, пробившись через все завесы времени. И наряду с этим величием возникает непостижимый трагизм, который заключается в том, что возможная для великой личности свобода духа подверглась влиянию мелкособственнических интересов, и то, что в результате страшного, но необходимого воспитания стремилось выйти самооформившимся, отдала во власть французской демократии, сверкающей внешним блеском интеллектуальной мишуры. Наполеон застал Пруссию, выданную косе и просвещению. И она рухнула, потому что мыслила не как Фриц, а пацифистски и либерально. "Мы почтили на лаврах Фридриха Великого", - писала позже королева Луиза своему отцу. Но из этого поражения возникла, наконец, идея древней Германии. Честь Пруссии стала делом Германии. Гнайзенау и Блюхер, Шарнхорст и Ян, Арндт и Штайн - все они были воплощением старого осознания чести и всю жизнь высказывали это подобно самой королеве Луизе, которая стремилась сделать все, чтобы смягчить участь своего народа, но только не то, что шло против чувства чести.

Мы все это знаем или должны знать так же, как студенческие корпорации, которые в то время развернули свои знамена и потом поднялись на баррикады, когда дух косы и верноподданничества - вечно пагубные, еще сегодня господствующие результаты Тридцатилетней войны - лишили Германию высоких достижений освободительных войн. Пока не показалось, что осуществилась мечта немцев, возникающая на полях сражения при Метце, Марс-ля-Туре (Mars-la-Tour), св. Привате и Седане. Показалось!

Потому что Версаль 1871 был политическим соглашением без мистического, мировоззренческого содержания. Безусловный элемент великогерманской идеи, который объясняет смелость высказывания о том, что если короли не хотели возвеличивания народа, их следовало прогонять; который поставил короля Пруссии перед выбором подписать воззвание "К моему народу" или уйти в Шпандау, этого безусловного элемента у поколения после 1871 года не было. Он отдался "экономике", мировой торговле, стал масонско-гуманным, стал "насыщенным", забыл задачу расширения жизненного пространства и рухнул под разлагающим воздействием демократии, марксизма и гуманности. Только сегодня пришел час возрождения.

7

Третья форма любви. — Русское стремление к страданиям. — Русский безличностный атеизм. — Психологизм как болезнь души. — Образы Достоевского. — Чаадаевский пессимизм. — Евангелие от русского "человечества". — Эрос (чувственная любовь), церковная любовь и отчаяние по Достоевскому. — Распад как освобождение русского человека.

Христианско-церковное смирение и масонская гуманность были двумя формами, под которыми проповедовалась идея любви в качестве высшей ценности человеческих групп, управляемых из некоторого авторитетного центра. При этом совершенно никакой роли не играет тот факт, что проповедники христианского смирения и либеральной гуманности этого вовсе не собираются делать; речь идет только о форме использования провозглашенной ценности. К концу XIX века идея любви вступила в третью фазу, которую нам подарил большевизм: в русском учении о страдании и сострадании, символом которого являются "люди Достоевского".

Достоевский в своем "Дневнике" совершенно открыто высказывается о том, что существует "абсолютно исконная потребность" русского человека в его стремлении к страданию, в непрерывном страдании, страдании во всем, даже в радости. На основании этих идей действуют и живут его персонажи; в страдании поэтому заключается и сущность русской нравственности. Народ хоть и знает, что преступник действует греховно, но: "Есть невысказанные идеи... К этим скрытым в русском народе идеям относится обозначение преступников как несчастных. Это идея - чисто русская".

Достоевский - это увеличительное стекло русской души: через его личность можно понять всю Россию в ее трудном для объяснения многообразии. И в самом деле, выводы, которые он делает из своей веры, так же показательны, как его размышления при оценке состояния русской души. Он заметил, что эта идея страдания тесно связана с движением к потере индивидуальности и раблепию. Русский самоубийца, например, не имеет ни тени подозрения, что убиваемое "я" бессмертно. И при этом он совсем не атеист. Он, казалось бы, совсем об этом не слышал. "Вспомните более ранних атеистов: если они теряли веру в одно, они тут же начинали страстно верить в другое. Вспомните веру Дидро, Вольтера... У наших полная *tabula rasa*; да и зачем здесь упоминать Вольтера; просто нет денег, чтобы иметь возлюбленную и больше ничего".

Обнаружить такое сознание у человека, который "хотел жить только для того, чтобы видеть свой народ счастливым и образованным", было бы ужасно, что дополняется замечанием Достоевского о том, что в России нет ни одного человека, который бы не лгал. И это потому, что там могли лгать честнейшие люди. Во-первых, потому, что правда кажется русскому слишком скучной; а во-вторых, "потому что мы все стыдимся самих себя, и каждый старается представить себя чем-то другим, чем он есть на самом деле". И при всем стремлении к знаниям и правде русский все-таки плохо вооружен. Но здесь проявляется уже обратная сторона покорности: безграничное самомнение. "Он (русский), может быть, совсем ничего не понимает в вопросах, которые он взялся решать, но он этого не стыдится, и совесть его спокойна. Это отсутствие совести свидетельствует о таком равнодушии по отношению к самокритике, о таком неуважении к себе самому, что впадаешь в отчаяние и теряешь надежду на нечто самостоятельное и спасительное для нации". Лейтенанта Пирогова на улице, одетого в полную униформу, бьет немец. После того, как он убеждается в том, что никто этого происшествия видеть не мог, он убежал в соседний переулок, чтобы в тот же вечер в качестве героя салона знатной дамы сделать ей брачное предложение. Она ничего не узнала о трусости своего возлюбленного: "Но думаете, она не приняла бы его предложение в противном случае? - Безусловно, она бы его приняла".

Несколько русских едут по железной дороге вместе с Юстусом фон Либигом, которого однако никто не знал. Один из них, ничего не понимая в химии, начинает разговаривать с Либигом на эту тему. Он говорит красиво и долго до своей станции, затем берет свои вещи и, гордый и величественный, покидает купе. Остальные русские ни на момент не сомневаются в том, что в споре победил шарлатан.

Это самоунижение (связанное с внезапным самомнением) Достоевский относит к 200-летнему отвыканию от самостоятельности и к 200-летнему оплевыванию русского лица, которое привело русскую совесть к катастрофической покорности. Мы выскажем

сегодня другое суждение: это нечто нездоровое, больное, чуждое, что перечеркивает постоянно все стремление к возвышенному. Психологизм является следствием не сильной души, а полной противоположностью этому, знаком уродства души. Как раненый постоянно ощупывает и исследует свою рану, так и душевнобольной исследует свое внутреннее состояние. В русской идее страдания и покорности заключается самое сильное напряжение между ценностями любви и чести. Во всей Западной Европе честь и идея свободы всегда пробивались, несмотря на костры инквизиции и интердикт. У "русского человека", который к наступлению XX века стал почти евангелистом, честь как формирующая сила вообще не выступала. Митя Карамазов, который своего отца бил ногами, чтобы потом смириться, вряд ли был знаком с этим понятием. То же можно сказать о размышляющем Иване и старце Зосиме (один из прекраснейших образов русской литературы), не говоря уже о самом старшем Карамазове. Князь Мышкин прекрасно играет болезненно идиотскую роль человека, представляющего собой личность, до конца. Рогожин отличается необузданной страстностью, европейского центра нет и у него. Раскольников лишен внутреннего веса, Смердяков, в конце концов, является сосредоточием всего рабского, без всякого стремления к духовным вершинам. К ним присоединяются все те жестикулирующие студенты и больные революционеры, которые ночи напролет ведут долгие разговоры и споры, не зная в конечном итоге, о чем они вообще спорили. Это признаки испорченной крови, отравленной души.

Когда-то Тургенев искал для героя романа образец силы и прямолинейности. Не найдя такового, он выбрал болгарина, которого он назвал Инсаровым. Горький опустил на дно общества, изобразил бродяг без воли и веры, или с такой верой, которая едва мерцала, подобно фосфоресцирующему свету от гнилой древесины⁶¹. Андреев попал к человеку, который получал пощечины, и они все подтвердили горькое признание Чаадаева о том, что Россия не относится ни к Западу, ни к Востоку, что она не имеет твердых органичных традиций. Русский, единственный в мире, кто не внес ни одной идеи в множество человеческих идей и все, что он получил от прогресса, было им искажено. Русский хоть и движется, но по кривой линии, которая не ведет к цели, и он подобен маленькому ребенку, который не умеет думать правильно⁶².

Это признание таилось, как было установлено, и у Достоевского, недостаток личностного сознания признавался им отчетливо. Но из мучительного стремления подарить миру нечто самостоятельное возникло его "всеобъемлющее человеколюбие", которое, по-видимому, должно было означать то же самое, что и русская культура.

---

⁶¹ М. Горький. "В людях".

⁶² Очень интересно отозвался о русском несколько десятилетий назад Виктор фон Хеп: "Россия - страна вечных перемен и совершенно неконсервативна, и страна ультраконсервативных обычаев, где живут исторические времена, и не расстается с обрядами и представлениями как бы к этому ни относились. Современная культура здесь - внешний лоск, она развивается волнообразно, порождает отвратительные явления; то что сохранила древняя традиция в отношении товаров, обычаев, инструментов и т.д., придумано солидно, разумно, с умом и с умением использоваться." И в другом месте:

"Они не молодой народ, а старый - как китайцы. Все их ошибки - это не юношеские недоработки, а вытекают из астенического истощения. Они очень стары, древни, консервативно сохранили все самое старое и не отказываются от него. По их языку, их суеверию, их нраву наследования и т.д. можно изучать самые древние времена. Они бессовестны, бесчестны, подлы, легкомысленны, непоследовательны, не имеют чувства самостоятельности, но только в навязанных формах культуры, которые требуют развитой, самостоятельной субъективности; но неизменно нравственны, тверды, надежны, когда речь идет об их собственном древнеазиатском примитивном образе жизни. Они постоянный народ. Такой народ, по глубокому наблюдению Гёте, владеет техникой религии. И в древнерусских отраслях техники они действуют солидно во всем, где не требуется крепкой, основанной на самой себе индивидуальности, а требуется совместное производство, согласно унаследованным и предписанным каждому правилам; тогда они работают как бобы, муравьи, пчелы. Вся европейская промышленность в России до смешного убога; все рассчитано только на показ, на один момент, непрочно, приукрашено, все по новейшим высочайшим образцам на детский манер и в высшей степени несовершенно, грубо, с безвкусным подражанием". (Шиман. "Виктор Хеп, биография". 1894 г.)

Россия - это страна, которая сохранила в своей груди истинный образ Христа, предполагая однажды, когда народы Запада собьются с пути, вывести их на новый спасительный путь. Страдающее, терпеливое человеколюбие является пророчеством для грядущего "слова" России.

Сегодня ясно, что отчаянная попытка Достоевского в познании души человека, аналогична поведению русского, которое он противопоставил Юстасу фон Либигу; сломанной, лишенной личности души, которая берет на себя смелость наставлять мир на путь истинный.

Достоевский имел успех у всех европейцев, которые находились в состоянии усталой расслабленности, у всех полукровок духовности большого города - и без учета его антисемитского мировоззрения - у еврейского мира писателей, которые в пустом пацифизме Толстого увидели еще одно благоприятное средство для разложения Запада. Художественная сила Достоевского бесспорна (смотри в этой связи вторую книгу), спорить можно о созданных им образах как таковых и о его окружении, которое отражено в его книгах. "Человечным" с этого времени считалось все большое, сломленное, загнивающее. Униженные и преследуемые стали "героями", эпилептики - проблемами глубокого человеколюбия, такими же неприкасаемыми, как юродивые обленившиеся нищие Средневековья или Симон Стилитес (Stylites). При этом человечность в германском понимании превратилась в свою противоположность. Человечным для жителя Запада является такой герой как Ахиллес, или находящийся в творческом поиске Фауст; человеческой является сила, подобная неутомимому Леонардо; человеческой является борьба, которую пережили Рихард Вагнер и Фридрих Ницше. От этого русского представления болезни, преступников в роли несчастных, дряхлого и гнилого как символов "човеколюбия", необходимо отделаться навсегда. Даже индеец, на которого ошибочно ссылаются многие русские, принимает свою судьбу как собственную вину, как вину своей прошлой жизни. Как бы не толковали это учение о переселении душ, оно аристократично и было порождено храбрым сердцем. Причитания же по поводу "власти тьмы" - это беспомощный лепет отравленной крови. Эта испорченная кровь создала себе в качестве высшей ценности стремление к страданию, покорность, "любовь ко всем людям" и стала враждебной природе, как когда-то побеждающий Рим, пока Европа до некоторой степени не смогла стряхнуть с себя аскетичный египетско-африканский мазохизм.

То, что древнегреческую любовь обозначают одним словом с так называемым христианским учением, и что Достоевского и Платона упоминают на одном дыхании, было злым роком. Эрос древней Греции отличался душевной полнотой, постоянно связанной с естественным чувством, а божественный Платон - это совсем другая фигура, чем его изображают теологи и профессора. От Гомера до Платона природа и любовь были едины, так же как и высшее искусство в Элладе оставалось связанным с расой. Церковная "любовь" не только противопоставила себя всем идеям расы и народности, но и вышла далеко за рамки этого. "Святой" Зенон сказал в IV веке после Р. Х.: "Величайшая слава христианской добродетели заключается в растаптывании природы".

Этому тезису Церковь верно следует везде, где ей удастся победить. Поругание тела как нечистого непрерывно продолжается вплоть до наших дней, так как национализм и расовая идея подавляются как языческие. "Последователи Иисуса", поскольку благочестивые вываливали себя в золе, били кнутом, ходили с гнойниками и ранами, обвешивали себя железными цепями, как Симеон тридцать лет сидели на столпе или как святой Талелей (Thalelius) десять лет проводили, втиснувшись в колесо телеги с тем, чтобы остаток "жизни" запихнуть в тесную клетку, эти "последователи" представляли собой параллель абстрактному "доброту" Сократа и более поздним "людям Достоевского".

Не лишенная естества "любовь", не непостижимая "община добрых и верующих", не "человеколюбие" с испорченной кровью издавна творчески воздействовали на культуру и искусство, а - в Элладе - плодovitый Эрос и расовая красота, в Германии честь и расовая динамика. Кто не уважает эти законы, тот не способен указывать путь полному сил будущему германского Запада.

Светлое великое желание Достоевского, ведущее борьбу с гибельными силами, очевидно. Восхваляя русского человека как путеводную звезду будущего Европы, он тем не менее видит, что Россия выдана демонам. Он уже знает, кто возьмет верх в игре сил: "безработные адвокаты и наглые евреи". Керенский и Троцкий предсказаны. В 1917 году с "русским человеком" было покончено. Он распался на две части. Нордическая русская кровь проиграла войну, восточно-монгольская мощно поднялась, собрала китайцев и народы пустынь; евреи, армяне прорвались к руководству, и калмыко-татарин Ленин стал правителем. Демонизм этой крови инстинктивно направлен против всего, что еще внешне действовало смело, выглядело по-мужски нордически, как живой укор по отношению к человеку, которого Лотроп Штоддарт правильно назвал "недочеловеком". Из самоуверенной от беспомощности любви прошлых лет получился эпилептический припадок, проведенный в политическом плане с энергией умалишенного. Смердяков управляет Россией. Русский эксперимент закончился как всегда: большевизм у власти мог оказаться в качестве следствия только внутри народного тела, больного в расовом и душевном плане, которое не могло решиться на честь, а только на бескровную "любовь". Тот, кто хочет обновления Германии, отвергнет и русское искушение вместе с его еврейским использованием. Отступление уже имело место и здесь. Результаты покажет будущее.

8

Самоотречение Церкви от власти. — Гибель древнего национализма. — Гибель марксизма. — Современное возрождение.

Когда разразилась мировая война, даже тронутые болезнью руководящие националисты в Германии точно так же увидели судьбу не в чести, свободе и народности, не в любви, а скорее в экономике. Это отправление также должно было привести к кризису, к вскрытию нарывов. Это случилось 9 ноября 1918 года. Последующее время доказало, что все старые партии и их вожди загнили, стали непригодными к построению нового государства. Они должны были говорить о народе, а думали только об экономике; они говорили о единстве империи, а думали о прибылях; они проводили "христианскую политику" и трудились на свои амбары. Поэтому духовная и политическая обстановка нашего времени такова: старая сирийско-еврейско-восточная Церковь развенчивает себя сама, исходя из догм, которые не соответствовали законам духовного строительства нордического Запада, стремясь отстранить или подчинить единственно плодотворные и создающие культуру идеи нордической расы - честь, свободу и долг - этот тлетворный процесс уже многократно приводил к тяжелому краху. Сегодня мы признаем, что центральные высшие ценности римской и протестантской Церкви как негативное христианство, не соответствуют нашей душе, что они стоят на пути органичных сил народов с нордическо-расовой ориентацией, они должны уступить им место и заново оценить себя в плане германского христианства. В этом смысл современных религиозных поисков.

Старый национализм мертв. Возникнув однажды в 1813 году, он все более утрачивал свою безусловность, все более подвергался пагубному влиянию устаревшего династизма, промышленной политики, биржевой политики прибылей, лишился глубины в безыдейном бюргерстве XIX века благодаря гуманитарному оболваниванию и рухнул 9 ноября 1918 года, когда его носители и представители бежали от кучки дезертиров и каторжан.

Старый социализм загнивает на живом теле. Рожденный как органичное стремление, он попал в руки международных болтунов и обманщиков, предал свой душевный подъем самопожертвования благодаря биржевым капиталистическим связям своего руководства, имеющего чуждую кровь, вступил в связь с татаро-большевистскими тлетворными центрами и снова доказал, что с материалистическими идеями никакие органичные революции не могут привести к свободе. Марксизм загнивает на широких равнинах России и в креслах конференций Женева, Парижа, Локарно и Гааги... Там социалистическая идея была предана гиенам биржи без остатка.

Таким образом, сегодня рушится весь мир. Результат мировой войны означал мировую революцию и показал истинное лицо перегруженного ворохом тысячелетий XIX века. Ценности, нравы и обычаи, которые еще казались живыми, исчезли, были преодолены уже внутри, лишь потерявшая ориентацию масса молится еще руинам домов старых идолов. Но на обломках поднимаются новые силы, которые казались погребенными, и все более сознательно овладевают тем, что борется за новое чувство жизни и времени. Нордическая душа снова начинает действовать от своего центра - осознания чести. И она действует тайно, подобно тому времени, когда поклонялись Одину, когда чувствовалась рука Отто Великого, когда она родила мастера Эккехарта, когда Бах сочинял божественную музыку, когда Фридрих Единственный шагал по земле. Наступило новое время немецкой мистики, миф крови и миф свободной души просыпается к новой сознательной жизни.

III

Мистика и действие

1

Мистика как тончайшее ответвление понятия чести. — Свобода и беззаботность души даже по отношению к богу. — Грех протестантизма. — Германские религиозные общины; умерший Вотан (Один). — Мистика как германское возрождение. — Медленное созревание религиозной идеи; Иисус, Конфуций, Эккехарт.

В нордическом викинге, в германском рыцаре, в прусском офицере, в балтийской Ганзе, в немецком солдате и в немецком крестьянине мы видим жизнеформирующее понятие чести в его различных проявлениях, связанных с землей. В искусстве стихосложения от древних эпосов к Вальтеру из Фогельвайде, от рыцарских песен до Кляйста и Гёте мы просматриваем появление мотива чести в качестве содержания и важнейшего для внутренней свободы закона формирования. Теперь имеется еще одно изысканное ответвление, в котором мы можем проследить воздействие нордической сущности: это немецкий мистик.

Этот мистик стремится все больше и больше освободиться от конфликтов материального мира. Он признает инстинктивные моменты нашего человеческого существования, наслаждение, силу, но также и так называемые добрые дела несущественными для души; но чем больше он преодолевает земные трудности, тем величественнее, богаче, божественнее чувствует себя он внутренне. Он открывает чисто духовную силу и чувствует, что это его душа представляет собой центр силы, с

которым, безусловно, сравнить нечего. Эта свобода и беззаботность души по отношению ко всему, в том числе к Богу, и сопротивление всякому принуждению, в том числе со стороны Бога, показывает самую большую глубину, до которой мы можем проследить нордическое понятие чести и свободы. Он является "крепостью души", той "искоркой", о которой мастер Эккехарт говорит с новым удивительным восхищением. Он представляет самую глубокую, самую нежную и тем не менее самую сильную сущность нашей расы и культуры. Эккехарт не называет эту глубину по имени, так как чистый субъект познания и желания не должен иметь имени, не должен иметь качеств, а должен быть отделен от всех форм времени и пространства. Но сегодня мы можем отважиться эту "искорку", которая проявила себя как пожирающее пламя, назвать метафизическим подобием идей чести и свободы. Потому что честь и свобода - это в конечном итоге не внешние свойства, а сущности, не имеющие пространства и времени, которые образуют ту "крепость", из которой вылазку в "мир" предпринимают истинная воля и истинный разум. Для того, чтобы его победить или использовать как временную меру для реализации души.

Эту благую весть немецкой мистики всеми способами душила враждебная Европе Церковь, прежде чем она могла расцвести полностью. Однако эта весть полностью никогда не умирала. Большой грех протестантства заключался в том, что оно вместо того, чтобы прислушаться к ней, сделало народной книгой так называемый Ветхий Завет, а еврейские письмены превратила в идолов. Теперешнее время возрождающейся готовности души прислушается (пусть даже в новых формах) к вести немецкой мистики, или оно прекратит существование под ударами старых сил до своего развития, как закончились некоторые попытки восстановления нашей сущности после римско-еврейского отравления. К "просветленному чувству и пробужденному интеллекту", которые мастер Эккехарт требовал от своих слушателей, сегодня должна присоединиться стальная воля, достаточно мужественная, чтобы сделать все выводы из своих познаний. "Если ты хочешь иметь ядро, ты должен разбить скорлупу" (Эккехарт).

Шестьсот лет прошло с тех пор, как величайший апостол нордического Запада подарил нам нашу религию, посвятил свою богатую жизнь очищению от яда нашего бытия и становления, преодолению сирийской догмы, порабошающей тело и душу, и пробуждению Бога в собственной душе, "Царства Небесного внутри нас".

В поисках нового душевного контакта с прошлым не самые худшие представители современного движения обновления обращаются к Эдде и родственным ей германским преданиям. Благодаря прежде всего им, наряду с фавулой, из-под мусора и пепла костров инквизиции вновь открылось внутреннее богатство наших преданий и сказок. Но германские религиозные общины не заметили в своем стремлении отыскать в ушедших поколениях и их религиозных символах внутреннюю опору, что Вотан как религиозная форма мертв. Он умер не от "Бонифация", а сам по себе; он завершил закат богов мифологической эпохи, времени беспечной природной символики. Его падение предвиделось уже в нордических песнях, но в предчувствии неизбежной гибели богов была надежда на "сильного сверху". Однако его место занял, к несчастью Европы, сирийский "Яхве" в образе его "представителя" этрусско-римского папы. Один был и остается мертвым; а "сильного сверху" открыл немецкий мистик в собственной душе. Божественная Валгалла спустилась с бесконечных туманных далей в душу человека. Открытие и провозглашение вечной свободы души было спасительным деянием, которое защищало нас вплоть до сегодняшнего дня от всех попыток задушить ее. Поэтому история религии Запада почти исключительно представляет собой историю религиозных возмущений. Истинная религия существовала в рамках Церкви только тогда, когда нордической душе не мешали способствовать ее развитию (как, например, у святого Франциска и Фра Анжелико), потому что ее отголосок в западноевропейском

человечестве был сильнее.

У германского мистика на первое место сознательно - пусть даже в одеждах своего времени - выступает новый возродившийся германский человек. Не в эпоху так называемого ренессанса, не во время так называемой реформации происходит духовное рождение нашей культуры - это время не является больше внешним прорывом отчаянной борьбы - нет, в XIII и XIV веках идея духовной личности, идея нашей истории впервые становится религией и жизненным учением. В это время сущность нашей более поздней критической философии сознательно предвосхищается и кроме того провозглашается вечная метафизическая вера нордического Запада, которая хотя и действовала в душах многих поколений, но не могла быть выпущена на волю раньше, чем настало для этого время. "В самых глубоких колодцах - самая высокая вода"; нашему времени было дано опуститься на самую большую глубину, чтобы поднять на свет самое высокое. Будет ли оно достойно этого предначертания, зависит от него самого.

Прошло более трехсот лет, прежде чем имя Христа что-то начало значить для народов Средиземноморья, многие тысячи должны были уйти, прежде чем весь Запад проникся им. Конфуций умер, когда ему доверяли немногие, только через триста лет после его смерти началось его почитание, только через пятьсот лет ему построили первый храм. Сегодня ему молятся как "истинному святому" в тысяча пятистах храмах. Так и над могилой мастера Эккехарта должны были прошуметь шестьсот лет, прежде чем немецкая душа смогла его понять. Сегодня кажется, будто сумерки ушли из народа, что говорит о том, что он созрел как апостол для немцев, "святой и блаженный мастер"⁶³.

2

"Внутренняя ценность" Эккехарта. - "Несотворенный свет души". - "Аристократия души". - "Дальше неба". Идеальное от времени и пространства. - Смерть - не "греховного золота". - "Я" как моя собственная причина. - Ничтожность хороших ценностей. - Отказ от "представительства (замещения) Бога". - Человек - хозяин всех своих ценностей. - "Все конечное только средство". - Эккехарт - динамик. - "Человек должен быть свободным".

Каждое создание действует во имя своей, пусть даже не осознанной им самим, цели. Душа тоже имеет свою цель: сохранить чистоту в себе самой и в божественном сознании. Но эта душа "распространяется и рассеивается" в мире чувств, в пространстве и во времени. Чувства действуют в ней и расслабляют - прежде всего, силу духовной концентрации; поэтому предварительным условием "внутреннего дела" является стягивание всех действующих внешних сил, стирание всех образов и символов. Это внутреннее дело означает, однако, Царство Небесное "приблизить к себе", как это утверждал и требовал от "сильных" духом Иисус. Но эта попытка мистика требует

---

⁶³ Будет вечным позором то, что мастер Эккехарт еще нигде не изучался обстоятельно и подробно. О нем прежде всего рассказывает прайфферовское издание его проповедей. То, что католические писатели сделали из Эккехарта, лучшим свидетельством были работы Денифле. Великий немец опускается до подражателя, отступления которого затем "отклоняются". Сравни Денифле "Латинские труды мастера Эккехарта", 1886 год; "Духовная жизнь", работа полная сладостности и религиозной халтуры, куда вставлен Эккехарт. П. Мельхорн даст нам краткий, ни о чем не говорящий обзор ("Время расцвета немецкой мистики"), тогда как Л. Шнамер составил интересные тексты ("Тексты из немецкой мистики XIV и XV веков"). Поучительны избранные тексты мастера Эккехарта, подготовленные О. Каррером в 1923 году. Несколько утомительным, но все же с пониженным манием величия Эккехарта является исследование д-ра Л. Демпфа в его "Метафизике Средневековья", Мюнхен, 1930. Лучшую работу и одновременно глубокое признание представил Х. Бюттнер ("Работы и проповеди мастера Эккехарта" в 2-х томах). Его переводы на верхнегерманский я читал. Желательно, чтобы издательство Е. Дидериха в Йене выпустило совсем дешевое, может быть, сокращенное издание произведения. Оно должно быть настольной книгой в каждом немецком доме. Насколько мне известно, с 1931 года готовится издание всех сочинений Эккехарта. Пора!

таким образом исключения мира как представления с тем, чтобы войти в наше сознание по возможности чистым субъектом свойственной нам метафизической сущности; а так как это полностью невозможно, создается идея "Бог" в качестве объекта этой души, чтобы наконец провозгласить равноценность души и Бога.

Но это действие возможно только при условии свободы души от всех догм, Церквей и пап. И мастер Эккехарт, приор-доминиканец, не страшится радостно и открыто называть это основным вероучением всей арийской сущности. В течение многолетней жизни он сообщает о "несозданном и несоздаваемом свете души" и проповедует: "Бог предоставил душе самоопределение, так что он не может навязать ей или потребовать от нее чего-либо против ее воли. В отличие от учения навязанной веры он продолжает объяснять, что три вещи свидетельствуют о "духовной аристократии": "Первая действует от сущности в своем величии (от "неба"), вторая - от сил в их могуществе, третья - от трудов в виде их продуктивности". Перед каждым "выходом" в свет душа должна сознавать "свою собственную красоту". Но внутреннее дело завоевания Царства Небесного может быть осуществлено со своей стороны также только в результате высшей свободы. "Твоя душа не принесет плодов, пока не завершит дела: и если Бог не остановит тебя, ты покажешь миру плоды твоего труда. В противном случае не будет тебе мира и не будет плодов. И в этом случае она будет достаточно ничтожна: потому что рождена от прикованной (к внешним моментам), зависимой от труда души, а не от свободы". И если возникает вопрос, почему Бог вообще стал человеком, еретический Эккехарт не отвечает: чтобы мы, жалкие грешники могли взять себе на заметку рост добрых дел, а говорит: "Я отвечаю: потому, чтобы Бог родился в душе..." Откуда вытекает радостное сознание: "Душа, в которой должен родиться Бог, не зависит от времени, и время не зависит от нее, она должна подняться на более высокую ступень и остаться неизменной в этом царстве Божьем: это широта и простор, не широкие и не просторные. Тогда душа познает все вещи в их совершенстве! Чтобы мастера писали об отдаленности неба: малейшая возможность, имеющаяся в моей душе, дальше самого отдаленного неба!"

Длительное объяснение мистики каждый раз подчеркивает только "самоотречение", "самоотдачу Богу" и видит в этой преданности другому сущность мистического переживания. Такая трактовка понятна через римскую фальсифицированную мистику, она возникает далее от кажущейся неистребимой точки зрения о том, что я и Бог имеют разную сущность. Но кто понял Эккехарта в целостности, тот без труда установит, что эта "преданность" в действительности представляет собой высшее самосознание, которое в этом мире нельзя представить иначе, чем в противопоставлении времени и пространству. Учение о душе, которая больше, чем вселенная и свободна от Бога, и учение об отрешенности означают полный отказ от ветхозаветного мира представлений и от сладостной потусторонней мистики более позднего времени.

Слова о всеобъемлющей возможности души являются истинно мистическим переживанием и одновременно означают философское признание идеальности пространства, времени и причинности, что Эккехарт с полным сознанием и в других местах утверждает, доказывает и прекрасным языком учит тому, что через четыреста лет смог сделать тяжело нагруженный естественно-научной и философской схоластикой Кант. "Небо чистое и безоблачно ясное, его не трогает ни время, ни пространство. В нем нет ничего материального, и оно не включено во время: его вращение происходит невероятно быстро, его движение само лишено отпечатка времени, но в результате его движения возникает время. Ничто не мешает душе так сильно в познании Бога, как время и пространство. Если вообще душа должна познать Бога, то она должна познать его над пространством... Если глаз должен различить цвет, он сам должен быть открыт всем цветам. Если душа должна заменить Бога, она не

должна иметь ничего общего с ничем". Бог, это позитивное выражение религиозного человека для только философско-ограничительного обозначения "Вещь в себе", осмысливается, таким образом, с величайшим благоразумием не только как отличающееся от инстинкта и образа (что уничтожает любую природную символику), но и чистые, наглядные формы осознаются и снимаются как простые оболочки. В другом месте Эккехарт говорит: "Все, что имеет существование во времени и пространстве, Богу не принадлежит..." Душа едина и неделима одновременно в ноге и в глазе и в любом члене... Настоящее время, в котором Бог создал мир, также близко настоящему времени, в котором я в настоящий момент говорю, как вчерашний день. И последний день точно так же близок ему в вечности, как вчерашний день.

Из этого высшего философского сознания для свободного интеллекта Эккехарта вытекает также неизбежный враждебный Церкви вывод о том, что смерть - это не плата за грех, как нас пытаются убедить кабинетные ученые, исходя из создания вызывающего дрожь страха, а естественное и, в сущности, неважное событие, совсем не касающееся нашего вечного, которое было раньше и будет позже. С великолепным жестом Эккехарт кричит миру: "Я причина себя самого, согласно моей вечной и моей временной сущности. Только здесь вокруг я родился. Согласно моему вечному способу рождения я произошел от вечности, я вечен и останусь вечным. Умру и стану ничем я только как временная сущность; потому что она принадлежит дню и должна, как и время, исчезнуть. При моем рождении родились также все вещи, я был одновременно своей собственной причиной и причиной всех вещей. И если бы я хотел, не было бы меня, не было бы Бога." И, подумав, он добавляет: "Понимать это не требуется."

Никогда ранее, в том числе в Индии, не было такого сознательного аристократического познания души, как это выразил Эккехарт в этих словах, при этом с полным сознанием того, что он сможет быть понятым своим временем. Каждое его слово является ударом в лицо римской Церкви и как таковой ею было воспринято, когда самого знаменитого проповедника Германии притащили на суд инквизиции, когда также из страха перед его сторонниками не отважились разделаться с ним, как с более мелкими еретиками. Но глубочайшую немецкую душу и ее веру Церковь предала "неизбежной" анафеме, когда Эккехарт умер, предала анафеме все великое и великолепное в немецкой душе и немецкой истории.

Из непоколебимого сознания свободы "благородного человека" и "благородной души" вытекает для мистика немецкая оценка так называемых добрых дел. Они не являются колдовскими средствами, как учит Рим, не являются исполнением, как сказано у Иеговы, это просто средство для укрощения напора чувственного мира. Внешнему человеку, как учит Эккехарт, нужна "узда", чтобы не дать ему "убежать от самого себя". Человек должен упражняться в набожности не для собственного удовольствия, а во имя истины. "Если же человек считает себя склонным к истинной духовности - продолжает свою проповедь немецкий апостол - то он смело отказывается от всего внешнего, будь то упражнения, с которыми тебя связывает обет, освободить тебя от которых не может ни папа, ни епископ! Потому что обет, который кто-либо дает Богу, не может быть снят с него". Это, как мне известно, единственное место, где Эккехарт упоминает имя папы в нападающем стиле. Оно демонстрирует его полный и самовластный отказ от основного закона римской Церкви*. По Эккехарту "благородная душа" человека, обращенного к вечности, является представительницей Бога на земле, не Церковь, не епископ, не папа. Никто на земле не обладает правом связывать или развязывать меня. Еще менее правомерно делать это, "представляя Бога". Эти слова, которые каждый благочестивый муж из арийской народной семьи мог бы представить как свою веру, были рождены совсем другой сущностью, чем колдовская философия, которую Рим составил на собственное благо и все тезисы которой преследуют только одну цель - сделать человечество зависимым от связанной с Римом кастой священников

и выжечь для нее "аристократию души".

В своей проповеди по поводу первого письма Иоанна Эккехарт говорит: "Я решительно заявляю, пока ты делаешь свои дела ради Царства Небесного, ради Бога или ради собственного блаженства, то есть с внешней стороны, ты действительно не на том пути... Тот, кто мнит в отрешенности, в молитве, в томных чувствах или других приближениях получить от Бога больше, чем от огня в очаге или от хлеба, тот Бога берет, набрасывает ему на голову плащ и запикивает его под лавку.

Если спросить настоящего мужчину: "Почему ты делаешь свои дела?", - чтобы ответить правильно, он скажет: "Я работаю, чтобы работать"⁶⁴. Учение о праведности Эккехарт расценивает как нашептывание черта, а что касается молитвы, об этом говорится в конце при великом обращении ко всем: "Люди часто говорят мне: "Попросите Бога за меня!" Тогда я думаю про себя: "Почему вы выходите? Почему не остаетесь при себе? Вы все носите действительность в себе в соответствии с сущностью! В том, что мы должны оставаться в себе, в сущности и владеть всей действительностью без посредничества и различия в настоящем блаженстве, да поможет нам Бог".

Итак Эккехарт - это священник, который попов исключает, который всю свою деятельность собирает направить на то, чтобы открыть путь ищущему, равному ему по сущности и правам человеку, который не хочет поработать душу, не соглашаясь на ее вечную зависимость от папы и Церкви, а стремится познать ее скрытую красоту, ее благородство и ее свободу, т.е. оживить сознание чести. Потому что честь в конечном итоге - это нечто иное, как свободная, красивая и благородная душа.

То же стремление возвысить человека становится заметным, когда Эккехарт отвергает ссылку на человеческую слабость: "Так можно и нужно следовать нашему Господу по мере своей слабости и нельзя думать, что этого невозможно достичь". И снова человек ободряется, не подавляется, причем Эккехарт с насмешкой вспоминает о праведности: "И особенно следует избегать всякой особенности, будь то в одежде, еде, речи с употреблением возвышенных слов или особенных жестов, которые ничего не дают". За отклонением этих внешних атрибутов следует, однако, самое четкое утверждение права истинной личности: "Ты должен знать, что особая сущность тебе не заказана. Есть много таких особенностей, которые иногда и у некоторых людей следует сохранять. Потому что тот, кто является особенным, тот особенное и совершать должен, много раз и различными способами". Этим исключение переносится не на должность и священников (которые являются неприкосновенными, даже если являются

---

⁶⁴ Это человеческое величие, оказывающее всему моральную поддержку, находит враждебную противоположность в самомнении священников. Один из величайших ораторов XIII века, интересный впрочем монах-францисканец Бертольд фон Регенбург, говорил, что когда он увидел деву Марию вместе с небесным войском и рядом с ними стоящего священника, ему захотелось упасть ниц прежде всего перед ним. "Когда священник пришел туда, где сидели моя любимая святая Мария и все небесное войско, все встали перед священником..." Далее: "Кто принимает по праву сан священника, тот имеет такую большую власть, которой никогда не имели император или король... Для того, кто покоряется власти священников - даже если он совершил очень большой грех - священник может сразу закрыть ад и открыть небо..." (Фр. Пфайфер. "Бертольд фон Регенбург".) Разве это не чисто сирийское колдовство, которое нас затянуло?

преступниками), а исключительно ориентируется на величие души определенного человека. Снова антиримский, сознательный поворот внутрь немецкого.

Однажды Иисус заставил больного в субботу встать и нести свою постель, по поводу чего благочестивые лица страны подняли; большой крик. А Иисус ответил с выражающей превосходство усмешкой: "Суббота существует для человека, а не человек для субботы", - следовательно, человек является господином субботы. Последователи иерусалимских кабинетных ученых придерживаются строгого соблюдения всех "благочестивых упражнений" независимо от того, участвует ли в этом человек внутренне или нет. Обращаясь к ним Эккехарт говорит: "Поверьте мне, к совершенству относится то, что возвышает человека в одном деле, то, что все его дела сливаются в одно дело. Это должно происходить в Божьем царстве, где человек и есть Бог. И вещи будут отвечать ему на божественном языке, ибо человек - господин своих дел".

Это отношение к внешней деятельности более чем однозначно. Так же четко Эккехарт отвергает все те добродетели, которые пытались расхваливать или отвергать как "мистические" с неустанным терпением. Эккехарт продолжает насмехаться над самоотверженным экстазом, "томными чувствами" и ничто так не показательно для него, как его интерпретация слов Христа о Марте и Марии.

"Все конечное - это только средство. Когда-нибудь обязательным средством, без которого я не смогу прийти до Бога, будут мои дела и творчество в земной жизни. Это не принесет нам ни малейшего вреда в заботе о нашем вечном благе". В этом заключается характерный отход немецкого человека от индийских выводов атмано-браманского учения: образ действий неважен, дело же презирать не следует. Сидящая у ног Иисуса Мария представляется Эккехарту новичком, Марта же превосходит ее. Марта опасалась того, что ее сестра останется в восхищении и прекрасных чувствах и хотела бы, чтобы она была подобна ей. Тогда Христос ответил ей: "Успокойся, Марта, она выбрала себе лучшую долю, которую у нее никто не сможет отнять! Эта экзальтированность пройдет". Видно, что Эккехарт настолько далеко заходит в борьбе против слащавого и расплывчатого, что дает общеизвестным словам Христа противоположное толкование.

Сразу после этого он поднимается до сознательного отклонения всех индийских учений о первичности вселенной, всех церковных учений об аскетизме и стоических мудростях. Следующее изречение так верно показывает признанную даже на самой большой глубине оторванности от нее полярность жизни, творческую силу настоящего дела, и сразу отодвигает апостола германских ценностей веры от обычной церковной праведности как монашеского бесплодия. С нескрываемой иронией Эккехарт говорит, обращаясь к окружающим его еретичкам, к бегуинам (Begüinen) (как в то время называли предателей): "Но теперь наши добрые люди требуют совершенствования без того, чтобы нами двигала любовь, и любовь нас не должна трогать так же, как и страдание. Они действуют несправедливо! Я утверждаю: еще должен родиться такой святой, которого нельзя было бы растрогать... Христос также не обладал этим свойством, об этом свидетельствует его признание: "Моя душа печальна до смерти!" Христу слова причиняли, таким образом, боль... И это трогало в связи с его врожденным благородством и со святым единством божественной и человеческой натур". И далее: "Теперь некоторые люди стремятся добиваться того, чтобы быть свободными от трудов. Я говорю, так не пойдет! Святые, которым они пытаются подражать, прежде всего начинали с того, что совершали праведные дела. Подтверждение этому мы видим и у Христа, с того момента, как Бог стал человеком и человек Богом, он начал трудиться на наше благо... не было ни одного члена на его теле без напряжения, он специально потрудился для этого". И по какой причине Эккехарт проповедовал и это антихристианское учение? Чтобы и здесь дать возможность править духовной свободе, высшему принципу, что признает Эккехарт и вместе с ним нордическое человечество западных стран. Он выражает это следующим образом: "Бог

не уничтожает какие-либо дела, а совершает их. Бог не разрушает природу, а завершает ее. Если бы Бог разрушил природу до ее начальной стадии, он бы совершил по отношению к ней насилие и несправедливость. Такого он не делает! Человек имеет свободную волю, с помощью которой он может выбирать доброе и злое, и Бог выдает ему за злые дела - смерть, за праведные - жизнь. Человек должен быть свободным и быть хозяином своих дел, нерушимо и непобедимо".

Тем самым была признана и великолепным образом сформулирована вечная, взаимно оплодотворяющая полярность природы и свободы. Движением руки религиозного и философского гения с сознанием нашего типа сметается все бесплодное, мучительное, восточно-поповское и "праведное" фарисейство. Святое единение (с полярной обусловленностью, но без смешения) между Богом и природой - это первопричина нашей сущности, представленная свободой души, увенчанная плодами ее труда. И стимулом всего служит - воля. Согласно Новому Завету ангел Гавриил явился Марии. Эккехарт же говорит с улыбкой: "Собственно говоря звали его Гавриилом так же, как и Конрадом. Имя Гавриил он получил от деяния, на которое был послан, потому что Гавриил имеет значение силы. В этом рождении принимал участие Бог - и все еще принимает участие в качестве силы".

При этом в самом ярком свете проявилась динамика и эккехартовой души⁶⁵.

3

Новая архитектура души. — "Аристократическая душа" выше любви, смирения, сострадания, милости. — Уединение выше чем любовь. — "Быть единым с самим собой". — "Свободен от чужих идей". — Новое толкование и отклонение церковных вероучений. — Отклонение греха и раскаяния.

Но свобода эккехартовой души обуславливает другую оценку не только жизни и деятельности, но и высочайших идеалов римской Церкви, традиционной Церкви вообще, то есть всему тогдашнему и сегодняшнему общественному миру. Ибо, если признать "благородную душу" как высшую ценность, как ось, на которой собирается все, то идеи любви, покорности, милосердия, пощады и т.д. отойдут на второй и третий план. И здесь Эккехарт не боится прислушаться к голосу "искорки" и беззаботно высказать то, что подсказывает ему его душа. Ему, конечно, нет необходимости специально подчеркивать, что он мало ценит любовь, покорность, сострадание и учение о милосердии. Более того, в его проповедях мы находим прекрасные слова по поводу этих идей, но он ненавидит слащавую восторженность, вялые "прекрасные

---

⁶⁵ Отблеском сознания Эккехарта является также Ангелус Силезиус (Angelus Silesius), но уже подвергшийся церковному процессу сентиментализации, особенно, когда он после периода "измены" ином, вернулся к единственному дарящей блаженство Церкви (1652 год). Все-таки время от времени в нем проскакивает светлая "искра", которую величайший мастер раздул до пламени. "Я знаю, что без меня Бог не сможет прожить ни секунды, пропаду и, ему придется испустить дух от нужды". "Я так же велик, как Бог, он так же ничтожен, как я: он не может быть выше меня, я не могу быть ниже его!" Эти слова возвещают о первых шагах души, с которых начал свой жизненный опыт каждый истинным и стойкий религиозный человек арийского происхождения. "Я тоже сын Божий" - делает Силезиус вывод на констатации подобия Богу и свободы души, чтобы потом подчеркнуть взаимную обусловленность: "Бога во мне так много, как и меня в нем. Я помогаю ему сохранить свою сущность, а он мне". Из центрального переживания души для Ангелуса вытекает также ничтожность нрава: "Сочинение есть сочинение, больше ничего. Мое утешение - это мое бытие / И то, что Бог во мне говорит слово вечности"; после чего он поднимается до высоты заявления о том, что весь мир – это "игра, которую затевает божество". Ангелус Силезиус тоже не хочет молить и обманывать небо, а хочет его "навоевать", "атаковать" и наконец находит успокаивающим полюс в себе самом: "Кто в себе заключает честь, тот не ищет ее снаружи / Если ты ее ищешь в мире, то она у тебя еще снаружи".

чувства", короче, всю духовную неустойчивость. Его учение о любви - это представление любви как силы, которая знает свое равенство с божественной властью, за которую она борется: любовь должна "пробиться через вещи", потому что только "ставший свободным дух поворачивает Бога к себе". Теперь следует себе представить, что значило для доминиканского приора в начале XIV века перед лицом управляющей миром нетерпимой Церкви предпринять переоценку действующих высших ценностей и даже отважиться на попытку представить скромным верующим положительную новую высшую ценность. Это не могло произойти в открытом выступлении против Рима, а только при помощи образного представления духовного опыта. Из этого опыта вытекает проповедь Эккехарта об "отрешенности души", может быть, самое лучшее вероучение сознания германской личности.

Эти аристократические признания души этого "херувимского путешественника" нарушаются теперь большим количеством незначительных, слабых изречений, которые кажутся тем неприятнее, чем ближе подходишь к концу. Очевидно Силезиус влюбился в язык своего более раннего времени и затем сам через двадцать лет разбавляет водой мистическое в церковной "назидательности".

В ней Эккехарт рассматривает христианско-церковные высшие ценности: любовь, покорность, милосердие и находит, что они должны уступить по высоте, глубине и величию состоянию души, которая возвысила себя сама. Он отвергает монопольное прославление любви со стороны Павла, потому что лучшее в любви все-таки то, что она вынуждает нас любить Бога. Но теперь гораздо важнее то, что мы привлекаем Бога к себе, чем если бы мы стремились к Богу, потому что наша душа основывается на единении с Богом. Собственным жилищем Бога является единство и честность, которые основываются на отрешенности. "Поэтому Бог не может не отдать себя отрешенному сердцу". Далее имеющая следствием страдания этого мира любовь все еще отгостится к созданию, что уже не имеет места при отрешенности. Отрешенность уничтожает мир до основания и приближает нас таким образом к Богу. Что касается покорности, то покорная душа сгибается под созданиями, в результате чего человек снова выходит из себя. "Если даже такой выход из себя обладает некоторым превосходством, пребывание внутри представляет собой нечто более высокое". "Полная отрешенность не знает ни стремления к созданию, ни склонения, ни выпрямления, она не хочет быть ни сверху, ни снизу, она хочет лишь покоиться в себе, никому не доставляя ни любви, ни страданий. Она не стремится ни к равенству, ни к неравенству с каким-либо другим существом, она не хочет ни того, ни другого, она хочет только быть единой с самой собой."

Нигде еще, видимо, самовластная душа не высказывалась так резко и четко, как здесь. Это необходимое ритмичное встречное уважение после признания плодотворного действия; то, что в дальнейшем Гёте превозносил как самое высокое из всех Евангелий: глубокое уважение к себе.

Милосердие по Эккехарту теперь вообще нечто иное, как выход из себя, и по тем же причинам оно не может быть оценено так же высоко, как отрешенность. Но именно потому, что и сущность Бога является отрешенной от всех имен, получается, что все внешнее к ней не сможет приблизиться. Исходя из этого, Эккехарт помещает также молитву, окруженную большой степенью колдовства, и ее значение в соответствующие рамки. "Я утверждаю: все молитвы и все добрые дела так мало влияют на божественную отрешенность, что как бы их и не было, и поэтому Бог не становится по отношению к людям ни мягче, ни благосклоннее, как будто он никогда не реагирует на молитвы и добрые дела". Это более чем ясно, - полный отказ также от граничащего с магией отступничества Церкви, "представляющей Бога", и "монопольно обеспечивающей блаженство". И затем, в заключение следует обращение к народу: "Держись отдельно от всех людей, не поддавайся воздействию полученных

впечатлений, освободись от всего, что может внести в твою сущность чуждые добавки... и всегда направляй свою душу на благотворное созерцание, при котором ты носишь Бога в своем сердце как предмет, от которого твои глаза не будут отведены никогда".

Это покоящееся в себе величие души выражается затем в оценке римских и более поздних протестантских вероучений.

Мы можем в этом мире явлений представить себе усиление души как следствие внутреннего сплочения не иначе как подарок, называемый Богом вечной сущности. Исходя из этого положения вещей, павлинизм (Павел) - и вместе с ним все христианские Церкви - создали учение о милости как высшем таинстве христианства. Еврейское представление о "рабе Божьем", который получает милость от самовольного, абсолютистского Бога, перешло в Рим и Виттенберг. Оно все еще цепляется за Павла, как непосредственного создателя этого учения, что говорит о том, что Церкви являются не христианскими, а павлинистскими, так как Иисус бесспорно превозносил единение с Богом как избавление и цель, а не расслабляющее предоставление милости всемогущей сущностью, по сравнению с которой и самая великая душа представляла собой чистое ничто. Это учение о милости, естественно, на руку любой Церкви, пока она и ее руководители выступают как "представители Бога" и, следовательно, могут забрать в свои колдовские руки право предоставления милости. Совсем другую точку зрения по отношению к понятию милости должен иметь такой гений как Эккехарт. Он тоже находит красивые слова о любви и милости Божьей: там, где в душе имеется милость, эта душа "чиста, богоподобна и находится в родстве с Богом". Уже здесь имеет место обращение к величию, а не к бездне и раблепию. "Милость не действует", потому что она для этого "слишком благородна". Более того, она представляет собой "сознание, присоединение к Богу и единение с Богом. Это и есть милость". Но такая милость вряд ли возможна за счет всемогущества Бога и нашей праведности, как учат Церкви, а совсем наоборот, за счет подобия души Богу. При таком рассуждении Эккехарт исходит из Августина, но он, конечно, понимает, что его сделанные по определенному поводу признания души, привели все-таки к полному крушению (он требует смертной казни для еретиков) и к созданию "государства Божьего" с целью покорения человеческих душ. Но Эккехарт делает следующие выводы из факта величия души: "Если бы она не имела величия, то не смогла бы стать Богом при помощи милости, тем более поверх милости". Здесь снова имеет место характерный жест выдающегося нордического человека, суждения которого основаны на ясном инстинкте души (Эккехарт из Хохгейма был тюрингским дворянином), противоречащим выводам пребывающего не в ладу с самим собой несвободного полукровного Августина. В этом настойчивом оживлении Бога душа все выше поднимается к свету: "Тогда любая сила души становится отражением одного из божественных лиц. Воля - это отражение святого духа, сила сознания - отражение сына, память - отражение отца. И все-таки душа остается единой и неделимой. В этом деле это последнее объяснение, на которое я способен благодаря своему самопознанию". И все-таки за этим следует еще более высокое признание: "Теперь послушайте насколько душа становится Богом и насколько она выше милости! Ведь то, что Бог ей предоставил, не должно снова меняться, потому что она при этом достигла высшего уровня, где милость ей больше не нужна"⁶⁶.

Здесь открыто высказаны мысли, о которых Лютер, после двухсотлетнего закабаления Запада "представителями Христа", не мог даже подумать. Из этой точки

---

⁶⁶ Следует сравнить это аристократически-великолепное вероучение с трогательно борющимся и все-таки рабским полуафриканцем Августином: "Восславить тебя. Бог, хочет человек малая часть твоего творения, человек, который тащит за собой смертность, который тащит за собой свидетельство своего греха и свидетельство того, что Ты противостояешь гордым".

зрения по отношению к милости для Эккехарта вытекает также совсем другая оценка греха и раскаяния.

"Нагрешить, это не грех, если мы об этом сожалеем", - начинает мастер Эккехарт свою проповедь "против греха", и эти слова сразу уводят его на много миль от требуемого обычно раскаяния. Грешить, конечно, не следует, но даже если отдельное действие "направлено против Бога", то "милосердный и верный Бог" знает как это исправить. Этот Бог в своей книге счетов прошлое не учитывает, потому что "Бог - это Бог современности". Снова сделан шаг от всего материалистического историзма наших Церквей. Только Поль де Лагарде снова отважился говорить открыто, как когда-то доминиканский приор из XIV века. За что был отлучен от Церкви протестантскими священниками так же, как Эккехарт римскими.

Эккехарт различает два вида раскаяния: чувственное и божественное. Первое - под которым, очевидно, следует понимать церковное - продолжает "пребывать в жалком состоянии и топчется на месте". Оно представляет собой только бесплодные причитания, "от них нет никакого толка". Другое дело - божественное раскаяние: "Как только в человеке возникает внутреннее неодобрение, он сразу поднимается до Бога, и, тщательно вооруженный против всякого греха, овладевает непоколебимой волей". И снова здесь подчеркивается направление вверх и все оценивается по тому, сделала ли это душа творчески, распрямившись или нет: "Но кто действительно приобщился к воле Божьей, тот не захочет также, чтобы греха, в который он впал, не было бы вообще". То есть то же самое, что имел в виду Гёте, заявляя, что воспитатель человека тоже может совершить ошибку: "Что плодотворно, то и истинно".

Исходя от центра мастера Эккехарта, то есть с точки зрения замкнутой, богоподобной, свободной, прекрасной и благородной души все церковные высшие ценности представляются ценностями второго и третьего сорта. Любовь, смирение, милосердие, молитва, добрые дела, милость, раскаяние, все это хорошо и полезно, но при одном условии: если сила укрепляет душу, возвышает ее, позволяет ей стать богоподобной. Если это не так, то все эти добродетели бесполезны и даже вредны. Свобода души сама по себе является ценностью, церковные ценности означают только нечто, относящееся к лежащим вне их моментам, будь это Бог, душа или "творение". Благородство отдельной ориентированной на себя души является, следовательно, самой высшей ценностью; ей одной человек должен служить. Мы, сегодняшние, назовем это самым глубоким корнем идеи чести, которая одновременно является идеей в себе, т.е. без какого-либо отношения к другой ценности. Идею свободы нельзя представить в отрыве от чести, а идею чести - в отрыве от свободы. Душа творит добро сама без какого-либо отношения к Богу, учит Эккехарт, отделяя ее от всего, насколько это вообще можно выразить словами. При этом мастер Эккехарт выступает не как восторженный мечтатель, а как творец новой религии, нашей религии, освобожденной от чуждой сущности, которая пришла к нам через Сирию, Египет и Рим.

4

Эккехарт как предтеча Канта. — Воля, "которая может все". — "Бог не принуждает волю" — "У кого больше воли, у того больше любви." — Иронизирование по поводу церковного вероучения. — Разум, память. — Беспричинная религия. — Ритм понятия "Покой в боге" и движение души как мудрость Эккехарта. — "Честь победы".

Эккехарт не только дал нам религиозную и высшую нравственную ценность, но он - как было уже отмечено - психологически и, с точки зрения критического познания, предвосхитил все важные открытия "Критики чистого разума", даже не проводя хитроумных исследований.

После счастливого обнаружения "искорки", таинственного центра нашего бытия, "освободившийся ум" мастера Эккехарта, хоть и окрыленный в религиозном плане, но осмотрительный с философской точки зрения, возвращается от души к миру.

Он открыл три силы, при помощи которых душа вмещивается в мир: волю, которая поворачивается к объекту, разум, который схваченное просматривает и приводит в порядок, и память, которая сохраняет пережитое и увиденное. Эти три силы являются как бы противоположностью святой Троице. Теме разум—воля посвящен целый ряд глубочайших толкований: оба понятия духовно свободны - но в зависимости от настроения и ситуации мастер Эккехарт в своих проповедях в течении десятилетий отдавал первенство то одной, то другой силе.

"Разум "замечает" все вещи, - заявляет однажды Эккехарт, - но воля - это то, "что добивается всех вещей". "Там где разум бессилен, воля в свете и в силе веры взлетает выше. Тогда воля претендует на признание ее первенства. Это ее высочайшее достижение". С другой стороны, именно разум "различает, приводит в порядок и устанавливает" и затем признает, что есть еще нечто вышестоящее, признает настоящий взлет воли. "Здесь разум стоит выше воли". Воля свободна: "Бог не принуждает волю, он дает ей свободу, так что она не хочет ничего кроме того, что само есть Бог и свобода! Тогда и дух не может хотеть ничего другого кроме того, чего хочет Бог. Это не является его несвободой, это его. собственный выбор"⁶⁷. Эккехарт приводит тогда слова Христа: он не хотел сделать нас рабами, а называл нас друзьями. "Потому что раб не знает, чего хочет его господин". Но этот новый и все время обновляемый акцент на идею свободы не всегда совпадает с опытом. На это люди жалуются. И вместе с ними Эккехарт: "Это и моя жалоба. Этот опыт представляет собой нечто такое высокое или также простое, что ты не сможешь купить его за геллер или за полпфеннига. Тебе нужно только иметь правильное стремление и свободную волю, и ты будешь его иметь. Это учение Канта о конфликте между идеей и опытом как в теоретическом, так и в практическом смысле. Одновременно Эккехарт насмехается над "некоторыми попами", которые "отмечены высокой похвалой и хотят стать крупными попами". Подобное делал также Кант по поводу школьных учителей, "философов" и "болтливости тысячелетий".⁶⁸

Короче говоря, все, что душа может иметь, следует объединить в простое единство воли: и воля должна отвергнуть высшее благо, отказаться от него, невзирая ни на что! Исходя из этого, идея любви снова заняла свое истинное место с критикой познания в духовном труде Эккехарта. Она служит не восторженным фантазиям, не сладким

---

⁶⁷ Я не Могу не привести здесь духовно родственное слово из Хандогии-Упанишад (Chandogy-Upanishad): "Воистину, из воли (Крату) создан человек; какова его коля в этом мире, таким будет человек, когда он умрет; поэтому следует стремиться к доброй воле..."

⁶⁸ Дух - его материал, жизнь - его тело, свет - его образ, его воля - истина, его "я" -бесконечность, он знает все, действует везде, создаст все, молча, беззаботно: этот является моей душой (атман) во внутреннем сердце, меньше чем рисовое или пшеничное, или горчичное, или просяное зерно, или же ядро просяного зерна - этот является моей душой во внутреннем сердце, больше чем земля, больше чем воздушное пространство, больше чем небо, больше чем эти миры". - "Тот, кто действует везде, все знает, все схватывает, молча, беззаботно, тот есть моя душа во внутреннем сердце, этот есть Браман, к нему я пойду отсюда - "Кому это представляется истиной, тот не сомневается. И так Кандилия (Candilya) говорил..."

Тот, кто не слышит в этих словах шума крыльев, о ком Гете сказал, что он за одно мгновение оставляет за собой вечность, тот не может почувствовать больше величия души. И в Брихадараниакаме Упанишад (Brihadaranyakam Upanishad) опьяненный радостью философ поет:

Но кто познал себя в мыслях,
Как мог тот пожелать болезни телу?
Для кого безмерное загрязнение тела
Стало собственным пробуждением.
Того Создатель Мира знает как всесильного!
Вселенная принадлежит ему, потому что он сам - вселенная.

чувствам или сексуально-психическому экстазу, куда её хорошо обдуманном гипнотизирующим методом определила Церковь, а стоит на службе у обладающей свободой творчества воли, властной в лучшем смысле слова. "У кого больше воли, у того больше любви", - говорит Эккехарт, что составляет достаточную противоположность учению католического духовенства и сегодня все более костенеющей протестантской Церкви, которые предпочли бы уничтожить собственную волю, чтобы поставить себе на службу лишенную сущности "любовь" раба. Насколько и здесь Эккехарт сознает свою единственную точку зрения, показывают слова: "В этом смысле любовь полностью погибает в воле". И затем следует открытая насмешка в адрес церковного учения о любви: "Но теперь есть еще и второе - возникновение и воздействие любви, что сильнее бросается в глаза, чем искренность, благоговение и праздник. Но честно говоря, самое лучшее - ни в коем случае! Потому что это происходит порой не от любви Бога, а только от простоты, равноценной тем самым томным чувствам..." Ирония более чем ясная. Но именно из любви, подчиненной свободной воле, пробуждается истинное понятие верности. Оно, по-видимому, не несет с собой такого большого количества "чувств", "переживаний" и "восторга", как верность раба, если объединяется с сильной волей.

С помощью "пары крыльев - разума и воли" мы должны подняться. "Так никогда не отстанешь, а непрерывно будешь приближаться к мощи". Не за счет неопределенного порхания, а благодаря высоте пробудившегося сознания: "В любом деле нужно сознательно пользоваться своим разумом... и овладеть Богом в самом высоком смысле".

Владение волей, разумом, памятью относятся к чувствам, содействующим понятиям "я" и "природа", а они, в свою очередь, к внешнему миру, где человек понимается как личность (тело). Все это многообразие явлений представляется зависимым от пространства и времени, которые - как было сказано - Эккехарт связывал с миром земным, даже если признает чистые формы созерцания.

Все его религиозное учение к тому же не имеет причин. Воспринимая Бога как Бога современности, генетический, т.е. исторически-причинный способ его не интересует вообще. Это относится к внешнему миру, не к сведениям о душе и Боге. Тем самым Эккехарт отказывается от восточного смещения свободы и природы, от всех сказок и "чудес", без которых - как говорил Иисус - Церкви неверного рода не могут обойтись до сих пор. Является ли земля плоской или парит в виде шара в эфире истинной религии не касается, не касается это и учения Эккехарта, тогда как открытие Коперника обе наши христианские Церкви внутренне сокрушило, как они ни пытались выпутать себя и мир с помощью бессильной лжи⁶⁹.

Именно в своем учении о воле, заранее преодолевшем Шопенгауэра, Эккехарт показал себя философом, по-западному динамичным и признающим вечную полярность бытия. Сущность достижений разума заключается в "приближении внешних вещей" с тем, чтобы "запечатлеть" это признание души. "Это приближение продолжается теперь в воле, которая таким образом никогда не успокаивается". Итак, сам мистик, каких мало, который хотел бы все отделить, чтобы пребывать в чистом созерцании Бога, который стремится к "покою в Боге без конца", знает, что этот покой может длиться лишь мгновения, что он является целью, но что этой цели можно добиться каждый раз только при помощи нового движения души и ее сил. Здесь мастер Эккехарт превосходит также индийских мудрецов и признает вечный ритм, как

---

⁶⁹ Именно в материалистическом догме Воскресения проявляется безнадежное еврейское влияние на Церковь. Все высказывания Павла, вышедшие из еврейского, подчеркнута исторического и материалистического круга представлений: "Если бы Христос не воскрес, то наша проповедь и наша вера ничего бы не стоили", - показывает, как неразрешимость докоперниковой картины мироздания с верой в воскресение, так и основу наших псевдохристианских Церквей с чистой материальной связью.

предварительное условие для всякой плодотворности. Из этой теоретической точки зрения он делает также (сравни случай Марта—Мария) практические выводы для жизни. Если душа, воля ищет вечное, "то горячо любимое в ней никогда не померкнет". "Этот человек не ищет покоя, потому что ему беспокойство не мешает. Этот человек на хорошем счету у Бога, потому что он все вещи воспринимает божественно, лучше чем они есть! Еще бы! И все это связано старанием и деятельным, истинным, эффективным сознанием, на которое опирается душа вопреки вещам и людям. Такой человек не может научиться, убежав от мира: убегая от вещей и уйдя в одиночество, от внешнего мира. Но он должен научиться внутреннему одиночеству, где и у кого бы он ни был, он должен научиться пробиваться через вещи..."

Эккхарт считает, что такую двойственность, как основной закон бытия, открыл также и у Иисуса: "И у него (Иисуса) существует различие между высокими и низкими силами, и у него они делают разную работу. Его высоким силам присуще обладание и наслаждение вечным блаженством. Низкие же в то же самое время испытывают самые мрачные страдания и споры на земле. И эти виды деятельности не мешали друг другу в своих замыслах!" "Чем дольше и ожесточеннее спор (между высокими и низменными силами), тем крупнее и похвальнее победа и честь победы.

5

Римская "критика познания". — Три типа мировоззрения: имманентность, трансцендентность, трансцендентальность. — Римско-еврейский создатель и его творение. — Аналогия ентис (Analogia entis). — Арийская мысль о богоподобности души. — Освоение Римом учения Платона о бытии и становлении. — "Смятение перед Богом". Существование и статус кво.

Верящая в колдовство сущность Рима находится в противоречии с личностью Эккхарта еще отчетливее для нас. Она представляет собой африкано-сирийский духовный хаос народа, "религию одержимости" (*Фробениус*), которая создала свой западный центр, начиная от восточной части Средиземного моря при помощи культа колдовства и еврейской Библии и при злоупотреблении явлением Иисуса. Этот центр при прогрессирующем пробуждении Запада и после уничтожения мистики приложил все усилия для того, чтобы присоединить к себе враждебное Риму мировоззрение для представления *Una Catholica*, как удовлетворяющий любым, в том числе современным требованиям. Именно так сегодня поступают⁷⁰.

Римско-иезуитский философ устанавливает три крупных типа мировоззрения: направление имманентности (свойственности), которое хотело бы покоиться в себе; направление трансцендентности (реальности), которое считает Бога инициатором, соответствует учению о деизме; направление трансцендентальности, которое представляет попытку соединить две другие точки зрения в отношении души. За развитие этих типов философская борьба длится тысячелетиями. Римский Христос должен теперь стоять над этой борьбой, в стороне от нее и тем не менее охватывать все типы, во всех них жить. Борьба трех философских типов никогда - так говорит Рим - не сможет привести к единству. Все попытки преодолеть жизненные конфликты внутри трех систем были бесплодными и заканчивались постоянно вынужденным объявлением противоположностей идентичными. Это происходило потому, что все три типичных направления создавали одинаково "неправильную" предпосылку: будто человек так или иначе равен Богу, будто Бог - это бесконечно удаленный идеал человеческого

⁷⁰ Я следую здесь Ф. Прциваре. С.Й.: "Религиозная философия католической теологии" Мюнхен, 1926 г.

стремления. Тем самым создание видит себя самовластно замкнутым, что подобно попытке духовного разрушения парящего надо всем Бога-Создателя. Теперь здесь вмешивается римское учение со своим "основным взглядом", а именно, что (согласно IV латеральному собору 1215 года) Бог подобен своему творению и одновременно не подобен ему. Подобен потому, что он вкладывает возможность "волнения перед Богом" в одно и то же. Не подобен потому, что он как слабое существо может найти только "покой в Боге". Человек живет, таким образом, не в атмосфере своей души, а в сфере влияния абсолютного, далеко царящего Бога. Католик, таким образом, "открыт кверху", что создает настоящее напряжение стремления, не "борьбу", не "взрывное единство" (Прцивара, С.Й.). Основа Рима - это "Analogia entis" (аналогия бытия). "Бог, согласно действительности и по существу в отличие от мира, невыразимо возвышается над всем, что существует или может быть представлено вне его, и для откровения своего совершенства создал в своем творческом совершенстве и полной свободе творение из ничего".

Этот римский ход мыслей, который будто-бы уже существовал до "назначения Петра", очень четко свидетельствует о его происхождении. Возвышающийся надо всем, неприближающийся страшный Бог -это Яхве из Ветхого Завета. Он создает нас из ничего, он совершает по своему усмотрению колдовские чудеса и создает мир для своего прославления. Но эту сирийско-африканскую колдовскую веру, несмотря на огонь и меч, навязать европейцу было невозможно. Нордическое духовное наследство заключалось в самом деле в сознании не только богоподобия человеческой души, но и ее равенства Богу. Индийское учение о равенстве атмана с браманом - "Бытие - это вселенная, потому что он сам вселенная" - было первым признанием этого. Персидское учение о совместной борьбе человека и светлого Ахурамазды показало нам строгую точку зрения нордических иранцев. Греческое божье небо было порождено такой же великой душой, как самодержавное учение об идеях Платона. Древнегерманская идея Бога также совершенно немыслима без духовной свободы. И Иисус также говорил о Царствии Небесном внутри нас. Волю к поиску души проявляет уже мировой странник Один, проявляет искатель и приверженец веры Эккехарт, проявляют все великие от Лютера до Лагарде. Но эта душа жила уже в почтенном Томасе из Аквино и в большинстве церковных отцов Запада. Analogia entis (если допустить, что мир создан из ничего) европейско-нордический дух отвоевал у Ветхого Завета. Римская система, таким образом, не завершена "приходом Христа", а был заключен доказуемый компромисс между Сирией и Африкой с одной стороны, и Европой с другой, со всевозможными духовными заимствованиями, но с самоуверенным заявлением, что это только части единственного дарящего блаженство католического учения. Томаса и его противника Дунса Скотуса (Duns Scotus) Рим еще мог терпеть, Эккехарта уже нет, потому что его успех означал низложение Яхве. Низложение же этого Бога-тирана было бы равнозначно низложению его папского представителя. С тех пор европейское развитие духа пошло своим путем без Рима, рядом с ним и против него. Причем Рим там, где он мог, отлучал от Церкви; если не получалось, то новое "присоединялось" и защищалось как часть "древнекатолического достояния".

По существу римское представление о возвысившемся до Бога демоне является предпосылкой для уничтожения нашей волевой души, попыткой покусения на полярность духовной сущности. При помощи Analogia entis римско-иезуитская религиозная философия пытается избежать этого все еще неприемлемого для нас вывода, утверждая его с помощью наличия "напряжения", которое якобы значительно плодотворнее попытки "объявления противоположностей идентичными". В этом случае Рим подчинил своим интересам учение Платона о бытие и становлении. Мы стремимся в вечном становлении, но сознавая бытие, которое "становится". Эта нордическая идея самовоплощения получает в еврейско-римской фальсификации смысл движения

творения "к Богу", причем самовоплощение превращается в воплощение Бога, в руках которого мы представляем лишь бесформенную глину или труп.

Эти мнимые уступки римского яхвеизма волевому, обладающему сознанием души Западу удержало в Риме тех, кто давно ушел вперед в сознании сущности. Потому что дарую ли я со свободной душой (как Эккехарт) или склоняюсь перед Господом в рабском поклоне (как Игнатий), чтобы быть использованным в виде пластичной глины в качестве материала или в виде трупа, составляет разницу между Человеком и человеком, между Системой и системой, в конечном итоге между Расой и метисами. Рим—Яхве означает: колдовской деспотизм, магическое сотворение из ничего (безумная с нашей точки зрения идея). Нордический Запад говорит: я и Бог это духовные полярности, акт сотворения - это всякое проведенное объединение, расхождение вызывает обновленные динамические силы. Истинная нордическая душа находится в постоянном высоком полете "к Богу" и "от Бога". Ее покой в "Боге" является одновременно покоем "в себе". Это объединение, воспринимаемое одновременно как дар и как самосознание, называется нордической мистикой. Римская мистика означает по существу невозможное требование отказа от полярности и динамики, означает порабощение человечества. Римская философия, таким образом, не стоит, как она утверждает, вне трех типичных направлений души имманентности, трансцендентности и трансцендентальности, охватывая их все, а представляет компромиссную попытку связать части всех этих типов с еврейско-сирийско-африканской верой. Римское учение не растекается из одного центра тысячами потоками по миру, а окружает свое сирийское ядро заимствованными и фальсифицированными учениями нордического человека, которые он воплотил в разных народных личностях. Отсюда вытекают также взгляды на проблемы бытия и его виды.

Еврейско-римское учение, утверждая создание мира из ничего Богом, провозглашает причинную связь между "творцом" и "творением", оно переносит действующую только для этого мира форму восприятия на область метафизики и утверждает это условие "представительства" творца в сознании до сегодняшнего дня с упорнейшей энергией, чтобы вести с этих позиций борьбу за существование. Против этого чудовищного основного тезиса германский дух издавна находился в состоянии ожесточеннейшей борьбы. Уже самый древний нордический миф о сотворении мира, индийский, понятия "ничего" не знает. Он может сообщить только о волнении, о хаосе. Он считает, что космос возник из принципа устройства, действующего изнутри и борющегося с хаосом, в течение одного мгновения думает извне и о распорядителе (не о создателе из ничего!), но делает заключение с высочайшим философским благоразумием по вопросу, откуда взялось творение:

Он, который создал творение,

Который смотрит на него в высочайшем небесном свете, Который его сделал или не сделал, Который знает это! - или же он тоже не знает? Индийский монизм родился, собственно, из четкого дуализма: душа - это единственно существенное, материя - это заблуждение, которое следует преодолеть. Создание этой материи совсем из ничего любому арийскому индийцу казалось кощунственным материализмом. В индийском мифе о сотворении преобладает такое же настроение, как в Элладе, как в Германии: хаос подчиняется воле, закону, но никогда мир не возникает из ничего, как учат сирийско-африканские сыны пустыни, что Рим перенял со своим демоном Яхве. Тезис Шиллера: "Когда я думаю о Боге, я отказываюсь от Творца" означает в сжатой форме четкий отказ арийско-нордической расовой души от колдовского магического объединения "творца и творения" как Бога и бесчестного создания. Рим смешал Изиду, Гора (Horns), Яхве, Платона, Аристотеля, Иисуса, Томаса и т.д. и хочет насильно навязать эту форму бытия расам и народам или, если это не удастся, ввести понемногу

при помощи вкрадчивых мистификаций с тем, чтобы это природное бытие искалечить и затем собрать искалеченных в духовном и расовом плане под "католической" крышей.

Этой грандиозной попытке по уничтожению народов до сегодняшнего дня лишь немного противопоставило себя и того, что могло бы создать тип. Один великий отказался от римской колдовской философии, другой поборол ее для себя, третий обратился к другим задачам. Систематическая защита Европы от широко задуманного наступления в большом масштабе не началась еще нигде. Лютеранство в этой борьбе является, к сожалению, соратником Рима, несмотря на свое "протестантство", потому что лютеранское "правовереие" закрылось от жизни путем клятвы на еврейской Библии. Оно проповедовало точно также форму бытия без ориентации на органическое бытие. Сегодня, наконец, начинается принципиальное пробуждение от насильственного гипноза: не 'от навязанного догмата веры, к тому же еврейско-римско-африканского происхождения, мы подходим к жизни, а исходя из бытия, мы хотим установить форму бытия, как когда-то к тому стремился мастер Эккехарт. Но это бытие представляет собой связанную с расой душу с ее высшей ценностью, честью и духовной свободой, которая определяет архитектурную организацию других ценностей. Эта расовая душа живет и развивается в природе, которая пробуждает определенные качества, а другие сдерживает. Эти силы расы, души и природы являются вечными предпосылками, бытием, жизнью, из которых складываются сначала цивилизация, тип веры, искусство и т.д. Это последний внутренний поворот заново пробуждающегося мифа нашей жизни.

Так говорил бы и великий человек стремления - Парацельс, если бы он жил среди нас. Пробужденный в мире чванливых, абстрактных, чуждых народу ученых, которые вместе со склеенными авторитетами из Греции, Рима, Аравии отравляли живое человеческое тело, больных делали еще более больными и, несмотря на все взаимные зловония, стеной стояли против гения, который снизошел в поиске до причин бытия. Исследовать природу в совокупности ее законов, оценивать лекарства как средства, восстанавливающие жизненные процессы тела, а не как бессвязные колдовские микстуры, это было то, чем занимался Теофраст фон Гогенгейм в качестве одинокого пророка в том мире; беспокойный, ненавидимый, которого боялись, с печатью гения, который Церкви и алтари, учения и слова рассматривает не как самоцель, а оценивает по тому, как глубоко они проникли в окружающую среду природы и крови. Великий Парацельс стал благодаря этому представителем всех немецких естествоиспытателей и немецких мистиков, великим проповедником бытия с тем, чтобы от него постепенно поднялись до светил такие как мастер Эккехарт и властно и смиренно приобщились к великим законам вселенной, полные блаженства, как от чистоты звука соловья, так и от необъяснимых творческих источников собственного сердца.

6

Революционная деятельность Эккехарта. — Беггарды и "Брат Эккехарт". — Травля инквизиции. — Смерть Эккехарта. — Фальсификация его "опровержения". — "Дерзость" языка страны. — Эккехарт как создатель немецкого языка. — "Самой аристократической является кровь".

Со своей антиримской религией, этикой и критикой сознания Эккехарт сознательно резко отмежевывается от всех основных требований как римской, так и более поздней лютеранской Церкви. Вместо еврейско-римской статики он ставит динамику души нордического Запада; вместо монистического насилия он требует признания двойственности всякой жизни; вместо учения о покорности и рабском

блаженстве он проповедует признание свободы души и воли; вместо церковного самомнения о представительстве Бога он поставил честь и благородство духовной личности; вместо восторженной, преданной раболепной любви приходит аристократичный идеал личной духовной замкнутости и отрешенности; вместо насилия над природой наступает ее совершенство. И все это означает: вместо еврейско-римского мировоззрения наступает нордически-западное признание души как внутренней стороны немецко-германского человека, нордической расы.

Эккехарт точно знал, что внутри Церкви он говорил слишком мало; поэтому он часто общался с еретическими бегуинами и бегардами, читал им проповеди, вел с ними застольные разговоры. Они называли его "брат Эккехарт", и в то время как один за другим он отвергал догматы римско-сирийской насильственной веры, он ни в одной из своих речей не выступил против "еретиков". Но он хотел искать и объединять людей своей сущности и внутри Церкви. Этой цели была посвящена его деятельность в Эрфурте, в Страсбурге, в Кёльне и в Праге. Эккехарт без обиняков оспаривает то, что некоторые тезисы учения "следует просто принимать на веру", потому что этого требуют Всевышний и традиции. Он приводит свободный высокий разум и его свободную душу как дары Божьи, к которым следует прислушиваться. Он недвусмысленно говорит своим слушателям, что они, следуя его учению, должны открыто ссылаться на него: "Я и мое тело к вашим услугам". Но и мракобесы не дремали, стремясь как всегда сплотиться против великого духа. Когда Эккехарт проповедует в Кёльне, вокруг него пылают костры благочестивой инквизиции. Даже в его собственном ордене многие жаловались на то, что он слишком много говорит на языке страны и "перед простыми людьми" о вещах, которые могут привести к ереси. Архиепископ Кёльна жалуется на Эккехарта папе, который охотно бы с ним разделался, если бы не нуждался в доминиканцах, как в политической опоре в своей борьбе против императора, и потому не отважился предать огню их духовного руководителя. Поэтому "дело Эккехарта" было расследовано братом по ордену, который его оправдал. (Такое оправдание больше уже не могло иметь места, согласно догме о непогрешимости к началу "свободного" XX века.) И все-таки инквизиция приступила к своему делу. 24 января 1327 года Эккехарт отклоняет ее вмешательство как акт произвола и приглашает своих противников на суд папы 4 мая 1327 года. Подобное заявление Эккехарт заканчивает в доминиканской церкви словами: "Не отказываясь ни от одного из моих тезисов, я улучшаю и опровергаю ... все те из них, о которых можно доказуемо говорить, что они основываются на ошибочных использованиях разума"⁷¹.

Заявление Эккехарта, вполне естественно, было отвергнуто благочестивыми инквизиторами как "необдуманное". Но до того, как он смог поехать к папе, он умер. Естественной ли смертью или с помощью порошочка, осталось неизвестным. Во всяком случае, самая могучая сила, которая из римской Церкви могла бы сделать немецкую, была сокрушена. Смерть Эккехарта была одним из величайших моментов судьбы Европы. Его немецкая религия была затем официально "осуждена" Римом при помощи буллы. Прежде всего, согласно испытанному методу (чтобы ввести в заблуждение последователей), было представлено "отречение" Эккехарта как публичная просьба о прощении, хотя Эккехарт, наоборот, был готов всеми силами защищать свое учение.

Характерным для его свободы является то, что он основывается не на церковных тезисах, и даже не на Библии (как позже Лютер), а только на признании свободного разума. После этой первой фальсификации благочестивые сторонники Рима

---

⁷¹ Сравни: Бюттнер. Проповеди.

"подправили" мастера Эккехарта и включили его в ряды духовных учеников Томаса из Аквино⁷².

Внешнему смягчению римского центра в XIII веке соответствовало общее падение духовности во всех странах, которое давно стало бы предметом насмешек всех народов, если бы положение не спасли некоторые ведущие личности, используя все свое "я". В качестве реакции против такого нравственного падения в XIII веке создавались кроме всего прочего общества братьев и сестер свободного духа, в которых привлекали внимание предшественники мистики. Вместе с ними действовали бегуины и бегарды (ученики леса), те круги, с которыми мастер Эккехарт поддерживал тесные отношения. Это благочестивое, но не церковное движение проходило (вне церкви и внутри нее) широким потоком по немецким землям. Оно снова подхватило прежде всего основную идею уничтоженного арианства: проповедовать религию на языке страны. Уже в этом пункте отразилась с самого начала и до сегодняшнего дня непрекращающаяся борьба между органичным народом и римско-латинской прививкой. (Грегори VII назвал дерзостью использование языка страны во время богослужения.) Истинное народное восприятие отклонило чужой латинский язык, который рассматривался как непонятная колдовская формула, которую надо было повторить, да и использовался как таковая. Использование святого родного немецкого языка религиозное немецкое движение в середине XIII века вырвало у враждебного народу Рима. Проповеди и учебные лекции теперь читались не по латыни, а на доходящем до сердца немецком языке. И величайшим первооткрывателем для нашей сущности и здесь был Эккехарт, которого его ученики и последователи (среди них Зузо и Таулер) постоянно называли "блаженным и святым мастером", Эккехарт, который хоть много написал на латыни, сделал немецкий язык прежде всего языком науки. Он ожесточенно боролся за замену латинской структуры предложения немецким словотворчеством. Он и здесь был еретиком, дело которого - раздавленное и полузадушенное римской Церковью - было продолжено только Лютером, и создал, таким образом, просто-напросто предпосылку для существования немецкой народности. Сегодня же католические священники хоть и читают проповеди по-немецки, но всю литургию, цитаты из Библии и молитвы часть нашего простого народа должна бормотать на латинском языке. Церковь не может отказаться от этого насилия, потому что оно должно сохранить ей ее ненациональный характер, народы же не могут больше терпеть этот чуждый языческий пережиток. Вертит ли житель Тибета свой молитвенный барабан, или немецкий крестьянин молится на латыни, все это одно и то же; и то, и другое означает лишь механическое упражнение, в отличие от истинно религиозного углубления.

Так благодаря римским фальсификациям с глаз немецкого народа исчез настоящий Эккехарт. Хотя религиозная волна продолжала катиться дальше по стране Видукиндов, вниз по Рейну и всюду возникали сторонники свободы души: Зузо и Таулер, Руисбрек (Ruysbroek) и Гроотес (Grootes), Бёме (Boehme) и Ангелиус Силезиус (Angelus Silesius). Но величайшая духовная сила, прекраснейшая мечта немецкого народа умер слишком рано; все более позднее - это только при рассмотрении сверху - отблеск огромной души

---

⁷² Несмотря ни на магический материал, который Томас должен был внести в рационалистическую систему при помощи Аристотеля, и обусловленное этим внутреннее противоречие, величие попытки и силу духовной энергии Томаса не следует оспаривать. Томас был, как может быть не всем известно, лангобардом. Семья владельцев Аквино гордилась этим германским происхождением и была на стороне величайшего Гогенштауфена, Фридриха II. Так Томас из Аквино старший, граф фон Ацерра (Acerra), который, будучи наместником в Сирии, проложил Фридриху путь в "страну обетованную", сопровождал императора в его первом походе в Германию, а затем был послан специальным уполномоченным в Сицилию и позже вел от имени Фридриха переговоры с папой. Далее Томас II из Аквино, другой наместник Фридриха и его зять, который погиб вместе с последним Гогенштауфеном - Конрадом. "Святой Томас" уродился, очевидно, не в свою родню и был дезертиром. Он предоставил свой дух в распоряжение Риму, которым тот и сегодня еще пользуется. В остальном Томас был учеником Альбрехта фон Больштедта (Альбертуса Магнуса) и Ирена Петруса (Iren Petrus) из Хибернии (Hibernia).

Эккхарта. Его мужество превратилось в витиеватые мечтания, его полная сил любовь - в сладкий восторг. Поддержанный в этом направлении Церковью поток ослабленной "мистики" снова влился в лоно римской Церкви. Действия Лютера, наконец, сломали чуждую корку, но и он не нашел, несмотря на все стремления, обратной дороги к главной духовной теме мастера Эккхарта, к его духовной свободе. Его несвободная с самого начала Церковь застыла поэтому на одном и постепенно ослабла на другом месте. Немецкая душа должна искать себе другой путь, отличный от церковного. Она проложила его в искусстве. Когда замолчал дух Эккхарта, поднялась германская живопись, прозвучала душа И.С. Баха, появился Фауст Гёте, "девятая" симфония Бетховена, философия Канта...

Наконец, самое глубокое и самое сильное из учения Эккхарта. Нечто, что кажется наиболее пророчески по сравнению со всем другим, направлено на человека нашего времени. Проповедь о "Царствии Божьем" Эккхарт заканчивает следующими словами: "Эта речь не обращена ни к кому, потому что ее уже называют своей собственной жизнью или, по крайней мере, считают стремлением своего сердца. Да поможет нам Бог понять это".

Эти слова обращены, таким образом, только к духовно родственным элементам, ко всем "душевным и благородным людям" обращено его учение, и здесь обнаруживается таинство, которое только сегодня возрождается для новой жизни.

В одной из проповедей Эккхарт делает различие между кровью и плотью. Под кровью он понимает (как он думает со св. Иоанном) все, "что в человеке не подвластно его воле", то есть действующее в подсознании, противоположность душе. А в другом месте Эккхарт говорит: "Самое благородное, что есть в человеке, это кровь - в хорошем смысле. Но и самое дурное в человеке - это тоже кровь - в плохом смысле".

Этим сказано последнее дополняющее слово. Рядом с мифом о вечной свободной душе стоит другой миф - о религия крови. Одно соответствует другому, и мы не знаем, имеются ли здесь причина и следствие. Раса и "я", кровь и душа находятся в теснейшей связи, для метиса учение мастера Эккхарта не годится, так же как и для той расовой смеси, чуждой по типу, которая проникла с Востока в сердце Европы и составляет верноподданнейший элемент Рима. Учение о душе Эккхарта ориентируется на носителей той же или родственной крови, которые имеют одинаковую жизнь или одинаковый язык в качестве "стремления своего сердца", но не на духовно чуждых и враждебных по крови. Но это требует и обратного отклонения. Здесь мастер Эккхарт высказывает народное признание: "Ни одна бочка не может содержать в себе напитки двух видов: если она должна содержать вино, нужно вылить воду, чтобы не осталось ни одной капли". И дальше: "Нужно уважать образ действия других людей, и не следует хулить ничей образ действия". Невозможно, чтобы все люди могли идти одной дорогой". И еще дальше: "Потому что, иногда то, что является для одного жизнью, для другого означает смерть".

Это полная противоположность тому, чему учит нас Церковь Рима (и, наконец, также Виттенберга). Она хочет нас всех - белых ли, желтых, черных заставить идти одним путем, втиснуть в одну форму, подчинить одной догме, и поэтому, обладая властью, отравила нашу душу, наши европейские расы. Что было их жизнью, было нашей смертью. В том, что мы не умерли, мы обязаны только силе германской души, которая до сих пор препятствовала окончательной победе Рима (и Иерусалима). В мастере Эккхарте нордическая душа впервые полностью себя осознала. Из его личности вышли все наши более поздние великие люди. Из его огромной души может однажды родиться - и родится - немецкая вера.

Наиболее полно проявилось родство душ у Эккхарта с Гёте. Все его существование также имело корни в свободе души, но одновременно в признании причастности к творческой жизни. Эту сторону художник естественно подчеркивает все более определенно как религиозный мистик. Вся жизнь Гёте была раскачиванием между двумя мирами; когда один угрожал полностью захватить его, он тут же убежал в другой. Если мастер Эккхарт говорил об "отрешенности" с одной стороны и о "деле" с другой стороны, то Гёте называет эти оба состояния чувством и действием. "Чувство" означает отбрасывание мира, расширение души в бесконечность, "действие" - работу, выходящую на творчество в этом мире. Подобно мастеру Эккхарту Гёте все время подчеркивает закон нашего бытия: о том что чувство и действие представляют собой ритмично обуславливающие и возвышающие друг друга поочередно сущности человека; что одно указывает на другое, позволяет распознать его и стать творческим. Отойти от мира и жить в самосозерцании помогает не только наше самосознание: "Наблюдать и слышать самого себя можно собственно говоря в деятельности". Кто делает законом проверку действия мышлением и мышления действием, тот не может ошибиться, и если он ошибается, то вскоре возвращается на верный путь. "Чувство", которое у нас, у индоевропейцев, всегда было преобладающим органом, не требует постоянного стимула, и поэтому и у Гёте мы находим меньше подбадриваний в этом направлении. И тем более сильное ударение он ставит на ограничение, на действие. "Сознаюсь, что великая, так значительно звучащая задача: познай самого себя, издавна казалась мне подозрительной, как хитрость связанных тайной священников, которые сбивают человека с толку невыполнимыми требованиями и хотят отвлечь от деятельности против внешнего мира на искусственное внутреннее созерцание. Человек знает себя настолько, насколько он знает мир, который он видит в себе, а себя в нем. Каждый новый предмет, хорошо нами рассмотренный, открывает в нас новый орган". "Лечить душевные страдания, в которые мы впадаем, рассудок не может совсем, разум - очень мало, решительная деятельность, напротив, может все".

Каждый раз в новой форме Гёте не может неустанно указывать на живительную деятельность; даже на скромное ремесло. Величайшим гимном человеческой деятельности является Фауст. После глубокого проникновения в науку, любовь и страдание, Фауст находит освобождение в деятельности. Для духа, всегда стремящегося в бесконечность, последней ступенью неизведанного, завершающим камнем жизни была ограничивающая деятельность, запруживание водного потока на пользу человека. Благородство деятельности является вершиной в искусстве: "Честь истинного художника открывает смысл там, где нет слов, - говорит дело".

"Кто рано познает обстоятельства, легко приобретает свободу". "Если кто-либо может объявить себя свободным, он сразу же чувствует себя связанным обстоятельствами, если же он отважится объявить себя связанным обстоятельствами, он чувствует себя свободным." "Мастером является тот, кто понимает, что ограничение и для величайшего духа является необходимой ступенью для высочайшего развития".

"Как можно познать себя: путем созерцания - никогда, скорее в результате деятельности. Попытайся выполнить свой долг, и ты будешь знать, что в тебе есть. Долг - это требование дня".

"Для человека является несчастьем, если им овладевает какая-либо идея, не влияющая на жизненную деятельность или вовсе отвлекающая от жизненной деятельности".

"... на мой взгляд решительность и последовательность - это то, что более всего заслуживает уважения в человеке". "Это всегда несчастье, если человек вынужден стремиться к тому, что не может связать его с регулярной деятельностью".

Поэтому даже самый маленький человек может быть "цельным", если он движется "в границах своих способностей и своей подготовки". "На земле и в земле находят материал для высочайших земных потребностей, передают мир материала высшим способностям человека для обработки, но на его духовном пути всегда находят участие, любовь, управляемую свободную деятельность. Двигать эти два мира навстречу друг другу, выразить свойства обеих сторон в проходящей жизненной форме - это есть высшая форма, для которой создан человек".

Когда Гете в Риме насытился всеми чувствами, он пишет: "Я больше совсем не хочу ничего знать для того, чтобы что-то выдать и хорошенько потренировать свой ум". Сразу после этого: "Для меня начинается новая эпоха. Моя душа обогатилась теперь в результате множества странствий и познаний настолько, что я должен ограничить себя работой". В другом месте он говорит, обобщая: "В течение всей своей жизни я сочинял и наблюдал, проводил синтез и анализ, систолы и диастолы человеческого духа были для меня вторым дыханием".

Когда умирает Шиллер, он говорит, чтобы справиться со своим отчаянием: "Когда я взял себя в руки, я стал искать различные виды деятельности", - и когда он в 1823 году страдал от тяжелых душевных и физических недугов, когда он потерял сына, тогда он снова призвал свой характер, который, казалось, был уже потерян в потустороннем мире: "И через могилы вперед".

Это душевное состояние Гёте, в основном, аналогично истинной жизни всех великих нордического Запада. Леонардо создает волшебством в своей святой Анне, в глазах Иоанна Крестителя, в лике Христа непостижимый сверхъестественный мир, и в то же время он инженер, самый хладнокровный техник, который не мог придумать ничего, что было бы достаточным, чтобы поставить природу себе на службу. По многим изречениям Леонардо можно было бы предположить, что они исходят из уст Гёте. У Бетховена после глубочайшей мистической отрешенности появляется вдруг блестящее скерцо, а самой волнующей песней отрешенности является симфония радости. Бетховен, который, казалось, исчез в своих мечтах, сказал одновременно слово динамичного западноевропейца: "Сила - это мораль людей, которые отличаются от других; это и моя мораль"; "взять судьбу за горло", поставил он своей целью. Такое мощное параллельное существование составляет также личность Микеланджело. Достаточно прочесть его сонет к Виттория Колонна (Vittoria Colonna) и взглянуть на его сивилл и проклинающего мир Христа. И здесь нам ясно, что западноевропейская мистика не исключает жизнь, а, напротив, выбрала себе партнером творческое бытие. Чтобы возвыситься, необходима противоположность; чем героичнее душа, тем мощнее внешняя деятельность; чем замкнутее личность, тем просветленнее деятельность.

Германская динамическая сущность нигде не выражается в бегстве от мира, а означает преодоление мира, борьбу. А именно двояким способом: религиозно-художественно-метафизическим и дьявольско-эмпирическим.

Ни одна раса не посылала, таким образом, исследователя за исследователем по земному шару, которые были не только изобретателями, но и в истинном смысле открывателями, как нордический Запад, т.е. людьми, которые преобразовывали открытое ими в картину мира. Были открыты самые глухие континенты, самые холодные полюса, тропические девственные леса и самые голые степи, самые отдаленные моря и самые скрытые реки и озера и преодолены самые высокие горы. Стремление большого количества представителей всех времен и народов облететь все пространство только в европейцах стало силой, которая привела к изобретательству. А тот, кто в автомобиле, в железнодорожном экспрессе не чувствуют дьявольскую силу,

преодолевающую пространство и время, кто не чувствует внутри машин и железных изделий, во взаимодействии тысячи колесиков биения пульса эмпирического преодоления мира, тот не понял одной стороны германско-европейской души и потому никогда не поймет другой ее стороны - мистической. Стоит вспомнить о том, как столетний Фауст внезапно воскликнул:

Несколько деревьев, не принадлежащих мне,
Портят мне владение миром.

Здесь говорит не жадность, желающая использовать собственность на свое благо, а стремление хозяина, "который в повелевании находит блаженство".

Следует делать различие между дьявольским и сатанинским. Сатанинское характеризует моральную сторону механического преодоления мира. Она диктуется чисто инстинктивными мотивами. Это еврейская точка зрения на мир. Дьявольское - это борьба за покорение материи без субъективного преимущества в качестве движущего мотива, как предпосылки. Первое берет свое начало в нетворческом характере, ничего следовательно не найдет, т.е. не откроет, а также по-настоящему не изобретет; второе подчиняет себе законы природы с помощью законов природы, проникает в ее тайны и строит заводы, чтобы подчинить себе материю.

То, что дьявольское преодоление мира может легко перейти в сатанинское, нетрудно понять; почему преимущественно в дьявольскую эпоху было неизбежным то, что при поражении в мировой войне евреям вдвойне были облегчены появление и возможности для распространения.

8

Лао Цзы. — Иудаизм и действие. — Действие как сравнение. — Индийское бегство от действия. — История как развитие души. — Чрезмерность.

"Покой выше, чем порыв. Слабое порождает сильное. Мягкое принуждает жестокое". В этих словах заключается настроение всей культуры, душа китайской расы, воплощенные в Ли-Пеянге (Лао Цзы), который жил 2500 лет назад и тем не менее обращается к нам как современный уставший мудрец. Ни один человек не прочтет Тао-Текинга, не почувствовав дыхания истинной сущности. Посвятить себя ему - это одно из прекраснейших переживаний освобожденного, размягченного состояния души: человек довольствуется неизменным путем, который полностью выходит из него, он не должен действовать, ибо судьба одна направит его на верный путь покоя, доброты. Человек не стремится проникнуть в сущность человека. Он знает только одно: "Уничтожение тела - это не потеря. Это бессмертие". Следует остерегаться всяких излишеств и мирно и спокойно идти путем, таинственно предначертанным судьбой.

Радостью от мудрости Лао Цзы является стремление к противоположному духовному и умственному полюсу. Но оно не является соответствием и нет ничего более неправильного, чем превозносить мудрость Востока, как соответствующую нам или превосходящую нас, что любят делать уставшие и потерявшие внутренний мир европейцы.

Еще один контраст. При изучении истории и письменных памятников евреев не находишь ничего кроме усердной, бесконечной оборотливости, совершенно одностороннего сосредоточения всех сил на земном благополучии. Из этой, можно сказать, почти аморальной предрасположенности духа, вытекает и моральный кодекс, который знает только одно: выгоду для еврея. Отсюда следует допуск, даже одобрение, хитрости, воровства, убийства. Отсюда следует допускаемое религией и

нравственностью лжесвидетельство, "религия" Талмуда "узаконенной" лжи. Все естественно-эгоистические склонности получают дополнительную энергию со стороны допускающей их "нравственности". Если почти у всех народов мира религиозные и нравственные идеи и чувства сдерживают чисто инстинктивный произвол и распущенность, у евреев же наоборот. Так уже 2500 лет мы видим вечно одну и ту же картину. Жадный до товаров мира еврей переезжает из города в город, из страны в страну и остается там, где меньше всего находит сопротивления суетливой паразитической деятельности. Его гонят, он приходит снова, один род истребляют, другой начинает ту же игру. Наполовину по-фиглярски и наполовину демонически, смешно и трагически одновременно, презираемый всей верховной властью и тем не менее чувствующий себя невиновным (потому что лишен способности понимать что-либо другое, кроме самого себя), тащится Агасфер как сын сатанинской природы по истории мира. Вечно под другим именем и тем не менее всегда один и тот же, вечно уверяющий, что говорит правду, и всегда лгущий, всегда верящий в свою "миссию" и тем не менее полностью обреченный на бесплодие и паразитизм, вечный жид составляет контраст Яйнавалкии (Jajnavalkya), Будде, Лао Цзы. Там покой, здесь хлопотливость, там доброта, здесь пронырливость, там мир, здесь глубочайшая ненависть против всех народов мира, там всепонимание, здесь полное отсутствие понимания.

На одинаковом удалении от обеих противоположностей находится нордическая идея, но не то, чтобы она находилась между ними, она расположена вне соединяющей их линии. Потому что покой Гёте - это не покой Лао Цзы, а деятельность Бисмарка - это не деятельность Ротшильда. Германская личность ничего не имеет от китайского покоя и совсем ничего от еврейской деловитости (разумеется личность, не лицо), более того, то, что имеет иногда внешнее сходство, определено силами и имеет цели, которые (насколько можно утверждать после точнейшей проверки) в корне отличаются от сил и целей китайца и еврея.

Нордический человек тоже глубоко верит в вечную закономерность природы, он тоже знает, что связан с природой. Он тоже не презирает ее, а принимает как символ сверхъестественного. Но одновременно он видит этот символ и не в природе. В личности нет произвола, он не довольствуется верой в бессмертие, как таковое. Более того, при самосозерцании он удивляется вечно самобытному своему неестественному "я". Он находит и в каждом другом внутреннюю сущность иного типа, также заключенную в себе, такой же богатый, имеющий многочисленные связи микрокосмос. Когда Ли-Пеянг говорит, что совершенное никогда не столкнется с "другими", потому что они оба идут в одном направлении, то для нордического ощущения здесь имеет место равнодушие, которое оставляет находящегося на том же пути путника в стороне без внимания и идет спокойно в одиночестве своей дорогой. Здесь мы стоим перед вопросом, не означает ли этот, кажущийся красивым великий покой китайца внутреннюю невозмутимость души, оборотную сторону малоактивной внутренней жизни.

Индиец тоже учил, что "другой" идет до конца той же дорогой. Он верил, что может сказать каждому созданию этого мира "великое слово" "это тоже ты", но основное значение его метафизических взглядов далеко от выводов китайцев. Ли-Пеянг посвящает себя моральной стороне нашей сущности, оставляя в покое метафизическую. Он проповедует честность перед честными и нечестными, любовь к другу и недругу. Это истинная доброта, в этом отношении благородные люди выпрямлены. Индеец полностью растворяется в метафизической стороне человека. Он придает ей такое большое значение, что в качестве последнего вывода высказывает мысль о том, что деятельность, как таковая, не может повредить знающему, причастному к атман-браману. "Его позорит не деятельность, а зло". Все телесное так или иначе является

обманом и видимостью, и все, что с ним происходит, не стоит внимания. Это последний вывод индийца.

Ли-Пеянг учит бездеятельности, потому что "дорога и истинный путь" каждому человеку предначертаны изнутри, и поисками, исследованием, деятельностью он посетит лишь раздор и несчастье. Индия требует бездеятельности, сознавая, что она не оказывает влияния на метафизическое бытие человека. Здесь действуют в корне различные души. Сочинение сказок о равенстве "добрых людей" становится преступлением. В тысячу раз красивее и благороднее видеть, с каким богатством души мы пришли в этот мир, как в разных местах земли различные души трудятся над тем, чтобы лепетом выразить себя. Большой ошибкой будет здесь желание чужого вмешаться и попытаться затушевать контрасты. Редко бывает так, чтобы совместные действия и слияние разных душ и рас в большом масштабе имели следствием нечто прекрасное. Чаще всего наступает задержка развития. Например, с какими бы высокими намерениями воодушевленные миссионеры не пришли однажды в Индию, они нарушили бы только самобытное развитие. Но мы должны быть также защищены и от людей, которые приходят сегодня и начинают высмеивать сущность великих Западной Европы, указывая на Индию и Китай как на величайшее, на которое мы, заблудшие европейцы, должны ориентироваться. Как бы ни красиво Яйнавалькия не говорил, как бы льстиво не проникали в нас звуки, если мы на длительное время дадим им место, в духовном плане мы пропадем. Или мы идем своей дорогой, или попадем в хаос, неистовство, в пропасть.

Мы знаем, у нас у всех направление одно: стремление от "темного к светлому", от земных оков к неизвестному вечному. Но мы отнюдь не довольствуемся знанием того, что выбрали один и тот же путь, с моральной ли, с метафизической ли точки зрения, нас интересует "как" нашего ощущения и мышления. Китаец имеет многотомную историю, которая является не историей, а перечисляющей хроникой; до малейших подробностей рассказчику кажется важным все. Индиец вообще не уделяет этой земной жизни должного внимания. У него нет настоящей хроники, но нет и истории. У него есть только сказания, песни и гимны. Развития не искали ни тот, ни другой. Один вообще не понял развития личности, будь то личность человека или народа, другой рассматривал его как данность и не считал важным.

В мировой истории появился германский человек. Он исколесил всю землю; он открыл множество тайн; он откопал на тропическом солнцепеке древние, давно забытые города; он исследовал поэзию, легендарные крепости; он расшифровал с несказанным усердием папирусные свитки, иероглифы и письма на глине, он исследовал тысячелетние строительные растворы и камни в отношении их составных частей; он изучил все языки мира; он жил среди бушменов, индийцев, китайцев и составил для себя многообразную картину народных душ. Он видел, как техника, промышленность, философия, мораль, искусство и религия вырастали из начал разного рода до дел, разных по природе; он понимал личность, потому что сам был личностью. Он воспринимал дела народов как деятельность, т.е. как сформированную духовную силу, как выражение самобытного внутреннего мира. Его интерес выражался не только в том, чтобы выяснить, что люди так или иначе мыслили и действовали, а он не успокаивался до тех пор, пока хотя бы на уровне предположения не выявлял внутренние силы, которые к этому привели. Бывшие долгое время популярными усилия сравнивать китайцев и немцев, потому что оба народа одержимы манией коллекционирования и влечением к регистрации, остались полностью на поверхности. Нельзя судить о народной душе по отдельным особенностям, можно только по достижениям. И теперь мы видим, что китаец остался каталогизатором, немец же является хозяином исторической науки (если вообще это слово необходимо) и философом; т.е. коллекционирование было в одном случае целью, в другом случае

средством. Результатом в одном случае была механическая систематизация, в другом случае картина мира. И в этом различие.

Было бы исключительно поверхностным просто сказать, как указано в упомянутом особом случае, что немцы от других народов и рас отличаются тем, что они представляют собой народ со способностями к истории. Здесь, кроме прочего, заключается нечто другое. Так германец, особенно немец, в самой глубине своей чувствовал ценность и достоинство личности или все-таки сознательно предполагал их, потому что ощущал, как она где-то развивается или отстает в развитии, поэтому на основании живого чувства, на основании величайшей активности души его потянуло наблюдать за людьми, изучать их и проникать в их суть. Поэтому он понимал историю как развитие народной личности, поэтому под обломками и развалинами тысячелетий он искал доказательства человеческой силы.

И здесь мы имеем дело с одним из древних феноменов, которые невозможно ни объяснить, ни исследовать.

Поскольку германский дух инстинктивно чувствует вечность и неотъемлемость личности, поскольку он не защищает точку зрения о том, что "все это и ты тоже", в нем почти одним живет стремление изучать проявление других, чужих личностей. Грека не волновало доисторическое время, потому что он был человеком современности, современным лицом; у индийца не было истории, потому что время, развитие, личность - все это он рассматривал как фантомы; китаец коллекционировал все даты своего прошлого вплоть до буден правителя центра, он коллекционировал даты лица, он не толковал действительные факты личности; аналогично вел себя мумифицирующий себя египтянин. Сознательный взгляд на какую-либо культуру, как на выражение чего-то, чего никогда не было и никогда не будет, как на таинственную самобытность, - это деловито-мистический основной настрой нордическо-германского духа.

Поэтому европейцы смогли расшифровать иероглифы и вавилонские письма на глиняных черепках; поэтому целые поколения направляли всю свою творческую силу на раскопки в Греции, Египте, на Ганге и Евфрате, чтобы найти сущность и растолковать ее. Если бы европейский дух обозначал только формирование личности, то это органичное распространение и органичное сосредоточение никогда бы не состоялись.

Называют душу Фауста и подразумевают при этом стремление к бесконечному в любой области. Но в основе его лежат не воспринимаемые больше нигде в мире с такой силой неповторимость и достоинство личности.

В результате такого глубокого уважения Хердер смог собрать голоса народов от Индии до Исландии, Гёте смог силой волшебства вызвать для нас Персию; германские ученые смогли показать нам реализацию такой далекой и такой часто близкой индийской души (Мюллер, Дойсен и т.д.). Богатая связями картина мира, показанная в контрасте и благодаря тому воспринятая с высокой степенью сознания, разворачивается перед нашим духовным взглядом. Все обладает самобытной окраской и организацией, предвиденное и чужое одновременно, а в центре и рядом стою я, нордический человек, ставшая сознанием личность. Это внутреннее настроение или это сознание являются последней причиной отрывочности, фрагментарности, одиночества, бесконечной удаленности во всей европейской культуре. Дон Кихот, Гамлет, Парцифаль, Фауст, Рембрандт, Бетховен, Гёте, Вагнер, Ницше - все они это пережили, высказали, создали или были свидетелями этого переживания. И здесь нордическое понятие деятельности вырастает в нечто, совсем другое по сравнению с тем, что понимал Лао Цзы под "действием" и что Будде казалось вредным и приносящим страдания. Еще более отмежевана идея деятельности от еврейского усердного труда, движущей силой которого является чисто приземленно-телесная цель. Только для западноевропейца деятельность является выражением внутреннего свойства в духовном развитии без

приземленной цели, то есть формой нашей духовной активности. Следуя этому, мы действительно живем здесь на земле для высокой цели. Мы приписываем деятельности достоинство, которое нас одних Приводит к нам самим. Здесь я вспоминаю глубочайший смысл слов Гёте: "Каждая деятельность при внимательном рассмотрении раскрывает в нас новые способности".

Здесь говорит совсем другая идея, чем у Тао-Текинга (Тао-Teking); но она также в корне отличается от той, которая знает четырежды святой путь. Лао Цзы отвергает деятельность, потому что она должна идти вместе с действием; Будда точно так же боится страданий. Гёте же принимает страдание, считает его даже необходимым, возвышающим ("Кто не умеет приходить в отчаяние, тот не должен жить"). Подобно великому мастеру Эккехарту он находит в одном единственном мгновении обогащающего душу блаженства, в переживании творческой деятельности искупление и преодоление страдания. С такой силой души просто нечего сравнить. Она могущественна, совсем не тиха и еще меньше преданно смешна, а при помощи широких крыльев парит над всем земным.

Если рассматривать не столько внешнюю жизнь, сколько внутреннее стремление народа, которое находит воплощение в его величайших представителях, то можно вкратце сказать: для китайца покой - это преодоление деятельности, чтобы идти дорогой судьбы без сознательных действий; для индийца покой означает преодоление жизни, первую ступень перехода в вечное; покой еврея - это ожидание дела, сулящего материальные успехи; покой нордического человека - это собранность перед деятельностью, это мистика и жизнь одновременно. Китай и Индия собираются разными способами преодолеть пульс жизни, для еврея покой - это лишь следствие внешних обстоятельств, северянину же требуется внутренне обусловленный органичный, творческий ритм. Только немногие могут выдержать этот нордический ритм в течение всей жизни, в процессе всего своего дела. Но поэтому-то они и являются для нас величайшими представителями нашего духа и нашей расы.

В некоторых наших великих представителях этот ритм - при всей страстности в частностях - дышит широко и мощно. Это творчество Леонардо, Рембрандта, Баха, Гёте. У других это биение пульса происходит сильнее, внезапнее, драматичнее. Об этом говорит творчество Микеланджело, Шекспира, Бетховена. И Иммануил Кант, который многим представлялся воплощением самой умеренности, подчеркивает, как самое глубокое свое убеждение, что только при помощи экзальтированности, т.е. высочайшей готовности души к действию, может быть создано великое произведение. Это было деликатным самопризнанием. Поэтому в творчестве мудреца из Кёнигсберга слышится шум крыльев нордической души: "Толпа не замечает того, что философ вдохновлен".

Таким образом и в отношении к деятельности перед нашими глазами четко стоят духовные направления различных народов. Обычно разные китайцы и индийцы с одной стороны, еврей в качестве контраста и противоречия (не в качестве духовного антипода!), и вне их нордическо-германский человек в качестве (в этом вопросе) антипода обоих направлений, оба полюса нашего бытия: мистика и жизненная деятельность, охваченные, несомые динамичным чувством жизни, окрыленные приверженностью к свободно творящей воле и благородной душе. "Стать единым с самим собой" хотел мастер Эккехарт. И этого хотим, наконец, и мы.

КНИГА ВТОРАЯ

СУЩНОСТЬ ГЕРМАНСКОГО ИСКУССТВА

Произведение искусства - это живое воплощение религии.
Рихард Вагнер

I

Расовый идеал красоты

---

1 *"Общая" эстетика. — Обусловленные расой оценки. — Греческий герой как человек нордического типа. — Силен как расово чуждая фигура. — Ублюдок (отпрыск) эллинизма. — Нордический идеал красоты Гомера. — Сократ как негрек. — Уничтожение прекрасного добрым.*

Времена совершенства техники идут навстречу своему концу. Мы устали от бесконечных раздражений и соблазнов, нам более чем достаточно нервной обработки последних десятилетий; мы ненавидим неслыханное техническое расточительство всего того, что сегодня еще называет себя искусством. Мы чувствуем, что время интеллектуализма как явление, которое приписывает себе обладание культурными ценностями, находится при смерти; что предсказатели, представляющие его нам как будущее, как конец нашей европейской культуры, являются уже пророками устаревшего прошлого. Эти люди, внутренне обессиленные до того, как начали думать и писать, потеряли веру. Поэтому их философия и оценка истории должны также закончиться неверием. Наше время умирания и становления глотает их с жадностью: слабые ломаются, сильные чувствуют, как растет их вера и сопротивление.

Отказ от теоретического материализма в науке и искусстве можно рассматривать как внутренний процесс. Маятник движется уже в обратном направлении (теософия, оккультизм и т.д.). Направление нашей сущности снова постепенно начинает оживать в виде контраста к обоим течениям.

Время толстотомных эстетик тоже прошло. Преимущественно разлагающая работа во всех областях подарила нам также целый ряд до мельчайшего разветвленных произведений о сущности искусства. Чудовищный умственный труд накоплен здесь, но ни один человек не читает сегодня Циммермана, Хартмана, вряд ли также Фехнера,

Кюльпе, Гроса, Липпса, Мюллера-Фрайенфельза, Мооса и многих других. Взгляды Винкельмана и Лессинга никто больше не умеет включить в современное мышление. Шиллера, Канта и Шопенгауэра общество почитает почти только за имя. Не потому, что мы в их произведениях не находим глубочайших мыслей, а потому, что мы не можем их больше использовать в качестве целого в области оценки искусства. Они почти все смотрят только на Грецию и все говорят еще о якобы возможной общей эстетике. И когда они устанавливают различия в искусстве различных народов, то их теоретическое мышление - то мышление, которое мы обозначаем как философию XVIII века - вступает в противоречие с их собственными произведениями, или совершает насилие над произведениями искусства собственного народа. Противоречие между теорией и действием живет в Гёте так же как в Шиллере и Шопенгауэре. Большая вина всей эстетики XIX века заключалась в том, что она не опиралась на произведения художников, а разбирала их слова. Она не заметила, что восхищение Гёте формально хорошим Лаокооном было одним, деятельностью Фауста по существу несколько другим, что германский инстинкт Гёте был слишком сильным, и что его творчество почти всю эллинскую культуру, что для нас является определяющим, уличает во лжи.

Исходный пункт нашей расчлененной эстетики был неверным, поэтому она не могла дать глубоких результатов. Она не помогла нашей сущности прийти к светлому сознанию, она не давала своими действиями направления, а подходила с неопределенными или только с греческими - часто позднегреческими - мерками к искусству Европы.

Раньше говорили беззаботно о философии или истории Востока, пока, наконец, не поняли, что этот так называемый Восток включал в себя народы с полностью исключаящими друг друга культурами. Теперь стало возможно говорить о "Западе". И хотя это происходит с несравненно большим основанием, чем в отношении "Востока", но звучит расплывчато, если не подчеркнуть создающий Запад нордический элемент.

Все философы, которые писали об "эстетическом состоянии" или о закреплении ценности в искусстве, прошли мимо факта расового идеала красоты и связанной с расой высшей ценности духовного типа. Поэтому совершенно ясно, что, если вообще говорить о сущности искусства и его воздействии, то чисто физическое изображение, например грека, воздействует на нас иначе, чем изображение китайского императора. Контурная линия в Китае получает другую функцию в отличие от Греции, которая без знания формирующей и расово обусловленной воли не поддается ни объяснению, ни возможности "эстетического наслаждения". Каждое произведение искусства создает далее духовное содержание. И его поэтому, наряду с формальной трактовкой, можно понять только на основании разности расовых душ. Таким образом, наша эстетика до сегодняшнего дня - несмотря на множество правильных частных элементов - как единое целое, говорила в пустоту. При этом наивный действовал как сознательный настоящий художник всегда с позиции образования расы и воплощал внешние душевные качества, используя те расовые типы, которые его окружали и которые в первую очередь становятся выдающимися носителями определенных свойств.

Как бы не представлялась нам Эллада во многом родственной, внутренний центр грека, определявший такт его жизни, отличается, тем не менее, от внутреннего центра индийца, римлянина или германца. Это было эстетической ценностью. Красота была мерой древнегреческой жизни на пиру, потому что все усаживались в круг за разбавленным вином и как единое целое обсуждали одну тему. Красота была единственным побудительным мотивом Илиады, она победила даже в том, как бедная деморализованная Греция отнеслась к римскому полководцу, сущность которого вызывала воспоминания о далеких предках -Т. Квинктиусу Фламинусу (T. Quinctius Flaminus). Его встретили, воздавая дань его достоинству и красоте, как национального героя, Афины чествовали его как своего собственного героя. Это было глубочайшим

греческим стремлением к высокому в жизни, но в период упадка, и если мы хотим понять Элладу, то мы должны вернуть нашу высшую ценность - характер - на место высшей ценности. Действительно красивый человек мог в Элладе после своей смерти почитаться как полубог. Даже всего лишь полугреческие эгестанцы соорудили храм в честь считавшегося в войне против карфагенян самым красивым греком человека и приносили ему жертвы.

Эллины могут пощадить выступавшего против них в открытом бою противника, если он очевидно красив, что им кажется причастным к божеству, о чем нам оставил трогательный рассказ Плутарх. Даже убитого греками персидского полководца Масистиоса, после того, как обнаружили его красоту, греческие воины носили, чтобы можно было похвалиться его красотой, а о Ксерксе греки говорили, что его красота дает ему право управлять своим народом. Но эта внешняя сторона, конечно, несмотря на некоторый горький опыт, стала восприниматься как противоположность благородной души. Герой, таким образом, всегда красив. Но это значит, что он определенного расового типа.

Грек как герой выступает, например, в почти том же образе не только в древнегреческой пластике, но и в малом искусстве, в росписи ваз; своим стройным телом он как бы представляет тип современного идеала красоты, но профиль у него все-таки мягче, чем у более позднего германца. Наряду с великим древнегреческим искусством можно наблюдать, например, роспись ваз Эксикия (Exikias), Клития (Klitias), Никосфенеса (Nikosthenes), где первый показывает Аякса и Ахилла за игрой в пять штрихов, своего Кастора с конем; гидрии Харитэоса (Charitaios) с амазонками; белокурую женщину Эвфрония (Euphronius) на чаше с Орфеем, которая напоминает Гретхен; великолепную Афродиту с гусем⁷³, неаполитанские кратеры Аристофана и Эргина (Ergines) и т.д. На тысячах ваз и кратеров мы находим мало изменяющийся постоянный тип, который один, очевидно, внушал греку представление о героическом, красивом и великом. Наряду с этим сознательный расовый контраст наблюдается, например, в параллельном изображении силенов, сатиров и кентавров. Так островная финейская чаша (inseliomische Phineusschale) содержит три олицетворения мужского сладострастия со всеми его атрибутами. Головы всех троих круглые и массивные, лоб вздут как от водянки, нос короткий, картошкой, губы толстые. Точно так же изображает Андокидес (Andokides) Силена, он показывает его к тому же волосатым, с длинной бородой, в профиль виден мясистый затылок. Блестяще изображен тот же тип у Клеофрадеса (Kleophrades)⁷⁴, причем настоящий греческий вакхант по фигуре и линии черепа составляет сознательный духовно-расовый контраст. Точно так же Никосфенес изображает Силена, несущего бурдюк с вином, в виде зверско-идиотской карикатуры, тогда как Эвфроний оставил чашу Силена, которая прекрасно передает тупоумного волосатого представителя негроидно-восточного расового типа. Наряду с этими двумя крупными противоположностями, - стройным, сильным, аристократичным эллином и приземистым, тупым, звероподобным Силеном, который бесспорно принадлежит к покоренной греками расе или к типу ввезенного раба, в живописи появляются в результате все большего проникновения азиатской крови также фигуры, в которых за двадцать шагов можно узнать семита и еврея. Чаша Эосмайстера, например, показывает нам семитского торговца с мешком на спине, тогда как на раннеиталийском финейском кратере изображена Гарпия, голову и движение рук которой можно сегодня видеть *in natura* на Курфюрстендамм.

На тысячах ваз и картин от Малой Азии до настенной живописи Помпеи сквозь

⁷³ Сравни: *Е. Пфуль*, "Живопись и рисунок у греков". Рис. 498.

⁷⁴ Там же. Рис. 379.

столетия подтверждается факт, что художественное и эстетическое впечатление от героя и от одержимого страстью, связано с расовым восприятием и с этих позиций передается. При прогрессирующем кровосмешении грека появляются человеческие уродливые существа с обрюзгшими членами и лишенными контура головами. Расовый хаос времен прогрессирующей демократизации идет рука об руку с художественным. Нет больше ни одной души, которая хотела бы себя выразить, нет типа, воплощающего душу. Живет только "человек" эллинизма, который в эстетическом плане не действует и не может действовать, потому что стимулирующая душа расы умерла навечно. Было так, что "белокурые ахеяне" Пиндара составляли исключение на Средиземном море, или, как в начале V века физиогномики Адамантиоса сообщают об истинных эллинах: "Они достаточно рослые, крепкие, белокожие с хорошей формой рук и ног, шея сильная, волосы каштановые, мягкие, волнистые, лицо четырехугольное, губы тонкие, нос прямой, глаза с блестящим сильным взглядом; у этого народа самые красивые глаза в мире". Аналогично изобразительному искусству нордически обусловленным является также Гомер и его творчество. Когда Телемах вырывается из объятий своей матери, "голубоглазая дочь Зевса" послала ему "попутный ветер". Когда Менелаю предсказывали судьбу⁷⁵, ему предсказали божественную жизнь, которая приведет его к краям земли, "ко входу в рай, где живет герой Радаманф белокурый". Только с "золотокудрыми висками" мог себе представить героя Греции и Хельдерлин (Holderlin). И Гомер сознает себя человеком господствующего типа.

Потому что решительный мужчина всегда доведет до лучшего конца Любое дело, даже если он приходит издалека как чужой.

В Терсите же представляется чуждый "белокурому герою" смуглый уродливый предатель - явное воплощение малоазиатского шпиона в греческом войске, предтеча наших берлинских и франкфуртских пацифистов. Братьев Терсита, финикийцев, Гомер* изображает как "воров, везущих с собой на корабле бесчисленные безделушки". Так Гомер создал духовно-расовое искусство и те образы, которые были сооружены в дальнейшем в честь "голубоглазой дочери Зевса", водили кистью художников, но также придали чужому героическо-враждебному принципу его расовую форму.

Силен, таким образом, представляет не "характерно изображенную приземистую фигуру", как пытаются убедить нас историки искусства, а пластическое изображение свойств чужой расовой души, как сна представлялась греку. Распространившийся в дальнейшем культ фаллоса, распутные праздники Бахуса, полная поздневакхическая деморализация восходят к расовому распространению изображаемых ранее тупыми и ограниченными поработанных расовых типов Востока.

В сильном как слон Сократе это перераспределение нашло свою обозначенную точку поворота. Нет никакого сомнения в том, что Платон безмерно прославлял казуиста. Но добровольное признание Сократа в Платоновых диалогах во всяком случае подлинно. Он заявляет там, что его можно выманить исписанным свитком бумаги из самой красивой природы⁷⁶. Среди смотрящих в мир греков это было признание в банальном педантизме. Сократ является примером того, что духовно-расовая сила гения, все еще такая хорошая философия морали и все еще такая хорошая "всечеловеческая" эстетика далеко не одно и то же. Благочестивость и красота издавна

---

⁷⁵ Одиссея IV.

⁷⁶ Дословно указанное место в начале "Федры" ("Phaidros") звучит следующим образом: "Я любознателен, а поля и деревья не хотят меня ничему учить, скорее люди в городе. Ты между тем, как мне кажется, нашел верное средство, чтобы выманить меня. Потому что так же, как при помощи листьев или зерна, которые держат перед голодным скотом, ведут его, так и ты, конечно, если покажешь мне такие свитки с речами, можешь вести меня через всю Аттику, куда захочешь".

поддерживали греческую жизнь, но и борьба казалась эллину вечным законом природы, которому служила сама Афина Паллада. С Сократом началась не новая эпоха греческой истории, а с ним в жизнь Эллады вошел совсем другой человек. Хотя и он был сформирован святыми традициями Афин, Гомером, трагедиями, Периклом и строителями Акрополя; хоть он сам принимал участие как солдат в политической борьбе, и все-таки Сократ - это лишенный гениальности, пусть даже благородный, храбрый человек другой, негреческой расы. Он жил в то время, когда Афины находились в смятении и их, когда-то аристократическая демократия (которая охватывала только греков, не чужих), соскальзывала в пропасть хаоса. При этой тирании демагогов великий Алкивиад (Alcibiades) был изгнан, пало все войско Афин под Сиракузами, были потеряны почти все другие завоевания. Побеждающие аристократы сотнями заставляли демократов выпивать кубок с ядом, после чего та же судьба постигала их самих. Аристофан высмеивал старые традиции, новые учителя Горгиас (Gorgias), Протагорас (Protagoras) и другие наслаждались только прекрасной формой. И тут появился, тысячекратно упоминаемый ранее как Силен, чужой человек. Это была другая раса в своем сильнейшем развитии, насколько это вообще было возможно, духовно оформленная эллинской культурой: рассудительная, ироничная, грубая; в сознании видеть себя противопоставленной разложившейся форме: неустрашимой, храброй. Логически сильный и с отшлифованной диалектикой, безобразный Сократ приводит прекрасных, ставших внутренне сдержанными греческих учителей в отчаяние. Кроме того, он ищет в себе "доброе", проповедует "содружество добрых" и собирает вокруг себя новое борющееся поколение греков.

Когда-то Перикл, будучи правителем Афин, должен был просить у суда милости, дать своему последнему сыну, рожденному от чужестранной женщины, гражданское право. В качестве исключения его просьбу удовлетворили. Этот строгий расовый закон, введенный ранее им самим, перестал существовать при прогрессирующем расцвете Афин. Негрек Сократ был тем, кто во времена их упадка нанес им смертельный удар. Идея "содружества добрых" вызвала новое разделение людей. Не по расам и народам, а по отдельным людям. Сократ после краха афинской расовой демократии был международным социал-демократом того времени. Его личные храбрость и ум придали уничтожающему расы учению привлекательное величие. Его ученик Антистенес (Antisthenes) (сын малоазиатской рабыни) был тем, кто сделал из него выводы и проповедовал разрушение всех барьеров между всеми расами и народами как прогресс человечества.

Только благодаря Платону Сократ живет как герой, каким его почитают все наши великие ораторы. Греческий гений обязан только Платону, человеку, который в рамках времени упадка представлял разумную рассудительность. Он любил этого человека и соорудил ему вечный памятник тем, что слова своей души вложил в уста Сократа. Так истинный Сократ исчез из поля зрения мира. Лишь некоторые места из Платона указывают на него. В Файдоне (Phaidon), например, Платон рассказывает о Сократе, что тот заявил, что не имеет склонности к изучению органических процессов. Истинная сущность вещей заключается, наконец, не в их исследовании путем созерцания, а в нашем размышлении о них. Не следует путем длительного созерцания "портить себе глаза". Если человек хочет выяснить, плоская земля или круглая, ему не "следует проводить исследования, достаточно спросить свой разум: что является наиболее разумным? Разумнее представить себе землю в центре или нет? Это место Платон наверняка не выдумал, оно соответствует тому Сократу, который заявлял, что хотел бы бежать за исписанным бумажным свитком от прекрасной природы; тому, который отвращает взор от расово-прекрасной Греции и провозглашает абстрактное человечество, братство добрых. Это был отказ от солнца и поворот к тени резонирующего навязываемого учения. Как еврейская догма наложилась на

религию, так наложилась Сократов враждебный жизни "научный" метод на Европу. Аристотель был его схематизирующим провозвестником, Гегель - его последним учеником. "Логика - это наука от Бога", - сказал Гегель. Слово - это удар кулаком в лицо любой истинной нордической религии, любой истинно германской, но также и истинно греческой науке. Но слово - это чисто сократовское, и Гегель поэтому вместе с Сократом не зря является святым для большинства наших университетских профессоров.

Картина души и внешнее явление, конечно, совпадают не всегда. У Сократа же совпадали. Через окружение, где царили Эрос и нордическая расовая красота белокурой Афродиты, от белокурого Ясона, волос которого никогда не касались ножницы, от белокожего, стройного и белокурого Диониса Еврипида до "малых белокурых головок" в "Птицах" Аристофана проходит один и тот же несущий и создающий греческую культуру идеал красоты. Здесь лохматый сатир появляется как бы в роли символа чуждого. Но и здесь, если вообще где-нибудь, отвлечение от взгляда на мир должен был означать крах. Прекрасное исчезло, образы ублюдков появились и в искусстве. Отвратительное, абсолютно безобразное и враждебное природе становится "красивым".

Проповедь "разумного и доброго" была параллельным явлением с падением греческих расы и души. "Доброе" разрушило тогда расовый идеал красоты в искусстве так же, как и ведущие греческие идеи государственной и социальной жизни. Самым великим, потому что самым благородным в личном плане подобием этого вторгшегося хаоса, враждебного расе и душе древнегреческой культуры, был Сократ.

Если посмотреть с точки зрения развития истории: Платон растрчивает всю свою гениальность на непоколебимо рассудительного человека и создает ему бессмертие; но в сущности именно Платон был аристократом, олимпийским бойцом, опьяненным красотой поэтом, пластичным писателем, экзальтированным мыслителем, тем, кто в конечном итоге хотел спасти свой народ на расовой основе при помощи мощной, даже в отдельных случаях диктаторской государственной конституции. Это был не сократовский, а последний расцвет одухотворенной древнегреческой культуры. То, что в дальнейшем создал Пракситель, было протестом против всякого сократизма, последняя ода нордически-греческой расовой красоте, так же, как и великолепная Ника Самофракийская. Но Сократ был все-таки символом. Эллада погибла в расовом хаосе, и вместо Афин провинции поднимающегося Рима заселили всюду презираемые *graeculi*, от которых позволяли "создавать" свой род, которым платили - и прогоняли, если они надоедали.

Идеи Сократа победили, Эллада погибла. "Здоровый разум человека" уничтожил гения в часы его слабости. Безобразное стало нормой, когда прекрасное пошло на уступки "доброте".

Стоя перед своими судьями, Сократ сказал: "Еще никто не оказал Афинам большей услуги, чем я." - "Покорность" и "скромность" "посланника богов" - так он еще себя называл - имели во всяком случае также свою оборотную сторону. Сократ инстинктивно чувствовал, что Греция сломлена...

2

Человек согласно классической эстетике. — Древнегреческая и западноевропейская классификация нордического символа красоты. — Человек нордического типа в западноевропейском изобразительном искусстве. — XIX век без символа красоты. — Импрессионистская, "классическая" и экспрессионистская импотенция. — Критерий эстетического удовлетворения и границы его действия.

Из того же духа, который когда-то воплощал Сократ, родилась западноевропейская

"Эстетика" "человечного" позднего времени.

Аналогично Сократу она искала "человека", не грека, не германца, не еврея и китайца, "открыла" так называемые общие законы и проповедовала эстетическое настроение и созерцательность, потому что ее авторы сами потеряли всякое восприятие импульса духовно-расовых воли и культуры. В своей восторженности по поводу Акрополя наши классики тоже проглядели, что они здесь имели дело с одной стороной нордического человека, которая в художественном отношении представляла собой противоположную сторону по отношению к германскому. Там, где грек созерцал формально, пластически разъединял, германец создавал проникновенность духовного и богатство связей. Там, где грек расово-героическое движение приковывал к покою, более поздний нордический брат, побуждаемый другой формирующей волей, превращал покой в движение. Там, где грек обобщал, представитель готики, барокко, романтизма персонифицировал. Но радость от опьяняющих линий трех женщин на фронтоне Парфенона до Ники Самофракийской затронула нашу струну, которая издала светлый звук и звучит до сих пор, потому что здесь было вскрыто без сомнения духовно-расовое родство. Если бы теоретики XVIII и XIX веков полностью осознали для себя этот факт, они не сделали бы исходным моментом "общей" эстетики восхищение формально хорошим, но скучным Лаокооном, они не объявили бы формальные черты здания Парфенона просто мерой для суждения об искусстве. Они просмотрели именно то, что полнокровно и истинно творило в Элладе и на руинах Акрополя с сантиметровой меркой сентиментально восторженного и тем не менее покрытого пылью "гуманитарного" педантизма, проходящего и позже оглушенного в поклонении материалу времени европейского упадка, представили лейтмотив для не имеющих чутья докторских работ. Тем самым была фальсифицирована художественно-духовная оценка как греческого, так и нордическо-европейского искусства. И до сих пор поэтому мы видим образы Эллады и Германии в неверной перспективе. Только для эстетов заниматься эстетикой ради эстетики, а не ради искусства и жизни, является не линией, а ориентиром. Но для каждого художника - сознательно или нет - эстетика является функцией, носительницей результата. Она привязана к определенной материи. В человеческом духовно-расовую обусловленность имеют расовые типы, воплощение определенных духовных сущностей, создающая их совокупность цветовых линий. Когда Веласкес хочет оттенить контрастом юную белокурую инфанту, он сажает рядом с ней "карлицу", т.е. представительницу образованного путем кровосмешения типа, которыми Испания перенаселена. Все тупое и рабское на земле увековечено Веласкесом до Цульваги (Zulvaga) в этих косоглазых убогих калеках. Санчо Панса - это расовый тип восточного смуглого человека: суеверный, неспособный в культурном отношении, бескрылый, с материалистическими наклонностями, до известной степени "верный", но больше все-таки раболепный. Санчо тоже не "толстый человек", но это сконцентрированное расово-духовное существо подобно его господину представляет трагическое искажение нордического рыцарства, которое под чужим солнцем судорожно возвеличивало себя еще в крови Самозна (Samoen), но протекало так же и в жилах Сервантеса. Даже сегодня в древних аристократических кругах Кастилии голубая кровь при светлой, нордической коже должна служить знаком благородного происхождения⁷⁷.

Контуры "греческого" Силена соответствуют изображению "испанского" Санчо и "испанских" карликов. Кроме того, аналогичные изображения существа с тупой

---

⁷⁷ Под руководством вестгота Пелая началась астурийская освободительная война против мавров. "Сид - германского происхождения как и франкский Роланд. Энрике, Альфонсо и т.д. - это не что иное, как измененные германские имена; Каталония - что Готалония, страна готов; Андалузия получила свое имя от вандалов: Вандалития. Еще в XI веке литургия в церквях Испании была вестготской. Голубоглазой была Изабелла Кастильская, белокурой была красота женщин Сервантеса

духовностью мы находим по всей Европе.

Народы Западной Европы являются следствием расовых смешений и политической системы воспитания, но каждый из них сохранил в формирующем государстве силе самое основное от нордического строя и одновременно с этим формирующие силы всей цивилизации. С этим фактом теснейшим образом связан также определяющий нордический идеал красоты, действующий иногда даже там, где нордическая кровь сегодня полностью истреблена. Представление о герое во всей Европе можно отождествить с высокой стройной фигурой, с блестящими светлыми глазами, высоким лбом, с сильной, но не чрезмерной мускулатурой. Представить героем приземистого широкоплечего человека с саблеобразными ногами, толстым затылком и плоским лбом невозможно даже там, где типы, подобные Эберту, всплыли на поверхность жизни. Достаточно посмотреть на головы королей династии Гогенштауфенов, на памятник в Магдебурге, на голову Генриха II; следует обратить внимание на то, как, например, Ретель представляет себе лицо Карла Великого, на то, как изображен его противник Видукин; следует прочесть, что сообщает древняя Франция о Роланде, что Вольфрам рассказывает о Парсифале, чтобы знать, что внутренние и внешние черты свидетельствуют о тесном духовно-расовом переплетении, которое каждый раз проявляется - хоть и в тысячах форм - в том, что мы воспринимаем как великое искусство. Св. Георгий Донателло демонстрирует в своем покое тот же идеал красоты, что и Гаттамелата, и даже как дикий с искаженным выражением лица Коллеони (Colleoni); герцог Веллингтонский и Густав Адольф отличаются от Мольте только другой прической и модой на бороду. Но все-таки можно установить изменение по сравнению с прежним временем: раньше герой и полководец лично вел народ в сражение, его личность становилась при этом символом. Сегодня существует больше внутренняя динамика: воля и мозг управляют миллионами из центра. В соответствии с этим изображают не столько всю фигуру, сколько одну голову. Ее изображение делает возможной значительно более сильную концентрацию того, что для нас существенно. Лоб, нос, глаза, рот, подбородок становятся носителями воли, направления мысли. Путь от статичного к динамичному просматривается и здесь. В этом месте нордическое западноевропейское искусство отмежевывается от греческого идеала.

Шиллер писал когда-то, рассматривая Juno-Ludovisi: "Чтобы высказать это, человек играет только там, где он в полном смысле этого слова является человеком, там, где он играет..."

"Уже давно жил и действовал этот тезис в искусстве и чувствах греков, в их благородных умах... Как материальный нажим законов природы, так и духовное давление законов поведения затерялись в их более высоком понятии необходимости, которое охватывает одновременно оба мира, и из единства тех обеих необходимостей впервые пришла к ним истинная свобода. Вдохновленные этим образом мыслей, они стерли с точки зрения своего идеала вместе со склонностью все следы воли... в себе самом покоится образ, полностью закрытое создание и, как будто он пребывает вне пространства, не уступая, не сопротивляясь".

Обусловленное типом прекрасное как внешняя статика нордической души - это греческая культура, свойственное типу прекрасное как внутренняя динамика - это нордическая Западная Европа. Лицо Перикла и голова Фридриха Великого - это два символа для размаха расовой души и равного первоначальному расовому идеалу красоты. Стыдно, но факт, что в то время, когда существует бесчисленное количество "эстетик", недопустимое условие для эстетики вообще то, что изображение развития расовых идеалов красоты до сегодняшнего дня не описано⁷⁸. С закрытыми глазами

---

⁷⁸ Начало этому можно найти до сих пор только в "Науке о расах" Гюнтера и у Шульце—Наумбурга. "Искусство и раса".

дилетанты, искусствоведы, да и сами художники по галереям, читают европейские и китайские стихи, не видя истинной сущности и действительных законов формирования. При этом появляется как раз формирующая нордическая душа. Достаточно бросить взгляд на одно из достойнейших произведений европейской живописи: на триптих Эйков с поющими детьми.

Эйки все время повторяют тот же идеальный образ нордического человека, с точки зрения технического рисунка не совсем равноценный величию более позднего, по внутреннему же ощущению формы все-таки равноценный. Голова юноши на левой (от смотрящего) стороне, выделяясь на фоне, обладает чистой расовой красотой и находит свою мужскую изборожденную морщинами противоположность в лице Бога, вверху в центре. Аналогичным духом пронизаны головы Эйков в берлинском музее. И чтобы так же глубоко проникнуть в это: тот Бог, при помощи которого Микеланджело пробуждает Адама, обнаруживает тот же тип, что и голова Бога в произведении ван Эйка (естественно Микеланджело не подозревал о творении Эйка). Но та же голова появляется (даже если она изменена в результате духовного напряжения) на фигуре дрожащего от злобы Моисея. Изобразить мощное величие как для гражданина Нидерландов, так и для итальянца можно было только одним типичным способом. Ни Ян ван Эйк, ни Микеланджело не могли воплотить свой идеал величия, силы и достоинства при помощи лица с еврейскими расовыми чертами. Достаточно представить себе только лицо с кривым носом, отвислой губой, колючими черными глазами и жесткими волосами, чтобы сразу же понять пластическую невозможность воплощения европейского Бога при помощи еврейской головы (не говоря уже о еврейской "фигуре"). Достаточно одного этого признания, чтобы полностью отклонить внутреннее представление о Боге евреев, которое представляло бы существо с еврейской внешностью. Но здесь наша душа заражена еврейским; средством для этого были Библия и Церковь Рима. С их помощью демон пустынь стал "Богом" Европы. Тот, кто его не хотел, был сожжен или отравлен. Западноевропейский человек спасся только благодаря искусству и создал себе на картине и из камня свое божество, несмотря на трагическую борьбу, которой было заплачено за возможность в красках и мраморе воплотить свою внутреннюю красоту и все это богатство поставить на службу душе, для воплощения которой в качестве Бога, пусть даже в виде красоты, он не нашел ни одной европейской руки художника. Достаточно посмотреть только на Сивилл Микеланджело, на его Иеремию, на его рабов, на его петербургских мальчиков, на его Лоренцию, чтобы снова встретиться с духовно-расовым признанием.

Тот же идеал красоты тонко проводил через всю свою жизнь Тициан. "Небесная и земная любовь", его Венера (Берлин) подарила нам тип женщины, который нам показывают фронтоны Парфенона, и это были женщины, которые пришли с германскими завоевателями через Альпы. Тицианова Флора, его Святое семейство (Мюнхен) говорят на одном языке, тогда как Джоджоне, такой же венецианец, в своей Венере создал прямо таки классическое произведение нордической женской красоты, а Пальма Векчио (Palma Vecchio), опять венецианец, получал удовольствие только от белокурых голубоглазых крупных женщин (например, его три сестры в Дрездене). Этот идеал красоты настолько сильно укоренился, что темноволосые женщины обесцвечивали свои волосы, чтобы казаться красивыми, т.е. белокурыми. И еще одного великого нордического итальянца следует здесь упомянуть: Данте. И его идеал красоты имеет германскую обусловленность и нигде не находит такого непосредственного выражения, как в его основных канцонах:

*Ах! почему она не идет
За мной, как я в горячей пропасти за ней?
Я бы закричал: "Иду тебе на помощь!"
И сделал бы это охотно, правой рукой
Хватая ее белокурые косы,
Амур кудрявый и златокудрый, смеется надо мной
И хочет присоединиться к моей страсти!*

*Если бы я тогда ухватил белокурые пряди,
Они были бы розгами и кнутом для моего сердца...*

А когда Данте в чистилище (3-я песнь) встречается короля Манфреда, он пишет:

*Я обернулся и взглянул ему прямо в лицо.
Он был белокурым, с красивым и благородным лицом...*

Отсюда только один шаг до Рубенса. И хотя он перебарщивает с плотью, в структурном отношении его женщины имеют обусловленность нордическим типом, который как когда-то в Греции противопоставлен короткому, с бычьим затылком и широким лбом, круглоголовому фавну.

Рембрандт был хорошим знатоком Библии (вернее, сам он мало читал Библию, но зато читал нидерландскую народную книгу "Trouwingh" Якоба Катса, потому что почти всюду придерживался ее описаний), считая себя обязанным изображать многие еврейские головы, чтобы "правильно" изображать библейские истории. Пойманного на месте преступления Иосифа он изображает также, как он, разговаривая руками, уверяет мужа атакованной им госпожи Потифар в своей невиновности" (Берлин), но когда Рембрандт говорит о серьезных вещах, он должен покинуть амстердамское гетто. Отец потерянного сына (Петерсбург) лишен всех еврейских атрибутов: высокая нордическая фигура старца с одухотворенными добрыми руками. Систематичность нордических итальянских художников была Рембрандту чужда, он искал не столько линию, сколько атмосферу, тональные симфонии красок, мистику. И все-таки его Христос в Эммаусе (Emmaus) (Париж) воспринимается нордическим как и изображение его матери (Петерсбург), а великолепная фигура Данаи (Петерсбург) показывает, что и Рембрандт не мог представить истинную красоту иначе, чем она представлялась душе Джорджоне. Одна из самых изящных картин Рембрандта называется "Еврейская невеста", и прямо-таки настойчиво убеждаешь даже здесь в отсутствии еврейской "красоты", зато испытываешь простое и нежное нордическое чувство.

И люди Рафаэля - это не только "красивые мужской красотой сильные фигуры", в чем нас уверяли надоедливые философы искусства, а это воплощение такой же нордической расовой души, которая видна в юношеском автопортрете Рафаэля. Тонкий наблюдатель правильно заметил, что младенец Иисус на руках Сикстинской мадонны по взгляду и осанке выглядит "прямо-таки героически" (*Вельфин*). Это выражено точно, только отсутствует человеческое обоснование того, почему так называемая еврейская семья производит героическое впечатление. Здесь решающими являются не только композиция и распределение красок, не "искренность" и "преданность", а как предпосылка успеха формирующей воли, снова расовый идеал красоты. Вместо русоволосого светлогожего младенца Христа - темноголовый с жесткими волосами смуглый еврейский мальчик был бы так же невозможен, как такая же "Божья Мать" вместе со святыми, даже если бы у этого младенца было "благородное" лицо Оффенбаха или Дизраэли. Средой выражения нашей души всегда был нордический расовый идеал красоты; возможность выразить себя здесь только оживило так

называемые "христианские" Церкви. Хорошо замечено, что все великое и здесь было воплощено против древнебиблейской сущности. Следование древне-библейскому духу в изобразительном искусстве вызвало бы только отвращение и презрительный смех... Такими же красивыми, как женщины Рафаэля, являются поэтические образы Боттичелли, мадонна Гольбейна (Holbein) в Дармштадте.

Стоит проследить эти признаки через все западноевропейское искусство. Часто смешиваясь с другими (западно-средиземноморскими, восточно-альпийскими и динарскими) типами, великая и царственная каждый раз нордическая расовая красота возникает как идеал и путеводная звезда. Едва ли один из тысячи среди живых полностью соответствует этому идеалу, великий облик многих не часто совпадает с наследственными чертами, но стремление, которое создавало и формировало, снова искало то же направление. Взгляните на голову Леонардо, на автопортрет Тинторетто (Париж), на юношеский автопортрет Дюрера... с них смотрит на нас одна и та же душа.

XIX век как в других вещах, так и здесь показывает некоторые перерывы, когда другие проблемы (пейзажи и т.п.) выступали на передний план. В Германии Уде и Гебхард сделали попытку воплощения нордической красоты, но их творения достойны лишь анекдота, этим художникам не хватило ударной силы гения и такого же ищущего окружения. Маре (Marees) пытался утвердиться в греческой форме и всю жизнь мучился с "красотой"; он ломается (он был, впрочем, полуевреем). Фейербах отправился на юг, стал холодно-формальным, несмотря на трагические материалы...

Мировой город начал свою работу по уничтожению рас. Ночные кафе асфальтового человека превратились в ателье, теоретическая кровосмесительная диалектика стала сопровождающей молитвой все новых "направлений". Бродил расовых хаос из немцев, евреев, чуждых природе уличных поколений. Следствием было "искусство" метисов.

Винсент ван Гог, устремленный, но сломленный человек, отправился в странствие, чтобы рисовать. Он хотел иметь дом на своем клочке земли: "Фигура крестьянина за работой" подлинно современна, "сердце современного искусства - то, чего не делали ни ренессанс, ни голландская школа, ни греки". Он мучился с этим идеалом и признался: если бы у него раньше были силы, он бы писал "святые образы"; это были бы люди, подобные первым христианам. "Позже" он все-таки хотел вступить в борьбу. Сегодня он с этой идеей погиб бы. "Только рисовать, не думать, рисовать все равно что, капусту, салат, чтобы успокоиться..." И Винсент рисовал яблони, капусту и уличные камни. Пока не сошел с ума.

Гоген искал идеал красоты в южном море. Он рисовал расу своих черных подруг, меланхоличную природу, колоритные листья и моря. Он тоже внутренне прогнул и был не в ладу с самим собой как все они, которые по всему миру искали пропавшую красоту, звали ли их Беклин, Фейербах, ван Гог или Гоген. Пока и это поколение не устало от этих поисков и само не предалось хаосу.

Пикассо с величайшей тщательностью копировал когда-то старых мастеров, писал между тем сильные картины (одна из них висит у Щукина в Москве) с тем, чтобы рекомендовать не имеющей направления публике свои иллюстрации к теории в виде глинисто-светло-темных квадратов как новое искусство. И пишущие тунейдцы с энтузиазмом подхватили новейшую сенсацию и увлеклись новой эпохой в искусстве. Но что Пикассо стыдливо прятал за геометрическими фокусами, проявилось открыто и нагло после мировой войны: метисы заявили претензию на возможность изображения своих вырожденков со смешанной кровью, порожденных духовным сифилисом и художественным инфантилизмом, как "выражение души". Достаточно долго и внимательно рассматривать "автопортреты" Кокошки (Kokoschka), чтобы, видя это идиотское искусство, сколько-нибудь понять его ужасный внутренний мир... Наис Найнц Эверс рассказывает в своей новелле о ребенке, у которого были

противоестественные наклонности получать особое удовлетворение от сил слоновости. В том же состоянии находится сегодня наша "европейская духовность", которая поклоняется благодаря еврейским перьям Кокошкам, Шагалам, Пехштайнам как ведущим представителям живописи будущего. Если сверх этого отваживается выйти вперед форма, то и она несет черты вырождения, как, например, у Швальбаха, который отваживается изображать Иисуса с плоскостопием и кривоногим. Определенную грубость обнаружил Ловис Коринф (Lovis Corinth), но и этот мясник кисти растворился в убудочной культуре с ее глинисто-трупными цветами ставшего сирийским Берлина.

Импрессионизм, представленный первоначально сильными талантливыми живописцами, стал теперь призывом на борьбу всеразлагающего интеллектуализма. Атомистический взгляд на мир атомизировал и цвет. Тупоумная естественная наука обусловила поражение практиков и теоретиков импрессионизма. Лишенный мифа мир создал себе и лишенное мифа чувственное искусство. Люди, которые хотели выбраться из этой безысходности, ломались. Ван Гог стал трагическим примером ставшей безумной неудовлетворенной страсти. Гоген представляет собой другой пример попытки освободиться от интеллектуализма. Только Поль Синьяк (Paul Signac) рисовал беспрепятственно и расклеивал свои цветные рисунки один рядом с другим.

Эти люди были беспомощны в свое время. Их противники тоже не имели никакого представления о будущем и были повернуты спиной к нему. Судьба Гомера, которая когда-то подошла Беклину, уже решилась. Повесить сегодня на стену "Остров мертвых" стало внутренней невозможностью. Игра нимф в волнах навязывает нам материал, который мы просто не можем больше переносить. Женщины в греческих голубых одеждах под тополями у желтой реки; идущая через поле Флора; арфистка на зеленой земле - все это вещи, которые для нас означают художественную бессмыслицу и все время фальсифицируют сильную самобытность Беклина, которая в других произведениях вечно прорывается. Но поколения эклектиков, которое испытывало отвращение к атомистике XIX века и повернуло свой взгляд в XVI век, приняло Беклина с его слабостями как сокровище немецкой фантазии. Стремление поддерживать наше внимание на этой стороне его сущности было до трогательного верным. Но сильная фантазия не овладела в большой степени жизнью, а гальванизировала схемы старины - хотя и с достаточно большой силой - и ошиблась в средствах изображения; Потому что сильнее всего Беклин там, где он отказывается от аллегорий. Мы думаем сегодня с печальным непониманием о большом количестве классических попыток, удивляясь Якобу Бургхарду, который совершенно серьезно делал искусствоведческие рассуждения по поводу тогдашних подражаний постройкам эпохи ренессанса. Люди, которые окружали себя мебелью и картинами "великого времени", которые очаровательным способом изображали "рождение современного человека" в культуре ренессанса, не имели больше по-настоящему серьезного стимула для необходимости возрождения человека из XIX века. И когда они это поняли, они испугались позитивной полемики с импрессионистским духом времени. Они ушли от жизни и направили свой талант на негодный объект.

Весь трагизм лишенного мифа времени проявляется также и в следующих десятилетиях. Больше не хотели интеллектуализма, начали ненавидеть бесконечное разложение красок, презирали коричневый цвет галереи и копий Тициана. В истинном чувстве искали освобождения, выражения и силы. И следствием этого сильного напряжения было насмешливое рождение экспрессионизма. Все поколение требовало выражения и не имело ничего, что можно было бы выразить. Оно требовало красоты и не имело больше идеала красоты. Оно хотело войти в жизнь с новым творчеством и потеряло подлинную формирующую силу. Таким стало выражение Манье (Manier); вместо того, чтобы породить стилеобразующую силу, снова продолжалась атомизация. С внутренней безудержностью глотали "примитивное искусство", переключались на

восхваление Японии и Китая и начали совершенно серьезно связывать европейско-нордическое искусство с Азией (Бургер)⁷⁹.

Крупные силы, такие как Чезанне и Хольдер, потерпели поражение в своей борьбе за новый стиль, несмотря на все попытки их последователей цепляться за этих двоих, как за знаменосцев нового стремления, и несмотря на философско-литературные усилия поддунуть этому стремлению интеллектуальные костыли.

Так кабацкая мистика сменилась церебризмом, кубизмом, линейным хаосом, пока и это все не надоело, и сегодня снова пытаются -безуспешно - ввести "новую объективность".

Сущность всего этого хаотического развития лежит, в частности, в потере того идеала красоты, который в таком многообразии форм и костюмов был основным фоном всего европейского художественного творчества. Демократическое, отравляющее расу учение, уничтожающий народ мировой город объединились с планомерной разлагающей деятельностью евреев. Результатом было то, что разбились не только мировоззрения и государственные идеи, но и искусство нордической Западной Европы.

Здесь мы достигли одного из самых глубоких критериев любой оценки искусства, который постоянно не замечают все настоящие эстетики и даже не подозревают о них.

Эстетика имеет, в частности, дело со вкусовой оценкой, т.е. она требует, чтобы произведение искусства нравилось не только одному человеку, а нашло бы "всеобщее" признание. Поиски этого "всеобщего" закона вкуса раскаляли головы уже десятилетия. Причем было проигнорировано предварительное условие всякой полемики: "нравиться" произведение искусства может только, если оно движется в органично ограничивающих рамках идеала красоты! Кант определял: "Красота -это форма целесообразности предмета, поскольку она воспринимается так без представления цели"*. Здесь Кант высказал глубокую мысль, из которой он сделал вывод о том, что следует принять "общий эстетический критерий"', который, основываясь на чисто человеческом восприятии силы признания, т.е. на настроении, может передаваться всем. Тем самым Кант перевел поиски критической точки с губительного направления. Инстинктивно целесообразно действует на нас красота Венеры Джорджоне, но так же действует и любая другая истинно расовая, т.е. органично и духовно обусловленная красота. Из первого решения Канта в качестве вывода для нас служит сегодня то, что претензия на "общеупотребительность" вкусовой оценки вытекает

* Критики силы оценки. § 17.

** Там же. § 20.

221

только из расово-народного идеала красоты и распространяется также на все круги, которые сознательно или инстинктивно, носят ту же идею красоты в сердце.

Этот основополагающий вывод раз и навсегда выбивает почву из-под ног у всех прежних "всеобщих" эстетиков и прокладывает также органичному духовному мировоззрению против абстрактно универалистского или атомистично индивидуального дорогу в искусство, которая ведет на простор. Но этот вывод требует еще другого важного понимания.

---

⁷⁹ Следует прочитать, например, следующую галиматью превозносимых эстетиков: "Космополитизм и интернационализм сменяются идеей универсализма, который ищет природу и единство любви духовного в организме космоса. Европа открыла сама себя, узость своего культурного духа и мать цивилизации натолкнулась на азиатский корень ее культуры" ("Введение в современное искусство". С. 38).

Содержание как проблема формы. — Статические состояния и динамическое развитие. — Признание Шиллера. — "Песня Нибелунгов" как символ нордической западноевропейской души. — Елена как повод к действию. — Форма искусства Гомера. — Зигфрид, Кримхильда, Рюдигер.

В стремлении отделить предмет эстетики от всех элементов, эстетики не касающихся, отделяют постоянно в том числе содержательность от формы. И совершенно справедливо, чтобы предотвратить вечное смешение моральных проповедей с эстетикой. Но это методически необходимое разделение не делает при этом акцента на самом главном: на том, что содержательность в случае нордическо-западноевропейского искусства кроме содержания представляет также проблему формы. Выбор или выделение определенных элементов содержательности является для нас уже формирующим, вполне художественным процессом. Так как об этом забыли, прославляя односторонне - к тому же неправильно истолковывая - греческое искусство, то просто пренебрегли и существенной составной частью западноевропейского художественного творчества, и нет ничего удивительного в том, что средний гражданин это пренебрежение причисляет к "моральному искусству".

Такой результат имел место потому, что пристально уставившись на древнегреческую пластику, немецкие эстетики заявили, что эстетика должна иметь дело только с красотой, т.е. с состояниями легкой свободы от нравственных принуждений, механического нажима и духовного напряжения. Но эта красота Греции была одним, может быть, а этичным элементом древнегреческой жизни. Можно спорить о том, является ли архитектура, скульптура, эпос или трагедия самым великим из того, что нам оставила Эллада, бесспорно во всяком случае то, что внутренняя и внешняя пластика были началом и концом любой греческой художественной деятельности. Даже в софокловой трагедии сохраняется эта пластичная статика, даже в ужасах произведений Еврипида судьба выступает меньше, чем внутренняя обусловленность и развитие, чем переплетение непонятных обстоятельств. Греческая красота, таким образом, всегда является статической, а не динамической сущностью. Но искать такую же красоту в искусстве Западной Европы и рассматривать ее отдельно в круге эстетических понятий, было прегрешением перед духом Европы, потому что наше искусство с самого начала, несмотря на аналогичный идеал красоты, было сориентировано не на красоту в пластичном покое, а на движение души. Не внешнее состояние стало формой, а духовная ценность в ее борьбе с другими ценностями или противодействующими силами. Выбор содержательности, которая приводит художественное произведение в движение, форма которой обусловлена необходимостью, в значительно большей степени ориентирует нордическое искусство на личность, ее просветление, усиление, осуществление по сравнению с древнегреческим. Поэтому высочайшее произведение Западной Европы является не "прекрасным", а является произведением, которое внешнюю сторону пропитывает духовной ударной силой, поднимает ее над собой изнутри. Мощь внутреннего усиления - это тот момент, который не свойствен греческой эстетике, но который следует причислить к эстетике нордической Западной Европы, но как проблему формы, при этом точно так же без чисто интеллектуального или морального привкуса.

Как во многих случаях, так и здесь, Шиллер инстинктивно и вопреки своему воспитанию на древнегреческих предубеждениях правильно заметил это, но не смог сделать выводов. Он писал: "Насколько больше мы уделяем внимания при эстетической оценке силе, чем направлению силы, насколько больше свободе, чем закономерности, достаточно очевидно из того, что мы охотнее видим силу и свободу выраженными за счет закономерности, чем закономерность, наблюдаемую за счет силы

и свободы. Эстетическая оценка содержит здесь больше истинного, чем обычно полагают. Очевидно пороки, свидетельствующие о силе воли, проявляют большую - предрасположенность к истинной моральной свободе, чем добродетели, которые ищут опору у тенденции, потому что настойчивому злодею достаточно одержать победу над собой, чтобы всю настойчивость и твердость воли, которую он тратит на зло, повернуть на добро".

Эти слова ясно показывают одну сторону объяснения, почему такие образы как Ричард III и Яго оказывают на нас эстетическое воздействие. Они действуют на нас такими, какие они есть, в силу присущего им внутреннего закона. И мы даже не пытаемся дать им моральную оценку. Нас примиряет со всем частично их жизненная сила. Но это не началось с Шекспира, а находится у истока германского искусства. "Песнь о Нибелунгах" является, возможно, сильнейшим выражением волевого западноевропейского художественного творчества и уже здесь сама является высшей ценностью нордической расы, становясь проблемой, вызывая движение души и даже в предателе высочайшего стиля переживая свое художественно законченное осуществление.

Я знаю, что возражения против сравнения "Песни о Нибелунгах" и "Илиады" будут основываться на том, что в плане исторического развития греческого и немецкого народа их действие происходит в "разное время". И все-таки сравнение возможно, если проследить внутренние законы формы, которые всегда оставались постоянными. Если оценить "Песнь о Нибелунгах" достаточно высоко для того, чтобы противопоставить ее "Илиаде" как художественную вещь другого рода, но равноценную, мы придем в противоречие с Гёте, который уверял, что не следует умалять радость от немецкого эпоса, сравнивая с греческим: Гомер - это "слишком высокая планка".

"Илиаду" и "Песнь о Нибелунгах" достаточно часто сравнивали между собой, и после длительных размышлений со стороны германистов и после скороспелого вывода наших эллинистов результатом таких противопоставлений всегда было то, что "Илиада" в художественном отношении стоит значительно выше немецкой поэзии, но немецкая поэзия показывает нам более сильные характеры.

От этих взглядов, которые вышли из предпосылки общепотребительности греческих заповедей искусства, сегодня пора отказаться. Потому что признать за произведением искусства то, что оно показывает сильные личности, означает признать равноценную творческую силу изображения, создавшую их. Она другого типа по сравнению с древнегреческой, но именно в художественном отношении равноценна ей.

Если мы представим себе богатство и живую пластику "Илиады" (разнообразные типы, например, как Агамемнон подзадоривал своих полководцев на сражение, каждый раз по-новому изображаемые отдельные сражения), то немецкая героическая песнь такого успеха иметь не будет. Техника нередко беспомощна, описания тут и там повторяются (очевидно, более поздние обработки шпильманов) без формального завершения. Но зато Нибелунги живут значительно более живой внутренней жизнью, их действия вытекают из воли внутренних сил и конфликтов и согласно определенному настрою души. Только переплетение действий, рожденное из личного внутреннего мира, создает трагический контраст, который приводит к катастрофе. С самого начала следует возразить тем, кто понимает это как желание умалить роль Гомера как творца. Он изобразил для народа Греции мир ее богов, который в течение сотен лет давал представителям изобразительного искусства образец формы. Но художественные взгляды Гомера были иными по сравнению с теми, которые соответствуют нашей сущности. Его образы двигаются в средней сфере человеческого, они не опускаются в таинственные пропасти души, они не проявляют стремления к высочайшим высотам, действия редко бывают следствием внутренней жесткой необходимости, не являются

выражением воли демонических и божественных сил самого человека, а являются результатом внешних воздействий.

По поводу этого замечания можно возразить в том плане, что менее заметные качества значительно труднее поддаются художественному изображению по сравнению с необычными вспышками человеческой души. Но об этом здесь, конечно, речь не идет.

После того, как в результате десятилетней борьбы Троя, наконец, пала, стала ясной причина этой битвы народов: Елена вступает в круг борцов. Гомер не описывает ее красоты, а показывает скорее ее впечатление на все окружение. Воины, потерявшие друзей и братьев, пережившие тысячи лишений, все нашли, что эта женщина, эта красота стоили усилий и рек пролитой крови. Это греческая культура! Была ли Елена с внутренней стороны достойна того, чтобы быть поставленной в центр народной драмы, никакой роли не играет. И даже вполне вероятно, что бабенка так же хорошо чувствовала себя с Парисом, как и в постели короля Спарты. Какой-либо жалости по поводу ее судьбы во всяком случае не было.

Прекрасная любовница является причиной битвы народов и считается за это достаточно великой. Даже если бы подобное имело место в истории тысячу раз, поэт, беря этот факт за основу великого произведения, демонстрирует выбором содержания характеризующее форму творчество, которое нашей сущности представляется совершенно в противоположном значении. Внутреннего движения совести нет, или оно сознательно оставляется без внимания; форма, красота занимает его место.

Как мелочность и замкнутость греческого города обычному гражданину давали четкий обзор определяющих его жизнь обстоятельств, не нарушали ежедневно равновесия между его способностями к оценке и поставленными требованиями, так и греческий дух в искусстве показывает свои безграничные способности. Он говорит при такой художественно гарантированной цели устами как Иктиноса (Iktinos) и Калликрата, так и Фидия, Гомера и Платона. Здесь нет ничего, что не имело бы четких границ, лишь немного не высказано, а все оформляется - если так можно сказать - в сжатой форме с проясненной и просветляющей объективностью.

Если все абсолютно удалось, грек никогда не устанет преобразовывать и преобразовывать найденную тему многократно, своеобразие, которое Гёте не раз восхвалял с удивлением перед Эккерманом.

Вряд ли можно найти более великолепный способ, каким Гомер поднимал природу до формы искусства. Мы не видим длинных описаний природы, а видим выраженное часто одним словом содержание настроения конкретного материала. Эта удивительно сжатая форма Гомера была тем чудом, которое каждый раз привлекало к нему в течение столетий и десятилетий; она превалирует во всем его произведении, живет во всех его подробностях. Она вечно молода, вездесуща и бессмертна.

Ее своеобразное воздействие заключается в творческой силе, помогающей отвлечься от изображения природы, сразу персонифицировать ее, приблизить ее к нам в виде образного подобия, передать ее разнообразные состояния одним выражением. Самых ахейцев Гомер характеризует как "носящих медные планки", Ахиллес пронесется по миру как "быстрый бегун", Гектор шагает перед воротами Трои, "потряхивая султаном шлема", Гера ухаживает за Зевсом как "волоокая" богиня. Транспортные средства греков исчерпывающе описываются только двумя словами: "темные и изогнутые". Все это действует как мазок кисти великого художника, который одним движением создает на полотне цвет и линию существа. Это форма в ее высочайшем совершенстве, греческая радостная весть. Когда Гёте свою дикую розочку называл "красивой как утро" (он использовал эту форму единственный раз, она относится только к дикой розочке), то здесь имеет место тот же художественный закон, который для Эллады составлял вдыхаемый воздух жизни.

Другой выбор и другие средства выражения были у германского поэта. Содержание, которое получает форму, это не лицо (красота), а личность (волевое развитие). Внешнее событие - это только повод для выражения и проявления характера (не причина), или совсем непосредственное воплощение внутренних направлений человеческой воли.

Честь и верность во всех их оттенках появляются с самого начала нордического искусства как движущие силы. Гудрун похищают так же, как и Елену, но она не сдается. Она предпочитает работу служанки жизни в бесчестии, хотя Хартмут по своему мужеству и рыцарству представляет значительно больший повод для того, чтобы ему сдаться по сравнению с жалким Парисом. Но красота и, прежде всего, гордость и верность королевской дочери, представляют собой только для нас художественно удовлетворительный мотив для начала битвы на Вюльпензанде. Именно на этом внутреннем праве, на этом признании внутренней ценности характера базируется трагедия Нибелунгов. Если бы Зигфрид как личность был бездельником типа Париса, никто бы из нас не понял супружеской любви Кримхильды, никому не показалась бы вероятной эта демоническая женская верность, никому из нас предательство не только по отношению к братьям, но и по отношению ко всем бургундцам, не показалось бы достаточно обоснованным как с человеческой, так и с художественной точки зрения, если бы образ Зигфрида не был представлен в вечно сияющем великолепии. Даже если изобразить Зигфрида в качестве смертного божества весны, в качестве бога луны или солнца (Зике), в тот момент, когда он как личность появляется в поэзии, он становится формируемым образом. Если где-нибудь и воплощена современная гениальность, то это здесь. Там, где Зигфрид появляется, все сердца устремляются к нему; там, где он может помочь, он, не задумываясь, самоотверженно и доверчиво посвящает себя выбранным друзьям. Во имя любви он берет - при ухаживании с Гунтером за Брунгильдой - вину на себя. И от этой вины он погибает.

Его противник, Хаген - это смесь корыстолюбия и абсолютной мужской верности, образ, который в своих схематично-гигантских очертаниях представляет собой сильнейший в художественном отношении антипод светлому Зигфриду. Тип абсолютной храбрости, который в конце благодаря его последовательности до смерти примиряет нас со многим, в чем он провинился. Встреча Кримхильды с Хагеном и Фолькером при дворе Этцеля является одной из самых драматичных поэтических картин, которые можно себе представить; ночная стража обоих спутников, походка шпильмана - это признаки великолепной мужественной поэзии.

В трагической необходимости встречаются друг с другом различные волевые натуры, как вина и искупление рождают новую вину, как честь борется против чести, верность против верности и воплощается, образуя символы, в человеческих характерах, таково мощное творчество нордическо-германской сущности, которое с самого начала возникает в процессе формирования немецкого искусства в необыкновенно крупном масштабе.

Эти любящие или побеждающие себя силы являются материалом, укрощенным при помощи великого поэтического обобщения, и совершенно бесполезно спорить о том, сколько рук работало над Нибелунгами, потому что множество народных песен стали одним произведением.

Новейшие исследователи утверждают, что образ Рюдигера - был последним штрихом пятого поэта. Пусть будет так. Тогда и этот пятый был великим художником. Потому что во всей мировой литературе вы напрасно будете искать личность такого простого внутреннего величия, которая воплощена в маркграфе Рюдигере. Следует обратить внимание на то, с каким тонким знанием души распределены силы, которые борются за него. Во главе стоит верность клятве, данной своей королеве, заклад своей

мужской чести, которые должны победить все другие силы. Но он видит перед собой старых друзей, гостей, которых сам привел в страну и гарантировал им защиту, жениха своей единственной дочери. И Рюдигер в твердой последовательности сознательно принимает смерть, хотя ввиду беззащитности Этцеля и Кримхильды росло искушение нарушить слово мужчины. Идея чести становится силой, которая управляет всеми его действиями. При этом следует вспомнить об образе Ахиллеса, одного из самых светлых воплощений героя всех времен, который, однако, из-за обиды оставляет весь свой народ без вождя, а затем о маркграфе Рюдигере, который перед своим смертным боем дарит еще свой щит противнику, чтобы тот мог защищаться, и будет измерена та пропасть, которая отделяет один образ от другого, и одновременно будут поняты очень разные виды поэтической формы⁸⁰.

Народные души разного типа действуют в плане преобразования природы в искусство. Одна побуждает человека плакать и смеяться, любить, ненавидеть и совершать героические поступки, но она не делает внутренний мир движущей силой всего, она не принимает во внимание личность как формирующий феномен, направляет всю любовь на внешний мир и создает себе словом и резцом чудесное оружие для покорения красоты; другая же сразу погружается в самые большие глубины и связывает все духовные силы в одно художественное целое с внутренней обусловленностью, не придавая формальной красоте решающего значения.

Даже самое великое произведение человека обнаруживает узкое место; так и "Песнь о Нибелунгах". Отношение Зигфрида к Брунхильде не так хорошо обосновано, как в старых традициях. Это отношение нашло в Эдде последнее толкование: "Песнь о смерти Зигфрида" - это одно из величайших откровений германской сущности, песнь о любви, верности, ненависти и мести.

Пора наконец прекратить рассматривать певцов нашей древности как бесхитростных, беспомощных стихоплетов, как это принято делать при покровительственном признании "великих характеров" в их песнях в подсознании наших ориентированных на Грецию эстетиков. Более того, мы должны их причислить к рядам величайших творческих художников.

Характеры создает только характер, живые личности - образы, которые, пройдя через столетия и став вечными символами нашей сущности, могут быть только результатом художественной гениальности и формирующей силы.

Ни один герой на земле не будет
Подобно тебе стоять в лучах солнца, Зигфрид.

Мы понимаем Гёте, когда он говорит: "Гомер изображает с чистотой, которая пугает" (замечание, впрочем, которое показывает веру Гёте в гармонию лжи) и признает художественную сдержанность и эпическое величие Гомера, но мы должны также признать - мы пугаемся и тогда, когда думаем о могущественном и именно в художественном отношении могущественном создании "Песни о Нибелунгах". Если Гомера называли одним из величайших художников всех времен и народов, то пора воздать должное и нашим поэтам, и осознать, что техническими и формально-художественными недостатками и ошибками является то, что формирующая

---

⁸⁰ Великим с человеческой и художественной точки зрения антипод Рюдигеру—Гериоту содержится в 6-й песне "Илиады". Там Главк и Диомед признают себя товарищами, связанными дружбой отцов и древними законами гостеприимства. Они обмениваются в намять об этой прежней связи своими достижениями и - не сражаются друг с другом, а договариваются уклоняться от сражения на поле. Безусловно характерное решение данного конфликтного материала.

гениальная сила творчества ищет себе подобных⁸¹.

Так два эпоса противостоят друг другу подобно народным эталонам искусства. Один, согласно внутреннему рождению, обращен больше к ясной форме, в результате духовной борьбы пробивается к трагическому эпосу. Гомер владеет материалом, творцы всех германских песен - содержанием. В результате этих ясных целей, обусловленных темпераментом и размышлениями, возникают художественные произведения, равноценные по величию, к которым нельзя подходить с общей меркой и нужна другая эстетика, чтобы воздать должное каждому виду сущности. Как нельзя подходить к Микеланджело с той же меркой, которая годна для Фидия, так же нельзя это делать в отношении древнегреческого эпоса и германского.

Подробности будут рассмотрены позже. Прежние же размышления приводят к третьему факту, который не просто почти полностью не был замечен эстетиками, а от начала до конца не признавался ими: к эстетической воле. Отрицание этой воли является, может быть, самой позорной главой немецкой эстетики. Имеются тысячи свидетельств борьбы европейских художников за содержание и форму, но профессора-искусствоведы прошли мимо них. Тезисом навязанной веры было то, что искусство имеет дело с "мнимыми чувствами", как бы не тронутыми жизнью, подобно "свободной красоте" над облаком пыли в кабинете ученого. На волю для морали был наложен запрет, и ее нельзя было вынимать из папки, имеющую эту надпись...

Он говорит о воинственности старца, и тот должен долго сдерживаться, чтобы не наказать сына. Вся песнь в художественном отношении сложена чрезвычайно целенаправленно благодаря контрастам высочайшего драматизма и - так как управляется одной ценностью - органично, подобно законам бурлящего морского прилива".

230

*

Эстетическая воля. — Признания Вагнера и Бальзака. — Борьба гуманистической эстетической ценности с нордической западноевропейской.

Рихард Вагнер писал Матильде Везендонк: "Вы знаете, что наш "Один" не смотрит ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад, время и мир нам безразличны, и только одно является для нас определяющим: необходимость разрядки нашего собственного мира". Бальзак признавал ("Кузина Бетта"): "Постоянная работа - это закон искусства, как и закон жизни; потому что искусство - это идеализированное творение. Великие художники, совершенные поэты не ждут ни приказов, ни вдохновения; они порождают сегодня, завтра, всегда. Отсюда следует привычка к работе, это постоянное знание трудностей, которое они получают от сожительства с музой, с творческими силами".

Такие признания не дошли до ушей законодателей нашей эстетики. Пора наконец установить наличие творческой эстетической воли у художника - следовательно и у "потребителя". В признании выбора содержания и в стремлении к волевой разрядке обнаруживается нордически-западноевропейское понятие красоты как бы изнутри как свойственная ему сущность, которую одна биология уже не может постигнуть, а может только обозначить.

Сущность человеческого существования с точки зрения тела и души - это

---

⁸¹ Насколько во всех германских песнях идея чести определяет судьбу, говорилось ранее. О чисто художественной же силе, которая, например, все приводит в движение и все обуславливает в "Песне о Гильдебранде", очень хорошо написал Л. Вольф ("Герои времен великого переселения народов". С. 148): "Страдание, иначе сущность наших "драм", является не целью поэзии, а ее исходным пунктом. Чем сильнее давление темных сил, тем величественнее выпрямляется перед ним героизм. Неумышленно сын идет против отца, считавшегося умершим. Он превозносит его над всеми героями и оскорбляет стоящего перед ним незнакомца, который как раз и является тем, кого он прославляет. Он превозносит верность и храбрость Гильдебранда и одновременно упрекает его в коварстве и трусости.

постоянно обновленные усвоение и переработка поступающего извне материала и внутреннего переживания. Воля формы и дух охватывают в формирующем плане владение окружающей средой и внутренним миром. Это формирование представляет собой, если так можно определить и сознание, деятельность воли, независимо от того, приведет ли эта воля к святому, к исследователю, к мыслителю, к государственному деятелю или художнику. Каждый образ - это действие, каждое действие - это, по существу, разрядившаяся воля.

Наши исследователи психологии искусства исходят в своих суждениях чаще всего от потребителя, ищущего в искусстве наслаждения. С их точки зрения - по праву. Напрасно, если надо вскрыть расово-личное желание художника. Прежде чем можно будет говорить о моторно-сенсорном, эмоциональном и интеллектуальном воздействии художественного произведения, следует поэтому выяснить отправную точку творческого момента.

Закон продолжающей вечно действовать силы касается не только физической, но и духовной области. Нам представляется естественным, что героическая воля продолжает взлетать и продолжает создавать воли. С особым даже пристрастием трудятся наши ученые над открытием исходной энергии религиозного или поэтического явления. Написаны толстые тома, чтобы связать структуру мышления нашего времени с определенными мыслителями прошлого. Эта деятельность профессоров философии иногда даже сама рассматривается как философия, настолько важной она кажется. Системы эстетики также точно исследуются и фиксируются документально. Но при этом искусство и представители искусства почти полностью забыты; для них на скорую руку создали особую эстетику, которая повернулась спиной к нордической Западной Европе, смотрит пристально на юго-восток или в облака, чтобы открытый якобы там критерий оценки использовать и по отношению к европейскому искусству.

Но что было тем, что пробудило Бетховена в бурю и непогоду бегать по Вене, внезапно остановиться, и, забывши обо всем на свете, отбивать ритм кулаками? Что было тем, что заставило Рембрандта в глубокой бедности презирать все внешнее и до потери сил стоять за холстом? Что побудило Леонардо изучать тайны человеческой фигуры? Что заставило Ульриха фон Энзингена составлять его церковные планы? Это было не что иное, как самовоплощение художественной (эстетической) воли, которую следует, наконец, признать древней загадкой, наряду с героическим и нравственным, если мы хотим, наконец, выйти за рамки эстетики наших старших учителей. И это тем более, когда нигде бурный и волевой момент в искусстве не проявился так четко, как в нордической Западной Европе. Не выделить это со всей четкостью - это один из величайших грехов упущения XIX века.

Грек тоже был до глубины души волевым в час рождения своего искусства. Именно греческое сказание сообщает нам о художнике, который так пылко любил свое произведение, что любовь его и мертвый камень превратила в полнокровную жизнь. И в этом мифе изложено признание всеформирующей эстетической воли. И дикая роспись на Парфеноне, греческий танец и утраченная греческая музыка (от которой получили свое имя все другие "музы") делали это буйство воли раньше более слышным, чем это кажется сегодня. Но все-таки у древнего грека после волевого акта творчества наступает духовное упрощение формы, что было характерным для греческой культуры. Это самообладание вызвало в западноевропейском наблюдателе "созерцательное" настроение, на основе которого он тогда вообще построил эстетику.

Эстетическое восприятие означает чувство наслаждения; эстетическое настроение - это бесстрастное созерцание, при котором чистый субъект признания поднимается до безотходной объективности. Так учит эстетика Канта и Шопенгауэра. Так писали девяносто девять из ста философов искусства после них. В основе этой оценки лежал упомянутый догмат навязанной веры, который всю нашу эстетику обрек на бесплодие.

Наиболее примечательно утверждение об отсутствии эстетической воли. В этом утверждении сходятся и непримиримые в остальном противники. Тот факт, что за каждым художественным произведением, так же как и за религиозным учением, стоит сила, вообще не был принят во внимание. Поэтому наша эстетика касается взглядов, идей, понятий, только фрагментов восприятия красоты, а не того факта, что в основе любого художественного творчества лежит формирующая воля, которая сосредоточивается в произведении и в случае необходимости снова ставит цель разбудить деятельную силу души, чтобы все старания не были напрасными.

В области искусства мы встречаем явление, параллельное развитию религиозных мировоззрений. Расово-духовный импульс создает произведения гениально объективного типа, с великой детской непосредственностью охватывает современное окружение, старые унаследованные формы, самовластно меняет их силовые линии. До тех пор, пока вместе с засильем иностранного мировоззрения, чужие понятия права, введенные и сохраненные политической властью, не наложатся на обычаи, возникшие на основе внутренних законов, и все вместе не проложат путь "учению об искусстве". Когда Вотан лежал на смертном одре, а наша душа искала новые формы, появился Рим; когда готика заканчивала свою жизненную линию, появилось римское право и гуманистические попы от искусства, которые пытались нас искалечить сверху путем использования новых критериев оценки. При помощи выкопанных Платона и Аристотеля, при помощи первых открытий древнегреческих художественных произведений нордический дух ищущего времени познал вновь открытые красоты, но вместе с ними и их позднеримскую фальсификацию. Никто не станет оспаривать, что древнегреческий идеал красоты соответствовал нордическому, он был преимущественно кровью от его крови; но все-таки эта греческая красота была свидетельством замкнутой собственной цивилизации, она была среди разорванного индивидуалистического греческого народа его статической страницей, его типобразующим мифом. Но внешняя красота никогда не была высшей ценностью нордической западноевропейской сущности, ею была сформированная воля, которая проявляется как честь и долг (Фридрих и Бисмарк), как душевная драма (Бетховен, Шекспир), как сжатая атмосфера (Леонардо, Рембрандт). Этой полной энергии воле в XV веке был подарен афинский критерий оценки, появившийся из совсем другого окружения. Ренессанс обнаруживает борьбу между инстинктом и новой идеей в художественном отношении, так же, как реформация в религиозном. После наполненного жизнью XVI века в Северной Италии и проникновения барокко, так называемая греческая высшая ценность приобретала все большее значение. Результаты исследования памятников греческой истории (гемм, ваз, некоторых памятников живописи и иных изображений) были взяты за основу "общей" эстетики, греческие формы получили оценку "чисто человеческих". Затем появляется тезис о "безвольной созерцательности", сопровождаемый отрицанием эстетической воли. Греческий миф о гармонии и стремлении к покою бросил тень на германский инстинкт, на попытку полного сил самосознания, а также на художественный разряд воли. Противоречия тянутся до сегодняшнего дня, и лишь робко, время от времени возникают новые взгляды.

Хотя наша эстетика получила свои мерки от Эллады, и это доказуемо, она позволяет себе гордо считать, что основные черты ее являются "чисто человеческими", универсальными. Как в государственной жизни, так и в искусстве с чисто профессиональной точки зрения различают две конструктивные группы: индивидуализм и универсализм, т.е. духовное направление, которое объявило понятие "я" и его интересы исходным и конечным пунктом мышления и действия, и другое, которое это "я" хотело включить в законы "универсальности". Опасное в этом кажущемся проясняющим обозначении типов заключалось теперь в том, что эта

"универсальность" может раствориться в бесконечном. Этот лишь кажущийся великодушным универсализм привел однажды к международной "мировой Церкви", к "мировому государству", позднее к марксистскому "интернационалу" и к демократическому "человечеству" сегодняшнего дня. Универсализм в качестве принципа построения так же безбрежен, как индивидуализм. Конец, в случае победы одного из двух мировоззрений, должен неизбежно каждый раз становиться хаосом. Вот почему индивидуализм охотно кутается в универсалистский плащик, он имеет хороший и нравственный вид и безопасен. Совсем иначе обстоят дела, если как индивидуализм, так и универсализм совместно относят к другому обусловленному ростом центру. Для понятия "я" раса и народ являются предпосылкой его существования, но одновременно также единственной возможностью его подъема. Но в то же время "универсальность" совпадает с расой и народом, находя здесь свое органичное ограничение. Индивидуализм и универсализм сами по себе представляют прямые линии, уходящие в бесконечность, по отношению к расе и народу они представляют собой силы, ритмично сменяющие друг друга при протекании в противоположных направлениях, стоящие на службе у расовой заповеди, обеспечивающие творчество. Этот общий динамический взгляд на жизнь должен также при рассмотрении искусства Западной Европы найти свою противоположность.

В искусстве существуют, таким образом, три органичных предпосылки для такого рассмотрения, на которых в дальнейшем должна основываться любая настоящая эстетика Европы, если она хочет быть на службе у жизни пробуждающейся нордической Западной Европы: нордический расовый идеал, внутренняя динамика европейского искусства и вместе с ними содержание как проблема формы, и признание эстетической воли.

Эти последние утверждения приводят нас теперь поневоле к спору о последствиях внутреннего отношения к проблеме искусства и со ставшим народным понятием воли Шопенгауэра. Пока он не решен, не может быть и речи о прояснении (не только в делах искусства) и сущность предмета эстетики не будет понята ни инстинктивно, ни сознательно.

II

Воля и инстинкт

1

Исходная точка Шопенгауэра. Объект-субъект — неразрешимые сопоставления. — Ошибки догматического материализма и догматического идеализма. — Мир как представление. — Прорыв критического мировоззрения. — Воля и акт движения. — Воля как природный принцип. — Повторное введение отвергнутого понятия причинности. — Снятие "воли" разумом. — Ничто.

В ставших, к сожалению, тривиальными словах Канта о том, что звездное небо над нами и моральный закон в нас составляют наше бытие, не находясь в причинно-следственном отношении друг к другу, высказана глубокая вера в полярный подход к миру и в динамическое ощущение жизни. Действительно, ни один истинный европеец

не может существовать как созидатель вне условий своей жизни, хотя у многих из них необыкновенно сильным было стремление к устранению противоречий, к покою, к статике и монизму. Ничто не является для этого стремления более типичным, но ничто не доказывает невозможность монизма для нас более отчетливо, чем случай Артура Шопенгауэра, того романтика, который считал, что смог овладеть полнокровной динамикой его сущности при помощи "тростникового меча разума" - и на этом сломался. Уже одно объяснение мира, отнесенное к желанию, отдаляет его от индийского мышления, которое он позволял себе считать своим, но где индеец освобождение относит не к волевому акту, а к акту познания. Мощная монистская попытка Шопенгауэра изобразить мир как волю и представление вскрывает процесс, знание и оценка которого являются основополагающими для нашего мировоззрения, но не менее для понимания сущности нашего искусства.

Объект и субъект - это неразделимые понятия. Это точка, от которой исходит сознание полярности Шопенгауэра. Отсюда он выступает с одной стороны против идеализма, который тезис о причинности рассматривает не как свойственное людям представление, а как свойство, существенное для вещи в себе, порождающее объект, а с другой стороны против догматического материализма, который деятельность представления со стороны субъекта пытается представить как результат форм и воздействий материи. Потому что сознание, которое объясняет, должно быть объяснимо материально. Это заранее было представлено как предпосылка и мы считаем, "что с познанием материя представляет нас, на самом же деле подразумевается не что иное, как представляющий материю субъект: видящий ее глаз, осязающая рука, узнающий ее рассудок".

Ошибка материализма заключается в том, что он исходит от объективного, потому что одно и то же обуславливается субъектом и формами его представления, то есть оно не абсолютно. С таким же успехом можно представить материю как модификацию познания субъекта. Так Шопенгауэр ставит себя между догматическим реализмом и догматическим идеализмом. Он не исходит ни от субъекта, ни от объекта в отдельности, а исходит от "представления первого действия сознания". Он согласен с Кантом по поводу учения об идеальности пространства, времени и причинности как чистых, т.е. не эмпирических воззрений, которые только делают опыт возможным, и все его стремление в первой книге его основного произведения направлено именно на то, что если рассматривать материю как вещь в себе и постараться объяснить субъект с этой точки зрения, то получится банальный материализм. Если же посмотреть на субъект как на нечто абсолютное, то получается спиритуализм. Если же догматически разделить объект и субъект, то получишь дуализм. А если утверждать, что это одно и то же, то получится спинозизм. Все это догматические воззрения, вопреки которым мы создаем объект и субъект как два коррелята, наличие объекта - представление объекта.

Мы обладаем двумя интеллектами: пониманием, способностью распознавания причинной связи (которая у нас является общей с животными), и разумом, способностью к абстракции (которая дана только нам). Функция понимания заключается в формировании взглядов, деятельность разума - в создании понятий, из которых только вырастают наш язык, наука, вообще вся наша культура. Этот разум имеет "женскую природу: он может дать только после того, как принял". Тем самым высказана основная догма Шопенгауэрова воззрения. Разум - это функция мозга; мир появляется в связи с этим как "феномен мозга". Мышление с его точки зрения - это процесс выделения, аналогичный образованию слюнного секрета.

Работа разума заключается в том, чтобы создавать знания, т.е. абстрактные суждения; "Знание означает умение ума произвольно производить такие суждения, которые где-либо за его пределами имеют достаточное основание для его признания, то есть являются истинными".

Объект, таким образом, - это представление, оно является нам в чистых воззренческих формах времени, пространства и причинности. Все в них и все от них. При этом мировоззрение строго замкнуто и кажется, что не осталось ни одной лазейки для того, чтобы подняться или опуститься до первопричины. Шопенгауэр же находит еще и "другую сторону" мира. Рассмотрев наш разум, прошлое и будущее, верную смерть в сознании, следует поставить вопрос о том, откуда пришел и куда уходит человек, вопрос о сущности мира и понятия "я". И Шопенгауэр, который до сих пор уверял, что мир - это "исключительно" представление, пробивает поставленные им самим барьеры. "Но к исследованию нас побуждает то, что нам недостаточно знать о том, что мы имеем представления, что они такие и такие и связаны между собой теми и этими законами, общее выражение которых является всегда тезисом причины. Мы хотим знать значение тех представлений, мы спрашиваем, не есть ли этот мир нечто другое, как представления, в каком случае он подобно лишенному сущности сну пройдет мимо нас, не стоя нашего внимания; или он - нечто другое, нечто потустороннее, а тогда что же является этим!" Никто до сих пор не мог дать на это больше, чем отрицательный ответ, ответ, который был полностью абстрактным, лишенным содержания и имеющим только ограниченную функцию, - дух Анаксагора, атман индийцев, вещь в себе Канта. Шопенгауэр раскрывает теперь эту вещь в себе как известную нам "до интимных подробностей" внутреннюю сущность, как волю. Ее невозможно достигнуть, исходя от представления, более того, она полностью является чуждой его законам и его формам. Волю можно познать только интуитивно. Человек рассматривает движения и действия своего тела как изменение других объектов относительно причины, раздражителя и мотивов. Но их влияние он поймет только как связь другого возникшего влияния, известного ему, со своей причиной. Здесь же не так, потому что слово "воля" дает ему "ключ к его собственному явлению, раскрывает ему значение, показывает ему внутренние механизмы его сущности, его действий, его движений".

Субъекту, таким образом, тело дано в двух видах: в одном случае как представление, как объект среди объектов, подчиненный их законам, затем, другим образом, через "знакомое каждому непосредственно, что обозначается словом воля". "Каждый волевой акт является одновременно актом движения его тела, одно не является причиной, а другое не является следствием, они представляют одно и то же, разным способом доведенное до сознания". "Акция тела - это не что иное, как овеществленный, т.е. созерцаемый акт воли".

Я сознаю волю не как что-то целое и совершенное, а только в виде отдельных актов времени. Я не могу, таким образом, представить себе волю; она существует вне пространства и времени. Независимая от представления воля не подчинена тезису причины, не имеет причины, во всех проявлениях это та же сущность. По Канту все это присуще только вещи в себе, следовательно воля - это вещь в себе. Как таковая она свободна, как явление она несвободна, предопределена (детерминирована). Свобода лежит, таким образом, как бы за нами, никогда не проявляясь в действии. Отсюда следует, что наш эмпирический характер, выступающий в наших действиях, несвободен и неизменен, что он тем не менее представляет собой осуществление свободного интеллигибельного (понятного); эмпирический характер относится к интеллигибельному как явление вещи в себе. Наиболее совершенно, так сказать в фокусе, воля овеществляется в половом инстинкте, в безусловной воле к жизни. Она представляет собой вечное желание и стремление, которое после короткого удовлетворения, движимое все новым страстным желанием, следует этому демоническому влечению сущности без передышки.

Но не только в человеке эта воля представляется нам как вещь в себе, более того, во всей природе она является стоящим за явлением движущим моментом. Хотя

наиболее совершенно она овеществляется в человеке, но когда мы видим мощный неудержный напор, с которым воды стремятся к глубине, упорство, с каким магнит все время поворачивается к Северному полюсу, силу, с которой электрические полюса стремятся соединиться, и которая возрастает подобно силе человеческих желаний и препятствий, когда мы видим, как быстро и внезапно вспыхивает кристалл и т.д., нам - по Шопенгауэру - не понадобится сильно напрягать воображение, чтобы даже с далекого расстояния осознать свою собственную сущность хотя неопределенно и невысказанно, но не менее ясно, "так же хорошо, как первые предрассветные сумерки с полуденными лучами разделяют наименование солнечного света", - это есть воля. В соответствии с этим, имеются различные степени овеществления воли, - это Платоновы идеи. Они являются теми промежуточными звеньями, которые помещают между двумя резко расходящимися мирами: представлением и волей и тем самым создают между ними связь, которую другим образом понять невозможно. То есть множество без принципа множества! Самую нижнюю ступень представляют общие силы природы: сила тяжести, непроницаемость, твердость, упругость, электричество, магнетизм и т.д. И они, как наша собственная воля, не имеют причины и точно так же только их отдельные явления подчинены тезису причины. Они представляют собой "Qualitas occulta". На более высокой ступени овеществления воли мы видим, как все больше выдвигается индивидуальность человека и животного, главным образом животного, и здесь, где особенно проявляется сущность вселенной, борьба за свое существование проявляет волю.

Общая борьба в природе наиболее наглядно выражается в мире животных, "который для питания имеет мир растений, и в котором само животное опять же становится жертвой и пищей для другого, т.е. материя, в которой выражается его идея, уходит на выражение другой, между тем каждое животное свое существование может получить в результате постоянной ликвидации чужого существования. Так что воля к жизни сплошь поедает сама себя... пока, наконец, человеческий род не усмотрит в природе фабрикат для своего употребления". Страшна и бессмысленна эта сила, которая в результате такого разнообразия и затрат энергии, ума и деятельности может предложить в качестве противовеса только эфемерное и улетающее ощущение счастья при спаривании и удовлетворении чувства голода; труд и награда несоизмеримы. Всюду Шопенгауэр видит "всеобщую нужду, неутомимый труд, постоянное стремление, бесконечную борьбу...", в лучшем случае скуку.

Только слепая воля могла поставить себя в такое положение. В неорганической природе вся борьба происходит по неизменным законам причины и следствия, в мире растений движения следуют за раздражением, т.е. причины вызывают следствия, которые им не аналогичны; Наконец появляются мотивы и познание как управляющие нашими животными действиями моменты. Все это происходит закономерно, для свободы разума и ее идей места не оставлено, она представляет собой "подчиненный орган".

Познание, созерцательное так же, как и разумное, хоть и исходит теперь из воли на ее высшей ступени овеществления, так как человек нуждается в других способностях, чем неорганическая природа, мир растений и животных. Таким образом, изначально полностью поставлено на службу человеку, но не поддаться этому игу могут отдельные совершенно великие люди. Познание существует тогда как одно "ясное зеркало мира".

Таким образом, мир как представление все-таки произошел от воли! Несмотря на первоначальное возражение Шопенгауэра против утверждения здесь причинной связи, причинность появляется, хотя и замаскированно. Поэтому в качестве выводов появляется следующее: разум - это только рефлексия, т.е. он представляет собой полностью "женскую способность", он обусловлен понятием, которое неизбежно определено созерцанием; оно не является, таким образом, творческим. Мы не

свободны: потому что наше действие неизбежно определено мотивами, фактическими или мнимыми; действующий как бы за человеком "интеллигибельный характер", который находится вне необходимости, появляется в жизни как врожденный и неизменяемый, то есть так же подчиняется тезису причины.

Но от этих оков демонической "воли" именно этот скованный разум за счет "избытка интеллекта" может подняться для безвольного созерцания, как "чистый субъект познания" увидеть и преодолеть страшную власть воли, ее беспричинность и неразумность "чистым мировым глазом". Это происходит при помощи гения художника, который, освобожденный от воли, может теперь изображать природу чисто и объективно. Но это происходит прежде всего в феномене святости, где разуму удастся преобразовать преходящую эстетическую забывчивость в длительную лишенную желаний созерцательность, увидеть иллюзию мира и отрицать волю к жизни.

Конец - это ничто, в которое человек заглядывает после тяжелого труда и мук. "Перед нами остается, конечно, ничто. Но то, что противится этому растеканию в ничто, наша природа, и есть воля к жизни, которой являемся мы, как она является нашим миром... Но если мы обратим свой взор от нашей собственной бедности и робости на тех, кто преодолел мир, в ком воля дошла до полного самосознания, во всем себя нашла и затем свободно отрицала себя, то вместо постоянного перехода от желания к страху, вместо никогда не удовлетворенной надежды нам откроется... тот покой, который выше всякого разума, тот полный штиль на море души, который изображали Рафаэль и Корреджо, осталось только познание, воля исчезла".

"Но мы смотрим с более глубоким и мучительным стремлением на это состояние, рядом с которым наше собственное, жалкое и ужасное становится ярче, оттененное контрастом. И все-таки это созерцание является единственным, что нас может утешать длительное время, если мы осознали, по существу, с одной стороны - неизлечимое страдание и бесконечное несчастье как проявление воли, мира, а с другой стороны при отказе от воли видим, как мир растекается, и имеем перед собой пустое ничто... Мы признаем себя свободными. То, что остается после полного отказа от воли для всех тех, кто еще полон воли, это, конечно, ничто. Но и наоборот, для тех, в ком воля меняется и отрицается, этот наш такой реальный мир со всеми его солнцами и млечными путями - ничто".

2

Двусторонность шопенгауэрского понятия воли. — Целесообразная слепая воля. — Воля, порыв и сила влечения: не количественные, а качественные различия. — Разделенная надвое сущность желания человека. — Отрицание порыва через волю.

В рамках этой книги невозможно обсудить все учение Шопенгауэра, можно только выделить те пункты, которые могут помочь в оценке наших жизненных законов и их выражения в мировоззрении, науке и искусстве.

Здесь в первую очередь следует выбрать центральное понятие шопенгауэровой философии - волю. Мы видим, что она освещалась как непосредственно нам знакомая и данная нам. Но когда произносится слово "воля", в сознание каждого беспристрастного, еще не загипнотизированного Шопенгауэром, входит не поддающийся дальнейшему толкованию и действительно "до интимных мелочей" знакомый принцип, который вопреки врожденному эгоизму очень часто в нас говорит и

иногда создавал в истории народов непостижимо сильные образы. Вероятно в нашу душу проникают духовная сила немецких мистиков, Лютера, жизнь многих борцов, отданная за идею, образ преодолевшего мир из Назарета, все те личности, которые проявили свободную волю в жизни несмотря на противодействие всех сил. Об этом мы, по-видимому, будем думать, когда будем призваны найти сущность в нас самих, которая будет обозначена словом "воля" и будет нам "до интимных мелочей" знакома. Но чем больше мы читаем Шопенгауэра, тем больше выявляется, что эти взгляды на волю неверны и подобны детским. Более того, хоть воля и отличается от всякого явления и является беспричинной и таинственной, тем не менее это мощный и лишенный цели демонический напор, шарахающийся от одного страстного желания к другому. Он живет в человеке и животном, он проявляется в растении и камне. Он делает так, что вода с шумом обрушивается со скалы, что магнит притягивает железо, что растение стремится вверх, что самец стремится к самке, что одно создание уничтожает другое... Теперь эта воля, которая, как утверждается, является единством, рушится в результате проникновения идей в этот множественный материальный мир, приводит к своему овеществлению и "зажигает для себя" на высшей ступени "свет" интеллекта. Тот полностью от нее зависит и рожден, чтобы оказывать ей услуги. Он высматривает по всем направлениям добычу, постоянно повинуюсь своей тиранической госпоже. Он проектирует мир как представление, а мы наблюдаем странный факт, заключающийся в том, что мозг, который все же представляет собой полярное предварительное условие для представления времени и пространства, сам возникает в пространстве и времени, что он одновременно является субъектом представления и его объектом. Это напоминает старую историю, согласно которой сначала курица появлялась из яйца, но и яйцо сначала появлялось из курицы.

Шопенгауэр закончил свою философию собственно уже в первой книге своего главного произведения. Он показал, что все "полностью" есть представление, что все имеет условной предпосылкой время, пространство и причинность, что мы совершенно несвободны. Он не оставил разуму, этому подчиненному органу, открытой заднюю дверь и все его возможности ограничил представлением. Отсюда за этой чудовищностью последовали другие, более поздние. Воля же, которая в остальном так целесообразно (почему, остается вечной тайной) пришла к своему овеществлению, совершила неосторожность (которая тем меньше понятна, так как четко заверялось, что функции тела согласованы полностью и везде с функциями воли) и снабдила мозг "избытком" интеллекта. Некоторые мужчины вдруг взбунтовались, отказались, распознав полную бед волю, от этой вещи в себе и существуют в качестве чистого субъекта познания, создают вечные произведения искусства и становятся святыми. Как смогла эта сила третичного органа, интеллекта, вдруг отказаться от повиновения своему непобедимому тирану? Мы этого не знаем, но без этого утверждения шопенгауэрова архитектоника необходимости воли не соответствует идеям, овеществлениям, эстетическому состоянию и т.д.

То что необходимо, это прежде всего понимание того, что видимость, естественная и метафизическая, связанная в единую ионическую систему, стала здесь возможна благодаря игре двух совершенно разных взглядов на то, что следует понимать под волей. Я нигде не нашел достаточно четкого изложения этого. Хотя Рудольф Хаим в своей работе о Шопенгауэре очень энергично отвергает волю как принцип объяснения природы; хотя Й. Волькельт объясняет противоречия в понимании воли, принцип все-же сохраняется; К. Фишер почти совсем ничего не говорит о воле; Х.Ст. Чемберлен (впадая в другую крайность) в целом отвергает учение о воле, но мне все-таки кажется, что во всех случаях мало уделяется внимания двойному применению понятия.

За несколько лет до издания своего главного произведения Шопенгауэр воспринимал волю как нечто великое и святое. Он говорит об этом: "Моя воля

абсолютна, она стоит над всей материальностью и природой, изначально обладает святостью, и святость ее не имеет границ". Но затем это представление воли, осознаваемой в качестве метафизической силы, получило меняющуюся окраску и в виде такого хамелеона проходит впредь по всему произведению Шопенгауэра.

Шопенгауэр считает, например, что воля - это то, за что мы одни чувствуем ответственность и за что нас одних можно привлечь к ответственности, поскольку интеллект - это подарок богов и природы. Это говорит о том, что волю инстинктивно рассматривают как сущность человека. Совершенно справедливо, но здесь воля употребляется в значении, которое противоречит значению шопенгауэровой воли, представляющей собой лишенный цели и неменяющийся эгоистический инстинкт.

Или, когда Шопенгауэр представляет мир как целесообразное целое, в котором все находится между собой в "непонятной гармонии", это тоже не согласуется со слепой волей. Но паллиатив в том, что воля хоть и неразумна, но действует тем не менее так, "будто" она обладает разумом, совсем неубедителен.

Если далее идеи должны представлять более сильные и более слабые овеществления воли, то снова за не имеющей цели сущностью признается целеустремленная способность быть критерием оценки, а именно в такой степени, что чем сильнее она овеществляется, тем становится дифференцированнее.

Далее все теологическое понимание природы выпадает из шопенгауэровой системы. Человеческое действие осмысливается как таковое только тогда, когда я вижу его смысл, т.е. когда я предполагаю созидающую целеустремленную волю. Но если я рассматриваю природу как целеустремленную, следовательно, как инстинктивную целесообразность, то я предполагаю регулирующий принцип, неважно какими качествами обладающую, но не безумную, не слепую, не лишенную цели волю.

Одно нужно четко уяснить: что одним словом "воля" обозначаются два разных в корне понятия. Одно означает принцип, противопоставленный всей природе с ее единственным стремлением, направленным на самосохранение, другой характеризует сущность эгоизма. Короче, мы должны различать волю и инстинкт. Воля - это всегда противоположность инстинкта и не идентична ему, как учит Шопенгауэр на основе своей монистской догматики. Разница между волей и инстинктом и привлекательностью является не количественной, а качественной. Если я чувствую в себе (тут Шопенгауэр прав) животное, полностью направленное на чувственность, подсознательное и входящее в круг сознания неодолимое желание, весь смысл которого заключается в его существовании и осуществлении, то я могу, если я поэт, представить себе аналогичный инстинкт также в мире растений и в мире минералов. Но я не могу эту поэтическую аналогию сделать основой философского мировоззрения. Я не могу это сделать тем более, что тогда с объяснением разума я попадаю в круг, из которого невозможно вырваться.

Я вынужден предположить, что другой фактор, который действует в противоположном воледелению направлении, воплощает и другой принцип, а разум (который этому принципу придан для того, чтобы с его помощью временно или навсегда преодолеть иго слепого инстинкта), хоть и обусловлен мозгом, но создан не тем же самым, потому что функция органа не может представить то же самое.

Я вынужден констатировать, что вся моя сущность полярно делится на две части: на чувственно-инстинктивную и сверхчувственно-волевою; что две души, которые Фауст чувствовал в своей груди, на самом деле представляют собой два принципа, которые лишь слепой; догматизм может считать одним и тем же. Если Гёте "совсем тихо, совсем отчетливо" слышал голос, который говорил ему что "нужно делать" и чего "избегать", то страсть часто тянула его в другом направлении. Моральная сторона человека опирается в связи с этим на то, что человек знает, что в нем царит

категорический нравственный закон, и чувствует также в себе возможность ему повиноваться. Иначе все нравственные молитвы были бы пустяком, а Христос и Кант достаточно глупыми людьми. Долженствование и возможность предполагают друг друга: без свободы нет чувства ответственности, нет морали, нет культуры души.

И наконец, сам Шопенгауэр вылетает из седла. Если инстинкт, который с такой силой пронесется мимо, узнанный третичным разумом, вдруг мягко лепечет и вот-вот замурлычет, то это вывод, который доставлял самому одержимому своей идеей Шопенгауэру до сих пор головную боль. "Тростниковый меч разума" (Дойсен) не может только при помощи только одного познания решить мировой конфликт, откуда следуют два вывода: или исходить из фактического и, имея перед глазами примеры самого возвышенного типа, познавать возможность победы воли над инстинктом, или совершать акт насилия и объявлять весь мир несвободным, отказываясь от всякой возможности очищения. Первой точки зрения придерживались Христос, Леонардо, Кант, Гёте, второй - индийцы и Шопенгауэр. Но только один-единственный раз последний позволяет войти свободе в мир, один раз, как "единственное исключение". Именно долженствование, на которое было вылиты столько едких насмешек, появляется, наконец, как *deus ex machina*; хаотическому, лишённому цели инстинкту, оказывается, присуща моральная сила, и нравственный порядок в мире, которому Шопенгауэр по праву придавал большое значение, спасен. В остальном, изначальная воля Шопенгауэра знает только физическую сторону, не моральную. Теперь она появляется как ее противоположность.

Таким образом, и Шопенгауэр, когда он учит отрицать волю, имеет в виду отрицание инстинкта и утверждение воли. Но эта непоследовательность всей системы и переворачивает все вверх дном. Что Шопенгауэр всю свою жизнь с таким усердием и энергией отстаивал, было утверждением того, что инстинкт составляет сущность вселенной и человека и идентичен воле; что он хоть и к счастью, но в неразрывной связи со своей системой признает, это то, что эта воля одновременно является моральной, спасительной, что человек, помимо инстинкта и третичного разума, представляет нечто совсем другое. Моральная воля, представленная в последней книге "Мир как воля и представление", отрицает все учение его первых книг, и Шопенгауэр позже признается в письме, преследуемый назойливыми вопросами, что "дело, конечно, похоже на чудо"...

Это вынужденное мировоззрение продолжает расходиться и никакое время не может его больше связать. То, что Шопенгауэр позднее говорит об индивидуальности, которую содержит вещь в себе, и о ее вечности, прекрасно и делает честь преодолению самого себя в этом случае, но также не согласуется с постоянными насмешками над ними. Он говорит: "... Следовательно, индивидуальность основывается не на одном *principio individuationis* и поэтому представляет собой не одно только явление; а оно имеет корни в вещи в себе, в отдельной воле, потому что ее характер сам индивидуален. Но как глубоко эти корни находятся, это вопрос, на который я не берусь отвечать"⁸². Это пишет человек, который в течение всей своей жизни утверждал, что нашел принцип единства мира, камень мудрых, и хулил всех, кто не хотел с этим согласиться.

Если замаскированный под волю инстинкт должен непременно представлять принцип "единства", то это единство не всего человека, а лишь обобщение одной его стороны, природной. Это Шопенгауэр осуществил блестящим образом. Поскольку он расшифровал инстинкт как более или менее выдвигающийся принцип, его учение представляет собой не материалистический, а скорее натуралистический монизм.

---

⁸² Письмо от 1 марта 1858 года.

Поскольку Шопенгауэр представляет не бескровные схемы, а мощную личность, о нем следует сказать еще несколько слов, так как шопенгауэровы натуры в немецком народе встречаются нередко.

3

Шопенгауэр: человек и учение. — Признание Шопенгауэром нордической личности.

Часто проводят сравнения между человеком и делом с указанием с одной стороны на непреодолимые противоречия, а с другой стороны на совпадение многих учений с личностью. И это справедливо: человек, который совершенно серьезно считал себя учредителем религии и проповедовал отрицание мира, живет беззаботной жизнью хорошо обеспеченного патриция и озабочен смутным преувеличенным опасением за свое благополучие. Он покидает Берлин из-за недоброго сна и из страха перед холерой. Он живет во Франкфурте на первом этаже, чтобы быстро можно спастись во время пожара. Он ходит в гости со своим бокалом, чтобы не схватить заразу при питье из чужих стаканов... Здесь проявляется его "воля" с возросшей до болезненности силой. Шопенгауэр был одержим прямо-таки демоническим чувством страха перед смертью; он был одержим жестоким эгоизмом и приходил в невыразимую ярость по отношению к тем, кто что-либо имел против него. Но одновременно он представлял собой интеллект с мировым охватом, гениальные взгляды и проблески ума которого стали духовным достоянием тысяч, который чудесным образом проливал свет на некоторые вопросы и писал по-немецки с таким великолепием, так красочно и ясно, как мало кто из великих.

Напротив, "тихий, отчетливый" голос, о котором говорили Гёте и Кант, он чувствовал редко; он появлялся только в виде неопределенного стремления. Он не мог понять тонкости тех, кто создает тайны, и величия Фихте; он был подавлен и уничтожен болезнью значительного высокомерия и только со злорадством говорил о слабостях тех, кого он встречал в жизни.

Слово о человеке, который был не хитроумной книгой, а природной картиной со "своим противоречием" ни к кому другому не подходит лучше, чем к Артуру Шопенгауэру. Редко противоречие между инстинктом, пониманием и волей было таким мощным в одном сердце. С годами он чувствовал с удовлетворением, как чувственный инстинкт уходил от него и с этого времени прославляющие изречения уступили заметно основному пессимизму (в смысле озлобленности). 70-летним старцем он пишет: "То, что Ветхий Завет в двух местах устанавливает от 70 до 80 лет, меня мало беспокоит, но то же самое говорит Геродот также в двух местах: это уже что-то значит. Только святой Упанишад говорит в двух местах: 100 лет - это срок человеческой жизни. Это утешает."⁸³

Ранее Шопенгауэр все-таки определенно глубоко чувствовал внутреннюю борьбу двух натур. Его главной ценностью является также не то, как утверждают некоторые поверхностные философы (Фишер), что он писал о зрителе театра жизни, а то, что он писал об одержимом демоном актере. В противном случае как интеллект он легко заметил бы несогласованные части своего произведения, но они были отражением его действительного переживания. Поскольку Шопенгауэр сам чувствовал себя захваченным огромным инстинктом, то ему казалось, что и окружающий его мир неизбежно ему подвержен. Видя рост своего интеллекта, он и в своем произведении теоретически полностью убрал иго инстинкта. И поскольку он сам обладал бессильным

---

⁸³ Парерга II (Приложение II). 8-я глава, §116.

предчувствием свободной воли, то в конце совершенно робко появляется и моральный порядок мира. То, что одно только познание инстинкта смогло его преодолеть, Шопенгауэр проповедовал как стремление, но сам, несмотря на все понимание, осуществить не мог. И когда такой интеллект не справился с этим, тогда появляется это грандиозное самообличение, которое само по себе есть "мир как воля и представление". Шопенгауэр не хотел видеть или из-за болезненной приверженности к догматическим взглядам не хотел сознаться в том, что одно теоретически образованное философское понимание не может помочь, помочь может появление фактора, который имеют в своем распоряжении все поистине великие: овладевающий и преодолевающий инстинкт воли. Когда Будда признает инстинкт страданием, то это только одна сторона его сущности; но если он отодвигает его на задний план живой деятельностью, то это другая, волевая сторона. Когда Христос выступает против "змеиного отродья", когда он ради идеи принимает смерть, то это влияние противопоставленного инстинкту ради жизни принципа свободы, который не мог создать из мира диспута и который был основан не на одном только понимании.

"Самостоятельная совесть", как ее понимал Гёте, появляется как "солнце нравственного дня", как принцип, который Шопенгауэр считал преодоленным, загнав его в инстинкт, чтобы потом оба перепутать.

Философия Артура Шопенгауэра представляет собой сосуд, наполненный множеством драгоценностей, удерживаемый железной лентой его грубой индивидуальности. Теперь эта лента упала, и все элементы, прекрасные, как они есть, лежат врассыпную. Личности не хватило для законченного дела, и философия Шопенгауэра была трагической мечтой отчаявшегося искателя. Воля, в осколочных высказываниях и на случайностях которой "гениальный мировой дух играет свои осмысленные мелодии", может быть только гениальной волей. Воля же, которая представляет собой только беспричинный, лишенный цели, слепой напор, это чисто животный инстинкт. Первая оседает ценности, вторая представляет собой нетворческий, тянущий вниз принцип. Первая открывает нам достоинство в человеческой сущности, вторая - ее низменную сторону. Все великие художники и святые наполнены первой, они воплотили ее в делах, в произведениях искусства и в жизни; с ее помощью и помощью идееобразующего разума они направили инстинкт в такое русло, где он нашел свое место в качестве материала для их творчества. Артур Шопенгауэр тоже хотел выйти на это и не справился, потому что ему к интеллекту не доставало воли. Это является трагизмом его жизни и его труда. Таким же трагизмом является и то, что Шопенгауэр всегда уверен в нашем глубоком уважении к нему, как, к примеру, героической - и по своей мощи настоящей западноевропейской - борьбы за сущность этого мира. Человек здесь все поставил на карту и проиграл. Отчаянные попытки подняться ввысь всегда кончаются падением в ничто. Но и совершенно не индийский Шопенгауэр признавал, что самое большее, чего может достичь человек, - это "героическая биография". Это нордическое признание, лучше которого придумать нельзя. **И поэтому Артур Шопенгауэр - наш.**

Пять областей формирующей воли.

Для того, что я хотел бы сказать в этой книге, приведенная выше полемика с философией Шопенгауэра кажется мне особенно важной. Его работы лежат сегодня не только на столах профессоров, но и на столах деловых людей, и благодаря своему блестящему стилю и подкупающему искусству убеждения нашли путь и в другие круги.

Понятие "воли" поэтому употребляется повсеместно и понимается, главным образом по Шопенгауэру, как слепой напор, даже если другое представление почти полусознательно идет параллельно. Это понятие воли следовало подвергнуть короткому исследованию и вскрыть его противоречие в самом себе или истолковать его как инстинкт и никак иначе. Волю следует понимать в ее старой чистоте, как противодействующий эгоистическому инстинкту принцип из царства свободы, как считали Кант и Фихте, если нужно освободить основу для нордического восприятия жизни. Эта полемика имеет также основополагающее значение для понимания западноевропейского искусства и его духовного воздействия. Если я говорю о небезвольном эстетическом понимании искусства, то это значит, что я не хочу делать невозможных утверждений о том, что искусство должно влиять на инстинкт, "волю" Шопенгауэра, а говорю о том, что произведения искусства и особенно определенная группа их, обращаются не одни, или вообще не обращаются к субъекту познания, погружившемуся в созерцательное настроение, а имеют целью пробуждение духовной активности.

Одним из важнейших проникновений в сущность всего человеческого является признание факта, что человек является формирующим созданием. В основе всей его духовной и интеллектуальной деятельности лежит стремление к преобразованию. Только таким образом он может овладеть окружающим его миром, понять его как единство. Так собственными силами он формирует свой внутренний мир и выносит его в виде религии, морали, искусства, идеи науки, философии. Пять тенденций живут в человеке - каждая требует ответа. В искусстве он ищет внешнюю и внутреннюю форму, в науке - правду при совпадении суждения и феномена природы; от религии он требует убедительного символа для сверхъестественного; в философии он требует совпадения желания и признания религии и науки. В морали он создает необходимые руководящие принципы для действия.

Каждый раз, когда человек входит в одну из этих пяти областей, говорит формирование другой направленности, действующая иначе воля. Это стремление желания и познания нельзя объяснить из всей природы, это тенденции, которые или равнодушны к инстинкту и его удовлетворению (наука, философия), или в боевой готовности противостоят им (мораль, религия), или же обе уходят в область их отображения (искусство). Отличие этого разного взгляда на духовные силы, которые восходят к воле и разуму и объединяются в душе, в личности, означает первую предпосылку истинной культуры, ее единое формирование жизни, миф расы. Различение может происходить наивно-инстинктивно или философски-сознательно, но от того, в каком виде и колорите делается акцент на отдельную тенденцию, зависит также многообразие и богатство связей культуры как выражения определенной духовной расы.

III

Стиль

личностный и объективный

1

Искусство пространства и времени. — Двойственность художественного творчества. — Стремление к совершенной гармонической красоте и вакхическое. — Наивное и сентиментальное. — Идеалистическое и реалистическое. — Типичное и индивидуальное. — Методы и законы сущности.

Пространство - это одновременность, сущность времени - последовательность. Пространство можно представить себе только как покой, время можно измерить только как движение. Художественно-статическая душа будет поэтому всегда предпочитать пространственные виды искусства, а в других видах будут выделять скорее параллельное наличие, чем очередность или расхождение. Художественно-динамическая творческая сила, напротив, будет стремиться в своем искусстве к воплощению всех качеств внешнего и внутреннего движения, т.е. особенно осваивать искусства времени (музыка, драма), а в пространственных видах искусства изображать развитие, становление, она будет стараться даже в одновременности пространства спрессовывать современность и будущее в одно мгновение. Поэтому, например живопись в Западной Европе - это в первую очередь искусство портрета. Это свидетельствует о том, что в неизбежно пространственную форму одновременности нужно внести при помощи волшебства высочайшее внутреннее движение, динамика всей жизни оживает в одном мгновении. Таким было искусство Рембрандта, Леонардо, Микеланджело. Динамика же - это всегда разрядка воли. В искусстве тоже.

Эти соображения являются основополагающими для того, чтобы понять сущность античности и Западной Европы, когда осознаешь, что Эллада была в художественном отношении статичной, Европа же склонна в художественном отношении к волевой динамике. Следствием этих разных духовных взглядов были два стилистических типа, которые я бы хотел назвать объективным стилем и стилем личности.

Каждый серьезный исследователь художественной закономерности вынужден признать по меньшей мере двойственность творчества. Как было установлено при обсуждении шопенгауэрова понятия воли, его метафизический тезис разбился о неестественное смешение двух тенденций желания. Инстинкт и воля стоят единым фронтом против интеллекта, и хотя оба являются желанием, но с разной направленностью. Художественное творчество как таковое хоть и представляет собой свободное формирование, но и здесь эта первоначальная формирующая воля разделяется по крайней мере на два силовых потока. Это, как было сказано, не является

новым открытием. Например, один вид художественных произведений называли аполлоновым, другой дионисовым и хотели тем самым обозначить как нравственные различия, так и разные стили художественного творчества. Тип Ницше имеет право на существование в рамках греческого искусства. Но было бы в корне неверно переносить эти неразрывно связанные с духом древнегреческой культуры понятия на искусство других народов. Нордическое западно-европейское искусство никогда не бывает аполлоновым, т.е. веселым, взвешенным, гармонично-формальным и никогда дионисовым, т.е. вызванным одной чувственностью, основанном на экстазе. Нельзя даже найти немецких слов, чтобы правильно уловить дыхание древнегреческого искусства. Нужно иметь перед глазами Калликрата, Фидия, Праксителя, Гомера и Эсхила, греческий культ предков и вакхические игры, надгробные памятники и веру в бессмертие, чтобы понять что отнести к аполлонову типу, а что к дионисову. Это другое выражение души перенести на немецкое искусство было невозможно и вызвало бы только путаницу.

Шиллер пытался со своей стороны истолковать двойственность художественного творчества (ограниченного только поэзией) как наивную и сентиментальную. Но он зашел с этим в некоторый тупик и был, например, вынужден объявить как Гомера, так и Шекспира наивными поэтами. Но его острый ум в конце концов всегда помогал ему выйти из затруднительного положения. И если он и придерживается навязанного тезиса эстетического созерцания, то в каждом его сочинении имеется такое количество глубоких, раскрывающих нашу сущность наблюдений, что каждый немец должен знать его "Эстетические письма", "О наивном и сентиментальном поэтическом искусстве", "О фации и достоинстве", "О патетическом", "Мысли об использовании пошлого и низкого в искусстве" и т.д. Леонардо, который рекомендует своим ученикам изучать также пятна на стене, и который одновременно писал голову Христа; Дюрер, который с микроскопической верностью рисует зайчика и крыло птицы, "Всадника, смерть и дьявола" и создал "Малые страсти", были "идеалистами" и "натуралистами" одновременно. Рембрандт ничего не боится изображать, даже звероподобного человека, и, тем не менее, он является создателем "Блудного сына". Грюневальд избавил нас от изображения тел мучеников и пишет вместе с тем воскресение; Гёте описывает шабаш на Броккене и *chorus mysticus* в одном произведении.

Европейское искусство никогда не было "идеализацией" в привычном для нас слащавом смысле, никогда не было пугливым уклонением от изображения или смягчения природы. Через природу, напротив, проходил путь формирования западноевропейских художников. Прежде чем природа была покорена, она была безжалостно отображена.

Это не был идеал гармонии и красоты в античном смысле, которым Европа владела, а был идеал беспощадно воплощенной новой эстетической воли.

Поэтому, чтобы раскрыть сущность нашего искусства, писать нужно не философию красоты и гармонии - всегда статичных - и не применять критерий, заимствованный из античности. Понятие красоты должно - если вообще может быть употреблено - получить расширенное толкование. Тогда "красивым" может считаться для нас, наряду с нордическим расовым идеалом, только пронизанное материальностью внутреннее излучение выдающейся воли.

Красота Девятой симфонии существенно отличается от красоты греческого храма; рембрандтова голова Тита в Петербурге - это другая красивая душа, отличающаяся от Праксителява Аполлона.

Греческая красота - это формирование тела, германская красота - формирование души. Первая означает внешнее равновесие, вторая - внутренний закон. Первая - это результат объективного стиля, вторая - личностного.

Часто употребляется такое обозначение: типизирующий и индивидуализирующий

стиль. И поскольку исследования не идут шире и глубже, то считают, что типизирующий художник отказывается только от случайностей и стремится отобразить только великие черты характера, индивидуализирующий же, напротив, любит эти произвольности и своеволие. При таком образе рассуждений проблема стиля понималась только как метод, а не как художественная необходимость. Можно целые страницы читать о том, что Фауст в первой части является результатом индивидуализирующего, а во второй - типизирующего стиля.

Внутреннее становление личности таким образом конечно не может быть понято. Потому что если рассматривать личности, индивидуальность и субъективность как одно и то же, то следствием будет одна путаница за другой.

Типизирующий и индивидуализирующий стиль - это не два метода, которыми мужчины из всех народов пользуются по своему усмотрению, а объективный и личностный стиль - это законы сущности художественного творчества, а кроме того, в узком смысле, самого отдельного художника.

Одинаковые слова никогда не бывают подобными монетам равного достоинства. В зависимости от окружения они передают разные оттенки понятия. И все-таки следует договориться о преимущественном смысле названия, а для других оттенков по возможности выбрать другие слова. Личность (воля плюс разум) является противостоящей материи, представляющей в человеке метафизический момент силой, в узком смысле внутренней и неутомимо действующей энергией (активностью) внутренней сущности, древней загадкой (древним феноменом) германской души. Лицо (инстинкт плюс понимание) - это тело человека и его интересы. Индивидуальность означает здесь на земле неразделимое соединение лица и личности. "Индивидуальная" трактовка относится к этому единству, "личная трактовка" - к личности, субъективное изображение - к движущей силе, понимаемой как лицо.

Предмет (объект) - это всегда мир. В нем также человек - как лицо. Сила деловитости (объективности) искусства зависит от силы и различия этих взглядов.

Все, кто до сих пор между объективным и субъективным направлениями творчества находил существенные различия, видел в результате этих непродолженных исследований необходимость противопоставить объективности только субъективность, т.е. произвол или противопоставленные ценности предмета, чувства, настроения, без стилеобразующей силы. Поэтому они также все - чтобы защитить великих художников от этого толкования - охарактеризовали "кристально ясную объективность" как их сущность и как единственный критерий оценки для высшего искусства. За слишком быстро осуществленным расчленением последовал ошибочный, по крайней мере односторонний обзор, духовное короткое замыкание. От этого навязанного учения об универсальности "объективности" как критерия оценки следует отказаться.

Гёте высказался однажды очень примечательно, он сказал, что каждой личной воле соответствует нечто объективное в природе, т.е. каждое личное художественное желание может быть преобразовано в органично-законное, или оно находит там свою противоположность. Этот совершенно определенный, личный взгляд на мир материи действительно привел к внутренне органическим великим делам "романтики" и "готики", которые были единственными в своем внутреннем единстве. Это чувство единственности по отношению к кафедральным соборам Реймса, Ульма, Страсбурга долгое время заставляло нас забывать о том, какая сила была приложена к камню в этих произведениях. Мы не обращали внимания на то, какая нужна была сила воздействия, какая нужна была сильнейшая внутренняя художественная сила, чтобы этот сухой материал поставить на службу идее, которая ему очевидно противодействовала. Потому что нужно уяснить себе: высекать из камня прозрачные кружевные образцы и строить из него башни одинаковым способом не пришло бы в голову ни одному народу. Каменный блок, рельеф, массивная скульптура означали раньше мемориальную

скульптуру. Здесь в готике проявился новый дух. И все-таки: страсбургский собор есть, от стоит, словно выросший из-под земли, он действует объективно, т.е. по-деловому закономерно.

Здесь открывается замечательное, стимулирующее глубочайшее исследование во всех областях соотношение: сильнейшая художественная личность всюду приносит с собой в качестве сущности образ, т.е. живую закономерность. Если она после некоторых мощных попыток освоила средство владения материалом, то художественное произведение представляет собой органически действующее создание. Истинная личность вначале враждебно противостоит укрощаемому предмету, затем он вынужден ответить формальной воле, и если это случается, следствием является личный стиль.

Субъективист находится под властью не одного волевого направления (и при отдельном произведении), а внутренних и внешних случайностей. Субъективизм означает в любом случае и в любой области насилие как личности, так и объекта, "вещи". Он представляет собой иногда красивую игру или отталкивающее безобразие (со стороны формы), затем снова чувственное поддразнивание, анархию неимущих или безудержную страсть (как чувство), но как одно, так и другое без внутренней и внешней закономерности, без внутреннего образа и внешней формы. Субъективизм как философия так же как и чисто художественная проблема является результатом внутренней бесплодности (расового распыления) народа, индивидуальности, целой эпохи или вообще - как конец - аналогии духовно-расового крушения.

2

Греческая и готическая архитектура. — Древнегреческий храм как пластика и наружная архитектура. — Функции пространства. — Направление души в готике. — Готический интерьер как преодоление пространства. — Связь готического кафедрального собора с окружающей средой.

Нигде художественная статика и художественная динамика не противостоят так четко друг другу как в греческой и готической скульптуре. В рамках всей нордической архитектуры эти творения образуют возможные острейшие антагонистические выражения формирующей воли. Готика означает единственную серьезную попытку, которая всего один раз в истории архитектуры увенчалась успехом, попытку отобразить пространственное искусство вне метафизического ощущения времени. Сущность времени обусловлена одним направлением в отличие от трех измерений пространства. Готика тоже знает только одну последовательность форм, стремление в одном направлении. Поэтому она находится в борьбе с материей, с каменным блоком, с горизонтальной нагрузкой и вертикальной опорой, а также с требующими пространства средствами, поверхностями стен, потолка. Поэтому готика представляет собой удовлетворение стремления, которое знает только понятие "вперед", она представляет собой первое воплощение в камне динамической западноевропейской души, которую позже снова пыталась воплотить живопись, но которая полностью смогла тогда воплотиться только в музыке - частично также в драме. Уже с этой общей точки зрения готика представляет собой нечто в высшей степени личное: вечно сверхразумное (иррациональное), волевое, свойственное Западной Европе в определенной временем форме одного из своих ритмично возвращающихся колебаний.

Само собой разумеется, что греческий храм тоже был выражением народного восприятия и потому в известном смысле выражением личности. Но если мы понимаем (а это теперь так и должно быть) под личностью всегда противоположность материи, действующее наступательно неутомимое стремление преобразовать материю в эталон для сравнения с внутренним желанием, то в греческом храме мы мало что найдем от

этой воли. Греческий храм, хоть и был построен в честь бога, содержит в себе статую бога, и тем не менее не это внутреннее помещение, освященное этой статуей, является существенным, а общий внешний вид. Все строение, таким образом, с самого начала воспринимается как элемент пластики, а именно как неподвижная кубическая пространственная форма. Греческий храм стоит обособленно, он не обнаруживает необходимых связей со своим окружением и должен, несмотря на фасад, рассматриваться со всех сторон. Классическое дорическое строение представляет собой самую совершенную законченную ритмизацию пространства. В масштабах отдельных элементов скрываются масштабы целого, нет ни одной линии, ни одного элемента декора, которые вышли бы за пределы формы храма. Вся это рафинированная, образно понятная или все же испытанная функция, нагрузка и опора выражены самым четким образом и стоят в полном равновесии по отношению друг к другу.

Все строение трехслойно: давящая своей тяжестью крыша с фризом и архитравом, ряд несущих колонн, широко расходящиеся ступени. Потому что все произведение понимается как один элемент, например, классическая дорическая колонна без основания. Если бы классический грек видел или должен был видеть частности, то сразу же появилось бы использование основания (как позже во времена ионики и ренессанса). А в дорические времена весь цоколь создавал основание для всего ряда колонн и для передаваемой ими нагрузки. Груз крыши принимается отдельными точками колонн. Подобно подушке включается здесь дорическая капитель, контур которой следует математической силовой линии и представляет собой до последнего штриха гениальное создание стилевой воли, ставящей своей целью объективность. Характер сопротивления колонны обозначается за счет небольшого утолщения стержня. Горизонтальность нагрузки еще раз подчеркивается делением на три части архитрава, тогда как нависающий выступ карниза символизирует капли. Над ним выступает свободное окончание киматии с легким порывом в воздух. На углах фронтона и на острие фронтона стоят акротерии как неподвижные точки. По статическим и художественным причинам угловые колонны слегка усилены и наклонены внутрь, по перспективному опыту ступени положены не строго горизонтально. Таким образом, мы везде находим художественную волю, стремящуюся к выражению объективного, и одновременно с формальной гениальностью. Изменения в отношении устройства колонн, введение более богатого декора на полях фронтонов, на фризах, становящаяся более легкой ионика, - все это по существу не меняет греческий лейтмотив. В течение половины тысячелетия этот ясный и свободный греческий гений снова и снова преобразовывал признанный совершенным основной закон и оставлял очевидные следы везде, где мог действовать.

Каждый раз нет заметного внутреннего напора, нет в нашем смысле личного в том, о чем говорят камни. При этом почти ничего нет субъективного, выражающего чувственность: это рожденный только один раз в мире в таком совершенстве дух художественной объективности.

Готика, конечно, тоже признает объективные предпосылки: технически четкий закон строительства (конструкцию). Пытались даже "объяснить" ее как чисто инженерные соображения. Но для германского духа (готика относится к германской эпохе нордической Западной Европы в отличие от немецкой, которая сознательно началась в XVIII веке, но только теперь пробудилась к просветленному сознанию) новые технические изобретения, такие, как стрельчатые арки, стойки, ребристые своды были только средством для воплощения нового желания, не целью. Эта новая воля самовластно освоила имеющиеся формы и понятно, когда подражающие греческим образцам художники, философы и эстеты кричали о "грубом насилии над греческой красотой". В действительности все имеющиеся элементы формы получают только другую действительность (функцию), чем раньше. Отдельная колонна, ранее приземистая

опора, теряет как отдельный элемент свою самостоятельность. Она объединяется с другими в составной столб и по возможности вытягивается в высоту. Капитель этого столба воспринимается не как подушка для приема нагрузки, а обозначает только отбивание такта по ходу линии, она подчеркивает в значительной степени начало богато очерченной стрельчатой арки. Из чисто статической задачи здесь получается, таким образом, динамический эффект.

Технические преимущества нового метода строительства были при этом четко распознаны и использованы. Возможность при одинаковой высоте арок соединять разные по величине помещения, при помощи ребристых сводов направить давление свода лишь на несколько точек, принять его на арочный контрфорс и передать на сильную опору... эта совсем новая игра сил создает другие основы для строительных законов и требует решений, которые могут быть оценены с точки зрения духовно-технического своеобразия, а не затуманены греческими масштабами. Когда, например, Шопенгауэр утверждает, что сущность архитектуры заключается в том, чтобы по возможности четко выразить взаимное соотношение между нагрузкой и опорой, а это лучше всего сделать при помощи горизонтальных и вертикальных элементов, он полностью находится под греческим влиянием. Игра давления и противодействия в готике значительно живее и разнообразнее, чем в греческих храмовых постройках. Исходя из этого, греческое решение бедно и ограничено, его устойчивое состояние более статично, чем динамично, менее плавны линии. К тому же у готических архитекторов имеет место сознательное соблюдение гармоничного, ощутимого, но ненавязчивого ритма. Так, например, соединительные линии между вершиной и отправной точкой арки среднего нефа и линии, которые ведут от основания капители стоящего рядом составного столба, всегда образуют параллели. Первая линия при ее продлении попадает в основание колонны бокового нефа. Аналогичные соображения имеют место и при проектировании боковых фасадов и всего внешнего вида строения. Таким образом, нет сомнения в том, что чисто объективный момент строительства никогда не остается без внимания; как иначе смогли бы взмыть в воздух башни! И все-таки все это было только средством для достижения цели. Потому что всякий материал подчиняется определенной воле. Эта воля стремилась оторваться от земли, она больше не хотела ничего знать о давлении горизонтальной нагрузки, она хотела преодолеть всякое притяжение земли, она хотела выразить не функциональную структуру материала, а вполне определенное движение души. Она не искала образов, она сама брала имеющийся материал, испытывала его и оставляла на нем свой отпечаток: это была воля личности. За счет наклонной передачи сил была создана первая возможность воплотить эту идею. Из разделенных контрфорсов вверх устремляется ажурная арка с богатым декором, поднимающуюся линию которой продолжает остrokонечная крыша, переходящая наконец в башню, которая уходит в воздух в виде изящного, всегда нового образца, становящегося кверху все легче. Последнее воспоминание о нагрузке вызывают поверхности крыши башни. Поэтому все стремления сводятся к тому, чтобы сделать ее как можно легче, для чего на профиль помещают крестоцветы с тем, чтобы прервать и эту, напоминающую о нагрузке линию. Сама поверхность прерывается или полностью заменяется перпендикулярно установленными рассеивающими элементами, как в кафедральном соборе Антверпена. То, что здесь воплощено из упорной, оставляющей под собой земную нагрузку воли, не может оценить даже наше время, которое проходит сегодня мимо чудесных произведений готики без понимания. Лишь немногие люди благоговейно стоят перед свидетелями великого духа, духа могучего, оклеветанного, но во многих вещах, тем не менее, истинно германского Средневековья. Если великая истинная вера снова должна войти в наши сердца, тогда возродится и "готическая душа" в новой форме. Теперь она витает в других зонах.

Спор о сущности готики закончен. Его основы появились в нордической Франции.

Тогда предки гугенотов еще не были изгнаны, тогда гильотина еще не пролила драгоценную нордическую кровь, тогда еще во французской империи царил западноевропейский ритм. Но постепенно выдвинулись элементы "романского" из стран Средиземноморья и альпийской расы с Юго-Востока, которые в дальнейшем перемешались с германским элементом и создали француза, который достиг своей вершины в XVII и XVIII веках. Отдельные великие личности с тоской смотрят в сторону прошлого; это мужчины погибающей крови.

И хотя нордическая Франция в "средние века" была почти германской, известные различия между французской и германской готикой выявились уже тогда. Мощно устремляется ввысь Нотр-Дам в Париже, кафедральный собор в Реймсе, кафедральные соборы в Амьене и Руане. Но все они построены по одному и тому же основному типу - они трехнефны, с шестиугольным клиросом и живописным окружением вокруг него, все они имеют две башни. Все постройки сохраняют на главном фасаде разделение на три части: порталы, круглое окно, королевскую галерею наряду с горизонтальными разделительными линиями. Готическая идея не прорывается полностью. В Германии мы видим с самого начала максимальное разнообразие. Клирос становится то шестиугольным, то четырехугольным, пропорции сильно отличаются друг от друга, появляются церкви с залами (нефы одинаковой высоты), как церковь Елизаветы в Марбурге. Ульрих фон Энзинген строит свой пятинефный кафедральный собор и снабжает его только одной башней (Ульм). Быстрее, чем во Франции, арка становится все острее, стена почти совсем исчезает, портал поднимается за счет все более легкого вимперга, на фасаде удаляется горизонтальная линия, центральный корпус здания между башнями становится уже. Наконец, не остается ничего, кроме всюду повторяющегося стремления вверх. Профили говорят об этом, установленные скульптуры следуют архитектурной линии, насмехающееся над всякой тяжестью остrokонечное произведение из камня возвышается над стенами. И подобно мощной симфонии свет вливается в залы. Его нереальный блеск заставляет исчезать последние остатки мира Праксителя,⁸⁴

В интерьере готика, в отличие от греческого храма, достигает своего апогея. Огромные окна с росписью по стеклу, которые сознательно оттесняют стены, снимают за счет своих красок и воздействия света чувство тесной ограниченности. Также сознательно переходит здесь движение в покой помещения, то есть чувство времени в пространственное искусство. Игра солнца через пестрые стекла является в своей подвижности противоположностью эффектности красок Парфенона, где цвет был ничем иным, как тонированной поверхностью, которая пространственно отличалась от другой поверхности. Это мироощущение готической композиции объясняют тоской германцев по лесу (Шатобриан усмотрел здесь даже "дух христианства", хотя оно было

---

⁸⁴ Во время моей работы над этим трудом мне в руки попала книжечка К. Шеффлера "Дух готики". Шеффлер там и сям касается истинного. Но поскольку он различает не резко, а делает только одно различие, он снова соединяет неправильно и делает совершенно поверхностные обобщения. То, что мы воспринимаем как готический дух, не было ни у египтян, ни у греков, ни у доисторических народов, и даже в отношении индийской поэзии нужно быть осторожным, чтобы не сочинить такое же. Шеффлер не видел разницы между личным и субъективным, отсюда смешение духа расы, что совершенно недопустимо. Так получается, что он пишет даже такое: "... Можно сказать, что семитская раса во всем своим задаткам склонна к сильной форме. Ей свойственно спекулятивное рвение, беспощадность к самому себе и тот гений страдания, которые являются предпосылками к готическим умственным способностям" (с. 68). Это предложение изобилует чудовищными моментами. "Сильная форма" и готический дух далеко не одно и то же; спекулятивно-философским семит никогда не был; беспощадным по отношению к себе он был меньше, чем к своим врагам. А что касается "гения страдания", то это вовсе не готика, а русская проблематика. Конечно, ощущение страдания место имеет, но чтобы формировать, а значит создавать искусство, нужна деятельность, т.е. наступательная сила. Она имеет другое происхождение по сравнению со страданием. Шеффлер допускает ошибку, противоположную ошибке последователей Ницше. Эти переносили моменты выражения древнегреческой души на германское искусство, Шеффлер переносит германскую личность на лапландцев, китайцев, на все "человечество". Непростительное сегодня утверждение.

и остается злейшим врагом германского ощущения природы). Колонны - это стволы деревьев, узор из остроконечных арок - листва, окна - кусочки неба. Несомненно в этом толковании есть что-то от истины, но здесь перепутаны причина и следствие. Колонны и т.д. - это не новые воплощения леса, они указывают на ту самую иррациональную сущность, которая отыскала когда-то колышущиеся темные леса и проблески между ними в бесконечной дали, эта сущность создала из этого мироощущения готические контрфорсы и мистическую игру красок.

Так сам интерьер готического собора стал преобразованием и связью, а не повторяющимся узором линий и пространства. То же касается и фасада.

Если греческий храм представлял собой обозреваемую со всех сторон пластику, если он стоял уединенно холодный и независимый, то готический кафедральный собор вырастал из множества остроконечных небольших домов. Они нужны ему были как мера его величия, а жители их опирались на общее создание своей души. Пусть смеется над этим, кто хочет, для меня здесь выражается сущность двух душ: гармония внешнего вида (разъединение) и внутреннее стремление (динамической) личности (связь). Поэтому грубо было бы освободить соборы Кёльна, Ульма и т.д. от соседних застроек для того, чтобы "лучше их рассмотреть". Здесь снова исходили из греческого духа, снова совершали грех против самих себя, сами себя не понимая. После завершения дела у осквернителей широко открылись глаза. Теперь они хотят строить новые домики...

Личный и тем не менее типобразующий дух XIII и XV веков говорил в искусстве поэзии, в камне и в дереве. Он проявился в кроватях, шкафах, сундуках, в перилах лестниц. Каждый раз он пытается быть интимным и разным, каждый раз он проявляет отвращение от повсюду испробованных форм. Это гимн индивидуальности, в том числе и в гражданском стиле тоже. Между тем Вальтер из Фогельвайде поет свои неукротимые песни свободы. Вольфрам фон Эшенбах и мастер Готфрид сочиняют немецкие мелодии, а потом появляется другое средство для выражения немецкой души: грифель и кисть, которые в дальнейшем в свою очередь сменяются органом и оркестром.

Вершиной древнегреческой сущности является скульптура, частью ее является также архитектура. Пластической точке зрения подчиняется все. Греческое искусство ваяния обращается почти исключительно к личности человека. Человек как тело является тысячелетним мотивом, который был осуществлен в тысячах произведений в их высшем совершенстве.

И здесь царит воля объективного стиля. Всякое своеволие подавляется, все иррациональное сводится к простым соотношениям, все складки и морщины разглаживаются, все преувеличения устраняются. Греческий союз молодежи, юношеский возраст создали здесь свое искусство. И стоит длинный ряд произведений до Фидия, Скопаса, и в полной линейной гармонии и равновесии, с рассчитанной телесной сущностью. Само движение превратилось в покой, сама борьба - в рассчитанное установление равновесия. Это почти полное выделение личности. Часто возникает чувство, что эта форма и высокомерное самообладание берут свое начало от определенного чувства страха. Потому что восхваляемая веселость греческого искусства не исчерпывает его сущности. Через греческую душу тайно проходило уныние, но оно было - в этом случае к счастью - недостаточно сильным для того, чтобы повлиять на художественное творчество. Там, где греческая симметрия была нарушена, там проявлялась "дионисова" вакханалия, и все внимание в искусстве уделялось личности в бане или на пирушке. Поэтому фаллос является часто выставляемым на обозрение символом "позднегреческой" разлагающейся жизни. Воля грека так сильно была израсходована на подавление инстинкта, что при создании искусства ведущую роль брал на себя превосходящий разум. Отсюда объективность древнегреческой

культуры. Отсюда также наше навязанное учение о безвольном эстетическом настроении.

3

Религиозная подоплека искусства. — Бездушный иудаизм. — Субъективизм ислама. — Арабеска.

Общим для греческого и готического искусства был религиозный фон⁸⁵. В религиозном настроении души, даже если он зачастую остается невысказанным, открывается вся атмосфера народной души. Ослабление материальных связей и поиски чего-то вечного (признак этого настроения) является для нас знаком того, что духовная, единственно творческая исходная сила человека действительно жива. От этого настроения происходит святой, великий исследователь природы, философ, проповедник нравственной ценности, великий художник. Если у человека или народа это еще неоформленное, но единственно способное к созиданию настроение отсутствует, то у него нет и предпосылки к великому правдивому искусству. Его мятущееся субъективное начало в случае необходимости сохраняет преимущество. В честь богов творили Фидий и Калликрат; во имя бога народные души столетиями работали над Кёльнским собором, над скальными храмами Индии, над статуями вечно спокойного Будды. Основным элементом становится форма, проявляющаяся через художественное возрождение. И если это божественное, начало не имеет имени, его дыхание тем не менее чувствуется в автопортрете Рембрандта, в балладе Гёте.

Эта истинно религиозная первопричина полностью отсутствует у расы семитов и у их полукровных полубратьев - евреев.

Отрешенное от мира душевное состояние, созревшее до религиозной веры, будет всегда, даже если оно вынуждено сохранять земные представления, стремиться сбросить последние остатки земного или полностью отгородиться молчанием. Для преисполненной нематериальной веры в бессмертие иначе быть не может.

Во всем так называемом Ветхом Завете мы не находим, как известно, веры в бессмертие, это, по-видимому, отражение доказуемого внешнего воздействия персов на евреев в "изгнании". Создание "рая" на земле - это цель евреев. С этой целью, как говорится в более поздних "священных книгах", праведники (т.е. евреи) из всех могил во всех странах через просверленные специально для них неведомыми силами дыры в земле поползут в землю обетованную. Таргум, Мидрашим, Талмуд описывают это великое состояние ожидания рая с величайшим удовольствием. Избранный народ воцарит тогда над обновленным миром. Другие народы будут его рабами, они будут умирать, снова рождаться с тем, чтобы снова уйти в ад. Евреи же никогда не умрут и будут вести счастливую жизнь на земле. Иерусалим будет заново роскошно отстроен, границы Саббата будут украшены драгоценными камнями и жемчугом. Если кому-то нужно будет уплатить долги, он выламывает себе жемчужину из ограды и свободен от всех обязательств. Фрукты созревают каждый месяц, виноград имеет величину с комнату, злаки растут сами по себе, ветер собирает зерно, евреям необходимо только насыпать готовую муку. Восемьсот видов роз будет расти в садах, реки из молока, меда и вина потекут через Палестину. У каждого еврея будет палатка, над которой растет золотая виноградная лоза, а на ней висит тридцать жемчужин, под каждой лозой стоит стол с драгоценными камнями. В рае будут цвести 800 видов цветов, в центре будет

---

⁸⁵ И в своих наиболее субъективных ответвлениях (Помпеи) греческая культура остается формально безупречна. Эта надежность формы составляет сильную и слабую сторону этой культуры. Сильная сторона в том плане, что оберегала древних греков от ошибочных путей: слабость же заключалась в том, что это свидетельствовало о недостатках внутренней воли.

стоять древо жизни. Оно будет иметь 500 000 видов аромата и вкуса. Семь облаков разместятся над деревом, и евреи с четырех сторон будут стучать по его ветвям, чтобы великолепный аромат распространялся от одного конца мира до другого и т.д.

Сказочная страна с молочными реками и кисельными берегами стала серьезным религиозным моментом и отпраздновала в еврейском марксизме и в своем великолепном "государстве будущего" свое воскресение. Этим душевным настроением объясняется вплоть до сегодняшнего дня жадность еврейского народа, и одновременно почти полное отсутствие у него духовной и художественной творческой силы. Основной религиозный элемент отсутствует, внешняя вера в бессмертие является лишь поверхностным уподоблением чужим взглядам, эта вера никогда не была внутренней движущей силой. Поэтому еврейское искусство никогда не будет иметь личный, но никогда и действительно объективный стиль, а будет только выдавать техническое мастерство и субъективный обман, нацеленный на внешнее воздействие, чаще всего ориентированный на грубый чувственный уклон, если не полностью на безнравственность. В еврейском "искусстве" мы имеем почти единственный пример, где группа древних людей (народом их назвать нельзя), которая принимала участие во многих древних культурах, не может отделаться от инстинкта. Поэтому еврейское "искусство" является также единственным искусством, которое обращено к инстинкту. Оно не пробуждает, таким образом, эстетического самозабвения, оно не обращается к воле, а только (в лучшем случае) к технической оценке или к субъективному возбуждению чувства.

Посмотрите в связи с этим на еврейских художников. От то стучащих в испуге зубами, то в страхе ликующих, то с фырканием и с жадной мести распевающих псалмы (которые только благодаря переработке Лютера часто звучат так красиво) о стонущем Гибероле, похотливым Давиде бен Шеломо до гнусного Генриха Гейне. Обратите внимание на обожествляющего Мамона Келлермана, на создающего чувственные эффекты Шнитцлера. Феликс Мендельсон был приведен Цельтером в результате многолетних усилий к Баху, для которого еврей делал рекламу. Лучшее в его творчестве - это технически-формальное. Посмотрите сами на Малера, делающего решительную попытку достичь высот. Он в конце концов должен был заговорить "с еврейским акцентом" (*Луис*) и ожидал того же от тысячеголового оркестра. Посмотрите на массово-преувеличенный момент театрального цирка, послушайте, как играют еврейские вундеркинды на фортепьяно, на скрипке. На подмостках мишура, техника, обман, эффект, количество, виртуозность, все, что угодно, нет только гениальности, нет творческой силы. И в первоначальной враждебности европейской сущности вся еврейская культура стала проводником негритянского "искусства" во всех областях.

То, что запрет на сотворение себе кумиров следует объяснить полной неспособностью изобразительного искусства, было доказано уже Дюрингом. Точно так же это является причиной того, почему это могло действовать тысячелетиями. Сегодняшние отчаянные попытки еврейских представителей изобразительного искусства доказать свое дарование при помощи футуризма, экспрессионизма, "новой объективности" является живым свидетельством этого старого факта.

Отдельные факты предрасположенности к более высоким стремлениям отрицать нельзя (Иуда Халеви). Но в еврейской культуре, рассматриваемой в целом, нет того, из чего могут родиться истинно великие ценности.

Если еврейские "деятели искусств" в наше время заняли выдающееся место в жизни нашего искусства, то это верный признак того, что мы свернули с истинного пути, что мы - надо надеяться, временно - утратили необходимую духовную силу.

Искусство ислама можно толковать почти чисто субъективно. Весь этот шум журчащих, живописно оформленных фонтанов, все эти укромные тени, вся эта пестрота переливающихся красок, все это освещение Альгамбры множеством тысяч

свечей, вся эта сбивающая с толку игра линий, украшений на стенах дворцов не может скрыть внутренней духовной бедности. А наиболее великое из того, что ислам оставил нам, пройдя через мир, - мощные купола гробниц калифов, передача греческой мудрости, полные фантазии сказки - мы осознаем сегодня как заимствование из чуждого духа, оно появилось из Греции, Ирана или Индии. Система, которая не имела метафизической религии, не могла быть действительно творческой. Даже если арабская загробная жизнь не установила точного места в мире, как это сделали евреи, то смысл их представления, тем не менее, такой же. То, что это бесплодие души сочетается с несгибаемой верой, в фактах ничего не меняет. За арабом мы всегда признаем самобытный характер, но не творческий.

На этом примере стремление большинства других народов кажется нам последовательно родственным. Лао Цзы, исходя из этого, близок Яйнавалкии, Христос - великим Европы, какими бы разными они не были. Здесь проявляется действие сил, которые существуют в пространственном отношении близко друг к другу, но имеют, тем не менее, очень разный внутренний мир.

Исламу далеки как объективность, так и личностная закономерность. Как не создал он ни великого эпоса, ни великой музыки, так не создал он собственной архитектуры. Все архитектурные идеи он заимствовал у арийских жемчужин. Он не придал найденному материалу действительно закономерных новых форм, представляющих истинное выражение души, а занимался только произвольными декоративными пустяками.

В результате такой субъективности возникла, например, подковообразная арка. Горизонтальная балка, поддерживающая опалубку для посадки обычной арки, лежала на выступах колонн или на пилоне. После ее удаления получался очень заметный выступ, который просто заполнялся строительным раствором. За счет этого арка приобретала форму, ни в коем случае не обусловленную статической необходимостью; с другой стороны она не была также выражением внутренней формирующей воли. Это был нехудожественный произвол. Но тогда эта форма была еще раз повторена по линии арки, и получилась арка, имеющая форму клеверного листа, арка с выступающими каменными языками и т.д. В этом следует теперь усматривать разновидности. Будь то мечеть в Кордове, Эль Асхар (El Ashar), минарет Кай-Бай, мечеть Барнук в Каире, мечеть Мешкеме (Meschkehme) в Булаке, монастырская церковь в Сеговии (Segovia)... Сюда же относится то, что в некоторых зданиях основание арки упиралось в вершину другой, невозможные забавы со сводами, пчелиные ульи (зал Аббенцерраген) и т.д. Многие богато переплетенные, часто строгие "исламские" орнаменты, настенные узоры и решетки почти все пришли из Персии. Древне-иранские узоры на тканях и снабженные рисунками рукописи послужили здесь образцами.

Если лишенная основания дорическая колонна строго обусловлена строительно-техническими и строительно-художественными моментами, то этот принцип в зале знаменитой Альгамбры (Alhambra) совершенно неуместен, не говоря уже о том, что колонны, в основном, были собраны с других зданий и должны были быть выравнены по высоте при помощи импостов разной толщины, в результате чего имело место сдвоенное нагромождение арок друг на друга. Колонны, казалось, не могли выдержать давления и пробивали в арках дырки.

Сущность исламского строительства раскрывается в превозносимой арабеске. Действительно, это самое красивое, что создали арабы. Но и она не является элементом архитектуры, а чистым декором. Дух произвола именно здесь и проявляется: орнамент покрывает всю стену, он не имеет направления, его можно продолжить во все стороны или произвольно закончить. Если греческий декор замкнут в определенном пространстве, включен в определенные плоскостями очертания, если в готическом произведении все подчинено стремящемуся от земли вертикальному направлению, и в

результате в любом случае возникла внешняя закономерность как следствие внутренней целеустремленности, то в арабеске царит невоздержанность без выражения. Наилучший инстинкт в отношении ценности исламской "архитектуры" имеют художники, расписывающие кулисы опереточных или специализированных театров. Здесь декоративные забавы проявили себя во всей полноте, не имеющей никакого направления.

Необходимо четко выделить эту чуждую сущность. Сегодня мы это можем сделать по праву, потому что в результате точного рассмотрения чисто технических методов строительства мы получаем в руки средство для того, чтобы судить и о других проявлениях исламского стиля. Нашим "философам" пора прекратить искать в арабеске "магическую душу", отыскивать в ней нечто подобное стремящейся в бесконечность сущности Фауста. Кое-что из оставленного нам исламом, наверняка, лучше, чем это было сейчас показано, но тогда обнаруживается, и в большинстве случаев это документально доказуемо, что действительными творцами этого наследия были не арабы. Так же как "арабская" наука, занятие греческой философией находилось не в руках арабов, а почти исключительно ею занимались говорящие по-арабски персы. Так, например, мечеть пророка в Медине была сооружена чужими мастерами, Эль Валид должен был посылать в Византию, чтобы иметь возможность строить в Иерусалиме. Греки соорудили "чудо света" в Дамаске. В Египте арабы обнаружили чисто коптскую архитектуру; прекрасные конструкции многих местных построек принадлежат коптским инженерам. Так коптский художник построил мечеть Ибн-Тулун. Он был тем, кто впервые сознательно использовал остроконечную арку. Образцом для нее послужили, однако, мраморные ворота (Quater Nahassin), которые раньше стояли у нормандской церкви (Св. Жан д'Акр, Аккон). Все это нужно учесть, чтобы иметь правильное представление о различных влияниях: персы, копты, греки дали основу. Затем на нее оказал влияние арабский произвол с его декоративной перенасыщенностью.

Теперь будет понятно, что подражание этим арабским элементам (арка в виде листка клевера, килеобразная арка, арабеска и т.д.) никогда не найдут у нас места. Они нам чужды и должны навсегда уйти от нас как свидетельство чужой души, к которому неприменимо ни понятие личностного искусства, ни понятие объективного стиля.

4

Индивидуальное. — Рубенс, Бернини, Хальс. — Сущность барокко. — Эkleктический XIX век. — Чувство стиля нашего времени; грядущая архитектура.

Между не имеющим направления художественным субъективизмом и внутренне органичным и все-таки самовластно осваивающим материал стилем личности действует целая последовательная череда художников и направлений искусства. Многие художники одарены предрасположением к высокому, но не могут довести это стремление до полного совершенства в художественном отношении; другие беззаботно берутся за обычную жизнь - изображают, рисуют, стилизируют ее, получая удовольствие от процесса создания формы. Индивидуальность - как данное здесь на земле объединение лица и личности - присуща нам.

Между субъективизмом и личностным искусством мы должны, таким образом, установить промежуточную ступень: переход от произвола к внутреннему закону; когда мы называем какие-то области индивидуальным стилем, мы подчеркиваем их органическую природу, но и указываем также на какое-то ограничение. Такие обозначения (это должно быть недвусмысленно подчеркнуто) методически необходимы для того, чтобы осмыслить находящуюся в движении жизнь. Мы можем

познать что-либо только в том случае, если мы увидим это как образ, даже если линии контура будут не застывшими, а находиться в пластичном движении.

Любовь к индивидуальному является настолько примечательным признаком Европы, а точнее ее сердца - Германии, что достаточно бросить беглый взгляд на поэзию, архитектуру, скульптуру и живопись, чтобы найти подтверждение этой точки зрения. Готические каменотесы и резчики по дереву, живописцы, изображающие разнообразные пейзажи, изобретатели замысловатых букв, рассказчики необыкновенных историй... у всех у них стремление к выражению, а именно к очень энергичному выражению, пройдя через тысячи рук, стало образцом. В сотнях живописцев Голландии живет этот дух, он жив еще и во всех видах искусства старой Франции и находит еще новое отражение в отдельных индивидуальностях нашего времени. К этой области, как одна из первых величайших фигур, принадлежит Питер Пауль Рубенс.

Ни у кого не вызывает сомнения, что в нем увидели свет мира огромные сокровища полной сил фантазии, но как он ими распорядился, к какому материалу, к какому содержанию обратился, как было определено направление его трактовки, - это художник почти точно показывает нам, стоя в центре между субъектом и личностью. Все его формирование относится к чувственной природе с ее тысячью красок и форм, с ее страстями, радостями и страхами. Мы находим выраженной полную градацию нашей смертной индивидуальности от изысканной нежности его портрета с Изабеллой Брандт до страстной одержимости больших народных гуляний, от чувственной жизнерадостности: сладострастных нимф до воплей плоти повергаемых в ад грешников. Сюжеты всегда новы и живы, композиция закончена и при всей вакханалии чувств отличается целеустремленной художественной объективностью. Но нигде Рубенсу не удается творчество, которое в состоянии осветить всю эту земную радость или земную печаль как эталон, говорящий об удаче великого, истинного, внутреннего потустороннего зрелища. Рубенс это пытался сделать, и даже часто! Но его огромное полотно, изображающее возносящегося на небо Христа, который, стоя на земном шаре, наступает змею на голову, апокалиптические драконы и другие чудовища, сгустившиеся тучи, ликующие ангелы и развевающиеся, переливающиеся всеми цветами одежды, все это означает беспримечную затрату материала и фантазии, но это все только неудачные попытки. Чем больше становится размер его полотен, тем меньше их духовная сила. И Рубенсовы отправления в ад - мастерские произведения, наполненные жизнью, движением, композицией - свидетельствуют лишь о внешнем изобилии и представляют собой лишь убеждающие моменты для того, чтобы сделать правдоподобной зловещую потустороннюю силу при помощи внешних затрат энергии.

Рембрандт прощается с этим миром при помощи произведений, в которых кисть водила то улыбающееся преодоление мира, то потрясающее отчаяние. Последнее произведение Рубенса - это он сам в виде убивающего змея святого Георгия в сверкающих доспехах. Как человек Рубенс живет богатой жизнью, как художник он почитаем всем миром и способствует совершенствованию индивидуальности. Рембрандт весь уходит в себя и рассматривает весь мир - несентиментально, но полный глубочайших предчувствий - как материал, который необходимо преодолеть. Произведение Рубенса - это мощная симфония жизни во всех своих проявлениях, мощь этого бытия и есть его содержание. Его самым великим произведением является в таком случае то, в котором все искомые символы из сокровищницы греческих сказаний, которые он потратил на Марию Медичи, все апокалиптические притчи, отброшены в сторону, и блестящая жизнь дала основу для его окружения: народные гуляния в Лувре. Кто однажды стоял перед этим произведением, в один момент начинает понимать, для чего Шопенгауэру понадобилась целая жизнь, чтобы отобразить эту силу слепого инстинкта. Без всякого сравнения сама жизнь здесь стала

такой. Обжоры и пьяницы, девицы и пылкие парни, певцы и пьяные танцовщицы повторяют одну и ту же песнь необузданного животного. Художественная сила, которая как бы одним махом бросила это на полотно, по-своему неповторима. Человек во всей своей необузданности - это было содержанием и художественной формой Рубенса.

Аналогичным, но менее мощным показывает себя Франц Хальс, который насмешливо и язвительно широкими мазками изображал на полотне жизнь. Преисполненный тем же духом, но с несравнимо более драматическим порывом является слишком рано умерший Адриан Броувер. Его изображение индивидуально-инстинктивного часто напоминают народные гуляния Рубенса и позволяют предполагать в нем художника, который при более долгой жизни, возможно, пробился бы через материал и из германской жанровой живописи сформировал жизнь с внутренним драматизмом.

Еще одним, чьи произведения мы, не задумываясь, можем отнести к произведениям индивидуального стиля, является Лоренцо Бернини. Автора коллонад на площади Петра, великого скульптора целое поколение почитало как одного из величайших гениев искусства. Мы тоже часто восхищаемся им, но его фокусы при постройке лестницы, ведущей к Сикстинской капелле, его заметный чувственный оттенок у Амура и Психеи, его преувеличенное использование подкупающего материала являются для нас знаком приспособления ко вкусам широких масс или, по крайней мере, они означают фальсификацию самой внутренней творческой силы. Подобно Рубенсу это человек с большой фантазией и владеющий материалом, мастер по использованию всех живописных и перспективных средств и приемов, но ему не хватает того величия души и тех таинственных чар, которые исходили от произведений Леонардо или Рембрандта, или от произведений мастера Эрвина.

Еще несколько слов о времени и о понятии "барокко".

Наши истории искусства говорят о мастерах эпохи "барокко" как о представителях единственного направления в искусстве и духовной жизни. Истина, которая в этом заключается, становится, однако, вводящим в заблуждение утверждением, если не объяснить, в чем заключается сущность понятия "барокко". Говорят: в отличие от принципа "ренессанса" стремиться только к гармонии, "барокко" борется за силу выражения. Исходя из того, что это не соответствует истине именно в отношении великих представителей "ренессанса" (Леонардо, Донателло, Мазаччо), нужно продолжить анализ и для второго утверждения, дабы не успокоиться на общих фразах. Потому что, как это должно называться, когда говорят, что к "барокко" относится как Микеланджело, так и Веласкес, Шекспир, Рембрандт и одновременно Рубенс и Хальс, "Блудный сын" и "il Gesu" в Риме? Здесь появляются совершенно огромные различия, которые невозможно выразить одним словом, если заранее не добиться основополагающего разнообразия в отношении этого многозначного понятия.

На готику мы смотрим с несравненно большего расстояния, чем на время "барокко", понимаем ее единую целеустремленность яснее, чем это возможно здесь. Тем не менее при ее оценке можно выделить очень разные побочные элементы и выражения. "Барокко" - это новая духовная волна, у которой оценке подлежат не только ее продолжительность во времени, период колебания и мощь, но и в особенности ее содержащие ценности поверхностные и глубинные слои. И именно здесь продуктивно появится почерпнутый из сущности нашего искусства масштаб, который мы видели уже проявившимся в готике: сила воздействия художественной личности, индивидуальности, субъективизма.

В Микеланджело по праву виден художник, который самым наглядным образом порвал со всеми эстетическими тезисами Греции. Никакого умиротворения существующих страстей за счет обдуманной формы, а подрыв их при помощи

собственной закономерности, при помощи личной воли художника. Словно в диком и сознательном протесте против Эллады стоят перед нами работы человека, который не говорил ни по-гречески, ни на латыни, который создал рабов, Моисея, гробницы Медичи, а чьи сивиллы и пророки свидетельствуют о таком богатстве души, что Гёте мог сказать, что после Микеланджело даже природа ему больше не нравится, потому что он не может посмотреть на нее таким же великим взглядом. Микеланджело создал для себя закон, которому следовал один, с помощью которого один мог преодолеть материал. Так же лично подходил к произведениям Рембрандта, так же по-крупному Шекспир.

В труде, которому посвящена жизнь этих людей, мы находим градацию от резко индивидуального до полностью "единого духа". "Монах на ниве" Рембрандта, его голова Иуды, его офорты запущенных уголков - это произведения, которые проникли во все высоты и глубины жизни от "Парочки в постели" до "Билета в сто гульденов".

Последователи и мелкие современники остались в индивидуальной сфере. Сила концентрации, которая проявилась в плане и в создании св. Петра у Микеланджело, стала в дальнейшем скорее внешней затратой энергии; его презирающий все преграды строительных законов вестибюль библиотеки Ватикана с прорвавшимися пилястрами и дикими контурами линий был однократной субъективной вспышкой, которая, однако, для других стала твердым принципом. Теперь громоздятся скопления колонн, выступают вибрирующие карнизы, в стенах выдалбливают живописные ниши, пробивают фронтоны и заполняют их картушами. Башни и фасады получают округлые формы, и мощные волюты стремятся к центру здания. И Gesu, Maria della Salute и сотни других построек свидетельствуют о большом выражении сил, но и о лишь живописно-индивидуальном определении стилевой воли. Ее лишь втолкнули еще глубже в сферу субъективизма; иезуитская антиреформация видела в ней массовое использование ослепляющих отраженных от пластинок лучей, бумажных блесток, покрытых золотой краской гипсовых гирлянд и других нелепостей как средства для возвращения потерянных в результате реформации душ. Если отдельные папы помогали великому искусству для собственного прославления и прославления Рима, частично также получая радость от истинного творчества, то теперь возникла действующая только на чувственные струны смесь из живописного желания и полного художественного одичания, так называемый иезуитский стиль.

"Сидящие колонны", кулисы из картона и штукатурки Поццо, С.Й., представляют собой классические образцы художественного преступления, которые еще стоят по всей Европе. Взлет готики закончился. Триумфирующий, лишенный расы Рим победил нордический дух по крайней мере в архитектуре. Протестантство опять пустило, впад в свою противоположность, убожество в свои божьи дома, которое охлаждает душу так же, как в иезуитских храмах золото, побрякушки и запах ладана ее чувственно разогревают.

В своих величайших представителях эпоху барокко можно отождествить с сокровеннейшим желанием создателей кафедральных соборов в Ульме, Страсбурге, Реймсе, Лаоне, Компьене, Кёльне. Только этот дух на этот раз пользуется другими средствами. Если в XIII и XIV веках архитектура была тем средством, которое над всем господствовало и воплощало самое глубокое стремление, то в XVI и XVII веках таким средством была скульптура, но еще больше живопись (опирающиеся на музыкальный дух). Место циркуля и угольника заняли резец и кисть. Если в XIII веке по праву можно было говорить о единой направленной личностной западноевропейской душе, то сейчас кроме того более точно можно сказать об отдельных личностях, которые ярче проявляются при создании картины, чем при многолетнем сооружении многими руками кафедрального собора.

Как готика в конце концов сформировалась из несерьезных форм сводов и узоров

из рыбьего пузыря, так и барокко у бездарных подражателей Микеланджело было убогим. Ощущение жизни мастер Эрвин и Рембрандт несли ввысь, тогда как внизу стремление тысяч не было достаточно сильным, чтобы следовать за ними.

Существенное заключается в том, что самовластное преодоление и владение материалом лежит в основе и готики, и барокко. Но когда одно время осуществляло штурмующие небо планы, другое представляло собой духовное сосредоточение. Следующий шаг был сделан в сторону помощи со стороны поэтического искусства и музыки в новой волне "готика—барокко" нордической и немецкой сущности в ее глубочайших выражениях...

Теперь выявляется внутренняя структура того, что следует называть германским (или нордическим западноевропейским) искусством. Его цель - воплощение высочайшей духовной деятельной силы все новыми средствами в новых формах. В результате субъективных взглядов и индивидуального творчества (т.е. единства) вырастает, как цветок, новая одухотворенность мира с тем, чтобы после того, как раскроется ее великолепие, перелиться в аморфное состояние.

Мы это пережили трижды: во времена готики, барокко, во времена Гёте, субъективные последствия которых обгоняли время. Это жизненный пульс Европы, который стучит чаще и драматичнее, чем пульс других народов. Крайне сомнительны пророчества, которые сегодня имеют у нас место и предвещают закат культуры Западной Европы, при этом обращают внимание не на ритм, а замечают только паузу в дыхании. Если другие народы этим ритмом не обладают, а оставили после себя только единственную большую линию жизни, это ни в коем случае не означает для нас закат жизни, а люди, которые с пристрастием употребляют пример цветущего и исчезающего растения, должны это продолжить так, чтобы это можно было применить и к нам. Сегодняшний наш мир культуры продувает опустошающий осенний ветер. Тот, кто себя чувствует стариком, находит много причин представлять наступающую зиму как последнюю. Для того, кто потерял веру, холодный рассудок - это повелитель и создатель одновременно. Но тот, кто признал не длящуюся много тысяч лет паузу в дыхании Китая, а сильное биение пульса Европы как только ему свойственную самобытность и только ему присущее ощущение жизни, тот совсем другими глазами смотрит как в прошлое, так и в будущее, чем предсказатели нашего "фатального заката"! Готика закончилась в скучнейшей цеховой организации труда, поэзия мейстерзингеров - в сухой рассудительности, барокко опрокинулось в тысячах безумных фокусов при строительстве домов. Сейчас после чудовищно бесцельного применения старых форм мы видим, что так же лишняя направления анархия перебесилась. Возможно мы еще не достигли самого дна. Но как уже было трижды, Европа и в четвертый раз переведет дыхание. И какие средства будут правильными для запечатления нашей жизни, этого не знает никто. Но в любом случае они будут опираться на вечное с тем, чтобы узнать о рождении истинно новой формы.

В результате противопоставления стилевых законов, существенно обусловленных временем, возникает основополагающее решение вопроса, по которому в последние десятилетия велись ожесточенные споры и который именно сегодня имеет выдающееся практическое значение в архитектуре. Это вопрос о случайности применения старых стилевых форм.

Вторая половина XIX века была также в отношении архитектуры и прикладного искусства временем небывалого бесформенного выискивания всех форм. Авторитеты всех времен, образцы из всех столетий и картины работы всех народов украшали мастерскую архитектора и в то время казалось естественным им подражать. Техническое развитие шагало вперед с непредусмотренной скоростью, оно требовало все новых фабрик, вокзалов, электростанций и т.д., так что для художественного проникновения новых требований времени не оставалось. Нельзя было больше

объективно осваивать новые вопросы, и поэтому все плыли без своего направления старым фарватером. Началось возведение ужасных вокзалов, фабрик, складов с литыми греческими капителями, листьями аканта, с подражаниями готическим, мавританским, китайским формам, связанным с грубейшими железными конструкциями. Вся Европа и сейчас наводнена изделиями невиданного художественного упадка. И когда новое поколение насильно захотело стать "личностным", возник пресловутый "молодежный" стиль. Прикладному преступлению можно подивиться везде от Парижа до Москвы и Будапешта. Он и сегодня неистовствует повсеместно и бурно.

Творческая сила была сломлена, потому что она была изуродована в мировоззренческом и художественном плане чужим масштабом и не доросла до новых требований жизни.

Новое увлечение готикой, которое мы пережили на рубеже XX века, имело следствием возникновение новых "готических" церквей и ратуш. Здесь выяснилось, что невозможно использовать готические формы для современного творчества. Наше сегодняшнее ощущение мира не имеет больше вертикального стремления вверх, ему требуется сила и выражение, но уже не в форме древнеготической воли. Потому что готический личностный стиль, даже если он вышел из исходного германского характера, отражает все-таки только определенный вид царившего в то время ощущения. Для монументальных построек наше время должно нагромождать кубик на кубик. Для водонапорных башен необходимы мощные законченные формы, для зерна и силоса - простые гигантские массы. Мощно должны располагаться наши фабрики; разрозненные деловые здания сводятся в огромные дома для работы; широко разветвленные электростанции появляются на земле. Разбросанные ранее случайно постройки большой фабрики органически сблизилась в одну внутреннюю общность; из интерьера современных пароходов исчезают помпейские плавательные бассейны и салоны в стиле Луи XVI, которые сегодня больше уже не годятся для обычных выходцев из низов. Отели избавляются от своих украшений, "мавританские" вокзалы сносятся, песня камня и железа звучит в новых ритмах. И даже если разочарование следовало за разочарованием, в мире уже проходила истинная радость творчества, когда становящееся честным поколение архитекторов начало понимать новые вопросы жизни и бороться за выражение, соответствующее сущности и времени. Еще возможная в других видах искусства необузданность в архитектуре нашла свой регулирующий закон за счет пользы как конечной цели и экономического расчета. Если правдивость в большинстве случаев была лучшей политикой для продолжительности, то тектоническая целесообразность является предпосылкой любой архитектуры. Готическая форма оказывается навсегда побежденной, готическая же душа уже борется за новое воплощение, что видно любому зрячему. Отсюда новая ритмика камня. И хотя она имеет свои истоки в Америке, которая до сих пор не признавала логики культуры, в Германии уже начинают выступать с новыми решениями современной проблемы строительства высотного здания. Ужасный монумент искусства американских выскочек с их небоскребами в стиле ренессанса или с готическими фронтонами, с узорами барокко или скучнейшей инженерной техникой (которая даже в Америке идет к своему концу) заставил нас посмотреть то, что здесь требует ответа поставленный вопрос, присущий и нашей жизни. Один каменный колосс за другим впишутся между старыми домами Америки, церкви, бывшие ранее самыми высокими зданиями, стоят в гротесковом отставании в огромной куче камней. Нью-Йорк был построен без внутренней меры и органичного масштаба. Готический архитектор очень хорошо знал, что нельзя ставить рядом церковь и башню ратуши. Величие одного строения уничтожит величие другого, отбирая у высоты необходимый ей масштаб. Американская спешка и необходимость были свободны от этих размышлений. Но приобретенный там опыт поставил перед Европой обязательные требования.

Всюду начинают стремиться решить проблему постройки с более широким основанием, из горизонтального положения возвести вверх мощный массив, который со своими собственными вспомогательными пристройками в качестве масштаба своего величия создает для нас строительную систему. Поэтому элементарный закон, присущий нам, требует, чтобы в окружении этого высотного здания не было построено другого. Это же касается тем более постройки, которая на небольшом участке земли стремится в высоту. Только таким образом могут реализоваться пространственный ритм и внутренняя сила.

Получается, таким образом, интересная связь, где использование готических внешних форм означает внутреннюю невозможность, но где готическая внутренняя воля и ее строительный закон снова возродятся⁸⁶, если возникнет настоящая архитектура будущего.

В отношении греческих строительных форм связь обратная. Они, как было сказано, имеют объективно действенную природу. Греческая киматия является азбукой любого свободного завершения карнизом. Она может иметь более красиво изогнутый контур по сравнению с Парфеноном, основной же формой остается линия, основанная двумя четвертями круга. Если горизонтальную нагрузку должны принять каменные колонны, то дорическая капитель, дорические колонны с их каннелюрами, с их мягким утолщением передают силовую линию почти механически точно. Форме абаки тоже присущи лишь небольшие изменения. Эти формы греческого стиля вечно объективны и по праву претендуют на использование, если кто-либо захочет вообще выразить эти нежные переходы между нагрузкой и опорой! Ренессанс считал это необходимым, классицизм XIX века тем более. Здесь тоже в течение последних лет были внутренние отказы и отступления. Сегодня пренебрегают этими промежуточными звеньями так же, как отвергли вертикальное направление готики. Пересекающиеся линии ясно и четко встречаются друг с другом; здесь тоже царит не спокойная гармония, а открытая смена направлений. Шершавые и твердые, как кулаки, нагромождались камень на камень. Поиск современного "готика" не стремится через облака вверх, а предполагает тяжелый труд. Подобно Фаусту он осушает болота, когда кажется, что он сам окончательно утонул в болоте классицизма и анархии, мы все отчетливее замечаем, что он сегодня хочет: облагораживания, одухотворения, одушевления грубейшей работы.

И последнее, что дает нам основание считать возможным принять основные формы древнегреческой архитектуры снова и снова, что восходит к доисторическим временам и объединяет объективность с самобытностью и с расово-личностными чертами. А именно везде, где царила культура средиземноморской расы, мы можем установить их строительный тип как круглые постройки. Это основной тип этрусского дома, доисторических замков Сардинии, это также тип древнего замка Тиринса (Tiryns). На севере же органично возникла прямоугольная постройка с применением длинномерного лесоматериала. Уже со времен культуры мегалита сейчас можно обнаружить постройки с прямоугольным планом, наряду с вестибюлем и столбами, прообраз более позднего аттического дома, греческой храмовой постройки. Типы домов Хальдорфа, Нойруппина в Бранденбурге, дома каменного типа являются прототипами, которые нордическими племенами были принесены дальше в долину

---

⁸⁶ Более подробное рассмотрение здесь не представляется возможным. Я предлагаю обратить внимание на всем известный нью-йоркский небоскреб, затем на ужасный проект трибуны Тауер (Чикаго) архитекторов Хоуэлса (Howells) и Худа (Hood) и на скорее осязаемый, но не окончательно удовлетворяющий проект финна Сааринена. Затем на попытки Русселя и Гросселя самостоятельно добиться разделения строительной массы, на градостроительные проекты Гуго Ферриса и Дудока; на оказывающее безусловно колоссальное действие здание нью-йоркской телефонной компании. В Германии внимания достойны предложения Вильгельма Крайза, проекты Артура Зокофа для высотного здания Немецкого национального союза торговых служащих и Гамбурге, чилийского дома и т.д.

Дуная, в Моравию, в Италию, в Грецию, но прежде всего мегароновые формы (Megaronformen) замков в Баальхеббеле (Baalshabbel). Из VIII века до Р.Х. пришел к нам тогда этот германо-греческий дом, на обломках древнего круглого замка доиндогерманского Тирина (Tiryns) возникла нордическая прямоугольная постройка. По этому основному принципу были построены королевские дома в Микенах, в Трое, везде, где завоевателем и свидетелем явился нордический человек. "Белокурый Менелай" о котором говорит Гомер, относится к замку Алкиноя, который Одиссей видит "построенным со столбами" (Одиссея 7), архаические великие короли Атаризии (Атройса) и товарищи, которые протянули свою руку к берегам Малой Азии и являются строителями троянских дворцов, которые свой план перенесли в более поздние времена, до Галикарнаса. Образование и основная мысль греческой архитектуры имеют одну сущность с германским ощущением. Этим идеям - независимо от связанной со временем формы - остались верными и "романский" (в действительности полностью германский) и готический собор. Базиликopodobный принцип, который лежит в основе обеих форм, означает сущность нордического понимания пространства. В Италии, где нордический поток, даже если и прошел по всей стране, как в Греции, но лишь многократно обтекал этрусские центры, которые нередко оставались им вообще незатронутыми, мы особенно отчетливо видим борьбу с прямоугольными формами. Она исходит от круглого этрусского дома через подковообразную постройку до основных планов вилл римлян в Помпеях. Эта круглая постройка хоть и восходит, как кажется, к чисто техническим элементам, однако уходит корнями в древнюю мистику. Первоначальный матриархат доиндогерманских средиземноморских народов символизируют болото или болотные растения и животных, признаки распространенного общеродового общения. Сидящей в болотном тростнике изображают Изиду, Мать-природу, Артемиду и Афродите поклоняются "в камыше и болоте". Из этого подобного символическому камыша и возник первоначальный дом этруска, когда камышинки в виде круга втыкали в землю и связывали вверх. По этой форме затем строили уже из камня. Первый культ материнства, культ болота, имеет, таким образом, ту же символику, что и жилища поклоняющегося матери первобытного "итальянского" народа. Но борьба проявляется позднее, прежде всего в разногласиях между центральным и базиликopodobным принципами строительства церквей. Огромная постройка с куполом первоначального собора св. Петра (позднее измененная по базиликподобному принципу) демонстрирует эту идею древнего круглого дома так же, как и св. Стефано Ротондо (Rotondo) и Марии делла Салюте (della Salute). Хотя нордическая формирующая сила позже часто осваивала и этот принцип, он оставался все-таки нам внутренне чуждым. Круглая постройка ограничивает взгляд со всех сторон, она не имеет направления, одновременно она свободна со всех сторон. В глубочайшем смысле понятия трехмерного пространства круглая постройка вообще не может передать истинное ощущение пространства, будь она даже выполнена мастерской рукой.

В противоположность народам Средиземноморья с их смешанными с животными образами богов, нордический грек (по которому мы лучше можем понять нашу сущность, чем по почти полностью разрушенным монахами древним германским башням) носил в сердце свободный, лишенный демона образ богов.

Как хорошо заметил Карл Шуххардт⁸⁷, божество спускалось там, где первый луч солнца освещал вершину. Везде, где на востоке имелись свободные вершины, нордический человек поселял своих богов: так на Афоне (Athos), Олимпе, Парнасе, Геликоне, на севере в горах Вотана и Донара. Там, где не было гор, их место занимали

---

⁸⁷ "Предыстория Германии". Мюнхен. 1928 г.

высокие лесные вершины: дуб Зевса, святые дубы германцев, которые были срублены Бонифацием. Но - добавим - место погубленных дубов заняли "романские" колокольни, готические церковные башни. Они ловили теперь на головокружительной высоте первые лучи божественного солнца; звонарь становился его служителем и толкователем, и когда крестоцветы загораются красным, это свечение пробуждает те же чувства величия, как в те времена, когда народ Гомера смотрел на Олимп или когда древние германцы собирались при восходе солнца в высокой дубовой роще.

Так готика и Эллада снова тесно смыкаются в нашем духовном и художественном ощущениях. Мы не думаем о том, чтобы оставить неиспользованными открывающиеся новые возможности или навсегда привязать себя к связанным со временем формам и технике, напротив, мы утверждаем ход жизни, многообразие состояний души и времени. Но кроме того мы ощущаем еще упоение от таинственно объединяющего нас жизненного потока и в этом случае особенно от ощущения пространства, имеющего одинаковые и для нас вечные формы для своего воплощения.

Сегодня происходит поворот от техники, поклоняющейся материалу, к истинному чувству стиля. Еще не сломленная личность не будет вечно стремиться оторваться от земли, а будет землю уважать, изображать и "одухотворять". Она увидит в конечном счете символ бесконечности, она одухотворит силу. Архитектура (вопреки строительной школе в Дессау) сегодня является первым искусством, которое готово прежде всего снова стать честным. Его ждет великая задача преодолеть технику при помощи техники и нового творчества. Тот, кто имеет глаза, чтобы видеть, тот видит становящиеся сознательными попытки новой формирующей воли нашей жизни придать внутренне правдивую форму на постройках для зернового силоса в Калифорнии, на пароходе северогерманского Ллойда, на мостах через дорогу в Тауэрне... Придет время, когда из этих новых поисков правды появятся также театры, ратуши и культовые сооружения. Сочувственно и со стыдом смотрит сегодня современный архитектор на берлинскую Фридрихштрассе, на мюнхенскую ратушу, на ужасный новый кафедральный собор в Барселоне и на тысячу других свидетельств внутренне неправдивого искусства и мировоззренческого хаоса.

5

Личность как западноевропейское признание. — Индивидуализм и универсализм. — Чувство бесконечности и личность. — Тристан и Ганс Сакс. — Индийское переселение душ и Христос. — Самовоплощение. — Вера в бессмертие и учение о карме. — Учение о предназначении и понятие судьбы; Шпенглер.

Личностный стиль и стиль объективный стали разными. Я признаюсь, что сомнительно говорить сегодня о "личности", где каждый незрелый это понятие беззаботно применяет к себе, а каждый ведущий сегодня требует для будущего народа и государства в первую очередь типа и культивирования типа. И тем не менее ясно, что грядущая форма нашего существования найдет во всех областях свой выход, как всегда, так и сейчас, при помощи отдельного великого человека. Страх быть обвиненным в отсутствии вкуса и быть принятым за фельетониста заставило многих серьезных людей отказаться от употребления слова "личность". И все-таки это нужно делать. Без использования слова и понятия "личность" возникает опасность ухода хода мыслей и языка в отсутствие сущности и непонятное, в "ощущение бесконечности" без границ, например, как стало теперь модным выражаться.

В понятии "я" заключены индивидуализм и универсализм. Индивидуалистическая эпоха, которая сейчас погибает в страшных конвульсиях, позволила универсалистскому учению снова окрепнуть. Эти чуждые природе мысли, о которых уже была речь,

порождают неизбежно чуждые жизни формы, против которых снова восстает индивидуализм, который их, если нужно, насильно подчиняет. Бесцеремонный индивидуализм и неограниченный универсализм взаимно обусловлены. Сначала через понятие народности и расы в качестве выражения или, если хотите, в качестве параллельного явления, определенной духовности как один, так и другой принцип получает ограничение также органично-физической природы. Но ясная духовность и сознание всегда деятельной духовно-волевой сущности и означает как раз личность. Это есть и остается глубочайшим событием Западной Европы и никакой ложный стыд не должен помешать обсуждению этого вопроса, не сводя в конечном счете ничего к его причине.

Как государство и экономику сегодня пытаются после крушения экономического индивидуализма построить на основе универсалистских мыслей (против чего во всяком случае уже появился национал-социалистический взгляд на будущее как органичный и плодотворный), так объяснение западноевропейских души и искусства как вечного стремления выразить ощущение одиночества и бесконечности означает одинаковое стремление народа и личности в нечто, не имеющее образа и берегов. Смысл бесконечности находят в готике, в исчезающей музыке, в бесконечных перспективах садов Ленотра (Lenotres), в светло-темных тонах Рембрандта, в исчислении бесконечно малых величин.

Конечно, ощущение одиночества и бесконечности тоже является признаком западноевропейской сущности. Указание на это в театре дается в III-м акте Тристана - затем следует закрыть глаза и перенестись в фантазии и положение одиночки. Высоко вверху на утесе, сверху голубая бесконечность, впереди пространственная вечность; тело изранено, душа полна мучений, безвременье близко. Душа Тристана стремится к чему-то бесконечно далекому, к идее, которая здесь на земле для него зовется Изольдой. В рамках этого одиночества звучит откуда-то звук, несколько звуков пастушеской свирели в своенравном, отрешенном от мира ритме, выражая именно то, что невозможно выразить рожденными разумом словами.

Вагнер работал над Тристаном в Венеции, один, сознательно замкнуто, в разлуке с Матильдой, с мыслью в сердце о самоубийстве.

Другая картина. Среди огромного круга обывателей живет Ганс Сакс. К началу III-го акта он переживает одиночество. Но он не один. Вокруг него тысячи людей переживают высшую степень радости праздника; живописный город, счастливые влюбленные парочки, среди них победивший сам себя его воспитанник. Все это приветствует "нашего великого Сакса". Звучат здравицы в его честь. И среди этой суеты стоит он, с улыбкой, богатый и все же одинокий, покинутый и говорит слова о вечности искусства, многим непонятные, слова о "немецких мастерах". Снова ощущение бесконечности и все-таки совсем по-другому выраженное, чем у Тристана. У Тристана Вагнер создал внешние и внутренние моменты в согласии, у Ганса Сакса между ними контраст.

Но что вызывает это чувство бесконечности, беспомощности и одиночества, чувство, которое мы не видим у представителей других известных нам расовых и культурных душ? На многообразные различия народных душ указывалось достаточно, также и на вечное стремление фаустовских натур и на их ощущение бесконечности, но до истинного сознания этого еще не было поднято. Индиец тоже имел ощущение вечности, это свойство древних арийцев. Но индиец растворился во вселенной, его стремление растворилось без остатка, его бесконечность была признанием тождества всех явлений от "я" до "мировой души". Одиночества в нашем смысле он ощущать не мог: он везде видит самого себя!

Фаустовский человек не только проникает в бесконечность и в самые глубины, но он действительно одинок... Но это возможно только потому, что он в глубине души

переживает только одному ему свойственное особое бессмертие, потому что он также поднимается над своим окружением не только как лицо, а потому, что он является личностью, т.е. чувствует бессмертную, только один раз дающуюся душу, вечно деятельную, имеющую власть, ищущую, не имеющую времени и пространства, лишенную всех связей с землей силу. - Это тайна германской нордической души, первичный феномен, как бы это назвал Гёте, за которым мы больше ничего не можем и не должны искать, познавать, объяснять, перед чем мы должны были бы поклоняться, чтобы заставить действовать это и в нас.

Идея непреходящей личности - это самый сильный вызов на бой этому миру. Индеец, после того как он выбрал между миром и душой, отбросил первый как ложь и видимость, и только второй приписал истинную реальность. Душа, атман, сама личность была для него одной единственной.

Атман целиком и полностью содержался в капле воды, в животном, в человеке, он был одинаков во всех созданиях этого мира как нечто "лишенное возраста, молодое", как "чудо досрочно". Из этого расплывающегося в бесконечность ощущения вселенной были упущены также различия в человеческих расах и человеческих душах, все различия, связанные с землей, рассматривались как заблуждения, величайшей духовной властью объявлялись несуществующими. "Все это - также и ты", таково индийское духовное учение; это было следующее за философским стяжением (напряжением) небывалое безграничное расширение (экспансия).

Философствующий разум каждый раз требует привязать многообразие этого мира к единству, из восприятий сформулировать опыт, из разнообразия единство. Индия имела преимущественно философское направление, т.е. она переводила освобождение не в религиозное, волевое преобразование, а в акт познания. Тот, кто видел свет этого мира, тот был освобожден. Этому основному философскому настроению соответствует также то, что многообразие душ, мысль, которая в более позднее время появляется в системе Самкиам (Samkhyam), действует на него как клевета на философский смысл. Таковой она будет казаться также каждому философу, склонному только к познанию.

Философия разума, как таковая, всегда будет тянуть в сторону индийского или поклоняющегося материи монизма.

Этим взглядам противостоит религиозная душа Запада, на этот раз в согласии с учением Иисуса: утверждение вечной личности против всего мира. Она появляется в единственном своем воплощении из неизвестности, которая лишь иногда в часы внутреннего подъема возникает в нас как тень воспоминания; она должна здесь на земле выполнить неизвестное задание, разрядиться и снова вернуться к своей первоначальной сущности. Каждая личность - это единство без конца, это - религиозная воля в противоположность философскому монизму. Монада находится одна во вселенной, она возвращается к тому, что на языке религии она называет "отцом". То, что с философской точки зрения пробуждает сопротивление, есть религиозное переживание.

Поэтому Иисус означает вопреки всем христианским Церквям исходный пункт нашей истории. Поэтому он стал Богом европейцев, даже если и до сегодняшнего дня нередко в отталкивающем искажении. Если бы это сжатое ощущение личности, которая строила готические соборы, которая создавала картины Рембрандта, могло более отчетливо проникнуть в сознание общества, оно подняло бы новую волну всей нашей цивилизации. Предпосылкой же к этому является преодоление существующих до сих пор ценностей "христианских" Церквей.

Достоинство личности не имеет никакого отношения к лицу, иначе жадные до мира люди наиболее сильно воплощали бы веру в личное бессмертие. Но они лишь требуют продления своей животной сущности в бесконечное. Например, переоценивают величие Египта. Пирамиды и мумификация являются не выражением потустороннего

ощущения вечности, а ярким утверждением существования. Египет потому был так непонятно застывшим, что все было поставлено на службу этому миру в государстве чиновников и писарей. Это тоже имеет свое величие, но не такое, как его старались интерпретировать романтики с личностной предрасположенностью.

При точном рассмотрении в древнеиндийском учении все-таки содержится понятие бессмертия личности - несмотря на все возражения против этого. Потому что, если я в качестве растения, животного или человека все-таки всегда представляю собой понятие "я", то таким образом предполагается неизменное, в котором что-то изменяется.

Понятие кармы, овеянное множеством тайн буддистской философии, прояснения здесь не дает. Известное сравнение действия с риском является вопиюще материальным и основывается на неверных заключениях об их подобии. "Сердцу сердца" - это то (*Новалис*), что по нашей вере возрождается. Учение о переселении душ понимается поэтому как притча, как достовернейший ответ на вопрос, который вообще нельзя ставить, если хочешь получить на него положительный ответ. Если я сознаю, что привязан здесь к формам восприятия, без которых вообще ничего не могу воспринимать (время, пространство, причинность), то я не смогу понять и самого правдивого ответа, потому что он предполагает совсем другие формы восприятия - или не предполагает совсем никаких. Если я говорю о бессмертии личности, и стою перед выводом о необходимости предположения постоянного увеличения массы личностей в "потустороннем мире", о том, что бессмертные личности могут таким образом размножаться (мысль, от которой волосы встают дыбом), или о том, что существует вполне определенное число бессмертных личностей, которые реализуются, вечно возвращаясь, то на это можно ответить, что здесь перемешались сферы и представления, которые возникают у нас при других условиях. О законах "потусторонней" сферы мы не знаем ничего! Законы, которые действуют здесь (представления "здесь" и "там" тоже следует отбросить, но, оказывается, мы не можем не употреблять их), в "другом" состоянии не применимы.

В идее личности метафизическая проблема концентрируется одновременно в одной точке. Каждый человек ощущает в себе массу пластических возможностей, зная, что одна склонность хиреет, а другая развила или может развить способности. И все-таки в каждой новой деятельности он узнает себя снова. Он знает, что строительные линии его сущности остаются неизменными, он видит перед собой, по-видимому, безусловный закон. Эта неизбежность перед самим собой и все-таки новая уверенность в самостоятельности являются причиной того, почему признание свободы воли и признание непреклонного закона уживаются в одном человеке. Иисус считал, что чертополох не могут косить трусы, тогда и злой человек не может делать добрые дела. И все-таки он требовал внутреннего преображения. Лютер написал книгу о несвободе воли и книгу о свободе христианина; Гёте высказывал свои "вечные истины", Кант развивал факты антиномий; Шопенгауэр отрицал свободную волю, но он снова вводит моральный порядок мира.

Для всех европейцев в понятии личности заключена последняя тайна, но одновременно конфликт между свободой и несвободой является для нас чисто условным. Если мы отходим от чисто механического воздействия на нас извне природных созданий (это воздействие совершенно ошибочно проталкивается в обсуждение проблемы личности), то причина конфликта заключается в том, что мы судим о себе в разных ситуациях с разных точек зрения. Если мы чувствуем несвободу нашей сущности, безусловный порыв в умении действовать так, а не иначе, то мы инстинктивно расщепляем свое "я" на две части и чувствуем, как одна давит на нас вместо того, чтобы сказать нам, что мы настолько хотим быть личностью, что это влияние является внутренним миром, развивающимся во времени внешне в соответствии с опытом. Закон создал каждый себе сам. В том, что он этот закон создал,

заключается свобода его личности. Это признание точно совпадает с учением мастера Эккехарта.

Дело обстоит, выходит, совсем не так, как учит Шопенгауэр о том, что эмпирический и интеллигибельный характер - это два феномена как бы с двух планет, которые существуют вне отдельной личности как общий эмпирический и нравственный мировой порядок, и в результате случайной встречи создают человека, как это утверждает также индийское учение о карме. Говорит ли народная мудрость о том, что каждый - кузнец своего счастья, говорит ли Гёте о творческой силе гения, или Эккехарт требует "быть в согласии с собой" - все это, в сущности, одно и то же. Это особый германский взгляд на древнюю проблему человечества.

Идея бессмертной личности является сосредоточением души, но она является религиозным подъемом, который не входит в противоречие со строжайшей критикой познания, к которому даже - правда осторожно - можно приблизиться с материальной стороны жизни. Вопрос к неорганическому о причине и цели смысла не имеет. Но жизнь вообще нельзя осмыслить иначе. Всюду имеет место осуществление чего-либо, преобразования всегда обусловлены целью, т.е. существует сознательная целесообразность. Любое существо получает инстинкты, стремления идти своим путем, которые служат этой целесообразности, то есть достижению цели. Не будет ли совершенно абсурдной мысль, если мы здесь воспользуемся аналогией для человека, в более узком смысле для нордического человека, и скажем: тот факт, что вера в бессмертие все время прорывается и управляет нами изнутри, показывает, что она является вдохновляющей нас силой, которая уже представляет собой наше бессмертие? Великий естествоиспытатель и одновременно великий мыслитель Карл Эрнст из Баера заявляет на вопрос о сущности жизни: "Поскольку самообразование не заключается соразмерно в достижении формы, а подготавливает органы для будущего употребления и материалы для самообразования постоянно изменяются, то мне кажется, что общий характер жизненного процесса - это целеустремленность"⁸⁸. "Мы узнаем, что суть жизни может быть только самым жизненным процессом или ходом жизни. Мы не будем искать пространственного местопребывания жизни, потому что жизненный процесс может проходить только во временном представлении". "Понять, как в целеустремленных необходимостях и в неизбежно преследуемых целях заключается жизнь природы, кажется мне истинной задачей исследования природы"⁸⁹. Здесь у нас появляется возможность испытать характер: в состоянии мы объяснить полнокровную расовую жизнь и ее законы как аналогию вечного или нет? Сможем ли мы узнать нашу волю к бессмертию как целеустремленное средство? Сможем ли почувствовать, что уже здесь, выключая пространство, находясь уже над обычной причинностью, жизнь продолжается и после того, как отброшено время?

Еще более четко объясняющий параллельный пример показывает учение о предназначении (предопределении). Оно свидетельствует в западноевропейском мире мыслей ни о чем другом, как о том, что "Бог в душе", который не является противоположностью понятию "я", а является понятием "сам", определяет цель типом сущности. В еврейско-сирийско-римском же мире мыслей, который отрывает личность от Бога и враждебно противопоставляет их друг другу, идея "предназначения" стала безумным представлением, которое унизило человека до прирожденного раба.

Одно "создание" было выбрано навсегда из ничего произвольным духом создателя, другое навеки проклято. Причина осталась тайной обучающего волшебника. Здесь мы снова переживаем несчастье, когда идеи вполне определенного типа "ассимилируются"

---

⁸⁸ "О целеустремленности в органических телах".

⁸⁹ "О целесообразности и целеустремленности вообще". 1866 г.

чуждым образом мыслей; интеллектуальное и духовное кровосмешение является неизбежным следствием этого. Врожденное глубокое уважение германской личности к другому характеру занимало пластические возможности нашей сущности в направлении, которое вызвало отставание того, что согласно свойствам расы могло бы расцветать. Слава Богу, чудовищное учение о предопределении Августина не оказало реального длительного влияния, знак инстинктивного отхода, последнего не избежал и "вечный Рим".

Только в строго еврейско-церковном "христианстве" продолжает иметь место полный разрыв между личностью и Богом, хотя образ Иисуса требует именно этого единства в той же степени, в которой в истории он редко вырастал до этого чарующего величия: абсолютная личность, которая есть, т.е. свободно живет по своему собственному закону, как господин над лицом (особой). Но это означает возможность сильнейшего контраста к так называемому "закату личности", как говорит наш современный язык. Потому что первое является господством, второе - бессилием. Если добавить, что эта свобода органично определена расой и народом, то мы имеем перед собой вечную предпосылку для любой культурной эпохи, связанной с типом европейского Запада.

Идея живущей по своим законам личности и учение о предназначении теперь тесно связаны с понятием судьбы.

Здесь друг другу противостоят два не соединимых типа мировоззрения: древнеиндийское и малоазиатское. Индиец как духовный аристократ приписывает судьбу земли только себе самому. Если спросить слепорожденного, почему по его мнению он должен терпеть это наказание, он ответит: потому что он в прежней жизни совершил нечто дурное. Следовательно, сейчас он должен терпеть несчастье соразмерно его прежним делам. Эта совершенно логичная мысль полностью исключает внешний элемент, совершенно самовольно отрицает именно то, что мы, выросшие в церковной сфере влияния, обычно называем "неумолимой судьбой". Это выделение внешнего элемента является пагубным наследием, которым мы обязаны существовавшей до сих пор форме христианства, принесенной и Европе вместе с малоазиатским миром идей. В то время, как эпоха Гомера, полная доверия к себе и ко вселенной, жила своей жизнью, более поздние внешние потрясения поколебали также внутреннюю греческую жизнь. Поэтому в трагедии появляются личности и судьба в совершенно дуалистической манере. Невинно-виновными предстают люди перед вторгшимися внешними силами (Эдип). В этом отчаянии расщепленная душа сделала тогда следующий шаг: подчинение владеющему этой душой чародею, который личность полностью поглотил, выдал себя как судьбу за "представителя Бога" и стремился держать человека в рабском смирении.

И снова в противовес этим двум типам появляется германская культура с двойной противоположностью. Она не берет на себя объявление материальной вселенной и ее законов несуществующими, но она и не знает ничего о семитском фатализме или сирийском "фатальном" колдовском безумии. Она соединяет понятия "я" и "судьба" как одновременно существующие факты, не спрашивая о причинности обеих частей. Отношение германцев к понятию судьбы абсолютно такое же, как более позднее представление Лютера о сосуществовании законов природы и свободы личности. Его позиция в отношении вселенной полностью совпадает с касающимися критики познания исследованиями Иммануила Канта по поводу империи, в которой есть

свобода и империи природной необходимости.⁹⁰

Нигде, наверное, это существенное совпадение всего нордически-германского не проявляется более ярко, чем в противопоставлении древних германских сказаний и песен тому высочайшему подъему кантовского мышления, а также гимну Хёльдерлина, что никогда сердечная волна не вспенивалась так красиво, если бы ей не противостояла судьба в виде безмолвного утеса. На каталонских полях германцы встретились с германцами, веря, что им необходимо бороться друг с другом за свою свободу и честь. И германский певец заканчивает свою песнь о судьбе:

Проклятье нависло над нами, брат, я должен убить тебя. Это останется вечно непонятным, тверд девиз

Норн (богинь судьбы)

Здесь появляются бесстрастно действующие Норны, как символ непостижимой, но ощущаемой космически-законной необходимости.

Сражающиеся германцы, находясь на службе у добровольно признанных ими внутренних ценностей этой судьбы, принимают ее на себя и выполняют без жалоб как свободные люди. Сыновья северной страны Хармир и Гёрли, подзадориваемые своей матерью, скачут на юг одни ко двору короля готов Эрманериху, чтобы отомстить за смерть своих сестер. Они знают, что едут навстречу смерти, но они сознательно и свободно идут служить за честь клана, бороться до последней капли крови и последние слова Гёрли:

*Мы хорошо сражались, мы стоим на трупах
упавших на оружие, как орлы на ветвях. Готы,
добрая честь принадлежит нам, если сегодня придет конец:
никто не переживет ночь, если приговорен Норной...*

пронизаны героической несентиментальной естественностью, которая находит подобных им по великодушному героическому образу мыслей только в других германских песнях. Прежде всего в "Песне о Гильденбранде". Отец и сын стоят друг против друга, первый как возвращающийся воин, второй как защитник своей земли. Отец узнает сына, тот же в его приветственных словах усматривает только воинские приготовления и дразнит старого героя насмешливыми речами. Тот сдерживается, пока его сын не бросает ему упрек в бесчестном образе мыслей. Тогда Гильденбранд восклицает:

*О горе, царствующий бог, несчастная судьба!
Тот труслив, кто пришел с Востока,
кто не может принять бой, не открыв тайны.*

Следуя созданным самостоятельно законам чести, старый Гильденбранд одновременно видит господство судьбы, обнаруживая понимание, достигающее глубочайшей германской мистики, которая воспринимает "несозданную душу" как бога, как собственную судьбу. Но одновременно героическое решение "Песни о

---

⁹⁰ Здесь следует добавить, что доверие простодушного человека "Богу-отцу", по существу, аналогично доверию, описанному здесь понятию судьбы. Идея "отца" является необходимой персонификацией, которую религиозный человек принимает в отличие от философа, причем ценности характера абсолютно идентичны. Поэтому германский мыслитель мог бы легко договориться с нордическим крестьянином, который честно и с сознанием исполняет свой жизненный долг, если бы отравленные сирийским духом Церкви не отравили и не запутали прямое доверие учениями о грехе, обещаниями милости, очистительным огнем, вечным проклятием. Это выглядит так: кто имеет доверие в себе, тот доверяет и "Богу". Одно обуславливает другое. Поэтому сегодняшним Церквям и их представителям нужны сомневающиеся, раздвоенные, отчаявшиеся люди, чтобы иметь возможность господствовать.

Гильденбранде" учит тому, что Кант на максимальной высоте философского благоразумия называл империей свободы и империей природы, которые всегда разделены, но к которым человек одновременно принадлежит. На этом месте возникает тогда то, что Кант называет благородством человеческой природы: сознание ценности личности против внешней ужасной силы. И.Л. Вольфф совершенно справедливо указывал на то⁹¹, что бог, к которому обращался Гильденбранд - это не бог христианства, который якобы над всеми верующими простирает свою добрую руку защиты. Благодаря этому христианскому Богу понятие судьбы с одной стороны становится индивидуалистическим поиском понятия "я", с другой стороны оно всегда должно, если его логично продумать, как было сказано, привести к учению о предназначении. Древняя песнь о Гильденбранде - как мотив - появилась позже и у других народов, а именно в фальсификациях, которые скрывают суть всей драмы: в этих песнях отец сначала узнает о случившемся, о том, что он убил своего сына, или же он узнает его и после короткого турнира мирно скачет домой к жене Уте. Здесь христианские влияния, исключая идею чести, видны как на ладони.

И еще одно демонстрируют эти германские песни (подобно старой редакции "Песни о Валтари", рассказу об Альвине и Туризинде и всех других), что честь не вызывает конфликтов, а что в борьбе она решает на земле конфликты. Проблематичной германская жизнь стала только тогда, когда новые ценности были уравнены в правах с высшими германскими ценностями чести, свободы, гордости и ярости. Этот раздирающий сердце Европы конфликт до сегодняшнего дня является причиной недостатка у нас духовного стиля, народной культуры, национального государства. Любовь и христианство не положили конец "германскому саморастерзанию", а еще больше разожгли борьбу против всех. Потому что во времена переселения народов разрозненные германские племена с печалью осознали свою враждебность относительно друг друга. "Проклятие нависло над нами, брат, я должен тебя убить", - поет древнеготский певец... Империя Теодориха, казалось, еще раз обеспечила германское единство, если бы подавшиеся влиянию Рима франки снова все не уничтожили. Таким образом, конфликт продолжался. Возможность поднять идею личной чести, чести клана, чести рода до общегерманского осознания чести была - благодаря римскому христианству - упущена. Она была упущена и тогда, когда воин времен переселения народов превратился в оседлого рыцаря.

Судьба и личность находились, таким образом, по германским понятиям в постоянном взаимодействии, и каждая истинно нордическая драма соединяла в какой-либо форме внешнее событие и внутренние ценности характера между собой и не позволяла существовать им рядом и по отдельности. Это так же свойственно "Песне о Нибелунгах", как Фаусту и Тристану. Слащавая эстетика не поняла этой большой драмы и рассматривала ее только с точки зрения Изольды. При чем это, может быть, самое великое произведение Вагнера является не драмой любви, а драмой чести. Поскольку Тристан свою непреодолимую любовь к невесте своего короля и друга воспринимает как бесчестную, он держится от нее на расстоянии, он хочет даже выпить "смертельный напиток", когда понимает, что не может справиться со своей любовью. И теперь "вернейший из верных" это понятие чести, которое составляет всю его жизнь, от себя отбрасывает и предается своей страсти, Это необъяснимая и неразрешенная загадка, которую символизирует "любовный напиток".

Внутренней кульминацией драмы является момент, когда Марке и Тристан стоят друг против друга (не смерть от любви, которая представляет собой заключительный момент). И в то время, как король в раздумье спрашивает "вернейшего из верных":

---

⁹¹ "Герои времен переселения народов". Йена, 1928 г. С. 146.

*Куда только делась честь
и истинный тип,
сокровище всех видов чести,
которую Тристан потерял?
Кто объяснит миру
эту неисследованную причину,
тайную и
необыкновенно глубокую?-*

из оркестра слышатся те скорбные, проникающие в метафизическое восприятие звуки, словно спрашивая о глубочайшем вопросе германской сущности: как самый "честный" мог стать "бесчестным". Нечто, что является невозможным, и все-таки кажется окончательно доказанным. Этот последний вопрос, несмотря на символическое толкование, остается без ответа, Тристан сознательно принимает смерть, срывая повязку с кровоточащих ран. Он умирает от внешнего нарушения того, что он не мог нарушить, связанная с ним судьбой Изольда тоже. Тристан умирает от конфликта с честью, Изольда - от любовной тоски.

Это германская "судьба" и германское преодоление жизненных испытаний при помощи искусства. Но отразить все это - значит достичь высочайшей вершины личностного искусства.

Кроме Церквей XIX века вслед за представителями натурфилософии XVIII века возникло мировоззрение, которое некритично во всех отношениях старалось включить всего человека в механическую закономерность природы. Эта неуклюжая дарвинистско-марксистская попытка провозгласить неизбежную "экономическую закономерность" следует сегодня рассматривать как преодоленную. Но зато (главным образом при помощи Шпенглера) появился другой взгляд в чарующем внешнем оформлении, показанный на "человеке типа Фауста", одаренном значительным искусством убеждения: так называемое морфологическое рассмотрение истории. Эти толкователи исторических образов совершенно справедливо освещали причинность, и судьбу как две несовпадающие идеи. Они отказываются далее - также в соответствии с германской сущностью - громко и открыто от семитского фатализма, который все события признает неизменными. Но они переносят идею судьбы в так называемые культурные сферы, которые наверняка исторически доказуемы, но все же - и здесь возникает опасное заблуждение - не проверяя расово-органичного возникновения этих культурных сфер и их исчезновения. Из туманного далека опускается, по Шпенглеру, такая культурная сфера, словно Святой Дух на участок земли. Все к нему относящиеся переживают героические времена, духовный подъем культуры, разложение цивилизации, закат. И из этих рассказов будут сделаны выводы, возвещающие о нашем будущем⁹². Сюда относится и то, что как сущность этого "нового" понятия судьбы представляется его необратимость, и в конце мы встаем перед неожиданным фактом, подтверждающим, что Шпенглеру удалось провести как натуралистически-марксистское, так и магически-малоазиатское под прикрытием плаща Фауста. Учение о растительной природе человеческого явления зачисляет нас всех снова в ряд причинности, а учение о необратимости должно подчинить нас фатуму. Истинно

---

⁹² Д-р Х. Гюнтер в 12-ом издании своего "Учения о расах немецкого народа" дал Шпенглеру мощный отпор. Шпенглер фантазирует о "символе первого ранга и без примера в истории искусства" о том, что греки в глубокой древности вдруг вернулись, "от каменных построек к деревянным". И при этом не видит, что нордическая расовая волна принесла это деревянное строительство с собой, что, таким образом, заявляет о себе новая душа, а не действовала та же, как любит представлять нам это Шпенглер. Далее Шпенглер обнаруживает внезапное изменение в типах захоронения в ведические времена и времена Гомера. И Гюнтер вынужден и здесь обратить его внимание на то, что нордическая кровь принесла с собой кремацию как тип захоронения. Как здесь, так и везде, фантазии Шпенглера заходят в тупик, как бы хороши и правдивы ни были отдельные части его труда

фаустовского -"Я один хочу!" - Шпенглер не знает, он не видит, что расово-духовные силы формируют миры, а выдумывает абстрактные схемы, которым мы теперь должны подчиниться как "судьбе". Если последовательно продумать до конца, это блестяще представленное учение отрицает расу, личность, собственную ценность, любой способствующий развитию культуры импульс, одним словом, "сердце сердца" германского человека.

И тем не менее труд Шпенглера был великим и полезным. Он пролился грозным дождем, сломал прогнившие ветви и оплодотворил жаждущую плодородную землю. Если он действительно велик, он должен этому радоваться, потому что сделать плодородным (пусть даже через заблуждение) - это самое высокое из того, чего можно добиться. Но теперь расово-духовное ускорение вышло далеко за рамки "учения о формировании", нашло дорогу домой, к известным ценностям и через эпохи приветствует, отбросив путаницу человека и искусство прошлых времен как живую современность.

IV

Эстетическая воля

1

Бесконечность, душевное напряжение. — Улетучивание души и внутренняя активность. — Искусство как общее выражение формирующей воли. Мифология. — "Потерянный сын" как волевое творение. — Произведения Достоевского; ошибочное толкование Вольфелта. — Не "эстетическая свобода", а внутренний стимул. — Князь Мышкин и Томас Будденброк.

Это кажущееся отступление было необходимо, потому что оно делает понятным, что не ощущение вечности и бесконечности" представляет существенное, а личность среди аналогично обусловленных личностей представляет последний исходный феномен в том числе всего творчества в области искусства. Бесконечные перспективы Ленотра и таинственное сочетание светлого с темным у Рембрандта - это не уход в бесконечность, а одно напряжение души среди других. Странно, что так мало систематически уделяют внимания ритму, которому все великие художники Европы следовали или сознательно, или инстинктивно. Их искусство не движется по одной линии от материального в бесконечность, а отражается на понятии V, как бы концентрируя духовные силы для того, чтобы снова выплеснуть их. В тот момент, когда Бетховен, витая в высочайших сферах, готовый к тому, чтобы воспарить душой, создает звуковые картины, внезапно прорывается ликующее скерцо. Через отражающиеся от мира мотивы прорывается звучание великолепной боевой воли. Скерцо Бетховена, заключительное дело жизни столетнего Фауста, героическое величие вагнеровского Зигфрида, преодоление с улыбкой трагизма и барьеров Ганса Сакса, мистику мастера Эккехарта и его богатую деятельную жизнь можно понять только тогда, когда откажешься от застывшего монизма. Толковать полет в безграничные просторы как "западноевропейскую душу" -это основной принцип туманной сирийской магии в попытке проникнуть в культуру Европы.

Музыка Баха и Бетховена - это не максимально достижимая ступень полета души, а именно бесподобный прорыв духовной силы, которая не только отбрасывает материальные оковы (это только негативная сторона), а высказывает нечто совершенно определенное, если это и нельзя сразу унести с собой в виде написанного черным по белому. Германское преодоление мира - это не безбрежное расширение (что было бы "полетом"), а усиливающееся проникновение (т.е. волевое действие), "сладостный святой аккорд", которому Шуберт приписывал всемогущество.

Воля - это выражение души с целеустремленной энергией, она относится, таким образом, к способу рассуждения, ставящему перед собой цель (финальному), в то время как инстинкт связан с образом мыслей, ищущим причину (казуальным). Еще сегодня в рамках волевого "я", включающего в себя любую целесообразность понятия, эстетическая воля отрицается. А между тем, именно она является, если не самым сильным, то наверняка, самым всеобъемлющим выражением человеческой воли. Потому что художественное творчество представляет собой сознательное преобразование материала и содержания при помощи связанного в любом искусстве определенными формами единства. Если другие направления воли имеют только одну черту характера, один материал, то искусство пользуется всем материалом и содержанием, как чувственным, так и сверхчувственным. В самом широком смысле все наше сформированное освоение мира и понятия "я" представляет собой волевою художественную деятельность. Мифическая картина едущего по воздуху в громовой колеснице бога и мраморная Афина Паллада - являются, по существу, следствием одной и той же формирующей деятельности. Даже идея эфира и закон сохранения силы предполагают аналогичные формирующие силы души.

Пример - "Блудный сын". Эта картина предпоследнего года жизни Рембрандта. Он написал ее в состоянии глубочайшей бедности и отчаяния. Ее нашли после смерти среди старого хлама. Мы видим здесь прошлые страдания, сжатые в один момент, в беспощадно натуралистическом изображении коленопреклоненного грешника. Вместе с тем от этой оборванной фигуры успокаивающе и просветляюще исходит победа над всем ужасным. Нескончаемую любовь отражает лицо склонившегося отца. Здесь противостоят друг другу неумолимый натурализм, со всеми его случайностями и индивидуальными проявлениями, и полное преодоление природы, как в немногих картинах всей живописи. Чисто формально как в отношении рисунка, так и в отношении живописи, все направлено от неопределенно темного к озаренному мягким светом лицу старца, его руки, вся гамма тонов от темно-коричневого, красного и желтого находят здесь свой полный света кульминационный пункт. Взгляды свидетелей также сходятся там. И одновременно здесь представлена вся гамма высочайшего душевного подъема: от взирающего равнодушия, любопытства, от глубочайшей преданности до освободительного, возвышающего избавления...

Формирующая духовная деятельность, происходившая в Рембрандте, была полностью перенесена в души обоих персонажей - сына и отца. Он показал здесь удавшееся преобразование аффекта в свободное действие. Нравственная свобода получила художественный способ выражения; из морализующей притчи получилось художественное впечатление. Потому что нас здесь не учат, что грешно действовать так, как действовал сын, нам не проповедуют покорность и не обещают прощение, а нам показывают свободное, избавляющее действие человека и всеми средствами формирующей убедительности доводят до нашего сознания, как это делали старые мифы с природой. Находясь, видимо, в таком же положении, в каком находился тогда Рембрандт,

Шопенгауэр изложил высочайшие мысли о ничтожности мира, Христос учил нас прощать всех наших недоброжелателей, Шекспир писал потрясающие драмы, Рембрандт же мог говорить только кистью. Это было духовное принуждение в

определенном направлении. Оно было по своей природе не философским, не нравственным, а художественным.

Уже десятилетия труды Достоевского находятся в центре острейших споров. Утонченные, подражающие грекам писатели осудили безжалостность изображений ужаса, порока, порицали тревожное воздействие ничего не прощающего состояния души. С другой стороны, люди, зависимые от никотина и алкоголя, испытывали сладострастное наслаждение, любясь собой в образах Раскольниковых, Мышкиных или Карамазовых. Одни порицали "неуравновешенную форму", каскадное изображение, затем снова бесконечные подробности, другие хвалили образы Достоевского как пророка новой религии. Они видели единственный критерий оценки в якобы человеческом и значительном, другие в безжалостном натурализме.

Поскольку люди Достоевского представляют собой русские типы или претендуют на то, чтобы быть примерами новой духовности, резко отрицательное отношение к этой наглой претензии полностью справедливо. Но это не касается тех случаев, когда эстетики, которые якобы педантично стараются строго отделить "эстетический предмет" от неэстетического, жалуются на то, что, читая о Раскольникове, чувствуешь всеми фибрами "размягчение, изнуренность, раздавленность". Они раздражаются жалобами: "Откуда же взяться той степени свободы и равновесия, которая составляет жизненный элемент эстетического рассмотрения?" (*Фолькельт*) Здесь, очевидно, происходит смешение героического и морального объекта с эстетическим. Это имеет свои причины в том факте, что исследуется чисто физическое влияние нравственного человека, а формирующая сила, эстетическая воля писателя остается незамеченной. В таком случае следовало бы отбросить и распятие Грюневальда как полное ужасов изображение, потому что женщины перед ним падали в обморок. Потому что и здесь ужасы несколько не смягчены и старое священное "эстетическое равновесие" подвергается беспощадной атаке со стороны этого величайшего произведения древнегерманской живописи. Но мы должны воспринимать не отдельных героев или жертв, а силу, которая их создала!

И произведения Достоевского нельзя оценивать ни при помощи человеко-нравственного критерия, ни критерия так называемой объективной формы, а нужно, наконец, решиться дополнить всю его художественную эстетику другим взглядом, подобно попыткам, которые предпринимаются здесь. Это является признанием глубокого внутреннего волевого сплочения. Слова о нравственной уравновешенности, формальном владении и т.д. здесь больше неуместны.

Вообще виной 99 из 100 эстетиков искусства было то, что при обсуждении характеров драмы, картины они выдвигали на передний план этого обсуждения свои мелкие чувства и страхи, а не художественную силу, которая создала произведения. Жизнь фигур - увечны они или прямы, добры или злы, - если мы признаем внутреннюю необходимость их существования, то это и есть формирующая сила, которая нас захватывает, если мы отрешимся от материального. Подавление как страстей, так и благородных побуждений воли в европейском искусстве происходит не для того, чтобы освободить место "игровому импульсу", а в более глубоком понимании художественного желания. Я не должен несерьезно и в равновесии всех духовных сил наслаждаться произведением искусства, а должен заметить творческую формирующую силу. И мое удовлетворение заключается не в том, чтобы видеть внешний вид, а чтобы воспринять суть произведения, даже если внешний вид и заставит меня почувствовать воздействие сути.

Не Алеша, Дмитрий или Иван Карамазов интересуют меня в такой же степени как сила, не намерение, которое каждого из них гонит по своему запутанному пути, а органичное творчество, которое видно через человеческую сущность писателя, чтобы найти путь к нашему сердцу. Должен ли я рассматривать образы как жизненный идеал,

к делу совершенно не относится. Если мы назначаем критическую меру, мы не должны стремиться установить, насколько сильно сохранилась наша "эстетическая свобода", не выяснять здоровы ли характеры или нет, а установить, действуют ли они неизбежно, т.е. рождены ли они из внутреннего единого ядра. Здесь находится узел, который мы долгое время напрасно пытались развязать. Но здесь начинаются также эстетические различия, и в то время как мы за жалким, как нравственная единица, князем Мышкиным чувствуем неумолимую творческую силу, за Томасом Будденброком мы видим только грызущего ручку эстета, ломающего голову при свете лампы над возбуждающими нервы проблемами. Эпилептический припадок Мышкина - это внутренняя вспышка, болезненная потеря зуба бедного Будденброка - это неудача, с трудом подготовленная, но все же неудача. И в то время как безумный идиот на трупе своей возлюбленной означает неизбежное духовное крушение, казненный Томасом Манном Будденброк на камнях мостовой действует на нас так же неприятно, как и комично.

2

Отталкивающие характеры как эстетические объекты. — Хилок и Рюдигер. — Проблема принятых ценностей. Распятие Матиаса Грюневальда.

Пример Достоевского приводит к другому вопросу, который был уже слегка затронут: как получается, что отвратительные, даже больные характеры могут оказывать эстетическое воздействие? Как получается, что художественные произведения, которые рассматривают внешнюю форму и ни в коем случае не соответствуют идеалу красоты народа, художника и не учат никаким ценностям, как это требуется с нравственной стороны, все-таки часто производят сильное эстетическое впечатление? Ответ Шиллера, что мы инстинктивно больше внимания обращаем на силу, чем на закономерность, касается сущности, но не объясняет ее. Потому что то, что нас захватывает, это как раз собственная закономерность эстетического предмета, даже если он, скажем, представляет заимствованную ценность (приемную ценность) или вообще ценность враждебную.

Фигура Схилока (Shylock) как таковая не может нам "нравиться", его мышление тоже противоречит нашим духовным заповедям по всем статьям. И тем не менее, редкое существо захватывает в такой степени, как эта фигура, потому что она совершенна в расово-духовном плане. Внешне он обусловлена еврейскими расовыми чертами от изображения скал Египта до Троцкого, в духовном отношении Схилок показывает сущность от ветхозаветного идеала через Талмуд, Шульхан-Арух до современного банкира с Уолл-стрит. Эта тысячелетняя сущность стала в Схилоке новым созданием еврейской сущности, как маркграф Рюдигер и Фауст - созданием нордической сущности. Схилок действует, как он должен это делать. Однажды представленный он неизбежно отражается как дальнейшее свидетельство эстетической воли художника. Предположение Шиллера о том, что в крупном преступнике нам импонирует сила, которая благодаря своей величине открывает возможность внезапной перестройки, здесь идет по ложному пути. Схилок никогда не сможет перестроиться, его тело следует заповеди, которая при неизменности его сущности действует как закон, который предписывает звездам их движение. Схилок представляет собой, таким образом, тип еврея, так же как и еврейскую культуру. То же касается Мефистофеля. Эстетическое впечатление от этого образа основано не на красоте, не на силе, а на внутренней необходимости, т.е. на художественном акте, который его создал. Чисто личными, не ставшими типами, являются Ричард III, Яго, Франц Моор... В то время как художник открыто уравнивает себя с героическими ценностями, представленными Рюдигером или Фаустом, он противостоит другим как чисто духовно-волевая форма.

Но именно эти образы - а также Хилле Боббе, Пер Гранде, Тартюф - доказывают нам, где мы в конечном счете должны искать как корни эстетического творчества, так и эстетических переживаний.

Среднее положение между Зигфридом и Схилоком занимают произведения, в которых художник не формирует собственной высшей ценности в борьбе против других сил, не ставит другие, внутренне совершенно чуждые силы в центр произведения, но в которых он пытается выразить заимствованную сущность души до последних выводов. Здесь очевидной стала потрясающая проблема западноевропейской истории искусства: страсти Христовы с кульминацией распятия.

Церковное учение о том, что Иисус сознательно пожертвовал собой ради всего человечества, вместе с тем точно описало его мучения с тем, чтобы сделать наиболее наглядной силу самоотверженности. Жертвенная смерть подняла идею покорности, т.е. покорную отдающую себя безвольно любовь, до высшей ценности. Признание этой ценности было знаком церковного средневековья, она стала при этом заимствованной ценностью и для западноевропейского художника, который в своем творчестве пытался добиться в ней соответствия. Как знак особой набожности появляются тысячи распятий, которые образ Христа подчиняют учению о покорности. Улыбающийся белокурый ребенок, который часто "прямо-таки героически" смотрел в мир, превращается в измученную болью, обессиленную фигуру с искаженными чертами и загноившимися ранами. Чувство полного крушения, отчаяния, смертельной жертвы стало средневековой противоположностью героической естественности Рюдигера, Гильденбранда, Дитриха и Зигфрида. Величайшим произведением такого типа, которое эту заимствованную церковную ценность поднимает до символа, является алтарь в Изенхайме. Это произведение представляет собой последовательное проведение идеала покорности, воплощенного волей художника, который в мировой истории ищет подобной себе горячей силы. Это распятие прямо-таки граничит с болезненным перенапряжением как материального, так и волевой художественной настойчивости. Многочисленные колотые раны на теле мученика, опускающаяся как в гипнотическом сне Мария представляют кульминационную точку "христианского искусства". Но одновременно все произведение обнаруживает возрождение аналогичной эстетической воли. Причем происходит удивительное новое преобразование: темноволосый Иисус на кресте превращается внезапно в просветленного, стройного, белокурого воскресающего Христа. В мистическом цветовом круге он поднимается над землей, несравнимый как символ крушения.

Со времен этого высшего достижения эта заимствованная ценность европейского Запада все больше теряет ударную силу. Распятие и Воскресение становятся почти чисто декоративными упреками, поводом для прекрасных цветовых воздействий и световых эффектов. Рембрандт хоть и часто обращается к этому мотиву, но силы Грюневальда больше не достиг никто. Тема исчерпана, внутреннего стимула к изображению распятия у сегодняшнего ощущения мира и формы нет. Распятие в истинном смысле, как его написал Грюневальд (как произведение искусства и признание), сегодня не может быть ни написано, ни изваяно, ни положено на музыку, ни выражено стихами. Оставлена и заимствованная ценность. Но при этом возникла старо-новая тема: Иисус-герой. Не замученный, не таинственно исчезнувший в поздней готике, а неповторимая строгая личность. Создание этого нового героического портрета еще не завершено: но в Рюдигере, в мастере Эккехарте это предназначено.

Классическая эстетика" — Сексуализм и психология искусства; Мюллер-Фрайенфельс и Гросс. — Эстетика проникновения (интуиции); Липс. — Теория музыки Шопенгауэра как отрицание его системы. — "Эстетическое созерцание" как пробуждение формирующей воли.

Классическая немецкая эстетика от Винкельмана до Шопенгауэра исходит из художественного произведения - пусть даже только позднегреческого. Но такое пренебрежение действительной жизнью для продолжительности не могло быть достаточным; поэтому новые эстетики все больше перекладывали эстетику, следуя всему ходу жизни, на чувства воспринимающего искусство. В зависимости от темперамента каждый из них открыл в себе новые переживания, на основе которых построил новую, но опять-таки "общую эстетику". Так эстетика все время становилась частью так называемой психологии, науки о душе. Сенсуализм завоевывал постепенно шаг за шагом землю, чему, ввиду общих поклоняющихся материи взглядов последних десятилетий, также можно не удивляться. Искусство стало противоположностью чисто экономическим взглядам, потому что, как говорилось, его формы стремились "передавать по возможности богатое содержание при минимуме силовых затрат" (Мюллер-Фрайенфельс). Восторженное восприятие искусства стало в связи с этим облегчением мозговой деятельности. Инстинктивно-иррациональное было отброшено как "затычка": эстетическое восприятие основывается на внутреннем подражании, на моторном совместном восприятии. Наконец, Мюллер и его последователи находят в наслаждении искусством всеобщее возвышение поддерживающего жизнь чувства. Здесь он подходит, таким образом, совсем близко к существенным познаниям, но все время остается в тисках голой психологии, которая мешает ему объективно увидеть то, что дает художественное произведение. Той же дорогой пошел Гросс. Точным исследованием уравнивающих (ассоциативных ценностей мы обязаны Кюльпе. Он, несмотря на сохранение психологических взглядов, снова обращается к произведению искусства и требует разложения прекрасного на составные части, требует (подобно Фолькельту) норм для искусства, "по которым можно ориентироваться, если нужно произвести эстетически привлекательное воздействие". На обоснование красоты, как идеального свойства художественных объектов, ориентируются другие эстетики. Готический собор состоит из камней, мелодия - из звуков. Ни камни, ни звуки не являются красивыми, красива их закономерная общность. Красота привязана к материалу без возможности воспринимать ее чувствами. Но красивое состоит не только из суммы отдельных качественных частей, а представляет помимо этого определенное нечто. Оно как раз не зависит от частей, как это уже доказывает музыкальное трехзвучие. Эта освобожденная от объективного эстетическая видимость означает сущность эстетического объекта. Эта сущность вызывает фантазийные чувства двойственного типа: чувства проникновения и чувства участия. С этим Витасек находится на пути к пониманию искусства, которое нашло широкое распространение в так называемой эстетике проникновения, которая подробно была обоснована, главным образом, Липсом. По нему эстетическое состояние представляет собой ощущение воздуха, которое следует объяснить комфортом души в том смысле, что душа легко воспринимает все то, что ей приятно. Прекрасное означает жизненную деятельность, безобразное - отрицание жизни; поэтому первое пробуждает ощущение воздуха, второе - ощущение его отсутствия. Здесь уже имеет место "проникновение", которое увеличивается вместе с радостью радующегося и печалью горящего. Возможность проникновения зависит якобы от возможности одобрения со стороны воспринимающего искусство. Наша собственная сила или стремление должны найти в произведении искусства свою противоположность. Позднее Липс все больше

переносил центр тяжести своего эстетического исследования на субъект, заявляя, что любое полученное впечатление существует в самом обозреваемом. "Все это представляет собой проникновение, перемещение самого себя в другое. Чужие индивиды, о которых я знаю, представляют собой объективированные... копии меня самого, копии собственного "я", короче, продукты проникновения"⁹³.

Эстетическое наслаждение, таким образом, оказывается духовным самоудовлетворением. В результате, падающий камень становится "стремящимся", точно также гора только потому "стремится" "смело" к небу, что мы ее одушевляем (что горы "располагаются", Липс не замечает). Пассивность и активность материала становятся эмоциональными переживаниями. Тяжесть, твердость и т.д. теряют свою объективность и получают ощущение лирического свойства понятия "я": "Необходимость в предметах... проникает в них и по своему происхождению не представляет ничего другого, кроме переживаемой нами необходимости нашего суждения... Не предметы... вынуждающе или вынужденно являются этим, а только я".

Тем самым отношения поставлены совершенно серьезно на голову. Попытки усовершенствовать психологистскую теорию проникновения, дополнить ее и слить с классической эстетикой были многочисленными (Майманн, Дессуар, Фолькельт и т.д.), но нигде не высказано ясно и открыто признание того, что догматическое отрицание обусловленной народом и расой эстетической воли составляет основную причину почти всех разногласий во мнениях. Только это признание наводит мост от объекта к субъекту, от формирующей воли художника (как высшей степени проявления силы) к формирующей воле воспринимающего искусства (как низшей ступени).

Нигде этот факт не может быть доказан яснее, чем в музыке. Это искусство нематериально, она имеет только содержание и форму. Ее средства изображения - это ритмы времени, ее закономерность - это архитектура времени. В своих рассуждениях о сущности музыки, которые считаются одним из самых глубоких трудов, Шопенгауэр заявляет, что воздействие этого искусства потому так неповторимо, что оно направлено непосредственно в самую глубину, к воле. Это Шопенгауэр увидел правильно, не замечая, однако, что тем самым уничтожает как свою философскую систему, так и свое эстетическое признание. Потому что, во-первых, "слепая воля" здесь снова представляется как противоположность самой себе, как самое святое волнение души, потому что всякое наслаждение искусством означает преодоление всего инстинктивного. Во-вторых, воздействие музыки на волю представляется как величайшее художественное переживание одного мыслителя, который прямо-таки с гипнотизирующим красноречием изображает сущность эстетического состояния именно как созерцательность.

Слушать настоящую музыку не значит погружаться в созерцательность или в сладкие мечты, а через нематериальную среду звуковых образов воспринимать формирующую волю и формирующую архитектуру. Но это означает также - почувствовать пробуждение дремавших в слушателе формирующих сил, аналогичных формирующим силам художника. Музыка - и вместе с ней всякое другое искусство - это иное толкование "мира", присвоение, изображение души от тишайшей тишины Фра Анджелико и Раабе до буйства Микеланджело и Бетховена. Художник идет изнутри наружу, воспринимая последовательно извне - от созданного произведения - внутрь, чтобы добиться восприятия того, что переполняло его в процессе творчества. Это единственный настоящий круговорот "эстетического чувства". И наивысшей задачей художественного произведения является повышение формирующей деятельной силы нашей души, укрепление ее свободы по отношению к миру, и даже его преодоление.

---

⁹³ "Культура современности". С. 359-360.

Что должно означать, когда говорят, что человек после посещения картинной галерей эстетическим взглядом смотрит на природу? Разве не о том, что в этом человеке была разбужена дремавшая в нем сила, которая в плане художественного творчества была недостаточной для самостоятельности? И каким образом происходит то, что мы в течении нескольких недель, месяцев и даже лет после осмотра произведения или прослушивания музыки можем вспоминать о них с той же силой воображения, и что при этом снова наступает духовное состояние, которое мы испытывали в тот момент? У многих людей, кстати, это духовное ощущение наступает часто только после того, как они отойдут от произведения искусства, т.е. после отключения материальных, часто мешающих, сопутствующих явлений. И что хотят сказать тем, когда утверждают, что один художник оказал влияние на другого? Разве это не означает, что была разбужена формирующая воля, которая до сих пор дремала, и пробудилась только от толчка особого рода? (Я говорю здесь, конечно, не о подражании в технике.) Сюда можно отнести нашу способность вспоминать свои ощущения и чувства. Можно, например, установить, что, если особый звук или шум вызвал внутреннее потрясение, как, например, взрыв гранаты, который засыпал солдата землей и привел его к нервному шоку, то аналогичный звук спустя много лет окажет на него почти то же духовное и физическое воздействие. Здесь, очевидно, имеет место формирующая сила, которая в сочетании с философией и эстетикой заслуживает основательного изучения.

4

Кант и возвышенное. — "Гармония и силы характера" как тезис Канта. — Не реакция как причина переживания, а собственное творение. — Признания Берлиоза, Ницше, Бетховена. — Музыкальная драма Вагнера. — Одно искусство. — Три искусства — Музыка-драма и моторный запуск; Эгмонт и Брунгильда. — Произведение Вагнера как выражение самого существенного в нордическом характере западноевропейского искусства.

Это ведет нас к противоположному полюсу прекрасного. Наряду с исследованием этого Кант отмечает также чувство возвышенного. Согласно этому имеется еще другое явление, которое пробуждает "незаинтересованный взгляд" и которое тем не менее не является красивым, - это величие. Этот взгляд не является спокойным или легким, а является взволнованным; равновесие, гармония сил характера наступает через конфликт и после конфликта. Если мы видим себя перед великим как таковым, перед безграничным и бесформенным, то наша сила воображения не в состоянии воспринимать это в целом. Мы чувствуем себя как чувствующие существа мелкими, и одновременно через это чувство в нас поднимается другое, которое свидетельствует о том, что мы наконец представляем собой больше, чем чувствующие существа, потому что мы воспринимаем это как мелкое.

Причудливые, нависающие скалы, грозовые облака, ураганы, волнующийся океан - это силы природы, по сравнению с которыми наша физическая сила сопротивления должна показаться бесконечно малой.

Но если мы углубимся в рассмотрение этого мощного явления, мы почувствуем подъем наших духовных сил и откроем в себе совсем другие возможности к сопротивлению, которые придадут нам мужества померяться силами с кажущейся всемогущей природой. "Таким образом, чувство возвышенного в природе является уважением к нашему собственному предназначению"⁹⁴. (Проследите вытекающие

---

⁹⁴ И. Кант. "Критика силы суждения". § 27.

отсюда религиозные представления, которые должны привести к чести и глубокому уважению, к религии, признаваемой Эккехартом.) Это чувство возвышенного вызывается нежеланием, которое воспринимает наши чувственные нервы как ничтожные, чтобы затем в осознании человеческого превосходства перейти в чувство желая и завершиться спокойным незаинтересованным созерцанием. Здесь также, в конечном итоге, наступает равновесие наших сил характера, не только между силой воображения и пониманием, но также между силой воображения и разумом. "Величие - это то, что нравится непосредственно вопреки интересам чувств"⁹⁵.

Возвышенное возникает в результате определенной субрепции (Subreption - подмены), когда мы чувство, пробуждающее в нас разум, переносим на объект. В то время, как прекрасное требует определенного качества, возвышенное, напротив, заключается "только в отношении, где чувственное в представлении природы считается пригодным для возможного сверхъестественного использования".

В искусстве в соответствии с этим, по Канту, возвышенное может выступить только в борьбе нравственного желания против чувственного. Но поскольку нравственная воля, как таковая, бесстрашна, обозначая только добрые убеждения, то ее проявление может принять форму аффекта.

Если идея доброго проявляется с аффектом, то это энтузиазм. Этот энтузиазм не является нравственным, но является возвышенным. Таким образом, идеальные люди несут это чувство в искусство и являются единственными подлинными героями трагической драмы, как свободолюбивые герои и мученики действуют в том направлении, чтобы возвышенному, которое каждый раз имеет отношение к образу мыслей, интеллектуальному и идеям разума дать преимущество перед чувственным".

Эти примечания проясняют взгляды Канта на душевное состояние, которое, отрешившись от инстинктивного, должно позволить нам в конечном итоге воспринимать гармонию наших внутренних жизненных сил, привести нас в состояние безвольного созерцания. Что же касается происхождения эстетических суждений (т.е. оснований для таких взглядов), то на этом нельзя не остановиться. Но как о важном следует упомянуть и то, что Кант относил их только к прекрасному, "потому что по отношению к природе то же самое замечается в форме, и можно в отношении этого ставить различные вопросы. Возвышение же в природе называется так иносказательно и является только основанием для образа мыслей человеческой природы. Чтобы разобраться в этом, понимание обычно бесформенного и нецелесообразного предмета дает только повод, который используется субъективно целесообразно, но не расценивается как таковой сам по себе и в отношении своей формы"⁹⁶.

Эти высказывания показывают нам в Канте ту же борьбу, что и у Шиллера: он не может отрицать взволнованности по отношению к персонажам драмы, но с достойным вниманием упорством все время хочет вернуться в конце концов к "гармонии сил характера", вместо того, чтобы признать волевое и духовное восприятие и пробуждение духовной деятельной силы как сущность эстетического состояния. Только после колебаний наши мыслители согласились признать действие возвышенного в искусстве, они брали свои примеры почти только из природы, потому что чувство возвышенного они ощущали только как реакцию. Но остановимся перед готическим кафедральным собором: здесь тоже мощное подавляющее величие, запугивание лица и тем не менее восприятие личности, возвышенного. Но этот кафедральный собор представляет собой все-таки акцию, человеческое сотворение искусства силовым способом, художественное изображение возвышенного чувства. Здесь, таким образом, творчество

---

⁹⁵ Там же. § 29.

⁹⁶ *И.Кант. "Критика силы суждений". § 30.

и взволнованность восходят к одному источнику. То, что вызывает во мне глубокое уважение, это в конечном счете общее с личностью знание народа, человека, формирующей силы, которая здесь проявляется.

Здесь хотелось бы предпринять длинный экскурс относительно сделанных художником признаний, о творчестве и восприятии, так как для цеховой эстетики характерно это упускать, хотя эти признания тем не менее должны дать существенное основание для всех рассуждений по поводу искусства. Но это слишком бы увеличило объем этой главы и потому выскажу лишь несколько мыслей.

В переписке Гектора Берлиоза, например, мы воспринимаем его как переходящего через все высоты и глубины художника, который всегда представляет действие и переживание. После прослушивания своего собственного произведения он рассказывает своему другу Ферранду, что ему хотелось кричать, - настолько колоссальное и страшное действие оно оказало на него, и он с удовлетворением замечает, что один из слушателей был совершенно бледный как смерть от волнения. Преисполненный тоской, он пишет из Лиона: "Мне кажется, я сойду с ума, если снова услышу настоящую музыку". Р. Крейцеру он пишет в экстазе: "О, гений! Что я должен делать, если мне однажды захочется изобразить страдания? Меня не поймут, потому что они ни разу не увенчали автора великолепного произведения венками, не носили его с триумфом, не падали перед ним на колени". Теодора Риттера в 1856 году он настойчиво просит: "Запомните 12-е января! Это день, когда Вы в первый раз приобщились к чуду великой драматической музыки Глюка". "Я никогда не забуду, что Ваш художественный инстинкт, не колеблясь, преклонился перед этим гением, который до сих пор Вам не был знаком. Да, только половинная страсть, половина сердца и только одна половинка мозга всегда говорят: есть только два высших божества в нашем искусстве: Бетховен и Глюк".

Берлиоза, быть может, обвинят в излишней патетике, но о том, насколько интенсивно участвуют в творчестве все волевые силы, нам также поведал кажущийся рассудительным Флобер: "Для художника - пишет он Мопассану - существует только одно: все отдать искусству! Я работаю как мул уже 14 лет. Я всю свою жизнь прожил с упрямством мономана, исключив все другие мои страсти, которые я заключил в клетки и время от времени ходил взглянуть на них".

"Счастливы вы, лирики, вы имеете отток в ваших стихах. Если вас что-либо мучает, вы выплевываете сонет, и это облегчает вам сердце. А мы, бедняги-прозаики, для которых любая личность под запретом (и прежде всего для меня), думаем еще обо всех неприятностях, которые снова легли нам на душу, обо всей нравственной слизи, которая берет нас за глотку".

Это - то настроение души, о котором Ницше сказал:

Кто может многое сказать,
Молчит, в себе переживая,
Кто может молнией сверкать
Вначале только тучек стая.

Едва ли кто-нибудь описал час рождения великого произведения так хорошо, как Ницше: "Имеет ли кто-либо в конце XIX века понятие о том, что поэты сильной эпохи называли вдохновением? Откровение в том смысле, что нечто становится внезапно с невыразимой уверенностью и свободой видимым, слышимым, нечто, которое потрясает до глубины и опрокидывает... Слушаешь и не ищешь, берешь, не спрашивая, кто дает. Мысль вспыхивает подобно молнии, с необходимостью, в форме без промедления - у меня никогда не было выбора. Восхищение, огромное напряжение которого порой выливается в поток слез, при котором шаг то произвольно ускоряется, то становится

медленным, полностью выходишь из себя... испытывая глубокое счастье, когда сильнейшая боль и мрак действуют не как контраст, а как нечто обусловленное, вызванное, как необходимая окраска такого светового потока... Все происходит в высшей степени произвольно, но как в порыве ощущения свободы, безусловности, божественности".

Не является ли это по происхождению и проявлению той же сущностью, которую Ленау заставляет осознать после постановки "Фиделио": "Буря чувств охватила меня, и в течение двух часов я был самым счастливым на земле... Когда я вспоминаю это наслаждение, мужество в борьбе с судьбой меня покидает!"

А сам Бетховен, человек, который окончательно поколебал своими произведениями основы всей стремящейся к "созерцательности" и "гармонии" эстетики? Он признался молодому музыканту Лунсу Шлёссеру: "Вы спросите меня, откуда я беру свои идеи? Я не могу сказать этого с уверенностью, они приходят неожиданно, прямо или косвенно, я мог бы их схватить руками, на природе, в лесу, во время прогулок, в тишине ночи, рано утром, в связи с настроением, превращаясь у поэта в слова, а у меня в звуки, звучат, шумят, бушуют, пока не воплотятся у меня в ноты". После прослушивания каватины Ми бемоль из квартета Б-дур, опус 130, Бетховен высказал Хольцу: "Никогда моя собственная музыка не производила на меня такого впечатления; даже повторное прослушивание этой вещи всегда вызывает у меня слезу". И потом, в порядке протеста против всякой сентиментальности и инстинктивной чувствительности он пишет 15 августа 1812 года Беттин фон Арним: Тете я высказал свое мнение о том, как действуют на нашего брата аплодисменты, и что хотелось бы с понятием услышать от себе подобных; умиление свойственно только женщинам, в мужчине музыка должна зажигать пламя".

Это было свидетельством победы германской сущности в человеке, которого мучили и разрывали расово-духовные силы более низкого человеческого уровня, которые у Бетховена время от времени проявляются, как проявляются чуждые гротески на готическом соборе.

И наконец, что сказал бы величайший певец среди немцев и деликатнейший проповедник их души по поводу попытки уничтожить импульс сердца путем сведения художественного впечатления на нет? Разве не страдал Хёльдерлин в свое время от этих людей, когда еще в качестве всемогущих граждан они не управляли нашей жизнью, уже тогда, когда Гиперион в поисках великих душ должен был констатировать, что усердие, наука и даже религия делала их варварами. Гиперион встречал ремесленников, мыслителей, священников, обладателей титулов, но не встречал людей, труд не сочетался с душой, не имел внутреннего импульса, не был жизненным единством. Так Хёльдерлину даже добродетели показались блестящим злом и в качестве потрясающего открытия он почувствовал, что эти люди всю ограниченность своей души хотят поднять до всеобщего закона. Что почувствовал бы Хёльдерлин в более позднее время, когда искусство спустилось с высот теоретически признанного "запуска созерцания" как нейтральной области до уровня способствования пищеварению, облегчения общения, вакханалии шумовой техники! Когда-то он хотел подарить свою Диотиму гению Греции и смог только породить песнь-жалобу раненого гения. Сегодня его порождение было бы единственным криком отчаяния - или наступления, его песнь тем более - следствием пламенной муки от знаний. Красота же, которую Хёльдерлин воспринимал как религию, не была "созерцательным" насыщением наших философствующих докторов, а была достигшей максимальных высот жизненной целостности, всеми в одно мгновение связанными в пучок подъемами души, всеми стремлениями сердца, всем напряжением воли. А песни Хёльдерлина! Единственный сияющий подъем самых великих жизненных ценностей и божественной тяги к дальним странствиям, обращение к "огромному сердцу мира". И он знал, что

говорил, когда писал об "умных советчиках":

Теперь расцветает новое искусство убивать сердце,
Смертельным кинжалом в человеческой руке
Стал совет умного человека...

Можно таким образом пройти по стремлениям, творчеству и переживаниям всех истинных художников европейского Запада. Везде вначале стоит сосредоточенная художественная воля, готовая освоить огромное зрелище, вылепить его, придать форму, породить новое создание и затем в рамках такого приведения в действие эстетической воли, в соответствии с общим желанием, доставить себе удовольствие.

Именно эти, обладающие глубочайшей волей, деятели искусств враждебно воспринимают утверждение, которое с пристрастием высказывает наша современная эстетика, утверждения о том, что существует аморальный гений. Эти взгляды, явно интеллектуальной природы, восходят к попыткам вообще избавиться от художественности, обладающей сущностью желания. Нетрудно заметить здесь стремление средиземноморской расы, которое особенно было распространено еврейской литературной гильдией. Нордическое германское искусство с самого начала доказывает ложность этого утверждения уже выбором содержания. Достаточно прочесть письма Вагнера к Листу, чтобы понять, как резко истинная раса отмежевывается от асфальтового интеллектуализма. Следует обратить также внимание на слова Бетховена: "Гендель - величайший композитор, из тех, которые когда-либо жили. Я готов обнажить голову и преклонить колени перед его могилой". "Величайшим произведением Моцарта остается "Волшебная флейта", потому что только здесь он проявляет себя как немецкий мастер. Дон Жуан имеет еще абсолютно итальянскую форму, и вдобавок святое искусство никогда не должно унижаться до фона для такого скандального сюжета".

Только от такого характера возникли великие творения германской Западной Европы: соборы, драмы и симфонии.

Величайшей сознательной попыткой всеми возможными зрением и слухом пробудить это благородство воли является музыкальная драма Вагнера. Вагнер объявил танец, музыку и поэзию как одно искусство и отнес раздвоенность и бесплодие в свое время к тому факту, что каждое из трех искусств в отдельности подошло к последним границам их силы выразительности с искажением. Абсолютная музыка Бетховена привела мастера в IX симфонии назад, к признанию человеческого голоса. Как ритм представляет собой скелет звука, так человеческий голос - его плоть. Но одной музыке не хватало "нравственной силы", ее изоляция означала хаос или пустую программную музыку. Но отдаленная от музыки и танца драма, совершенная форма лирики, после отмежевания от "других" искусств неизбежно становится только написанной трагедией, которая никогда не может быть поставлена. Так потерпел неудачу Гёте, так тем более потерпели неудачу его последователи. Танец, первоначально истинный и полнокровный народный танец, в сочетании с народной музыкой и песней, благодаря этому отмежеванию стал отчужденным от природы движением ног без содержания и природного ритма. Поэтому произведение будущего Вагнер увидел в объединении трех искусств, составляющих единое искусство: в словесно-звуковой драме.

Вагнер боролся против совершенно вульгаризированного мира и победил. Культурный труд Байройта (Bayreuth) на вечные времена не подлежит сомнению. Тем не менее сегодня начинается отход от основного учения Вагнера о необходимости связывать танец, музыку и поэзию навсегда и предложенным им образом, о том, что Байройт действительно представляет собой "совершенство арийского таинства", от которого нельзя больше отклоняться.

Вагнер четко отделил условия, при которых слово имеет безусловное преимущество, от условий, когда ведущую роль должна взять на себя музыка, чтобы внешнее действие заменить внутренним. И все же два факта показывают нам, что форма музыкальной драмы Вагнера и ему не всегда полностью удавалась (так как в "Тристане и Изольде" и в "Мейстерзингерах"), что и он создал драму, которая так высоко вышла за рамки обыкновенного произведения, что театр здесь также был вынужден отказаться от нее как в случае с Фаустом II ("Кольцо Нибелунгов"), и с другой стороны доказывают, что именно объединение слова и музыки совершает насилие над танцем в его общей форме в качестве драматического жеста.

Слово, вопреки своей врожденной музыкальности, прежде всего является носителем информации о мыслях или чувствах. Как бы ни хотелось рассматривать передающий мысли язык как "внеэстетический" элемент, он все-таки является предварительным условием любой истинной драмы. Его четкость и понятливость определяет высота и ширина зрительного зала. Техника речи считалась условием любого великого актера. Только при помощи языка доходила формирующая воля автора. Пока слово изображает человеческий конфликт, рассказывает о событии или передает ход мысли, музыка ему не способствует, а мешает. Сопровождающая музыка уничтожает как раз среду для передачи воли и мысли. Это проявляется между прочим в рассказе Тристана в 1-ом акте, в разговор Вотана с Брунгильдой, в проклятии Альбериха, в пении Норн в увертюре к сумеркам богов. Везде, где нужно передать мысль, вступает заглушающий оркестр. То же относится почти ко всем массовым сценам. На фоне нарастающей звуковой картины высказывания народа на сцене полностью теряются, публика слышит только неартикулированные громкие выкрики, видит кажущиеся необоснованно поднятые руки. Это ведет не к формированию, а к хаосу. Достаточно, например, сравнить начало Эгмонта с прибытием Брунгильды в бургундский замок. Народная сцена у Гёте показывает величайшую пластичную выразительность, несколько слов слева и справа от толпы на сцене передают мысли и настроение всех человеческих слоев.

Общность в отношении Эгмонта придает тогда этому индивидуальному проникновению особую силу. Музыкальное сопровождение во время этой массовой сцены отняло бы у нее всякий такт и характер⁹⁷. Несмотря на одобрение того, что Брунгильда открывает тайны души перед собравшимся народом, для нас ее поведение - сопровождаемое музыкой - в словесно-звуковой драме стало парализующей сценой, которая не подвергается критике только в связи с восхищением замыслом Вагнера.

Это произошло, потому что был сохранен навязанный тезис, по которому во время музыкальной драмы музыка не должна прерываться ни на миг. Несмотря на то, что она была вправе взять на себя ведущую роль в начале "Золота Рейна", во 2-ом и 3-ем актах "Тристана", в 3-ем акте "Мейстерзингеров", несмотря на то, что она способствует слову, помогая ему приобщить человека к душе Тристана, Марке, Ганса Сакса. Музыка Бетховена к "Эгмонту" - это самая глубокая музыкальная драма. Но эта музыка не захватывала бы так, если бы оркестр сопровождал также спор между Эгмонтом и В.

---

⁹⁷ Достойного уважения Х. Ст. Чемберлена можно, пожалуй, считать самым сознательным защитником идеи словесно-звуковой драмы Вагнера. Одновременно он страстно защищает точку зрения Гёте о том, что между истинным поэтическим искусством, т.е. "искусством иллюзии" и всеми другими искусствами зияет пропасть, что здесь вообще не может быть сближения. Искусство иллюзии имеет дело только с представлениями, все другие искусства в каком-то отношении "действительно" являются искусствами чувств. Здесь явно имеет место "пластичное противоречие", подобное тому, которое Чемберлен установил у самого Вагнера. Мне кажется, что разграничение Гёте более правильно: это не разные искусства, которые могут взаимно оплодотворять друг друга, расти, а не заново полученное "единое искусство": бракосочетание слова со звуком в песне нельзя запросто применить в качестве программы в большой драме. Существует, таким образом, новым путем, новая встреча между словом, звуком и мимикой (жестом), которая вероятно сможет исправить послевагнеровские заблуждения.

Оранским (Oranien) или между Эгмонтом и Альбой.

Наряду с танцем драма - это единственное искусство, в котором живой человек сам является также средством отображения. В его задачу входит драматическое действие не только во времени, но и в пространстве при помощи жестов. Движение - это функция, состоящая из пространства и времени; одна форма нашей способности к созерцанию находится в определенном отношении к другой. Выраженный словами аффект неизбежно требует сильного внешнего движения всего человека. Темпу внутреннего переживания соответствует быстрота изменения в пространстве. В словесной драме можно беспрепятственно создать эти пространственно-временные отношения и тем самым у слушателя и зрителя пробудить присущий ему ритм и вместе с этим так называемый моторный фактор.

Некоторое время важность этого моторного фактора преувеличивали: а именно, когда хозяйкой положения была сенсуалистско-психологическая эстетика. Однако ответный "классический" удар сильно оттеснил его на задний план. И все-таки это моторное пробуждение человека является внешним отображением волевого высшего стремления. Клероны, которые трубят к атаке, Хоэнфридбергский марш, под звуки которого миллионы шли на смерть, показывают, насколько героическое громкое звучание способно вызвать проявление воли, которая моторно преобразуется в высшее напряжение энергии тела. Сюда относится ритм истинно национального танца, на звуки которого соответствующий народ отвечает душевной и моторной реакцией. Здесь время и пространство находятся в определенном соотношении, которому не мешают третьи факторы. Если словесную драму дополняет музыка, а музыкальный танец - слово, и не в течение короткого времени, а длительно, то неизбежно возникают художественные противоречия. И хотя посмеивались над старой оперой, где герой заявлял, что убегает и оставался стоять еще минут десять, но и в драмах Вагнера внутреннее соответствие между содержанием слов и жестом нередко нарушала музыка. Например, когда Брунгильда вдруг видит Зигфрида при дворе Гунтера и страстно устремляется к нему, слова, которые она поет, сковывают ее движение. А Зигфрид, напротив, должен делать оборонительный жест как бы под увеличительным стеклом времени. То же касается и большинства сцен между богами и великанами в "Золоте Рейна".

Если в этих случаях музыка, привязанная к физическим певческим возможностям, мешала прохождению духовно-моторного процесса, то в других случаях слово не могло поспевать за быстротой танца, а также вынуждено было мириться с фальшью, что редко имеет место в музыкальной драме.

Этот анализ не является критикой важных вещей, а нацелен на сущность, которая и Вагнером, и любым оперным певцом, наверняка, воспринималась болезненно; он свидетельствует о том, что три искусства нельзя по длительности объединить в одно время, и точно так же, как их раньше можно было поставить относительно друг друга, закономерностью каждого из них нельзя было пренебречь без ущерба. Спи не являются единым искусством. Попытка сделать это насильственно нарушает духовный ритм и мешает моторному выражению и впечатлению. Здесь Вагнер, все художественные произведения которого представляли собой не что иное, как только необычайный разряд воли, сам у себя стоит на пути. Предпосылкой к его величию было также условие наличия некоторых слабостей. Это инстинктивно ощущает большинство зрителей музыкальной драмы Вагнера, не умея объяснить неприятные ощущения. Затем несравнимое впечатление от мистических героических мест берет верх и компенсирует отрицательно воспринимаемое несоответствие между пространством и

временем (движение леса, траурный марш)⁹⁸.

Никоим образом эти замечания не умаляют деятельности Вагнера. Она создала жизнь, и это главное. Это было, конечно, удачей, что совершенно разрозненные искусства снова были соединены воедино. При этом они взаимно оплодотворили друг друга. Возможно, придет третий великий, который вмещается в сегодняшнюю жизнь и с учетом новых закономерностей трех искусств подарит нам новую словесно-звуковую драму, имея в качестве образца "Эгмонта" и "Тристана".

Но в Рихарде Вагнере проявилась сущность всех искусств европейского Запада: это то, что нордическая душа не созерцательна, что она не теряется в индивидуальной психологии, а переживает волевым образом космические духовные законы и оформляет их в духовно-созидательном плане. Рихард Вагнер является одним из тех художников, у которых совпадают те три фактора, которые сами по себе составляют часть нашей общей художественной жизни: нордический идеал красоты, внешне проявляющийся в Лоэнгрине и Зигфриде, связанный с глубочайшим чувством природы, внутренняя воля человека в "Тристане и Изольде" и борьба за высшую ценность нордического западноевропейского человека - героическую честь, связанную с внутренней правдивостью. Этот внутренний идеал красоты воплощен в Вотане, в короле Марке и в Гансе Саксе (Парсифаль имеет сильно выраженный церковный акцент, ослабляющий в пользу заимствованной ценности).

Здесь духовная жизнь Вагнера встречается с глубочайшим унтертоном всех европейских величин. Я не хочу больше перечислять их имена. "Высочайшее - это героическая биография", - признавал сам Шопенгауэр. Эта сила героическо-волевого представляет собой таинственную среду, которая привлекает наших мыслителей, исследователей и художников. Она представляет собой содержание в величайших произведениях европейского Запада и стремление от графа Рюдигера к Фаусту и Гансу Саксу. Она представляет собой силу, которая всему придает форму. Ее пробуждение в зрителях и является конечной целью западноевропейского художественного творчества. Это признание также далеко от враждебного отношения к жизни нашего классицизма, как и от пошлого чувственного искусства и формализма сегодняшнего дня. Оно охватывает и то, и другое и достигает с ними такой глубины, где находит все, что было создано из сущности нордической западноевропейской души.

5

Интимное и душевное. — Келлер, Мерике, Раабе. — Покой Греции и западноевропейская "тишина". — "Блэк хауз". — "Глубина". — "Юрг Енач". — Герман Ленс; "Оборотень". — Кнут Гамсун. — Стремление; "Парацельс" Э. Кольбенхейера.

Все, что проявляется при разрядке воли у величайших людей, является также существенной сферой у всех других истинных художников европейского Запада, в том числе и у тех, чья духовная ударная сила свидетельствует не о такой же сильной и не одинаково направленной формирующей воле. Результат и здесь совершенно самобытен. Мы называем это душевным, интимным, полным оптимизма. Я понятия не имел, что создания других рас, даже родственных групп народов можно было

---

⁹⁸ В качестве примечания я выражаю здесь свое убеждение и том, что Вагнер в "Кольце" ставит перед человеком и театром такие требования, что просто невозможно поспевать за его великими устремлениями. Кроме того, наряду с симфоническим эффектом имеют место эффекты ("Кольцо", "Парсифаль"), которые воздействуют слишком технически. Так же, как отказались от изображения классической Вальпургиевой ночи, режиссеры никогда не могли удовлетворительно обеспечить воплощение "Кольца". В то время как Тристан и Ганс Сакс живут вечно, "Кольцо должно быть переделано такой же гениальной рукой или оно постепенно исчезнет из театра."Героической симфонии",

обозначить такими определениями: маленькие готические дома с остроконечными фронтонами, и их разрывами и окнами из мелких стекол, выступающие эркеры, резные двери, кованые сундуки и расписная деревянная обшивка, низкие комнаты с видом на парадную комнату соседа. Дальше сюда относятся рассказы Готфрида Келлера, стихи пастора Мёрике, который так любил птиц и все свои вещи хотел иметь в тесной комнате; сочинения Раабе, искусство Диккенса, живопись Кранаха, мы снова всюду находим тихо действующую германскую личность в ее душевной сущности. Раабе выразил эту сущность в стихах:

*В узком кольце
Вещи шириной с мир.*

Спокойствие этих художников не является, однако, "классическим покоем". Конечно, в основе всего германского лежит и глубокое стремление к "морскому штилю души". Сотни лет уже нордические люди переходят через Альпы; глаза многих поколений направлены на Элладу. Но нет ничего более поверхностного, чем сказать, что немец ищет свою потерянную сущность, потерянный образец выдержки и гармонии. О нет! В основе этого лежит стремление к ритму, выражение сильной духовной воли, которое также эти поиски показывают не только как стремление к раскрытию собственной сущности, а как поиски дополняющих ее элементов. Вечно исследующий и деятельный нордический человек ищет покой, он склонен иногда ценить его выше, чем что-либо другое. Если он его достиг, он не хранит его долго, а ищет, исследует и продолжает формирующий, созидательный труд ("Ни минуты покоя! - пишет Бетховен в 1801 году Вегелеру, - я не знаю другого отдыха кроме сна, и мне очень жаль, что я должен ему сейчас предаваться больше, чем обычно".) И если он "спокоен", то в глубинах его все продолжает бурлить, и эта жизнь готова выплеснуться в действие. Германское искусство - это действие, т.е. сформированная воля. Диккенс приукрашивает мир и человека вечной, но совсем не греческой красотой. Эта его внутренняя красота представляет собой игру воли, окрашенную то в более темные, то в более светлые тона, но всегда связанную с темпераментным движением. "Холодный дом" представляет собой, может быть, самый ценный плод этого искусства, с еще большей силой воздействия, чем "Дэвид Копперфилд". И под добрым лицом Раабе в "Abu Telfan" зреет активно действующее стремление, которое в "Глубине" достигает драматических аккордов. Не так глубоко, несмотря на более сильный пафос, С.Ф. Мейер по тем же духовным традициям сочиняет "Судью", "Свадьбу монаха", "Юрга Енача", в то время как Келлер, подобно готическому резчику по дереву, выстраивает свои странные фигуры, придает их лицам удивительные черты и затем посылает их такими, какие они есть, в несентиментальный мир. Колоссальная жизненная наполненность, свидетельствующая о германской душе, имеет место вплоть до Германа Лёнса, который чувствовал в себе биение души земли. Эта естественно-мистическая сторона чувствуется во всей совершенно "четкой" предметности у Лёнса так же как и у Гёте "Над всеми вершинами покой..." ("Горные вершины...") и "Сумерки спускались сверху". В скупом изображении открыто вечное желание, вечное движение, и "оборотни" действуют также согласно своей внутренней духовно-расовой свободной воле, как Фауст, который хотел бы исследовать весь мир. Живший внешне спокойно Раабе был истинным "пастором голодных", жаждущий мудрости и знакомства с миром. "Смотри вверх на звезды!" - учит он. "Обращай внимание на переулки!" - звучит снова. Он усматривает истинную гармонию не только в штиле на море, но и в диком шторме, который захватывает человека, и дает своему герою Роберту Вольфу лозунг для жизненного пути: "И в цепях вперед!". Через сочинения Готфрида Келлера, которые кажутся так четко и безгрешно лежащими на теплом солнце, проходит ощутимый

глубинный поток естественного героизма. "Деревенские Ромео и Джульетта" является произведением такого неизнеженного величия, как "Фрау Регула Амрайн" является примером внутренней гордости. Девушка, которая, размышляя, ткёт себе свадебное полотно и, сочиняя, вплетает в него свою любовь, поет все-таки снова: и если муж не захочет сражаться за родину, пусть станет полотно саваном. И пастух, который высоко в горах заново отстраивает разрушенную лавинами хижину и смотрит терпеливо, заявляя: "Если в пределы моей земли попадет разрушающая запрет кабалы львица, я сам подожгу свое жилище и уйду куда глаза глядят".

Нордический человек в одежде бюргера - это оптимист. В глубине души он сердится и печалится, но кипение укрощается сдержанностью и скрашивается, человеческим пониманием. Поэтому Гёте так же маловероятно может быть юмористом, как Леонардо и Шекспир. Даже Сервантес не является юмористом, как многие думают. Глубокие же юмористы, такие как Готфрид Келлер, Вильгельм Буш, Вильгельм Раабе, а также Чарльз Диккенс и Шписвег относятся все-таки к шуму европейской сущности, они представляют собой веселые точки покоя, но не на темном основании. Лес - это больше, чем определенное количество деревьев, народ - это больше, чем общность близких людей, государство - это больше, чем сумма его законов. Лес - это к тому же еще движение, шумовой ритм, игра света и тени, четкие линии и темная тайна; народ как национальный дух - это борьба, победа, подчинение, смех и печаль, его жизнь проходит каскадом или течет широким потоком. И тем не менее это вода, которая отражает характер. Так "спокойствие" Шторма, Раабе и Келлера стоит рядом с величием Гёте и Вагнера, улыбающегося трагика Буша - рядом с пафосом Шиллера, шагающим огромными шагами. Темное глубинное течение крови и души соединяет их всех и даже в "самом спокойном" звучит вечная немецкая песнь о вечном становлении и о борьбе за свое существование.

Никто из живых художников не изобразил мистическое и природное волевое движение так, как Кнут Гамсун. Неизвестно почему крестьянин Исаак на забытой Богом местности вспахивает один участок земли за другим, почему его жена присоединилась к нему и рождает детей. Но Исаак следует необъяснимому закону, делает, согласно мистической первоначальной воле, работу, приносящую плоды, и, сам удивляясь, оглядывается в конце своего бытия на плоды своего труда. "Благословление земли" - это великий сегодняшний эпос нордической воли в ее вечной первоначальной форме, героической даже за плугом, приносящий плоды при каждом движении мускулов, прямолинейный вплоть до неизвестного конца. Но точно так же необъяснимо естественным являются Бенони, купец Мак, баронесса Эдварда, охотник Глан. Каждая личность с самого начала осознала внутренний закон. И действует в соответствии с ним. Она делает, кажется, несоединяемые вещи - и они тоже естественны. Совсем нет необходимости их объяснять, "психологически" обосновывать. Даже их внешний вид представляет их внутреннюю волю. Но совместное движение нашей воли с силой, которая все создала, представляет собой единственное "эстетическое переживание". В противовес этой закономерной сущности Исаака выступают "бродяги". В той же среде Гамсун в таинственной манере созерцания природы изображает законы вселенной и души. Это снова крестьяне, рыбаки, торговцы, в которых отражается мир. В результате путешествий они теряют неудовлетворенные стремления к связи с Матерью-Землей, благословления которой на них больше нет. Они беспокойно перемещаются с места на место, меняют деятельность и привязанности. Поскольку корни вырваны из дающей силу земли, то гибнут и цветы. Так они и живут: Эдвард, Август, Ловизе Маргрете, не зная почему и зачем. Они представляют собой закат, в лучшем случае переход, попытки человечества добраться до новых форм и типов, создать новые ценности, добыть новую честь. Они живут так, как определил писатель. - естественно и таинственно. Как далеко с этой точки зрения уходят на задний план все Гауптманы, даже Ибсен. И снова Гамсун

преодолеет мир.

И, наконец, стремление! Оно побуждает сердце художника к творчеству так же, как исследователя к открытиям. Вся немецкая романтика без духовной устремленности так же немислима, как когда-то немислима была готика. Хёльдерлин является величайшим среди художников, побуждаемых стремлением нашего времени. Этот первоначальный элемент всегда проявляет свою сущность, видит ли он изображение мечты об Элладe в Диотиме или поет песнь немцам. Хёльдерлин ничего не поймет, если говорить ему о созерцательности, ничего не пойдем у него и мы, если не переживем вместе с ним эстетически-волевой элемент стремления в его творчестве в максимально возвышенной совокупности нашего собственного живого стремления. И этот первоначальный инстинкт придает двум произведениям о немецкой действительности частично вечную ценность: "Народу без пространства" Ганса Гримма и "Парацельсу" Эрвина Кольбенхейера. Колокола, которые звучат из деревни на Везере и сопровождают Корнелиуса Фриботта в путешествие по свету, являются выражением стремления к пространству, к пашне, к применению врожденных творческих сил. Эти колокола стремления из Липпольдсберга звучат и над смертью старателя от руки обманутых товарищей как призыв к пробуждению всех немцев огромного мира. Может быть, с формально-технической точки зрения в "Народе без пространства" можно найти некоторые недостатки, может быть, в изображении некоторых людей, в силе характеров есть что-то от Зигрид Ундсетс ("Кристин, дочь Лавранса"), у которой, например, изображение Эрленда, сына Николауса сделано мастерски. У норвежки нет этой первоначальной устремленности, которой веет со всех сторон от сущности Гримма. Чем больше их персонажи говорят о вере и теологии, тем холоднее становится читатель, поскольку он здесь чувствует намерения и попытки перенести мысли в души персонажей, которые совсем не кажутся носителями таких жизненных чувств. И здесь также обращающийся к Средневековью Кольбенхейер вплотную приближается к Гримму. "Нет другого такого народа, подобного этому, у которого нет богов и который требует посмотреть на Бога", - говорит у Кольбенхейера вечный странник распятому Богу. Он берет усталого Христа, лежащего в нищете на дороге, на свои сильные руки и несет его через немецкие края. И жалкая, измученная фигура Христа впитывает сильное дыхание этого немецкого гения и становится крепче и наполняется силой. Пока великий одноглазый говорит о немцах: "Они меня больше не признают, потому что они говорят о своих вечных богах, только когда они носят печать смерти, все остальное кажется им мелким. Но они любят меня. Эта народная кровь проводит по кровеносным сосудам большую часть первоисточника. Таким образом, они должны быть самыми устремленными среди людей..." Из этого видения мира перед писателем встает великий исследователь Парацельс, стоящий на пороге двух великих эпох и стремящийся из обеих к тому времени, когда слово не выступает против слова, алтарь против алтаря, а все это сведено вместе в первоначальные законы жизни...

Может быть, кто-нибудь думает, что Кольбенхейер написал свое великое произведение из артистического удовольствия, а не потому, что он сам является одиноким устремленным человеком? И может быть, кто-то надеется понять его произведение не почувствовав в себе роста стремления? Кто так думает, не только не понял этого "романа", он вообще не имеет представления о германском искусстве и его сущности, ни об Ульрихе фон Энзингене и мастере Эрвине, ни об авторе "Фауста" и создателе Типериона". И все они не хотели поэтому, чтобы результатом их творчества было "созерцание", а также чтобы это привело к признанию "Платоновых идей", как считал Шопенгауэр (что было чисто интеллектуалистским мнением) а чтобы они пробуждали стремление, т.е. устанавливали волевую сторону нашей сущности в направлении от глупости общего ощущения, поддерживали ее на высоком уровне и, вызывая эти силы, создавали деятельную духовную жизнь.

Искусство как завоевание мира. — Перенесение центра тяжести с религиозной на эстетическую волю. — "Рабочие поэты" и их предательство социального движения. — Герхарт Хауптман. Международное объединение (интернационал) метисов. — Тип красоты фронтовика. — Новое чувство жизни. — Грядущий поэт мировой войны.

Существует значительный для мировой истории факт: насколько религиозными были европейцы прежних времен, настолько и сегодня, хотя и скрыто для многих, но повсеместно, происходит глубокое религиозное стремление, настолько много мистиков и благочестивых мужей породил европейский Запад: абсолютных религиозных гениев, т.е. полного воплощения божественного с собственными законами в человеке Европа еще не имела. Как бы богато оно ни было одарено, как бы сильно ни было по форме и преодолению, достойной нас религиозной формы с его помощью мы до сегодняшнего дня создать не смогли: ни Франц фон Ассизи, ни Лютер, ни Гёте, ни Достоевский не являются для нас создателями религии. Ни Яйनावалкии, ни Заратустра, ни Лао Цзы, ни Будда, ни Иисус в Европе не возникли.

Религиозные искания Европы были в зародыше отравлены чуждой типу формой, когда его первая мифологическая эпоха приближалась к своему концу. Западноевропейский человек не мог больше думать, чувствовать, молиться по свойственной его типу форме. После неудавшейся мощной обороны он принял навязанный ему церковный догмат веры. Богатое сокровище легенд расцвело на каменистой почве еврейско-романской догмы, великолепные образы осветили в представлении и преобразовании истинного Иисуса застывшие сирийские формальности с их усердием; нашлись герои, чтобы бороться и умереть за эту заимствованную веру. И все-таки деятельность сына богатого купца из Ассизи означала не творчество, не аристократическое преодоление мира, подобно деятельности индийца, который с улыбкой ложился в свежевыкопанную могилу, а чистое отрицание. Отказ от самого себя -такова трагическая песня всех европейских святых, чисто отрицающая сторона западноевропейской религиозной жизни, потому что европейцу не разрешалось действовать позитивно, как присуще его расе. Там, где он пытался это сделать, как в образе "блаженного мастера" Эккехарта, все церковные ценности исчезали и расплывались, и вырастало внезапно только сейчас видное во всем своем величии новое духовное здание, которое занимало место чуждой Церкви - и все-таки вынуждено было действовать под запретом. Таким образом, этот апостол немцев умер раньше, чем смог совершенно сознательно научить свой народ преодолевать мир и в этом смысле жить.

Так умерла Европа, подчинив себе физически мир и вселенную. Но духовные поиски, которые не могли быть религиозными, а только римско-еврейскими, перенесли центр тяжести с религиозной воли на художественную. Индийские гимны в меньшей степени являются произведениями искусства, чем религиозно-философскими верованиями, китайские изображения богов останавливаются на карикатурном искажении или поднимаются до их стилизации и формализации, египетские росписи - это рисованные композиции, Греция для нас абстрактная форма. И только в Европе искусство стало настоящей средой для преодоления мира, религией в себе. Распятие Грюневальда, готический собор, автопортрет Рембрандта, "Героическая", fuga Баха, мистический хор (Chorus Mysticus) - это все выражения совершенно новой души, души постоянно активной, которую породила только Европа.

Вагнер мечтал о народной благосклонности как символе. Общность первоисточников отдельных искусств казалась ему провозглашением новой эпохи. Эту

"религию будущего" мы не можем создать сразу, "потому что мы единичны, одиноки": "Произведение искусства -это живо отображенная религия; но религию изобретает не художник, она возникает из народа"⁹⁹.

Искусства в качестве религии хотел когда-то Вагнер. Он вместе с Лагарде возвышался один против бюргерского капитализированного мира и чувствовал, наряду с даром, задачу служения своему народу. Он не говорил в бессилии: "Я больше не понимаю этого мира", а хотел создать другой мир и предчувствовал утреннюю зарю новой поднимающейся жизни. Ему противостояли купленная мировая пресса, сытое мещанство, вся безыдейная эпоха. И неважно, насколько больше в наше время противников или сторонников у байтрейтской идеи: для того поколения та идея была истинным источником жизни в рамках приобретаемого звериные черты времени. Во всех государствах, где существовали люди, которые спорили с жизнью не только при помощи эстетства или нетворческого процесса, Байтрейт находил звучащие в унисон души, и в то время, как встреченные с восторгом "социальные писатели" сегодня продолжают свое жалкое существование, внутренняя ценность Байтрейта все проникает в нашу жизнь, в настоящее время и через него в грядущее будущее Германского рейха. Герхард Гауптман только грыз прогнившие корни бюргерства XIX века, конструировал театральные пьесы по газетным сообщениям, затем "сформировался" как творческая личность, оставил боевое социальное движение, эстетизировался в галицийском туманном кругу газеты "Берлинер Тагеблат", разыграл перед фотографом осанку Гёте и в 1918 году, после победы биржевого произвола, позволил своей прессе преподнести себя немецкому народу как "величайшего писателя". Лишенные внутренней ценности Гауптман и его круг представляют бесплодных деморализаторов времени, к которому внутренне и сами относятся. Ни в одном из них -ни в Зудерманах, ни в Ведекиндах, ни тем более в более поздней стае (Манн, Кайзер, Верфель, Хазенклевер, Штернгейм) не горел истинный протест в сердце, нет! Так же, как марксистский социализм отказал в политическом плане, так и борющееся за художественное выражение движение обновления было предано и фальсифицировано этой дерзкой "немецкой" и еврейской литературной гильдией. Все эти рабочие писатели умерли внутренне перед властью денег и их рабов, которых они якобы побороли. Все они являются духовными выскочками, которые становятся "осанистыми" и "гуманными", пока им разрешено питаться за столом "князей золота". Великого, истинно революционного движения "Разбойников", "Коварства и любви" и даже "Вильгельма Телля" в XIX веке нигде не чувствуется. Создание девицы Лулу - это самое большее, до чего "писатели" смогли подняться. И чтобы подавить даже эти смелые элементы истинного и борющегося, денежные князья создали картель с еврейскими директорами театров и представителями прессы. Они хвалили все дерзкое, нудное, надуманное, бессильное и увечное и боролись все сплоченнее и сознательнее против любого истинного обновления мира, как когда-то против Рихарда Вагнера. Потому что они знали: великое означает смерть мелкого, новая ценность сломает шею тому, что ценности не имеет. В этой величайшей борьбе мы участвуем сегодня как никогда. Мы не можем больше как Раабе или Келлер, забыв обо всем на свете, отрешиться от полнокровной жизни, и мы не хотим этого больше, хотя и знаем, что целый "интернационал" во главе с полукровным войском "художников" враждебно противостоит новой ценности пробуждающейся расовой души. А если откровенно, то именно поэтому Барбюс, Синклер, Унамуно, Ибаньес, Моруа, Шоу и их издатели находятся в тесном сотрудничестве с Маннами, Кайзерами, Фульде и их газетной кликой. Они заботятся о взаимных похвалах, переводах, постановках. Один публикует беседы друг с другом. Вся мировая пресса узнает за три месяца, что Томас Манн пишет

---

⁹⁹ Искусство будущего

новеллу. Каждый сообщает устами другого удивленному земному шару о чем он благоволил думать, как он работает: в закрытом помещении или на свежем воздухе, по утрам или по вечерам... Эти пишущие мещане нашего времени загнивают духовно при еще живом теле, несмотря на старания поющих дифирамбы в рамках еврейской рекламы. Они что-то еще лепечут о человечестве, о мире между народами, справедливости, а сами не могут предоставить ни грамма истинной полнокровной человечности. Мир они установили при помощи сил, которые рассматривали мировую войну как свое дело, и пишут в газетах, которые издеваются над подлинным правом народа день за днем выражать свою расовую сущность. Прогнившими, как сама политическая демократия, являются и их подпевалы, даже если они зовутся Шоу, и год за годом не делают ничего другого кроме пожирания трупов, не зная при этом вкусно это или нет, или если их называют Генрихом Манном и дают ослиного пинка тем, кого не смогли сокрушить...

Для XIX века есть еще одно смягчающее обстоятельство: его люди находились в центре увлекающего за собой потока пробуждающегося индивидуализма и были захвачены врасплох новым, как и многие другие. Они хоть и чувствовали, как пошатнулись старые ценности, но кто мог это осудить, не видя восхода солнца, а видя свой конец. Но уже начало XX века показало людей, которые были достаточно самоуверенны, чтобы выступить с провозглашением новой системы жизненных ценностей. И сегодня мы видим, что все, что они провозглашали, было дутой гнилью, в развивающиеся силы которой они сами не верят. Ибсен и Стриндберг еще честно боролись до самой смерти. Сегодняшние последние певцы демократии и марксизма не верят в других и не несут в себе собственных ценностей. Они выкапывают образы в китайской, греческой, индийской литературе (Клабунд, Хофмансталь, Хазенклевер, Рейнхардт), подчищают их или приводят негров из Тимбукту, чтобы представить своей избранной публике "новую красоту", "новый ритм жизни".

Это является сегодня сущностью духовности, это современная драма, современный театр, современная музыка. Трупный запах исходит от Парижа, Вены, Москвы и Нью-Йорка. Foetor judaicus перемешивается с отбросами всех народов. Ублюдки являются "героями" времени, распутные ревю и стриптиз, под управлением негров, стали формой искусства ноябрьской демократии. Конец и духовная чума, казалось, были достигнуты.

Миллионная армия рабочих в шахтах и перед пламенем доменных печей была порабощена и нещадно эксплуатировалась. Она жила в нищете и страдала от всех ужасов наступающего засилья машин. Но она не хотела сдаваться, а хотела бороться. Просто бороться. Она искала образ вождя, но не находила. И страшно сказать, что во главе покрытых копотью, но сильных фигур (пока это было безопасно), маршировали еврейские адвокаты или выращенные крупными банками предатели, в то время как "рабочие писатели" не смогли породить ни одной фигуры борца. Сражающейся армии рабочих не было дано богатырской фигуры ни в жизни, ни в искусстве. Бебель всю жизнь оставался маленьким фельдфебелем, а Гауптман не перерос "Ткачей" и "Коллегу Крамптона". Уже в одном этом факте заключается доказательство того, что марксизм не может быть истинно немецким и вообще западноевропейским движением освобождения, потому что расовое движение создает себе героический образ и свою органичную высшую ценность. Но на место этих сил пришел трусливый сброд марксистских вождей, которых может купить любой, кто имеет деньги. На место целого пришел класс как поддельная ценность. Немецкий рабочий забыл, что нельзя отречься от народа и отечества, а нужно их любить и защищать. Теперь он под еврейским руководством и то, и другое надолго разрушил. Новое, пробуждающееся сегодня рабочее движение - национал-социализм - должно будет доказать, что в состоянии дать немецкому рабочему, а вместе с ним всему народу, не только политическую идею, но и идеал красоты мужской силы и воли, высшую духовную

ценность и тем самым предпосылку для органичного пронизывающего и создающего жизнь искусства.

Во всех городах и селах Германии мы уже видим первые ростки этого. Лица, которые смотрят из-под стального шлема на памятниках воинам, всюду имеют сходство, которое можно назвать мистическим. Крутой морщинистый лоб, сильный прямой нос с угловатым остовом, крепко сомкнутый узкий рот с глубокой щелью губ, молча говорящих о напряженной воле. Широко открытые глаза смотрят прямо перед собой, сознательно в даль, в вечность. Эта волевая мужественность фронтовых солдат заметно отличается от идеала красоты прежних времен: внутренняя сила здесь стала отчетливее, чем во времена ренессанса и барокко. Но эта новая красота является также свойственным расе образцом красоты немецкого рабочего, современного борющегося немца. Чтобы не дать этому животворному эталону подняться и победить, одержимые тягой к морфию полукровки рисуют в еврейских "рабочих" газетах изуродованные и искаженные лица, вырезают по дереву изображения, где идиотизм и эпилепсия должны представить волю и борьбу, в то время как церкви беспомощно все еще заказывают "распятия" или воспевание "агнца Божьего". Это больше не поможет! Предательство 1918 года начинает мстить предателям. Из смертельного трепета, битв, борьбы, нужды и бедствий поднимается новое поколение, которое, наконец, видит перед глазами свойственную расе цель, имеющую свойственный расе идеал красоты, одухотворенный творческой волей. За ним - будущее!

За эстетической ценностью встает отчетливо "внеэстетическая". Личность и тип - одно обуславливает и увеличивает другое. Истинная личность всегда имеет высшую ценность, и даже рабу безусловное подчинение дает определенную форму жизни. Только метис и полукровка колеблется от триумфирующего крика до неудержимых стонов, от противной природе эротике до теософии, от наглого отсутствия религиозности до наглого, демонического экстаза.

В рамках этого крушения новое поколение Германии хоть и ищет свое искусство, но знает, что таковое рождается не раньше, чем нами овладеет новая благороднейшая ценность, имеющая власть над всей жизнью. Не случайно, что мировая война еще не нашла своего певца. Какими бы волнующими ни были отдельные песни, именно народ и отечество стали внезапно возникшими ценностями. Только в сражениях пробудился немецкий миф. Тех, кто его сильнее всего почувствовал, охватывает неистовство или накрывает, как нахлынувшей морской волной, ощущением восторга. Другие неоднократно попадали в омут краха. Многие потеряли веру в борьбу вообще за что-либо ценное. Сегодня из отдельного возникает, тем не менее, общеличностное. Нужда времени проникает в сердце каждого немца, напоминая о том, что даже самая маленькая жертва в мировой войне означает самоотверженность 80 миллионов людей, но что только эти 80 миллионов благодаря общности принадлежат принесенной жертве вместе со своими детьми и самыми дальними потомками. Абстрактное воодушевление от войны за "отечество" сегодня становится, несмотря на все парламенты и политиков, действительным мифическим переживанием. Это переживание вырастет и должно развиваться до естественного ощущения действительности. Но это ощущение означает, что часть народа, отдельные души постепенно начинают приобретать общность взглядов. Личности, которые способствуют этому всеми силами уже много лет, неизбежно выдвигаются на первое место. И как бы не сложилась в дальнейшем политическая жизнь, час рождения поэта мировой войны пробил! Он уже знает вместе со всеми, что два миллиона погибших немецких героев поистине остались живыми, что они отдали свою жизнь не за что другое, как за честь и свободу немецкого народа, что в этом действии находится единственный источник нашего духовного возрождения, а также единственная ценность, перед которой могут беспрекословно склониться все немцы. Этот немецкий поэт изгонит сильной рукой гадюк из наших театров, он

вдохновит музыкантов на новую героическую музыку и будет водить резцом скульптора. Памятники героям и поминальные рощи будут для нового поколения местами паломничества, где немецкие сердца будут заново формироваться в духе нового мира. Тогда снова искусство завоюет мир.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГРЯДУЩАЯ ИМПЕРИЯ

Во всей истории жизни народа есть самый святой момент, когда он пробуждается от своего обморока...

Народ, который с радостью и любовью воспринимает вечность своей народности, может в любое время праздновать свое возрождение и день своего пробуждения.

Фридрих Людвиг Ян

I

Миф и тип

1

Мечтатели как люди действия. — Мечта Икара; Виланд. — Мечта о рае. — Мечта евреев о мировом господстве. — Мечта Поля де Лагарда.

Наступает время, когда народы будут поклоняться своим великим мечтателям как величайшим реалистам. Тем мечтателям, для которых их стремление стало символом, а сама мечта - целью жизни, оформленной в идею, если они ходят по земле в качестве одержимых религией, философов, творческих изобретателей и государственных мужей; в пластическую фигуру, если они были художниками, сочиняющими в словах, звуках и красках. Мечта изобретателя является первым выражением духовной силы, он ориентирует все внутренние волнения в одном направлении, мучаясь от сознания невозможности полностью реализовать такую наглядную в душе картину, напрягает всю духовную и интеллектуальную энергии и рождает, наконец, творческое действие, вокруг которого новое время вращается как вокруг своей оси.

Когда-то нордический дух на Средиземном море, в Элладе мечтал о близости к солнцу, о полете человека над Олимпом. Это стремление создало драму Икара. И умерло как тот, чтобы в другом месте наполнить жизнь новой энергией. Дев солнца и мечта мечтательный человек отослал с ветрами, в шторм и грозу увидел мчащихся перед

собой валькирий и перенесся сам вверх в бесконечно далекую Валгаллу. Древнее стремление стало символом для Виланда-кузнеца. Оно умерло еще раз, чтобы снова пробудиться к жизни в мастерской Леонардо. Из символа писателя получилась практически преобразующая воля. Сильное человечество уже поняло природу и взглядом господина воспринимало ее законы. Но это случилось слишком рано. Спустя четыреста лет мечтавшие о полете человека заново овладели этим недоступным материалом. Материя была на этот раз побеждена, целесообразно сосредоточена в укрощенную энергию, прогрессивная моторная сила была найдена. И однажды блестящий быстрый и управляемый серебристый воздушный корабль, как ставшая действительностью мечта многих тысячелетий, полетел по воздуху. Формы воплощения отличались от тех, которые были придуманы первыми мечтателями, техника была и оставалась связанной со временем, а духовный повелительный импульс был вечным, был необъяснимой целенаправленной и преодолевающей притяжение земли волей.

Когда-то люди мечтали о всевидящем и всеслышащем существе. Они называли его смотрящим сквозь облака Олимпа Зевсом или приглашенным для того, чтобы смотреть, Аргусом. И лишь немногие отваживались потребовать подобного и для человека. Но эти немногие мечтатели исследовали сущность мечущего молнии бога и проверили таинственно разряжающиеся природные силы. И однажды они начали разговаривать друг с другом при помощи этих сил, находясь на расстоянии и будучи связанными только проволокой. А потом и эта проволока больше стала не нужна. Высокие стройные башни посылают сегодня таинственные волны по всему миру, а те разряжаются на расстоянии тысяч километров в виде пения или музыки. Снова смелая мечта стала жизнью и действительностью.

Посреди пустыни воины и завоеватели мечтали о рае. Эта мечта в меньшей степени преобразовывалась в работу миллионов. От одной реки до другой через каналы заструилась журчащая вода вдоль и поперек пустыни. И словно под воздействием магических сил зазеленел желтый песок и зашумели поля полными колосьями. Появились деревни, города, расцвели искусство, наука, пока по этому раю, созданному мечтательной человеческой расой, не прошли войска лишенных мечты завоевателей, все уничтожая на своем пути. Они поедали плоды земли, но не умели мечтать. Каналы были занесены песком, вода застаивалась, текла вспять в первоначальное русло реки, а оттуда текла в безбрежный Индийский океан. Леса зачахли, пшеничные поля исчезли, на месте травы появились рыхлые камни и движущийся песок. Люди погибали или уходили, города засыпались песком, покрывались пылью. Пока через тысячелетия нордические мечтатели не откопали из обломков и золы окаменевшую культуру. Сегодня вся картина бывшего рая стоит перед нашими глазами, погибшая мечта, создавшая жизнь, красоту и силу, пока действовала раса, которая умела мечтать. Но как только за осуществление мечты взялись лишенные мечты практики, вместе с мечтой погибла и действительность.

Так же, как в Междуречье мечтали о плодородии и власти, так мечтал великий народ Греции о красоте и создающем жизнь эросе; так в Индии и на Ниле человек мечтал о повиновении и святости; так германский человек мечтал о рае на земле и о долге.

Наряду с мечтами, создающими плодотворную действительность, и с лишенными мечты разрушителями существуют также мечты уничтожающие. Они также действительны и часто так же сильны, как и творческие. Сегодня еще рассказывают о малых смуглых народах в Индии, острый взгляд которых гипнотизирует змей и птиц и загоняет их в сети охотников. Известна злая, но очень сильная мечта Игнатия Лойолы, чье уничтожающее душу дыхание и сегодня накладывается на нашу цивилизацию. Известна также мечта Шварцальбена Альбериха, который проклял любовь во имя

мирового господства. В горах Сиона столетиями культивировалась мечта, мечта о золоте, о силе любви и ненависти. Эта мечта разогнала евреев по всему миру. Беспокойные люди с сильной мечтой, создавая разрушающую действительность, и сегодня еще живут и действуют среди нас как носители злых мечтательных видений. Его мечта, пережитая впервые три тысячи лет тому назад, после многочисленных неудач чуть не стала действительностью: властью золота и мировой властью. Отказавшись от любви, красоты и чести, мечтая только о лишенном любви, безобразном, бесчестном господстве, до 1933 года еврей оказался сильнее нас, потому что мы прекратили воплощать нашу мечту, и даже пытались беспомощно воспринять мечту евреев. И это принесло с собой германское крушение.

Но самым великим и счастливым моментом в сегодняшнем хаосе является мифическое, нежно-сильное пробуждение, тот факт, что мы снова начали мечтать по-своему. Не преднамеренно, скорее исходно, одновременно в нескольких местах и в одном направлении. Это опять старо-новая мечта мастера Эккехарта, Фридриха Великого и Лагарде...

Когда-то нордические викинги пришли в мир. Они хоть и разбойничали, как и все воины, но мечтали о чести и государстве, о господстве и творчестве. И везде, куда они приходили, возникали творения культуры, свойственные расе. В Киеве, в Палермо, в Бретани, в Англии. Куда приходили существа, чуждые по типу и мечте, там соответствующая мечте действительность рассыпалась. Где жили мечтатели с аналогичным характером, там рождалась новая цивилизация.

Мечта о святой и честной империи водила мечом древнегерманских императоров, но также и рыцарей, которые против них восставали. В далекий Рим, на бескрайний Восток несла их эта мечта. Кровь сочилась между руинами Италии, у "гроба святого", не оживляя действительности. Пока на бранденбургском песке не ожила старая мечта. Но и она ушла, и, казалось, была потеряна и забыта. А сегодня, наконец, мы опять начали мечтать.

Провидец, наслаждаясь, изложил германскую нордическо-западно-европейскую мечту о второй империи и почти единолично поставил соответствующие расе цели. Он писал в своих "Немецких записках" и частично в других своих великих произведениях: "Еще никогда не было немецкого государства". "Государство (сегодняшнее) - это каста, политическая жизнь - балаган, общественное мнение - трусливая девка". "То, что немецкая империя нежизнеспособна, сейчас ясно". "Мы живем в центре гражданской войны, которая пока ведется без пороха и свинца, но зато с величайшей подлостью через замалчивание и клевету". "Мы страдаем от необходимости в 1878 году делать то, что мы должны были делать в 878 году". "Вера в бессмертие все больше и больше становится для нас условием, при котором мы сможем выдержать жизнь в еврейско-немецкой империи, составленной из глины и железа". "Религиозное понятие христианства неверно. Религия - это личная связь с Богом. Она представляет собой безусловную современность". "Павел принес в Церковь Ветхий Завет, под влиянием которого Евангелия были насколько возможно разрушены". "То, что каждой нации необходима национальная религия, видно из следующих соображений: нации возникают не в результате физического создания, а в результате исторических событий, но подлежат власти провидения. Поэтому нации имеют божественное назначение, они создаются". "Каждый раз признавать миссию своей нации заново означает погрузить ее в колодезь, который дает вечную юность. Всегда служить этой миссии - означает приобрести более высокие цели и с ними более высокую жизнь." "Мировая религия в единственном числе и национальные религии во множественном числе - это программные пункты обоих противников". "Нации - это идеи бога!" "Католичество, протестанство, иудаизм, натурализм должны уступить место новому мировоззрению, чтобы о них больше не думали, как не думают о ночной лампе, когда над горами сияет

утреннее солнце или единство Германии день ото дня будет становиться все проблематичнее". "Для человека существует только одна вина, когда он не бывает самим собой". "Великое будущее, которое я провозглашаю и которого требую, еще очень далеко от нас..."

Прошло не так много времени, когда этот великий немецкий мечтатель ушел от нас: Поль де Лагарде умер 22 декабря 1891 года. После мастера Эккехарта он был, наверное, первым, кто высказал вечную немецкую мечту без всяких обязательств, которые связывали раньше великого учителя. То, что волновало немецких рыцарей столетия тому назад, увлекало к высотам, включая заблуждения и вину, сегодня впервые самым ясным образом вошло в сознание. Сегодня немецкий народ имеет те же мечты, что и Эккехарт, и Лагарде. Еще не все имеют мужество на такую мечту, еще чуждые мечты сковывают действие их души, поэтому здесь необходимо предпринять умеренно-дерзкую попытку - то, что в двух предыдущих книгах было представлено с глубоким анализом как наша сущность, изложить здесь в противоположность им как расстановку цели, связанную с мечтой и действительностью, как символ, насколько он пронизан вечными нордическими германскими идеями, без технических подробностей. И если их нужно отобразить, то с живым сознанием того, что они могут совершенно иначе выглядеть, если будут найдены новые средства власти над землей. Полет Икара отличался от строительства Цепелина почти во всем. Воля же, которая дала стремлению направление, была такой же. И определенная воля, основанная на четкой иерархии ценностей, в сочетании с органичной силой образного представления пробьется однажды через все препятствия во всех сферах.

2

Еврейский миф. — Фарисей и активное отрицание мира. — Паразитизм враждебной расы. — Тип от Иосифа до Ротенау. — Сионизм. — Горизонтальный жизненный слой. — Ортодоксальная теория "нации".

Ценности характера, черты духовной жизни, красочность символов действуют параллельно, поглощают друг друга и, тем не менее, создают одного человека. Но полнокровного только в том случае, если сами являются следствиями и порождениями из одного центра, который находится по ту сторону от исследуемого опытным путем (эмпирически). Это непонятное обобщение всех направлений понятия "я", народа, вообще общности составляет его миф. Мир богов Гомера был таким мифом, который продолжал защищать и сохранять Грецию, когда греческой культурой начали овладевать чужие люди и ценности. Миф о красоте Аполлона и силе Зевса, о неизбежности судьбы в космосе и таинственно связанной с этим человеческой сущностью было греческим действием в течение тысячелетий, даже если оно было только при Гомере собрано в культивирующую тип силу.

Но такая необычайная сила развивает не только творческое видение мечты, но и от паразитической мечты о мировом господстве евреев тоже исходит необычайная сила - хоть и разрушающая. Ее в течение последних трех тысячелетий нес вперед черный маг политики и экономики. Поток этих инстинктивных сил золота часто ненасытно возрастал. "Отказавшись от любви" дети Якова трудились над золотыми сетями для связывания великодушных, терпимо мыслящих или ослабевших народов. В Мефистофеле эта сила стала неподражаемо показанной формой, она обладает, однако, внутренним законом построения, так же как и господа с зерновых и бриллиантовых бирж, из "мировой прессы" и дипломатии народного союза. Если где-либо сила полета нордического духа начинает идти на убыль, то обладающая земным притяжением сущность Агасфера присасывается к ослабевшим мускулам. Там, где на теле нации появляется рана, в больное место всегда вгрызается еврейский демон и пользуется как

паразит часами слабости великих мира сего. В его помыслы не входит героическое завоевание государства, сильным своей мечтой паразитом руководит мысль заставить мир "приносить ему доход". Добиться не в споре, а нечестным путем; не служить ценностям, а пользоваться обесцениванием, так гласит его закон, по которому он действует и от которого он никогда не отойдет, пока существует.

В рамках этого великого, может быть, окончательного спора между двумя далекими друг от друга душами мы сегодня находимся. И этот спор немецкого гения с еврейским демоном полуеврей (Шмис) охарактеризовал невольно в соответствии со своей сущностью¹⁰⁰. Он пишет: "Злой демон еврея - это ... фарисейство. Может он и является носителем надежды на мессию, но одновременно он следит также за тем, чтобы мессия не появился... Это специфичная, наиболее опасная форма еврейского отрицания мира... Фарисей отрицает мир активно, он заботится о том, чтобы ничто не приняло форму, и при этом им движет демонический аффект. Это кажущееся отрицание, таким образом, является совершенно особым сильным видом мироутверждения, но с отрицательным знаком. Буддист был бы счастлив, если бы мир замкнулся вокруг него, фарисей погибнет, если жизнь вокруг него не будет постоянно принимать форму, потому что тогда его отрицающая жизненная функция перестанет действовать". "Они (отрицающие) представляют собой дух, который постоянно отрицает, и скрывают под восторженным утверждением утопического бытия, которого никогда не будет, приход мессии. Они повесились бы как Иуда, если бы он действительно пришел, потому что они совершенно не способны сказать "да".

Если заглянуть в самую глубину этого признания и изучить некоторые внезапно появившиеся высказывания, то результат везде будет один — паразитизм. Это понятие должно здесь пониматься пока не как оценка, а как характеристика относящегося к жизненному закону (биологическому) факта, точно так, как мы говорим о паразитических явлениях в жизни растений и животных. Когда мешкогрудый рачок вонзается в зад карманного рака и постепенно врастает в него, высасывая из него последнюю жизненную силу, то аналогичный процесс происходит, когда еврей через открытую рану народа проникает в общество, пожирает его расовую и творческую силу, пока оно не погибнет. Это разрушение и есть то "активное отрицание мира" о котором говорит Шмис, та "забота" о том, чтобы "ничто не принимало форму"¹⁰¹, потому что "фарисей", а мы называем его паразитом, сам не имеет собственного внутреннего роста, органичной формы души и потому не имеет расовой формы. Этот принцип, который согласно строго научным доказательствам относительно действующих жизненных законов у еврейского паразита и здесь находит правильное объяснение того, что внешнее многообразие форм иудаизма не противоречит его внутреннему единству, а - как бы странно это не звучало - обуславливает его. Шиккеданц создает при этом очень меткое понятие еврейской противоположной расы, где именно паразитическое действие в жизни обнаруживает также определенный отбор крови, по своему неизменному проявлению противоположной созидательной работе нордической расы. И наоборот, там, где в мире возникают паразитические ростки, они всегда чувствуют себя причастными к иудаизму, совсем как в то время, когда отбросы общества покинули вместе с евреями страну фараонов.

Этой паразитической переоценке творческой жизни соответствует то, что и паразит имеет свой мир; в случае иудаизма подобный тому, когда умалишенный представляет себя императором, миф избранности. Звучит как насмешка, что Бог избрал эту противонацию, исчерпывающее описание которой уже дали Вильгельм Буш и

---

¹⁰⁰ Оскар Шмис. "Еврей". 1926 г. Специальная тетрадь.

¹⁰¹ Арно Шиккеданц. "Социальный паразит в жизни народа".

Шопенгауэр, своей любимицей. Но поскольку образ Бога формируется человеком, то, разумеется, понятно, что такой "Бог" выискал себе такой "народ" среди других. Причем для евреев было даже хорошо, что отсутствие у них художественных способностей помешало им телесно изобразить этого "Бога". Ужас, вызванный у всех европейцев, наверняка тогда помешал принятию Яхве и облагораживанию его при помощи поэтов и художников.

Этими словами об иудаизме самое важное сказано. Из демона вечного отрицания возникает непрерывное покусывание всех выражений нордической души, та внутренняя невозможность сказать "да" творениям Европы, то постоянное подавление истинной культурной формы на потребу бесформенного анархизма, который лишь слегка прикрыт лишенными сущности "прорицаниями".

Еврейский паразитизм как сосредоточенная величина управляется, таким образом, еврейским мифом, обещанием мирового господства, данным богом Яхве праведникам. Расовый отбор Эсраса, Талмуд раввинов создали общность взглядов и крови, обладающую невероятной выносливостью. Характер евреев в их деятельности торговых посредников и деятельности по разложению чужих типов остался все тем же, от Иосифа в Египте до Ротшильда и Ратенау, от Фило через Давида бен Шеломо до Гейне. В культивирующем плане до 1800 года в первую очередь действовал скрупулезный моральный кодекс. Без Талмуда и Шульхан Аруха еврейство как общность невысказано. После короткой эпохи, когда и евреи казались "эмансипированными", в конце XIX века на передний план выступила в качестве преимущественной противорасовая идея и нашла свое отражение в сионистском движении. Сионисты признали свою принадлежность к Востоку и энергично отказались идти в Палестину, хотя бы в качестве пионеров Европы. Ведущий писатель даже высказался публично о том, что сионисты будут "бороться в рядах пробуждающихся азиатских народов". Из огня всех терновых кустов и из ночей одиночества для них звучит только один призыв - Азия. Сионизм - это лишь часть идеи паназиатизма¹⁰². В то же время духовная и политическая связь переходит в идею красного большевизма.

Сионист Холичер ощущал в Москве внутреннюю параллель между Москвой и Сионом, а сионист Ф. Рон заявляет, что от патриархов ведет единственная линия до Карла Маркса, Розы Люксембург и до всех еврейских большевиков, которые служили якобы "делу свободы".

Этот сионизм предполагает основание "еврейского государства". У многих вождей может совершенно честно возникнуть желание построить на собственном клочке земли жизненную пирамиду "еврейской нации", т.е. вертикальное образование в отличие и в противоположность горизонтальному наслоению прежнего бытия. Это с древнееврейской точки зрения чуждое влияние национального чувства и представления о государстве народов Европы. Попытка создать действительно органичную общность еврейских крестьян, рабочих, ремесленников, техников, философов, воинов и государственных деятелей противоречит всем инстинктам противоположной расы и заранее обречена на неудачу, если евреи действительно будут находиться в своей среде. Ортодоксы представляют, таким образом, действительно еврейскую сущность, когда они эту сторону сионизма резко отвергают как заимствование взглядов на жизнь у Западной Европы и используют "мировую миссию", чтобы сознательно подавить попытку сделать из Израиля такую же нацию, как любая другая, считая уравнивание с другими нациями ее "падением". Эта последовательная позиция довела многих сионистов до "понимания". Они на собственное движение сегодня уже смотрят

---

¹⁰² Е. Хёфлих. "Врата Востока".

другими глазами, чем в первый период возникновения, когда Теодор Герцль назвал его протестом против ощущаемого всюду бойкота евреев со стороны европейцев. На конгрессе сионистов в августе 1929 года в Цюрихе их глава, Мартин Бубер, обосновал три основных взгляда на еврейскую нацию: один, говорящий о том, что Израиль меньше, чем нация. Второй ставит Израиль на место современной нации. И, наконец, третий, который является точкой зрения Бубера, Израиль выше наций.

На это франкфуртская центральная газета ортодоксальности "Израилит"¹⁰³ заметила: "Что мы говорим с давних пор и чем мы аргументируем нашу отвергающую современный сионизм позицию, это то, что он не ставит Израиль над нациями, а учит לכוננה' כנויה".

Если бы сионистская идеология была оплодотворена идеей избранности Израиля, шагающего с пророческой миссией во главе народов, то Бубер, благополучный посредник в передаче библейских слова и идеи, понял бы национальную задачу Израиля так, как ее должны усваивать пророки, и если бы эти понятия таким образом слова как пункты программы попали в центр сионистских мышления и событий, вряд ли мы имели бы основание видеть и подавлять в сионизме антагонистическое понимание еврейской нации, ее мировой надежды и мировой задачи".

Но эта "мировая надежда" на "избранность" должна заключаться в том, чтобы жить растворенным во всех нациях, а Иерусалим сделать лишь временным центром для совещаний, из которого инстинкты могут подкрепляться составленными там практическими планами. Тогда сионизм был бы не государственно-политическим движением, как предполагают неисправимые европейские идеалисты, а существенным подкреплением именно горизонтального паразитического слоя духовного и материального торгового посредничества. Восторг сиониста Холичера от московского расового хаоса поэтому также примечателен, как и исследования сиониста Бубера, проазиатство сиониста Хёфлиха, понимание единства отца Якова с Розой Люксембург сионистом Фрицем Коном.

Старый миф об избранности создает новый типаж паразитов при помощи техники нашего времени и всемирной цивилизации ставшего бездушным мира¹⁰⁴.

3

Римские средства воспитания. — Противоречивые учения одного и того же ордена. — Пий IX о Бисмарке и разрушении Германии. — "Германия". — "Федерализм" Константина Франца. — "Мстящая справедливость" за "отделение". — "Церковная банда святее народной". — "Величайшая ересь". — Задача нашего времени.

Власть римской Церкви основана на вере католиков в представительство Бога папой. Цели проташить и сохранить этот миф служат все действия и тезисы Ватикана и его слуг. Миф о представительстве Бога не могла признать высшей ценностью ни одна раса или нация, а только силу любви и покорность сторонников по отношению к представляющему Бога папе. За такое подчинение было обещано вечное блаженство. В сущности римского (сирийско-еврейско-альпийского) мифа лежит, таким образом, отрицание личности как самобытной формы высокопородного расового отбора, но вместе с тем также объявление народа просто-напросто неполноценным. Раса, народ, личность - это средства, которые должны служить заместнику Бога и его власти над

¹⁰³ №33 от 15 августа 1919 г.

¹⁰⁴ Здесь не место подробно останавливаться на еврейском вопросе. Я указываю свои работы: "След евреев в изменении времен", "Аморальность в Талмуде", "Враждебный государству сионизм", "Международная денежная аристократия".

миром. Рим поэтому в силу необходимости также не знает ограниченной пространственной политики, а только центр и диаспору в качестве общины верующих. Руководящим началом для папы, сознающего свой долг перед мифом, может поэтому быть только взаимное укрепление диаспоры с помощью центра, и поднятие авторитета центра за счет успехов диаспоры.

Как мировое государство верующих душ Рим не имеет государственной территории или требует ее только как символ и для "права" на земное господство. Таким образом, он и здесь свободен от всех порывов воли, срисшихся с пространством, кровью и землей. Как истинный еврей видит только "чистых" и "нечистых", магометанин - "правоверного" и "неверного", так Рим видит только католика (которого он сразу назначает христианином) и не католика (язычника). На службе у мифа, таким образом, Ватикан расценивает как религиозную, так и национальную и классовую борьбу, династические и экономические распри только с той точки зрения, насколько уничтожение не католической религии, нации, класса и т.д. общему числу католиков - неважно белым или черным, или желтым - обещает прирост власти. В этом случае он должен воспитать у верующих волю к борьбе. Инструменты Рима представляют порой идею абсолютной королевской власти, когда это казалось целесообразным или когда давление света требовало уступки, с тем, чтобы также беззаботно после изменения условий в мире XVIII века провозгласить идею народного суверенитета. Они были за трон и алтарь, но также за республику и биржу, если такая позиция обещала прирост власти. Они были шовинистскими до последней возможности или проповедовали пацифизм как истинное христианство, если нужно было ослабить или уничтожить соответствующий народ и соответствующий класс. При этом было совершенно необязательно, чтобы инструменты Ватикана - нунции, кардиналы, епископы и т.д. - были сознательными лжецами и обманщиками, напротив, они могли быть в личном плане безупречными людьми, но Ватикан, четко оценив принимаемые во внимание личности, заботился о том, чтобы в Париж, например, пришел нунций, который без труда в союзе с "Institut catholique" мог бы заявить о споре с Францией; даже если это будет означать борьбу с Богом, он заботился о возвышении пылкого бельгийца Мерсье (Mercier), который своих католических соотечественников подстрекал к сопротивлению прусским протестантским "варварам", но также и о том, чтобы на высокие посты в Германии были назначены пацифисты. Бывает и так, что, например, один иезуит во имя христианства проповедует ненависть и снова ненависть, а представитель того же ордена в другой стране отвергает ненависть, как противоречащую христианству, и требует покорности и подчинения. Насколько, в частности, может закраситься фальшь в отношении к римскому мифу как к оси всех событий, настолько римское действие последовательно и свободно от сентиментального морализирования... Потому что в качестве критерия "христианства" так же мало, как и "экономики" и "политики". Одно, как и другое представляет собой средство для того, чтобы определенное настроение души привязать к мифу о представительстве Бога на земле. Как бы ни звучали временные лозунги, вопрос о целесообразности, центральный миф определяет все остальное. Его полная победа означала бы, что каста священников господствует над миллиардами людей, лишенных расы и воли, которые в виде по-коммунистически организованного общества рассматривают свое существование как дар Божий, переданный через всемогущего шамана. Нечто подобное иезуиты пытались осуществить в Парагвае.

Этой безрасовой и безличностной системе¹⁰⁵ еще сегодня служат миллионы, сами того не понимая, так как все они связаны в национальном, территориальной и классово-политическом плане и имеющееся местами содействие их собственным интересам рассматривают как великое благо и истинную заботу со стороны наместника Всевышнего на земле.

Относительно раздора между мексиканским правительством и римской Церковью в 1926 году Эрбеле писал в №46 от 2 августа 1926 года указанного журнала: "Церковные башни в Мексике не представляют ничего нового. Уже примерно сто лет, с тех пор как было сброшено испанское господство и сильный авторитарный режим, они все время стоят на повестке дни. В самих отношениях между населением имеются определенные предпосылки для религиозно-культурных беспорядков. *Craliia supponit naturam* забота о сверхъестественной жизни предполагает упорядоченные естественные отношения. Они отсутствуют в стране со смешанным населением - 19 процентов белых, 38 процентов индейцев, 43 процента метисов, где имеет место постоянная борьба этих слоев между собой. Эта расовая смесь является, вероятно, одной из причин того, что в Мексике, как и в некоторых других американских южных штатах, христианство, католичество в среднем типе народа не достигло того высокого уровня, как где-либо в другом месте, почему эти южные американские штаты вынуждены обходиться пасторатом зарубежного духовенства".

Эти слова человека, который борется с идеей национального государства как с антихристианской, представляют собой атаку на римское мировоззрение, острее которой трудно себе представить, потому что из этого признания фанатичного приверженца церковно-католической партии становится ясно, что не римская вера определяет духовный и нравственный уровень народа, а то, что только человек, относящийся к высокоценной То, что эта римская политика срывается другими силами, часто должна им внешне уступать, если в душах появляется другая высшая ценность, отличная от любви к Риму, не меняет сущности и воли Ватикана, пока миф о представительстве Бога и вместе с ним претензия на власть существуют во всех душах. Только это центральное признание делает политику иезуитов, кардиналов и прелатов в течение столетий понятной: тип священника служил шаманскому мифу в церкви, искусстве, политике, науке и воспитании.

Несчастье, которое сегодня пришло в мир, сломало и многих честных людей. Поверженные внешне и внутренне наземь, миллионы искали поддержку у оставшихся неподвижными типов. Эту разорванность душ римский миф использовал в своих интересах. Таким образом, получается, что доарийские слои, ускользнувшие благодаря германской силе от римского "воспитания", снова склоняются к старой вере и даже участвуют в проповеди о праве на мировое господство над нашим народом колдунов из Рима.

Тот самый папа, которому Европа обязана самым позорным документом всех времен, Пий IX, сделал высказывание, которое без сомнения следует рассматривать как результат очевидного влияния римского мифа. 18 января 1874 года (т.е. в годовщину основания Германского рейха) он заявил на собрании международных паломников:

---

¹⁰⁵ Как правда иногда ускользает от сторонников великоримской партии, показывает нижеследующее высказывание издателя строго церковного "Прекрасного будущего" д-ра Йозефа Эрбеле в Вене. расе, создает из этой римской веры нечто ценное. Разлагающая расы римская Церковь нуждается, таким образом, если она хочет формировать во все еще крепких расовых силах, в то время как сама стремится уничтожить расы и народы своей догмой. Почти в то же время, когда д-р Эрбеле, не желая того, записал приведенное выше признание, в Чикаго состоялся эвхаристический конгресс, в котором принимали участие "католики" всех рас. Неграм в Чикаго принадлежит, например, большой кафедральный собор, и черный епископ служит там святую мессу! Это означает культивирование кровосмесительных явлений, которые можно наблюдать в Мексике, в Южной Америке, в Южной Италии, во всех частях света. Здесь Рим и иудаизм идут рука об руку.

"Бисмарк - это змей в раю человечества. Этот змей совратил немецкий народ, который захотел быть больше, чем сам Бог, а за этим высокомерием последует унижение, которого еще не знал ни один народ. Только Вечный знает, отделилась ли уже "песчинка в горах вечного возмездия", которая, вырастая в своем падении до разрушения горы, через несколько лет докатится до глиняных ног этой империи и превратит ее в развалины, этой империи, которая была воздвигнута подобно Вавилонской башне "против воли Бога" и "во славу Бога" исчезнет.

Над этим "вечным возмездием" "во славу Бога" усердно трудились присягнувшие римскому мифу дипломаты, совсем как во времена Карла Великого, Отто I, Фердинанда И. Таким образом, смогло получиться так, что партия центра в Германии полностью осталась себе верна, когда перешла от защиты трона и алтаря к союзу с враждебными религии марксистами, как это в 1887 году предсказал Бисмарк, когда он заявил в рейхстаге, что иезуиты станут однажды вожжами социал-демократии. Служа "вечному возмездию", центр требовал "братства по оружию" с марксистами против протестантской императорской власти, и в эти судьбоносные дни 1914 года Ватикан побуждал католическую Австро-Венгрию, чтобы победить в мировой войне, сокрушить русского еретика так же, как и государство "змея в раю". Пожертвовать при этом миллионами правоверных католиков, как и при любом великом плане сражения, было неизбежным.

На этом и тысячах других примеров видны как бы символическая причина и следствие в действии. Причиной были восходящие к римскому мифу взгляды Пия IX, заключающиеся в том, что Германский рейх должен быть разрушен, взгляды, которые так же отчетливо были выражены в известных словах Бенедикта XV, сожалевшего, что ему по сердцу только француз, как и в работах маленького священника д-ра Мёниуса, который оспаривает факт бельгийских "вольных стрелков", а немецких солдат представляет как осквернителей алтаря и бандитов и радостно заявляет, что католическая часть народа в Германии препятствует образованию национального государства.

При способствовании крушению Германского рейха речь идет не только о всееврейской биржевой политике, связанной с миром паразитического инстинкта, но и о неизбежно устанавливаемом древнеримском, мифическом, сирийско-малоазиатском стремлении. Поразительное признание в этом плане сделал в конце 1924 года центральный орган "Германия". Газета писала: "Кто хочет проследить основополагающие линии в позиции партии центра с 1917 года (!), должен осознать, что эту позицию определяют авторитетные католики, которые со своими политическими стремлениями и действиями не выходят за рамки основной католической позиции. Что совершенно правильно". Когда вожди центра подорвали немецкое, соответствующее расе сознание силы, они служили безрасовому римскому мифу против евангелистских и вообще германских еретиков. Далее следовало: "Именно католик в Пруссии стоял совсем в другом окружении, чем, скажем, католик в Баварии. Его работу с 1917 года в глубочайшем смысле слова следует понимать, как преодоление бранденбургско-прусского исторического психоза и как попытку возврата к вратам средневековой Германии".

Эти слова должен знать каждый немец, чтобы понять, что происходит в мире уже 1500 лет. В 1917 году началась открытая борьба по разложению, когда центр, демократы и марксисты осуществили свою немирную революцию. В 1917 году Эрцбергер совершил "разглашение" тайны, в результате чего письмо Чернина (Czernin) стало известно Антанте, в то время, как нарушивший честное слово император Карл совершил предательство с Пуанкаре¹⁰⁶. Это выдается за католическую политику.

---

¹⁰⁶ Смотри: Фестер, "Политика императора Карла".

И если "Германия" для Пруссии устанавливает другую "среду", которая обуславливает также другую позицию католических политиков, то первое замечание имеет ввиду нордическое окружение с сознательной национальной честью. Германскую империю Фридриха Великого нужно было "преодолеть" и с помощью союзных всееврейских биржевых партий подорвать протестантский Север. В Баварии, в "другой среде", нужно было последовательно проводить консервативную, сохраняющую народ политику, потому что здесь нужно было защищать собственную конфессию. Политика "единства", проводимая центром и "федералистская" политика отделившихся в Баварии до полной победы Адольфа Гитлера, служили одной и той же цели: усилению сирийско-римского централизма.

Классическим философом этого псевдофедерализма, который все это предпринял, который называл себя великогерманским вместо великоримского, является, как известно, Константин Франц. В своей работе "Религия национал-либерализма" он сказал, что основой европейского объединения народов должна быть Германия как в политическом, так и в церковном плане, а потому она должна быть также местом, где культивируется универсальное образование. Вместо этого ее хотят сделать замкнутым национальным организмом, для которого существует только национальное образование, которое само служило бы власти. Ужасно! Этот факт, вытекающий из разрушения старого союза, имеет универсальный характер, который неизбежно имели бы германские дела. Германию невозможно сделать единой страной как, скажем, Францию или Италию. Но стержнем и образцом для постоянно развивающейся федерации должна быть и стать Германия - таково его определение. Теперь спрашивается: кто это определяет? Германия или чужой господин, стоящий над нами?

Далее Франц считает, что федерализм не исключает, а включает, он ничего особенного не хочет для себя, а всегда для всех разом. Ничего об ограниченной скромности запросов партикуляризма - ему нужно все и большое. Он стремится к единству, но через свободное объединение членов на основе духовной общности: "таким образом, вместо централизации скорее концентрация как взаимодействие самостоятельных жизненных кругов, из которых каждый продолжает существовать самостоятельно и тем самым лучше всего служит целому".

Здесь мы добрались до сути. Немецкий народ должен войти "федералистским путем" в "целостность". И это "целое", для которого Германия должна быть средством для "концентрированного" господства, означает мировую политику Ватикана. Другими словами, необходимо попытаться еще раз осуществить неудавшийся кровавый эксперимент конфессионального безрасового мирового государства. Для этого мы должны стать объектом эксперимента; бросить все то, что было завоевано кровью сердец наших лучших представителей как национальная культура, начертать на знамени "конфессиональная война" (опять во имя Бога и любви) и подкрепить тем, что мы сами отказываемся от себя.

Сочинение "Германия" открыто говорит (в 1924 году) о возврате в Средневековье. Кто понял именно тогда заключенный баварский конкордат, тот знает, что это означало первый шаг по возвращению успехов "великого католика" Эрцбергера (так звучало это в речи над его могилой) и превращению Баварии в трамплин для повторного завоевания Германии, т.е. в очаг конфессиональных распрей.

Через революцию к Средневековью! Странный лозунг! Папа Пий XI сказал (верный политике Пия IX) 23 мая 1923 года в консистории, что немецкое католичество "как во время войны, так и при теперешних запутанных отношениях использовало свою деятельную силу и свои организационные способности для того, чтобы снова "восполнить" печальный урон от отделения от римской Церкви, которое произошло 400

лет тому назад". Это ясно. Но "Байер. Курьер", орган баварского центра, неприкрыто угрожал нам всем в такой манере, что можно удивляться, что следующие слова были почти не услышаны. Он писал 5 июля 1923 года: "В мировой истории действует имманентная справедливость, которая умеет наказывать и мстить, как она сделала это с немецким народом, так как он не хотел склониться перед представленным Богом авторитетом, что на четыре столетия принесло беду на немецкие земли и определило закат немецкой нации, если она в последний момент не научится извлекать уроки из истории".

Итак: или немецкий народ подчинится девизу чужеземной власти, или "мстящая справедливость" сотрет его с лица земли.

"Аугсбургер постцайтунг", ведущая южно-католическая газета, писала, верно служа римскому мифу, 16 марта 1924 года, полемизируя против Людендорфа: "Она (католическая Церковь) представляет собой единственное религиозное устройство высокого стиля, - единственное устройство вообще на земле - которое никогда не подчинялось государству... Поэтому ее связи являются более святыми, чем связи народа, ее порядки выше, чем порядки государства. Для нации государство и народ являются абсолютными, высшими ценностью и целью".

И здесь с достойной благодарности прямою указывается та непреодолимая пропасть, которая лежит между немецким человеком и претензиями на власть чужого мифа и его институтов, центр которых находится за пределами Германии. Причем совершенно ясно, что государство и народ имеют для этого центра лишь подчиненное значение." В то же время совершенно недвусмысленно выставляется требование правового преобладания церковных интересов над государственными и народными, т.е. права на государственную измену и измену стране во имя более высокого идеала по сравнению с незначительным. Нордический тип должен подчиниться римской схеме, римскому колдуну. Но в этой остроте многие добрые нации не хотят видеть проблему в случае конфликта с властными интересами Церкви из-за врожденной трусости или из-за удобства. На самом деле эта проблема день за днем касается жизненных интересов каждого немца, и каждый должен решить, должен ли он делать ставку в первую очередь на церковные претензии на власть или на немецкие нужды, тем более, что черная пресса недвусмысленно пользуется привилегией церковной властной политики (не церковной заботы о душе).

Политика Пия XI, естественно, совершенно однозначно находится под знаком новой антиреформации, стимулирующей все инстинкты инквизиции, чтобы национальную Германию сломить навсегда. Уже в своей речи при вступлении в должность он объявил "мрачный дух реформации" ответственным за все "мятежи в течение четырех столетий". Лютер расшатал якобы христианские устои (моральное падение Церкви того времени было, оказывается, "христианским устоем") и поставил себя между душой и Богом. Этого нарушения духовной посреднической деятельности римская Церковь, конечно, вынести не может. В декабре 1929 года папа Пий ликовал по поводу упадка протестантизма, чтобы через несколько месяцев выразить в Риме свое недовольство по поводу прогресса этого протестантизма и дерзко объявить его "оскорблением божественного основателя католической Церкви". В рождественской речи 1930 года папа назвал протестантизм коварным, скрытым, но в то же время смелым и наглым, чтобы 16 марта усилить преследования, отважившись назвать все не католические и протестантские вероучения "пережитками ереси". Поскольку мир имеет здесь дело не с маленьким капелланом-подстрекателем, а с главой всех католиков, который обычно все слова взвешивает, то все эти выпады означают не что иное, как сознательное возбуждение более сотни миллионов людей с целью распространения завоеванных позиций власти путем блокирующих нападков на протестантизм. В результате вскрывается истинная сущность "царства Христова", так

называемой "католической компании", ослабляющей народ пацифистской политики партии центра, отлучения от Церкви немецкого национализма римским епископатом в Германии, заявлениями епископов против национализма вообще. Ни один немецкий католик не может избежать страшного признания того факта, что целенаправленная несентиментальная римская политика сплотилась с марксистскими представителями низшей расы, чтобы завершить то, что не совсем удалось в 1918 году. Римская политика жертвует для достижения этой цели даже существованием и жизнью всего современного поколения католиков с тем, чтобы следующее поколение озабоченных наследников всех немцев подчинить своей власти. Это есть "западноевропейская миссия", о которой все еще грезят католические голоса в центре, то "восстановление латинизма" с помощью угроз о насилии со стороны, к сожалению, все еще враждебной нам Франции и ее союзников.

Точно так же, как пресса центра, высказывается и ведущая христианско-социальная партия в Австрии. В начале 1921 года в журнале "Новый рейх" принцип чисто национального государства был прямо назван нехристианским. Нужно же было найти такие слова! И ораторы на германском съезде католиков в 1923 году в Констанце пришли к выводу о том, что величайшей ересью современности является тот "утрированный национализм", который создает "самые ужасные разрушения и опустошения" даже в головах католиков. Лозунг, который немецкие епископы повторяли месяцами.

Эти признания, которые легко было увеличить в тысячу раз, ясны и однозначны, но их затушевывали, потому что время от времени руководители центра, если иначе не получалось, источали прямо-таки любовь к отечеству и имели наглость, потому что опять-таки иначе не получалось, заявлять о том, что поддержка церковной политики власти исходит от немцев. На основе этих "духовных" взглядов происходит оценка немецкой истории, отклоняется попытка создать действительно немецкую империю, проявляется стремление в будущем никогда не допускать истинно немецкий тип. Так называемая немецкая империя, то неорганичное образование, за которое сотни тысяч немцев напрасно пролили свою кровь, окружено сегодня сказочной славой и представляет время Средневековья как время мира, который обусловлен якобы тем, что Церковь определяет историю мира. Мы тоже почитаем великие фигуры немецкого прошлого; мы тоже гордимся личностями, которые владели в то время Европой. Но мы гордимся ими не как представителями церковных притязаний на власть, а как представителями немецкой крови и немецкой воли к власти. Генрих I, который в 925 году объединил враждебные немецкие племена, отклонил помазание папой и сделал Рейн рекой Германии, является для нас основателем Германской империи. Точно так же одним из величайших людей нашей истории является Генрих Лев, который всей своей властью сильной личности попытался положить конец завоевательным походам в Италию, начал завоевание Востока, чем заложил первый камень для будущей Германской империи и создал первые гарантии для сохранения и укрепления немецкой народности. Но это восхищение не мешает нам отклонить злополучную систему безрасовой великоримской империи, которая должна была рухнуть и рухнула, когда другие народы Европы основали свои национальные государства. Желание протащить этот миф сегодня еще раз означает преступление перед немецким народом, и мы все боремся за приход того времени, когда появление идеи об общей нации будет рассматриваться как попытка установления большевистской мировой республики.

Все эти высказывания людей, привязанных к римскому мифу, не являются случайными, а являются лишь несколькими симптомами из тысяч, свидетельствующими о деятельности римской идеи мирового господства Церкви, которая требует любви, подчинения, рабской покорности, отрицания национальной чести во имя "наместника Христа". Это вторая, наряду с демоническим иудаизмом,

система воспитания, которая в духовно-интеллектуальном плане должна быть преодолена, если необходимо возникновение сознающего свою честь немецкого народа и истинной национальной культуры.

Сущность сегодняшней мировой революции заключается в пробуждении расовых типов. Не только в Европе, но и на всем земном шаре. Это пробуждение представляет собой органичное движение, направленное против последних хаотических проявлений либерально-экономического торгового империализма, объекты эксплуатации которого от отчаяния попались на удочку большевистского марксизма, чтобы завершить то, что начала демократия, - искоренение расового и народного сознания. Ситуация в Римской империи в период возникновения христианства была аналогичной сегодняшней ситуации в Западной Европе. Вера в старых богов кончилась, нордический господствующий слой почти вымер в результате деморализации, государственная воля сломлена. Ни один типобразующий идеал не владел миром, зато им владели тысячи восторженных учителей из всех зон. В этом хаосе "религия любви" никогда не смогла бы победить. Она хоть и могла привести к отдельным жертвам, к возмущениям и революциям, что было конечной целью Павла, когда он читал свои гипнотизирующие проповеди, посещаемые в основном пылкими женщинами, она победила как форма только благодаря еврейской воле и свойственному ей фанатизму, который в виде жажды власти, жажды мировой власти был перенесен на подвергающееся штурму государство. Сегодня старые боги также мертвы, восточная вера в кайзера "милостью Божьей" безвозвратно закончилась, обожествление "государства" самого по себе также исчезло, потому что без содержания оно стало бескровной схемой. Победила демократия, которая сама уже находилась в состоянии парламентаристского разложения. Застывшие Церкви не дают ищущему больше удовлетворения, и армия сектантов ищет внутреннюю опору у уличных апостолов или палаточных проповедников, которые "серьезно" "исследуют" старую еврейскую Библию, чтобы напрогнозировать себе и своим последователям вечную жизнь здесь на земле. Безрасовая идея интернационализма достигла, таким образом, апогея: большевизм и мировые тресты являются его знаком перед концом эпохи, лицемернее и бесчестнее которой история Европы еще не видела.

Хаос сегодня поднят почти до пункта осознанной программы. Последним следствием демократически деморализованной эпохи явились враждебные природе посланцы анархии во всех крупных городах всех государств. Причина конфликта имеется так же в Берлине, как и в Нью-Йорке, Париже, Шанхае и Лондоне. В качестве единственной защиты против этой мировой опасности по земному шару проходит новое ощущение как неведомый флюид, который инстинктивно и сознательно ставит в центр мышления идею народности и расы, связанную с органично поданными высшими ценностями каждой нации, вокруг которых вращается ее ощущение. Эти ценности издавна определяли ее характер и колоритность ее культуры. Миллионы начинают наконец понимать как задачу то, что частично было забыто, а частично оставлено без внимания: ощутить миф и создать тип. И на основе этого типа создать государство и жизнь. Но теперь спрашивается, кто в рамках всего народа призван разработать и внедрить типобразующую архитектуру. Это затрагивает проблему, существующую внутри расы и народности, это - вопрос поколения.

II

Государство и поколения

1

Мужская и женская полярность. — Родовой коллективизм как средство отрицания закона полюсов. — Символы распада. — "Неспособность женщины". — Исторический обзор.

Мы видели, что за религиозными, моральными и художественными ценностями стоят расово обусловленные народы, как в результате безудержных смешений все истинные ценности в конце концов уничтожаются, народная индивидуальность исчезает в расовом хаосе с тем, чтобы продолжать влачить жалкое существование в виде нетворческой мешанины или, служа новой, сильной расовой воле, подчиниться ей духовно и материально. Но внутри этих всемирных противоречий между расами и душами, жизнь кроме того колеблется между двумя полюсами: мужским и женским. Если внешние расовые и наиболее глубокие духовные признаки, направления и ценностные структуры у мужчины и женщины одного, обусловленного типом, народа и одинаковы, то природа, наряду с полярностями физического и мировоззренческого типа, создала также половую полярность, чтобы создать органические напряжения, зачатия, разрядку как предварительное условие для всякого творчества. Из этого основополагающего понимания следует двойной вывод о том, что определенные особенности мужского и женского начала, пусть даже в разных плоскостях и в рамках другого типажа, становятся похожими в силу простых и вечных законов в планах построения этого мира, но тогда также и о том, что попытки устранить вызванные полом напряжения неизбежно должны иметь следствием снижение творческих сил. Половой коллективизм в случае расового смешения означает смешение половых признаков внутри одной расы, причем, если рассматривать это с внешней стороны, второе возникает как следствие проповеди безрасового человечества.

Надо полагать, что признание факта половой полярности, естественно сохраняющей творчество, создающей напряженность и разрядку, должно быть вечным и незыблемым, тысячу раз подтвержденным убеждением. В самом деле, все великие мыслители придерживались этого взгляда, который как естественное, вытекающее из жизни следствие представлял собой утверждение о том, что мужчина во всех областях исследования, изобретения и формирования превосходит женщину, ценность которой, однако, основывается на такой же важной, предполагающей все другое ценности сохранения крови и умножения расы. Однако во времена внешних катастроф и внутреннего разложения поднимаются феминизированный мужчина и эмансипированная женщина как символ культурного упадка и государственного крушения. Речи Медеи Эврипида того же типа, что и тирады фрейлин Штёккер или мисс Панкурст и, несмотря на все свободы, женщины во времена ренессанса, короля-

солнца, якобинцев, современной демократии не выражают ничего другого кроме того, что Аристотель выразил в нескольких словах; "Самка является женщиной в силу отсутствия определенных способностей". Это сознавали сочинители древних мифов, когда символом определяемой космосом судьбы делали существа женского пола: у германцев это Норны, а у греков Мойры. Отсутствие способностей - это следствие сущности, направленной на фразерство и субъективность. Женщине всех рас и времен не хватает как интуитивного, так и интеллектуального обобщения. Везде, где происходит мифическая организация мира, возникает великий эпос или драма, научная гипотеза, касающаяся исследования космоса, за этим стоит в качестве творца мужчина. Для древнего арийского индийца это Праяпати (Prajapati), т.е. "господин творений", который создает этот мир, или непосредственно Пуружа (Purusha), т.е. мужчина и дух. Германцы же формируют небо и землю из великана Имира, и мужской дух везде, в противовес хаосу, создает мировой порядок.

Итак, везде где возникает нечто типичное и типобразующее, действует мужчина как творческая причина. Но два самых великих мужских акта в истории называются государством и браком.

Сегодняшний феминизм нашел - вопреки желанию автора - четкое отражение своей сущности у Бахофена, и некоторые нестойкие мыслители приняли его распутные фантазии о матриархате, при всех интересных подробностях, за чисто исторические факты. Насколько он и все родственные ему авторы имели право изображать гетерство как форму женского господства, настолько неправомерно предполагать наличие государственных форм этой гинекокрации. Бахофен, например, не стесняется из высокого положения женщины внутри общества делать выводы о "матриархате" и затем в высшей степени поэтично высказываться на эту тему. Он договаривается даже до того, что утверждает это и для Спарты, ввиду женских свобод в рамках этого сурового дорийского рода. При этом, именно Спарта дала пример самых усовершенствованных государственных интересов без каких-либо женских добавок. Цари и эфоры составляли абсолютную власть, сущность которой была как раз в сохранении и распространении этой власти за счет приумножения и закалки дорического высшего слоя. С этой целью женщины тоже должны были принимать участие в гимнастических играх; впрочем, ношение золотых украшений так же, как и изысканных причесок им запрещалось. Если у германцев женщина пользовалась большим уважением, то не потому, что здесь продолжали действовать в качестве "первой ступени" положения матриархата, а совсем наоборот, потому что окончательно реализовался патриархат, который гарантировал постоянство и, вследствие расового характера нордического человека, был связан с величайшим уважением к женщине. Это сопровождалось великодушием, которое было частью той вечно исследующей свободной сущности, а в кризисные времена могло стать страшной опасностью для всего; это было тогда, когда однажды была одобрена эмансипация евреев, это наступило позже, когда идея политической эмансипации женщин в государственно-правовой области была признана достойной обсуждения.

2

Государство, возникшее не из семьи. — Воинственное целевое объединение как ячейка, послужившая основой зарождения государства. — Египет и его тип. — Мандарин. — Древнеиндийские мужские сообщества кшатриев и браманов. — Эллада; юношеский возраст. Римский патер фамилиас. — Римское объединение священников. — Германское рыцарство. — Тип германского солдата. — Другие мужские сообщества.

Господствующие все еще взгляды говорят о том, что ячейку государства составляет семья. Это мнение стало навязанным догматом веры, который перед лицом марксистских и демократических стремлений, подрывающих все идеи семьи, все больше укрепляется. Эта догма затуманивает взгляд не только при рассмотрении женского вопроса, но и вообще при оценке сущности современного движения обновления и новой государственной идеи нашего будущего.

Государство нигде не было следствием общей идеи мужчины и женщины, а было итогом целеустремленно направленного на какую-то цель мужского союза. Семья оказывалась то более сильной, то более слабой опорой государственной и народной архитектоники, часто становилась даже целенаправленно ей на службу, но нигде не была ни причиной, ни важнейшей хранительницей общей государственной, то есть политической и социальной сущности.

Первым целевым союзом, возникающим всюду в мире, является объединение воинов клана, рода, орды с целью совместной защиты от чуждого враждебного окружения. При покорении одного рода другим, побежденный целевой военный союз включается в победивший целевой военный союз. Так возник первый росток подсознательно содержащегося в идее целевого союза под названием "государство". Все, что мы в плане сравнения называем Римом, Спартой, Афинами, Потсдамом, берет свое начало в воинском мужском союзе. Но вся государственная сущность Китая, Японии, Индии, Персии, Египта также основана на этой первопричине, которая при спокойных внешних отношениях получала другой характер, но по сути оставалась мужским союзом, и это вплоть до гибели той или иной культуры. Гибель же означала отказ от идеи мужской дисциплинарной системы, мужской типобразующей нормы.

Египет сравнительно быстро перешел от воинского мужского союза в техническое объединение, которое долгое время носило печать ученого писаря и чиновника, пока постепенно не было вытеснено союзом священнослужителей. Поэтому Египет называли типичным государством чиновников или представляли "писаря" его существенным типом. В любом случае мерилom всякого действия там была признана вполне определенная техническая норма, действовавшая в течение тысячелетий в плане создания типа. Поэтому первым культурным достижением империи на Ниле является освоение земли и использование изменений почвы, связанных с наводнениями. Имени рода Египет не имеет, он не знает ни союзов поколений, ни кровной мести. Семья в грандиозном египетском государственном образовании не играла почти никакой роли. И все-таки эта египетская государственная идея ученого чиновничества существовала с тысячелетним упорством. Но воспитывался этот тип через целевой союз египетских техников, при помощи ученых "писарей", которые должны были обсуждать вопросы регулирования потока воды в реке, орошения земель, атмосферных влияний, строительные планы фараонов и т.д., чтобы затем союз священнослужителей придал всей этой деятельности религиозное освящение. "Смотри, нет такого сословия, которым бы не управляли, - только писарь, который управляет собой", - говорится в основном тезисе учения Дуауфа (Duauf). Так ученый техник, корректный, но неподкупный писарь, создавал государственную общность.

Нечто подобное мы видим в Китае. Здесь тоже воинский союз преобразуется в общество ученых мужей. После того, как Лао Цзы и Конфуций добились признания в качестве классиков китайской души, их учение о нравственности и жизни (причем Конфуций полностью превалировал) стало мерой и путеводной нитью для государственной жизни, религии и научной деятельности китайского народа. Для создания нормы воинский союз превратился во внешне слабосвязанное общество, которое находит свой господствующий тип в ученом мандарине. Этот тип управляет жизнью Китая уже тысячелетия; не высший чиновник, не сдавший философского экзамена по классическому учению Конфуция. Эта дисциплинарная система

удерживала целостность Китайской империи и в то время, когда чисто политический союз был ослаблен войнами и революциями, удерживаемое явно расово-обусловленной системой мужское общество пережило это время. В Китае, конечно, добавляется еще культ предков, который культивировал инстинкт сплоченности, по крайней мере в клановой вере, и в своей привязанности к земле представлял и сейчас еще представляет собой долговременный цемент древнего Китая. Семья, рассматриваемая с точки зрения влияния женщины, практически не сделала своего вклада в тип общества и государства.

Эти два, казалось бы, далекие друг от друга примера имеют аналоги в империях, бесспорно основанных арийцами. Это наглядно представлено в кастовом строе Индии. Жизненный стиль древнего индийца определяла прежде всего каста воинов (кшатриев). В древневедийских песнях веет храбрый обороноспособный дух, который распространяется до послехристианского времени упадка. Действительно, до сегодняшнего времени Раджпуты (воинские роды) представляли собой в деморализованной Индии инородное тело с арийской обусловленностью в расовом плане. Но постепенно духовное руководство народом перешло к брахманам, которые захватили духовное руководство над всеми индийцами. Знание тайн, колдовские ритуалы были стилеобразующими элементами, которые имели настолько большой успех, что брахманизм и сегодня еще представляет собой связующую силу, которой подчиняются сотни миллионов индийцев. При этом характерно, что брахманы (в противовес, например, римским папам) никогда не стремились к политической власти. И тем не менее их авторитет был настолько велик, что в результате фальсификации древнего текста Веды было введено сожжение вдов, - мера, которая может быть отнесена только к самодержавному мужскому обществу. Нигде власть принуждающей, формирующей, композиционной идеи не проявилась так сильно, как в типе безоружного и все-таки господствующего брахмана. Достойной удивления остается также стилеобразующая сила его философии, даже когда безгранично широкое и отрицающее расы учение о единстве вселенной способствовало смешению с коренными жителями, и смуглые метисы были допущены к высоким постам.

Другой, также наглядный пример мужского союза как зародышевой клетки и основы жизненного стиля, дает нам Эллада со своими типами, описанными под именами Спарты и Афин. Это значило бы повторять элементарные истины, если говорить о влиянии воинских объединений на спартанскую жизнь. В Афинах же дело обстояло несколько иначе. И когда там позже благоразумные люди осознали распад во время демократизации, то перед лицом крайней опасности снова обратились к существующим еще мужским союзам. Представители этих объединений не называют себя семьей и кланом, а называют друг друга "братьями", и в греческой жизни они представляют совершенно сознательный отказ от зависимых от чувств родственных объединений. Там, в Афинах, на первое место выдвигается юношеский союз, юношеский возраст, и не случайно, что создание конституции Афин Аристотель начинает с этого национализированного юношеского союза. Эта национализация повторила предпринятую незадолго до этого попытку в ослабленной индивидуалистской демократии восстановить сплоченность древнегреческого мужского союза¹⁰⁷. На нашем языке она означает не что другое, как введение воинской повинности для всех свободных афинян юношеского возраста. С 18-ти лет их помещали в казармы, одевали в единую униформу; мастера спорта и воспитатели строго следили за соблюдением дисциплины, гарантирующей силу и единство. Этот акт отчаяния греческой демократии, который обратился к существующим организациям молодых мужчин в надежде, что в них однажды возникнет сущность

---

¹⁰⁷ Подробнее о создании типа - Е. Крик. "Формирование человека".

афинского аристократического государства, опоздал. Сила Афин была подорвана демагогами, софистами, демократами, эмансипированными женщинами и расовым смешением и была вынуждена уступить место новому сильному мужскому союзу - воинам Александра Великого. Если заглянуть еще глубже, то и афинские корпорации искусств, и философские школы, и стоицизм следует рассматривать как мужские союзы, не забывая о большой роли оракула. Но именно эти и представляют собой чисто эмоциональную и не образующую типа сторону догреческой жизни. Они и культ Диониса, несомненно, более тесно связаны и в расовом плане с покоренным слоем коренных жителей, как и Бахус вырос до символа Греции более позднего времени. Вакханалии, власть гетер и демократическая эмансипация рабов были подрывными силами для греческой народности, для афинского государства, для древнегреческой культуры в целом.

Очень интересное отношение между государством, народом, мужским союзом и семьей мы можем наблюдать в Риме. Одно в Риме почти прекратилось - это быть личностью. Вся его служба и вся его жизнь принадлежали общине. Сознание власти и величия этой общности составляли в свою очередь гордость, даже личную собственность гражданина. Но если государственным он был численно, то частно-правовой индивидуализм границ не имел. Здесь вступает в действие и "семья", безусловно, чудовищно важный камень в здании римского государства. Но, как известно, эта семья была ничем иным, как инструментом *pater familias* (отец семейства), который полностью распоряжался в течение жизни ее членами. Здесь также царилонеумолимое подчинение мужчине. От этой тирании главы семьи избавлялся только взрослый сын, вступая в мужской союз - курию, войско. Здесь сын имел равные права с отцом, даже иногда был его начальником. Обе эти власти взаимно уравнивались, поднимались над подчинением граждан государству и создавали тот жесткий римский тип, который завоевал мир, законы которого и сегодня являются нормой для западноевропейской жизни. И здесь сейчас следует сказать, что ярко выраженный индивидуалистический частно-капиталистический римский закон, освободившись от связанного с расой окружения, разлагающе влияет на германскую сущность и должен исчезнуть, если мы снова захотим стать здоровой нацией.

Основы разрушающегося Рима были приняты новым, исходящим из идеи мирового господства мужским союзом, - католической Церковью.

Христианство вступило в мировую историю, несомое великой личностью, но как безрасовое массовое движение, развивалось прежде всего чувственно (эмоционально), подрывая государственность. Но когда оно захотело завоевать государство, священники так же как и в Египте и Индии начали возводить архитектуру идеи выдать себя за единственно уполномоченных посредников между человеком и Богом и с этой точки зрения - улучшить историю. Эта, уже описанная Церковью система, обнаружила чудовищную силу подчинения и благодаря безбрачию своих представителей сформировалась в совершенно радикальный мужской союз. Женщины считались и считаются до сих пор только обслуживающими элементами, причем, путем введения культа Изиды, Марии и других, принималось в расчет их материнское восприятие. Допуская эту эмоциональную сторону - начав со страдающей преданности и закончив религиозной истерией - в сочетании с полным исключением женского элемента из структуры церковного здания, римская церковная система мужского союза обосновала свою способность к сопротивлению. Причем, нельзя забывать о том, что типы брахманов и мандаринов казались значительно старше и более стабильными, чем тип римского священника.

То, что вожди мужских объединений всюду стремились представить свое господство как данное Богом, это понятно. Это делал египетский фараон так же как и брахман, который смело заявлял: "Кто знает тайны Веды и церемонию

жертвоприношения, в тех руках находятся бога".

Идея милосердия Божьего была взята в Западной Европе у мужского союза совсем другого типа, чем римское духовенство, - у германского рыцарства, которое достигло своего апогея в империи. Средневековье означает мучительную попытку "приравнивания" друг к другу монашества и рыцарства, этих двух огромных типов мужского союза. Причем каждый старался поставить другого себе на службу.

Римская система не была по своей сущности нордической, поэтому рыцарская сущность Средневековья была только одной стороной борьбы за освобождение от нее. Германские сословия и гильдии, городские союзы, Ганза и т.д. стали очередными силами, которые освободились от римской идеи. Протестантство как антиримское настроение соответствовало поэтому распространившемуся по всей Европе настроению, оно было, как признал даже Гёррес этической совестью германского человека. Но реформация не несла в себе типобразующей силы, а только подготовила почву для национальной идеи, которая только в наше время начинает развивать свою мистическую силу. Сегодня становится ясным, что римская система подчинения могла быть устранена только при помощи другой типобразующей силы. Эта сила проросла сначала в типе прусского офицера, который, как выяснилось в 1914 году, стал типом немецкого солдата. Прусское, затем немецкое войско, было одним из грандиознейших примеров структурного мужского союза, соответствующего нордическому человеку, построенного на принципах чести и долга. Поэтому на него неизбежно была направлена ненависть остальных.

Эти наблюдения можно продолжать сколько угодно: германский орден меченосцев, тамплиеры, масонский союз, орден иезуитов, союз раввинов, английский клуб, корпорация немецких студентов, германский свободный корпус после 1918 года, СА в партии Гитлера и т.д. - все это яркие примеры бесспорного факта, что государственный, народный, социальный или церковный тип, каким бы разным он ни был по форме, восходит почти исключительно к мужскому союзу и его расе.

Женщина и семья присоединяются или исключаются, их способность принести жертву ставится на службу типу, и только власть другой идеи освобождает их от подчиняющей системы с тем, чтобы использовать как возбуждающий элемент - как во времена древнегреческой демократии, в позднем безрасовом Риме, как в современном движении "эмансипации" - или с тем, чтобы после революционного перехода поставить их силу на службу пылкой преданности новому типобразующему идеалу.

3

Французская революция и женская эмансипация. — Социальная обстановка в 19-ом веке. — Союз за право голоса для женщин. — Политическая эмансипация женщин как явление упадка. — Против "милитаризма". — Недостаток типобразующей силы у женщины.

Требование политического равноправия для женщин было естественным следствием французской революции. Все ее субъективные стремления основывались на так называемых правах человека, стоявших на первом месте, и как из проповеди безумного равенства людей последовала эмансипация евреев, так и "освобождение женщины от мужской кабалы".

Требование современной эмансипации женщин было поднято во имя безграничного индивидуализма, а не во имя нового синтеза. В плане "проявления всех своих способностей" это движение было подхвачено последователями. Сюда приплюсовалось в качестве усиливающего момента обострившееся в результате мировой торговли и сверхиндустриализации социальное положение. Женщины были

вынуждены помогать своим мужьям на фабриках с тем, чтобы поддержать жизнь семьи. Такое увеличение предложения рабочей силы снизило заработную плату мужчины еще больше. Это неестественно продлило продолжительность холостяцкой жизни, что снова увеличило число незамужних женщин, готовых вступить в брак, с другой стороны расцвела проституция. Здесь государство ждала одна из его важнейших проблем. Но оно не справилось с наступающей индустриализацией и пролетаризацией, да, пожалуй, и не могло справиться. Тогда полностью оправданное рабочее движение увидело в женщине товарища по страданиям и включило ее дело в качестве одного из пунктов своих стремлений.

Созванный в 1902 году "Союз за предоставление женщинам права голоса" провозгласил в 1905 году следующие требования: допуск женщин ко всем ответственным постам в общине и в городе; привлечение женщин к осуществлению правосудия; участие в городских и политических выборах и т.д. Это было программное, сознательное наступление на государство.

Если взглянуть на описанный уже факт, что во всей мировой истории государство, социальный режим, вообще любое длительное объединение было следствием мужской воли и мужской производительной силы, то становится ясно, что принципиальное признание длительного влияния женщины на государство должно представлять собой начало явного падения. Здесь речь идет не о доброй воле к "позитивному сотрудничеству" и не о той или другой дельной и даже крупной женской личности, а о сущности женщины, которая в конечном счете ко всем вопросам подходит лирично или интеллектуально, т.е. рассматривает все в отдельности, атомистически, а не обобщенно. Наша феминистическая демократическая "гуманность", которая жалеет отдельного преступника, но забывает о государстве, народе, короче, о типе, по праву является питательной средой для отрицающих все нормы или участвующих в них только с позиции чувств (эмоционально) стремлений.

Для сущности поборниц "женского государства" характерно, что их наступление (в унисон со всей марксистской и демократической еврейской прессой) инстинктивно было направлено против "прусского милитаризма", т.е. против образующих расу и тип основ государства, пока вообще существуют культуры, народы и государства. Так, например, Англию хвалили в целом за то, что она не знает "континентального милитаризма" (Ширмахер). Но англичане еще до 1832 года предоставили женщинам право участия в политических выборах, до 1835 года - право участия в городских выборах при полном равноправии с мужчинами, но затем, на основе горького опыта, снова их отменили (и только в 1929 году под новым напором демократии ввели снова). В отношении Германии и ее "насилий" эмансипированные не могли высказываться положительно: "Ни одна из наших современных культурных наций не может быть обязана своим политическим существованием победоносной войне, завершенной едва ли не целый век тому назад. Но любая война, любой акцент на милитаризм и способствование ему означает ослабление культурных сил и женское влияние". А того факта, что любая культура уже 8000 лет возникала под защитой меча и безнадежно погибала, где безоговорочная воля больше не могла самоутвердиться, "эмансипированные" не видели и не понимали. Как зараженный марксизмом видит только свой класс, своего товарища по вере, так эмансипированная видит только женщину. А следовало бы видеть не женщину и мужчину, а меч и дух, народ и государство, власть и культуру. И как лишенный расы и характера XIX век беспомощен перед парламентаризмом, марксизмом, короче, перед всеми разлагающими силами, так беспомощен и атомизирующий феминизм демократических политиков, которые при этом кажутся себе особенно великодушными.

Это "великодушные", а точнее слабость мужской типобразующей силы, воодушевило женское движение высказать и то, к чему все сводилось: к завоеванию

власти. Власть сладка, за ней охотится женщина так же, как и мужчина, и то, что женская энергия напрягается, когда мужчины устают, это - явление естественное.

Для обоснования этого всеобщего притязания на власть возникла вся литература, которая должна была доказать "абсолютное равенство" женщины, причем тот факт, что женщины рожают, было представлено в свежей интерпретации как основание для "принципиального" равенства (*Эльбертскирхен*).

Если указывают на историю как на главного свидетеля недостатка у женщины типообразующей силы, то она начинает жаловаться на сильное притеснение, которое ей мешает, не замечая, что уже это признание является решающим. Потому что величайшие гении у мужчин часто были детьми бедности и угнетения и тем не менее стали властителями и исследователями людей. А кроме того, в утверждении о притеснении имеет место явная фальсификация истории. Даже во времена мрачного Средневековья благородные женщины получают лучшее воспитание, чем суровые рыцари, которые шли на войну и искали приключений. У них также было достаточно свободного времени, чтобы у домашнего очага изучать анатомию и астрономию. И тем не менее из среды этих женщин не вышли ни Вальтер из Фогельвайде, ни Вольфрам, ни Роджер Бэкон, который, гонимый Церковью по всей Европе, стал одним из основателей нашей науки. Для этого нужна не "власть", а только тот создающий идею синтетический взгляд, который однажды навсегда стал признаком мужской сущности.

Христианство предоставило если не супруге, то хотя бы гетере духовную свободу. Кроме лиричной и сексуальной Сафо не было никого, достойного упоминания. Более того, именно эта женская свобода была наглядным симптомом древнегреческого заката. Ренессанс также дал женщине равные возможности с мужчиной. Витторию Коллона, Лукрецию Борджиа, может быть, еще нескольких знает история нашей культуры. Первую, в связи с историей Микеланджело, вторую - за ее безудержную распущенность. С задачей создать вечные ценности гения женщина и здесь не справилась.

4

Женщина и наука. — "Наука" эмансипированных. — Власть женщины и "женское государство". — Права женщины при Людовике XVI. — Америка. — "Двойная мораль" мужского государства.

Прорыв женского движения в рушащийся мир XIX века проходил широким фронтом и был естественным путем подкреплен другими разлагающими силами: мировой торговлей, демократией, марксизмом, парламентаризмом. Чудовищное старание женщины во всех областях вынудило, однако, некоторых поборниц стать скромнее, когда дела и победы были подсчитаны, оставались только Соня Ковалевская, мадам Кюри, гений, который внезапно исчез, когда ее муж погиб в авткатастрофе, и легендарная изобретательница косилки. Кроме них - целый ряд врачей, представительниц прикладного искусства, прилежных секретарш, ученых в области естественных наук, но никакого синтеза...

"Наука" эмансипации заявляет, что так называемые женские свойства обусловлены только тысячелетним господством мужчины. Если бы господствовала женщина - как это было время от времени - то женские свойства образовались бы у мужчин. Поэтому следует судить по достижениям, а не по полу.

Эта "логика" типична и широко распространена. Она берет свое начало в значительно покрытой пылью теории окружающей среды, согласно которой человек представляет собой не что иное, как продукт своего окружения. Этот дарвинистский залежавшийся товар должен сам расплачиваться за то, чтобы предоставить "мировоззренческую" опору и "научную" основу защитнице женского права. Здесь один

за другим следуют два несовместимых ряда идей. С одной стороны в искусство пропаганды входит задача взывать к мужскому рыцарству и сочувствию, изображая судьбу женщины прошлого, которую суровый мужчина лишил свободы и культуры, и требовать изменений в будущем, с другой стороны, сегодня ищут доказательства тому, что время мужчин вообще прошло, что наступает век женщин, что уже в прошлом существовали женские государства, в которых мужчины играли роль послушных домашних животных. Успокоить нас должно то, что крушение мужского государства не влечет за собой хаоса, а, напротив, означает начало истинной культуры, истинного гуманного государства.

Интересно проследить, как действуют эти новые историографы. Они сообщают, например, что камчадалку никакими обещаниями нельзя было заставить стирать белье и штопать одежду или выполнять другие домашние дела (с этим связана, по-видимому, высокая культура камчадалов). Особенно это касается Египта. И Диодор, и Страбон, и Геродот искали слова, чтобы истолковать знаки уважения к женщине в женском государстве Египет. Это видно из надписей к скульптурам ворот фараона Рамзеса и его супруги. Там написано: "Смотри, что говорит богиня-супруга, мать фараона, госпожа мира". Это должно доказать, что супруга стояла выше самого фараона... Слово о матери умышленно не замечается. Далее мужчина Египта якобы выполнял, в основном, домашние работы, в то время как женщина властвовала. Допустим. Но тогда в глаза бросается старая теория о том, что женщины только потому не основали ни одного государства, не создали ни одной науки, что были угнетены. Одновременно было доказано - невольна правда - другое, что женщины, имея все свободы, или вопреки им, не основали и не сохранили ни одного государства. Потому что Египет не был женским государством. Начиная с фараона Минеса (примерно 3400 год до Р.Х.), государственная история Египта - это мужская история. Первая гробница фараона - это гробница Хента (Chent), правительство которого создало основы египетской культуры. Фараон был олицетворением Гора; он мог и после смерти "забирать женщин у их супругов куда угодно, если его сердце охватило желание". "Богом" называется он или "большим домом" (pa'0, Pharaoh). Твердые рамки государство находит в церемониях, в типизирующем правопорядке, к осуществлению которого привлекается его божество. Каждый фараон строит себе новую резиденцию, свою собственную гробницу. Ритм обычной жизни определяет - смотри выше - чиновник, камергер, техник, короче, "писарь". После беспокойных лет к созидательной власти приходит Аменемхет I, и начинается классическая эпоха Египта.

Факт египетского мужского государства при максимальной временами свободе для женщин показывает, что хоть и может иметь место господство женщин, но не может быть женского государства. Это понятие представляет собой внутреннее противоречие, так же, как название "мужское государство" является тавтологией.

Это нельзя представить себе так, словно между двумя типами государства - мужским и женским - происходит колебание маятника, а промежуточная стадия равновесия и "равноправия" является целью культуры, к которой есть смысл стремиться. Маятник не поднимается к новому типу, а опускается в болото. Пример не только неудачен, но дает картину, вводящую в заблуждение. Для европейской расы (и не только для нее) время женского господства является временем падения жизненно важных структур, а при значительном продлении этого периода происходит также гибель культуры и расы в целом.

Если в европейской истории женщины и приходили к власти (путем династического наследования) и хорошо или плохо правили, то они делали это в рамках соответствующей формы мужского государства и ею поддерживались. Они подчинялись своему типу с тем, чтобы после смерти снова уступить место мужчине. Занятие женщинами должностей министров, генералов, солдат было предпосылкой для

"женского государства".

Время гибели абсолютистско-монархического принципа во Франции неизбежно обеспечило определяющее влияние женщин. Благородная дама имела все права ленных и феодальных господ, она могла набирать войска, взыскивать налоги. Обладательницы крупных земельных владений имели место и право голоса в сословных представительствах (например, мадам де Севинье) и становились даже пэрами Франции. В разрушающейся цеховой организации труда мастерицы полностью могли устанавливать право выбора профессии. Французские революционные идеи замкнули в себе освобождение женщины (его поборницами были дамы полусвета Олимпия де Гуже (Olympe de Gouges) и Тэруань де Мерикур (Theroigne de Mericourt)); но пока революционеры боролись, женщины растеряли все права, которыми они владели при старом режиме. Позже они извлекли пользу из демократической победы. Наполеон из-за антифеминистского кодекса был всем эмансипированным ненавистен, тем более хвалили американцев, которые с самого начала предоставили женщине равноправие. Это так. Если же обратиться к истории Соединенных Штатов, то мы отчетливо видим двойственность положения: господство женщины в обществе, но мужское государство. Американский мужчина сегодня в жизни бесцеремонно пользуется своими локтями, непрерывная охота за долларом почти полностью определяет его существование. Спорт и техника - вот его "образование". Для свободной женщины открыты все пути в искусство, науку и политику. Ее социальное положение бесспорно превосходит социальное положение мужчины. Следствием этого женского господства является бросающийся в глаза низкий культурный уровень нации. Настоящий культурный и жизненный тип возникнет в Америке только тогда, когда охота за долларом примет более мягкие формы, и когда мужчина, сегодня интересующийся техникой, начнет задумываться о сущности и цели бытия. Эмерсон был, наверное, первым наводящим на размышления моментом; но пока, правда, только моментом.

Несмотря на господствующее положение женщины, государство неизбежно является мужским; если бы дипломатия и защита страны были бы тоже в руках женщин, Америки как государства вообще больше не было бы.

Сущность государства по содержанию может быть разной. С формальной точки зрения оно всегда власть. Власть в этом мире завоевывается и сохраняется только в борьбе, в борьбе не на жизнь, а на смерть. Требование политического господства женщины предполагает, если говорить о равноправии, и женскую армию. Говорить о смехотворности и органической невозможности этого требования подробнее не имеет смысла. Женские болезни в армии начнут быстро прогрессировать, расовое разрушение неизбежно. Смешанная мужская и женская армия могли бы быть ничем иным, как большим борделем.

Современному мужскому государству приписывают двойную мораль. Факт же заключается в том, что оно создало и сохранило семью, а не семья его. Факт заключается в том, что мужское государство, например, виновному мужчине при разводе вменяет в обязанность содержать свою бывшую жену соответственно социальному положению. От требующих "равноправия" женщин нигде не услышишь, что они в случае неверности жены, хотят вменить ей в обязанность позаботиться об обманутом муже. А это было бы вполне естественным требованием, если не должно быть никаких различий. В действительности борющиеся за свои права женщины в глубине своей сущности не хотят ничего другого, как существовать за счет мужчин. В Америке дошло до того, что почти всюду осуществляется право на односторонний развод. Кроме того имеет место стремление по закону вменить мужчине в обязанность передавать женщине определенный процент своего состояния.

Как евреи всюду кричат о "равноправии" и понимают под этим только свое преимущественное право, так и ограниченная эмансипированная женщина в

растерянности стоит перед доказательством того, что она требует не равноправия, а паразитической жизни за счет мужской силы, с предоставлением при этом общественных и политических преимущественных прав.

Зараженный либерализмом мужчина XIX века этого также не понял. Хаос настоящего времени - это мстятая за забвение Немезида. Сегодня пробуждающийся человек видит, что обожествленный избирательный бюллетень - это пустая незначительная бумажонка, некое четыреххвостое, общее, равное, тайное, прямое избирательное право представляет собой не волшебную палочку, а инструмент разрушения в руках враждебных народу демагогов. Должно ли это общее право голоса быть предоставлено женщине? Да! - И мужчине тоже! Народное государство будет осуществлять решающий выбор не с помощью анонимных - мужских и женских - масс, а с помощью ответственных личностей.

Либерализм учил: свобода, право свободного передвижения и повсеместного проживания, свободная торговля, парламентаризм, эмансипация женщин, равенство людей, равенство полов и т.д., т.е. он грешил против закона природы о том, что творение возникает только в результате разрядки полярно обусловленных напряжений, что необходима энергетическая разность, чтобы осуществить работу какого-либо типа, создать культуру. Немецкая идея требует сегодня в разгар краха феминизированного старого мира, авторитета, типобразующей силы, расового отбора, автаркии (самообеспечения), защиты расового характера, признания вечной полярности полов.

5

Индивидуалистическая мысль. — Отрицание идеи долга. — Свобода полов. — Крупные города как первая ступень на пути к "женскому государству". — Вина мужчины.

Призыв к равноправию, правильное к "женскому государству", имеет очень показательное подводное течение. Требование к возможности свободного определения в науке, праве, политике проявляет, так сказать, черты "подобия амазонкам", т.е. тенденции составить мужчине конкуренцию в явно мужской области, присвоить себе его знания, умения и действия, подражать его деятельности и распоряжениям. Наряду с этим имеет место требование эротической свободы, отмены половых барьеров.

Чисто индивидуалистская идея как причина разрушений всех социальных и политических состояний расшатала также когда-то строгие формы дисциплины мужской части у всех народов. Но если мы думаем, что женщина все свои силы направит на деятельность, чтобы защитить своих детей от последствий разложения, то видим, что "эмансипированная" женщина поступает как раз наоборот: она требует право на "эротическую свободу" для всего женского пола. Отдельные серьезные женщины, конечно, выступают против такого поведения, однако теория "эротической революции" в рядах защитниц женских прав много раз побеждала там, где совершенно ясно, если и должна была проявиться типобразующая и формирующая сила женщины, то именно здесь. Слова "уважающая себя женщина не может вступить в законный брак" (Анита Аугспург) можно рассматривать как евангелие эротической программы. Настаивая на "ценности личности" и "самоопределении", потерявшие рассудок женщины отказываются от последней защиты своего пола, разрушают естественную форму, которая обеспечивает им и их детям надежную жизнь. Эмансипированная женщина помогает себе тем, что требует, чтобы о рожденных детях просто заботилось государство. Какое государство? Разве оно является заведением, которое должно обеспечивать половую распущенность? И здесь особо ярко проявляется идея отрицания долга у себя и требование его у других. Этим признается, что государственной идеи для

настоящей "эмансипированной" особы вообще не существует. Потому что без понятия долга длительное существование государства немислимо. Поборница женских прав проклинает брак как проституцию, но если вместо мужчины платит "государство", что это меняет в данном деле?

Если мужчина только субъективен, то есть думает безотносительно к обществу, то это, в конце концов, его дело. Он переходит от одной женщины к другой, развлекается в соответствии со своими силами, расплачиваться же должна женщина, если она остается беременной. Это неизбежное последствие теории эмансипации часто вызывает появление на лбу морщин. Тщательно продумав это, потребовали тогда "совершенно энергичных условий" для полигамного мужчины, который, вероятно, и в самом деле мог прийти к мысли испытать несколько свободных браков (*Путь Бре*). Но на этом, таким образом, "свободная любовь" должна была снова закончиться. Женщина должна предоставить мужчине необходимую степень радости любви.

Другие "эмансипированные" нашли, как известно, лучший выход: аборт, если предохранение не помогло. "Издавна заманчиво подмигивает время, когда науке удастся найти безвредные средства для уничтожения зародыша жизни. ... Радостная перспектива для всех тех, кто не одержим *rage du nombre*". Так писала дама Штекер в "Защите матери".

Этот полный страсти крик пророчицы имеет, конечно, и свою "научную" основу. Что касается аборта, то считают, что он наказуем только благодаря мужскому государству. Совсем иначе бы было в "женском государстве". Там женщине сразу же дали бы разрешение на уничтожение зародившейся жизни. Это тоже должно относиться к правам, к физической свободе женщины. (С гордостью отмечается, что кантон Базеля аборт уже разрешил). Эти ученые в области раскрепощения женщин вместе со своими восторженными последователями снова, таким образом, выступают единым фронтом со всей нацеленной на разложение и уничтожение нашей расы политикой демократии и марксизма. Из права на абсолютную личную свободу неизбежно вытекает отказ от расовых барьеров. "Эмансипированная" может воспользоваться правом общения с неграми, евреями, китайцами. Женщина, призванная хранительница расы, благодаря эмансипации занимается уничтожением всех основ народности.

У настоящих "эмансипированных" при всех их рассуждениях, наряду с отсутствием понятия чести и долга, отсутствует также почти всякое нравственное обязательство. Они знают только идеи и понятия "развития", "соотношения сил", "перераспределения", а необходимую противоположность идеи развития, идею "вырождения" они почти совсем не знают. Поэтому они говорят очень равнодушно о том, что при усилении стремлений к "женскому государству", наряду с женской проституцией будет иметь место и мужская (вместе с мужскими борделями). То, что это не сможет достигнуть большого размаха - из-за физической отсталости мужчины по сравнению со способностями женщины - расценивается как прекрасный знак наступающего великолетия.

Другая сильная группа эмансипированных (фрейлейн Эльбертскирхен, фрау Майзель-Гес, Аугспург и т.д.), конечно, борются с проституцией, но не столько по общим нравственным причинам, сколько для того, чтобы гарантировать обеспеченность в течение жизни и другим женщинам. Насколько борьба этой группы бесчестна, видно уже из того, что она не хочет признать для себя брачные узы (единственно возможный вывод), а пользуется всю жизнь "свободной" любовью. Определенное предчувствие состояния в будущем желанного женского государства дают нам известные центры наших крупных городов с демократическим управлением. Изнеженные семяющие мужички в лаковых ботинках и лиловых чулках, с лентами на рукавах, с изящными кольцами на пальцах, с подведенными голубыми глазами и

красными ноздрями, это "типы", которые в будущем "женском государстве" должны стать всеобщим явлением. Истинные и последовательные эмансипированные рассматривают все это не как падение и вырождение, а как "колебание маятника" от ненавистного мужского государства к женскому раю, как необходимость исторического развития. В результате происходит отказ от разницы в оценке, каждый убудок, каждый кретин может, надувшись от гордости, рассматривать себя как необходимого члена человеческого общества и пользоваться правом на свободную деятельность и равноправие.

Теперь перед лицом современного социального положения предотвращение рождения, например, понимается как поступок, совершаемый в отчаянии. Но одно дело способствовать гибели народа, а другое со всей страстью воли стремиться к государственной власти, которая ставит целью устранение коррумпирующих всех нас предпосылок этого жалкого состояния. Первое означает расовый и культурный закат, второе - возможность спасения для женщины и мужчины, для всего народа.

Мужчину перед лицом современного положения совершенно не следует защищать. Напротив, он в первую очередь виноват в сегодняшнем кризисе жизни. Но его вина лежит совсем не там, где ее ищут эмансипированные! Преступление мужчин заключается в том, что они перестали быть мужчинами, поэтому и женщина часто переставала быть женщиной. Прежняя религиозная вера мужчины рассыпалась, его научные понятия стали нестойкими, поэтому он и растерял типо- и стилеобразующую силу во всех областях. Поэтому "женщина" ухватилась за государственный штурвал как "амазонка" с одной стороны, поэтому она потребовала эротической анархии как "эмансипированная" с другой стороны. В обоих случаях она не освободилась от мужского государства, а только предала честь своего собственного пола.

У восточных народов была очень распространена религиозная проституция. Священнослужители нигде не отказывали себе в этом удовольствии и благочестивые вавилонянки и египтянки - тоже. Достаточно проследить, например, историю богини Астарты, чтобы по преобразованию этого божества прочесть закат народа. Сначала она была девственной богиней охоты, даже войны. Затем она слыла королевой неба, богиней заднего прохода, богиней любви и плодородия. Под финикийским влиянием она стала духом защиты "религиозной" проституции, пока, наконец, не стала символом сексуальной анархии. Это означало конец Вавилона как государства и типа.

Тот, кто мог бы отвратить европейское падение, должен окончательно избавиться от либеральных, разлагающих государство взглядов и собрать все силы, мужчин и женщин, на предоставленных им территориях под лозунгом: защита расы, народная сила, государственное подчинение.

6

Конструктивный мужчина и лирическая женщина. — Богиня Фрейя. — Задача женщины: единство и сохранение расы. — Эмансипация женщины от женской эмансипации. Не нивелирование, а органичное разграничение.

Оценки ценности женщины в вышестоящих рассуждениях сделано, конечно, не было. И все-таки для воспитания нового поколения людей с немецким сознанием решающим является понимание того, что мужчина к миру и жизни подходит изобретательно, формирующе (структурно) и обобщающе (синтетически), женщина же лирически. Пусть средний мужчина в обычной жизни и не всегда обнаруживает структурные возможности, остается факт, что великие государственные учреждения, правовые кодексы, типообразующие союзы политического, военного, церковного характера, широкие философские и творческие системы, симфонии, драмы и культовые сооружения все без исключения, пока существует человечество, были созданы

синтетическим духом мужчины. Женщина же представляет мир, который по своей красоте и своеобразию не уступает миру мужчины, а равным образом ему противостоит. "Амазонкоподобная" эмансипированная виновата в том, что женщина начинает терять уважение к своей сущности и присваивать ценности мужчин. Это означает духовное разрушение, перемагничивание женской природы, которая и сейчас продолжает свою мятущуюся жизнь так же, как и "современная" мужская, которая вместо того, чтобы заботиться о структуре и синтетике бытия начала молиться идолу гуманности, любви к людям, пацифизму, освобождению рабов и т.д. Заблуждаются и те, кто рассматривает это как переходный период. Женщина благодаря движению "эмансипации" не стала структурной, а стала только интеллектуальной (как "амазонка") или чисто эротической (как представительница сексуальной революции). В обоих случаях она утратила свое самое существенное содержание и не достигла тем не менее мужской сущности. То же касается - наоборот - "эмансипированного" мужчины.

С точки зрения женщины государство, правовой кодекс, науку, философию можно рассматривать как нечто внешнее. К чему тогда вечные формы, схемы, сознание? Не величественнее, не красивее ли стихийное, инстинктивное для глубокого восприятия? Нужны ли каждый раз дела для доказательства души? И не появились ли эти формы и дела мужчин из атмосферы личного женского, формы и дела, которые без женщин бы и не осуществились?

Жизнь - это бытие и становление, сознание и подсознание одновременно. В своем вечном становлении мужчина стремится путем формирования идей и делами создать бытие, пытается сформировать мир как органичную композиционную структуру. Женщина - это вечная хранительница инстинктивного. Нордические германские мифы представляют богиню Фрею как хранительницу вечной юности и красоты. Если бы ее отняли у богов, они бы состарились и пропали. В их отношении к Локи открывается мифическая древняя сущность.

Локи был полукровным богом. Долго совещались по поводу того, можно ли его признать в Валгалле как равноправного. Наконец, свершилось. Этот полукровка Локи играл роль посредника, когда великаны должны были заново строить замок Одина. В уплату он потребовал Фрею! Когда боги услышали об этом договоре, они отказались его выполнять. Затем Локи обманывает и великанов. Так Один, хранитель права, сам стал виновным. Возмездием стала гибель Валгаллы. В этом мифе заложено глубочайшее, только сейчас пробуждающееся признание: метис выдает, не задумываясь, символ расового бессмертия, вечную юность и делает виновными даже благородных. Что мог шепнуть Один мертвому Бальдуру на ухо, когда он провожал его в последний путь?

В переводе на современный язык германский миф говорит: в руках и в типе женщины находится дело сохранения расы. От политического гнета любой народ может освободиться, от расового заражения никогда. Если женщины одной расы рожают негритянских или еврейских метисов, то грязный поток негритянского "искусства" беспрепятственно пойдет по Европе дальше, как это происходит сейчас; если еврейская литература публичного дома и дальше будет попадать в дом, как сейчас, если на сирийца с Курфюрстендамм и дальше будут смотреть как на "соотечественника" и человека, с которым можно вступить в брак, тогда в один прекрасный момент наступит такое положение, что Германия (и вся Европа) в своих духовных центрах будет заселена только метисами. При помощи теории об эротическом "возрождении" еврей и сегодня - а именно при помощи теорий о женской эмансипации - проникает в корни нашего бытия. Когда Германия созреет до того, чтобы решительным веником и беспощадным отбором провести полную чистку, неизвестно. Но если это где-либо и произойдет, то уже сегодня в проповеди поддержания чистоты расы и лежит самая святая и великая задача женщины. Это

означает сохранение того инстинктивного, еще не объединенной, а потому первоначальной жизни; жизни, от которой зависят содержание, тип и структура нашей расовой культуры, тех ценностей, которые делают нас творческими. Но вместо того, чтобы обратить внимание на это самое важное и великое, еще многие женщины прислушались к отвлекающим крикам врагов нашей расы и нашей народности и были совершенно серьезно готовы к тому, чтобы за избирательный бюллетень и место в парламенте объявить мужчине борьбу не на жизнь, а на смерть. Якобы стремление не остаться "гражданкой второго сорта в государстве" побуждает женщину бороться за "право участия в выборах" (как будто при сегодняшнем господстве денег судьбу можно решить выборами), в то время как инстинкт мужского выбора для нее очерняют журналы и произведения, открыто или скрыто заражающие душу и расу. Женщина несет сегодня деньги в крупные еврейские торговые дома, из витрин которых проглядывает сверкающее падение прогнившего времени, а современный либеральный мужчина с затуманенным национальным сознанием слишком слаб, чтобы противиться общему течению. Лирическая страсть женщины, которая во времена бедствия могла стать такой же героической, как и формирующая воля мужчины, казалось надолго разрушена - задача истинной женщины состоит в том, чтобы разобрать эти обломки. Эмансипация женщины от женской эмансипации - это первое требование женского поколения, которое хотело бы спасти от гибели народ и расу, вечное и инстинктивное, основу всех культур. Времена обывателя и "мечтательного бытия девушек", конечно, окончательно прошли. Женщина принадлежит к общей жизни народа, для нее открыты все возможности получения образования, для ее физического совершенствования существует ритмика, гимнастика, спорт в той же степени, что и для мужчин. При сегодняшних социальных отношениях она не имеет трудностей и в профессиональной жизни (причем законы об охране материнства должны соблюдаться еще строже). Может быть, стремление всех обновителей нашей народности дойдет до такой степени, что сломав враждебную народу демократическую марксистскую выщелачивающую систему, они проложат путь социальному порядку, который больше не будет заставлять молодых женщин (как это сегодня имеет место) толпами стекаться на рынок труда, расходуя самые важные женские силы. Для женщины должны быть открыты, таким образом, все возможности для развития сил, но в одном должна быть ясность: судьей, солдатом и руководителем государства должен быть и оставаться мужчина. Эти профессии сегодня больше, чем когда-либо требуют не лиричной, а даже суровой точки зрения, признающей только типичное и общенародное. Уступить здесь значило бы для мужчин забыть свой долг перед прошлым и будущим. Самый твердый мужчина именно для железного будущего еще достаточно тверд. Если за издевательство над расой и народом, если за расовый позор когда-нибудь будет полагаться тюрьма или смертная казнь, потребуются стальные нервы и самые жесткие формирующие силы, пока "чудовищное" не станет однажды естественным.

Родные души нельзя нивелировать, уравнивать, их следует уважать как органичные сущности и культивировать их самобытность. Структура и лирика бытия - это двойной звук, мужчина и женщина - это создающие напряжение жизни полюса. Чем сильнее каждая сущность сама по себе, тем больше рабочий эффект, культурная ценность и жизненная воля всего народа. Тот, кто позволит себе презреть этот закон, тот найдет в истинном мужчине и в истинной женщине своих решительных противников. Если никто больше не будет защищаться от расового и сексуального хаоса, то гибель неизбежна.

В первой книге высшая ценность германцев была рассмотрена подробно. Ей служат разным образом немецкий мужчина и немецкая женщина. Культивировать ее как жизненный тип может и должно быть задачей мужчины, мужского союза. Мы находимся в центре ужасного процесса брожения, еще многие личности и союзы

борются против церковного средневековья и масонства только инстинктивными, негативными оборонительными средствами. Они еще не объединены, потому что тип будущего еще только должен быть разработан, а высшая ценность чести не безусловно принята. Великая идея исходит от немногих с тем, чтобы других сделать вождями, если эти немногие должны будут допустить на руководящие посты только личности, для которых идеи чести и долга стали естественными. Всякая уступка здесь -неважно по каким причинам - отрицательно повлияет на продолжительность процесса становления новой жизненной формации. Сила и душа должны совпадать с расовой точкой зрения с тем, чтобы помочь в создании грядущего типа. Осуществить это - первая и последняя задача вождя будущего немецкого общества.

7

Грядущая империя: создание мужского объединения. — Нетерпимая мысль нового мифа. — Гёте, Иисус, Игнациус, Бисмарк и Мольтке. — Воля и воспитание типа. — Грядущие формы. — Новый миф.

Германская империя, таким образом, в том виде, в каком она существовала после революции 1933 года, становится делом целеустремленного мужского союза, который должен четко представлять себе высшую ценность, которую предстоит внедрить в будущую жизнь. Высшая ценность, вокруг которой должны группироваться все другие требования жизни, должна соответствовать самой сути народа. Только в этом случае он выдержит необходимый жесткий отбор, продолжающийся в течение десятилетия, и выдержит с радостью. Но этот единственный, самый сокровенный оборот дела должен быть осуществлен; из него вытекает все остальное.

В тезисе о "представительстве Бога" папство черпало свою моральную и теоретическую, а затем также практическую и политическую силу. Эта мифически обоснованная догма одна определяла, вплоть до сегодняшнего дня, типы, историю многомиллионных народов. Эта догма сегодня сознательно и беспощадно отвергается, подавляется и заменяется точно такой же верой в собственные духовные и расовые ценности, верой, вырастающей до мистической силы. Идея чести - национальная теория - становится для нас началом и концом всего нашего мышления и действия. Она не терпит рядом с собой равноценного силового центра, неважно какого типа, ни христианской любви, ни масонской гуманности, ни римской философии.

Все силы, которые формируют наши души, имели свое происхождение от великих личностей. Они действовали, ставя цель как мыслители, вскрывая сущность как поэты, типобразующе как государственные деятели. Они были определенного рода мечтателями, как сами по себе, так и в качестве представителей своего народа.

Гёте не создавал типов, напротив, он воплощал общее обогащение всего бытия. Некоторые его слова вскрыли скрытые до тех пор духовные источники, которые в другом случае не были бы вскрыты. И все это во всех областях жизни. Гёте изобразил в Фаусте нашу сущность, то вечное, которое после каждого перелива нашей души живет в новой форме. Благодаря этому он стал хранителем и жителем нашего устройства, второго которого у нашего народа нет. Когда времена ожесточенной борьбы однажды закончатся, Гёте снова начнет заметно влиять на внешние вопросы. Однако в ближайшем десятилетии он отойдет на задний план, потому что ему была ненавистна власть типо-образующей идеи, и он как в жизни, так и в поэзии не признавал диктатуры идеи, без которой народ никогда не останется народом и никогда не создаст настоящего государства. Так как Гёте запретил своему сыну участвовать в освободительной войне немцев и предоставил молот кузнеца судьбы Штейну, Шарнхорсту и Гнайзенау, то сегодня среди нас он не является вождем в борьбе за свободу и новое формирование нашего столетия. Нет истинных величин без

ограничительных жертв. Обладающий бесконечным богатством не смог сосредоточиться и неуклонно преследовать единственную цель.

Иисус тоже не был создателем типа, он был тем, кто обогащал души. Его личность ввели в союз священников Рима Григорий "Великий", Григорий VII, Иннокентий III и Бонифаций VIII. Он был слугой своих "рабов" с совершенно обратной целью, чем он это себе представлял. Аналогична ситуация со святым Франциском. Напротив, Магомет и Конфуций были типобразующими силами. Они ставили цель, указывали пути. Магомет к тому же принуждал следовать своему учению, в то время как Конфуций создал и сохранил китайскую народность путем незаметного воздействия на нее. Существенно аналогично Магомету Игнатий Лойола выстроил свой тип. Он сознательно растоптал чувство чести человека, поставил перед мышлением новую цель, указал достаточно средств и путей, то есть был сознательным воспитателем душ, и, кроме того, дух иезуитов создал себе тип, определяемый внешне, так сказать, физиономически.

В области искусства мы наблюдаем подобные явления. Здесь имеются личности, которые являются единственными в своем роде и не создают общего стиля, другие, напротив, продолжают жить как типобразующие. Микеланджело, например, обогатил искусство как лишь немногие, но продолжение его манеры работать привело бы к хаосу. То же можно сказать о Рембрандте и Леонардо. Рафаэль же обнаружил большую типобразующую силу. Аналогично проявились Тициан и греческое искусство.

Схожее воспитание предлагает и политическая жизнь. Александр рождает и воплощает идею мировой империи. Рим подхватывает эту идею. Собственное имя Цезарь вырастает до монархических титулов кайзер и царь. В сочетании с церковно-римским мышлением возникает тип властителя божьей милостью. Наполеон означает такую же преобразующую силу, как и Цезарь, но до сих пор только глубоко волнующую, а не создающую тип. Другим способом разбил Лютер чужую корку над нашей жизнью, но он не провозгласил типа ни в религиозном, ни в государственном отношении. Он должен был заново освободить наш замысел, пробить брешь в скалах, чтобы помочь пробиться запертому жизненному источнику. То, что долгое время, вплоть до великих прусских королей не находилось ни одного мужчины, чтобы направить его в органичное русло, означало трагизм более поздней немецкой истории.

Перед лицом последовавшего менее чем через 44 года существования краха Второго рейха, помимо рассмотренных уже вначале вопросов встает последний: действовала ли в 1870 году вообще типобразующая сила мужского государства или нет? Да или нет? Я считаю, что о Бисмарке будут судить относительно последствий его творчества и его движущих сил, а не средств, применяемых в работе, когда-нибудь так же, как о Лютере. Он относится к тем натурам, которые будучи одаренными редко встречающейся волей, могут оставить свой отпечаток на всем времени, чтобы оставить вокруг себя пустыню, усеянную растоптанными личностями, которые не подчинились безоговорочно. Десятилетиями звучали жалобы, что Бисмарк, чувствуя свое превосходство, рассматривал все министерства как разнообразные частные конторы, а министров как своих заведующих канцеляриями. Как бы неумно не вел себя Вильгельм II по отношению к Бисмарку и каким бы посредственным не казалось его дарование при прочтении его "событий и образов", настоящая картина содержится все же в них. Вильгельм сравнивает Бисмарка с загадочной глыбой на свободном поле. Если ее откатить, под ней найдешь только червей. Это символ нашей политической истории последних пятидесяти лет. Идея кайзера 1871 года была взглядом назад на внутренне мертвое кайзерство "милостию Божией", одновременно она сочеталась диким браком с хаотическим либерализмом. Только одному Бисмарку удалось вдохнуть в это неорганичное образование горячее дыхание жизни. В ощущении своей незаменимости в нем поднялось властное сознание долга в том смысле, чтобы не допускать

преимущества самостоятельной природы. История Германии существенно не изменилась бы, даже если бы Вильгельм II оставил Бисмарка и дальше на службе. Так великий человек создавал и сколачивал одной рукой империю, а другой вносил факел в собственный дом. И не было другой политической силы, чтобы предотвратить беду.

Наряду с Бисмарком, однако, действовала личность, благодаря которой Германия не погибла раньше и благодаря которой появилась возможность героической борьбы в мировой войне в течение четырех с половиной лет, - Мольтке (важное указание Шпенглера). Создатель большого генерального штаба представляет собой самую мощную типобразующую силу со времен Фридриха Великого. Он не был человеком, который ковал душу народа в политической борьбе речей, а был тем, кто помогал воспитывать существующие ценности личности и делал сознание ответственности в частностях предпосылкой для любого действия. Вводимые Мольтке отношения между ответственным полководцем и его начальником штаба были прямой противоположностью того, что Бисмарк делал в дипломатии, когда он старался сделать своих министров зависимыми от себя в финансовом отношении. Непосредственный подчиненный был обязан обоснованно и четко представлять свои взгляды и заносить их в протокол, даже если они противоречили приказу. Этот основной принцип, проводимый сверху донизу, поддерживаемый распоряжениями, которые все без исключения сводились к тому, чтобы воспитывать немецкого солдата - несмотря на жесткую дисциплину - самостоятельно думающим и решительно действующим человеком и бойцом, был немецкой тайной успеха в мировой войне. Несмотря на человеческие недостатки, которых никогда нельзя избежать, тип немецкого солдата, распространившийся от прусского офицера Фридриха Великого, является живым доказательством того, что и для возникающего Третьего рейха единственным спасительным путем может стать метод графа Мольтке, если нужно избежать нового краха после освободительного подъема и неуверенной радости. Мольтке был личностью непреклонной последовательности, но его динамика не выливалась, подобно динамике Лютера и Бисмарка, в бесплодные вспышки, он также резко переживал глубокую душевную подавленность, подобно душам тех других. В меньшей степени Мольтке воздействовал на свое окружение в плане принуждения. Принуждения, но не подавления. Второй рейх Германии был основан на полях сражения и создан Бисмарком; но сохранила его, в первую очередь, создающая личность и типы сила гения Мольтке. Так получилось, что после Бисмарка канцлерами рейха становились исключительно нули или податливые натуры без определенного направления, которые колебались между своими теориями и либеральными силами, чтобы в конце концов привести немецкий народ в сети враждебных целеустремленных дипломатов. Но получилось так, что из серого немецкого войска вышло такое большое число превосходных полководцев и солдат, какого не было во всем остальном мире. Действительная Германская империя 1914-1918 годов не находилась больше в Германии, а была на фронте. На фронте у Фолклендских островов и в Циндао, в германской Восточной Африке, в Индийском океане, над Англией. В Германии в министерских креслах сидели пресмыкающиеся и не знали, что делать с сильным государством на поле боя.

Это не было виной системы Мольтке, когда офицерский тип перед войной все больше отмежевывался от остального народа, становился кастой и, наконец, начал проявлять отрицательные стороны такой неорганичной для Германии изоляции. На смену сословию офицеров, основанному только на чести, должны были прийти бесцеремонные торговцы и биржевые спекулянты. Но чтобы осуществить эту замену, необходимо было провести резкие границы, которые с человеческой точки зрения казались неприемлемыми, но были необходимы для создания типа. Этот преследуемый клеветнической еврейской прессой офицер был тем., кто позднее самоотверженно

защищал Германию и полностью жертвовал собой на полях сражения, а кроме того из них вышли те, кто с 1914 по 1918 год впервые надел почетную серую форму.

Бюргерская и марксистская Германия лишилась мифа, у нее больше не было высшей ценности, в которую она верила, за которую она была готова бороться. Она хотела завоевать мир "мирным" экономическим путем, набить свой мешок деньгами и так глубоко ушла в торговлю и махинации, что удивилась, когда другим народам это не понравилось, и они заключили союзы против немецких коммивояжеров. В августе 1914 года высшая ценность войска Мольтке стала, наконец, высшей ценностью всего народа. Все, что еще было истинным и великим, отбросило торгашеские шлаки и поблагодарило немецкого солдата за защиту национального понятия чести. Казалось, Мольтке победил Бляйхрёдера. Затем главнокомандующий отказался от него. Вместо того, чтобы по крайней мере сейчас после многих лет беспечности по отношению к высшей ценности нашего народа использовать возможность и вздернуть на виселицах тот сброд, который в течение многих лет ее оплевывал, кайзер протянул руку марксистским вождям, реабилитировал, не желая того, предателей страны и сделал гада господином над борющимся за свое существование государством. И наконец вместе с народом "дождался" благодарности от этого гада 9 ноября 1918 года.

Нет сомнения в том, что тип Мольтке в первое время существования мужского союза, формирующего Германию будущего - назовем его Германским орденом - не очень сильно выдвигался на передний план. И для того, чтобы вырвать души из современной хаотической неразберихи, нужны были проповеди лютеровского направления, проповеди, которые гипнотизируют, и писатели, которые сознательно перемагничивают сердца. Руководитель типа Лютера должен, однако, ясно понимать, что после победы он должен непременно отказаться от системы Бисмарка и перенести принципы Мольтке и на политику, если он не только хочет сам реализоваться, но создать империю, которая его переживет и которая присягнула одной высшей ценности. Как бы ни складывалась ситуация, при помощи взрывных или формообразующих сил, и те, и другие должны иметь духовную нордическую сущность. При помощи потомков, проникших в Европу совершенно чуждых рас, нельзя образовать руководящий слой с германским характером, даже если отказаться от святой Германской империи немецкой нации и предоставить будущее "свободной игре сил" в области политики, как это было поднято до принципа в экономической сфере после 1871 года. Но тогда все жертвы во имя духа и крови будут напрасными. Через короткий промежуток времени к власти придет такая же демократия, и германская освободительная борьба будет только эпизодом на пути к падению, а не приметой нового подъема, к которому было такое страстное стремление.

Вера, миф истинны только тогда, когда они охватили всего человека. Если политический руководитель в рамках своего войска не может испытать своих последователей в частностях, в центре ордена должна проводиться абсолютная прямолинейность. Здесь, во имя будущего, следует отказаться от всех политических, тактических, пропагандистских соображений. Понятие чести Фрица, метод отбора Мольтке и святая воля Бисмарка - это три силы, которые воплощаются в личностях в разных соотношениях и все служат только одному - чести немецкой нации. Они представляют собой миф, который должен определять тип немца будущего. Признав это, уже в настоящее время начинают его формировать.

III

Народ и государство

1

Кайзерство, королевство и государственная мысль. — Рим и центр. — Государство как пустая форма. — Чиновник. — Переворот 1918 года. — Государство как средство самосохранения. — Монархические и марксистские легитимисты.

Народ, государство, церкви, классы и армии в ходе нашей истории стояли в отношении друг к другу с разным соотношением сил. Принятие римского христианства означало, в принципе, отказ от органичной германской королевской идеи как масштаба мировой деятельности в пользу оторванной от земли императорской идеи, как наследства древнего Рима, полученного от Церкви. Это продолжалось тысячу лет, пока - начиная с Генриха Льва и с продолжением от Бранденбурга - снова не победила нордическая королевская власть, в то время как римская власть императора погибла в болоте дома Габсбургов. Хотя Гогенштауфены и были достаточно самоуверенны для того, чтобы объявить свою императорскую власть немецкой и независимой от Рима (на заседании в Безансоне, например, графы и герцоги Фридриха I чуть не забили до смерти папских легатов, которые называли власть императора папским леном), но эта самоуверенность, тем не менее, не строилась на принципиально установленной теории о превосходстве императора над папой, не строилась она и на традициях и на продолжающей действовать типообразующей силе.

Рим же сознательно извратил уже в 750 году в свою пользу "дар Константина" (о том, что Константин был крещен, впрочем, в арианстве, было скрыто). Папа Хадриан I (Hadrian I) обманул Карла Великого, утверждая, что эта дарственная находится в ватиканском архиве и обманутый Ближним Востоком король франков признал, в принципе, преимущество римского епископа, даже когда в 800 году папа еще падал на землю перед Карлом Великим¹⁰⁸. Последующие папы уже обосновали фальшивым документом свое установленное законом и традициями преимущество (несмотря на доказанную впоследствии фальсификацию), появилась целая литература о преимущественном праве Церкви над императорской властью, которая достигла своей высшей точки в булле Unam Santam Бонифация VIII. После этого Бонифаций "объяснил, определил", "что существует святая необходимость того, чтобы каждое

---

¹⁰⁸ Исключительно поучительным было бы точное сопоставление всех фальсификаций, на которых основываются претензии римской Церкви. Наряду с пресловутым даром Константина", следует назвать здесь фальсификацию результатов церковного собрания в Пикее, на основании которых было представлено преимущественное положение римского епископа, как существующее с давних пор; далее сфальсифицированные "аутентичные" истории о мучениках, свыше 500 числом; фальсификацию обращения и крещения Константина Великого. Псевдокирилла и т.д., короче говоря, почти все "документально" заверенные требования римской Церкви основываются на фальсификации документов

существо подчинялось римскому папе". Эта булла была недвусмысленно названа умершим в 1914 году генералом иезуитов Вернцем "догматическим определением", которое торжественно констатировало правильное "соотношение между Церковью и государством на вечные (!) времена". Такое же суждение высказывают и другие церковные учителя. Отсюда неизбежно следуют все оговорки о государственной клятве человека, признающего Рим высшей ценностью. Лемкуль (общество Иисуса), советник германской партии центра, заявил, что ясно, что "никогда" не могут к чему-либо обязывать гражданские клятвы, которые противоречат "церковному праву". Но поскольку это "право" настоятельно требует подчинения государства Церкви, то Рим требует принципиально не признавать клятв, которые им не освящены. Уже Занхенц (общество Иисуса) приписывает Церкви власть объявлять клятвы ничего не стоящими, а Лемкуль даже открыто защищает дезертирство и даже обязывает делать это католиков, если их принуждают принимать участие в "несправедливой войне" (как в 1866 и 1870 годах)¹⁰⁹!

Эта однозначно римско-церковная точка зрения на государство оказывается с точки зрения идеи германского народного государства настоящей противоположностью.

После крушения абсолютистской королевской власти во Франции в 1789 году происходила борьба между демократическими принципами и национальной идеей. Обособленная вначале и позже и приведшая оба движения в оцепенение, образовалась новая чуждая по крови теория власти, которая нашла свою высшую точку у Гегеля, а затем в новой фальсификации - уравнивая государство и классовое господство - была принята Марксом. Сегодня мы противостоям "государству" аналогично Риму, только с внутренней стороны проблемы: "государство", которое себя и народ выдало бесчестным экономическим силам, выступало по отношению к широким общественным массам скорее как бездушный инструмент насилия. Взгляд Гегеля на абсолютность государства сам по себе воцарился последние десятилетия в Германии (и не только в Германии). Чиновник все больше и больше продвигался в хозяева и забыл благодаря позиции правящих кругов, что он был и не мог быть ничем другим, кроме как уполномоченным от народа для решения технических и политических задач. "Государство" и "государственный чиновник" высвободились из органичного тела народа и отнеслись к нему как обособленный механический аппарат с тем, чтобы заявить, наконец, претензию на власть над жизнью. Такому развитию в боевой позиции противостояли миллионы; но поскольку нечто подобное не отважилось в национальном лагере проявиться открыто, то недовольные встали на сторону социал-демократии, не будучи в душе истинными марксистами.

Мятеж 1918 года во всем этом ничего не изменил, потому что марксисты, конечно, тем более ничего общего с немецким народом не имели. Они стремились только протащить определенные международные принципы, используя старый государственный аппарат, и "само государство" начало решительнейшую деятельность против "отрицателей государства". Поменялись роли, бездушная сущность осталась. Но эта сущность после 1918 года стала намного отчетливее, потому что "государство" общеизвестных ранее врагов народа все же время от времени сдерживало, и только в лице своего прокурора осуждала людей, в отношении которых он своими приговорами должен сам был признавать, что все их помыслы и действия заключались только в служении народу и в жертвах во имя его.

Государство и народ с 1918 по 1933 годы противостояли, таким образом, друг другу как противники, часто как смертельные враги.

Как только этот внутренний конфликт будет преодолен, сформируется и внешняя

---

¹⁰⁹ Сравни: Хоенсбрех. "Орден иезуитов". Т I. С 330.

сторона германской судьбы.

Сегодня государство не является для нас самостоятельным кумиром, перед которым все должны лежать в пыли; государство даже не цель, а только средство для сохранения народа. Средство среди других, таких, какими должны были быть Церковь, право, искусство и наука. Государственные формы изменяются, государственные законы уходят, народ остается. Отсюда следует только то, что нация - это первое и последнее, чему все другое должно подчиняться. Но отсюда следует и то, что существовать могут не государственные, а народные прокуроры. Это изменило бы всю правовую основу жизни и сделало бы невозможными такие унижительные отношения, которые были на повестке дня в последнее десятилетие. Один и тот же государственный прокурор должен был раньше представлять императорское государство, а затем республиканское. "Независимый" судья был также зависим от схемы как таковой. И потом могло случиться так, что на основании римского "права" государственный прокурор в качестве "слуги государства" препятствовал правлению народа. Абстрактный "народный суверенитет" демократии и презрительное высказывание Гегеля: "Народ - это та часть государства, которая не знает, чего хочет" - говорят о все той же лишенной содержания схеме так называемого "государственного авторитета".

Но авторитет народного духа стоит выше этого "государственного авторитета". Кто этого не признает, тот враг народа, будь то само государство. Такова была ситуация до 1933 года.

И это с одной, схематической стороны. С другой стороны, стороны содержания, следует сказать, что безоговорочный легитимизм точно так же антинароден, как и старое государственное право. Вопрос о монархии (и монархе) также является вопросом целесообразности, а не догматическим. Люди, которые рассматривают его как таковой, не отличаются существенно формированием своего характера от социал-демократов, которые в известном смысле представляют собой легитимистских республиканцев без учета того, что в противном случае может произойти со всем народом. Так чувствует себя пробуждающийся справедливый инстинкт немецкого народа сегодня всюду. Так он и победит. Республика должна будет стать народной или исчезнуть. А монархия, которая с самого начала не избавляется от известных старых предрассудков, точно так же не может существовать долго. Потому что она должна будет погибнуть по тем же причинам, по которым когда-то погибла империя Вильгельма II.

Дух будущего четко заявил, наконец, сегодня о своих требованиях. С 30 января 1933 года началось его господство.

В XVII веке начался отход папы от открытого мирового господства; в 1789 году династия как абсолютная ценность уступила место лишенному стилю либерализму. В 1871 году государство-идол стало отмежевываться от народа, который его же и создал. Сегодня народ начинает, наконец, сознательно претендовать на подобающее ему место.

2

Авторитет и тип. — Анархия свободы. — Свобода возможна только в типе. — Личность идентична типу. — Фридрих Ницше.

Требование свободы, как и призыв к авторитету и типу, почти повсюду были выдвинуты неправильно и получили неорганичный ответ. Авторитет в Европе был потребован во имя абстрактного государственного принципа или во имя якобы абсолютного религиозного откровения, т.е. во имя либералистского индивидуализма и церковного универсализма. В любом случае была заявлена претензия на то, что все расы и народы должны подчиняться этому "данному Богом" авторитету и его формам.

Ответом на эти навязанные догмы веры был крик о беспрепятственной свободе одинаково для всех рас, народов и классов. Безрасовый авторитет требовал анархии свободы. Рим и якобинство, в своих старых формах и в более позднем чистейшем отношении в Бабефе и Ленине, внутренне взаимно обуславливаются.

Идея свободы, как и признание авторитета получают теперь в рамках сегодняшнего расового и духовного мировоззрения совсем другой характер. Народность, конечно, состоит не только из одной расы, но и характеризуется также факторами исторического и пространственного рода, но тем не менее она нигде не является следствием равномерного перемешивания элементов, относящихся к разным расам, а при всем разнообразии характеризуется всегда преобладанием основной расы, которая определяла ощущение жизни, государственный стиль, искусство и культуру. Эта расовая доминанта требует типа. И истинная органичная свобода возможна только внутри такого типа.

Свобода души, как и свобода личности - это всегда образ. Образ всегда объемно ограничен. Но раса является внешним отображением души.

На этом круг замкнулся. Еврейский интернационализм марксистского или демократического толка лежит также за пределами этого организма, как римский авторитет, требующий признания его международного значения вместе со всеми церковными претензиями на власть.

Стремление к личности и к типу в самых больших глубинах представляет собой одно и то же. Сильная личность действует стилеобразующе, а тип при рассмотрении с метафизической точки зрения - существует до нее. Личность, таким образом, представляет лишь его чистейшее проявление. Это вечное стремление в каждой эпохе принимает новую форму. На рубеже XIX века мы пережили появление большого числа личностей, которые как цветы нашей общей культуры наложили на нее свой незабываемый отпечаток. Эпоха машины надолго разрушила как идеалы личности, так и типобразующие силы. Схема, фабричные товары взяли верх; голое понятие причинности победило истинную науку и философию, марксистская социология задушила своим массовым безумством (количественная теория) всю сущность (качество), биржа стала идиолом поклоняющейся материи (материалистической) эпидемии времени. Фридрих Ницше, напротив, выразил отчаянный крик угнетенных народов. Его яростная проповедь о сверхчеловеке явилась мощным увеличением поработанной, задушенной материальным давлением частной жизни. Теперь, по крайней мере, один в фактическом возмущении неожиданно разрушил все ценности, даже начал яростно неистовствовать. Прокатилось облегчение через души всех ищущих европейцев. То, что Ницше сошел с ума - это аллегория. Чудовищно зажатая воля к творчеству, хоть и пробилась себе путь подобно бурному потоку, но, будучи давно уже надломленной, не смогла добиться большего формирования. Она вышла из берегов. Скованное в течение нескольких поколений время понимало в своем бессилии только субъективную сторону великого желания и переживания Фридриха Ницше и представило глубочайшую борьбу за личность как призыв к выражению всех инстинктов.

К знамени Ницше присоединились тогда красные штандарты и марксистские бродячие проповедники, тип людей, учение которых вряд ли кто разоблачил как бред с такой силой как Ницше. С его именем происходило заражение расы всеми сирийцами и неграми; в то время как именно Ницше стремился к созданию высокопородных рас. Ницше попал в мечты пламенных политических распутников, что было хуже, чем попасть в руки банды разбойников. Немецкий народ слышал только об ослаблении обязательств, о субъективизме, о "личности", но никогда об отборе и внутреннем высоком строительстве. Прекрасное высказывание Ницше: "Из будущего приходят ветры с тайными взмахами крыльев; и до его ушей доходит добрая весть", - было лишь

полным страстного ожидания предвидением в рамках безумного мира, в котором он жил наряду с Лагарде и Вагнером почти как единственный широко мыслящий человек.

Эта безумная эпоха сейчас умирает окончательно. Самая сильная личность сегодня больше не взывает к личности, а взывает к типу. Появляется народный, имеющий корни в земле стиль жизни, новый тип немецкого человека, "прямоугольный душой и телом", сформировать его входит в задачу XX века. Истинная личность современности именно в своем высшем развитии пытается объемно сформировать те черты, провозгласить громче всего те идеи, которые она воспринимает, как черты предчувствуемого нового и, тем не менее, древнего типа немецкого человека, воспринимает их как бы заранее. Истинная личность пытается освободиться не от, а для чего-либо!

Тип -это не схема, он так же как личность не имеет ничего общего с субъективизмом. Тип - это связанная со временем объемная форма вечного расового и духовного содержания, заповедь жизни, а не механический закон. В признании этой вечной истины воля к типу является также волей к строгому формирующему государственному подчинению поколения, которое застыло в плане субъективно-распущенном и традиционном.

Но ощущение типа - это рождение мифа нашей истории, рождение нордической расовой души и внутреннее признание ее высшей ценности как путеводной звезды всего нашего бытия.

3

Свобода и экономический индивидуализм. — Пахотная земля и честь.

Другое признание заключается в констатации того, что не осязаемая руками идея народного учения имеет свои корни в самой устойчивой, материальной действительности: в пахотной земле нации, т.е. в ее жизненном пространстве.

Идея чести неотделима от идеи свободы. Если понимание этой идеи происходит в различных вариантах, то самый глубокий из них в метафизическом плане заключается в типично германском осознании ее Эккехартом, Лютером, Гёте до Х. Ст. Чемберлена, который так четко истолковал ее для нашего времени, в признании параллельности природной закономерности и свободы, объединенных в человеческой особи без возможности дальнейшего решения этой задачи. Подчиненный причинности внешний момент отвечает, подобно другим органичным сущностям, на раздражения и мотивы, сущность которых и связанный с волей аспект все-таки не были и не могли быть затронуты, как бы сильно не препятствовали чисто механически их последствиям. Почему один только факт, что люди оспаривают эту внутреннюю свободу, доказывает, что она существует.

Огромная катастрофа нашей духовной жизни заключалась в том, что в немецкой жизни все больше начала царить греховная спекуляция в понимании свободы, обусловленная отравлением крови. Будто бы свобода означает то же самое, что и экономический индивидуализм. Этим была нарушена истинная внутренняя свобода исследования, мышления и формирования. Взгляды и воля все больше служили спекуляции и инстинкту. Это вторжение "свободы" в органические процессы неизбежно привело к отчуждению от природы, к абстрактно-схематическим, экономическим и политическим теориям, которые больше не прислушиваются к законам природы, а следуют стремлению к разобщенности индивида. Так кажущаяся небольшой спекуляция в плане критики познания привела к чудовищной беде в мире, потому что день за днем неумолимая природа мстит вплоть до грядущей катастрофы, при которой рухнет так называемая экономика, сравнимая, вместе с ее искусственным противоестественным фундаментом, с концом мира. Если внешнему давлению не

потребуется ломать сильную личность, если оно сможет разбить ее по крайней мере механически, то все же ясно, что оно может у миллионных масс иметь следствием отравление характера. Подобное было вызвано у немецкого народа недостатком жизненного пространства. Все меньше стало в XIX веке пахотных площадей, на которых распоряжались связанные с землей крестьяне, все больше становилось число безземельных, неимущих сельских тружеников. В тесном пространстве толкались миллионы в мировых городах, но человеческий поток продолжал расти. Он требовал индустриализации, экспорта, мировой экономики, или того больше: в своей нужде он попал под влияние сирийских заговорщиков, которые не превратили миллионы неимущих в ищущих пространство людей, а захотели сделать пролетариями тех, кто еще обладал имуществом с тем, чтобы обеспечить себя армией рабов без земли и собственности и эксплуатировать их при помощи недостижимого блуждающего света "мирового удовлетворения". При помощи этой кражи пространственной идеи было достигнуто отравление душ: идея народного учения оказалась вдруг незначительным фантомом, проповедники борьбы за пространство были заклеены как "враждебные народу империалисты", а справедливая, огромная борьба за свободу была фальсифицирована, сбита с пути в марксистском направлении, чтобы в отчаянии закончить свое существование в болоте международного коммунизма.

Эта истинная созидательная идея свободы может полностью расцвести в народной цельности только тогда, когда народ будет иметь воздух для дыхания и землю для обработки. Живое и длительное действие чести будет видно поэтому только у такой нации, которая располагает достаточным жизненным пространством; и будет глубже там, где поднимается идея замученной национальной теории, там, где звучит требование пространства. Поэтому ни чуждый земле иудаизм, ни чуждый земле Рим не знают идеи чести, или точнее, раз они этой идеи не знают, в них нет стремления к пахотной земле, куда сильное и веселое поколение бросает семя, которое принесет урожай. Сегодня, когда враги затрагивают честь Германии, они крадут у нее и ее пространство, поэтому и метафизическая борьба идет в конечном счете за неподавляемые глубочайшие ценности характера, означая борьбу за жизненное пространство. Одно укрепляет и закаляет другое. С мечом и плугом за честь и свободу звучит, таким образом, неизбежно призыв к битве нового поколения, которое стремится создать новую империю и ищет критерии, по которым плодотворно могут быть оценены его действия и его стремления. Это призыв националистический. И социалистический!

4

Социальный и социалистический. — Национализм и социализм. — Династизм и демократия. — Социализм господ, свободный с древности. — Народ и раса выше государственных форм. — "Народ братьев". — Преступление старых политических партий. — Несовершенный государственный аппарат. — Германский орден. — Количественные выборы при демократии. — Отмена права тайных выборов. — Безумие большинства при парламентаризме. — Отмена права свободного передвижения как важнейшая предпосылка к спасению. — Легкость передвижения как возможность уничтожения мирового города. — Кайзерство, республика, королевство.

В целом социализмом называют взгляды, которые требуют подчинения частного воле коллектива, называется ли он классом, Церковью, государством или народом. Такое определение понятия полностью лишено содержания и дает свободу действий всем самовольным корпорациям, потому что существенное содержание слова полностью отодвинуто на задний план. Если социальная деятельность означает

частную акцию с целью спасения частного от духовного и материального разрушения, то социализм означает осуществляемую коллективом гарантию для единоличника или всей общины от всякой эксплуатации их рабочей силы.

Всякое подчинение индивида требованиям коллектива не является, таким образом, социализмом, не является им также всякое обобществление, огосударствление или "национализация". Иначе и монополию можно было бы рассматривать как своеобразный социализм, что практически делает марксизм своим враждебным жизни учением: помочь подняться капитализму с тем, чтобы он все сосредоточил в небольшом количестве рук, чтобы потом заменить власть великих эксплуататоров мира так называемой диктатурой пролетариата. Принципиально это вообще означает не изменение отношений, а только мировой капитализм с другим знаком. Потому марксизм всюду шагает с демократической плутократией, которая, однако, всегда оказывается сильнее его самого.

Является ли мероприятие социалистическим, вытекает, таким образом, из его последствий, независимо от того, имеют ли они предотвращающий характер или уже изменяют существующие факты. Решающим для таких последствий является при этом сущность целостности (коллектива), во имя которой осуществляется ограничивающее индивида общественно-экономическое указание. Бюргерско-парламентаристское государство располагает тысячью "социалистических" мер, оно облагает в пользу "репараций" все предприятия принудительными ипотеками; оно регулирует таможенные пошлины, ссудные проценты и распределение работы; тем не менее это классовое государство, правящая партия которого используют меры, обременяющие весь народ. Так же мало мог воспользоваться правом осуществляющий классовую борьбу снизу марксизм, потому что подчиняющиеся ему при его триумфе миллионы представителей народа рассматриваются не как общность, а большей частью как объекты эксплуатации в пользу заинтересованных в марксизме членов общества. Поэтому при современных политических условиях слово "государство" употребляется для введения в заблуждение, потому что "государство" стоит на службе у буржуазии или у марксистской классовой борьбы, то есть вообще не существует, как бы его заменитель не требовал поклонения. Как бы конфессионализм и эта ведущаяся с двух сторон классовая борьба не противились этому: социалистическое предприятие не может ни одно из них отменить или осуществить. Это может только представитель системы, который может понять народ как организм, государство - как было изложено - как средство для его внешней охраны и внутреннего удовлетворения, для которого такая целостность как "нация" является критерием для действий, ограничивающих индивидуум и мелкие коллективы. Из этой системы мыслей, для которой мир начал, наконец, созреть, выделилась роковая борьба XIX века, великая борьба между национализмом и социализмом. Старый национализм был часто не настоящим, а лишь прикрытием для аграрных, крупных индустриальных, в дальнейшем финансово-капиталистических частных интересов, почему слово, когда патриотизм был последним прибежищем великих мошенников, нередко могло доказать свое право. Марксизм тоже был не социализмом, а в виде социал-демократии очевидным придатком плутократии, как коммунизм был разрушающим народ буйством против ценностей собственности всех наций, делающих возможным настоящий социализм. Получается, таким образом, не борьба, а уравнивание между настоящим национализмом и настоящим социализмом, обоснованный вывод, которым Германия обязана Гитлеру.

Социалистическим предприятием образцового типа была национализация государственных железных дорог Германии, которые были отняты у жадного до предпринимательства частного произвола, и для безопасной работы которых существовала та сохраняющая народ предпосылка, которая идет на пользу любому немцу. Истинным социалистическим мероприятием является муниципализация

электростанций и городского водоснабжения, служба которых касается всех без различия классов и конфессий. Социалистическими организациями являются городской электрический транспорт, полиция, общественные библиотеки и т.д., причем совершенно безразлично, были ли они введены во времена монархии или республики, что снова свидетельствует о независимости этой государственной формы от существа вопроса. Монархия была, как показывает пример государственных железных дорог Германии, а также пример Германского Государственного банка, значительно более социалистической, чем Веймарская республика, которая, подписав диктат Дауэса и другие поработительные документы, полностью отдала их под контроль частных - и к тому же еще иностранных - финансистов.

Борьба за существование и частная забота (иногда также умные символы) определяют общественную жизнь человека. Первое - это естественный процесс отбора, второе - чисто человеческая, углубленная христианством, благородная воля по отношению к ближнему. Оба фактора, предоставленные сами себе, означали бы смерть любой культуры, любого истинно народного государства. Поэтому нет совершенно никакой естественной "христианской" государственной идеи. Истинное государство германского толка заключается в том, чтобы борьбу за влияние привязать к определенным предпосылкам, допустить ее только в подчинении ценностям характера. Современный экономический индивидуализм как государственный принцип означал поэтому претензию на уравнивание счастливого обманщика и честного человека. Поэтому и победил всюду после 1918 года спекулянт со своими товарищами. Милосердие с их стороны, как подачки диктатора угнетенным миллионам или личная благотворительность не устраняет вред, а лишь заклеивает гноящиеся раны. Оно действительно составляет контраст безудержной эксплуатации. Иногда великий обманщик строит для своих десятилетиями эксплуатируемых жертв больницы и заставляет свои газеты прославлять себя как филантропа.

Итак, кто сегодня хочет быть националистом, должен быть социалистом. И наоборот. Социализм серого фронта 1914-1918 годов стремится стать государственной жизнью. Без него никогда не будет побежден марксизм, никогда не будет обезврежен международный капитал. Отсюда становится понятным, что истинно социалистическая мера - поддающаяся как таковая объяснению исходя из последствий - прежде всего нейтральна по отношению к понятию частной собственности. Она будет ее признавать, если она гарантирует общую безопасность, и будет ограничивать ее там, где она создаст опасность. Поэтому, например, требования национализации железных дорог и личного землевладения представляют собой оба социалистические (и националистические) требования. Оба служат экономически угнетенным с тем, чтобы создать им условия для культурного и государственного творчества.

С этой новой точки зрения поэтому некоторые жизненные проявления широких народных масс будут представлены в совершенно ином свете.

Связь между индивидуализмом и экономическим универсализмом за последние 100 лет на политической арене мы можем непосредственно проследить в демократическом и марксистском движении, которое исходит из счастья отдельного человека и одновременно провозглашает культуру человечества, стремясь выйти на Пан-Европу, в конечном счете на мировую республику, будь это республика биржевых деятелей, будь это формация диктатуры пролетариата как окончательная форма этой мировой диктатуры мировой биржи. План Дауэса и план Юнга, оба представляют собой аналогию сближения универсализма и бескровного индивидуализма. Поэтому получается, что признавать ограниченными следует только взаимные влияния между понятием "я" и обществом, между понятием "я" и нацией, потому что в понятие общества - то есть организованных людей - включается органичная для нас связь через ценности характера и идеалы. Из этих взглядов вырастает потом также вся идейная и

государственная система на основе признания того, что не какой-нибудь абстрактный индивидуализм или абстрактный социализм, как бы упавшие с облаков, формируют народы, а что, напротив, народы со здоровой кровью индивидуализм как критерий не знают, так же как и универсализм. Индивидуализм и универсализм, рассматриваемые принципиально и с точки зрения истории, представляют собой мировоззрения упадка, в лучшем случае расколотого какими-либо обстоятельствами человека, который прибегает к последнему догмату навязанной веры, чтобы уйти от своего внутреннего раскола.

Из всего ощущения обновления, из признания древних вечных ценностей и из нового понимания органичных противоречий внезапно возникает для нас яркий сияющий свет, если мы рассмотрим развитие последних исторических эпох. Мы видим, следует еще раз подчеркнуть этот важный пункт, что в течение всего XIX века с заходом в XX век между собой боролись два крупных движения - национализм и социализм - и тот факт, что оба они стали крупными и сильными, показывает, что в их основе неизбежно лежат органичное здоровое ядро, органичные здоровые движущие силы. Неважно какие люди и системы в течение этого периода времени овладели этими волевыми силами и ходом мыслей. Мы видим, что германский старый национализм после его мощной вспышки в освободительных войнах, после его глубочайшего обоснования Фихте, после его взрывного появления у Блюхера, барона фон Штейна и у Эрнста Морица Арндта и в их воинской силе деятельности, воплощенной Шарнхорстом и Гнайзенау, - переходит в руки внутренне отжившего, но в организационном плане еще сильного поколения, как это наиболее четко было представлено системой Меттерниха. Расцветающий национализм сразу после своего возникновения вступил, таким образом, в роковую связь с династизмом.

Ценность короля или кайзера сама по себе стояла выше, чем ценность всего народа. Мы видим, как растет придворная экономика, которая раньше была бы доведена до крушения, если бы мощная власть Бисмарка не сделала бы еще одной попытки соединить монархию и нацию в единый блок под династическим руководством. Но в то время, как король Фридрих Великий воплощал это единство даже в тяжелые времена, его преемник кайзер Вильгельм II уже утратил эту веру, заявив, что хочет избавить свой народ от гражданской войны, перейдя через границу. Тем самым он отделил династическое понятие от целостности народа и 9 ноября 1918 года разбил династическую идею государства, что постепенно начали понимать все сознательные немецкие национальные круги.

Наряду с династизмом немецкий национализм XIX века был тесно связан с либеральной демократией, которая становилась все сильнее и сильнее с ростом промышленных трестов мировой экономики, оптовой торговли и мировых банков. Экономические интересы этих трестов представляли нередко как интересы национальные. Так, например, германский банк и его прибыли в Турции фальсифицировали в интересах народа Германской империи. Во время войн вы могли ощутить, что боевой клич нации заключался не в разъяснении того, что земля, завоеванная германской народной армией, должна была стать собственностью германской империи, а годами говорилось о рудниках Брия (Briey) и Лонгви (Longwy), то есть интересы промышленности и прибыли были поставлены выше интересов всей нации. От этой противоестественной связи и от перевернутой иерархии умирает сегодня гражданский национализм, и только новое сознание провозглашает новый национализм и в результате объединяется инстинктивно или сознательно со всеми освободительными германскими войнами прошлого, но прежде всего с безусловным величием тех людей, которые вывели Германию 1813 года из пропасти.

Националист XIX века был отравлен марксистско-либералистскими силами, то же произошло и с социализмом. Выше мы уже определили социалистическое

мероприятие, проводимое государством мероприятие по защите народной общности от всякой эксплуатации, и далее государственное мероприятие по защите отдельного человека от жажды наживы. Но и здесь вопрос касается не только формальной деятельности самой по себе. Социалистической деятельностью становится только на основе ее практического проявления. Поэтому возможно, что социалистическая деятельность, как также уже было установлено, вовсе не сопровождается формальной национализацией. Напротив, она может даже означать приватизацию, освобождение множества отдельных сил, если это освобождение принесет с собой усиление общности. Когда Бисмарк однажды был подвергнут нападкам со стороны консерваторов как социалист, он заявил, что понятие социализм для него при определенных обстоятельствах не означает ничего страшного. Он социализировал железные дороги и помнит деятельность по освобождению крестьян имперскими баронами фон Штейнами, что также представляет социалистическое мероприятие. В этом смысле наши взгляды теснейшим образом соприкасаются со взглядами Бисмарка. Деятельность имперского барона фон Штейна означала освобождение сотен тысяч крестьян от чудовищной навязанной власти. В результате этого освобождения творческих сил поднялись благосостояние и самосознание народа. Деятельность имперского барона фон Штейна остается до сегодняшнего времени величайшей вехой в истории германской социалистической свободы.

Это сделало новую идею более понятной. Эта идея ставит народ и расу выше любого государства и его форм. Она объявляет защиту народа важнее, чем защита религиозного вероисповедания, класса, монархии или республики; она видит в предательстве народа большее преступление, чем в государственной измене. При этом германское движение обновления претендует на такую же свободу по отношению к формальному государству, как Рим, оно видит в борце против "государства", который страдает за свой народ и свою честь, отправляется в тюрьму, на каторгу, не преступника, а аристократа, оно не признает обязательств по отношению к формации, которая берет начало 9 ноября 1918 года. Но для нас борьба не является "несправедливой", если она случайно ведется и против тех представителей учения, которые в политическом плане фальсифицируют истинную религию, которые хотели бы принципиальное предательство страны выдать за свою "веру" Несправедливой войной является война против соотечественников. И смертельными врагами немецкого народа являются поэтому все те силы, которые поднимают конфессию или класс своим боевым кличем против немецких соотечественников¹¹⁰. Новая империя требует от каждого немца, участвующего в общественной жизни, клятвы не государственной форме, а клятвы всюду по мере сил и возможностей признавать германское национальное учение высшим критерием оценки своих действий и действовать в его пользу. Если чиновник, бургомистр, епископ, суперинтендант не может дать такой клятвы, он неизбежно

---

¹¹⁰ Отказ от этого, борьба против государства сама по себе может, например, какое-то время нести оправданный "антинациональным" отпечаток, если она ведется мужскими характерами, обладающими расовым сознанием, а не рабскими натурами. Потому что и у таких было отнято, украдено их право на владение землей. Это мы видели и течение 14 лет, потому что демократический денежный сброд после экспроприации движимого имущества протянул свою руку и к недвижимому имуществу, ограбив крестьян и помещиков косвенно при помощи ипотек, рыночной анархии и т.д. Бисмарк однажды сказал, что государство, которое отнимет у него его собственность, больше не будет его отечеством. Это было отречение хозяина; движимые аналогичными чувствами немцы, у которых отняли землю, потянулись во все концы мира, чтобы приобрести собственность; часто имеющий место более поздний отказ от исторической родины основывается на этой новой связи с приобретенной собственностью. А клич "собственность - это наворованное" был боевым кличем нетворческой рабской природы. Нет никакого чуда в том, что еврей Маркс подхватил этот клич и поставил его во главу своего пустого учения. Однако везде, где марксизм каким-либо путем пришел к власти, его смогли разоблачить как неправдивый: у его экстремистов тогда как раз наиболее отчетливо проявилась жадность к собственности. Поэтому ввиду прежнего ограбления народа и для всех пролетариев, именно для них, звучит боевой клич: создание новой собственности, завоевание нового жизненного пространства.

теряет все права на общественный пост. Даже те гражданские права, которые каждый получил раньше в подарок, достигнув 21 года, в новом государстве необходимо их заслужить. (Идея, которую национал-социалистическая программа уже представляет). Такие права необходимо завоевать безупречным поведением в воспитательных учреждениях и в практической жизни. Немец, совершивший преступление против чести нации, совершенно логично не получает от своего народа никаких прав. Мужчин, которые не могут принести клятву немецкому народу из-за конфликтов с совестью, государство не должно преследовать, но само собой разумеется, что они при этом не могут претендовать на гражданские права. Они не имеют права быть учителями, проповедниками, судьями, солдатами и т.д. Либеральное мировоззрение в своей враждебной народу бесконечности принесло с собой то, что под учением о свободе убеждений понималось также учение о равноправии всех видов деятельности политического и обучающего типа без ссылки на формирующий центр. Поэтому совершенно логично получается, что не только победителю государственной формы, но и подстрекателю против народности, свойственной каждому государству, должны быть предоставлены равные права с тем, кто за этот народ сто раз рисковал жизнью. Либерализованный духовный метис чаще всего даже считал "человечным" придерживаться интернациональных "мировых идей", а сильный акцент на собственные права народа нагло осмеивать как отсталый. Естественно, что это должно было привести к хаосу.

Само собой также разумеется, что в народе должны и будут существовать действующие в политическом плане личности, и группы. "Братский народ" - это утопия, и вовсе не красивая. Полное братство означает уравнивание всех ценностей, всех напряжений, всей жизненной динамики. Борьба и здесь остается искрой, постоянно порождающей жизнь. Но все эти бои должны происходить в рамках одного идеала, их ценность должна быть проверена при помощи одного критерия: пригодны ли проповедуемые идеи, требуемые мероприятия для того, чтобы облагородить и укрепить немецкую народность, усилить расу, поднять осознание чести нации. Политические партии, которые в своей деятельности спрашивают о том, каким образом можно укрепить международную классовую солидарность или международные конфессиональные интересы, в германском государстве не имеют права на существование. Деятельность таких враждебных народу партий в прошлом и настоящем разъедала и подтачивала душу немца. С одной стороны сторонники марксизма и центра остаются все-таки немцами, а с другой стороны они должны признавать ценности, лежащие за пределами германской культуры, как высшие. Проблема грядущей империи германского стремления заключается, таким образом, в том, чтобы проповедовать этим замученным миллионам новое мировоззрение, подарить им из нового мифа формирующую высшую ценность, или правильной сказать, дремлющую у всех ценность народности и национальной идеи очистить от мусора столетий и поставить всю жизнь под свой знак. Только когда все это произойдет, может возникнуть Германская империя, в противном случае все обещания - пустая болтовня. Но чисто государственный аппарат может осуществить эту работу по типизации народа лишь несовершенноспособом. Государственные законы могут носить только изолирующий и ограничивающий характер, они не поучительны. Государство может и должно, например, подавлять большевистскую, лишённую отечества партию, но оно может делать это длительно только, если за ним стоят сильная обновляющая жизнь воля и творческая общественная деятельность. Эта деятельность должна быть направлена на сознательное образование мужского союза.

Мы знаем с помощью каких сил в 1933 году так называемое государство ноября 1918 года было заменено Германским рейхом. Много лет мы знали человека, который водрузит новое знамя на башнях немецких городов. Мы знаем и ощущаем, наконец,

сегодня силы пробуждающейся от глубокого сна расовой души, силы, которые неизбежно должны дать нам этого человека. Задачей этого основателя нового государства является создание мужского союза, скажем, германского ордена, составленного из личностей, которые играют ведущую роль в деле обновления немецкого народа.

Членом этого "Германского ордена" первый глава государства назначит из всех слоев народа после того, как произойдет основание рейха. Предварительным условием являются достижения в деле служения народу, неважно, в каких сферах. Назначенный таким образом совет ордена в случае смерти одного из членов будет пополняться путем новых назначений. Глава государства - президент или кайзер, или же король - будет избран пожизненно советом ордена из его среды. (В этом техническом отношении организация римской Церкви служит образцом продолжения нордического древнеримского сената.) С одной стороны, служащие народу силы совета ордена из всех слоев нации поднимутся над своими городскими и окружными союзами, в любом случае при условии выдающихся личных достижений. Связь между народом и руководством, таким образом, сохранится, кастовая замкнутость, имевшая место после 1871 года, будет предотвращена. А с другой стороны, бесконечная демократия и постоянно сопутствующая ей демагогия будут устранены и заменены Советом Лучших. Наследственная монархия, хотя и вынуждала носителя короны, исходя из собственных интересов, согласовывать политику своего дома с интересами народа, однако существует опасность упадка династии, как при каждом новом поколении.

При этом неизбежно воцарится низкопоклонство без достойного представления поста кайзера. Результатом же этого состояния будет прямая противоположность постоянству государственной жизни, которая была целью установления исследуемой монархии: дискредитация власти кайзера, беспорядки, революции.

Народ сегодня может редко непосредственно усмотреть великого человека, для этого необходимы предшествующие катастрофы, в которых кто-то один окажется на виду. Поэтому в обычной жизни выборы президента и кайзера, осуществляемые непосредственно 70 миллионами, это только вопрос денежного мешка. Отсюда следует, что в 99 из 100 случаев во главе окажется не истинный народный вождь, а служащий биржи и вообще денег. Поэтому и с этим лживым демократическим требованием в будущем первом германском народном государстве необходимо окончательно покончить. Отсюда также следует, что помогающий правительству советами парламент не может появиться вместе с руководящим германским советом ордена в результате одурачивания масс, как при господстве безнравственной демократично-парламентской системы. За границами сельской общины, средней величины города, заурядный человек теряет критерий для своей оценки. Он может самостоятельно оценить личность только в том случае, когда он в состоянии проследить за его деятельностью на месте. Там, где партийные группы во всех случаях влияют на выборы в пользу неизвестных величин, это невозможно. Нужно непременно исходить из того принципа, что решающими на выборах являются не списки, а личности. Поэтому в Германском рейхе выборы в парламент должны осуществляться не на улице, а представителями крупных корпораций страны: армии, крестьянских союзов, чиновничества, организаций свободных профессий, гильдий ремесленников, купечества, высших школ и других сословных групп. В зависимости от величины и значения председателям этих групп и сословий должно быть разрешено определенное число представителей. В первую очередь здесь необходимо учесть войсковых командиров. Армия хоть и стоит далеко от всякой политической борьбы, но ее политические взгляды, к чему стремились биржевые и журналистские демократии, в будущем рейхе должны навсегда закончиться. Армия создана не для того, чтобы бессловесно позволять гнать себя на поля сражения, но и не для того, чтобы быть преданной и разоруженной трусливыми

пацифистскими демократами от имени "государства". Страшный опыт мировой войны стоит на все времена перед нами как предупреждающий пример. Он не должен больше повториться. Но голосовать будет не тайная, безымянная, подстегиваемая масса по более двадцати или тридцати спискам, а в конечном итоге, круг личностей.

Уже Бисмарк определил право тайных выборов как нечто негерманское. Так это и есть. Эта обезличка признает трусость отдельного избирателя как образ мыслей среди других, это сознательно подрывает чувство ответственности. В применении ко всему народу это означает культивирование духовного обнищания. Но теперь нельзя избежать человеческих проявлений и в лучшем государстве. Отклоненный кандидат легко может рассматривать того, кто посчитал его, может быть, по деловым соображениям недостойным, как личного врага, что будет иметь следствием много нежелательных трудностей. В соответствии с этим практически приемлемым путем представляется такой, когда участвующим в выборах личностям будет предоставлена возможность отдать свой голос открыто или тайно, как на выборах в парламент, так и на выборах главы государства внутри совета ордена. В связи с выраженным желанием высказать свои взгляды свободно и открыто постепенно станет возможно подготовить ответственных избирателей, чего наверняка нельзя добиться немедленным приказом об открытых выборах.

Под знаком старого парламентаризма каждый отдельный депутат имеет меньше ответственности за свой образ действий, чем любой неограниченно повелевающий монарх. Поддерживаемый парламентом кабинет снова апеллирует при принятии решений к знаменитому "правящему большинству". Если политическая программа удастся, парламентский министр - "великий человек", если не удастся, то - в крайнем случае - соответствующий министр отстраняется и не может быть привлечен к ответственности. Этот факт, естественно, соблазняет самых бессовестных парламентариев постоянно предлагать себя в качестве министров, чего не было бы, если бы действительно имела место ответственность, которая у военачальника предполагается сама собой. Взращенное этой бесчестной системой парламентское ничтожество представляет, конечно, это состояние как выражение известного прогрессивного духа. В действительности же оно представляет собой убогое скотское порождение трусливого большинства, которое нагло хочет производить суд над всеми и над всем, а когда дело касается ответственности, прячется за массами членов партии. И перед своими избирателями парламентарий ответственности не несет. Он избран "всем народом", как это звучит на языке демократическо-марксистских обманщиков, то есть строго очерченный круг избирателей установить юридически невозможно. Это положение изменится фазу, как только, как было сказано, выбор будет осуществлять точно установленный круг избирателей. С добавлением того, что назначенный главой рейха политический суд может привлечь потерпевшего неудачу министра к ответственности точно так же, как военный суд потерпевшего поражение полководца; министерская гонка станет значительно скромнее, и лишь действительно готовые взять на себя ответственность люди будут стремиться занять те посты, на которые могли нацеливаться привычные для демократии 1918 года субъекты с полной перспективой на успех и безнаказанность.

Возвращение избираемых личностей в конечном итоге к первичным выборам желательно, но при условии преодоления тезиса, которому сегодня все поклоняются, как золотому тельцу: тезиса о беспрепятственном праве свободного передвижения. Сегодня наблюдается убийственный для народа поток из села и провинции в крупные города. Города растут, портят народности нервы, рвут нити, связывающие человека с природой, привлекают авантюристов и дельцов всех мастей, способствуя тем самым образованию расового хаоса. Город, бывший центром цивилизации благодаря мировым городам, превратился в систему форпостов большевистского упадка. Неестественный,

безвольный, трусливый "интеллект" объединяется с жестоким, лишенным типа стремлением нечистокровных рабов к бунту или с закабаленными, но относящимися к чистой расе народными слоями, которые на несправедном фронте под руководством марксизма хотят бороться за свою свободу. Шпенглер пророчит 20 миллионные города и вымершую деревню как наш конец, Ратенау изобразил каменные пустыни и "жалких жителей" немецких городов как будущее, которое приведет к подневольному труду в пользу сильных иностранных государств. Побудительные причины обоих, конечно, были разными, но оба они внушали немецкому народу мысль о невозможности перемен. "Фатальный", так называется сегодня выражение слабости воли или трусости, но оно стало лозунгом тех политических преступников, которые хотят наш народ ввергнуть в нищету конечного состояния феллахов! Этим планомерно занимается пресса международного марксизма, чтобы безвольную миллионную толпу, следующую за ним, объединить в готовую к штурму массу. Слабовольные философы дают, таким образом, врагам народа "мировоззренческую" основу для того, чтобы завершить длительно подготавливавшееся разрушительное дело. (То, что Шпенглер тем не менее проповедует силу, силу и силу, представляет собой недостаток последовательности). В основе всех этих приведенных оракулских возгласов о "необратимости развития" лежит негерманский догмат навязанной веры о праве свободного передвижения и повсеместного проживания как "гаранте личной свободы". Но и это, так называемое, незыблемое учение представляет собой только проблему воли. Абсолютный отказ от "права" на свободное передвижение означает, предварительное условие для всей нашей будущей жизни и поэтому должно иметь успех, если даже такой приказ будет воспринят миллионами сначала как тяжкий "ущерб для личности". Но остается только один выбор: "добровольно" встретить жалкий конец на асфальте или "принудительно" процветать на селе или в небольшом городе. То, что выбор уже сделан в пользу отказа от права свободного передвижения, пусть даже сначала в немногих сердцах - показывает, что изменения уже начались.

Это просто неправда, что все акционерные общества, картели и т.д. "должны" объединиться в двух-трех городах и вобрать в себя весь управленческий аппарат; неправда и то, что новые фабрики "должны" всегда появляться в Берлине, чтобы привязать там новые сотни тысяч людей; неправда, что предложение и спрос, как обычно говорят, "должны" управлять жизнью. Напротив, задача истинно народного государства заключается именно в том, чтобы предпосылками к этой игре сил сознательно управляли его представители. Мировой город с его сверканием, его кинотеатрами и магазинами, биржами и ночными кафе гипнотизирует страну. Под знаком права на свободное передвижение лучшая кровь беспрепятственно течет в мировой город с отравленной кровью, ищет работу, основывает предприятия, увеличивает предложение, привлекает к себе спрос, который снова усиливает иммиграцию. Этот губительный круговорот может быть ликвидирован только при помощи строго регулируемого барьера для жителей. Не в жилищном строительстве в крупном городе, которое вызовет такой же приток, заключается спасение - оно скорее приведет к гибели - а в отмене либерального права свободного передвижения, разрушительного для народа. Свободное переселение в города с населением свыше 100 000 жителей в германском государстве непременно должно быть отменено. Деньги на строительство нового жилья следует давать только в крайних случаях, Их следует в первую очередь распределять по маленьким городам. Новые фабрики можно возводить в городах с населением 100 000 человек только в том случае, если эксплуатируемый объект находится на нужном месте (открытые заново залежи каменного угля, соли и т.п.). Современные транспортные возможности обеспечивают распределение сил (децентрализацию) всей экономической жизни не только без ущерба для нее, но даже - в конечном результате - с поддающимся расчетам подъемом. Уже только за счет

бережного отношения к расовой силе, важнейшему капиталу из того, чем мы вообще владеем. В Соединенных Штатах, где сосредоточение (концентрация) прошло высочайшими темпами, гигантские мукомольные предприятия, огромные боины, куда стекается сырье со всей страны, перегружают сеть железных дорог и увеличивают стоимость готовых товаров за счет транспортных издержек больше, чем позволил сэкономить отказ от более крупных центров вначале. Развитие скоплений пользующихся правом свободного передвижения людей и товаров вводит в заблуждение само себя. Множатся голоса, которые, не решаясь вначале коснуться безумия догмы свободного передвижения, тем не менее при чисто трезвом подходе признают естественность децентрализации. Из чисто экономических соображений они пришли к тому же результату, что и я, отталкиваясь от идеи защиты расы. (Форд, например, требует, чтобы хлопкопрядильные предприятия строили не в огромных городах, а размещали вблизи самих хлопковых полей). Фермер, который сегодня является крупнейшим производителем, не является одновременно крупнейшим продавцом. Он зависит от тех промежуточных ступеней, которые перерабатывают его продукцию, прежде чем она попадет на рынок. Он не может преобразовать ее в готовые товары на месте, а должен загружать транспорт полуфабрикатами. Это роковое развитие, которое пытается лишить корней крестьянское сословие, самую сильную опору каждого народа, сословие, которое "никогда не умрет" (*Чемберлен*), сознательно поддерживается демократией и марксизмом с тем, чтобы увеличить таким образом пролетарские полчища. Деволюция нашей нации - и любой другой - представляется только за счет сокращения наших мировых городов и основания новых центров. Говорить о внедрении оседлости и национализации посреди огромной кучи камней - это безумие. Американизация, путем "спасения" при помощи автомобилей, как это пытались сделать в Америке, означает трату сил и времени, несмотря на сокращение расстояния. Миллионы, которые ежедневно приезжают в Нью-Йорк со стороны, а вечером снова выбрасываются из него, перегружают транспорт и удорожают общую жизнь больше, чем это было бы при строгом ограничении и регулировании человеческого потока. Вместо, может быть, сотни крупных отравленных людьми центров могут существовать десятки тысяч центров, способствующих развитию культуры, если нашу судьбу будут определять головы с сильной волей, а не марксизм и либерализм. Образно говоря, наша жизнь идет все еще по одной линии: туда и обратно. В будущем должны иметь место круговорот вокруг органично расположенных центров. Если число жителей города приближается к 100 000, надо подумать об оттоке. Новым учредителям следует рекомендовать селиться в небольших местах или в сельской местности, а не в подвалах и мансардах, как это любит делать "гуманная" демократия.

Здесь нельзя думать о том, что у нас есть еще один выбор. Достаточно посмотреть затрагивающие жизненный нерв заботы Нью-Йорка, чтобы сразу понять, что на карту поставлено все. Чтобы вообще справиться с постоянно возрастающим уличным движением, день и ночь работает огромный штаб архитекторов и техников. Дело дошло до сооружения многоэтажных улиц. Под домами должны быть проложены пути для автомобилей, тротуары над ними размещены в крытых аллеях. Мосты должны быть перекинута с одной стороны улицы до другой, запланирована целая сеть мостков, проходов, проездов с постоянным искусственным освещением. Новый американский закон о трех зонах позволяет за счет наступления этажей дальнейшее развитие домов в высоту, как показывают проекты архитекторов Х. Ферриса, Р. Худа, М. Русселя, Кросселя. Целью всех этих технических стараний, показывающих полное право свободного передвижения как основу мировоззрения, является нагромождение гигантских каменных пирамид, в которых каждая человеческая жизнь должна опустеть, застыть и окончательно умереть. Эта основа мировоззрения должна быть устранена, только тогда откроется дорога для преодоления техники самой техникой. Легкость

общения создала мировой город. От этой легкости он и умрет. Полис создал греческую культуру, маленький город, средний город - каждую народную цивилизацию в Европе; расширяющийся кругозор бывшего отдельного крестьянина уловил идею государства, не потерявшись в бесконечном. Только так могло возникнуть органичное культурное образование.

Легкость общения, пресса (при подобающем управлении), радио и личное наблюдение делают сегодня возможным для каждого взрослого человека судить о делах города, число жителей которого незначительно превышает 100 000 человек. Неточности поступающих сообщений он в состоянии уточнить за счет собственных наблюдений. Деятельность муниципальных политиков в отношении благополучия государства соответствует текущим заботам тех, кто занимается промыслами, рабочих всех профессий. Здесь открыта возможность действительной оценки достижений. Для муниципальных выборов открывается, таким образом, возможность первичных выборов широкими народными массами, которые точно так же должны касаться личностей, а не списков. Предлагаются кандидаты от гильдий, союзов и Германского ордена в их местных представительствах. При этом выборщики парламента хоть и опираются на широкую народную основу, но не на безымянную массу. Для муниципальных выборов остается и избирательное право для женщин. Настроенная на конкретные личности и ищущая силу народная воля должна идти навстречу правящей воле сверху. Неограниченная монархия знала только одно направление сверху вниз, хаотическая демократия - только массовый подпор снизу вверх. Германское государство будущего, организованное силовым актом отдельных лиц, не будет поставлять создающие типы личности по настроению избирателей и в результате денежного обмана, а получит их от стоящих у власти руководителей государства и будет обновлять их состав за счет воспитания в Германском ордена. Но выборы, проводимые по схеме, дают творческим личностям беспрепятственную возможность для продвижения. Будущий рейх, таким образом, как уже говорилось, является националистическим и социалистическим, то есть он основан не на половинчатом голосовании, а на страсти, сплывающей типы, и на связанном с расой человечестве. Национализм в процветающей форме является предпосылкой и конечной целью процесса, социализм - это государственная гарантия для отдельного лица под знаком признания его единственного учения в пользу защиты расы.

Если с одной стороны это разграничение необходимо для того, чтобы преодолеть народоубийственное мировое государство, то с другой стороны следует предостеречь от стремлений отменить само государство, дабы не разделить Германию на мелкие колонии с числом жителей, не превышающим двенадцати тысяч. Представители этих заманчивых идей не видят того, что предпринимают принципиально бесперспективную попытку ввести снова не имеющую истории "природную" эпоху. Восемьдесят миллионов человек нуждаются в том, чтобы стать соответствующим идее единым целым, узловыми пунктами жизни, достаточно большими для того, чтобы дать множеству сильных личностей возможность дышать одухотворенным воздухом, но достаточно ограниченными в плане формирования, чтобы не дать им пропасть в хаосе сплоченных и все-таки раздробленных миллионов. Только в городе формируется культура, только город может стать центром созидательной национальной жизни, собрать имеющуюся энергию, сделать установку на целостность, и сделать возможным то мировое политическое обозрение, которое особенно необходимо именно Германии как государству, открытому в таком множестве направлений. Несколько центров до 500 000 и значительно более по 100 000 жителей являются, таким образом, духовной необходимостью. Причем к децентрализации всех технико-экономических учреждений стремиться следует непременно.

С сознательным отказом от либеральной "свободы" совершенно не связано само

военно-политическое стесненное положение, которое заставляет нас разбивать мировые города. Возможные в дальнейшем войны будут сильно зависеть от авиации. Целью химических и осколочно-фугасных бомб всегда будут крупные города. Чем разбросаннее будут располагаться фабрики и города, тем меньше ущерба будет от совершенных авиационных налетов. Судьба принуждает нас сегодня, как и раньше, к тому, чтобы весь народ участвовал в борьбе за свое существование. Раньше владелец замка строил стену вокруг домов своего замка, жители которых, как единое целое, должны были участвовать во всех боях. Либеральная эпоха создала профессиональную армию, граждане предоставили защиту своей жизни солдату и при этом еще нагло ругали милитаризм. С этой псевдоидиллией покончено: техника, которая соорудила когда-то прочный вал вокруг всего государства, сама его и разрушила, и восстановила древнее органичное соотношение между народом и войной. И тем самым мировоззрение и судьба совместно призывают к сокращению мирового города, к возведению городов и дорог со стратегической целесообразностью. Если раньше неприступные замки строили высоко в горах, то сейчас самое важное скрывают в бетонных бункерах под землей. Целый город из высотных домов становится нелепостью. Осознание этого также заставит сделать определенные градостроительные выводы.

Вот некоторые основные черты новой государственно-политической системы, которая сама вытекает из высшей ценности нашего народа и нашей судьбы. Из них в свою очередь следуют другие мероприятия, которые имеют чисто техническую природу и поэтому лежат вне рамок этой книги.

То, что государство можно рассматривать как поле беспланового перемещения народов, будущему поколению покажется безумием, чем-то безрассудным и самоубийственным, как и все другие требования политического либерализма.

Предстанет ли будущий рейх в облачении императорской власти, королевства или республики, никто из нас не знает. Мы не можем предугадать заранее частностей ощущения формы будущего. Императорские короны упали в пыль, республика появилась в результате деятельности, которой немцы будут еще стыдиться в течение тысячелетия. Только германская королевская идея - так это представляется - сохранила до сегодняшнего дня свой мифический блеск. Она создала органичный хребет времени, когда римская империя безгранично простиралась по всему миру. Она лежала в основе создания новой империи 1871 года. Ее и сегодня еще поддерживает родовое чувство. Рухнули 23 династии. Они не должны вернуться, чтобы Германия не подвергалась заново ужасным внутренним распрям. Земли должны закрыть свои ландтаги и распространять каждую достойную идею родовой королевской власти. Со старым понятием "кайзер" связано представление об империализме, в нем содержится только пышность и власть. Идея о короле глубже и больше привязана к земле. О своем короле скромный баварец думает так же живо, как и верный пруссак. "Кайзер" был для народа абстрактностью, "Божьей милостью". Мы достаточно сыты опереточным поведением времени до 1914 года; но тем более нам противно убожество, связанное с паразитическим карьеризмом демократии. Мы хотим видеть в германском короле такого же человека, как мы сами, но все же кроме того он должен быть воплощением героического мифа. Подобно тому, как место сверкающей островерхой каски в буре сражений занял стальной шлем, так и будущее найдет форму германского национал-социалистического руководства народом в результате рождения орденового государства, как воплощения стремления сегодняшнего поколения к будущему государству, как компенсация жертв тех двух миллионов, которые отдали свои жизни за Германию.

Из требования поставить учение о народе и расовую защиту в центр всей государственной жизни, возникает картина жизни, которая отличается от хаоса XIX

века, как день от ночи. Из бесчестного идеала торговцев вышли кроваво-красная мировая война, мировые возмущения, следствием которых было сильнейшее истощение народов. Самым спелым плодом XIX века был большевизм, самое опустошительное наступление чумы восточного духа, который со времен инквизиции посылал свои ядовитые испарения на Европу. Из внутренних перемен и возрождения поднимается ясно видимая в общих чертах картина мечты о новом государстве. Миллионы ощущают сегодня новое движение к типу и закону, связанное с землей и опирающееся на честь. Путь ясен. Оставить на нем следы является задачей вечно пульсирующей и шагающей вперед жизни. Мастер Эккехарт сказал: "В самых глубоких колодцах самая высокая вода". Германский народ в 1918 году в результате своей собственной вины упал на самое дно, и в течение пятнадцати лет его внутренние и внешние враги недостойнейшим образом мучили и истязали его. И тем не менее нашлись силы, которые достигнув глубины жизни, именно здесь заново открыли вечные первоисточники силы немецкого народа и, готовые к борьбе, несут эти ощущения и признания через бедствия времени. То, что XIX век натворил в бюргерском уюте преступного марксистского безумия и обширнейшей безыдейности, сегодняшней XX век должен исправлять посреди враждебного мира, который никогда еще не противостоял Германии в такой сплоченности.

Поэтому новая теория жизни также не представляет собой мягкую проповедь грусти, а является суровым и жестким требованием, потому что мы знаем, что теория гуманности пытается действовать в противовес природе, и что природа за это мстит, уничтожая до последнего все эти демократические и другие попытки. Сущность немецкого обновления заключается в том, чтобы приспособиться к вечным аристократическим природным законам крови и не способствовать отбору больных за счет слабости, а напротив, при помощи сознательного отбора привести к руководству волевою силу, не оглядываясь на то, что осталось позади.

При пробуждении германского прошлого мы видим сегодня перед собой, проходя по Динкельбюлю или Ротенбургу, завершенную германскую культуру, не знающую себе подобной по творческой и боевой силе. Мы знаем, что Тридцатилетняя война навсегда разрушила ощущение жизни, что XVII и XVIII века лежат между ними подобно глубоким пропастям, и что только с укрупнением прусского государства снова начала пульсировать совершенно новая жизнь. В освободительных войнах 1813 года и в их участниках мы видим проявление понятия формирования совершенно новой германской истории, и мы, люди современности, присоединяемся к вождям этих освободительных войн, как к первым основателям новой государственной идеи и нового ощущения жизни.

Мы вспоминаем о великом бароне фон Штейне, который знал только отечество, называемое Германией, и который заявлял: "К династиям в этот момент великого развития мы совершенно равнодушны; это только инструменты. Мое желание заключается в том, чтобы Германия стала великой и сильной, чтобы снова добиться ее независимости, восстановить национальность и утвердить то и другое при своем расположении между Францией и Россией. Это нельзя сохранить на пути старых, развалившихся и прогнивших форм". "Сопrotивление демократическим фантастам и княжескому произволу" Штейн обозначил, как линию своей борьбы. Это делаем и мы, подчеркивая только, что вместо демократических фантастов пришли марксистские преступники. И еще один пророк предстает перед нашими глазами, ожидая своего воскрешения: Поль де Лагарде. Никто не видит так, как он вред либералистского Второго рейха, ведущий к падению. Потрясенный, он сетовал: "Наши дни слишком темны, чтобы не предсказать нового солнца. И этого солнца я жду".

И мы чувствуем себя сегодня в безопасности, соответствуя истинно великим людям немецкой нации, довольными и сильными в безусловной вере, представляя как

германское обновление восход того солнца, которого ждал Штейн. Лагарде и многие другие, во имя чего они действовали. Мы внутренне сильны и переполнены как ни одно революционное движение Европы.

Французская революция 1789 года была лишь одним огромным крушением без творческой идеи, мы ощущаем сегодня ее гниение. Наше время перелома и признания существенных типов крови означает величайшую духовную революцию, которая сегодня сознательно берет свое начало. И эти вопросы времени ежедневно прижимают нас, и все мы обязаны заняться ими, подвести итоги духовной борьбы и включить всех пробудившихся в армию пробуждающейся Германии. Долгом и задачей каждого из нас является по-новому осмыслить новые задачи, постоянно встающие перед нацией, с почтением служить им. Тогда эта жизнь и в самом деле станет вечным блаженством.

IV

Нордическое германское право

1

Фальсификация германской правовой идеи. — Самооборона и защита чести. — "Право" на предательство страны. — Снисходительная социальная политика либерализма. — Защита интересов спекулянтов. — Безнаказанное оскорбление германского народа. — Новый закон.

В фальсификации нордической правовой идеи, признающей честь, заключается одна из глубочайших причин нашей социальной разобщенности, Чисто частнокапиталистическая римская идея "освящает" независимо от того, воплощает ли ее монархия или республика, разбойничий набег небольшой группы людей, которые лучше всего сумели проскользнуть через ячейки чисто формальной сети параграфов. При этом неизбежно культивировалось духовное обнищание, а право его защищало. Смутная неприязнь угнетенных миллионов, хоть и была фальсифицирована марксизмом, но это было более чем оправдано по сравнению с издевательством над всеми понятиями германского права, вина за которое в равной степени ложится на государство и Церковь.

Владея всей властью, "государство" хоть и издавало так называемые законы, но не во имя чести народа, справедливости и долга, а как подарок сверху, якобы из знаменитой "христианской" любви, милости, из сострадания и милосердия. Это не было ни хорошо, ни справедливо, как нас пытаются убедить многие, восхищенно оглядываясь на предвоенное время. Напротив, это было продолжение оскорбления нашей народности, которое сделал своим принципом либерализм всех форм.

То, что было начато либеральными монархами, завершил марксизм во всех своих оттенках, потому что он, несмотря на так называемую борьбу против капиталистической демократии, происходит от того же поклоняющегося материи мировоззрения, что и она. Никогда еще бесчестное "право" не имело такой власти, как после того, как неограниченную власть получили деньги. "Право" возникало везде - несмотря на свою метафизическую привязку - в результате самозащиты. Сначала в виде неприкрытой борьбы за возможность существования, за сохранение внешней свободы,

затем на службе определенным ценностям характера. Атака на честь отдельного лица стала исходной точкой юридически признанной личной обороны. Эта самозащита была затем распространена на сохранение интересов и чести клана. И только постепенно появились более крупные объединения - Церковь и государство - с тем, чтобы заменить самозащиту в угоду обществу, воплощаемому епископом или королем, общепринятым судом. По германским понятиям это вмешательство в частную жизнь может быть оправдано только в том случае, если оно представляет собой защиту чести. Церковь отклонила эту первичную идею нордического Запада или же против своей воли приняла частично. Наше действующее право до сегодняшнего дня знало только так называемое "сохранение справедливых интересов", причем безразлично, имеют ли эти интересы честный характер или сомнительный. Естественным шагом от защиты чести отдельного лица к защите клана могло бы быть провозглашение защиты чести народа. Но именно здесь мы стоим, может быть, перед страшнейшим аналогом падения характера, которое началось давно, но только сейчас стало известным, как никогда прежде. Во всех "германских" законах нет ни одного определения среди тысяч, которое бы устанавливало наказание за оскорбление чести народа! Поэтому могло случиться, что имя и авторитет германского народа может кто угодно безнаказанно осквернить. Берлинские евреи называли "Германию" - символ немецкой культуры - проституткой, а весь народ - "вечным бошем", "нацией конторской падали, серой массой избирателей и убийцами"... Ни один прокурор до 1933 года пальцем не пошевелил, чтобы посадить этих людей в тюрьму. Напротив, люди, которые называли этих евреев негодьями, бесцеремонно наказывались за "оскорбление".

Из этого положения дел вытекало все дальнейшее, гротескное, сумасбродное, чем так богато наше время. Заведомых изменников родины не отправляли ни в каторжную, ни в простую тюрьму, а "наказывали" почетом. Пацифистские взгляды открыто приводились германскими судьями как смягчающие обстоятельства, в то время как людей, покрытых сотнями ран, и в тяжелейшее время борьбы уничтожавших оплаченных шпионов, приговаривали как участников расправы по приговору тайного судилища к смерти или пожизненной каторге. Тому, кто наносит народу вред, оказывают почести, а у борца за народ пытаются отнять честь. К таким ужасным результатам может прийти бездушная "юстиция", потому что ей не хватает критериев в отношении интересов и чести народа. Германское понимание права признает за каждым представителем народа право словом и делом представлять честь нации, в том числе и путем самозащиты действием, если обстоятельства не позволяют обратиться в суд. Признавать пацифистские взгляды изменников родины смягчающими вину обстоятельствами, значит уравнивать в правах труса с храбрым человеком. Поэтому совершенно оправдана постановка, в конце концов, следующего требования: "Каждый немец или проживающий в Германии неемец, виновный в оскорблении немецкого народа словом, письменно или действием, наказывается в зависимости от тяжести случая тюрьмой, каторжной тюрьмой или смертью".

"Немец, который совершает указанное преступление за пределами рейха, если он не предстает перед судом, объявляется бесчестным. Он теряет все гражданские права, навсегда изгоняется из страны, объявляется вне закона. Его состояние конфискуется в пользу государства".

В практике пользования правовой идеей, возможно, лежит мощная типобразующая сила, но также и сила типоразрушающая. Если взгляды философского или религиозного характера часто далеки от жизни, то ежедневное существование требует постоянного практического участия регулирующего закона. В зависимости от высшей ценности народа, государства или другого правового представительства определяется, формируется или разлагается поведение граждан и стиль мышления. Идея чести и верности была основной чертой германского нордического права, которая

действовала и за пределами Германии в плане строительства народа и государства. Идея римского права гарантировала только настроенный на личный характер капиталистического времени. Бесчестная идея иудаизма - воплощенная в Талмуде и Шульхан-арухе - создавала разлагающий элемент всегда там, где еврей мог стать "представителем права". Один только факт, что среди "наших" сегодняшних адвокатов действует такое чудовищное число евреев, и действует "успешно", доказывает любому думающему человеку, что немецкое право у нас отобрали.

2

Древнегерманские понятия чести как правовая мысль. — Саксонское зеркало. — Проникновение римского права. — Крестьянские войны как обоснованное возмущение; Лютер. — Рыцарское сословие как "профессиональный союз". — Корпус юрис каноники. — Право лангобардов, саксонское право, любекское право.

На рыцарское понятие чести я уже указывал в начале. Но оно выступает нам навстречу во всех правовых документах германского человека во все времена как вечный миф нордической расовой души. Способность пожертвовать своей жизнью ради идеи исландские саги рассматривают как сущность нордического мужчины. Это благо защищалось жертвованием всех других благ. Сначала каждым персонально, затем через представительство общества, воплощенного в судье, и основывающемся также на понятии чести. "Лучше защищать свободу с оружием, чем запятнать ее уплатой процентов", - сообщает Паулюс Диаконус о взглядах лангобардских королей. Достойный уважения Заксеншпигель заявляет: "Имущество без чести не следует считать имуществом. Не имеющее чести тело обычно по праву считают мертвым". "Прав" по германским понятиям был только тот, чья честь была неприкосновенна; после 1918 года "прав" был тот, у кого было больше денег, даже если он был величайший негодяй. "Остальной народ, который принимает имущество за честь", по городскому праву Шт. Пельтена считался неспособным занимать гражданские посты. "Цехи должны быть настолько чисты, как если бы они были собраны из голубей", - говорили ремесленники прошлого. "Где верность, там и честь", - говорит Заксеншпигель, а слова Шиллера о недостойной нации, которая не все ставит на честь, является выражением той души, которая тысячелетиями творила в нашей жизни, пока чужое право не заполнило эту жизнь чужой, еще не преобразованной религией и римской государственной идеей.

Чуждые народу имперские доктора внедрили в германские кланы чужое право и бесчестные идеи. Они действовали как неприкрытые слуги господствующих церковных и римско-государственных властей. Уже Гейлер фон Казерберг жалуется на "болтунов", "которые своей болтовней вредят общему делу" и заботятся только о своих собственных делах. В 1513 году появилось его стихотворение "Чужеземная порода", которая сознательно объясняет потерю германской свободы римским правом. Ульрих фон Гуттен со своей стороны указывает (в беседе "Разбойники") на Нижнюю Саксонию, которая в своем праве обходится без новых докторов. Для Германии было лучше, когда право еще заключалось в оружии, а не в книгах. Так первой и до сих пор единственной социальной германской революцией, полностью оправданной по своей сущности, было крестьянское возмущение в начале XVI века против римской кабалы в ее троекратной форме в виде Церкви, государства и несправедного суда. Сегодня, в начале XX века нравственно-духовная революция продолжается. И будет продолжаться до окончательной победы!

Фальсификация древнегерманского права в пользу "законных" церковных и светских тиранов было причиной социального насилия XV века. Крестьян, которые указывали на свои древние права, осмеивали и отправляли домой. Точно также

указание "Башмака" на то, что это закабаление "не соответствует слову Божьему" так же мало имело воздействие на римских прелатов, как и на римских докторов у князей. Так, начиная с 1432 года, возникают крестьянские восстания против юнкеров и епископов, но также и против расплодившихся еврейских ростовщиков, которые бежали в города под защиту несправедливой власти. В 1462 году архиепископ Зальцбургский ввел чудовищные налоги, и когда измученный народ поднялся против него, на помощь ему поспешил герцог Людвиг Баварский, чтобы разгромить крестьян. В 1476 году появился первый "социалист" - Иоганн Бём, который требовал экспроприации князей и прелатов. С огромным войском он хотел выступить из Никласхаузена, но был арестован, похищен и сожжен в Вюрцбурге. Удивительно, что параллельно этим социальным боям проходило мистическое движение бегардов, в котором когда-то принимал участие мастер Эккехарт. Всюду поднимались угнетенные слои нашего народа против враждебных форм мышления, религиозного одурманивания, низких нарушений закона. "Башмак" и "Бедный Конрад" прошли под руководством лучших рыцарей (Флорин Гейер) по немецкой земле. Но насилие, совершаемое долгое время угнетенными массами, усмирить было невозможно. Сжигая и грабя, дикие толпы топтали все, что попадалось на их пути. Лютер - чтобы защитить свою реформацию от социальной борьбы - встал на сторону крупных княжеств и лишил стихийную силу крестьянского движения ее преимуществ. Так без великого вождя было разгромлено возмущение немецких крестьян, которое было умеренным и основывалось на нравственных устремлениях, требовало в своих двенадцати тезисах многое из того, что сегодняшняя программа обновления снова вынуждена требовать, но к чему руководители Церкви и государственной сущности в то время так же мало прислушивались, как и в XIX веке, когда бесчестная мировая экономика снова "законно" закабалила миллионы.

Когда-то действие идеи товарищества было сильнее римско-государственной. Во главе этой создающей общество силы в раннем средневековье стояло рыцарство. Образованный им ленный союз представлял собой в переводе на наш язык первый немецкий профсоюз. Этот "профсоюз" и был тем, что удерживало всю империю от распада, именно он, а не римская Церковь, как это хотели представить нам фальсификаторы истории. За рыцарским "профсоюзом" последовали союз городов, гильдий, объединения деревень и судов, сельские общины. Это было полнокровной немецкой правовой сущностью, которую следует рассматривать как первый знак утверждения нашей жизни, когда с XIII века начало действовать церковное право *corpus iuris canonici*, которое как раз во время мировой войны 1917 года было обновлено и объявлено принципиально неизменным.

В соответствии с ним это так называемое "божественное право" не может быть изменено на основании обычаев и ни при каких обстоятельствах. Наряду с "божественным", неизменным правом существует изменяемое низкое право. И оно изменяется при заверении Церковью. Народ в этом участия не принимает. "Народ молится, служит, кается". "Божественное" право - это неограниченная власть папы, епископа, причастия. Как видно и здесь, Рим последователен и высасывает из мифа о представительстве Бога последнюю каплю меда.

Если представить, насколько плодотворным и животворным было когда-то древнегерманское право, тем более можно это ограничение истинных творческих сил немецкого народа оценить во всем их губительном объеме.

В 643 году появилось лангобардское право короля Ротариса и создало большое число процветающих правовых школ с центром в Павии. Основные правовые законы более поздних союзов между городами Ломбардии и в Германии восходили к этому творению лангобардов. Франки, Алеманы и т.д. при своих перемещениях несли с собой и свои понятия о праве и вытесняли древнеримское право. Более поздние примеси в

крови франков и баварцев снова способствовали появлению древнеримского права. "Великая" французская революция означала уничтожение германских составных частей и понимания права. С тех пор "Франция" получила еврейско-римское предопределение. Саксонское право создало Англию. Норманнское право послужило основой древнерусского государства. Германское право создало жизнь и обычаи в восточных поселениях рыцарского ордена, в дальнейшем - в Ганзе. Основным закон немецких городов сформировал муниципальную сущность даже на Украине. Любекское право знали и культивировали в Ревеле, Риге, Новгороде. Магдебургское право создало фундамент польского государства.

Оно было связывающим звеном, которое продолжало действовать в плане образования типа даже тогда, когда польское государство распалось в результате антиреформации и пошло навстречу своей гибели.

3

Право и политика. — Право и несправедливость как расовая проблема. — Формалистическая юстиция. — Бесчестная экономика без правовой идеи. — Защита расы как высший правовой принцип. — Сущность наказания за бесчестный проступок.

В течении столетий идет спор о том, следует ли ставить право выше политики или политику выше права, т.е. должна ли преобладать мораль или власть... Пока существовали поколения дела, власть всегда побеждала бесконечные принципы. Но если эпохой вместо формирующего закона управляло поколение сытых и эстетов, то боевым кличем было постоянно "народное право" и "нравственные принципы", за которыми, однако, чаще всего прячется не что иное, как великая трусость. Даже там, где этого не было (Кант), вопрос о праве и политике ставился неправильно. До сих пор оба понятия рассматривали как два существующих сами по себе почти абсолютных единства, а затем в зависимости от характера и темперамента давали свои оценки желательному соотношению между ними. Зато забыли, что они - право и политика - являлись не абсолютными сущностями, а только определенными действиями людей с определенными задатками. Обе идеи с точки зрения преобладания народного к стоящему над ними политикой и правом относятся к принципу, который должен управлять ими как с точки зрения внутригосударственных, так и внешнегосударственных отношений и, в зависимости от возможности применения на службе более высокому, вводится в структуру жизни.

Старый индийский правовой принцип из нордического доисторического времени гласит: "Право и несправедливость не ходят взад и вперед, говоря: вот мы. Справедливо то, что справедливым считают арийские мужчины". Это дает понять, что право так же мало представляет собой не связанную с кровью схему, как религия и искусство, что оно навеки связано с определенной кровью, с которой оно появляется и с которой оно уходит. Если теперь политика означает в лучшем смысле истинно государственную внешнюю безопасность с целью укрепления народности, то "право" нигде ей не противостоит, если оно понимается в правильном смысле как "наше право", где оно является служащим, а не правящим элементом внутри архитектурного целого народности. Как наши искусствоведы смотрели на Элладу только как на образец художественности, а не как на органичное образование, так и наши правоведы смотрят на Рим. Они тоже просмотрели тот факт, что римское право было порождением римского народа и не могло быть позаимствовано нами, потому что оно было соотнесено с другой высшей ценностью, отличной от нашей. Общественный и военный типаж Рима породил в качестве эквивалента чисто индивидуалистский основной закон. Pater familias, распорядившийся жизнью и смертью членов клана, является аналогом

римской объективизации понятия собственности, выдвигаемой на первое место. В римском основном законе одновременно заключается канонизация индивидуалистского капитализма. Экономическая индивидуальная сущность становится высшей ценностью, которой позволено защищать свои "обоснованные интересы" почти всеми средствами, не задумываясь о том, не терпит ли ущерб честь народа при обосновании этого экономического понятия "я".

Конечно, древнеримское право, имеющее за счет обычного типажа неписанные границы, не может нести ответственность за позднеримские кровосмесительные явления (которые, впрочем, имели некоторые родственные лангобардские элементы), которыми нас одарили римское государство и римская Церковь с тем, чтобы "законно" завершить закабаление свободных народов. Потому что, в результате одного только получения неограниченного частно-капиталистического правового принципа, не имея возможности действительно заново прожить всю древнеримскую жизнь, он был вырван из органичного государственного здания, которое служило ему системой опорных балок, получил другую действительность (функцию), и кроме того, функция эта стала абсолютным критерием. Из противоположности к обычно застывшему типу безудержность стала законом. Этот факт до сих пор пытаются завуалировать формальностями. "Люди никогда не приумножили бы наследие человечества за счет идеи самостоятельного, равноценного государству права, если бы они не поддержали с энергичной субъективностью противоположность *ius singulorum* и *ius populi*. Здесь суверенитет единой и неделимой государственной власти, там суверенитет индивида, - такими были мощные рычаги римской правовой истории"¹¹¹. Так О. Гирке удачно охарактеризовал форму римской полярности жизни. Тысячи параграфов воспринимаются современным индивидуалистическим обществом как камни, которые существуют для того, чтобы их обошли. Это естественно, потому что в силу того, что безудержный экономический индивидуализм, "право" представляется и применяется без ссылки на расу и народ, так как и учение о народе не является определяющим центром, то и пути к экономической цели оцениваются с формально-юридической точки зрения, а не с точки зрения нордическо-германского осознания чести.

Многие, испугавшись возможности этих вещей стать достоянием общественности, пытались спастись тем, что стали требовать "независимости права" от партийной, денежной и прочих властей. Но при этом они не замечают, что эта, так называемая свобода, т.е. отрыв от формирующего центра обязана именно сегодняшнему состоянию бесправия. И все это потому, что политика, как было сказано, понималась как победа чисто формального государственного авторитета, а не как достижения на службе народу и его высшей ценности.

Право и государство находились над нами как два других наслоения, как религия, искусство и наука. Их пустое выражение власти возбудило революционные силы. Сначала силу отчаявшихся социально угнетенных. Сегодня, наконец, и революционную силу нордической германской расовой души, у которой отняли ее высшую ценность.

Это важный факт, который, конечно, затемнен правовыми компромиссами, представленными, например, в германском гражданском кодексе (в котором снова добились признания лишь некоторые черты древнегерманского правового сознания).

Если связать выводы из этого опыта с высказанными вначале, то получается (сначала во внутригосударственном понимании), что право и политика представляют собой лишь две разные формы выражения одной воли, которая стоит на службе нашей высшей расовой ценности. Первым долгом судьбы является принятие решения в защиту

---

¹¹¹ "Социальная задача частного права". Берлин, 1889 г. С. 6.

учения о народе от любых нападков, а обязанность политики - всецело проводить такое решение в жизнь. В другом случае долг политики - как законодательной и исполнительной власти - заключается в том, чтобы издавать только такие законы, которые в социальном, религиозном и общем плане формирования планов служат высшей ценности нашего народа. В этом судья имеет право совещательного голоса.

Идолом XIX века была экономика, прибыль. Все законы были сориентированы на этот принцип, вся собственность стала товаром, все искусство - предметом торговли, религия в колониях и языческая миссия - пособниками торговцев опиумом и спекулянтов бриллиантами или владельцев плантаций. Напрасно национальная идея боролась против рассеивания нашей жизни, свойственной расе. Она была слишком слаба, потому что была не всеохватывающим мифом, а только считалась ценностью у других. Далеко не высшей ценностью, часто в качестве удобного вспомогательного средства для эксплуатации. Так и право стало продажной девкой экономики, т.е. страсти наживы, денег, которые определяли политику. "Германская" демократия ноября 1918 года означала победу самой грязной спекулятивной идеи, которую до сих пор знал мир. Если сегодня мы представляем закон в том виде, как он был намечен с самого начала, то это означает сознательное наступление на сущность всех современных демократий и их большевистских отпрысков. Это означает замену бесчестного понятия товара идеей чести и требование полного воцарения народного над всяким интернационализмом. Этой идее в равной степени должно служить все: религия, политика, право, искусство, школа, общественная наука.

Из требования защиты чести народа следует, как самое главное, жесткое осуществление защиты народа и расы.

Это признание духовного показателя совпадает полностью с духовной сущностью различных описаний германского основного закона. Говорят ли, как Гирке : "Мы не можем отказаться от великой германской идеи единства права, не отказавшись от нашего будущего"¹¹²; хотят ли вместе с М. Ботт-Боденхаузенем на место древнего понятия, на место объединений поставить функцию, динамику¹¹³, все, тем не менее, сводится к тому, чтобы через вещи, товары, деньги установить внутренние связи между правом и долгом. Вопреки рациональному методу разобщения этот вид создания права представляет собой волевою, нравственно объединяющую деятельность. Не неприкосновенное право владельца на вещь, собственность одобряет немец (вопреки §903 Германского гражданского уложения), а только влияние этого обладания собственностью. Внедренность в органичное целое, идея долга, живое отношение, все это характеризует германский основной закон и все это соответствует волевому центру, поддержание чистоты которого мы называем защитой чести.

Ни один народ Европы не является единым с точки зрения расы, в том числе и Германия. Согласно новым исследованиям мы предполагаем пять рас, которые обнаруживают заметно разные типы. Теперь нет сомнения в том, что истинным носителем культуры для Европы в первую очередь была нордическая раса. Ее кровь дала нам великих героев, художников, основателей государств. Они строили прочные замки и святые кафедральные соборы. Нордическая кровь сочиняла стихи и создавала те музыкальные произведения, которые мы почитаем нашими величайшими откровениями. Нордическая кровь сформировала прежде всего и германскую жизнь. Даже те круги, где она в чистоте составляет лишь незначительную часть, имеют от нее свой фундамент. Немецкая раса является нордической и оказывала влияние в плане

---

¹¹² "Социальная задача частного права". Берлин, 1889 г. С. 12.

¹¹³ "Формальное и функциональное право". 1926 г.

создания культуры и типа на все западные, динарские, восточно-балтийские расы. И преимущественно динарский тип часто оказывается внутренне сформированным в нордическом плане. Это выдвигание нордической расы не означает сеяния "расовой ненависти" в Германии, напротив, оно означает осознанное признание полнокровного цементирующего средства внутри нашей народности. Без этого цементирующего средства, которое сформировало нашу историю, Германия никогда бы не стала Германской империей, никогда не появилась бы германская поэзия, никогда бы идея чести не овладела правом и жизнью и не облагородила их. В тот день, когда нордическая кровь иссякнет, Германия распадётся, погибнет в лишенном характера хаосе. То, что многие силы работают в этом направлении, обстоятельно обсуждалось. При этом они в первую очередь опираются на альпийский нижний слой, который, не имея собственной ценности, несмотря на германизацию, остался, по существу, суеверным и рабски настроенным. Теперь внешняя связка древней идеи империи распалась. Эта кровь вместе с другими кровосмесительными явлениями двинулась, чтобы стать на службу вере в колдовство или к безоговорочному демократическому хаосу, провозглашаемому в паразитическом, но инстинктивно сильном иудаизме.

Если германское обновление хочет воплотить в жизнь ценности нашей души, оно должно сохранять и укреплять материальные предпосылки этих ценностей. Защита расы, расовый отбор и расовая гигиена являются необходимыми требованиями нового времени. Расовый отбор в плане наших глубочайших поисков прежде всего означает защиту составных частей нордической расы нашего народа. Первым долгом германского государства является создание законов, соответствующих этому основному требованию. И снова Ватикан предстал злейшим врагом культивирования ценного и защитником сохранения и распространения самого низменного. И против серьезной католической евгеники папа Пий XI в начале 1931 года в своей энциклике "По поводу христианского брака" сказал, что было бы неправильным как-либо нарушать физическую целостность людей, готовых к вступлению в брак, которые предположительно могут дать только неполноценное потомство. Потому что каждый имеет право распоряжаться своими членами и должен использовать их согласно "их естественному назначению". Это диктует как разум, так и "христианское учение о нравственности", и светская власть не имеет никакого права через это перешагивать. Предоставление возможности беспрепятственного разведения идиотов, детей сифилитиков, алкоголиков, сумасшедших как "христианской нравственной теории" - это, несомненно, вершина противоестественного и антинародного мышления, которое и сейчас многие, вероятно, считают невозможным, и которое в действительности представляет собой не что иное, как неизбежное влияние той хаотической в расовом плане системы, в качестве которой выступила сирийско-африканско-римская догматика. Таким образом, каждый европеец, желающий видеть свой народ физически и духовно здоровым, выступающий за то, чтобы идиоты и неизлечимо больные не инфицировали его нацию, согласно римской теории должен предстать как антикатолик и как враг "христианской теории нравственности". И он должен выбирать, будет ли он антихристом, или основатель христианства действительно представляет разведение всех неполноценных видов как догму, как этого так смело требует его наместник. Итак, кто хочет здоровую и духовно сильную Германию, тот должен со всей страстью отвергнуть эту папскую энциклику, исходящую из культивирования недочеловеков и вместе с ней основы римского мышления, как противоестественные и враждебные нашей жизни.

Въезд в Германию, который раньше оценивался по вероисповеданию, а потом регулировался на основе еврейской "гуманности", следует осуществлять в будущем с нордически-расовой и гигиенической точек зрения. Получение прав гражданства согласно этому для скандинава не составит трудностей; притоку же мулатизированных

элементов с юга или востока должны быть поставлены непреодолимые преграды. Людям, пораженным болезнью, оказывающей влияние на будущее потомство, следует запрещать длительное пребывание в нашей стране или при помощи врачебного вмешательства лишать способности к размножению. То же самое относится к преступникам-рецидивистам. Браки между немцами и евреями следует запрещать, пока вообще евреям разрешается жить на немецкой земле. (То, что евреи теряют права гражданства и получают новое, подобающее им право, разумеется само собой). Сексуальные отношения, изнасилование и т.д. между немцами и евреями в зависимости от тяжести случая следует наказывать конфискацией имущества, выдворением из страны, заключением в каторжную тюрьму или смертью. Государственное право гражданства не является подарком с колыбели, а должно быть заслужено. Только исполнение своего гражданского долга и служба народу имеет следствием получение этого права, которое должно происходить так же торжественно, как сегодняшняя конфирмация. Только если что-то принесено в жертву, за него будут готовы пойти на бой.

Это последнее распоряжение почти автоматически поставит на передний план те расовые элементы, которые органично более всего способны служить высшей ценности нашего народа. Достаточно того, чтобы мимо вас прошло несколько рот нашего вермахта или штурмовых отрядов, чтобы увидеть в деле эти приходящие из подсознания героические силы. Но чтобы оградить их от нового предательства с тыла, нужно позаботиться о его чистоте.

В одном из приговоров венского суда в обосновании его смягчения было сказано, что обвиняемый, главным образом, находился в окружении коммерсантов, поэтому его обман следует рассматривать как менее тяжелый. Это было сказано совершенно искренне. Нордическая идея прежних лет строго отделять бесчестные действия от других поступков, в демократической безрасовой правовой жизни так же исчезла, как и в безрасовой политике и экономике. Последние остатки, правда, продолжают жить в отказе от почетных прав на определенное время или пожизненно. Эти создающие ценности остатки являются также последними типобразующими и сохраняющими народ силами, которые, однако, почти истощены. Под знаком демократии даже с продажными министрами обходились как с почитаемыми людьми, тех же, кто называл их негодьями, сурово наказывали. Это происходило во имя защиты государства. Уже только на этом примере видно, что это было за "государство". Новый германский закон снова введет оценку, делающую различие между честным и бесчестным, которая ужесточит наказание за бесчестные проступки. Только таким образом может снова возникнуть тип немецкого человека.

4

Сущность труда и собственности. — Схематическое и родственное мышление. — Собственность как завершенная работа. — Забастовка и увольнение (локаут). — Границы и вечная ценность понятия собственности. — Марксистская фальсификация этой идеи.

Наказание - это не средство воспитания, как нас пытаются убедить наши апостолы гуманности. Наказание - это и не месть. Наказание - это (здесь речь идет о наказании за бесчестные проступки) просто выделение чуждых типов и чужеродной сущности. Поэтому наказание за бесчестные проступки должно автоматически повлечь за собой потерю нравственных прав гражданства, в более тяжелых случаях - пожизненное выдворение из страны и конфискацию имущества. Человек, который не признает народность и учение о народе как высшую ценность, лишает себя права быть защищаемым этим народом. То что за предательство по отношению к народу и к стране

следует каторжная тюрьма или смертная казнь, разумеется само собой.

Немец имеет, как уже много раз было сказано, роковую особенность как наследство гуманизма и либерализма: рассматривать большинство проблем не в связи с кровью и землей, а чисто абстрактно, как будто определения понятий существуют "сами по себе", и что все дело в том, чтобы найти более или менее растяжимое определение для программы самой яростной борьбы. Типом такого абстрактного "правового" философа демократического толка был, например, Карл Христиан Планк, который и во время германо-французской войны пытался выяснить только, обладает ли Германия правом отстаивания своей жизненной необходимости. В результате долгих философских рассуждений он пришел к заключению, что Германия должна отказаться от национальной идеи, потому что эта идея "провокационно" действует на соседей. Но то, что националистическая волна соседних государств должна и в Германии привести к оправданному появлению защитной реакции, "правовому" философу Планку и всем его последователям до Шюккинга и Фридриха Вильгельма Фёрстера в голову не пришло. Практически же в результате этого бескровного схематизма получилось то, что у немецкого народа урезали его жизненные права в пользу национальной воли других народов. То, что получило внешнеполитическое значение, в равной степени прошло и во внутривнутриполитическом плане. Въезжающим восточным евреям с точки зрения чисто абстрактного "права" были предоставлены права, которые не только ничего общего не имели с настоящими правами немецкого народа, но и противоречили им. И дело, естественно, дошло до того, что из абстрактного права возникло преимущественное право евреев по отношению к немцам.

Тем же способом, каким демократические псевдомыслители боролись за "право", убежденный социал-демократ боролся против "капитала". Снова объектом спора для миллионов стало лишенное крови понятие, вернее голое слово. При этом было ясно, что между капиталом и капиталом существовали существенные различия. Бесспорно то, что капитал необходим для любого предприятия, и только спрашивается, в чьих руках этот капитал находится и какими принципами он регулируется, управляется или контролируется. Это имеет решающее значение, и крики против "капитала" оказались сознательной дезинформацией демагогов, которые под понятием враждебного народу капитала понимали продуктивные средства и природные богатства, зато упустили из виду свободный международный ссудный капитал.

Если бы сознательному немецкому социал-демократу было ясно, что все дело в том, чтобы этот свободный, легко перемещаемый из одного государства в другое финансовый капитал путем вмешательства власти привязать к государству и народу, тогда борьба против настоящего разрушающего капитализма проводилась бы в нужной форме. Он же пошел, одурманенный фразами, за еврейскими демагогами и позволил сделать себя в результате разрушения капитала, связанного с землей, поборником разрушающего народ международного финансового капитала.

Причина этой трагической катастрофы снова заключалась в том, что немец слишком легко принимал общие пустые понятия за факты и был готов отдать свою кровь за фантомы.

И в политических кругах до сегодняшнего дня не полностью освободились от таких лишенных крови противопоставлений. Некоторые писатели заявляют, что сегодня "капитал" или "собственность" господствует над "трудом", и что, следовательно, в плане "вечной справедливости" стремления любого справедливого человека и патриота должны быть направлены на то, чтобы поднять труд как мерило ценности над собственностью. В таком абстрактном понимании противопоставление так же несостоятельно, как и абстрактные философские исследования в отношении "права" и социал-демократическая борьба против абстрактного капитала. И здесь следует различать между собственностью и собственностью. В настоящем, истинном

смысле (в смысле принадлежности) собственность - это не что иное, как воплощенный труд. Потому что любое, действительно творческое достижение труда, неважно в какой области, - это не что иное, как создание собственности. (Выше этого поднимается лишь таинственный гений, который вообще не поддается оценке.) Неистребимо проникло в человеческую душу стремление поднять результат своего труда над удовлетворением ежедневного бытия таким образом, чтобы после того, как уляжется мгновенный порыв, осталась собственность. И точно так же, как по необъяснимому порыву человек хотел бы продолжиться в своих детях, он стремится оставить свою собственность в наследство будущему, своим потомкам. Если бы такое стремление не было бы свойственно человеку, он никогда бы не был изобретателем, первооткрывателем, он никогда не был бы творцом. Это чувство личной собственности точно так же распространяется на произведения искусства и научные труды, которые возникли от избытка формирующих сил и не представляют собой ничего другого кроме собственности, полученной на основе избытка рабочей силы и избытка трудового достижения. Бороться же против собственности как понятия, таким образом, -это, по крайней мере, бессмысленно. В практическом плане такая борьба приведет к таким же результатам как и социал-демократическая борьба против "капитала".

Конечно, существует и другая собственность, которая представляет собой не результат творческого труда, а использование этого труда в биржевых сделках на курсовую разницу или в лживой службе информации. Здесь также создается совершенно практический критерий оценки происхождения собственности. Таким образом, следует не вести борьбу против "собственности" как таковой, а добиваться обострения совести, осознания чести и понимания долга в соответствии с ценностями германского характера и способствовать победе этой позиции.

Что же касается труда, то само собой разумеется, что любое занятие, поскольку оно включается в рамки германского сообщества, достойно той же чести, и Адольф Гитлер здесь несколько раз четко очерчивал единственный критерий для трудящегося человека: степень незаменимости человека внутри всего народа определяет оценку значения его труда. То, что и здесь возникает степень значимости, само собой разумеется; но отсюда следует, что труд сам по себе не может быть противопоставлен собственности самой по себе как противоположность. Напротив, противопоставление осуществляется в разграничении между собственностью и собственностью и между трудом и трудом, между талантом и талантом. Мы должны заботиться о том, чтобы добытую нечестным спекулятивным путем "собственность" государство конфисковывало или отбирало в виде налогов, а собственность, представляющую собой воплощенный труд, признавало неприкосновенной как вечный стимулирующий культурный фактор. И при различии между трудом и трудом следует также создавать стимулирующий момент тем, что в расчете на оценку значения в пользу всего народа каждый будет стремиться к тому, чтобы распространить успехи труда индивида по возможности на более широкие круги. Затем это примет форму основной точки зрения, с позиции которой ни один будущий немец не должен подходить к проблемам работы, собственности, спекуляции и капитализма. Везде следует уважать кровь и все, что связано с народом, как способствующее движению вперед, а не слово, не пустое понятие.

То же самое относится к анализу экономической борьбы внутри народной целостности. Забастовка и локаут взаимно обуславливают друг друга. Если разрешено одно, нельзя запрещать другое. Если промышленник имеет право отказать в возможности получить работу, то и рабочий имеет такое же право забрать у него свою рабочую силу. И в частности, организовано, потому что только тогда обе стороны будут иметь соотношение 1:1.

Забастовка и локаут в своей сегодняшней форме являются детьми либералистской

идеи. Первая ничего общего не имеет с социализмом, второй - ничего общего с национальной экономикой. Обе части исходят из понятия "я" или класса и их интересов, без учета народной целостности. Прежняя служба третейских судей социалистического министра была посмешищем и только показывала, как безнадежно безыдейно использовался государственный аппарат. Существовало даже опасение, что здесь будут приняты диктаторские меры, потому что это обуславливало понятную ответственность демократического государственного министра труда. Но это доказало тогда меру нашей беспомощности перед мировым капиталом без возможности завуалировать этот факт и переложить вину на чужие плечи. Этого финансовые марксисты боялись по очень понятным причинам.

В результате немецкая творческая нация стала жертвой трех факторов: промышленности, подстрекаемых ремесленников и беспомощного министерства демократического и социал-демократического толка.

Ответственными за великий кризис были наши прежние правительства и партии, на которые они опирались: то есть весь рейхстаг.

Предприниматели, завод и рабочие - это не индивидуальности сами по себе, а члены органичного целого, без которого все они в отдельности ничего не будут значить. Поэтому в силу необходимости свобода действий как предпринимателя, так и рабочего были ограничены настолько, насколько этого требуют общие интересы народа. Поэтому могут наступить времена, когда стачка и локаут будут запрещены. Однако это может произойти только если вступающая в действие правительственная власть сама не вышла из чисто заинтересованных групп. Но отсюда следует далее, что парламентаристская смесь экономического индивидуализма и партийной политики была раковой опухолью нашего проклятого существования до 1933 года, что поэтому социальный вопрос никогда не мог быть услышан социал-демократией, еще меньше коммунизмом, который всю жизнь хотел поставить с ног на голову, объявив часть целым, и еще в меньшей степени его могли услышать и принять во внимание те "национальные" экономические мощности, которые отказали уже в 1917 году, а сегодня представляются еще более бессильными. "Социальным вопросом я не занимался никогда, главное было, чтобы дымили трубы", - сказал Хуго Штиннес 9 ноября 1918 года господину фон Сименсу. Так "думает" и сегодня еще часть германской тяжелой промышленности, которая так же культивировала классовую борьбу "сверху".

Так умирают, если смотреть с этой стороны практической жизни, на наших глазах в страшных муках старый псевдонационализм и старый псевдосоциализм. Оба были и сейчас остаются противоестественно связанными с "экономической демократией", отравлены ею, и противоядием для них могут быть только новый национализм и новый социализм, которые обеспечат готовность новой государственной идеи органичной в расовом плане.

Сущность, послужившая основой для таких взглядов, которые не противостоят напрямую ни бюргерско-либералистским, ни марксистским догмам, представляет собой древнее, сегодня утратившее свое значение германское ощущение права. Если римское право рассматривает только формальную сторону собственности, выделяет эту собственность, так сказать, как дело особое из всех отношений, то германское понимание права вообще не знает этой точки зрения, а знает и признает только отношения. Отношения в плане обязательств между частной собственностью и собственностью общественной, которые придают характеру собственности смысл справедливой собственности. В этом месте наступает, наверное, самое глубокое отравление социалистической идеи. Наряду с тремя огромными опустошениями благодаря марксизму, а именно благодаря учению об интернационализме (который подрывает народную основу всякого мышления и ощущения), благодаря классовой борьбе (которая должна разрушить нацию, т.е. живой организм, подстрекая одну часть

к мятежу против другой) и благодаря пацифизму (который должен завершить это разрушительное дело путем оскопления во внешней политике), в качестве четвертого и наверно самого глубокого подтачивания появляется разрушение понятия собственности, которое наитеснейшим образом связано с германской личностью вообще. Когда-то марксизм подхватил брошенное Пруденом слово: "Собственность - это кража", и провозгласил это как принцип борьбы против частной собственности, как лозунг против так называемого капитализма. Этот внутренне лживый лозунг (понятие кражи вообще не может существовать, если нет идеи собственности) привел всех демагогов в марксистское руководство и исключил из него всех честных людей. В итоге получилось так, как должно было получиться: при марксистском господстве с 1918 года не собственность была объявлена кражей, а совсем наоборот, величайшие кражи были признаны законной собственностью.

Этот факт показывает в ярком свете, что скрывает в себе понятие собственности.

Безыдейное бюргерство упрекает германское движение обновления во враждебности по отношению к собственности, потому что оно предусматривает возможность экспроприации в случае необходимости во имя национального государства. Так даже обворованный инфляцией бюргер цеплялся пугливо за устаревшее понятие собственности и чувствовал себя, таким образом, скорее связанным с величайшими вредителями народа, вместо того, чтобы объявить себя готовым подвергнуть свои старые идеи строгой проверке. Приведенное выше определение показывает, что во всем споре речь идет только о том, где между кражей и законной собственностью начинает действовать идея законности. У германского человека, который идеи права всегда связывает с идеей честных поступков и долга, определить законную собственность нетрудно. В отличие от этого, при старом понятии собственности у демократии, люди, которые должны были сидеть в тюрьме или висеть на виселицах, в великолепнейших фраках ездят на международные экономические конференции в качестве представителей так называемой свободной демократии. Новое понятие, которое нечестно приобретенную собственность не может признать собственностью, стало мощнейшим защитником и хранителем истинно германского понятия собственности, которое полностью совпадает с древнегерманским чувством права.

И здесь мы видим тот же характерный факт, который возвращает нас к сказанному выше: социализм для нас не только целесообразное проведение защищающих народ мер, он, следовательно, не только экономико-политическая или социал-политическая схема, но восходит к внутренним оценкам, т.е. к воле. От воли и ее ценностей происходит идея долга, происходит идея права. Кровь составляет единое целое с этой волей и в результате появляется слово о том, что социализм и национализм не являются противоположностями, а глубоко по существу представляют собой одно и то же, философски обоснованные как раз тем, что оба выражения нашей жизни восходят к общим, волевым первопричинам, оценивающим нашу жизнь в определенном направлении.

Только когда продумаешь и переживешь борьбу нашего времени, узнаешь те предпосылки, которые всем остальным отдельным требованиям придают все их содержание, окраску и единство. Но если каждый немец по всем встающим перед ним вопросам жизни проверяет себя с точки зрения высшей ценности обусловленной кровью народности, то он, конечно, может иногда ошибаться, но всегда может вскоре осознать и исправить свою ошибку.

Власть денег. — Экономика как "судьба". — Изгнание и объявление вне закона. — Создание новой аристократии. — Внебрачный ребенок. — Новый миф как предпосылка к новому экономическому праву. Правовая идея и материальная природная законность. — Гибель и возрождение.

С представленной государственной и правовой точки зрения вся наша сегодняшняя экономическая система, несмотря на свои гигантские масштабы, представляется нам внутренне прогнившей и пустой. Международный процесс образования в мире трестов празднует бесчестный триумф на крупных экономических конференциях с 1919 года. Никогда еще мир не видел более бессовестной власти денег над всеми другими ценностями, в то время как миллионы людей лежали на кровавых полях сражения, были принесены в жертву и верили в то, что боролись за честь, свободу, отечество. Это бесстыдство международного биржевого пиратства, которое после своей победы позволило сбросить все маски с масонской гуманности, показало с ужасающей отчетливостью не только демократический упадок, но и крушение старого национализма, который с мечом в руке состоял на рабской службе у бирж. Эта власть бирж в качестве высшей ценности признавала только самое себя. "Экономика - это судьба", - гордо заявлял герой международного финансового духа Вальтер Ратенау. Заниматься экономикой ради экономики было "идеей" бездуховной эпохи. Во всей экономике XIX века во всех государствах отсутствовала идея чести независимо от того, проводилась ли она националистами или интернационалистами. Поэтому она и привела к господству негодяев над честными людьми. Во всех высших учебных заведениях профессора преподавали так называемые законы экономики, которым мы обязаны были подчиняться. Но они забыли, что всякое действие закона имеет исходную точку, предпосылку, из которой возникает необходимый процесс. Искусственно внушенная нам золотая лихорадка, например, была предпосылкой для международной золотой валюты, которая считается "естественной", однако с устранением золотой лихорадки, она исчезнет так же, как исчезла одержимость инквизиторского Средневековья после эпохи просвещения. Расовый хаос мировых городов - это естественное следствие идеи права свободного передвижения и повсеместного проживания. Диктатура биржи - это необходимое следствие поклонения экономике, прибыли как высшей ценности. Она исчезнет, как только новая идея будет положена новыми людьми в основу экономической жизни. И здесь нордическое понятие чести создаст однажды при помощи своих представителей новое право. Когда-то даже невинный банкрот считался бесчестным, потому что своим крахом губил не только себя, но и других людей. В сегодняшнем мире даже преднамеренное банкротство является хорошим делом, а спекулянт - полезным членом демократического общества. Право будущего рейха поработает здесь железным веником. Здесь следует усвоить слова Лагарде о евреях, сказавшего, что трихин следует не культивировать, а как можно скорее обезвреживать. Миллионы стонут сегодня от чудовищной несправедливости и ждут спасение через повышение зарплаты, повышение золотого паритета и т.д. Они забывают, что их нищета обусловлена общей предпосылкой нашей экономики как высшей ценностью. Но они сразу поймут, о чем шла речь в последнем столетии, когда веревка и виселица начнут производить чистку. Когда-нибудь вызовет удивление то, как быстро разваливается призрак, когда энергичный кулак сильного и честного человека схватит за воротник гордо шагающий в шелковом фраке сброд от банка и биржи и обезвредит его при помощи легальных средств новой юстиции. Право для нас - это исключительно только то, что служит германской чести, справедливой экономикой поэтому является также только такая, которая берет свое начало отсюда, как когда-то благородный промысел, которым даже сегодня еще занимается Ганза.

Можно иметь разное мнение по поводу технических мероприятий. Об этом речи не будет, потому что другие положения делают необходимыми средства, которые не могут быть сегодня правильно оценены. Нельзя установить досконально законов духовной революции. Нужно знать только исходный момент и цель и со всей страстью к ней стремиться.

С нашей точки зрения экономика входит в систему типобразующих сил как функция, аналогичная праву и политике. Все служит одному и только одному. Будущее немецкое государство поставит в центр своего правосудия два важных дополнительных мероприятия, которые соответствуют органичному процессу естественного отбора: изгнание и объявление вне закона. Если немец позволил себе тяжкое нарушение своего национального долга в результате проступка, который можно искупить и который касается только личной сферы, то для единого немецкого народа перестанет существовать основание продолжать терпеть в своих рядах этот вредный элемент и кормить его; поэтому он своим судом приговорит его к изгнанию на определенный срок или навсегда. В тяжелых случаях уклонения от германского суда преступника следует объявить вне закона. Ни один немец на всем земном шаре не сможет тогда общаться с ним ни в личном, ни в деловом плане. Это решение должно быть проведено в жизнь всеми политическими и экономическими средствами. Насколько это должно коснуться членов семьи преступника, следует решать в каждом конкретном случае, во всяком случае это необходимо учитывать. Демократическое государство, потакая преступникам, способствует враждебному крови антиотбору, заставляет трудовой народ кормить определенный процент преступников и заботиться также об их обременительном потомстве. Лишение прав гражданства, изгнание, объявление вне закона очень скоро обеспечат заметное очищение зараженной сегодня жизни, подъем всех творческих сил, укрепление уверенности в себе, первую предпосылку также для внешнеполитической активности.

С отвратительным лицемерием рассматривается сегодня вопрос о внебрачных детях. Церкви приговаривают "падших" к позору, презрению, исключению из общества, тогда как органические враги нации выступают за устранение всех барьеров, за расовый хаос, групповой секс, за свободу делать аборты. С точки зрения расовой теории вещи предстают совсем в ином свете. Моногамию, конечно, следует защищать и всячески сохранять как органическую ячейку народности, но уже профессор Вит-Кнудсен по праву указал на то, что порой без многоженства германский народный поток прежних столетий никогда не появился бы, и не было бы предпосылок для культуры Западной Европы¹¹⁴. Это то, что освобождает этот исторический факт от морализирования. Было время, когда число женщин значительно превышало число мужчин. Сейчас это тоже имеет место. Разве должны эти миллионы женщин подвергаться сочувственному подшучиванию как старые девы и лишеными своих жизненных прав идти по жизни? Разве имеет право лицемерное сексуально удовлетворенное общество презрительно судить об этих женщинах? Будущий рейх на оба вопроса отвечает отрицательно. При сохранении моногамии оно будет также оказывать такое же уважение матерям немецких детей, рожденных вне брака и обеспечит равенство внебрачных детей с детьми, рожденными в браке в общественном

---

¹¹⁴ Профессор д-р К. А. Вит-Кнудсен. "Женские вопросы и феминизм". Штутгарт, 1926 г. Это, возможно, лучшая работа из тех, что были написаны до сих пор на эту тему. В указанном месте дословно звучит: "Я тоже сторонник моногамии, но это мне не мешает понимать следующий факт: временное многоженство наших предков является причиной того, что вышедший из жалкого северозападного угла Европы белый человек наперекор всем препятствиям так многочисленно представлен сегодня, в то время как с борьбой христианства против многоженства началось одновременное падение военно-политического влияния нашей расы - логическая связь, которая до сих пор не признана и не оценена". Подтверждения этого факта смотри в отличном сборнике произведений "Сексуальный характер и народная сила". Дармштадт, 1930 г.

и юридическом плане. Ясно, что борьба будет вестись и против таких определений представителей Церкви и правлений всех "социальных" и "нравственных" союзов, которые без церемоний считают брак между немцем-католиком и мулаткой католического вероисповедания допустимым и истинно христианским, а против брака между немцем-протестантом и немкой-католичкой используют все рычаги церковного и общественного принуждения. Эти силы стоят на той точке зрения, что расовый позор может быть абсолютно нравственным и христианским, но поднимают лицемерный крик, когда соответствующие законам жизни (биологические) отношения между полами рассматриваются как с точки зрения личного и духовного, так и с точки зрения сохранения расы и укрепления народности за счет наследственного размножения. Мы стоим перед фактом, что увеличение рождаемости в Германии на 1000 жителей в 1874 году составляло еще 13.4, в 1904 году 14.5, а в 1927 году только 6.4! Так как показатель смертности мог несколько снизиться, общая картина показывает, что увеличение рождаемости в 1874 году составляло 0.56%, в 1927 году 0.40%. Более чем удобно! При этом скрывается недостаток способных к деторождению женщин. По Ленцу¹¹⁵ для стабилизации численности своего народа Германии требуется на 78 миллионов 1 366 000 живых новорожденных. Но в 1927 году было только 1 160 000 новорожденных, т.е. для минимального числа необходимого для сохранения численности способных к деторождению женщин не хватает уже 15%. Существующее в настоящее время увеличение рождаемости поэтому не может быть длительным. Через несколько десятилетий, те кто сейчас имеют средний возраст перейдут в старческий возраст; а потом начнется высокая смертность. Если учесть, что на востоке население постоянно увеличивается - в России ежегодно прибавляется, несмотря на нищету, три миллиона жителей - то вопрос с немецким народом стоит так, что остается или быть готовым победить в будущем споре или погибнуть. Итак, если ввиду множества сознательно бездетных браков при избытке женщин здоровые незамужние женщины произведут на свет детей, то это явится приростом сил для германского сообщества. Мы идем навстречу величайшим боям за саму субстанцию. Но если этот факт будет установлен, и из него будут сделаны выводы, то тогда появятся все пресытившиеся в сексуальном плане моралисты и президенты различных женских организаций, которые для негров и готтентотов вяжут напульсники, усердно жертвуют деньги на "миссию" зулукафферов и решительно выступают против "безнравственности". Если человек заявляет, что сохранение субстанции, которой грозит смертельная опасность является самым важным, перед чем все остальное должно отступить на задний план - это требует культивирования здоровой немецкой крови. Истинная нравственность и получение свободы всей нацией без этой предпосылки немыслима. Критерии, которые хороши при упорядоченных мирных отношениях, во времена судьбоносной борьбы могут стать роковыми, могут привести к гибели. Германский рейх будущего оценит весь этот вопрос с новой точки зрения и создаст соответствующие жизненные формы. Дополнения к этому рассуждению появятся при оценке расового смешения. Если немецкая женщина свяжется добровольно с неграми, желтыми, метисами, евреями, то юридической защиты ей не полагается. То же касается ее рожденных в браке или внебрачных детей, которые с самого начала будут лишены прав граждан Германии. Изнасилование, совершенное лицом чужой расы, наказывается плетьюми, заключением в каторжную тюрьму, конфискацией имущества или пожизненным выдворением из Германского рейха.

Мужчины же, которые в борьбе за будущий рейх находились на передовых позициях - в духовном, политическом, военном плане, дали основу для создания новой

---

¹¹⁵ Баур-Фишер-Ленц. "Человеческий отбор и расовая гигиена". Т. II. С. 178.

аристократии. При этом в случае внутренней необходимости окажется, что эти люди, пожалуй, на 80 процентов и внешне приблизятся к нордическому типу, так как соблюдение требуемых ценностей полностью совпадает с высшими ценностями этой крови. У других наследственность преобладает над индивидуальностью, что было доказано делами. Нет ничего более поверхностного, чем подходить к оценке конкретного человека с сантиметровой меркой и числовыми замерами головы, здесь необходимо в первую очередь проверить на деле служение нации, с которым культивирование породы должно идти рука об руку к расовому нордическому идеалу красоты.

Новая аристократия, следовательно, должна быть аристократией крови и достижений. Это звание передается от отца к сыну, но будет утрачено, если сын позволит себе совершить затрагивающий честь проступок. Оно не будет восстановлено и в четвертом поколении, если третье поколение будет иметь малоценные достижения. Германский аристократический орден должен быть в первую очередь орденом свободного крестьянства и орденом меча, потому что в крови, которая овладевает этими профессиями, наилучшим образом оказывается сохраненным чисто физическое здоровье, благодаря чему также наиболее вероятно предпосылка к получению здорового потомства. Более осторожным должен быть подход к присвоению аристократического титула художникам, ученым, политикам. Причем, тем не менее, великие достижения делают возможными и большие почести. Старая демократия платила деньгами, ничем кроме денег. Новая Германия сумеет заплатить народу за службу его великим вождям почестями. С 1918 года аристократия - это только имя, а не обеспеченное законом сообщество. Появляющийся рейх не будет создавать это аристократическое сообщество, а сделает подтверждение аристократического титула зависимым от испытания в борьбе за Германию. При неподтверждении старое аристократическое имя переходит в гражданское. Аристократическое звание, полученное на основании действий в мировой войне, сохраняет свое значение без повторного подтверждения.

В результате такого регулирования аристократия больше не привязана к касте как горизонтальный слой общества, а проходит вертикально через все сословия народа и будет стимулировать все здоровые, сильные, творческие силы. Эти силы будут направлены не просто на демократический принцип открывать дорогу деловому человеку, даже если он обтирает рукавами тюремные стены, а на достижения, которые с самого начала определены личным и национальным понятием чести.

Этими замечаниями охарактеризованы направления разработки нового права.

Нужно, однако, пойти еще глубже: идея расового права представляет собой нравственную сторону признания вещной естественной законности. Право воспринималось как нечто святое. Боги, которые вначале были воплощением сил природы, стали в дальнейшем носителями нравственной идеи. Народ, который не знает естественной законности, не почувствует в своей сущности и полной ее противоположности, нравственного права. То есть мировоззрение, считающее совершенно серьезно, что космос возник произвольно, из ничего, провозгласит и произвольного бога, не признающего внутренних связей. Создание мира из ничего требует принципиальных убеждений в том, что этот "созидающий" бог и в дальнейшем вмешается или может вмешаться извне в мировой механизм, если захочет. Это отрицает внутреннюю закономерность событий в природе. Таково мировоззрение семитов, евреев и Рима. Вера в чудеса шамана неразрывно связана с провозглашением "всесильного" вмешивающегося извне божества. Поэтому этим системам незнакома органичная правовая идея, а знакомо только тираническое господство их "бога" или его наместника, который хотел бы извне навязать свой *corpus iuris canonici* всему миру как "универсализм".

Нордический западноевропейский человек, который признает вечную естественную законность и благодаря этим духовным взглядам вообще делает возможной истинно космическую науку, когда-то и у Одина потребовал великой аналогии нравственной идее права. Один, верховный бог, был хранителем права и договоров. Право было священным подобно клятве. Все поколение богов должно было погибнуть, потому что Один сам согрешил против святости договора - даже если это было несознательно и в результате обмана со стороны полукровки Локи. Только его гибель была искуплением. И в этом смысле идея чести оказалась высшим критерием оценки для нордического человека. Оскорбление ее может быть искуплено не иначе, как через смерть. И здесь действует духовно обусловленная естественная законность, мимо которой наши ученые мужи, однако, проходят, ничего не подозревая. Сегодняшнее наше крушение повторяет миф Эдды, которая под знаком нынешних мировых событий достигает мистического, сверхчеловеческого величия. Когда честь, право и воля к власти распались, ушло под землю и поколение богов, разбилась в ужасном кроваво-красном пожаре 1914 года мировая эпоха. Задача будущего заключается в том, чтобы снова объединить эти три величины под знаком первого подлинно германского народного государства.

V

Германская народная Церковь и школа

1

Тезисы принудительной веры как еврейская традиция. — Народ, государство, Церковь. — Преодоление ветхого завета. — Пятое евангелие. — Сущность Христа. — Евангелие от Марка. — Ложь во спасение.

Германская народная Церковь - это сегодня мечта миллионов. Установление этого факта означает сегодня требование глубочайшей ответственности от тех, кто эту мечту выражает. Потому что о недостаточности для сегодняшнего дня форм и содержания наших Церквей говорилось достаточно, часто и более чем громко. На более глубоко лежащие корни этого ощущения неудовлетворенности в этой работе указано со всем должным уважением к религиозному мышлению, которое в любом случае облагорожено верой, жизнью и смертью. Но истина требует признания того, что новое

стремление нигде еще не проявилось в качестве живого дела, в качестве живого эталона. Ни в одной из германских земель не появилось религиозного гения, чтобы наряду с существующими религиозными типами показать примером своей жизни новый тип. Этот факт является решающим, потому что ни один сознающий свою ответственность немец не может потребовать оставления Церкви теми, кто к Церкви привязан верой. Этим людям можно, наверное, внушить сомнения, расколоть их в духовном плане, но невозможно дать им настоящую замену того, что у них отнимут. Либеральная эпоха и в церковной области произвела чудовищные опустошения, решив, что она при помощи эволюционных теорий, при помощи "науки" "победила" религию как таковую. Эти духовные пигмеи просмотрели, что понимание и разум представляют только одно средство для того, чтобы набросать картину мира, религия же это совершенно другое средство, искусство опять же третье. Наука схематична, религия имеет волевой характер, искусство символично. Каждая область имеет свои собственные законы. Наука может решительно повлиять на Церковь, если она отважится грубо и невежественно вмешаться в ее сферу, что, разумеется, уже имело и имеет место в тысяче случаев. Но никогда настоящая наука не сможет развенчать истинную религию только потому, что она является признаком органичных, связанных с волей ценностей. Если религию понадобится переплавить, создать заново или заменить другой, то внутренние ценности должны рухнуть или получить другую иерархию. Трагизм духовной истории последней сотни лет заключается в том, что Церкви сами сделали своими либералистско-материалистические взгляды в области науки, вместо того, чтобы защищать свои позиции в сфере ценностей. И еще больший трагизм заключается в том, что они должны были это сделать, потому что были выстроены в чисто историческом плане и правдивость ветхозаветных преданий и позже материалистических легенд выдали за свою существенную составную часть. Так эпоха дарвинизма получила легкую игру и смогла учинить чудовищную путаницу, открыв одновременно (сравни приведенную вначале связь между интеллектуализмом и магией) путь для оккультистских сект, теософии, антропософии и множества других тайных учений и шарлатанств. Ужасное смятение умов, вину за которое в равной степени несут догматизм и либерализм, стало знаком времени. Даже при христианско-социальной власти в Австрии за неполные десять лет свыше 200 000 человек вышли в из католической веры. Не во имя новых религиозных ценностей, а вследствие марксистской эгоистичной работы, разрушающей общие ценности, работы, которая была направлена также против застывших, связанных с материей догм навязанной веры.

Между полчищами марксистского хаоса и верующих приверженцев Церкви бродили миллионы людей. Внутренне полностью разрушенные, они становились жертвами путаных теорий и корыстолюбивых "пророков", стимулируемые большей частью сильным стремлением к новым ценностям и новым формам. И если мы должны констатировать, что истинный гений, который откроет нам миф и воспитает в нас тип, нам еще не подарен, то это признание не освобождает ни одного более или менее глубоко мыслящего человека от обязанности вести такую борьбу, которая все еще была необходима, если новое чувство жизни стремилось к выражению, создавая душевные напряжения. Это необходимо пока не пришло время для великого гения, который бы учил тому и жил так, как раньше миллионы могли лишь предполагать. Как уже было сказано в предисловии к этой работе, она не направлена на современное верящее в Церковь поколение с целью помешать ему на выбранном им духовном пути, тем более на тех, кто уже в глубине души порвал с церковной верой, но еще не нашел пути к другому мифу. Этим людям необходимо спасти от отчаянного нигилизма при помощи повторного переживания нового чувства сплоченности - religare, что означает созидать - возрождения древних и все-таки вечно молодых, волевых ценностей, поднять которые

до истинных религиозных форм и будет задачей более позднего гения, создать вероятные представления о котором является не менее важной обязанностью каждого в отдельности уже сегодня. Каждого в отдельности, потому что религиозные общины без религиозных гениев сформируются в обычные союзы, мелкие секты, которые еще более невыносимы, чем все другое. Поэтому заниматься религиозными вопросами - это не дело каких-либо существующих этических, социальных, политических союзов и, наоборот, их нельзя заставить нести ответственность за личное религиозное вероисповедание своих членов.

Из расцветающего заново националистического мира духовные силы растут во всех направлениях. Каждым из этих направлений может руководить только великая личность, и возможно, что одна из них воплощает много собранных воедино волевых частиц. Но заявить на это претензию может только действительно великий человек без единого изъяна в характере и душе. Так мы ждем поэта мировой войны, великого драматурга нашей жизни, великого архитектора и скульптора. Так боремся мы за руководителя нового рейха и намечаем волевые линии и для будущей германской народной Церкви, существенная основа которой уже сегодня четко очерчена. С одной стороны, отказ от материалистического и колдовского мракобесия, показавшего тесную связь либерализма с церковной догматикой, с другой стороны, культивирование всех ценностей чести, гордости, внутренней свободы, "аристократической души" и веры в их нерушимость.

Все христианские (правильнее Павловы) Церкви сделали предпосылкой для принадлежности к ней признание определенных сверхъестественных учений в качестве навязанных тезисов веры (догм). Из общности убеждений образовалось стойкое равенство догм. При дальнейшем их утверждении сложилась общность интересов или враждебность. Объявление истинными метафизически - религиозных утверждений, исторических и легендарных событий как условия для религии - это еврейские традиции, которые пробивали себе дорогу огнем и мечом и только сегодня - по крайней мере внешне - уступили вынужденной, более терпимой точке зрения, готовые, однако, затеять новую борьбу догм. Истинно германский государственный деятель и мыслитель подойдет поэтому к религиозно-церковному вопросу с другой точки зрения.

Он предоставит беспрепятственно место любому религиозному убеждению, позволит свободно проповедовать нравственные учения разных форм при условии, что все они не будут стоять на пути национального учения, т.е. будут укреплять волевые духовные центры. Поддержку же определенных союзов такой деятель должен будет сделать зависимой от их позиции в отношении национального государства. С этой точки зрения вопрос о взаимоотношениях государства, религии и Церкви как института решится сам собой. Истинно германское государство может предоставить существующим в настоящий момент церковным общинам, несмотря на полную терпимость по отношению к ним, право на политическую и финансовую поддержку государства в той степени, в какой их жизнь и практическая деятельность сориентирована на укрепление души. Поэтому оно должно будет защищать также новые реформы в такой же степени, как и старые верования. Но новые требования уже весьма ощутимо заявили о себе. Согласно им навсегда должен быть отменен так называемый Ветхий Завет в качестве религиозной книги. Вместе с тем не состоится неудачная попытка последних полутора тысячелетий сделать нас духовными евреями, попытка, которой мы обязаны материальному господству у нас евреев.

Борющиеся люди (не государственные политики) поэтому должны продолжать укреплять движение, которое стремится вычеркнуть откровенно искаженные и суеверные постулаты из Нового Завета. Необходимое пятое Евангелие не должно при этом, конечно, приниматься синодом. Это будет творчеством одного человека, который также глубоко воспринимает стремление к очищению, как он исследовал науку Нового

Завета.

В изображении Иисуса можно видеть различные черты. Его личность выступает часто как мягкая и сочувствующая, потом снова как жесткая и суровая, но всегда движима внутренним огнем. В интересах властолюбивой римской Церкви - представить раболепное смирение как сущность Христа, чтобы обеспечить себе как можно больше слуг, воспитанных на этом "идеале". Исправить это представление является следующим обязательным требованием германского движения обновления. Иисус представляется нам уверенным в себе в лучшем и самом высоком смысле этого слова. Для германского человека имеет смысл его жизнь, а не его мученическая смерть, успеху которой он был обязан у альпийских и средиземноморских народов. Могущественный и строгий проповедник в храме, человек, который звал за собой, и "все они" за ним шли, а не жертвенный ягненок еврейского пророчества, не распятый является сегодня творческим идеалом, озаряющим нас из Евангелия. И если бы не было этого озарения, Евангелия бы умерли.

Научная критика текста провела предварительную работу, создав все технические предпосылки для создания соответствующего общим взглядам нового творения. Евангелие от Марка содержит, вероятно (даже в переработанном виде), собственное толкование миссии Сына Божиего в отличие от семитского учения о рабе Божиим. Евангелие от Иоанна содержит первое гениальное толкование, ощущение вечной полярности добра и зла в отличие от ветхозаветного представления истины, где Яхве сотворил добро и зло из ничего, сказав о своем мире, что это "очень хорошо", чтобы потом самому стать подстрекателем ко лжи, обману и убийствам. Но прежде всего - Марк ничего не знает о Иисусе как "исполнителе" еврейской идеи мессиянства, которой нас одарили Матфей и Павел к несчастью для всего западноевропейского культурного мира. Более того. Когда болтливый Петр сказал об Иисусе: "Ты мессия" (Марк, 8, 29), Иисус пригрозил Петру и запретил своим ученикам говорить подобное. Наши Церкви Павлова толка являются, таким образом, по существу не христианскими, а результатом стремлений еврейско-сирийских апостолов, которые ввел иерусалимский автор Евангелия от Матфея, а завершил независимо от него Павел. Непроизвольно от фарисея Павла ускользает, например, общеврейская вера: "Каким преимуществом обладают евреи, или какова польза от обрезания? Очень большим. Во-первых: им доверено все, что сказал Бог. Но, если некоторые в это не верят, что тогда? Должно ли их неверие отменить веру в Бога? До этого далеко" (Римляне, 3).

Затем типично еврейское самомнение и нетерпимость: "Говорю вам, милые братья, что Евангелие, которое я проповедую, нечеловеческой природы, потому что я воспринял его и изучил не от человека, а в результате откровения Иисуса Христа. - И поскольку Богу было угодно, разлучить меня с матерью и, открыв своей милостью во мне своего сына с тем, чтобы я проповедовал о нем язычникам через Евангелие, я не сразу поклялся плотью и кровью, не пошел в Иерусалим к тем, кто были для меня апостолами, а отправился в Аравию, а потом снова вернулся в Дамаск." (Галатер, 1)

Одновременно агитация, напоминающая действия моллюска: "Потому что, хоть я и свободен от каждого, я сам себя сделал рабом каждого, получив таким образом многих из них. Я стал евреем, чтобы склонить на свою сторону евреев. Для тех, кто подчиняется закону, я тоже подчиняюсь закону, чтобы привлечь их на свою сторону. Для тех, кто закону не подчиняется, я тоже как бы не подчиняюсь закону (но для Бога я подчиняюсь закону Христа) и тем привлекаю их на свою сторону. Для слабых я становлюсь слабым и привлекаю на свою сторону слабых. Я для каждого разный и повсюду делаю счастливым многих".

И затем неосторожно честолюбиво: "Я скорее умер бы, чем позволил кому-либо уничтожить мою славу!" (1-е посл. Коринфянам, 9). Павел совершенно сознательно собрал всю государственную и духовную проказу в странах его мира, чтобы позволить

возвыситься низменному. Первая глава 1-го письма к коринфянам является единственной хвалебной песнью "безрассудным перед миром" и одновременно уверением в том, что "неблагородное перед миром и презренное" выбрал Бог с тем, чтобы обещать христианам власть судей: "Должны ли вы вершить суд над миром, если не совсем достойны судить более мелкие дела? Разве вы не знаете, что судить ангелов будем мы? Тем более о благах времени?" (6, 2-3). Для эфесян (1,21) Павел приписывает Иисусу все могущество и власть, их княжества и будущий мир. Совершенно неоспоримо его стремление взбудоражить мир при помощи деклассированных элементов всех государств и народов с целью насаждения теократии, что бросает тень на другие его признания. Фальшивая покорность в сочетании со стремлением господствовать над миром, пламенное, как у всех представителей Востока, "религиозное" требование самому шагать во главе восставших были Павловой фальсификацией великого образа Христа. Иоанн толковал Христа гениально, но его вера, имеющая дело с антиеврейским, враждебным Ветхому Завету духом, была заглушена еврейскими традициями, которые объединились с отходами древнегреческого мира для создания новых форм в римской Церкви. Европа напрасно добивалась обновления этой восточной Церкви. Существующее до сих пор почтение к ее "христианству" обрекли все попытки на неудачу. Но "христианские" Церкви - это чудовищная, сознательная и бессознательная фальсификация простой, радостной миссии Царства Небесного внутри нас, Сына Божиего, службы добру и пламенной защиты от зла. Правда, в исходном Евангелии от Марка мы находим также легендарные черты одержимых, что мы точно так же можем отнести к народным сказаниям, как и украшающие добавки к приключениям Фридриха Великого и святого Франциска, который, говорят, проповедовал даже птицам. Но исходному Марку была абсолютно далека всякая восторженность, в которой преобладают элементы Нагорной проповеди. Непротивление злу насилием, подставление левой щеки, получив удар по правой и т.д. - это феминистское заострение вопроса, которое у Марка отсутствует. Это фальсифицирующие добавки других "авторов". Все существование Иисуса было пламенным противоречием самому себе. За это он должен был умереть. Значение трусливому учению придали только люди со смешанной кровью, как, например, Толстой, который именно это место сделал основой для своего пустого мировоззрения.

2

Любовь на службе у национального учения. — Подстрекательная народ клятва священника. — Внешняя форма германской народной церкви. — Старокатолическое движение; Бисмарк. — Протестанство под угрозой. — Германские религиозные сообщества. — Германская мечта от Одина до Лютера. — От мифа о народности форма германской Церкви.

Религия Иисуса несомненно была проповедью любви. Вся религиозность представляет собой фактически прежде всего душевное возбуждение, которое находится по крайней мере всегда в близком родстве с любовью. Никто не будет игнорировать это чувство. Оно создает флюиды от человека к человеку. Но германское религиозное движение, которое должно развиваться в народную Церковь, должно будет заявить, что идеал любви к ближнему необходимо подчинить идее национальной чести. Ни одно дело не может быть одобрено германской Церковью, если оно не служит в первую очередь охране народности. Это еще раз обнажило неразрешимый спор в отношении представления, которое открыто заявляет, что церковные связи выше связей национальных.

Но эту столетиями культивируемую точку зрения нельзя было преодолеть ни

запретами, ни приказами. Государство со своими членами должно было только позаботиться о том, чтобы не было нападков со стороны Рима и его слуг с точки зрения власти и политики. Римский священник, вступая в должность, должен был дать клятву, означающую не что иное, как подстрекательство к конфессиональной и классовой ненависти. Кроме того она означает прямо таки признание предательской по отношению к стране деятельности, если государство не подчиняется римским интересам. Эта римская клятва епископа звучала: "Лжеучителей, отреченных от апостольского престола, бунтовщиков против нашего Господа и его последователей я буду по мере своих сил преследовать и подавлять". Германское государство должно такую клятву запретить. Напротив, оно должно связать всех священников клятвой за сохранение чести нации, подобной прежней клятве монархам в некоторых государствах на конституции. В остальном главной задачей пробуждающейся Германии будет деятельность в пользу мифа нации путем создания германской народной Церкви, пока второй мастер Эккехарт не снимет напряжение и не воплотит это германское содружество душ, не оживит, не сформирует его.

Представителю армии во всех государствах партийно-политическая деятельность запрещена. Это имеет свое основание, заключающееся в том, чтобы сохранить в руках государственно-политический инструмент как единое целое, не разъединенное политической борьбой. То же должно касаться и священников всех вероисповеданий. Их сферой является забота о душе, политизирующий парламентский каноник -это в высшей степени неприятное явление политического либерализма. Это фашистское государство уже поняло. Конкордат в 1929 году запретил католическому духовенству политическую деятельность, католические союзы бойскаутов тоже были распущены, чтобы не допустить образования государства в государстве. Поскольку Ватикан одобрил это для Италии, он больше ничего не смог по существу сделать против введения таких же мер и в других национальных государствах.

Если это разъединение было осуществлено согласно словам Иисуса "Отдайте Богу Божово, а кесарю кесарево", то необходимого в другом случае вмешательства национального государства в церковную сферу вероисповедания совершенно не требуется. Никогда такой государственный деятель не будет влиять на какие-либо метафизические догматы веры или вовсе устраивать религиозные преследования. Поэтому борьба за этот мир представлений и эти ценности будет происходить от человека к человеку, от формы к форме внутри всего народного организма без использования средств политической власти для этой цели.

Во всех этих религиозно-реформаторских рассуждениях следует делать различия между духовным проповедником и политическим руководителем государства. Если первый открывает внутреннее направление нового поиска и при этом естественным путем подавляет старое содержание и формы при создании заново духовно-интеллектуального организма, то он ни в коем случае не имеет права требовать политической, судебной и военной защиты государства. Роковым для истинного религиозного рвения было то, что римская Церковь при помощи политических организаций добивалась того, чтобы обеспечить себе повсюду "мировой рычаг". Этим она завоевала сегодня положение, дающее чудовищно сильную власть, но и стала во многом - благодаря государственным дотациям - зависимой от этих государств в том плане, что денежный запрет во многих местах может опасно поколебать огромный организационный аппарат. Но политическое положение, дающее власть, - старая жалоба лучших духовников в течение столетий - изгнало искренность. То же самое повредило также протестанству, которое не считало возможным отстать в аналогичных стремлениях. Веяние времени на разделение государства и религиозных организаций будет сказываться еще долго, поэтому германская Церковь сразу должна будет отказаться от этого и сделать себя зависимой от государства. Она может

претендовать только на то, чтобы иметь свободу агитации, чтобы ее сторонникам не наносили ущерб старые Церкви и чтобы при видимом изменении числа сторонников им были предоставлены необходимые церкви. Такие же меры должны утвердиться и для других вероисповеданий. Католики и протестанты должны обеспечить свою церковь за счет добровольных взносов, а не добывать деньги угрозами наложения ареста на имущество. Только таким образом будет обеспечено справедливое соотношение между силой веры и внешней формой. Государственный деятель только за счет такого принципа может быть справедливым для всех сторон и отделить религиозную борьбу отдельных лиц и групп населения от политической борьбы в целом.

Германская Церковь не может провозглашать принудительные тезисы "верить" в которые каждый ее прихожанин принуждается под угрозой лишения вечного блаженства. Она будет охватывать общины, которые придерживаются красивых католических обычаев (которые часто являются древненордическими), которые предпочитали лютеранские формы христианского богослужения, которые, может быть, предпочтут другую форму христианского богослужения. Но германская Церковь предоставит также равные права тем, кто вообще порвал с церковным христианством и сплотился в новую общину (может быть под знаком духовной силы Эккехарта). Для всех прихожан действуют установленные вначале условия. При создании германской национальной Церкви речь идет не о защите каких-либо метафизических утверждений, не о требовании веры в истинность исторических или легендарных повествований, а о создании высокого ощущения ценности, т.е. об отборе людей, которые при всем разнообразии религиозных и философских убеждений приобрели снова глубокую внутреннюю веру в собственный тип, завоевали героическое понимание жизни. Именно этот интеллектуально-духовный поворот представляется мне особенно революционным, потому что только за счет этого основной объем прежних религиозных войн - метафизические догматы навязанной веры (догмы) - признаются незначительными, а их представительство является делом отдельного лица, а не общин. Борьба по поводу соотношения человека и Бога в Иисусе, спор о любви и милости, о бессмертии и смертности души выпадают из взглядов германско-немецкого религиозного обновления, как критерий принадлежности к новой общине возникает признание тех ценностей, которые были нам открыты в германском драматическом искусстве и максимально проявились в мистике мастера Эккехарта. Но община должна быть целью, даже если нас, сегодняшних, понижает признание того, что мы не будем больше ее свидетелями; потому что при всех своих силах один даже могучий человек не всегда сможет достигнуть высоты своего героического момента. Но сознание общности может поднять его еще выше и повлечь за ним более слабых, более уверенно ввести их в новый религиозный стиль нашего будущего, как когда-то германская армия 1914 года сделала миллионы скромных людей способными на героические жертвы и дела.

После бесчестного Ватиканского собора честные католики, не признавая сущности тысячелетней догматики, пытаются вызвать к жизни так называемый старый католицизм. Многие из этих приверженцев веры подвергались злейшим преследованиям, потому что не захотели позволить топтать свою честь ногами. Бисмарк тогда не воспользовался случаем, чтобы защитить этих чистосердечных людей. Само же движение было слишком слабо, чтобы атаковать столетние традиции. Действия Бисмарка были жестоко отомщены. Старокатолические общины хиреют среди могущественной римской техники удушения, имеющей в своем распоряжении мировые политические средства власти. Эта техника создала себе в Германии послушную партию центра в качестве "гвардии своей святости". "Да здравствует церковная инквизиция!" - кричал в 1875 году иезуит Венг. "Не должно быть никакого конфессионального мира!" - отвечала 16 мая 1924 года "Власть меча" после

достигнутого триумфа. Так первая действенная попытка способствовать зарождению нового в лоне капитализма осталась бесплодной. Но, несомненно, что и сейчас тысячи великолепных немцев действуют в качестве священников внутри римской Церкви и в глубине души стремятся со всей страстностью ни к чему другому, как к очищению христианства от сирийских суеверий и к углублению религиозной жизни путем отказа от государственных денег и соблазна политической власти. Вы все знаете, что за возможность читать немецкие проповеди своим соотечественникам они заплатили потоками крови еретиков, которые когда-то по приказанию Рима должны были взойти на костер инквизиции или были замучены в ее подвалах. Они будут рады, если однажды смогут все очищенное богослужение, служа высоким ценностям, проводить исключительно на святом родном языке. Еще не наступило время, когда немецкие священники среди высшей касты, связанной с Римом, смогут выступить с требованием преобразований в душе, голове и теле. Но оно наступит. И здесь тоже должны быть свои мученики. Но перед германским государством встает тогда долг защищать этих людей от преследований и принять их в германскую народную Церковь.

То же касается и тех, кто понял, что протестантство перестало протестовать против Рима, зато сегодня оно в неожиданном ослеплении проявляет рвение против возрождающейся новой жизни. Бывшие протестантские "отщепенцы" выступили против своей Церкви во имя "религии" "Второго рейха", во имя либерализма. Они выступали за обновление в "Берлинер Тагеблат". Это означает церковно-духовное банкротство XIX века, обнаружившееся во всех областях. Из страха перед этим признаком очевидного краха молодое поколение снова вернулось к строгой церковности. Где оно сейчас безнадежно закоснело на генеральских суперинтендантских должностях. Сегодня снова имеет место движение к лютеранской Церкви. Против пробуждающихся здесь новаторов, естественно, раздувается буря. "Лютеранские" кабинетные ученые и фарисеи созывают сегодня из чувства самосохранения мировые конгрессы, как Рим созывая свои соборы. Но на этот раз они смотрят не в сторону либерализирующего явления разложения, а в сторону содержательной основы жизни людей, в сторону полнокровного мифа, ощущения жизни, имеющего центр, вокруг которого все формируется и образуется. Во всей Германии существуют уже сегодня зародышевые клетки этого нового пробуждения. Этот новый германский рейх должен представить и им государственную защиту от предстоящих преследований.

Германские религиозные товарищества до сих пор не вышли за пределы теоретических начал. Практические попытки не были воодушевляющими. Но чем бы они не закончились, исследования этих союзов в области нордической религиозной истории станут основой борьбы, которая приведет к победе прежних католических и прежних лютеранских составных частей германской Церкви. Потому что место ветхозаветных историй о сутенерах и торговцах скотом займут нордические легенды и сказки. Сначала просто рассказанные и услышанные, потом - понятые как символы. Нордические германские сказания возбуждают не мечту о ненависти и убийственном мессианстве, а мечту о чести и свободе. Начиная с Одина через древние легенды до Эккехарта и Вальтера из Фогельвайде. Гениальной руке принадлежит преимущественное право выбрать из духовного поражения тысячелетий драгоценные камни германского духа, с которыми до сих пор обращались недостаточно уважительно, и органично объединить их. Обусловленное временем, римским и еврейским влиянием становится сегодня яснее, чем когда-либо. Но тем отчетливее пробивается к нам истинное сердечное биение героев наших сказок и героев нашей истории - Эккехарта, Лютера... Для более подготовленных исследователей развернется красочная картина религиозных исканий Ирана, Индии и даже Эллады, картина чуждая и близкая одновременно. Стремление нордической расовой души дать германской

Церкви ее форму под знаком народного мифа - это тоже величайшая задача нашего столетия. Как римский миф о представительстве Бога папой охватил и связал совершенно разные народы и расходящиеся направления, так и миф крови - однажды понятый - как магнит даст всем личностям и религиозным общинам, независимо от их разнообразия, четкую структурную опору, связь с центром и животворное внедрение в народную целостность. Подробности осуществления прояснит и определит грядущая жизнь. Сегодня предусмотреть это не дано никому.

Эти члены народной Церкви, защищенные всеми средствами государства от преследований, в остальном же предоставленные сами себе, со своей стороны образуют кристаллизационные центры. Представленные в их распоряжение в зависимости от величины и значения идеологических общин церкви обеспечат непосредственную просветительскую деятельность, и без насильственного вмешательства в протестанство или в римскую Церковь произойдет духовный поворот, который подействует, подобно большому глотку свежего воздуха, поскольку тяжелая корка сирийско-римского господства не сможет больше давить на всех стремящихся навстречу чести и свободе. Римский гарус-пик и ветхозаветный суперинтендант постепенно утратят свою власть над отдельными личностями, а следовательно, и над политическими устремлениями. Будут созданы первые предпосылки для религиозного, но также и для культурного и государственного стиля жизни.

3

Изменение церковных обрядов. — Распятие и геройство. — Старое изображение Христа. — Памятники воинам как места паломничества в будущем. — Герои мировой войны как мученики новой веры. — Мастер Эккехарт и германский солдат под стальным шлемом.

С отменой проповеди о рабе и козле отпущения в качестве агнца Божиего, о поручении Петру основать римскую Церковь, об "исполнении" Ветхого Завета, об отпущении грехов, о магических чудодейственных средствах и т.д. должно произойти соответствующее изменение народных обычаев (обрядов). Этот процесс должен идти рука об руку с популяризацией великой просветительской литературы, которая должна распространяться священниками германской Церкви в существовавших до сих пор общинах. Но из нового внутреннего отношения к образу Христа неизбежно вытекает необходимое, кажущееся на первый взгляд лишь внешним, изменение: замена изображающего муки распятия в церквях и на сельских улицах. Распятие является символом учения о принесенном в жертву Агнце, образом, который дает нам почувствовать крушение всех сил и при помощи почти всегда страшного изображения боли одновременно внутренне подавляет, делает "покорным", что и является целью правящих Церквей. Хоть и сохранились еще изображения германских рыцарей и богов в образах св. Георгия, св. Мартина, св. Освальда, но они ведут лишь подчиненное существование. С другой стороны, хоть целование реалистически изображенных гноящихся кровавых ран, которое римская Церковь поддерживает у многих южноамериканских верующих, еще не проникло в Северную Европу, но несомненно жалкий распятый стал тем средством, при помощи которого Рим ослабляет души своих приверженцев и овладевает ими.

Германская Церковь постепенно будет вместо распятия использовать изображения просвещающего духа огня, героя в самом высоком смысле. Уже почти все художники Европы лишили лицо и фигуру Христа всех признаков еврейской расы. Как бы искаженно учением о Боге-Агнце ни изображали своего спасителя, у всех великих художников нордической Западной Европы Иисус строен, высок, светловолос, с

крутым лбом и узким лицом. Великие художники юга также не представляли себе Спасителя с кривым носом и плоскостопием. Уже в "Воскресении" Маттиаса Грюневальда Иисус светловолос и строен. У груди Сикстинской мадонны белокурый Иисус смотрит в мир "прямо-таки героически", так же, как и голубоглазые головы ангелов с облаков. Наше возрождающееся заново ощущение жизни не знает идеала самобичевания, подлинное распятие сегодня не может - как уже говорилось - ни быть изображенным в живописи, ни быть высеченным из камня, ни воспетым в поэзии или музыке. Перед всем миром искусства, изображающим сегодня спокойную жизнь со спаржей и огурцами, новый рейх поставил великую задачу заботы о германской душе. Церкви и общины германской религии следует обязать к тому, чтобы в святых местах, посещаемых паломниками, постепенно заменить нечистокровные фокусы времён барокко иезуитского толка картинами и скульптурами Создателя жизни, чтобы, между прочим, снова появился Бог с копьем. Далее необходимо установить портреты и изречения мастера Эккехарта и других немецких проповедников. С нефов и с алтарей германской народной Церкви исчезнут гипсовые гирлянды, блеск мишуры и все то, что наводняет нашу жизнь благодаря бараклу иезуитского стиля и позднему нечистокровному рококо. Немецкого архитектора здесь будут ждать задачи, по которым скучают уже тысячи тех, кто устал строить купеческие дома и дворцы для банков. Легче всего позволяет использовать себя наша музыка. У Баха и Глюка, Моцарта, Генделя и Бетховена, несмотря на церковные стихи, пробивается героический характер. Но и здесь чудовищное поле деятельности найдет безыдейная расслабляющая музыка, одновременно сборники церковных песен будут очищены от песен в честь Иеговы.

От одного только внутреннего возвращения к религиозно-метафизическим взглядам будет зависеть будущее нашей жизни. Из одного центра выйдет заливающий все поток, оплодотворяющий душу проповедника, государственного деятеля так же, как и фантазию лишенного сегодня центра и поэтому почти безумного художника и мыслителя. Если сегодня проехать по германским городам и селам, то можно с радостью констатировать, что всюду установлены памятники и скульптуры героев. Германский фронтовой солдат представляет тип подлинного германца, надписи на пьедесталах указывают имена героев, цветы и венки свидетельствуют о любви, которой охвачена память о павших на полях брани... Мы все это пережили сами, еще миллионам жертвы мировой войны были лично знакомы со всеми присущими им человеческими качествами. Они еще не смогли стать эталоном в той степени, в какой они им являются. Но это знание человеческих качеств отдельных личностей постепенно исчезает. Типичные черты страшного и все-таки великого времени с 1914 по 1918 год станут сильнее и могущественнее. Уже подрастающее поколение увидит в памятнике воинам мировой войны святое знамение мученичества новой веры. Это представляет собой стадию развития, которая прокладывает себе путь во всех государствах Европы. Могилы "Неизвестного солдата" во Франции, Италии, Англии хоть и служили часто местом для парадов, но все-таки уже стали одновременно для миллионов людей мистическим центром, подобно памятникам немецким воинам, непобежденным немецким солдатом. Множество французских клерикальных газет, например, называют эту новую, тщательно соблюдаемую форму уважения нехристианской и не без основания опасаются, что "Неизвестный солдат" может занять место святых. И хотя непогрешимая Церковь сожгла когда-то Жанну д'Арк, объявив ее затем святой, она также скоро объявит "католиком" и "Неизвестного солдата" и при помощи святой воды фальсифицирует смысл духовного поворота, который она предчувствует, так же как любой другой истинно народный порыв. Она сделала это уже в 1870-1871 годах, когда началось особое почитание героев. Если Германия действительно возродится и будет собирать по воскресеньям деревню не вокруг колонн

св. Марии, а вокруг скульптур немецких солдат-пехотинцев, тогда ураганный огонь поднимется против этого "новоязыческого" обычая так же верно, как крест на церковной башне.

Церковь объявляла каждого убитого миссионера мучеником и причисляла к лику святых. Даже когда Эммеран¹¹⁶, считающийся по христианским традициям евреем, изнасиловал дочь баварского герцога и потому был убит, непогрешимая Церковь объявила этот позорный конец смертью за веру. Сегодня Эммеран - святой, которому молятся в благочестивом Регенсбурге. Но долг подрастающего поколения заключается в том, чтобы имена тех, кто в дождь и непогоду боролся за величие и честь немецкого народа, произносить с почтением и уважать так, как они этого заслуживают: как мучеников за народную веру. Здесь, в уголке нашей души, живет также единственная наша надежда на то, что народы Европы осознают сущность ужасных катастроф, признают повсюду истинных народных вождей более позднего времени по самому ценному, по человеческой крови своей нации, на то, что признание последних может стать, наконец, выходом. Вовсе не уважение или признание какой-либо формы "христианства" или либерального пацифизма формирует сегодня такую мощную силу для отлучения душ от Церкви. Напротив, дух и слово римского легата Алендра: "Мы, римляне, будем заботиться о том, чтобы вы, немцы, побили друг друга и захлебнулись своей кровью", - сегодня объективно так же, как 400 лет тому назад. "Войну Лютер проиграл", - гордо сказал Бенедикт XV, обращаясь к еврейскому "историку" Эмилю Людвигу. Массонская гуманность с ее лживым торгашеским пацифизмом не может послужить для истинной воли к миру, потому что ее действиями правит "коммерция". Лишь признание чести у друга и врага, у неизвестного солдата, мертвого, но непобежденного и есть то самое зерно, которое является сегодня общим для лучших людей Европы, стоящих выше всех неполноценных народов. Оно везде уже дало свои всходы. Даст ли оно плоды - это вопрос будущего. Но одно сегодня уже ясно: созреет человек чести только тогда, когда он освободится от сорной травы вокруг себя, которая сегодня нагло разрослась. Все вырождающиеся силы во всю мощь стараются не допустить того, чтобы эти мученики народной чести стали жизненным символом более прекрасного германского будущего. Во имя мира на земле и так называемого христианского смирения они сеют раздор или пытаются при помощи лживого пацифизма убить истинную создающую честь любовь к миру.

В ощущении жизни прошедшей эпохи заключалось то, что грехом считалось, если католик поднимал руку на католика. В более позднее время воспринималось как естественное, когда монархи должны были выступать совместно против республиканцев. XIX век призвал насчитывающие миллионы рабочие армии не выступать с оружием от имени государства против товарищей по классу другого народа. Все эти ценности разрушены. Уважение чести своего народа - это новое, только что зародившееся ощущение жизни. Во имя этой новой религии народной чести может пробудиться то нордическое европейское сознание (не в признании так называемых "общих экономических интересов", которыми сегодня нечистокровные "паневропейцы" идут торговать), которое единым фронтом должно однажды противостоять черному югу и еврейским паразитам, если не все погибнут. Здесь немец должен вернуться к своей великолепной мистике, снова познать величие души мастера Эккехарта и почувствовать, что этот человек и героический солдат под стальным шлемом - это по сути одно и то же. Тогда откроется дорога для гуманной народной религии будущего, для истинной германской Церкви и для единой культуры германского народа.

---

¹¹⁶ См.: д-р Зенн. "Баварский клан". Мюнхен, 1882 г.

Из этих требований вытекает также признание ценности любви. Как было сказано в первой книге, она не означает типобразующей силы ("Любить можно только индивидуальное" - Гёте), а всегда стояла на службе у другой ценности. Причем, разумеется, извлекающие из этой ослабляющей идеи любви и гуманности пользу - римская Церковь и денежная аристократия - пытались этот факт отрицать. Этой направленной на подчинение силе мы хотим противопоставить правдивость и сознательно поставить любовь под влияние типобразующей силы идеи чести. В результате этого именно любовь приобретает характер честности, подлинности, силы. На месте любви, с целью подчинения, будет стоять - сведенная к формуле - любовь к чести. Теперь в качестве самого главного следует добавить, что к добровольно построенной на идее национальной и личностной чести германской народной Церкви примкнули автоматически только те люди - независимо от того, к какой вере они принадлежат, - которые и внешне обладают нордическими чертами. То, что сегодня уже наблюдается в добровольном рейхсвере, повторится в облагороженном смысле в религиозном возрождении.

Жертвенная любовь в этом случае будет помощницей создаваемой духовной аристократии. Но одновременно она будет служить пусть даже только с внешней стороны повторному приобретению немецким народом нордических черт, что было бы невозможно сделать другим путем.

И теперь мы имеем, пожалуй, право сказать также, что любовь Иисуса Христа представляет собой любовь человека, сознающего благородство своей души и силу своей личности. Иисус пожертвовал собой как господин, не как раб. Из "аристократии духа" вышел также его великий последователь, мастер Эккехарт, чья любовь на службе этой ценности точно так же была сильной, сознательной, абсолютно не сентиментальной. Эта любовь служила, не "трясаясь от страха", как этого требовал Игнатий. Она служила не системе порабощения души и уничтожения расы, она служила исключительно сознающей честь свободе. И Мартин Лютер очень хорошо знал, что имел в виду, когда незадолго до своей смерти писал: "Эти три слова: свободный, христианский, немецкий - для папы и римского двора не означают ничего иного, как яд, смерть, черт и ад; он не может их ни терпеть, ни видеть, ни слышать. Иначе и быть не может, это ясно"¹¹⁷.

Желательно было увидеть сущность германцев в их верности. Конечно в виду имелась не верность трупа у Лойолы, а верность "выбранному самим господину". И в самом деле, в истории многие германцы выбрали себе чужих господ и "верно" служили им: в качестве солдат, философов, теологов. Этим людям мы сегодня будем называть не верными, а дезертирами. Верный - это тот, кто остается верным своей собственной свободе. Многим это удалось в рамках еще не определившейся Церкви, несмотря на то, что почти всем великим среди них угрожали тюрьмой, ядом и кинжалом. Но со времен господства иезуитов ни один нордический человек не мог быть германцем и одновременно сторонником Лойолы. "Главное - будь верным самому себе", только при таких условиях произойдет германское возрождение изнутри и снаружи. "Глубокое уважение к самому себе", как требовал Гёте, "быть единым с самим собой", как учил и жил мастер Эккехарт. Честь и свобода - это идеи, верность - это действие. Честь выражается в верности самому себе.

¹¹⁷ Против папства в Риме, учрежденного чертом. 1545, IV. 124.

Я полагаю, что совершенно точно знаю, какие бои в религиозной жизни вызываются идеей германской национальной Церкви. Но я думаю, что знаю также и то, что сотни тысяч людей, ведущие уже в течение десятилетий поиск, заявили о пробуждении нового истинного ощущения жизни, что эти люди устали от старого пошлого скепсиса и, несмотря на индивидуальные переживания, заняты поисками общности. Но никогда в мировой истории старые формы не обновлялись за счет того, что содержание и форма одной сущности просто вводилась в рамки уже существующей другой. Напротив, обе должны были быть перекрыты и объединены совместными взглядами. Следует прочитать последнее, относящееся уже наполовину к вечности, произведение Х. Ст. Чемберлена "Человек и Бог" и четко понять, что происходит поиск прямого пути к личности Христа. Хердер требовал когда-то, чтобы религия об Иисусе стала религией Иисуса. Именно к этому стремился Чемберлен. Совершенно свободный человек, внутренне овладевший всей культурой нашего времени, проявил самое тонкое ощущение великой сверхчеловеческой простоты Христа и изобразил Христа таким, каким он однажды явился: посредником между человеком и Богом.

Чтобы вернуться к нему, нужно выдержать огромную духовную борьбу, если мы не хотим задохнуться во лжи и бесславно погибнуть. Нужно отказаться от чужих пророков и принять руку помощи тех людей, заслуга которых заключается в возрождении самых прекрасных качеств германской души. Миф о римском наместнике Бога следует также преодолеть, как и миф о "святой букве" в протестантстве. Новый объединяющий и формирующий центр лежит в мифе о народной душе и чести. Служить ему - долг нашего поколения. Новое спасительное сообщество будет основано следующим поколением...

5

Воспитание характера. — Различные типы школ. — Свободное исследование и свобода учений. — История как оценка; признания иезуитов. — Деградикация либералистической "разведки".

Если государственный деятель германского будущего ко всем религиозным движениям своего народа независимо от личного вероисповедания относится с величайшей осторожностью и, по возможности, избегает вмешательства в борьбу, то школа требует совершенно иной, положительно определенной, целеустремленной и убедительно представленной позиции. Первоочередной задачей воспитания является не передача технических знаний, а создание характера, т.е. укрепление тех ценностей, которые затаились в самой глубине германской сущности и должны тщательно культивироваться. Здесь национальное государство без всякого компромисса должно претендовать на единоличную власть, если оно хочет воспитать граждан государства, пустивших корни в землю, которые однажды должны осознать, за что они в жизни борются, к какой системе ценностей они, несмотря на отдельные черты, относятся.

Единственный великий духовный хаос сегодняшней жизни представляет собой следствие безудержной борьбы множества идейных систем за господствующее положение. Среди них бескровный гуманизм, который, заглядывая глубоко в прошлое, за схематичной тренировкой памяти задушил истинный импульс жизни; реализм, который платит дань духу времени либералистской техники. С недавних пор -это усиливающиеся церковные попытки снова присвоить себе контроль за школами.

У нас ровно столько типов школ, сколько существует систем, основывающихся на разных ценностях, считающихся высшими. Существуют конфессиональные школы, которые вполне серьезно даже географию и математику собираются преподавать на основе своих ветхозаветных откровений, хотя, преисполненные злобой, вынуждены признать, что сразу после их "религиозного" представления творения Яхве из ничего, Ноева ковчега и после знаменитых 6000 лет сотворения мира провозглашается вечность

вселенной и утверждается миллион лет в качестве предпосылки нашего существования на земле¹¹⁸. Принцип свободного исследования стоил Европе лучшей крови в отличие от Церкви, которая в надменной ограниченности и сегодня еще по чистой логике отваживается проповедовать вещи, побежденные разумом, как "вечную истину" и вопреки своим "ученым в области естественных наук" доказывает только то, что не нордический порыв к исследованию истины и познания руководит действием, а враждебная нам система навязанной веры, с которой внутри давно уже покончено. Армия римских церковных ученых преследует только одну цель - естественную науку; вообще всю науку поставить на службу старому суеверию, раз и навсегда разгромленному Коперником. Так Хаммерштайн (общество Иисуса) утверждал, что Церковь превысила свои права, когда не разрешила в естествознании говорить о происхождении человеческого рода от разных предков в связи с тем, что при этом падет проповедуемое учение о первородном грехе¹¹⁹. Старое повествование об Адаме и Еве открыто поднимается, следовательно, до уровня критерия для всех исследований! Папа Пий XI в начале 1930 года в энциклике недвусмысленно подтвердил предопределение Ватиканского собора, по которому "здравый смысл" для того и существует, чтобы доказывать истину навсегда установленной "веры". Таким образом, Церковь последовательна только тогда, когда она выступает против свободы обучения и признает только одно изображение мировых событий, а именно то, которое излагает ее учение откровения.

Яснее всего это проявляется, естественно, в одном предмете, который больше всего воздействует на мир человека, в преподавании истории. Потому что история, больше чем все другие, представляет собой оценку, а не пустое перечисление фактов. То, что римская "история" все свои фальсификации отвергает, само собой разумеется. То, что она проклинает всякий истинный национализм, также делается всегда последовательно, в крайнем случае она может его время от времени использовать как средство в определенных целях. То, что Лютер был гнусным негодяем, для римских учителей во всех государствах разумелось само собой. Каждый может говорить об "отвратительном культивировании", которое позволял Лютер, и поэтому евангелисты для него - это "зачумленные люди". Иезуитское произведение *Imago prini saeculi* объявляет Лютера "мировым чудовищем и страшной чумой". Папа Урбан VII называет его "отвратительным чудовищем". И это продолжается до сегодняшнего дня. Совершенно неправильно было бы сетовать на это, не понимая в корне римской системы. "Печально обстоят дела с наукой, которая не может предложить ничего другого кроме вечного поиска истины". Эта действительно великолепная фраза инсбрукского профессора Йозефа Доната¹²⁰ раскрывает самые большие глубины направленного против Европы духовного мира, против которого все, что было в нас истинного и великого издавна боролось и проливало кровь и уверяло Фауста: "Того, кто постоянно находится в стремлении, мы можем спасти".

Ветхозаветная и в дальнейшем доказуемо сфальсифицированная научная "истина" римского исторического изображения хоть и сомнительна в том плане, что каждый ученик гимназии может ее сегодня разоблачить, но показывает дальнейшее существование римских тезисов, показывает, как мало определяют человека одни только взгляды, как сильно при этом действуют воля, инстинкт и фантазия. Римская система всей своей властью обращается именно к этим свойствам человеческой души. Орден иезуитов представляет собой опробованный инструмент для того, чтобы

---

¹¹⁸ Иезуит Картрайн открыто требовал конфессионального счета и письма.

¹¹⁹ Церковь и государство. С. 131.

¹²⁰ Подробности смотри: *Хоенброех*. "Орден иезуитов".

запуганное "я" при помощи подстегивания фантазии поставить себе на службу и сделать разум слепым к вещам, которые сразу видит пробудившийся рассудок человека. Весь церковный римский аппарат с колыбели до могилы действует, пытаясь овладеть фантазией и не допустить в этом влиянии паузы. Отсюда магическое действие причастия, отсюда одурманивающие разум формы, отсюда требование конфессионального преподавания - вплоть до преподавания чистописания.

Этой замкнутой системе до сих пор пытался противостоять только размягчающий либерализм. Он является неприятным следствием происшедшего наконец прорыва нордической души Роджера Бэкона к Леонардо, Галилею, Копернику. Но через требование свободы исследования он не пробился к политическому ядру. Но в конце концов - сам того не желая - принцип определил также свободу учения либерализующей эпохи: догму о том, что каждому полагается свое, и что всякая форма - это не что иное, как барьер и помеха для развития.

Эта "лишенная предпосылок" наука идет сегодня навстречу своему трагическому концу, после того, как она сама создала гибельную предпосылку к нашему расовому падению. Намеченное вначале понимание мировой истории как истории расовой представляет сегодняшней отказ от этого погибающего учения гуманизма. И здесь идея германского обновления противостоит римской и либеральной, как ясно осознанное и обоснованное в себе требование. Она отрицает так называемое лишенное предпосылок познание, она борется против обращения к фантазии, она сознательно признает духовно и расово обусловленную волю как исходный феномен и предпосылку ко всему своему существованию. И она требует оценки прошлого и настоящего в зависимости от того, усиливают или ослабляют эту единственную волю, создающую культуру, исторические события или личности. Не о том сегодня возникает вопрос, не вредят ли знания адамовым "наследуемым грехам", не тем характеризуется величие Фридриха, что он завоевал власть, а тем что он и его дела были вехами на пути к величию Германии. Поэтому уже сегодняшнее наше поколение требует при всем добросовестном отношении к фактам новой оценки нашего прошлого, как в плане политической, так и в плане культурной истории. Отсюда вытекает, однако, и отклонение принятой до сих пор неограниченной свободы обучения в любом направлении для всех профессий. Свобода исследований остается, конечно, неотъемлемым завоеванием в борьбе против Сирии и Рима. Во всех областях. Нельзя затушевывать историю, нельзя затушевывать и слабости наших великих мыслителей, но необходимо ищущей душой почувствовать и сформировать возвышающееся над ними вечное, мифическое. Тогда возникнет целый ряд духов Одина, Зигфрида, Видукинда, Фридриха II Гогенштауфена, Эккехарта, духа из Фогельвайде, Лютера, Фридриха Единственного, Баха, Гёте, Бетховена, Шопенгауэра, Бисмарка. Далеко в стороне от этой духовно-расовой линии развития германской души стоят для нас Инститориус, Канисий, Фердинанд II, Карл V. Далеко в стороне окажутся однажды и Рикардо, Маркс, Ласкер, Ратенау. Служить этой новой оценке призвана школа будущей германской империи. Ее самой благородной, если не единственной задачей в ближайшем десятилетии, является деятельность в области просвещения и воспитания до тех пор, пока эта оценка не станет естественной. Но эта школа ждет еще нового великого учителя германской истории, обладающего волей к германскому будущему. Он придет, когда миф станет жизнью.

Если при этом оценка германского прошлого противостоит в целом враждебно римской и еврейско-либеральной оценке, то это тем более касается оценки великого отдельного человека. Здесь в защите германских великих идей заключается самое важное право вмешательства народного государства в школу. Следует уяснить себе то, что римская мировоззренческая система, основной смысл которой лежит вне всяких политических ценностей, должна увидеть воплощение нации, гения совсем в другом свете. Она удивительным образом коснется духовных чужих заповедей, узнав, что иезуитский писатель Т. Майер представляет Иммануила Канта - как раз самого благородного преподавателя идеи долга - как "источник нравственной, а также религиозной гибели для государства и общества". Его товарищ по ордену Х. Хоффманн заявляет, что Кант "никоим образом" не решил задачи заложения основ истинной науки. Причем интересно слышать эти слова из уст представителя мировоззрения, которое подавляло всякую науку везде, где оно имело достаточно власти. Еще более последовательным является К. Кемпф (общество Иисуса), который провозглашает: "Кант поколебал веру в нашу способность мыслить". Совершенно четко высказывается ведущий иезуит Т. Пеш, который имеет наглость сравнивать Канта с "дыханием чумы". По его мнению Кант отравляет якобы всю жизнь нации, и мышление его представляет собой "введение в заблуждение и мистификацию", тогда как Картрайн (общество Иисуса) подчеркивает, что теория нравственности Канта подрывает якобы основы всякого нравственного порядка, а Брорс (общество Иисуса) пытается убедить немцев в том, что вряд ли кто-либо другой так навредил "нашему отечеству", как Кант. Согласно почитаемому всеми обманутыми католиками патеру Дуру, "добродетельный герой" Канта "есть не что иное, как морализирующий нигилист"; систематическая работа мысли должна сломать "колдуна Канта", мировоззрение "изжившего себя мараматического старца из Кенигсберга".

То, что писатели римской Церкви в Мартине Лютере видят "позорное пятно Германии", "свинью Эпикура", "подлого вероотступника" или называют его и вовсе "грязной свиньей", "растлителем монахинь" и "свиным рылом" (Феттер, общество Иисуса), ввиду обстоятельств церковной борьбы уйдет в прошлое; ужасно то, что приходится констатировать, что вплоть до нашего времени ведущие церковные писатели и сейчас еще занимаются очернением Гёте. Ведущий иезуит Векслер неистовствует против "языческой безбожной литературы", рекомендуемой в качестве "национального образования" и против "так называемых великих классиков". Дос (общество Иисуса) возмущается по поводу мнения о том, что нет образования без знания Гёте и Шиллера, но утверждает, что "с идола сорвана маска", что разгромит Гёте и "некоторых других модных кумиров". Но с особым бешенством это делает величайший "критик искусства" из ордена иезуитов швейцарец Баумгартен, который выпустил в свет два мерзких памфлета против германского Веймара. Для этого господина Шиллер является "ремесленником от литературы", который роется в поисках "пикантных исторических материалов, чтобы заполнить свое "ревию" и заработать свой гонорар". Гёте представляется ему в высшей степени посредственным сборщиком фрагментов. В отношении "Фауста" Баумгартен понял только то, что "все его помыслы и стремления" вертятся только вокруг Гретхен и Елены. Остальная поэзия Гёте становится "прославлением самых обычных приземленных поступков, глупых театральные приключений, поиска чувственных наслаждений" "эгоистичного полубога, разглашающего тайны старца", который представляет "опасность для религии и

нравов". Отсюда для иезуита следует вывод о том, что произведения Гёте по сути должны быть ограничены в обращении, причем школе не разрешалось принимать участие в "культе Гёте": "вместо бесконечных безапелляционных решений молодежи следует открывать, как низко Гёте стоит как человек, как пусто и поверхностно его мировоззрение, как безнравственны и пагубны его жизненные принципы..." "Юноши и мужчины не будут больше воспринимать Вертера, Вильгельма Майстера и Фауста как типы истинного германского духа, а должны видеть в них поэтические образы времени, очень низко павшего в нравственном отношении". Таким ограниченным и подлым образом из величайшей культурной силы в руках иезуитов появляется "бывший ярмарочный горлопан из Пюндерсвайлера, Веймар для иезуита Диля - это вообще "грязная лужа".

Вся эта борьба инстинктивно и сознательно в результате постоянного культивирования в течение столетий планомерно направлялась против великих представителей народа, связанных с типом для того, чтобы загасить для этого народа путеводные звезды его жизни, отнять у него его собственные идеалы, сковать поток его органичной жизненной силы. Слова генерала иезуитского ордена Никкеля из XVII века о том, что национальный дух представляет собой чуждый, злобный, несущий чуму ветер, являются сегодня основным убеждением не только иезуитов, но и римской Церкви вообще, даже если она не всегда может провести его ввиду национального пробуждения. "Он (национальный дух) - заявляет Никкель в циркулярном письме ко всему своему ордену от 16 ноября 1656 года, то есть через несколько лет после окончания Тридцатилетней войны - является заклятым и злейшим врагом нашего общества; его мы должны всей душой опасаться... К истреблению этого чумного духа вы должны стремиться, несмотря на просьбы и предупреждения". В конце XIX века известный римский католический писатель Картрайн заявил: "К самым бесславным достижениям нашего времени относится принцип национальностей". В годы "благополучия" (1920-1928) германский национализм был охарактеризован "германским" кардиналом Фаульбахером как "величайшая ересь" на съезде католиков в Констанце и во всей церковной римской прессе (только на немецком языке). Мюнхенский пастор д-р Мёниус под защитой своих покровителей окончательно сформулировал эти взгляды в одном предложении: "Католичество сломает хребет любому национализму".

Но этим тянущим вниз силам сегодня уже противостоят непоколебимые духовные силы, так что к борьбе против расового хаоса можно однажды приступить сознательно, еam мы будем начеку и никогда, ни на один миг не забудем, что все, в том числе то, что мы понимаем под народной культурой в широком смысле, было отобрано у этих сил в ходе многовековой борьбы. Отсюда становится понятным возникновение народного хаоса и его организаций. Я говорю все, до самого корня родного языка. В уставах иезуитов мы читаем: "Использование родного языка во всех делах, касающихся школы, никогда не должно быть разрешено..." Там, где это самое нежное движение души становилось заметно, Рим выступал против него. Грубо, если он имел власть. Как бы терпимо уступая, если он чувствовал себя слабо. Когда в дальнейшем Рим вынужден был снизить свои требования, Орден в 1830 году попытался исключить по крайней мере поэзию (0, и это в то время, когда немецкая классика уже существовала, а Гёте был близок к могиле. В 1832 году, после 250-летней борьбы, "порядок обучения" иезуитов вынужден был разрешить преподавание родного языка, чтобы не быть полностью вытесненным. Но и здесь следует заметить, что, как констатирует Хоенсброех, новое официальное издание уставов (Флоренция 1892/93) содержит также "порядок обучения", не включающий небольшие изменения 1832 года. Официально, таким образом, порядок от 1599 года существует с полным основанием, и конкордаты, законы для школ империи и т.д. нацелены на то, чтобы превратить германскую школу в

инкубатор кипящего народного хаоса. А ведущий иезуит Дур позволил вырваться у себя высказыванию: "Это осталось и впредь принципом: тренировка в родном языке достойна рекомендации, но делать из него специальный школьный предмет не следует..." .

Эти примеры показывают необходимость бескомпромиссного решения школьного вопроса. При всей терпимости к формам веры ни один немецкий государственный деятель не имеет права передать воспитание молодежи Церкви, потому что следствием этой уступки будет - сначала осторожное, а затем все более сильно повторяющееся - оттеснение великих личностей немецкой народности, что подобно обесцениванию творцов нашей культуры, которые не стояли на службе у Церкви. Поддержка протестантством католических требований к воспитанию показывает, что оно, цenia только свои сферы, совсем не сознает опасности для общегерманской культуры и слепо представляет церковные интересы, противостоящие германским. Человек "сам по себе" ничего не представляет, он является личностью только, если в духовном и интеллектуальном отношении присоединяется к органичному ряду предков из тысяч поколений. Укреплять, обосновывать это сознание и воспитывать таким образом волю, продолжать наследование познанных ценностей, бороться за целое - это составляет задачу государства, которое может воспитать истинных граждан, только руководствуясь этим познанием. Подводить метафизический фундамент под это исходное ощущение, утешать тех, кто совершает ошибку, и укреплять души должно стать задачей духовенства. Эта задача требует самой высокой степени человечности, она настолько велика, что может заполнить также жизнь величайших личностей. Но, поскольку во многих человеческих обществах проповедники любой конфессии вынуждены стремиться к тому, чтобы поставить его частью над целым, их нельзя подвергать соблазну воздействия на всех граждан без исключения. Особенно, если среди них находятся представители систем, которые принципиально стремятся принизить великих деятелей немецкой культуры.

Все другие споры по поводу школы и проблемы, какими бы важными они ни были, могут здесь остаться без внимания. В порядке обобщения можно много еще сказать. Сегодняшний спор о школе имеет ту же причину, что и борьба вокруг политики: у нас нет больше образа Германии. Результатом всех старых партий никогда не могла поэтому быть германская школа, а только нетворческий компромисс между католичеством, протестантством и еврейским либерализмом, т.е. духовное разделение народа.

Спор вокруг школы, пожалуй, яснее всего раскрыл все крушение нашего времени, но одновременно доказал право германского идеала, который не признает компромисса, а требует своего господства. Конфессии являются не самоцелью, а временным средством на службе у национального ощущения жизни и ценностей германского характера. Если они таковыми не являются, то это говорит о заболевании народной души.

Конфессии до сих пор были шаблонами, пытавшимися закрепить свои нормы в живом существовании народов. Отсюда духовные войны. Они не прекратятся до тех пор, пока народы как ценности сознания не исчезнут в случае победы церковных вероучений, или, пока народное бытие не навязет Церквям свои жизненные законы. В первом случае можно отказаться от всяких свойственных расе жизненных форм. Во втором случае начнется создание истинной цивилизации.

Отказ от германского идеала в Германии - это неприкрытое предательство народа. Будущее поставит это преступление на один уровень с предательством страны во время войны. Поэтому неудивительно, что партии, которые совершили предательство по отношению к стране, начертали и предательские по отношению к народу девизы на своих черных и красных знаменах.

Предпосылкой для любого германского воспитания является признание того факта, что не христианство дало нам цивилизацию, а что христианство долгим существованием своих ценностей обязано германскому характеру. (Здесь можно разглядеть причину того, почему в некоторых государствах христианство этих ценностей не обнаруживает.) Поэтому ценности германского характера - это то вечное, на что должно ориентироваться все остальное. Кто этого понять не хочет, тот отказывается от германского возрождения и сам себя приговаривает к духовной смерти. Человек же или движение в целом, которые способствуют окончательной победе этих ценностей, имеют моральное право не щадить всего, что им враждебно. Их долг духовно подавлять его, не давать ему развиваться организованно и сохранять его политическое бессилие. Потому что, если воля к культуре не превратится в стремление к власти, ей нет смысла вообще начинать борьбу.

VI

Новая государственная система

1

Внутренняя и внешняя политика. — Путь на Восток; Генрих Лев. — Польша и Чехия. — Расовый упадок во Франции. — 100 миллионный народ. — Цветная армия военного времени. — Современный альпийский тип; Лапуге. — Пан-Европа как Франко-Иудея. — "Значение" истории. — Германский центр Европы. — Схематизм во внешней политике как опасность для органического мышления.

Великая мировая революция, которая началась в августе 1914 года и на всех территориях сокрушила старых богов и кумиров, перемешала не только духовную и внутривнутриполитическую жизнь каждого народа, но и перепутала раз и навсегда линии границ довоенного времени. Временное урегулирование в Версале, которое в июне 1919 года было признано представителями немецкой теории покорности в качестве связывающего закона Веймарской республики, не сковывает, а ускоряет органическое течение заново формирующегося мира. Насильственное сокращение германского жизненного пространства подобно силе судьбы вынуждает всех немцев окончательно решить их древнюю жизненную проблему. В либерализующей трусости до 1914 года ее не хотели видеть и с трогательной близорукостью превратили всю Германию в сплошную машину. В результате к небу поднялось больше труб, чем выросло деревьев. И все это для того, чтобы накормить растущие миллионы голодных, но без серьезного намерения завоевать для них землю, на которой они могли бы посеять свой собственный хлеб. Судьбоносный вопрос, касающийся жизненного пространства и хлеба, Нижняя Саксония решила мечом, размахивая им перед плугом, но интернационализирующие потомки этих рыцарей и крестьян забыли благодаря проповеди о "завоевании" мира "мирным экономическим путем", что их не было бы, не будь германского меча. Сегодня не поможет больше никакая игра в прятки, никакое хилое указание на "внутреннее заселение" как на единственное спасение, потому что это мало что изменит в общей судьбе нации. Сегодня поможет только преобразуемая в целенаправленную деятельность, воля добыть пространство для миллионов подрастающих немцев. Это требует проявления характера. Это требует признания того,

что пока Франция будет при помощи политической власти распоряжаться нами, процветания немецкого народа не будет. Это напряжение может быть снято только при помощи дальновидной европейской политики. Если Германия откажется от того, чтобы направить волю своего сообщества в единственную точку, то есть на жизненное пространство и политическую свободу, то и Восточная Пруссия погрязнет в кровавом болоте, и враг все ближе будет подбираться с востока и запада к основам германской сущности. Поэтому первое требование германской политики заключается в содействии истинному миру в противовес Версальскому договору и его последствий. Это также вызовет истинное понимание ситуации у всех немцев.

При этом крайне важно с расово-политической точки зрения подчеркнуть, что определяющий сегодня французскую жизнь тип не имеет почти ничего общего с типом старой Франции, а должен считаться потомком другого расового слоя (восточных круглоголовых) в отличие от более раннего (северо-западного с продолговатым черепом). Француз Вашер де Лапуж (Vacher de Lapouge) давно уже установил это и приходит к заключению о том, что характер сегодняшнего француза совсем другой, нежели был в прошлом. "Это проявляется, - говорит Лапуж, - в незначительных мелочах. Достаточно сравнить поэзию кафешантана, настоящую негритянскую поэзию, с народной поэзией Средневековья, чтобы заметить духовный отход". "Впервые в истории к власти пришел круглоголовый народ. Только будущее может показать, как будет завершен этот странный эксперимент".

Идеи демократии - это идеи восточных народов, покоренных ранее нордической расой. К ним относятся северные французы, германцы, славяне. Они победили в 1789, 1871 годах во Франции, в 1918 году открыто в Германии. Борьба германского обновления - это борьба за действие германской героической идеи против демократической торгашеской идеи, борьба за европейскую расовую силу и ее свободу. Лучшие представители каждого народа имеют все основания начать аналогичную борьбу в рамках собственной народности.

Уже только благодаря политике французского парламента, которая при помощи всей Африки угрожает Западной Европе, политический Париж предстает сегодня в качестве первостепенной опасности для всей Европы. Когда греческие государства в прошлом воевали друг с другом, они добывали себе все новые партии рабов из Малой Азии и Африки. От этих рабов, и в меньшей степени от политической борьбы друг с другом, погибли древнегреческие кланы.

Это вторжение чуждой крови при деградации крови нордической сочеталось в то время в Риме с идеей безрасовой мировой империи. Сегодня после хаоса мировой войны и идеи мировой революции появляется идея безрасовой Пан-Европы.

Самый громогласный проповедник этой идеи, граф Гуденхове-Калерги (Goudenhove-Kalergi), имеет частично "европейское", частично японское происхождение. Следовательно, он является подходящим человеком для того, чтобы провозгласить старое требование погибающей эпохи о безрасовом едином государстве. Кроме того паневропейское движение признает современное status quo, или по-немецки, оно признает господство французского штыка и его мелких восточных союзников над пробуждающейся Европой. Пан-Европа в таком случае должна называться: Франко-Иудеи. К тому же Пан-Европа отвергает Англию, но включает Индокитай и все африканские колонии Франции.

Все европейские государства основаны и сохранены нордическим человеком. Этот нордический человек при помощи алкоголя, мировой войны и марксизма частично деморализован, а частично истреблен. Ясно, что белая раса не сможет удержать свои позиции в мире, не наведя порядок в Европе. Отсюда следует только одно требование, которое миллион раз воспринималось как необходимое и которое объясняет таким образом некоторые успехи "паневропейской" пропаганды - это внешнеполитическая

защита европейского континента. Но из этой органично верной идеи вытекает вывод прямо противоположный тому, который сделали "паневропейцы" с Курфюрстендамм и из клубов лож в разных государствах. Чтобы сохранить Европу, необходимо в первую очередь снова оживить нордические источники силы Европы, укрепить их: то есть Германию, Скандинавию с Финляндией и Англию. Напротив, влияние Франции, которая на юге уже полностью заселена мулатами, следует сориентировать таким образом, чтобы она прекратила быть территорией нашествия африканцев, что при сегодняшних обстоятельствах имеет место во все возрастающей степени. Необходимо, чтобы перечисленные нордические империи - а также еще США - признали эту предпосылку для своего собственного энергичного существования. Это сделало бы также лишним неизбежный в другом случае конфликт между приближающейся черно-белой республикой Францией и Германией и предоставило бы эту республику выбранной ею судьбе, устранив угрозу для всей Европы быть ею отравленной.

В остальном, в руках благоразумных французов, имеется возможность оздоровления своей страны. Правда, уже не на основе бывших нордических традиций, а в соответствии со своей альпийско-западной расовой особенностью, и если она откажется от претензий на господство в Европе, исключит Польшу, Чехословакию и другие страны из так называемой Малой Антанты, целенаправленно возьмет в свои руки изоляцию негров и евреев и удовлетворится обусловленной ее населением границей. Такая Франция могла бы жить в рамках своей культуры беспрепятственно со стороны Германии, и это было бы в любом случае сильным фактором европейской политики. Но "сто миллионов французов" хоть и обеспечивают ей дешевую славу временного господства, но обеспечивают ей также в будущем расовое и государственное падение. Способна ли Франция сделать разумный вывод, это большой вопрос, на который никто не может ответить однозначно.

"Пан-Европа" как внешнеполитический органичный факт может существовать только после органичного размежевания сфер влияния отдельных стран¹²¹.

"Направление развития истории вовсе не проходило с Востока на Запад, а ритмично менялось. Однажды Северная Европа отправила плодотворные народные волны, которые создали в Индии, Персии, Элладе, Риме государства и культуры. Потом с Востока потянулись и просочились в Европу восточные расы, к тому же Малая Азия послала туда тип человека, который дошел до сегодняшней Южной Баварии. Затем по европейским полям прошли полчища монголов и тюрков.

Сегодняшнее крушение родило новое ощущение жизни, которое будет иметь свои последствия. Внешняя необходимость подкрепляет эту неизбежную смену направления. "С Запада на Восток" - должно звучать от Москвы до Томска. "Русский", который проклинал Петра и Екатерину, был истинным. Ему не следовало навязывать Европу. Но тогда он должен скромно перенести свой центр тяжести в Азию. Только таким образом он, может быть, смог бы наконец, достигнуть внутреннего равновесия, не изворачиваясь постоянно в фальшивом смирении, одновременно самоуверенно претендуя на то, чтобы сказать "свое слово" потерявшей свой "путь" Европе. Это "слово" он должен сказать после того, как покончит со смесью Бабёфа. Бланка, Бакунина, Толстого, Ленина, Маркса, называемой большевизмом, не в адрес Запада, а на Восток, где для этого "слова" есть место. В Европе места больше не осталось.

Не лишенная расы и народного характера "Центральная Европа", которую провозглашал Науманн, не франко-еврейская Пан-Европа, а нордическая Европа, является лозунгом будущего, будущего с германской Центральной Европой. В этой

---

¹²¹ Смотри в связи с этим мой доклад и Риме о "кризисе и возрождении Европы" (В книге "Кровь и честь". Мюнхен, 1934 г.)

Европе каждому будет отведено свое великое место и роль: Германия как расовое и национальное государство, как центральная власть континента, как охрана Юга и Юго-Востока, скандинавские государства с Финляндией, как второй союз для охраны Северо-Востока, и Великобритания в качестве гарантии для Запада и заокеанских стран в тех местах, где это необходимо в интересах нордического человека. Это требует еще широкого обоснования¹²².

И еще одно принципиальное разграничение. Сегодня по праву существует активная защита некоторых государств от национализма, и схематичное течение называет это защитой от западного духа. Этот "западный дух" по существу представляет собой не что иное, как смесь поздней французской культуры с еврейскими демократическими идеями, которая потерпела политическое поражение в сегодняшней парламентской системе. Не следует, таким образом, абстрактно говорить о господстве так называемого "Запада", гораздо понятнее было бы говорить о системе еврейско-французских идей. Политическое развитие, например, Англии проходило совсем другими путями, чем у Франции, и тот, кто знаком сколько-нибудь с английской историей, тот знает, что Англия целыми столетиями, несмотря на так называемое народное представительство, управлялась абсолютно аристократическим способом. Интересная связь между аристократией и личной беспечностью, обусловленной надежностью морских границ определило английскую жизнь. И только в более позднее время, вместе с индустриализмом и господством финансового капитала, господства в Англии все больше добивалась французско-еврейская зараза. Италия тоже в течение десятилетий была подвержена этому духу, но теперь она оказывает резкое сопротивление всей демократической идее, хотя в некотором отношении (банковский капитализм) не смогла сделать окончательных выводов.

Точно так же, как схематическое объяснение "западного", следует отвергнуть и выдвижение так называемого "восточного духа", который вводится в бой против западного, и к которому присоединяется большое число националистически настроенных немцев, не имеющих об этом восточном духе достаточного представления. Весь Восток весьма многообразен: здесь следует говорить о русском характере, о германизированных государствах Финляндии, Эстонии, Латвии, причем Польша тоже выработала свои четко очерченные особенности. Даже в самой России снова борются несколько восточных народов против традиционных форм германизированного государства. Эти движения расового хаоса можно полностью понять только в сочетании с большевистским движением. Не случайно там к власти попеременно приходили татаро-калмыки, как Ленин, евреи, как Троцкий и кавказцы, как Сталин. Кроме того украинский Юг стоит на острейших оборонительных позициях против великороссов и образует при помощи других семи миллионов граждан значительную автономную группу в Польше. Разделаться с этими, часто очень разными по крови, потоками схематическим словом "восточный дух" и потом ввести это бескровное слово в практическую политику означало бы разрушение всех органичных попыток германской внешней политики.

Дело дошло даже до того, что один, называющий себя националистическим, писатель заявил, что миссия Германии заключается в распространении азиатско-восточного духа. Даже если бы была потеряна: Восточная Пруссия, миссия Германии была бы выполнена при условии, что Азия царил бы от Владивостока до Рейна. К таким мыслям приходят люди, которые с бескровными конструкциями пытаются подойти к жизненным вопросам народа.

---

¹²² Я не хотел бы здесь подробно останавливаться на отдельных принципиальных, непосредственно европейских проблемах, поскольку они уже освещены в ясной форме. Смотри: *Адольф Гитлер "Мои борьба"*, том 2 и мою работу "Существенная структура национал-социализма".

Точно также дела обстоят и в том случае, когда одна группа в Германии заявляет, что необходимо установить национализм, а другая возражает, говоря, что после того, как существовавшие до сих пор марксистские партии социализм предали, новое движение призвано установить именно социализм. Не существует совершенно никакого абстрактного национализма, как нет абстрактного социализма. Но немецкий народ существует не для того, чтобы защищать своей кровью абстрактную схему, а наоборот, все схемы, системы идей и ценности являются в наших глазах лишь средствами для укрепления жизненной борьбы нашей нации извне и увеличения внутренней силы при помощи справедливой и целесообразной организации. Развивать и приветствовать национализм как расцвет определенных ценностей мы должны поэтому только у тех народов, о которых мы знаем, что силы их личной судьбы никогда не вступят во враждебное противоречие с влиянием немецкого народа. Таким образом, восторженное отношение к национализму само по себе не может создать органичное движение обновления. Мы можем констатировать, что южноафриканские метисы, например, или метисы в Ост-Индии тоже делают "националистические" революции, что негры с Гаити или из Санто-Доминго ощущают "националистическое" пробуждение, что под лозунгом о праве на самоопределение народов совершенно схематично претендуют на свободу все неполноценные элементы на земном шаре. Все это нас либо не интересует, либо интересует в том плане, что дальновидная германская политика обещает при ее использовании усиление германской культуры, и в рамках этого германского пробуждения - усиление германского народа.

2

Восточная Италия — центр мировой политики. — Мобилизация цветных рас Антантой. — Восстания в английских и голландских колониях. — Рука Москвы в Азии. — Кантон. — Конфуцианская жизненная статистика.

Весь мир с напряжением смотрит сегодня на Дальний Восток, совершенно справедливо ощущая, что там, в многих тысячах километров от Европы, происходят события, которые непосредственно касаются нашего бытия. В китайской борьбе против белой расы (даже если вначале она была направлена в основном против англосаксов) проявляется ярко выраженная примета проходящего по всему миру движения, враждебного Европе. Мы можем констатировать, что после мировой войны черные выступают с совсем другим самосознанием, чем до того, как они были призваны под английские и французские знамена. В Америке действует аналогичное движение (Гарвей, Дюбуа), а на негритянском конгрессе совершенно неприкрыто ставится в качестве политической цели изгнание белых из всей Африки. Аналогичное движение можно констатировать среди египтян. Хотя вначале оно со всей энергией было подавлено Англией. То же можно сказать и об освободительном движении индийцев.

Несомненно, большая Индия охвачена чудовищным брожением, и все-таки индеец в соответствии со своим темпераментом всю борьбу ведет сначала с чисто оборонительных позиций, и вождь молодой Индии, Махатма Ганди, все время заявляет, что он не думает выступать против Англии с применением насилия. Однако наряду с ним действует активистское крыло - сначала под руководством Даса, затем под управлением национал-большевистского пундита Неру, который, кажется, постепенно набирает вес. Восстание нескольких сот миллионов индийцев вполне возможно. Голландское правительство со своей стороны уже было вынуждено подавить опасные восстания в своих колониях на Яве, охватившие очень широкие круги населения. Но всего отчетливей вся антиевропейская борьба проявилась в многомиллионном китайском возмущении, которое, несмотря на многообразие, обнаружило максимальную энергию.

Сильное движение брожения среди цветных народов является прямым следствием мировой войны. На плечах руководителей сил Антанты лежит груз страшного преступления, которое заключается в том, что они мобилизовали чернокожих и метисов против немецкого народа, чему способствовало оскорбление ими Германии в течение целого года, и втянули их в войну против империи белой расы. Величайшая и непосредственная вина здесь, несомненно, лежит на Франции, которая сама после войны с цветными захватила колыбель европейской культуры, Рейнскую область, на Франции, военные которой совершенно открыто заявили во французском парламенте, что французы представляют собой "стомиллионный народ" и располагают не двумя армиями, белой и цветной, а "единым войском". Этим программным заявлением французская политика поставила черную расу вровень с белой, и подобно тому, как 140 лет тому назад Франция ввела эмансипацию евреев, так и сегодня она стоит во главе загрязнения Европы чернокожими, и если так пойдет дальше, вряд ли ее можно будет рассматривать как европейское государство, скорее как выходца из Африки под руководством евреев.

Англия считала, что после 1918 года она полностью достигла своих военных целей. Германские колонии были разграблены, вся германская частная собственность во всех странах была конфискована в пользу Антанты, германский торговый флот скоропалительно был отдан жалким героям ноября 1918 года, германский военный флот лежал затопленный в водах Скапа Флоу (Scapa Flow). С экономической точки зрения разгромленная Германия не составляла больше конкуренции, а в качестве раба Антанты должна была заниматься в течение десятилетий, обливаясь кровавым потом, подневольным трудом. И все-таки уже сегодня стало ясно, что Великобритания не только не полностью одержала победу в этой войне, но и движется навстречу тяжелейшим потрясениям всего своего государства "мирового господства".

Участие британских колоний и так называемых доминионов в мировой войне против Германии подняло на чудовищную высоту чувство собственного достоинства южноафриканцев, канадцев и австралийцев и, как когда-то теперешние Соединенные Штаты отделились от Англии, так сегодня очень сильны сепаратистские силы в указанных доминионах, и Лондон смог воспрепятствовать развалу Британской империи только тем, что гибко пошел навстречу всем пожеланиям доминионов на самоуправление; сегодня Англия уже не является больше империей с центральным управлением, а представляет собой союз государств. И теперь оказывается, что освобожденные от цепей, выросшие под лозунгом права на самоопределение народов силы уже невозможно обуздать. И хотя еврейское Сити в союзе с лейбористской партией вполне могло лелеять надежду заключить выгодное деловое соглашение с еврейско-большевистской Москвой, однако бесцеремонная большевистская деятельность в Англии имела следствием совершенно неожиданное отрицательное отношение всего народа, включая английских рабочих, и либерально-еврейские попытки каждый раз энергично отвергались. Сильное антибольшевистское направление внутри консервативной партии толкало Англию впредь во все более усиливающуюся враждебную Москве политику, тогда как Москва со своей стороны, как бы под давлением исторической необходимости, должна была применять свою силу на Востоке. Раньше большевизм стремился в надежде увлечь за собой Европу, главным образом подавить силой Германию, Центральную Европу. Благодаря энергичному сопротивлению немцев (частично также Польши и Венгрии) этот удар пока был отражен. Но так как московский большевизм не мог быть бездеятельным и не захотел навсегда оставить лозунг мировой революции, то он был вынужден опробовать свои силы в другом направлении. Здесь он вначале натолкнулся на Турцию, которая на первых порах воспользовалась союзом с Москвой, но потом все больше отходила от большевизма и сегодня может рассматриваться как замкнутое национальное

государство. В результате Москве не оставалось ничего другого, как проникать в своих поисках дальше на Восток: в Монголию, в Маньчжурию и дальше в Южный Китай. Здесь проповедь социальной революции встретила живейшую симпатию в кругах китайского эксплуатируемого рабочего класса, и если знать, в каком ужасном положении находятся китайские рабочие, то становится понятным, почему Москва этим миллионам эксплуатируемых должна казаться лидером в борьбе за лучшую жизнь. Это социал-революционное течение объединилось с националистической, антиевропейской революционной пропагандой, которая подготавливала китайских интеллектуалов уже несколько десятилетий. Название Кантон объединяет эти течения. Они выходят за рамки самостоятельности Китая и выдворения всех европейцев. Такова общая ситуация, которой противостояли в Китае европейские силы под руководством Англии. Чтобы понять великую борьбу во всей ее глубине, следует указать на силы, действовавшие в прошлом.

Можно как угодно оценивать Китай и его жизненные формы. Фактом является то, что несмотря на всевозможные расовые противоречия, он был в отличие от рассеченной Европы создан из единого духовного центра. Философия, религия, мораль и государственная теория органично соответствуют друг другу. Китаю посчастливилось в том, что он, несмотря на определенные народные оттенки, сумел создать истинную соответствующую расе культуру, существовавшую более 3000 лет и каждый раз возвращающуюся к своим первоначальным формам, несмотря на расплывчатую теорию даосизма, несмотря на привнесенный извне буддизм и различные революции. Китай и Конфуций представляют одну сущность, совпадающую с расой и народом. В Конфуции китайская культура воплотилась самым совершенным образом. Он являлся учителем, святым и государственным деятелем. Поэтому существует как конфуцианская религия, так и конфуцианское государство. Если понять этот факт во всем его значении (перед лицом государств Европы, где народная и государственная идея столетиями стояли в тяжелейшей вражде с церковной), то тогда только можно осознать всю внутреннюю силу китайской культуры. Характерной чертой китайского идеала является во-первых то, что он сдержанно относится к метафизическим спекуляциям и во-вторых, что отвергает всякое экстремальное учение нравственного характера. Надежный по форме, исключительно вежливый, корректный и образованный джентльмен был идеалом всего Китая, несмотря на тот факт, что под этой формой часто дремали необыкновенно сильные страсти. Произведение конфуцианца Чюнг Юнга (Tschungyung) "Книга соразмерной середины" уже в своем заглавии точно высказывает то, что предполагал великий учитель: не показывать ни великого страдания, ни великой радости, помогать людям, лелеять миролюбие, вершить справедливость, быть бережливым, своим положительным примером активно влиять на развитие добродетели молодежи... Таково "благородство", таков идеал Конфуция. Как он учил, так он по-видимому и жил. В "Беседах" Конфуций обстоятельно изображается своими сторонниками. С мелкими чиновниками он говорил "откровенным образом", с более крупными "мягко, но решительно". По отношению к князю он вел себя "уважительно, но не раболепно". При исполнении своих служебных обязанностей он старался придерживаться установленных правил. Он жертвовал и тогда, когда имел скудное питание, сидел на определенном способе свернутой циновки, оказывал высшее почтение старости, короче, с паломником и с министром он оставался одним и тем же по форме и поведению. Эта расовая сущность Китая, выразившаяся в учении этого человека, показала необыкновенную типобразующую силу, которая оказывала влияние в течение двух тысячелетий до сегодняшнего революционирования Востока. Китайский народ был, таким образом, в подлинном смысле народом, потому что он обладал всё определяющим, свойственным расе идеалом. Перед великолепием того факта, что более трехсот миллионов людей не только на словах, но и в жизни (несмотря на всю

человечность) почитают один тип, блекнут все нападки против конфуцианства, поднятые главным образом неистовствующими проповедниками-миссионерами.

Лао Цзы, конечно, нам представляется крупнее Конфуция, хоть он и выходит за рамки мягкой середины признающего справедливые формы соперника и ищет метафизическую основную причину бытия, которую он находит в Дао, т.е. в смысле, в "правильном пути", в мировом разуме. Конфуций тоже употребляет слово Дао, но он остерегался делать выводы подобно Лао Цзы. Его учение было произведением для просветленных умов, а Конфуций хотел указать путь и форму широким массам. Так он победил Лао Цзы.

Конфуций подчеркивает, что не хочет вносить ничего нового, а только уважать и облагородить старое, поскольку им пренебрегли. В этом учении с самого начала обнаружилось, что он важное значение придает традициям, тому, что почитающий предков китаец всегда уважал. Сильный стимул к нравственному действию и настойчивости заключается далее в требовании того, чтобы сделать отца ответственным за дела своего сына. Поэтому в дворянское сословие возводили не только имеющую заслуги личность, но и ее предков, которые сделали возможным ее появление. С другой стороны, Конфуций наказывал не только преступника, но одновременно и его отца. Этот факт показывает снова, как личное систематически подавляется в пользу типичного. Все это доказывает необычайную духовную инертность, которая кристаллизуется вокруг среднего идеала, может быть противоположно европейцу, но в любом случае своеобразно, оригинально и поэтому достойно восхищения.

3

Вмешательство Европы в Китай в XIX веке. — Изоляция Японии. — Опиумная война. — Англия и иудаизм. — Демократическая китайская революция; Сунь Ят Сен.

В замкнутый китайский мир в XIX веке вмешался западный экономический империализм в сочетании с такой же усердной, как и внутренне необоснованной миссионерской деятельностью. Ситец и опиум, изделия из отходов Европы хлынули в Китай, нарушив прежде всего равновесие китайской жизни портовых городов, с тем, чтобы потом проникнуть все дальше, в глубь страны. Подавленные техническим величием, даже образованные китайцы "украшали" свои квартиры залежавшимся кичем крупных торговых домов европейского Запада и посылали своих сыновей в Европу и Америку, чтобы они научились там "новой мудрости". Молодые китайцы заразились экономическим субъективизмом и индивидуальным европейским мышлением, их либеральное влияние внесло свою лепту в сегодняшнюю деморализацию Китая. Но и протесты не заставили себя ждать. "Боксерские восстания" - это лишь жестокий симптом этого. Более глубоко осознав это, именно китайская (а также японская) интеллигенция встала во главе движения с целью расового обновления и освобождения Востока. Писатель Уносукэ Вакамия (Unosuke Wakamiya) писал, что новое великоазиатское движение преследует цель защитить азиатскую культуру и экономику от европейского вмешательства. Программа общества Азия-джи-квэй (Asia-gi-kwai) точно так же требует возвеличивания всех азиатов. Граф Окума после русско-японской войны основал паназиатское общество. В своих речах он говорил о грядущем крушении Европы: XX век увидит руины западноевропейских стран. В 1907 году он заявил в "Индо-японском обществе", что глаза Индии, полные надежды, направлены на Японию, что было подчеркнуто в "Таймин" (газета в Осака), которая требовала японской помощи в революционировании Индии. Профессор Камба из университета

Киото увидел в Японии ведущее государство в неизбежном будущем споре с Европой.

В 1925 году началась великая мировая революция на Востоке. Для полного завоевания мирового господства власти должны победить также Японию. Для этого им был необходим побежденный Китай. В то же время большевизм разжег социальную революцию. Как никогда были разбужены инстинкты, дремавшие в Китае. Китай сегодня потерял свой мистический типобразующий идеал; сотни корыстных, подстрекаемых чуждыми силами соперников развязали войну. Существовавшие раздоры не преодолеваются во имя конфуцианского идеала, а раздуваются под новыми чуждыми лозунгами. Современный либеральный анархизм взрывает и китайский тип. Самый далеко идущий переворот, исход которого нельзя предвидеть, пущен в ход. Если верить всему, кровавая борьба закончится однажды уходом Европы из восточной Азии. И желательно также, чтобы Китай покинули и миссионеры, торгующие опиумом, и всякие темные авантюристы. Ибо не во имя необходимой защиты белой расы европеец проник в Китай, а для пользы еврейско-торгашеской страсти к наживе. Этим он обесчестил себя, разрушил целый культурный мир и вызвал справедливое возмущение в свой адрес. Китай борется за свой мир, за свою расу и свои идеалы так же, как великое движение обновления в Германии против расы торгашей, которые сегодня владеют всеми биржами и определяют действия почти всех правительств. Что касается исторического хода развития великих войн в Китае, то они начались, в основном, с насильственным ввозом опиума. Китайское правительство очень скоро осознало вред этого продукта и уже в 1729 году запретило потребление опиума и его разведение. Эти запреты в дальнейшем все более ужесточались, однако эти действия китайского правительства натолкнулось на сопротивление английской компании "Восточная Индия" (Ост Индия). Разрешение продажи опиума имело, в частности, цель снова привести в порядок жалкие финансы в Индии, а за деловыми господами из компании "Восточная Индия" встало, логично как всегда, в качестве политической силы английское государство. После того, как оно было побеждено, император Тао Куанг (Тао Kuang) заявил: "Я не могу препятствовать ввозу этого яда. Корыстолюбивые и развращенные люди из жажды наживы на чувственности и слабостях человека собираются перечеркнуть мои желания, но ничто не заставит меня получать доходы от пороков и бедствия моего народа".

Центром всей английской торговли опиумом был Кантон, то есть тот город, откуда вышло сегодняшнее так называемое освободительное движение. За короткий период времени доказуемая контрабанда опиума увеличилась до 1700 ящиков в год. Но объем ее продолжал увеличиваться. Когда же однажды китайское правительство произвело обыск в домах английских коммерсантов, оно смогло конфисковать не менее 20 000 ящиков опиума. В конце тридцатых годов прошлого столетия дело дошло до крупного конфликта между британским правительством и Китаем. Для защиты контрабанды опиума пришлось использовать английские пушки. Китай был побежден, а заключенный в Нанкине в 1842 году договор, установил, что Англии передается "на вечные времена" Гонконг. Кантон, Амой (Amoy), Нинпо (Ningpo), Фушю и Шанхай должны были быть открыты для британской торговли. Кроме того Китай был вынужден заплатить 21 миллион долларов на возмещение военных убытков. Англия при этом продала кораблям китайских контрабандистов право на плавание под британским флагом!

Это положение вновь обострилось. В 1856 году началась вторая опиумная война. На этот раз при участии Франции. Последующий за ней позорный для Китая договор, заключенный в Тянь Цзыне (Tientsin), полностью "оправдал" торговлю опиумом. Это, длившееся десятилетиями, связывание Китая в интересах капиталистической системы, разрушающей народ, должно было безусловно каждый раз приводить к напряжениям. И сегодня мы стоим на пороге величайших потрясений.

Даже для знатока обстоятельств нелегко точно оценить все силы, которые сегодня

могут участвовать в борьбе, их значение и целевую установку. Признанные специалисты дают противоречивую по очень важным пунктам оценку различным китайским партиям и личностям. И это вполне естественно, поскольку истинную побудительную причину руководителей истолковать сразу невозможно.

Важными представляются здесь в равной степени два пункта, на которые до сих пор не обращали внимания или это внимание было недостаточным.

Со времени окончания мировой войны и почти полной победы международного финансового капитала, в основном руководимого евреями, политика владельцев этого капитала, несомненно, преследует цель поставить независимое еще островное государство под контроль денежной аристократии. Совещание в Вашингтоне в 1921 году обязало Японию отказаться от своих завоеваний в русско-японской и мировой войне и принудило ее далее остановить модернизацию своего флота. Чтобы забрать Японию полностью в свои руки, нужно было - как было сказано вначале - сделать Китай плацдармом агрессии. Этого можно было достигнуть или с помощью англо-американского воздействия - т.е. военно-технической мощи - или с помощью китайских войск, стоящих на службе у финансовой аристократии. И здесь мы подходим к крайне важному для сегодняшней мировой политики факту.

До и во время мировой войны еврейская финансовая аристократия объявила о совпадении своей политики с политикой Великобритании. Англия завоевала для еврейских торговцев бриллиантами когда-то Южную Африку (Левис, Бейт, Левизон и т.д.). Она передала крупным еврейским банкам во владение все финансовые транзакции (Ротшильд, Монтегю, Кассель, Лацардс и т.д.). Она позволила также торговле опиумом все больше переходить в еврейские руки: еврей лорд Ридинг (Исаакс) организовал важные переговоры по вопросам кредита с Северной Америкой, пока, наконец, Англия в результате так называемой Бэлфурской декларации не взяла на себя охрану еврейских интересов во всех государствах. "Франкфуртер цайтунг" со своей стороны точно знала, что имела в виду, заявив, что Бэлфурская декларация была "ферментом (английской) победы". Несмотря на это вмешательство еврейского финансового капитала в английскую жизнь, достаточно сильно проявились тем не менее консервативные силы с тем, чтобы проводить во всех странах активную политику по крайней мере против открытого большевизма и развернуть сильную антикоммунистическую пропаганду. Ответ на это дало еврейство, хоть и не напрямую в Англии, а за пределами Великобритании. Этим ответом становится подстрекательство всего большевизма во всем мире против Англии, далее полная поддержка вначале китайского юга всей еврейской мировой прессой и, в-третьих, созыв так называемого антиколониального конгресса в Брюсселе (март 1927 г.). За этим последовало подстрекательство к возмущениям всех колониальных народов Востока, в первую очередь всех индийцев, затем китайцев. Вся эта акция, действие которой мы можем ежедневно видеть на страницах демократическо-большевистской прессы, имеет, очевидно, цель принудить Англию к дальнейшим уступкам всемирному еврейству, а с другой стороны, при помощи получающих поддержку китайских генералов осуществить антияпонские выступления в Китае, а затем совершить подавление независимой еще от финансовой аристократии "мятежной" Японии.

Япония, конечно, имеет ясное представление о закулисной стороне этой политики Москвы и международных финансов и на основании инстинкта самосохранения должна все силы приложить к тому, чтобы укрепить силы Маньчжурии (если даже и не настолько, чтобы она смогла стать независимой от Японии). Поэтому японские офицеры снабдили раньше китайскую северную армию всеми техническими новшествами и совершенно независимо от того, каким будет соотношение сил в будущем, Япония будет всеми силами способствовать разделению власти в Китае.

Что касается движения, названного первоначально движением "Кантонцев", то оно осуществляется партией, которая называется гоминьдан, что означает то же самое, что и национальная партия империи Кантон, как уже говорилось, был центральным пунктом, где Китай особенно болезненно ощущал власть современного колониального империализма. Здесь в то время сильнее всего чувствовалось действие национально-революционной китайской энергии. Она восходит к воспитанному полностью на европейских национальных представлениях д-ру Сунь Ятсену, подлинному основателю партии гоминьдан. Свои стремления и принципы Сунь Ятсен изложил письменно¹²³. В его личной воле к сокрушению старых традиций Китая во имя национального обновления сомневаться приходится также мало, как и в желании подавить всякую чужеземную опеку. В своих речах он настойчиво указывает на то что ничто не ускоряет гибель страны больше, чем подавление экономическими средствами власти, которыми располагают англосаксонские силы (в которых он особенно подчеркивает еврейское влияние). Но Сунь Ятсен совершил катастрофическую ошибку в оценке Советской России. Он увидел в ней государство, которое "в момент величайшей опасности" выступило на борьбу "против несправедливости в мире". Этому некритическому заступничеству за власть большевиков Китай обязан страшными годами, когда пробольшевицкая политика Сунь Ятсена продолжала проводиться после его смерти, пока здоровый связанный с землей, инстинкт китайцев энергично не воспротивился разрушительному влиянию, не устранив окончательно опасности в крупных торговых городах.

Вокруг Сунь Ятсена как учителя сгруппировалась многочисленная китайская интеллигенция, которая ознакомилась во всех государствах Европы и Америки с чуждым миром идей и в качестве национал-революционной группы вернулась в свое отечество. Если еврейская мировая пресса не могла удержаться от громкого восхищения вождями кантонцев, то сразу следует заметить, что этих ведущих национал-революционных интеллигентов, конечно же, нельзя больше рассматривать как китайцев, связанных с природой китайского характера. Многие отбросили старые традиции и грезили в своих далеко не всегда китайских представлениях о "демократии", "суверенитете для народов" и подобных вещах, которым они научились в Европе и Америке. В определенном смысле они походили, пожалуй, на русских либералов, которые освободились от старых русских форм, чтобы потом осуществить совершенно не имеющую корней в нации революцию, пока сами, наконец, не были низвергнуты восставшими силами хаоса. Нечто подобное готовится и в Китае¹²⁴, поскольку было ясно, что в тот момент, когда внутренние раздоры усиливались и на Юге, позиция биржевых сил продолжала улучшаться. Ссуды и залоги на таможнях, железные дороги и т.д. и здесь представляют собой путь к ослаблению противника, а именно противника, испытывающего недостаток в деньгах и неспособного длительное время обеспечивать армию довольствием. Несмотря на все общеизвестные явления коррупции, попытки национализации Китая достойны удивления. Чем они закончатся предсказать не может никто.

Европейские государства проявляют по отношению к китайскому конфликту, как и к другим колониальным возмущениям заметную неопределенность, которая тем более

---

¹²³ Сунь Ятсен. "Основные учения о народности", "30 лет китайской революции". Берлин, 1927 г.

¹²⁴ Бывший ведущий китайский министр иностранных дел правительства Кантона, например, Евгений Чен, является человеком, который по свидетельству очевидцев уже совсем не производит впечатления человека, относящегося к китайской расе, он говорит по-английски как англичанин, одевается по последнем лондонской моде и ходит только в современных лаковых ботинках. Его дочь была воспитана полностью в американском духе, ходила в рейтузах и вызывала своей эмансипированностью возмущение в каждом истинном китайце. Такими же склонностями обладали и всевозможные советники, окружавшие Чена.

понятна, когда, например, в самом Лондоне между собой борются различные силы: еще не сломленная английская национальная воля, связанная с британским экономическим империализмом; ей противостоят методы и интересы чисто еврейского финансового капитала. Эти силы воздействуют с переменной интенсивностью на английскую внешнюю политику, и еврейство, конечно, не упустило случая по возможности закрепиться и в консервативных партиях.

Теперь для нас, как для немцев, так и для представителей белой расы вообще, встает вопрос: как мы относимся к Китаю в частности и ко всей колониальной политике европейских народов в целом при сегодняшнем кризисе, который, несомненно, имеет величайшее значение в мировой политике.

4

Британец — не мелкий лавочник; немец. — Древняя и новая Индия. — Ганди, Тагор, Васвани. — Индийский национализм, рефлекс Европы. — Британец как связующий элемент индийского населения. — Мусульманское движение борьбы. — Суэц, Гибралтар.

Британец издавна был менее строго охвачен государством по сравнению с европейцами континента, поскольку он мог создать такую свободную форму жизни, будучи островным жителем; но "мелким лавочником он не был никогда". Англичанин Гермейнс (Germaines) прав, заявляя: "Завоевывающий мир англичанин, выделяясь своими добродетелями и ужасая страстями, самоуверенный, грубый и храбрый одновременно, поднимает свою руку и... создает мировую империю как творческий господствующий народ!"¹²⁵ Это господство существует, разве что сильно тронутое при помощи Сити, по сей день.

Для оценки британской политики и будущей колониальной деятельности решающим является расовый человеческий материал этих колоний и представляющих интерес территорий. Китай только что был рассмотрен в этом плане. Экономический империализм по сравнению с этим старым культурным народом был губительным для обеих сторон. Отсюда вытекают органично определяющие будущее требования (смотри ниже). Совсем иначе дело обстоит с Индией, Египтом, Сирией, Южной Африкой.

Каждый европеец видит в древней Индии страну своей мечты. Во времена технического озверения не самые худшие ищут спасения в идеях Яйнавалкии, Шанкары, восхищаются героем Рамой, богом Кришной, поэтом Калидасой. Это имело следствием то, что эти европейские искатели Индии проповедовали освобождение через древнюю Индию и совсем не заметили, что эта арийская Индия благодаря этим открывающим сердце идеям поздних Упанишад погибла. Напротив, можно было наблюдать совсем другое явление, которое уже сейчас оказывает политическое воздействие на мир: вспышку индийского национализма в обладающей национальным сознанием европейской Британии. В процессе угнетения, при победном шествии западноевропейской национальной идеи в раздробленной Индии во многих душах вновь пробудилось народное самосознание во всех его жизненных проявлениях.

Люди начали не только изучать религиозные книги, но снова увлеклись героями Рамой и Арджуной. Индийцы ездят сегодня по Европе, восхваляют величие своего народа и требуют для него свободы. Рабиндранат Тагор усматривает в форме ненасильственного индийского национализма освобождение мира, Ганди проповедует непрерывное пассивное сопротивление как народное движение. Параллельно идут

---

¹²⁵ "Правда о халтурщиках".

более энергичные стремления, вся энергия которых поддерживалась только Индией. "Аскетизм не мог долго подавлять арийское мышление", - провозглашает к нашему удивлению современный индийский проповедник Вашвани (Vasvani). Молодежь должна углубиться в историю, тогда она узнает, что великие патриоты всегда были "творческими, динамическими умами". Индийцу следует преподавать "историю героев". "Историю пока не преподают в свете развития индийской расы", говорит далее Вашвани.

Мы видим здесь явно европейское ощущение жизни, которое, правда, сразу же снова ослабляется замечаниями о том, что не цвет кожи и не предки сделали Брамана, а характер. Здесь открывается весь трагизм самого индийца, выдающегося из 300 миллионов своих соотечественников. Потому что, если бы он хотел показать развитие арийцев, он должен был бы признать, что ариец деградировал почти до конца. Он оставил героические песни, глубокую, великую философию, которую потом загнали в экстремальное, безбрежное, джунгледоподобное нечто, которое способствовало развитию расового хаоса. То, что немногие возрожденные и заново вдохновленные импульсами европейской воли индийцы в состоянии еще вырастить из этого темного коренного населения народ, имеющий хотя бы приближенную общность с их идеями, может справедливо отрицаться до тех пор, пока такой народ не будет создан. Призыв святого древнего университета в Наланде с его 3000 преподавателей звучит так же печально, как и возглас о "сияющем великолепии" индийца "грядущего времени", тогда как сразу после этого идеи национальности и расы стали называть "идолами". Творческая сила арийско-индийских форм мышления и жизни как результат нордической расы и индийской природы хоть и велика, но расовая субстанция, из души которой когда-то возникли идеи и государства, исчезла без остатка. Поэтому Индия дала только усталого Ганди с его пацифизмом, а не полководца, воплощающего возрождение нации.

Сюда относится и то, что из индийского религиозного здания магометанство выбило мощные каменные глыбы, которые невозможно вернуть на место по указанным уже причинам. Кто знает сущность распространяющейся веры в Коран, в ее воздействие на души малоазиатских народов, тот поймет, что чуждая арийскому индийцу неполноценная раса может стать надежным инструментом в руках ислама. Индийская религия терпима до растворения, ислам фанатичен до самопожертвования. Хотя индиец утверждает, что мягкий тверже твердого, подобно учению Лао Цзы он говорит: "Будь смиренен, и ты будешь повелителем человечества". Эти речи привели к тому, что раса погибла, а сердечное великодушие в чужих руках стало безобразнейшим фокусом. Всюду победила идея, за которой стояла воля к власти. Войны между индусами и мусульманами, которые прекратились с тем, чтобы образовать общий фронт против Англии, в один момент будут направлены на самое дикое убийство, в результате чего британец покинет эту страну. Пусть любой из тысячи упреков, которые "индиец" бросает Англии, будет справедлив: тот факт, что Англия существует, как один центр власти, предотвращает падение крови, возвращение в более худшие времена, чем те, которые есть сейчас. Ганди, Дас, Вашвани и т.д. были возможны только благодаря европейскому давлению. Никого это не удовлетворяет больше, чем нас, когда они и их соратники строят для своего народа учебные заведения, предоставляют врачей, утоляют голод и проповедуют старинное почитание героев. Но что Индии необходимо иметь над собой господствующую руку - несомненно.

Как с нордической в целом, так и с немецкой точки зрения в частности, господство над Индией со стороны Великобритании следует поддерживать. Это может осуществиться без всякой задней мысли и одновременно с полнейшей симпатией к Великой Индии прошлого и к современным ее учителям. Отвергать нужно те попытки, которые на основании сентиментального восхищения личностью Ганди требуют ассимиляции Индии и хотят сделать из нее "английский доминион", потому что эта

попытка влечет за собой расовое смешение, а вместе с ним и закат белой цивилизации в этой стране (политика, проводимая в 1929 году правительством лейбористской партии). Великобритания в своих интересах и в интересах белой расы не имеет права здесь уступать, если она не хочет такого же крушения, которое испытали ее предшественники по управлению Индией. Когда-то здесь правили португальцы. Их роскошные постройки в Гоа (Goa) дают путешественнику еще сегодня представление о былой политической мощи этого народа. Но, тем не менее, девственный лес и непроходимые джунгли овладели этим городом, змеи обвивают изразцовые элементы древних дворцов, в то время, как насчитывающее полмиллиона нечистокровное население от светлокожих и до самых смуглых его представителей свидетельствует о новом падении человека в расовое болото, о поглощении белой крови и ее подсознания темной, цепкой, но бесплодной силой местной расы.

При внешнем рассмотрении мир ислама в настоящее время расколот: в Аравии бушуют ожесточенные религиозные распри между различными сектами, индийцы типа беспомощно-пацифистского Ганди протягивают ему свои руки в знак индийского национального братания, Анкара стала турецкой по национальности и отказывается дальше играть роль "мировой руки Мекки". Сюда же относится отмена халифата Кемалем Ататюрком. Но все же в исламских центрах поднимается сильное и агрессивное духовное настроение, которому поверхностное общество уделило недостаточно внимания. Это заметно прежде всего в Каире. Здесь старый университет Эль-Асхар (El Azhar) действует в направлении антиевропейской, антихристианской пропаганды и воспитывает фанатичную молодежь. Из Каира по всему свету расходятся тысячи религиозных произведений, сотни тысяч листовок, которые поддерживают ненависть мусульманского духовенства в Африке и Восточной Азии и проповедуют агрессивность в самой острой форме. Знатоки сообщают, что один книжный магазин Каира ежемесячно посылает 5000 брошюр только на Яву. "Битва (ислама) выиграна, мы не "владеем" только предметами", - заявляет как эхо в ответ на эту агитационную работу крупная мусульманская газета в Мадрасе. "Из Сьерра Леоне, с одной стороны, и Борнео, с другой, нас спрашивают о красоте ислама", - ликует другая газета в Данке¹²⁶. В одной только Индии издается три перевода Корана, 20 000 экземпляров одного из них было продано за год только в одной Калькутте. Листовки в форме амулетов в миллионах экземпляров рассылаются верующим. Британская Западная Африка насчитывает сегодня на 16 миллионов жителей 11 миллионов мусульман, Восточная Африка на 11 почти 2. Того считается мусульманским наполовину, Нигерия - на две трети, Голландская Индия на 50 миллионов имеет 36 миллионов магометан. Везде, там где в колониях происходит смешение рас, ислам находит среди метисов восторженных сторонников, обещая в то же время неграм свободу в результате совместной борьбы против Европы. Индиец Вашвани пишет¹²⁷: "Я говорю вам (европейцам), будьте начеку!" Древний индиец говорит: "Остерегайтесь слез слабости. Уже все слабые на Востоке, индусы и мусульмане в Индии, Египте, Персии, Алжире и Афганистане страдают от господства эгоистичного агрессивного империализма Запада". Перед этой, когда-то, по-видимому, объединившейся ненавистью цветных рас и метисов, управляемой фанатичным духом Магомета, у белых рас имеется основание, более чем когда-либо, быть начеку.

То, что Англия остается в Суэце в качестве защитницы Северной Европы от вторжения Малой Азии, но одновременно для того, чтобы держать исламскую силу под угрозой в рамках Мекки, в Индии, Египте и Сирии, представляет собой акт сохранения

---

¹²⁶ Сравни: Г. Симон. "Мир ислама и новое время". Верингероде, 1925 г.

¹²⁷ "Культура Индии и ее исламские борцы". Штутгарт, 1926 г.

Европы. Что касается Константинополя, то перед ним находятся балканские народы, интересы которых требуют постоянного вооружения Турции. За ними расположена Украина, которая не может допустить господства Турции над Византией. Снос всех укреплений Дарданелл и интернационализация Босфора могла бы удовлетворить как Россию, так и Англию.

С появлением воздушного флота Гибралтар потерял для Великобритании свое значение. Тем не менее, нельзя смириться с тем, что Франция подчиняет себе расположенное напротив Марокко. В результате возникает необходимость сближения между Лондоном и Мадридом. В сферу этих интересов попадает необходимость расширения Италии, которая должна сохранять силу своего народа вблизи метрополии. Итальянская политика, если она хочет быть органичной, касается прежде всего Туниса, Триполи и некоторых островов Средиземноморья. На западе этого региона действует, таким образом, союз Лондон-Мадрид-Рим, который дополняя северную систему государств (Берлин, Лондон, Осло, Стокгольм, Копенгаген, Хельсинки), поддерживает ее, никоим образом ей не мешая.

Британские доминионы становятся все самостоятельнее. Однако при определенных обстоятельствах это не мешает тому, чтобы их энергичное развитие оставалось тесно связанным с Англией. Южная Африка должна будет остаться в нордических руках как гарантия другого морского пути в Индию. Осуществляемые в настоящее время законы, направленные против индийцев, будут применены и к чернокожим, метисам и евреям, чтобы сделать возможной органичную жизнь в Южной Африке и создать там духовный опорный пункт, если черное пробуждение станет опасным.

5

Пробуждение черных. — Эфиопия; Маркус Гарвей. Южная Африка. — США как нордический вызов. — Решение вопроса о желтых, черных и евреях. — Не распространение, а концентрация. Задача Филиппин.

Над этим пробуждением еще иронизируют, однако делают это только очень близорукие люди. Миф крови в другой форме ожил также и под черной кожей. О прежних "дворцах" в Тимбукту и на Ниле мечтает не только Маркус Гарвей, но вместе с ним многие тысячи негров, пробудившихся интеллектуально.

Несмотря на большую раздробленность, во многих местах мира автоматически образуются уже негритянские центры, сознательно добывающиеся "Африканской империи". Так в Эфиопии, в Либерии, в Западной Африке это расовое движение подкрепляется религиозными идеалами, которыми негры обязаны - даже если и косвенно - христианским проповедникам. Чернокожий Бог, чернокожий Спаситель и чернокожая Дева Мария являются уже общеупотребительными представлениями. Более важными являются центры сильных в финансовом отношении негритянских союзов в Америке. На самых экстремальных позициях стоит группа Гарвея, более умеренной представляется партия Дюбуа (Dubois), еще более осторожно высказывается союз "Новые негры". В 1925 году был основан боевой союз против белой расы, который называет себя "The Negro Champion" (негритянский чемпион). О его целях высказался упомянутый Дюбуа¹²⁸: "Какой бы дикой и ужасной не была эта позорная война, она ничего не значит по сравнению с борьбой за свободу, которую будет вести черное, желтое и коричневое человечество против белого до тех пор, пока не прекратятся навсегда неуважение, оскорбление и угнетение. Черная раса будет терпеть унижения до

---

¹²⁸ "Белое знамя. Август 1925 г. Издательство Иог. Баум, Пфуллинген.

тех пор, пока будет к этому вынуждена, но ни минуты больше". И еще более четко выразил стремление чернокожих Гарвей: "Что дозволено белому, должно быть разрешено и черному: а именно свобода и демократия. Если у англичан есть Англия, у французов Франция, у итальянцев Италия, на которые они имеют право, то негры требуют Африку - и они будут готовы пролить за удовлетворение этого требования свою кровь. Мы хотим разработать закон для всех негритянских рас и конституцию, которая любому позволит сформировать свою собственную судьбу... Самая кровавая из всех войн начнется в тот момент, когда Европа направит свои силы против Азии. Тогда для черного мира наступит момент поднять меч за окончательное освобождение и возвращение Африки". И если сегодня негритянский народ еще не представляет мощной силы, то миф крови уже разбужен и здесь. Его сила через 50 лет чудовищно вырастет. До этого нордический человек должен предусмотрительно позаботиться о том, чтобы в его государствах больше не было негров, желтых, мулатов, евреев. Это сознание составило проблему Америки.

И в Соединенных Штатах Америки расовая политика должна повлиять и повлияет на мировую политику, так же, как когда-то идея демократии определила жизнь почти всех штатов. Северная Америка -это государство, в котором масонские "права человека" были осуществлены прежде всего. Брат Вашингтон стал типом этого стремления, а американское провозглашение свободы примером для Droits de l'homme (права человека) французского восстания. Освобождение негров в южных штатах было осуществлено, правда, для того, чтобы заниматься торговыми операциями, но сделано это под боевые крики о "правах человека". Сейчас каждый отдельный американец проклинает этот негритянский вопрос. Каждый отдельный, потому что как государство устаревший либерализм все еще добивается "свободы", даже если она внедряется при помощи резиновой дубинки. Негритянский вопрос стоит во главе всех вопросов в Америке. Если здесь, наконец, отказались от глупого принципа равенства и равноправия всех рас и религий, то сами собой напрашиваются необходимые выводы в отношении к желтым и евреям. Здоровый инстинкт почти преодолел демократическую теорию за счет установления расовой границы, но невозможно воспрепятствовать тому, что негры усвоят "цивилизацию", откроют торговые дома, станут адвокатами, сознательно сплотятся в политическом плане, благодаря скромному образу жизни внесут в свои общие кассы крупные суммы и начнут сознательно мечтать о черной мировой империи от Каира до мыса Доброй Надежды. Именно здесь необходимо вмешательство американского законодательства и сознательно начаться выселение чернокожих обратно в Африку. Лишение политических и гражданских прав и организация планомерно увеличивающейся из года в год высылки чернокожих в Центральную Африку были бы акциями, способными обеспечить существенный выигрыш, при котором каждый негр мог бы быть заменен белым, а США как государство стало бы более однородным. Если этого не произойдет, то сегодняшние 12 миллионов чернокожих за короткое время увеличат свою численность до 50 миллионов и в качестве армии большевизма нанесут белой Америке решительный удар.

Желтая опасность в Калифорнии точно так же обострила расовую проблему. В мировой политической практике есть пример тому, насколько малую роль может играть так называемый правовой вопрос в расовых войнах, то есть фактически в элементарном переселении народов. Япония перенаселена, человека нужно привязать к жилью, чтобы его не раздавили. Это его жизненное право и необходимость. Правящий еще сегодня в Северной Америке слой белых людей обязан сохранить себя и должен охранять свой западный берег от желтого нашествия. Под лозунгом бесчестной власти денег, которая строит свои банковские дворцы, именно благодаря расовой розни, этот вопрос решить невозможно. Бесчестная власть денег должна неизбежно стремиться к мировому господству за счет мировой задолженности. Установление расовых

органичных границ на земном шаре означает в такой же степени неизбежность конца международной валюты, имеющей золотое обеспечение, а вместе с этим конца еврейского мессианства, которое почти воплотилось в господстве мировых банков и должно завершить этот процесс в создании еврейского центра в Иерусалиме. Дипломатия всех народов готовится к грядущему столкновению между Соединенными Штатами и Японией, а чернокожий уже вполне сознательно ждет этого!

За Китай, как уже было сказано, идет борьба как за стратегический плацдарм или тыловое прикрытие. Новая мировая война неизбежна, если не осуществить формирование государств на основе расового мифа. Удаление желтых из процветающего Запада и Америки является жизненной необходимостью, которая поднимается над всеми бумажными "правами". Но она требует также признания расового права на жизнь для японского культурного народа. Отсюда для будущего североамериканского расового государства вытекает то, что оно отказывается от своего права на владение своими восточноазиатскими колониями, чтобы заселить их японцами из Калифорнии. Это звучит чудовищно, потому что американская морская база на Филиппинах рассматривается как гарантия безопасности американской торговли в Восточной Азии и одновременно как выходные ворота к Японии на случай войны. Хотя с точки зрения современного экономического империализма это необходимо, но не является больше жизненно важным, если Северная Америка исключила чуждые ей в расовом плане составные части и начала обосновываться на своем огромном жизненном пространстве между Атлантикой и Тихим океаном. Эпоха безграничного расширения (экспансии) закончилась с мировой войной и с мировым господством денег. Сегодня начинается эпоха внутреннего сосредоточения (концентрации), которая приведет к органически разделенной в расовом плане системе государств. Осознать эту идею и трудиться над ее осуществлением призваны сегодня все философы, историки, государственные деятели всех народов. Народная идея фальсифицируется сегодня международной биржей, в то время, как происходит подстрекательство к войне между государствами и подавляется любое мероприятие, любая мысль, которые могли бы оказать смягчающее влияние.

И весь сегодняшний "пацифизм" оказывается при рассмотрении с этой точки зрения полностью лживым движением. Ведь оно основывается на признании демократии, т.е. власти денег. Ее самолечение "всемирным разоружением" есть не что иное, как обман с целью отвлечь народы от истинной причины появления нарыва на их теле. Не разоружением армии и флота нужно добиваться мирового удовлетворения, а полным уничтожением бесчестной демократии, безрасовой государственной идеи XIX века, опустошения мировой экономики при помощи финансов, которые сегодня "во имя народов" приведут к гибели всех государств, если не будет признана, принята и воплощена в жизнь религия крови. Очищенная от черных, желтых и евреев, сознательно воспитанная в нордическом европейском духе, Америка в тысячу раз сильнее той, которая подорвана этой чуждой кровью, даже если она имеет такие большие колонии и морские опорные пункты. Мировая политика Англии была возможна не только благодаря своему островному положению, но и благодаря тому факту, что саксы и норманны создали единый народ, и потому, что центр был чистым в расовом отношении. Сегодня, когда в Лондоне евреи из Сити влияют на политику и одновременно поставляют "пролетарских вождей", британская политика уже потеряла свое постоянство. Если дом Англии не будет очищен, если Англия по неосторожности сдаст свои далеко расположенные на земном шаре позиции, то катастрофы не избежать. И в связи с этим заново встает китайская проблема.

Государственный деятель, который имеет в виду только нордические европейские и нордические североамериканские интересы, поддержит боевой клич, который направлен против сегодняшних европейских и американских государств: Восточная Азия восточным азиатам! Японию и Китай следует оценивать иначе, чем Индию, Африку и т.д. Эти две страны должны получить возможность позволить своим народам по крайней мере жить. Для этого необходимо, чтобы в их распоряжении находилось все жизненное пространство от Маньчжурии до Индокитая и Малакки вместе с прилегающими к ним островами. Препятствовать проникновению желтых в Северную Америку и Австралию, но одновременно желая колонизировать или освоить Дальний Восток -это капиталистический бред, который сегодня начинает мстить вспышками восстаний в Китае. Возможно, что используемая в преступных целях техника белых сегодня победит, возможно, что желтого оттеснят, задушат. Но тогда он неизбежно обратит свое лицо в другую сторону и пойдет по следам Чингиз-хана, Тамерлана и Аттилы. То, чего не смогли сделать Ленин и Троцкий, чтобы довести дремавшие в большевизме силы до последней стадии развития, станет фактом благодаря мировой политике ослепленной Европы и ослепленной Америки. Сможет ли тогда уже деморализованная и надолго обессилевшая Россия сдерживать надвигающийся многомиллионный поток желтых? Более чем сомнительно! И слова Бисмарка о том, что однажды желтые будут поить своих верблюдов в Рейне, сбудутся.

Спасение от гибели совершенно точно заключается совсем в противоположном выводе, чем тот, который приблизительно делает Шпенглер. Не капитанов индустрии и Цезарей, царящих над безличностными массами, следует утверждать в качестве "судьбы", а следует признать, что это "будущее" уже сегодня стало наполовину прошлым, что всюду появляются силы, которые из гибели старого уже формируют новую картину мира. И эти процессы "необратимы"! Эти силы нашей души и нашей крови также являются "судьбой", каковой были стремление к открытию мира в XV и XVI веках, к человеческой культуре и мировому государству в XVIII и XIX веках.

Соединенные Штаты Америки, по единодушному мнению путешественников, - прекрасная страна будущего, имеющая перед собой великую задачу, после того, как будет покончено с устаревшими идеями основания и теперешним процентным составом (т.е. будет отброшена идея Нью-Йорка) с новыми силами приступить к осуществлению новой идеи расового государства, которую некоторые пробудившиеся американцы уже предчувствовали (Грант, Стоддард). Эта задача - выселение и расселение негров и желтых, предоставление восточноазиатских владений Японии, воздействие на подготовку черной колонизации Центральной Африки, выселение евреев на территорию, где весь этот "народ" может разместиться, в соответствии с направленной на это будущей европейской политикой.

Попытки последних десятилетий завоевать даже самый дальний уголок мира при помощи пушек с тем, чтобы держать эксплуатируемые народы в "мире и порядке" не был показателем силы, а свидетельствовал о слабости, точно так же, как слишком многочисленная полиция в государстве говорит не о сильной его структуре, а о его непрочности. Возражения о том, что Европа и Америка должны, например, "подстраховаться" себя в Восточной Азии с тем, чтобы сохранить свою торговлю в Китае, а вместе с ней уберечь сотни тысяч и даже миллионы человек у себя на родине от краха, несостоятельны и могут претендовать на актуальность только внутри современного варварского экономического империализма. Настолько плотно

заселенная страна как Китай должна вывозить свою продукцию, и нет необходимости в бронированных кораблях, чтобы произвести погрузку чая и пряностей и взамен выгрузить европейские товары. В течение десятилетий Китай представляет собой огромный рынок для химической и технической продукции Запада, необходимый Китаю, чтобы сохранить возможность увеличения богатств своей земли. Китай будет заключать торговые договора со всеми государствами в своих собственных интересах, чтобы обеспечить в своей стране работу, заработок и порядок, не испытывая давления со стороны торговцев опиумом из Калькутты и Бомбея. Он сумеет, конечно, достаточно хорошо защищаться, если занимающиеся ростовщицеством мировые банкиры захотят видеть все культурные страны в качестве плантаций для своих займов, выкачивать проценты и сделать хозяином всей страны комиссара по финансам, как это цинично сделал диктат Дауэса с Германией. И это хорошо.

Сегодняшние государственные задолженности рассматриваются уже как гражданско-правовой договор. Разрыв многих договоров об уплате дани, несмотря на невозможность их выполнения, для многих народов могут иметь следствием тяжелейшие конфликты с мировыми государствами, точнее с банкирами, управляющими этими государствами. Вмешательство в дела так называемых Государственных железных дорог или в дела Государственного банка также повлекло за собой тяжелые внешнеполитические осложнения. "Немецкими" железные дороги, деньги, все государство назывались, таким образом, не по праву. Немецкими здесь были только работающие рабы, правили же французы, евреи, американцы. Такое состояние долго поддерживать было невозможно, и если при изменении политического положения последует разрядка, виноваты в этом будут лишь жадные до денег представители демократии. После Германии одно государство за другим попадало в сети той разбойничьей системы мировой политики, которой мы обязаны диктатом, касающимся дани. Но одновременно начинается и пробуждение. Этот факт, особенно на основании германского подъема в 1933 году, неизбежно приведет, в основном, к постоянным лозунгам.

Не международный частный синдикат (Ратенау), не всемирные экономические тресты, поставленные над всеми народами как "цель и смысл мировой истории", не безрасовый союз народов должны провозгласить нордическое германское обновление в отношении европейской и мировой политики, а определяемые расой государственные системы, которые сосуществуют в форме симбиоза. Они не должны погибнуть при бесконечном перемешивании в бесформенном хаосе, что является сегодня неизбежным следствием прежней демократической мировой политики. Должны главенствовать также государственные системы, которые на основании этого органичного разделения гарантируют политическое господство белой расы над земным шаром.

Поэтому идея обоснованной расой мировой политики в отношении Восточной Азии означает выделение, выбивание одного государства за другим из сегодняшней всегосударственной и надгосударственной финансовой системы, которая давно на четыре пятых управляется евреями. Безрасовой Пан-Европе, хаотическому "мировому правосудию", ненародной масонской мировой республике противостоит эта новая идея нордической сущности, как единственно опасная для них, благодаря своей органичности. Все другие больше не действуют. И согласно этой оценке борющихся сил в плане мировой политики снова возникает утверждение упомянутой вначале государственной системы, создание которой соответствует только интересам нордических культур и формирующих государство сил: германско-скандинавского блока с целью защиты Северной Европы от коммунистической волны, предотвращения образования опасности, концентрирующейся на Востоке; союза этого блока с Англией, господство которой над Индией также обеспечено только предотвращением политической власти азиатов; несмотря на имеющиеся большие напряжения, взаимной

поддержки расовой политики белых в Северной Америке при условии отмены американских требований дани от Германии и Англии; военного союза под руководством Италии; на Дальнем Востоке желтой государственной системы при совместной охране жизненных интересов белых Северной Америкой и Европой. Насколько эта органичная воля сможет пробиться, покажет будущее.

Сама Германия в этом случае получит, наконец, возможность обеспечить своим 100 миллионам достаточно жизненного пространства в Европе. Причем политика здесь вновь восходит к метафизике: внутренняя свобода творчества народа также привязана к политической независимости, но только эта независимость может гарантировать продолжительность и силу национального понятия чести. Поэтому призыв к собственному пространству, к собственному хлебу является также предпосылкой к победе духовных ценностей, к формированию немецкого характера. В этой великой борьбе за существование, в борьбе за честь, свободу и хлеб такой творческой нации как германская, ее народ вправе ожидать того уважения, которое безоговорочно оказывали менее значительным нациям. Земля должна быть свободна для обработки руками немецких крестьян. Только это одно даст возможность немецкому народу, сжатому в тесном пространстве, вздохнуть свободно. Но в результате этого произойдет и возникновение новой культурной эпохи - эпохи белого человека.

VII

Единство сущности

1

Монолит прошлого, настоящего и будущего. — Один как преходящая фигура и вечное сравнение. — Его возрождение в Альтифасе, Эккехарте, Бахе. — Сила для смерти. — Франки в Галлии. — Древняя Германия.

Народ потерян как народ, не существует больше как таковой, если, оглядываясь в его историю и познавая его волю к будущему, мы больше не увидим единства. В каких бы формах не протекало прошлое, но если нация дойдет до того, что и в самом деле отречется от признаков своего духовного пробуждения, она отречется при этом и от корней своего бытия и становления и обречет себя на бесплодие, потому что история не представляет собой развитие из ничего в нечто, из незначительного в великое, преобразование сущности во что-то иное. Первичное пробуждение в расовом и народном плане при помощи национальных героев, богов и поэтов является уже навсегда апогеем. Это первое большое мифическое высшее достижение в основном уже больше не "совершенствуется", а только принимает другие формы. Присущая Богу или герою ценность, является вечной в хорошем так же, как и в плохом. Гомер представлял собой вершину греческой культуры и защищал ее при ее падении. Яхве - это живущий инстинктами иудаизм, вера в него - это сила какого-нибудь мелкого еврейского спекулянта из Польши.

Это единство действительно и для немецкой истории, для ее людей, ее ценностей, для древнего и нового мифа, для основных идей немецкой народности.

Форма Одина отмерла, т.е. Одина, самого главного из всех богов как воплощения

природной символики, объективно преданного поколения. Но Один¹²⁹ как вечное зеркальное отражение древних духовных сил нордического человека сегодня живет так же как и 5000 лет тому назад. Он объединяет в себе честь и героизм, создание песни, т.е. искусства, защиту права и вечный поиск мудрости. Один узнаёт, что по вине богов, за нарушение договора со строителями Валгаллы род богов должен погибнуть. Видя эту гибель, он, тем не менее, приказывает Геймдалу созвать своим горном азов на решающую битву. Неудовлетворенный, вечно ищущий бог, странствует по вселенной, для постижения судьбы и сущности бытия. Он жертвует глазом, чтобы познать глубочайшую мудрость. В качестве вечного странника он является символом нордической вечно ищущей в своем становлении души, которая не может самоуспокоенно вернуться к Яхве или к его наместнику. Неукротимая воля, которая первоначально так сурово звучала в боевых песнях о Торе на нордической земле, уже с самого начала своего появления свидетельствовала о внутренней, устремленной, ищущей мудрость метафизической стороне Одина-странника. Но тот же дух вновь проявляется у свободных великих остготов, у благочестивого Вульфилы. Это проявляется также - совпадая даже во времени - в усиливающемся рыцарстве и у великих нордических западноевропейских мистиков во главе с величайшим из них - мастером Эккехартом. И снова мы констатируем, что когда во фридрицианской Пруссии душа, породившая однажды Одина, снова ожила у Хоенфридберга и Лойтена, одновременно она возродилась в душе Томаскатора и Гёте. С этой точки зрения глубоко оправданным кажется утверждение о том, что нордическое героическое сказание, прусский марш, сочинение Баха, проповедь Эккехарта, монолог Фауста - все они представляют собой различные выражения одной и той же души, творение той же воли, вечные силы, которые сначала объединялись под именем Один, а в новое время нашли воплощение в Фридрихе и Бисмарке. И пока действуют эти силы, живет и творит еще нордическая кровь в мистическом объединении с нордической душой в качестве предпосылки для любого истинно типичного творчества.

Живым является только миф и его формы, и за него люди готовы умереть. Когда франки покинули свои древние родные рощи, и их тела и души лишились корней, постепенно покидали их и силы, которые помогали противостоять сильным и сплоченным жителям Галлии. Напрасно Теодорих пытался обратить короля франков Хлодвига в арианство, чтобы обеспечить по крайней мере национальные предпосылки в отношении к Риму. Подстрекаемый своей истеричной женой вождь сильнейшего в военном отношении германского племени осуществил духовный переход в римский лагерь. И хотя ни он, ни другие франки не думали о том, чтобы отказаться от своего героизма, они поставили его рядом с христианством, чтобы бороться за него, за свою славу и свою власть. Обусловленный первым шагом римский миф заглушил затем древнегерманскую идею крови и смог взять на себя ведущую роль. Теперь все войны происходят под знаком креста. И когда этот крест, наконец, победил, началась борьба внутри "обращенного" мира против еретиков и протестантов, которые со своей стороны также несли знак креста на поле боя. Потом миф о мученическом кресте умер, что сегодняшние Церкви пытаются также утаить, как когда-то германцы утаивали смерть древних богов, потому что за христианский крест нельзя больше втянуть в войну ни одну североευропейскую армию, даже испанскую или итальянскую. Сегодня хоть и умирают также за идеи, символы и знамена (или только за идеи), но ни один из этих эталонов не несет знака, который когда-то победил "благочестивого" Хлодвига. И то, что не наполняет живых огнем настолько, чтобы они отдали за это жизнь, сегодня

---

¹²⁹ Герман Вирт находит в древнем мире богов также черты упадка. В частности, влияние эскимосской расы. Это может быть и так, но собственно германского народа это не касается.

мертво, и ни одна сила не возродит это к жизни. Чтобы можно было сегодня еще оказывать влияние во имя "креста", Церкви вынуждены прятаться за идеи и символы пробужденного заново мифа. Но это как раз и есть знаки силы, уничтожить которую стремился когда-то "Бонифаций" и Виллибальд, знаки той крови, которая когда-то создала Одина и Бальдура, которая когда-то дала мастера Эккехарта, начавшего наконец сознавать самого себя, когда было произнесено слово Пангермания, когда и Гёте снова увидел задачу нашего народа в том, чтобы сломать Римскую империю и основать новый мир.

2

"Абсолютная истина", античность и германское мышление. — Народная "полуправда". — Видимость, ложь, заблуждение, грех. — "Знание" расы.

Мыслитель древней Греции предполагал, что раньше или позже разум сделает возможным полное познание вселенной. Поздно, слишком поздно стало ясно, что человеческая сущность заключает в себя невозможность понимания "абсолютной истины", а также предполагаемого смысла событий на земле. Даже если нам искомую "абсолютную истину" провозглашают - мы не сможем ни осознать, ни понять ее, потому что она не будет иметь ни пространства, ни времени, ни причины. Несмотря на это, поток стремления к абсолютному проходил все еще через души людей. Подобно преисполненному надежды древнему миру и сегодняшние корпоративные философы серьезно и по-деловому занимаются поисками или охотой за так называемой вечной истиной. Эту истину они ищут на пути чистой логики, делая выводы все дальше и дальше от аксиомы рассудка. Последнее мнение базируется, таким образом, в основном на первых утверждениях, а значит представляет собой не что иное, как логический анализ, разбор массы идей до мельчайших абстракций идей рассудка. В этой плоскости исследования - с точки зрения рассудка - одной предполагаемой истине противостоит кажущееся вечным заблуждение. Отсюда понятно отчаяние Шопенгауэра при изучении мировой истории, отсюда - капитуляция Хердера при поиске абсолютного "замысла", отсюда - бесконечные попытки представить так называемое создание письменности у всех народов, гуманизацию всех рас, единое человечество в качестве "вечных целей". Идеи чисто абстрактного схоластического характера, которые вытекают из желания их автора, но также из сферы интересов их создателей.

Эта точка зрения владеет и сегодня всем нашим философствованием. Те мыслители, которые хотят передать нам мировоззрение, связанное с народом, видят в этой желанной народной истине только часть "вечной истины", то есть движутся в рассудочно-разумной логической плоскости нашей сущности, как будто она является единственной платформой для изучения человека. Но есть еще и другие.

Если я положу горошину на внешнюю сторону указательного пальца, накрою ее средним пальцем и слегка покатаю ее, у меня возникнет ощущение, что я держу две горошины. В этом и тысяче других случаев истина противостоит иллюзии, а мнение основывается на чувственном восприятии. В плоскости нравственной воли - это ложь, которая здесь противостоит истине. Во всех этих случаях утонченный немецкий язык располагает достойными внимания оттенками, которые указывают на все новые сферы понятия "я"; общим для всех является только то, что логическая, наглядная, волевая истина всегда представляет собой отношение суждения к чему-то, находящемуся вне его. Поэтому Шопенгауэр считал возможным утверждать совершенно отвлеченно, что "внутренняя истина представляет собой противоречие".

Но это будет не так, если мы кроме трех противопоставлений поймем идею совсем другой истины, которую я хочу назвать органичной истиной и которой посвящено

содержание всей этой книги.

Организм живого существа представляет собой форму, т.е. он понимает для себя целесообразность своего внутреннего и внешнего строения, целеустремленность своих духовных и мыслительных сил. Форма и целесообразность органично представляют собой одно и то же (Х. Ст. Чемберлен). Первое показывает сущность с точки зрения зрительного восприятия, второе - с точки зрения познания разумом. А что необходимо познать, и что составляет ядро нового взгляда на мир и государство в XX веке? Это то, что органичная истина лежит в себе самой и проявляется в целесообразности жизненной формы. То, что в первой книге было противопоставлено друг другу как бытие и его форма, в углубленном и расширенном смысле оказывается общим критерием во всех областях. Целесообразность определяет жизненную структуру живого существа, нецелесообразность - его гибель. Одновременно здесь содержится средство для облагораживания формы или придания ей уродства. При более глубоком рассмотрении такое вмешательство в образование формы означает двойной грех: грех против природы и грех против развивающихся внутренних сил и ценностей. Покоящаяся сама в себе органичная истина охватывает, таким образом, логические, наглядные и волевые плоскости прямо-таки в трех измерениях; форма и целесообразность при этом являются понятным мерилем не "части вечной истины", а сами являются истиной, пока они вообще могут проявляться внутри наших форм зрительного восприятия.

Логическую часть этой общей истины, т.е. владение инструментами понимания и разума, представляет критика познания. Наглядная часть общей истины раскрывается в искусстве, а также в сказках и религиозном мифе; волевою часть (в тесном взаимодействии с наглядной) символизируют теория нравственности и религиозные формы. Они всегда стоят - если истинны - на службе у органичной истины, то есть на службе у связанной с расой народности. Оттуда они приходят, туда они уходят. И решающий критерий они все находят в определении, растут или не растут форма и внутренние ценности этой расовой народности, формируются ли они более целесообразно с усилением жизненной силы или нет.

При этом древний конфликт между знанием и верой, если и не разрешается, то объясняется на его органичной основе, и в результате возникает возможность нового рассмотрения. Поиски "абсолютной вечной истины" воспринимались исключительно как вопрос знания, т.е. дело, если и невозможное в техническом плане, то, тем не менее, постижимое приблизительно. Это было совершенно неправильно. Последнее возможное "знание" расы заключается уже в ее первом религиозном мифе. И признание этого факта представляет собой последнюю собственную мудрость человека. Если Гёте в своей чудодейственной манере говорит, что знание нравится нам как что-то всегда новое, небывалое, мудрость же как "самовоспоминание", то этим сказано - с другой стороны - то же самое. Собственное, наполненное мудростью созерцание мира, и органичное самосовершенствование означают ощущение того потока крови, который объединяет древнегерманских поэтов, великих мыслителей и художников, немецких государственных деятелей и полководцев. Мифическим воспоминанием является тот момент, когда образ саксонского герцога Видукинда представляется великим и родственным Мартину Лютеру и Бисмарку. Сокровеннейшей жизненной мудростью и новым мифическим ощущением является тот момент, когда миф о Бальдуре и Зигфриде оказывается аналогичным сущности немецкого солдата 1914 года, и заново зазеленевший мир Эдды, после гибели древних богов, означает для нас также возрождение Германии из сегодняшнего хаоса.

Самый мудрый человек тот, чье личное самовоплощение лежит на одной линии с жизненным изображением великой германской крови. Величайшим героем нашего времени будет тот, кто в результате мощного мифического преобразования души

миллионов отравленных и введенных в заблуждение подчинит этому древне-новому желанию типичного и тем самым заложит основы тому, чего еще никогда не было, но что окрыляло стремление всех наших искателей: немецкому народу и истинной народной культуре. И все это является существенно новым и составляет миф нашего столетия, умея внезапно, жертвуя жизнью, проникнуть в самую небольшую хижину крестьянина, в самое скромное жилище рабочего и даже в аудитории наших высших школ. Так ясно, как здесь, это не было высказано еще нигде. Пришла пора это сделать и нужно суметь извлечь из этого все необходимые выводы.

3

Только то, что плодотворно, является истинным. — Ценность гипотезы. — Ложь как болезнь германцев, как жизненный элемент евреев. — Единство мифа, сказки, сказания и философии.

Но выводы порой имеют веский характер. Потому что, если изречение Гёте: "что плодотворно, то единственно истинно" - определяет сущность всего органичного, то появляется новый, совершенно не свойственный сегодняшней жизни, критерий оценки. Тогда при познании внутренней истины окажется, что в высшей степени правдивым может быть и впадение в заблуждение, в иллюзии и даже в грех, если такое впадение в соответствии с рассудком, взглядами и волей делает заблуждающегося плодотворным и повышает его творческую силу. Здесь большая ценность основывается, например, на тех естественнонаучных гипотезах, которые в дальнейшем в материальном отношении оказались неверными: они почти всегда побуждали пытливый ум к новым размышлениям, к открытию новых фактов, короче, они улучшали жизнь. Заблуждения в зрительном восприятии привели нас к открытию лучепреломления и т.д. И здесь органичная истина также снова протягивает руки мистике мастера Эккехарта, потому что если он отводил греху и раскаянию всего лишь третьестепенное значение и искал факта возвышения над ними, то это говорит о том, что и он измерял события мерой органичной истины. Непонятливый мог бы из этого заключить, что тем самым и лжи предоставляется свобода действия. Ни в коем случае! Ложь связана с недостатком ощущения чести и мужества, и если каждый человек принимает на себя сколько-то лжи, то ни один германец не считает, что это "хорошо" для него, потому что она противоречит сокровенной ценности характера, которая одна делает нас плодотворными. Ложь, таким образом, является не только волевым, но одновременно и органичным грехом. Она злейший враг нордической расы. Кто безудержно предается ей, тот внутренне погибает и уходит внешне из германского окружения. Он поневоле будет искать общения с бесхарактерными полукровками и евреями. Здесь проявляется интересная контригра, которую можно наблюдать во всех других сферах. Если органичная с точки зрения воли ложь означает смерть нордического человека, то для еврейства она означает жизненный элемент. Парадокс в том, что постоянная ложь представляет собой "органичную" истину еврейской противоположной расы. Тот факт, что истинное содержание понятия чести им чуждо, влечет за собой по законам религии часто даже приказной обман, что изложено в Талмуде и в Шульхан-Арухе (Schulchan-Aruch) прямо-таки монументальным способом. "Великими мастерами лжи" назвал их жестокий правдоискатель Шопенгауэр. "Нация торговцев и обманщиков", подчеркнул Кант. Поскольку это так, еврей не может прийти к власти в государстве, которое является носителем обостренного понятия чести. Точно по той же причине немец не сможет по-настоящему жить внутри демократической системы, быть в ней плодотворным тружеником. Потому что эта система построена на массовом обмане и эксплуатации в большом и малом. Или он преодолевает ее, переболев ядовитой

болезнью, в идейном и материальном отношении, или безнадежно погибает в грехе против своей органичной истины.

Жизнь может быть - как было обозначено - изображена по-разному. Сначала это происходит мифологически-мистическим способом. Тут выступают четкие законы мира и заповеди души как индивидуальности, которые обладают вечной ценностью толкования, пока жива раса, которая их создала. Поэтому жизнь и смерть Зигфрида - это вечное бытие, поэтому воплощенное в "Сумерках богов" стремление к искуплению как признанному неизбежному последствию нарушения договора - т.е. как к искуплению после преступления против органичной внутренней правды - это вечное движение германского сознания ответственности. Аналогичное содержание истины обнаруживают и немецкие сказки, которые существуют вне времени и только ждут чистые пробудившиеся души, чтобы расцвести заново. Они в любое время могут перелиться в новую форму нашего толкования мира: в абстрактную. Она означает не развитие в плане прогресса, а только постоянно ищет эпохальные формы воздействия имеющегося уже мифического содержания, выраженного соответствующим времени образом. Мировоззрение, следовательно, будет "правдивым" только тогда, когда сказка, сказание, мистика, искусство и философия смогут взаимно переключаться и выражать одно и то же разным способом, имея предпосылкой внутренние ценности одного типа.

Сюда необходимо приобщить религиозный культ и политическую общественность, как миф, созданный самими людьми. Воплотить это в реальность является целью расового культурного идеала нашего времени. Когда-то высоко поднятое распятие повлияло на внезапную переориентацию тысяч людей, смотрящих на этот символ. Сознательно и подсознательно соединились все ассоциативные факторы - Иисус Христос, Нагорная проповедь, Голгофа, воскресение верующих - и часто сплывали миллионы для дел во имя господства этого эталона. И сегодняшнее время упадка имеет свой символ - красное знамя. При виде его и здесь появляется множество ассоциаций у миллионов: мировое братство неимущих, пролетарское государство будущего и т.д. Каждый, кто поднимает красное знамя, оказывается вождем в этой империи. Старые антисимволы пали. Достали и черно-бело-красное знамя, которое развивалось в тысячах битв. Врага немецкой нации знали, что они этим делают. Но что они действительно смогли сделать, то это отнять у почетного знамени 1914 года его внутренний миф. Но уже поднят новый символ, который борется со всеми другими - свастика. Если этот знак развернуть, он будет эталоном старо-нового мифа; кто его видит, думает о чести народа, о жизненном пространстве, о чистоте расы и жизнеобновляющем плодородии. Все еще витают в воздухе воспоминания о том времени, когда свастика в качестве знака благополучия вела нордических переселенцев и воинов в Италию, Грецию, когда она нерешительно появлялась в освободительных войнах, пока не стала после 1918 года эталоном для нового поколения, которое, наконец, захотело стать "единым с самим собой".

Символом органичной германской истины сегодня бесспорно является черная свастика.

4

Лейбниц как провозвестник органичной правды. — Хердер — "гуманист" и германский знаток души; внутренняя ценность народности. — Ницше, Ранке. — Утверждение и признание. — Центр блаженства.

Как четко прослеживаемое течение, наряду с поиском "абсолютной истины", проявляет себя совершенно иная точка зрения на понятия "я" и "ты", на понятия "я" и "мир", "я" и "вечность". Лейбниц предстает в новом времени как предчувствующий и

уже четко осознающий ее проповедник. Вопреки механической атомистике Хоббе, который утверждал, что в результате соединения кусков (которые не являются частями формы) возникает общество, некое целое; вопреки абсолютистской теории о наличии абстрактных "вечных" законов формы и схем, Лейбниц провозглашает, что это объединение отдельного и общего происходит в отдельной личности, формируется живым и неповторимым образом. У математического схематизма логически понимаемого неизменного бытия было отвоено признание становления таинственно формирующегося бытия. Ценность этого становления заключается как раз в сознании возможного совершенствования в результате самовоплощения. Необходимое решение поставленной школьной задачи бытия при помощи атомистики, механизма, индивидуализма и универсализма отрицается и преобразуется в стремящееся вперед приближение к самим себе. Но это обосновывает новую нравственность: душа не получает новых абстрактных правил извне, она также не движется к внешней поставленной цели, она ни в коем случае не "выходит из себя", она "идет к самой себе".

Этим уже обозначено совершенно другое понимание "истины": для нас истина это не логическое "правильно" и "неправильно". Истина требует логичного ответа на вопрос: плодотворно или бесплодно, автономно или несвободно?

И именно Хердер, который искал абсолют на одном пути - "гуманистическом", именно он еще глубже проник в великую идею Лейбница и стал учителем, особенно для нашего времени, как немногие даже среди великих. У Лейбница душа и вселенная противостояли друг другу как совершенно разделенные сущности. "Не имеющая окна" монада могла связаться с другой только предположив, что и здесь происходит автономный очистительный процесс самовоплощения, т.е., что монада "отражается". Хердер ставит между обеими общее национальное сознание, как наполняющее жизнь событие. За жизнью признается -независимо от всех законов рассудка - собственная ценность. Подобно тому, как полнокровно и своеобразно существует человек и народ, они воплощают также собственную ценность, т.е. проявление нравственной природы, которая не погибает в потоке так называемого "прогресса", а утверждается - и по праву - как форма. Это растущее (органичное) явление обусловлено внутренними ценностями, но и характеризуется также барьерами - если можно употребить это слово - его можно принять или отвергнуть как целое. Давление со стороны абстрактного может уничтожить форму, а вместе с ней продуктивную способность. Хердер сознательно высмеивает так называемых "продвинутых", которые сущность человеческой формы собираются измерить своими просвещенными "детскими весами" и произносит слова, которые в наше время звучат как радостная весть: "Каждая нация имеет свой центр счастливого блаженства в себе так же, как каждый шар -свой центр тяжести". За этот таинственный центр боролись поколения; романтики называли уже совершенно отвлеченно народный дух самым существенным в нашей жизни; Шляйермахер учил, что "каждый человек должен представлять человечество своим способом, чтобы в рамках бесконечности стало реальным все, что может выйти из его лона"; Ницше со всей присущей ему страстностью, возмущаясь узким схематизмом, требовал в дальнейшем подъема жизни и искал истинное в отдельной личности: только то, что создает жизнь, имеет добродетель, имеет ценность, и жизнь говорит: "Не следуй мне, следуй себе". Ранке¹³⁰ заявляет в деловом представлении, что если в Европе еще раз (после Рима) к власти будет стремиться интернациональный принцип, то против этого мощно прорвется органично национальное, и заверяет в другом месте¹³¹ почти парадоксальным образом: "Каждая эпоха является непосредственно богом, и ее

---

¹³⁰ "История нац".

¹³¹ Об эпохах новой истории. 1-й доклад

сущность основывается вовсе не на том, что из нее выходит, а в самом ее существовании, в ее собственном "сама". Это другой - "более правдивый" - поток органичного поиска истины, отличный от схоластическо-логическо-механической борьбы за "абсолютное познание". Полнейшее саморазвитие из "центра счастливого блаженства", а это на языке этой книги означает: из усвоенного мифа нордической расовой души служить в любви к чести народа.

Подобна ли душа Богу и бессмертна ли она? На этот вопрос правдоискатель, который основывается только на логике, взвесит "за" или "против" все возможные доводы рассудка, затем он либо сознает свое бессилие, либо докажет утвердительный или отрицательный ответ; органичный же правдоискатель будет утверждать "да" или "нет" и признавать свою причастность к ним. Вера в неповторимость личности, монады, в ее богоподобие и неистребимость является отличительным признаком христианских и нехристианских нордических германских мыслителей. Эта вера - даже в разных проявлениях исторических эпох - сделала ее плодотворной, но также дала великих художников, героев и государственных деятелей. И эта плодотворность является свидетельством истины, которая нам более ценна, чем умозаключение по аналогии о пути органичной целеустремленности. И в нравственно-метафизической области возникает, таким образом, нечто, что мы признали в области искусства. Полученную соответствующую истинную форму и ее содержание в данном обзоре совершенно невозможно отделить друг от друга. С отказом от соответствующей нам формы в пользу так называемой вечной, абсолютной истины мы не только не приближаемся к этой "истине", но даже отталкиваем от себя возможность такого приближения. Но здесь также оказывается, что искусство снова сможет стать у нас живым только в том случае, если наше существование станет настоящей жизнью. Наши ученые философы усматривают "абсолютную истину" в "объединении конечного с бесконечным", поэтому "народную истину" следует проверить на то, представляет ли она в этом смысле приближение к "истине". При этом забывается, что у нас вообще отсутствует всякий критерий для подобной оценки, потому что, чтобы здесь действительно иметь возможность оценки, каждый из нас должен полностью владеть условной "вечной истиной". Здесь необходимо, таким образом, переориентировать свое мышление на совсем другой центр, отличный от логически-рассудочного вычисления вероятности, а именно на тот "центр счастливого блаженства", о котором говорил Хердер, видевший, что мы можем стать едиными с самими собой, чего страстно желал мастер Эккехарт. Необходимо отречься от господствующего положения схоластическо-гуманистского классического схематизма в пользу органичного расово-народного мировоззрения. Причем критику познания, естественно, презирать не следует.

Но из понимания того, что чистый, соответствующий рассудку конечный результат формалистического типа не является жизнеопределяющим, а может представлять собой только средство прояснения, вытекает также новое отношение к вере арийцев. Одни хотят реанимировать эту веру, прекратившую существование, другие отвергают это дело, указывая на его убожество, или заявляют, что вера настолько мало нам известна, что все, созданное на ее основе, более невозможно. Обе стороны неправы, потому что сам вопрос поставлен неправильно: речь идет не о признании форм веры, а о признании ценностей души и характера. Обусловленные временем внешние формы с их особым ощущением жизни ушли в небытие, расовая душа справилась со старыми вопросами при помощи новых форм, но ее формирующие волевые силы и ценности души остались в их направлении и сущности теми же. Но по ним одним можно судить о сущности и истории нордического человека, после того, как блаженный центр пережил свое возрождение. Поэтому "благородная душа", внутренняя свобода и честь остаются и определяют все остальное, пока родственная кровь течет в миллионах граждан нордической Европы. Поэтому "вечная истина" - это всесторонняя правдивость.

Здесь мы подошли к завершению. Лейбницева монада противостоит другой, такой же богатой личности, "не имея окна". Хердер и его последователи уже искали посредничества народа. Сегодня мы добавляем: то, что их сближало, что побуждало их к аналогичному развитию внутренней формы, была общность духовного слияния крови, которая создала всеобъединяющий поток, представляющий собой часть всей жизни. Эта кровь, обуславливающая родство личности, могла создавать и культивировать новые разновидности, но тем не менее, по отношению к личности совсем другой крови монада по-прежнему "не имеет окна", а одиночество станет беспомощностью; нет моста истинного понимания между ней и китайцем, не говоря уже о сущности сирийского или африканского полукровки. Следовательно, не монада и "человечество" влияют друг на друга, а личность и раса.

Но в результате этого познания в свете полного сознания выступает другая болезнь наших дней: это относительность вселенной. Индивидуализм признается "относительным" как и бесконечный универсализм. Оба вновь стремятся к логически понимаемой сумме своих поисков и разбиваются об это. Здесь в свои права вступает органичное мировоззрение народа, которое с давних пор пробилло себе дорогу, когда механический индивидуализм старался заковать мир в свои цепи. Систематики философии инстинктивно прошли мимо этих свидетельств нордического бытия, потому что сущность этого волевого натиска не представляет собой логической системы, а означает только движение души. Сегодня это истинно органичное мировоззрение в рамках рушащейся атомистичной эпохи требует больше, чем раньше: своего права, своего права хозяина. От центра чести как высшей ценности нордического западноевропейского мира оно должно с окрыленным блаженством ощутить свой центр и бесстрашно заново формировать жизнь.

5

Неосхоластика универсальной школы. — Человечество, культурный круг, народность. — Таинственное "содержание составной части". — Душа расы, народность, личность, культурный круг. Против тирании схем рассудка.

Индивидуалистическое учение, согласно которому отдельное существо существовало для себя, а "человечество" образовалось в результате объединения отдельных особей, сегодня полностью исключено из серьезного рассмотрения. Примечательно и высказанное в первой книге утверждение, подтверждающее, что универсализм - это брат-близнец индивидуализма, и это проявляется в том, что универсализм страдает той же болезнью, что и его мнимый противник. Оба интеллектуалистичны, т.е. отдалены от природы. Универсалистическая школа (О. Шпанн) успешно опровергла материалистический ограниченный индивидуализм - и впадает в аналогичные заблуждения, которыми он был порожден. Чисто абстрактно была сооружена последовательность духовного, схематично была начата новая структура системы мира, чтобы на основе древних представлений Платона о том, что род предшествует виду, разработать "духовную градацию исторического человеческого общества": человечество - культурная сфера - круг народов - народность - племя - территориальная сфера - представитель народа. Причем категорически подчеркивается, что человечество предшествует культурной сфере, которая предшествует кругу народов и т.д. Эту, даже сегодня несколько подозрительную последовательность стадий и ценностей, пытаются сдобрить, заявляя, что из духовного первенства еще не следует равнозначность составных частей. Это особенно ярко проявляется в народности, в то время как культурная сфера и человечество выглядят беднее и менее понятными. Уже здесь проявляется огромный разрыв в универсалистской теории, которая держится за

чисто интеллектуалистическую классификацию и целиком занимается новой схоластикой, стремясь, однако, одновременно при помощи дружеских комплиментов присоединить к себе в качестве второстепенного элемента созревающую теорию о жизненных законах. И это несмотря на то, что со всей желательной четкостью констатируется: "Наднациональная Церковь предшествует народной Церкви" и после доказательства того, что религия предшествует государству: "Отсюда следует, что государство как высший институт стоит над специальным институтом "Церкви"; но что оно также находит свой *origo* в религии, как сама Церковь, а именно: в созданной и сформированной Церковью религии, потому что другой нет"¹³². Тем самым универсалистическая школа раскрывает тот факт, что она носит свое имя, не из чисто профессионально философских, а из теократических соображений. Но благодаря этому раскрывается также то, что следует понимать под термином "составная часть": в конечном же итоге излияние содержания, которое заключается в "человечестве" или в "сформированной религии", потому что откуда должна происходить эта "составная часть", если народность - это третьестепенная величина, не имеющая органических предков?

Если Освальд Шпенглер хотел конструировать историю личностей как удивительные, спустившиеся с абстрактного неба "культурные сферы", как первые данности, то Отмар Шпанн как современный поборник схоластического средневековья разбавил ее водой с мнимым превосходством организующего "сверху" мыслителя.

Мы устанавливаем следующую структуру, соответствующую законам жизни: 1. расовая душа; 2. народность; 3. личность; 4. культурная сфера. Причем мы предполагаем не последовательность, направленную сверху вниз, а наполненный новой энергией цикл. Расовую душу нельзя пощупать руками, и тем не менее, она воплощена в связанной кровью народности, увенчана и сплочена как эталон для сравнения в великих личностях, создающих творческим действием культурную сферу, которую в свою очередь несут раса и расовая душа. Эта целостность представляет собой не только "дух", а дух и волю, то есть жизненную совокупность. Это органично объясняет "составные части" народности их первопричинами, связанными с кровью и душой, а не лишенными сущности культурными сферами и бескровными комбинациями человечества, из которых не видно причины возникновения признаваемой за ними богатой народной культуры.

При таком понимании органичная философия нашего времени уходит от тирании чисто рассудочных схем, от того изготовления духовных оболочек, в которые снова надеются заключить душу рас и народов с неосознанным или сознательным намерением отдать ее в качестве средства в руки какой-нибудь "последней целостности". Когда Шпанн, вопреки древнегреческой мудрости, утверждает, что Бог - это мерило всех вещей, а религия эта находится только в (католической) Церкви, потому что "другой нет", то это представление оказывается утверждением того, что священник является мерилем всех вещей. В противоположность этому новое мировоззрение нашего времени заявляет: "Связанная с расой народная душа является мерой для наших идей, действий и волевого стремления, последним критерием наших ценностей. Вместе с этим раз и навсегда падают как материалистический безрасовый индивидуализм, так и чуждый природе универсализм во всех его разновидностях в качестве римской теократии или масонской человечности, но также и вся "общая" эстетика последних двух столетий. Убрана куча совершенно бескровного интеллектуалистического мусора, чисто схематичных систем, которые надевали на нас в прошлом, подобно испанскому сапогу, и должны были надеть еще раз в настоящем.

---

¹³² О. Шпанн. "Общественная философия". Мюнхен, 1928 г. С. 103, 107, 109 и т.д.

Произошло единственное, но все решающее преобразование нашей позиции, и несущественным представляется то, о чем ожесточенно спорили целые поколения, и новый сверкающий, великолепный, полный жизни центр нашего бытия вступил в свою упоительную деятельность.

6

Борьба 1914 года. — Пробудившийся миф крови. — Расовая мировая революция. — Идея "Германия". — Знамя. — Воплощение будущего.

Этому новому и в то же время старому мифу крови, многочисленные фальсификации которого мы испытали, угрожали в тылу отдельной нации, когда темные сатанинские силы всюду вступили в действие за побеждающими армиями 1914 года, когда вновь началось время, где Фенрир разорвал свои цепи, Гела с запахом тления пронеслась над миром, и мидгардский змей взволновал мировой океан; но все миллионы и миллионы людей смогли быть готовы к жертвенной смерти только под одним лозунгом. Этот лозунг гласил: "Честь народа и его свобода". Мировой пожар заканчивался, безмянные жертвы были востребованы и принесены всеми, но тогда оказалось, что в тылу армий демонические силы победили силы божественные. Безудержнее, чем когда либо они раскованно бушевали в мире, вызывали новое волнение, новые пожары, новые разрушения. Но в то же время в склоненных душах родственников погибших воинов тот миф крови, за который герои умирали, воспринимался и ощущался заново и более углубленно. Этот внутренний голос требует сегодня, чтобы миф крови и миф души, расы и понятия "я", народа и личности, крови и чести, один, совершенно один и бескомпромиссно проходил через всю жизнь, нёс ее и определял. Он требует для немецкого народа, чтобы смерть двух миллиона героев была не напрасной, он требует мировой революции и не терпит больше другой высшей ценности рядом с собой. Вокруг центра народной и расовой чести должны сплотиться личности, вокруг того таинственного центра, который издавна оплодотворял ритм германского бытия и становления, когда Германия обращалась к нему. Это то благородство, та свобода мистической души, сознающей честь, невиданно широким потоком принесшей себя в жертву, перейдя границы Германии и не требуя никакого "заместительства". Отдельная душа умирает за свободу и честь своего собственного возвышения, за свою народность. Эта жертва одна может определять ритм будущей жизни немецкого народа, культивировать новый тип немца. При строгом сознательном отборе теми, кто его изучил и жил им.

Этот старо-новый миф приводит в движение и обогащает уже миллионы человеческих душ. Сегодня тысячами языками он говорит, что мы не "кончились в 1800 году", а с возросшим сознанием и взволнованной волей впервые хотим стать самими собой как целый народ: "единый с самим собой", чего добивался мастер Эккехарт. Миф для сотен тысяч душ является не чем-то, что отмечают в качестве курьеза с ученым зазнайством в каталогах, а новым пробуждением, образующим ячейки духовного центра. "Я х о ч у" Фауста после того, как он прошел всю науку, представляет собой веру нового времени, которое стремится к новому будущему, а эта воля является нашей судьбой. Но эта воля различает не только сущность старых и новых культур, чтобы потом отстраниться, а отвергает с сознанием чувства собственного достоинства высшие ценности наслаиваемых на нас культурных сфер, как оказывающих парализующее действие. То, что наши исследователи останавливаются на истории формирования, не будучи способными к самостоятельному формированию, показывает, что их воля к формированию сломлена. Но ничто не дает им права выдавать свою непродуктивность за общую судьбу. Новый миф и новая типобразующая сила, которые борются у нас за выражение, вообще не могут быть "опровергнуты". Они пробьют себе путь и заявят о

факте своего существования и величия.

Сегодняшний миф точно так же героичен, как образы поколений, живших 2000 лет тому назад. Два миллиона немцев, которые во всем мире умирали за идею "Германия", вдруг обнаружили, что могут отбросить весь XIX век, что в сердце простого крестьянина и скромного рабочего старая сила, создающая миф нордической расовой души, жива так же, как она была жива в германцах, когда они переходили через Альпы. В повседневности слишком часто не замечаешь, какая необыкновенная духовная сила оживает в человеке, когда в разорванном знамени полка он усматривает самого себя, во всех делах полка в течение многих столетий видит частицу себя и дела своих предков. Матрос, который стоя на киле "Нюрнберга", на глазах врага погружался в воду с развивающимся немецким боевым флагом в руке, безмянный офицер с "Магдебурга", который спрятал на себе тайный шифр и с ним утонул, - это эталоны, мифы, типы, не признанные в сегодняшнем хаосе. Правильно ли мы оцениваем готику, барокко, романтику в конечном итоге не имеет значения. Важна не эта форма выражения нордической крови, а то, что эта кровь вообще существует, что старая воля крови еще жива. Немецкая народная армия в обмундировании защитного цвета была доказательством готовности принесения жертвы, ради создания мифа.. Но сегодняшнее движение обновления является знаком того, что бесчисленное множество людей начинает понимать, что два миллиона погибших героев - это мученики нового жизненного мифа, новой веры.

Место роскошной униформы заняла почетная одежда защитного серого цвета, прочная стальная каска. Ужасные распятия времен барокко и рококо, которые на всех углах улиц демонстрируют растерзанные члены, вытесняются постепенно строгими памятниками воинам. На них высечены имена тех людей, которые умерли за высшие ценности своего народа как признаки вечного мифа крови и воли, за честь немецкого имени.

Это сила, которая с 1914 по 1918 годы приносила жертвы, хочет теперь формировать. Она борется против всех сил, которые не хотят признавать ее первой и высшей ценностью. Она существует и не позволит больше изгнать себя. Она уже указывает пути, на которые будут вынуждены ступить даже ее сегодняшние заблуждающиеся германские противники.

Бога, которого мы почитаем, не было бы, если бы не было нашей души и нашей крови, - так звучало бы признание мастера Эккехарта для нашего времени. Поэтому делом нашей религии, нашего права, нашего государства является то, что защищает, укрепляет, облагораживает, осуществляет честь и свободу этой души и этой крови. Поэтому святыми местами являются все те, на которых немецкие герои умирали за эти идеи. Святыми являются те места, где надгробия и памятники напоминают о них. А святые дни - это те, в которые они когда-то боролись за нашу честь и свободу.

Святой час для немца наступит тогда, когда символ пробуждения и знамя со знаком возникающей жизни станет единственной господствующей верой в империю.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Книга первая	
Борьба ценностей	
Часть первая	
Раса и ее душа	
Глава 1. Новая мировая история. — Человечество и раса.....	19
— Культурные памятники старины. — Легенды древнего мира. — Переход жителей атлантики через Северную Африку. — Североатлантические следы в Египте; амориты. — Арийско-индийская волна. — Ритуальное разложение; насильственное обновление религии. — Учение Атмана — Брамана. — Индийский монизм и распад Индии. — Ахурамазда и Ангромайну. — Персидский дуализм.	
Глава 2. Северная Эллада. — Религиозная гомеровская.....	29
эпоха. — Аполлон в качестве греческого иносказания. Классическое и романтическое толкование Греции. Якоб Буркхард и Иоганн Якоб Бахофен.	
— Материнское право и отцовское право в качестве расовых доказательств. — Пеласгическая ближневосточная хтоническая религия. — Борьба принципа света у Гомера и Эсхила. — Дионис как свидетельство смешения рас. — Учреждение брака и гетеры. — Пеласгический Пифагор и родовой коллективизм. — Две плоскости развития Эллады. — Вымирающий гоплит. — Последние познания Сократа и Платона.	
Глава 3. Древнее северное республиканское римское госу-.....	44
дарство. — Аристократические кланы; Карфаген, Иерусалим. Патриции и плебеи. Принятое императорство. — Ублюдок Каракалла. — Новая оценка римской истории. — Новая оценка римской истории и учение "культурного круга".	
— Враждебное Риму этрусское государство. —	
Гетеры и власть духовенства в Этрурии. — Магический жертвенный культ, разоблачение солнечного мифа. — Открытия Грюнведела. — Этрусский Харуспекс, "великая мать", демонизм	
— ведьмоomanия и дантов ад как поражение этрусков. — Рационализм и колдовство. Христианство и Павел. — Германская Северная Италия.	
Глава 4. Германцы как создатели государства в Западной.....	62
Европе. — Чемберленова идея строительства? (H. St. Chamberlainsche Baugedanken). — Национальная идея и народный хаос. — Нордическая и другие расы в Европе. — Римский универсализм и собственная европейская законность. — Ересь как показатель характера. — Франция сегодня и в прошлом. — Альбигойцы и вальденсы; свобода учений! Преследование вальденсов в XIV, XV и XVI веках. — Гугеноты как носители германской воли. — Мученики и воины; Колиньи, Монморанси, Конде. — Изменение характера французов. — Татаризованная Россия. — Линия судьбы Франции.	
Глава 5. Германское великодушие. — Современная демо-.....	79
кратия. — Симпатии в Германии к современным французам. — Обстоятельства времени и неизменные ценности. — Таборитство как контрпротестантизм. — Чешское засорение расы: Хассенштайн, Паллаки, гугеноты, поляки, чехи.	

— Окруженная хаосом Германия. — Бывшее нордическое формирование России. — Господство монгольской крови. — Различные представители народностей нордической расы.

Глава 6. Критика и оценка сведений. — Высшая оценка.....87

как признак культуры. — Жизнь расы как образование мистического синтеза. — Не познание а признание. — Три борющихся системы. — Внешняя борьба или внутреннее обновление? — Наука без предпосылок и наука с предпосылками. — Наука в качестве создания крови. — Внутренняя законность и одержимость; учение иезуитов. — Современная кабалистическая финансовая наука, еврейское колдовство.

Глава 7. Ощущения, разум, опыт, разумные идеи. — По-.....94

лярность всех явлений. — Динамическая сущность и статическая оценка. — Еврейский культ материи; Яхве. — Рим и раздвоенная сущность протестантизма. — Создание персидской религии и христианство. — Методическое разделение двух миров, исторический факт нордической сути. — Понимание "действительности" в Индии и Германии. — Колдовство Ближнего Востока в христианстве; никейство.

Глава 8. Кривая солнечного мифа и нордической философии.....101

фии. — Рационализм и неовитализм. — Сознание и вегетативное бытие. — Жизненно важное первобытное состояние — современная функция. — Солнечный миф и законы природы. — Культурный пессимизм, "мировая безопасность" и проблематика природы. — Глубочайший закон настоящей культуры. — Способствующая возникновению культуры пропасть между вегетативным и осознанным; Палагий (Palagyni). — Германская близость к природе и метод познания. — Улучшение породы на службе ценностей, связанных с кровью.

Часть вторая

Любовь и честь.

Глава 1. Образование народа при помощи господствующего идеала.....109

щего идеала. — Понятие чести в Индии. Греческий идеал. — Александр Великий и персы. — Честь в качестве центральной идеи на севере Западной Европы. — Викинг. — Фихте о культуре убеждений. — Разложение ценностей за счет идей гуманности. — Народная мудрость о высших ценностях.

Глава 2. Проникновение идеи любви в германский мир. — .... 117 Аристократия веры. — Вызов германского великодушия. — Управление Церкви без идеи о любви. — Стадо и пастырь. — Прежние компромиссы с Римом. — Отстранение христиан в римской системе. — Миф о заместительстве Бога. — Мужской союз священников. — Современные римские программы; Адам. — Обожествление священников. — Причастие как волшебный материализм. — Преобразование древнегерманских божеств и фальсификация древнегерманских обычаев; святой Мартин, святой Освальд, большой кубок. — девять миллионов мертвых еретиков на пути любви. — Мировая Церковь и мировое государство.

Глава 3. Благотворительность. — Церковное сострадание.....126

ние. — Закон принудительной веры с отпущением грехов и его торговая подоплека. — Церковное заступничество как акт. — Папа как тип шамана. — Перенесение ответственности; неконтролируемая загробная жизнь. — Иезуитство: последствие римской системы. — Игнациус и бесчестное повиновение трупам; 26 марта 1553 года. — Иезуитство и пруссачество как несовместимые типы. — Тщетное возмущение Деллингера, Шульта, Штрассмайера. — Ватиканский собор. — Сущность Рима. — Великое дело Лютера: спасение от ламаизма.

Глава 4. Кайзер и папа, воплощение двух ценностей. 137

"Божьей милостью". — Древнегерманское рыцарство, Эдда, Беовульф, Хелианд. — Петр и Хаген. Рыцарское сословие. — Стремление Рима к покорению рыцарства;

Григорий VII.

Глава 5. Папа в качестве апостола. — Папский хаос в.....140

IX, X и XI веках; Стефан VI, Георгий III, Бонифаций VII, Бенедикт XI, Григорий VI. — Германские кайзеры как спасители папства и защитники образования и цивилизации. — Отто I и германская национальная Церковь; Отто III. — Ключиавенны как вспомогательное средство Церкви. — "Долговечность" Рима; Конфуций, Лао-Цзи.

Глава 6. Освобождение бюргерства в XVI веке. — Ганза.....146

— Бранденбург-Пруссия как система воспитания. — Фридрицианский офицер. — Массонская гуманность как противостоящая Риму Церковь.

— Гуманность, демократия, освободительные войны, империя Бисмарка. — Рабочее движение как нравственный протест. — Международный коммунизм. — Маркс как капиталист. — Жертва в марксистской системе в той же роли, что и любовь в римской. — От сословной чести к чести национальной.

Глава 7. Третья форма любви. — Русское стремление к.....152

страданиям. — Русский безличностный атеизм.

— Психологизм как болезнь души. — Образы Достоевского. — Чаадаевский пессимизм. — Евангелие от русского "человечества". — Эрос (чувственная любовь), церковная любовь и отчаяние по Достоевскому. — Распад как освобождение русского человека.

Глава 8. Самоотречение Церкви от власти. — Гибель.....158

древнего национализма. — Гибель марксизма. — Современное возрождение.

Часть третья

Мистика и действие

Глава 1. Мистика как тончайшее ответвление понятия.....160

чести. — Свобода и беззаботность души даже по отношению к богу. — Грех протестантства. — Германские религиозные общины; умерший Водан (Один). — Мистика как германское возрождение. — Медленное созревание религиозной идеи; Иисус, Конфуций, Эккехарт.

Глава 2. "Внутренняя ценность" Эккехарта. — "Несо- 163

творенный свет души". — "Аристократия души". — "Дальше неба". — Идеальное от времени и пространства. — Смерть — не "греховного золота". — "Я" как моя собственная причина. — Ничтожность хороших ценностей.

— Отказ от "представительства (замещения) Бога". — Человек - хозяин всех своих ценностей.

— "Все конечное только средство". — Эккехарт - динамик. — "Человек должен быть свободным".

Глава 3. Новая архитектура души. — "Аристократи-.....171

ческая душа" выше любви, смирения, сострадания, милости. — Уединение выше чем любовь. — "Быть единым с самим собой". — "Свободен от чужих идей". — Новое толкование и отклонение церковных вероучений. — Отклонение греха и раскаяния.

Глава 4. Эккехарт как предтеча Канта. — Воля, "ко-.....176

торая может все". — "Бог не принуждает волю" — "У кого больше воли, у того больше любви." — Иронизирование по поводу церковного вероучения. — Разум, память. — Беспричинная религия. — Ритм понятия "Покой в боге" и движение души как мудрость Эккехарта. — "Честь победы".

Глава 5. Римская "критика познания". — Три типа миро-.....180

воззрения: имманентность, трансцендентность, трансцендентальность. — Римско-еврейский создатель и его творение. — Аналогия ентис (Analogia entis). — Арийская мысль о богоподобности души. — Освоение Римом учения Платона о бытии и становлении. — "Смятение перед Богом". Существование и статус кво.

Глава 6. Революционная деятельность Эккехарта. — Бег-.....185

гарды и "Брат Эккехарт". — Травля инквизиции. — Смерть Эккехарта. — Фальсификация его "опровержения". — "Дерзость" языка страны. — Эккехарт как создатель немецкого языка. — "Самой аристократической является кровь".

Глава 7. Эккехарт и Гёте. — Сознание и действие. —.....190

Признание Бетховена. — Люциферова победа над миром.

Глава 8. Лао Цзы. — Иудаизм и действие. — Действие.....194

как сравнение. — Индийское бегство от действия. — История как развитие души. — Чрезмерность.

Книга вторая

Сущность германского государства.

Часть первая

Расовый идеал красоты

Глава 1. "Общая" эстетика. — Обусловленные расой 203

оценки. — Греческий герой как человек нордического типа. — Силен как расово чуждая фигура. — Ублюдок (отпрыск) эллинизма. — Нордический идеал красоты Гомера. — Сократ как негр. — Уничтожение прекрасного добрым.

Глава 2. Человек согласно классической эстетике. —.... .211 Древнегреческая и западноевропейская классификация нордического символа красоты. — Человек нордического типа в западноевропейском изобразительном искусстве. — XIX век без символа красоты. — Импрессионистская, "классическая" и экспрессионистская импотенция. — Критерий эстетического удовлетворения и границы его действия.

Глава 3. Содержание как проблема формы. —Стати-.....222

ческие состояния и динамическое развитие. — Признание Шиллера. — "Песня Нибелунгов" как символ нордической западноевропейской души. — Елена как повод к действию. — Форма искусства Гомера. —Зигфрид, Кримхильда, Рюдигер.

Глава 4. Эстетическая воля. — Признания Вагнера и.....231

Бальзака. — Борьба гуманистической эстетической ценности с нордической западноевропейской.

Часть вторая

Воля и порыв

Глава 1. Исходная точка Шопенгауэра. Объект-субъект 236

— неразрешимые сопоставления. — Ошибки догматического материализма и догматического идеализма. — Мир как представление. — Прорыв критического мировоззрения. — Воля и акт движения. — Воля как природный принцип. — Повторное введение отвергнутого понятия причинности. — Снятие "воли" разумом. — Ничто.

Глава 2. Двусторонность шопенгауэрского понятия воли.....242

— Целесообразная слепая воля. — Воля, порыв и сила влечения: не количественные, а качественные различия. — Разделенная надвое сущность желания человека. — Отрицание порыва через волю.

Глава 3. Шопенгауэр: человек и учение. — Признание.....247

Шопенгауэром нордической личности.

Глава 4. *Пять областей формирующей воли*..... 250

Часть третья

Стиль личности и целесообразности

Глава 1. Искусство пространства и времени. — Двой- .... 252 ственность художественного творчества. — Стремление к совершенной гармонической красоте и вакхическое. — Наивное и сентиментальное. — Идеалистическое и реалистическое. — Типичное и индивидуальное. — Методы и законы сущности.

Глава 2. Греческая и готическая архитектура. — Дре-.....257
внегреческий храм как пластика и наружная архитектура. — Функции пространства. — Направление души в готике. — Готический интерьер как преодоление пространства. — Связь готического кафедрального собора с окружающей средой.

Глава 3. Религиозная подоплека искусства. — Бездушный.....264
иудаизм. — Субъективизм ислама. — Арабеска.

Глава 4. Индивидуальное. — Рубенс, Бернини, Хальс. —.....270
Сущность барокко. — Эклектический XIX век.
— Чувство стиля нашего времени; грядущая архитектура.

Глава 5. Личность как западноевропейское признание. —.....282
Индивидуализм и универсализм. — Чувство бесконечности и личность. — Тристан и Ганс Сакс. — Индийское переселение душ и Христос.
— Самовоплощение. — Вера в бессмертие и учение о карме. — Учение о предназначении и понятие судьбы; Шпенглер.

Часть четвертая

Эстетическая воля

Глава 1. Бесконечность, душевное напряжение. — Уле-.....295

тучивание души и внутренняя активность. — Искусство как общее выражение формирующей воли. Мифология. — "Потерянный сын" как волевое творение. — Произведения Достоевского; ошибочное толкование Волькельта. — Не "эстетическая свобода", а внутренний стимул. — Князь Мышкин и Томас Будденброк.

Глава 2. Отталкивающие характеры как эстетические.....300

объекты. — Хилок и Рюдигер. — Проблема принятых ценностей. Распятие Матиаса Грюневальда.

Глава 3. Классическая эстетика" — Сексуализм и.....302

психология искусства; Мюллер-Фрайенфельс и Гроос. — Эстетика проникновения (интуиции); Липпс. — Теория музыки Шопенгауэра как отрицание его системы. — "Эстетическое созерцание" как пробуждение формирующей воли.

Глава 4. Кант и возвышенное. — "Гармония и силы ха-.....306

рактера" как тезис Канта. — Не реакция как причина переживания, а собственное творение.

— Признания Берлиоза, Ницше, Бетховена. — Музыкальная драма Вагнера. — Одно искусство.

— Три искусства — Музыка-драма и моторный запуск; Эгмонт и Брунгильда. — Произведение Вагнера как выражение самого существенного в нордическом характере западноевропейского искусства.

Глава 5. Интимное и душевное. — Келлер, Мерике, Раа-.....317

бе. — Покой Греции и западноевропейская "тишина". — "Блэк хауз". — "Глубина". — "Юрг Енач". — Герман Ленс; "Оборотень". — Кнут Гамсун. — Стремление; "Парацельс" Э. Кольбенхейера.

Глава 6. Искусство как завоевание мира. — Перенесение.....322

центра тяжести с религиозной на эстетическую волю. — "Рабочие поэты" и их предательство социального движения. — Герхарт Хауптман. Международное объединение (интернационал) метисов. — Тип красоты фронтовика. — Новое чувство жизни. — Грядущий поэт мировой войны.

Книга третья
Грядущая империя

Часть первая

Миф и тип

Глава 1. Мечтатели как люди действия. — Мечта Ика-.....331

ра; Виланд. — Мечта о рае. — Мечта евреев о мировом господстве. — Мечта Поля де Лагарда.

Глава 2. Еврейский миф. — Фарисей и активное отрица-.....335

ние мира. — Паразитизм враждебной расы. — Тип от Иосифа до Ротенау. — Сионизм. — Горизонтальный жизненный слой. — Ортодоксальная теория "нации".

Глава 3. Римские средства воспитания. — Противоре-.....340

чивые учения одного и того же ордена. — Пий IX о Бисмарке и разрушении Германии. — "Германия". — "Федерализм" Константина Франца. — "Мстящая справедливость" за "отделение". — "Церковная банда святее народной". — "Величайшая ересь". — Задача нашего времени.

Часть вторая

Государство и поколения

Глава 1. Мужская и женская полярность. — Родовой.....351

коллективизм как средство отрицания закона полюсов. — Символы распада. — "Неспособность женщины". — Исторический обзор

Глава 2. Государство, возникшее не из семьи. — Воин-.....354

ственное целевое объединение как ячейка, послужившая основой зарождения государства. — Египет и его тип. — Мандарин. — Древнеиндийские мужские сообщества кшатриев и браманов. — Эллада; юношеский возраст. Римский патер фамилиас. — Римское объединение священников. — Германское рыцарство. — Тип германского солдата. — Другие мужские сообщества.

Глава 3. Французская революция и женская эмансипация.....360

— Социальная обстановка в 19-ом веке. — Союз за право голоса для женщин. — Политическая эмансипация женщин как явление упадка. — Против "милитаризма". — Недостаток типо-образующей силы у женщины.

Глава 4. Женщина и наука. — "Наука" эмансипирован-.....363

ных. — Власть женщины и "женское государство". — Права женщины при Людовике XVI. — Америка. — "Двойная мораль" мужского государства.

Глава 5. Индивидуалистическая мысль. — Отрицание.....367

идеи долга. — Свобода полов. — Крупные города как первая ступень на пути к "женскому государству". — Вина мужчины.

Глава 6. Конструктивный мужчина и лирическая жен- ... .371

щина. — Богиня Фрейя. — Задача женщины: единство и сохранение расы. — Эмансипация женщины от женской эмансипации. Не нивелирование, а органичное разграничение.

Глава 7. Грядущая империя: создание мужского объеди-.....375

нения. — Нетерпимая мысль нового мифа. — Гёте, Иисус, Игнациус, Бисмарк и Мольтке. — Воля и воспитание типа. — Грядущие формы. — Новый миф.

Часть третья

Народ и государство

Глава 1. Кайзерство, королевство и государственная.....381

мысль. — Рим и центр. — Государство как пустая форма. — Чиновник. — Переворот 1918 года. — Государство как средство самосохранения. — Монархические и марксистские легитимисты.

- Глава 2.** Авторитет и тип. — Анархия свободы. — Сво-.....385
 бода возможна только в типе. — Личность идентична типу. — Фридрих Ницше.
- Глава 3.** Свобода и экономический индивидуализм. —.....388
 Пахотная земля и честь.
- Глава 4.** Социальный и социалистический. — Национализм.....390
 и социализм. — Династизм и демократия. — Социализм господ, свободный с древности. — Народ и раса выше государственных форм. — "Народ братьев". — Преступление старых политических партий. — Несовершенный государственный аппарат. — Германский орден. — Количественные выборы при демократии. — Отмена права тайных выборов. — Безумие большинства при парламентаризме. — Отмена права свободного передвижения как важнейшая предпосылка к спасению. — Легкость передвижения как возможность уничтожения мирового города. — Кайзерство, республика, королевство.
- Часть четвертая
 Нордическое германское право
- Глава 1.** Фальсификация германской правовой идеи. — ... 410 Самооборона и защита чести. — "Право" на предательство страны. — Снисходительная социальная политика либерализма. — Защита интересов спекулянтов. — Безнаказанное оскорбление германского народа. — Новый закон.
- Глава 2.** Древнегерманские понятия чести как правовая.....413
 мысль. — Саксонское зеркало. — Проникновение римского права. — Крестьянские войны как обоснованное возмущение; Лютер. — Рыцарское сословие как "профессиональный союз". — Корпус юрис каноники. — Право лангобардов, саксонское право, любекское право.
- Глава 3.** Право и политика. — Право и несправедливость.....416
 как расовая проблема. — Формалистическая юстиция. — Бесчестная экономика без правовой идеи. — Защита расы как высший правовой принцип. — Сущность наказания за бесчестный проступок.
- Глава 4.** Сущность труда и собственности. — Схемати-.....423
 ческое и родственное мышление. — Собственность как завершенная работа. — Забастовка и увольнение (локаут). — Границы и вечная ценность понятия собственности. — Марксистская фальсификация этой идеи.
- Глава 5.** Власть денег. — Экономика как "судьба". — 430
 Изгнание и объявление вне закона. — Создание новой аристократии. — Внебрачный ребенок. — Новый миф как предпосылка к новому экономическому праву. Правовая идея и материальная природная законность. — Гибель и возрождение.
- Часть пятая
 Германская народная церковь и школа
- Глава 1.** Тезисы принудительной веры как еврейская тра-.....437
 диция. — Народ, государство, Церковь. — Преодоление ветхого завета. — Пятое евангелие. — Сущность Христа. — Евангелие от Марка. — Ложь во спасение.
- Глава 2.** Любовь на службе у национального учения. —.....443
 Подстрекающая народ клятва священника. — Внешняя форма германской народной церкви. — Старокатолическое движение; Бисмарк. — Протестанство под угрозой. — Германские религиозные сообщества. — Германская мечта от Одина до Лютера. — От мифа о народности форма германской Церкви.
- Глава 3** Изменение церковных обрядов. — Распятие и.....449
 геройство. — Старое изображение Христа. — Памятники воинам как места паломничества в будущем. — Герои мировой войны как мученики новой веры. — Мастер Эккехарт и германский солдат под стальным шлемом.
- Глава 4.** Преобразование идеи любви. — Создание ари-.....453

стократии духа. — Сущность подлинной верности. — Религия Иисуса; Хердер.

Глава 5. Воспитание характера. — Различные типы.....456
школ. — Свободное исследование и свобода учений. — История как оценка; признания иезуитов. — Деградация либералистической "разведки".

Глава 6. Антагонистическая оценка гения. — Кант и.....460
Гете в свете иезуитской "науки". — Преследование национального чувства вплоть до настоящего времени. — Родной язык и иезуитский порядок обучения. — Бескомпромиссное решение!

Часть шестая
Новая государственная система

Глава 1. Внутренняя и внешняя политика. — Путь на.....465
Восток; Генрих Лев. — Польша и Чехия. — Расовый упадок во Франции. — 100 миллионный народ. — Цветная армия военного времени. — Современный альпийский тип; Лапуге. — Пан-Европа как Франко-Иудея. — "Значение" истории. — Германский центр Европы. —Схематизм во внешней политике как опасность для органического мышления.

Глава 2» Восточная Италия - центр мировой полити-.....471
ки. — Мобилизация цветных рас Антантой. — Восстания в английских и голландских колониях. — Рука Москвы в Азии. — Кантон. — Конфуцианская жизненная статистика.

Глава 3. Вмешательство Европы в Китай в XIX веке. —.....476
Изоляция Японии. — Опиумная война. — Англия и иудаизм. — Демократическая китайская революция; Сунь Ят Сен.

Глава 4. Британец — не мелкий лавочник; германец. —.....482
Древняя и новая Индия. — Ганди, Тагор, Васвани. — Индийский национализм, рефлекс Европы. — Британец как связующий элемент индийского населения. — Мусульманское движение борьбы. — Суэц, Гибралтар.

Глава 5. Пробуждение черных. — Эфиопия; Маркус Гар-.....487
вей. Южная Африка. — США как нордический вызов. — Решение вопроса о желтых, черных и евреях. — Не распространение, а концентрация. Задача Филиппин.

Глава 6. Китай китайцам. — Нордическая государствен-___491
ная система, органичное разделение рас.

Часть седьмая
Единство сущности

Глава 1. Монолит прошлого, настоящего и будущего. —.....495
Один как преходящая фигура и вечное сравнение. — Его возрождение в Альтифасе, Эккехарте, Бахе. — Сила для смерти. — Франки в Галлии. — Древняя Германия.

Глава 2. "Абсолютная истина ", античность и германское.....498
мышление. — Народная "полуправда". —Видимость, ложь, заблуждение, грех. — "Знание" расы.

Глава 3. Только то, что плодотворно, является истин-.....501
ным. — Ценность гипотезы. — Ложь как болезнь германцев, как жизненный элемент евреев. — Единство мифа, сказки, сказания и философии.

Глава 4. Лейбниц как провозвестник органичной правды.....503
—Хердер — "гуманист" и германский знаток души; внутренняя ценность народности. — Ницше, Ранке. — Утверждение и признание. — Центр блаженства.

Глава 5. Неосхоластика универсальной школы. —Челове-.....507
чество, культурный круг, народность. —Таинственное "содержание составной части". — Душа расы, народность, личность, культурный круг. Против тирании схем рассудка.

Глава 6. Борьба 1914 года. — Пробудившийся миф крови.....**510**
— Расовая мировая революция. — Идея "Германия". — Знамя. — Воплощение
будущего.

Альфред Розенберг

Миф XX века

Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени

Сдано в набор 10.02.98 г. Сдано в печать 15.04.98 г.

Формат 60x84/16. Объем 30,75 п. л.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Заказ № 0376/98. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в ГПО "ГИНТАРС", г. Каунас.